100 ВЕЛИКИХ АРИСТОКРАТОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Аристократы – представители родовой знати, имеющие, как правило, высшие титулы и заслуги не одного поколения. В странах Европы, в России, в меньшей степени в Азии и Америке они оставили свой яркий след в памяти человечества. Военачальники и дипломаты, фавориты и политические авантюристы, нередко – реформаторы и борцы за свободу, деятели науки и культуры, меценаты, – так или иначе аристократы внесли свой вклад в историю. По их жизни порой судили о целых странах и эпохах. Книга из серии «100 великих», написанная известным историком Юрием Лубченковым, рассказывает о сотне наиболее выдающихся аристократов всех времен и народов от героев античности до графа Льва Толстого, князя Кропоткина, барона Врангеля, Уинстона Черчилля и Шарля де Голля.

- Юрий Николаевич Лубченков
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - КИМОН
  - ПЕРИКЛ
  - ФУКИДИД
  - АЛКИВИАД
  - КСЕНОФОНТ
  - ЭПАМИНОНД
  - ГАННИБАЛ БАРКА
  - ПУБЛИЙ КОРНЕЛИЙ СЦИПИОН АФРИКАНСКИЙ СТАРШИЙ
  - ЛУЦИЙ КОРНЕЛИЙ СУЛЛА
  - ЛУЦИЙ ЛИЦИНИЙ ЛУКУЛЛ
  - МАРК ЛИЦИНИЙ КРАСС
  - ГНЕЙ ПОМПЕЙ (ВЕЛИКИЙ)
  - ГАЙ ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ
  - ТИБЕРИЙ ДРУЗ НЕРОН ГЕРМАНИК
  - ФЛАВИЙ АЭЦИЙ
  - БАТЫЙ (БАТУ-ХАН)
  - ГЕНРИХ (ЭНРИКЕ) МОРЕПЛАВАТЕЛЬ
  - АЛЕКСАНДР VI, В МИРУ РОДРИГО БОРДЖИА
  - ПЬЕР ТЕРАЙЛЬ ДЕ БАЯРД
  - ЛУКРЕЦИЯ БОРДЖИА
  - ДИАНА ДЕ ПУАТЬЕ
  - ФЕРНАНДО АЛЬВАРЕС ДЕ ТОЛЕДО, ГЕРЦОГ АЛЬБА
  - МИХАИЛ ИВАНОВИЧ ВОРОТЫНСКИЙ

- ГАСПАР КОЛИНЬИ ДЕ ШАТИЙОН
- АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ КУРБСКИЙ
- ВИЛЬГЕЛЬМ I ОРАНСКИЙ («МОЛЧАЛИВЫЙ»)
- ХУАН АВСТРИЙСКИЙ (ДОН ХУАН АВСТРИЙСКИЙ)
- ГЕНРИХ I ГИЗ
- ФИЛАРЕТ
- ГАБРИЭЛЬ Д'ЭСТРЕ
- АРМАН ЖАН ДЮ ПЛЕССИ, ГЕРЦОГ ДЕ РИШЕЛЬЕ
- МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ СКОПИН-ШУЙСКИЙ
- МАРИНА МНИШЕК
- ОЛИВЕР КРОМВЕЛЬ
- АНРИ ДЕ ЛА ТУР Д'ОВЕРНЬ, ВИКОНТ ДЕ ТЮРЕНН
- ДАРА ШУКОХ (ШУКУХ)
- РОБЕРТ БОЙЛЬ
- ФРАНСУАЗА АТЕНАИС ДЕ МОНТЕСПАН
- ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОЛИЦЫН
- ЛУИЗА-ФРАНСУАЗА ДЕ ЛАВАЛЬЕР
- ДЖОН ЧЕРЧИЛЛЬ
- БОРИС ПЕТРОВИЧ ШЕРЕМЕТЕВ
- ФЕДОР МАТВЕЕВИЧ АПРАКСИН
- ЕВГЕНИЙ САВОЙСКИЙ
- ВАСИЛИЙ ЛУКИЧ ДОЛГОРУКОВ
- МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ГОЛИЦЫН
- ФЕРЕНЦ II РАКОЦИ
- ШАРЛЬ ЛУИ ДЕ СЕКОНДА, БАРОН ДЕ МОНТЕСКЬЕ
- АЛЕКСАНДР ЛЬВОВИЧ НАРЫШКИН
- МОРИЦ САКСОНСКИЙ (ЭРМАНН-МОРИЦ ДЕ САКС)
- ПЕТР СЕМЕНОВИЧ САЛТЫКОВ
- АНТИОХ ДМИТРИЕВИЧ КАНТЕМИР
- ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ ДОЛГОРУКОВ-КРЫМСКИЙ
- ПЕТР АЛЕКСАНДРОВИЧ РУМЯНЦЕВ-ЗАДУНАЙСКИЙ
- АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ПРОЗОРОВСКИЙ
- ТУПАК АМАРУ II (ХОСЕ ГАБРИЭЛЬ КОНДОРКАНКИ НОГЕРА)
- ГЕБХАРД ЛЕБЕРЕХТ ФОН БЛЮХЕР
- МИХАИЛ ИЛЛАРИОНОВИЧ ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ
- АНДЖЕЙ ТАДЕУШ БОНАВЕНТУРА КОСТЮШКО
- ОНОРЕ ГАБРИЕЛЬ РИКЕТИ ДЕ МИРАБО
- ШАРЛЬ МОРИС ДЕ ТАЛЕЙРАН-ПЕРИГОР
- МАРИ ЖОЗЕФ ПОЛЬ ИВ РОК ЖИЛЬБЕР МОТЬЕ, МАРКИЗ ДЕ ЛАФАЙЕТ
- МИХАИЛ БОГДАНОВИЧ БАРКЛАЙ-ДЕ-ТОЛЛИ
- ПЕТР ИВАНОВИЧ БАГРАТИОН
- МИХАЛ КЛЕОФАС (МИХАИЛ АНДРЕЕВИЧ)

ОГИНЬСКИЙ (ОГИНСКИЙ)
- ПЕТР ХРИСТИАНОВИЧ ВИТГЕНШТЕЙН
- АРТУР УЭЛСЛИ ВЕЛЛИНГТОН
- ИВАН ЛЕОНТЬЕВИЧ ШАХОВСКОЙ
- ПЕТР МИХАЙЛОВИЧ ВОЛКОНСКИЙ
- ЕВГЕНИЙ БОГАРНЕ
- МИХАИЛ СЕМЕНОВИЧ ВОРОНЦОВ
- АЛЕКСАНДР ХРИСТОФОРОВИЧ БЕНКЕНДОРФ
- СИМОН ХОСЕ АНТОНИО БОЛИВАР-И-ПОНТЕ
- ДЖОРДЖ НОЭЛ ГОРДОН БАЙРОН
- СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ ТРУБЕЦКОЙ
- ЗИНАИДА АЛЕКСАНДРОВНА ВОЛКОНСКАЯ
- ФЕРДИНАНД ПЕТРОВИЧ ВРАНГЕЛЬ
- АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ГОРЧАКОВ
- ГЕЛЬМУТ КАРЛ БЕРНГАРД ФОН МОЛЬТКЕ
- МИХАИЛ АНДРЕЕВИЧ ОБОЛЕНСКИЙ
- ОТТО ЭДУАРД ЛЕОПОЛЬД ФОН БИСМАРК-ШЁНХАУЗЕН
- АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ БАРЯТИНСКИЙ
- ПЕТР АНДРЕЕВИЧ ШУВАЛОВ
- ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ
- ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ КРОПОТКИН
- КАРЛ ВИЛЬГЕЛЬМ ПАУЛЬ ФОН БЮЛОВ
- ПАУЛЬ ФОН ГИНДЕНБУРГ
- АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ БРУСИЛОВ
- НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ МЛАДШИЙ
- КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ
- КАРЛ ГУСТАВ ЭМИЛЬ ФОН МАННЕРГЕЙМ
- ЮЗЕФ ПИЛСУДСКИЙ
- УИНСТОН ЛЕОНАРД СПЕНСЕР ЧЕРЧИЛЛЬ
- АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ КОЛЧАК
- ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ ВРАНГЕЛЬ
- ДУГЛАС МАКАРТУР
- ПАУЛЬ ЭВАЛЬД ЛЮДВИГ ФОН КЛЕЙСТ
- ФРАНЦ ЮЛИУС ГАЛЬДЕР
- ВАЛЬТЕР ФОН ЗЕЙДЛИТЦ-КУРЦБАХ
- ШАРЛЬ ДЕ ГОЛЛЬ

Юрий Николаевич Лубченков
100 великих аристократов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Во всех справочниках понятие «аристократия» толкуется как «родовая знать». Но, как с печальным смирением написал Доминик Ливен, автор одного из лучших исследований по этому вопросу, «что такое «аристократия» известно всем, но вот вы решили написать об аристократии книгу, и сразу перед вами встает вопрос, как определить это понятие». Действительно, трактовок множество, еще более – разночтений.

Поскольку излишняя углубленность в кодификацию разночтений вряд ли вообще позволила бы появиться на свет этой книге, автор взял на себя смелость свести воедино несколько наиболее почтенных точек зрения.

Итогом этого симбиоза стала выработка критерия, легшего в основу этой книги: аристократы – представители родовой знати, в подавляющем большинстве своем имеющие высшие титулы (там, где развита система титулования). Хотя могут быть и нетитулованные исключения – старый дворянский род с заслугами нескольких поколений (такой, например, к которому принадлежал М.И. Голенищев-Кутузов). Аристократом не может быть самый знатный и титулованный человек, если он, по принятому сейчас определению, «сделал себя сам», если его род – пусть даже самый знатный – начинается с него самого. То есть не парвеню, не фавориты судьбы, как, например, Потемкин и Орловы, не взлетевшие наверх фаворитки, как гражданская жена Людовика XIV Ментенон или последняя утеха следующего Луи – Дюбарри.

Аристократом может стать как минимум второе поколение – уже выросшее с пониманием принадлежности к этому статусу (пример – Румянцев-Задунайский)

Есть и ограничения: множество аристократов, люди талантливые и с амбициями, достигали верховной власти и становились владыками – сюзеренами, основывая новые династии. Их нельзя в полной мере считать аристократами, это уже главы царствующих домов. Исключение – ненаследственные диктаторы, такие как Ю. Цезарь или С. Боливар.

Теперь о принципах отбора конкретных персоналий книги. Тут ограничение шло по двум критериям. С одной стороны, недостаток христианско-европеидного образования отсекает от обыденной образованности множество эпох, народов и их вождей. Поэтому на слуху весьма ограниченно-упорядоченный круг имен. С другой стороны, Китай, исповедывая конфуцианство, не знал аристократизма во всю свою историю. В основе структурирования

правящего класса стояла чиновничья выслуга и экзамен на чин. Господствовавшая долгие столетия в Индии кастовая система делала бессмысленной идею аристократии. С приходом же Великих Моголов стал доминировать другой принцип, характерный для всего мусульманского Востока предыдущих столетий. Здесь общество было в большей степени авторитарно, все внимание концентрировалось на главе царствующего дома, так что в исторические анналы практически никто из аристократов Востока не попал.

Привычные нам и лежащие в основе нашей нынешней цивилизации Греция и Рим знали – по мнению современных исследователей – понятие «аристократия», ассоциируя его со знатностью и древностью рода, идущего, как правило, от богов или древних властителей. Отсюда – первые герои книги, биографии которых уже много веков назад стали объектом всеобщего изучения.

Северная Америка, Африка, Австралия до недавнего времени аристократию в сформулированном выше понимании знали чересчур выборочно. В Южной Америке было мало старой родовой – в основном испанского происхождения – титулованной знати. Отсюда и небольшое количество ее представителей в истории. И здесь круг замкнулся – и остается Европа.

Северная и Южная Европа дали не очень много лиц, нашедших свое признание у музы истории Клио. Остаются многовековые доминанты европейской истории – Франция, Англия, Германия, Россия. Причем Англия, с середины XVIII века разрабатывавшая и применявшая понятие «джентльмен» и в отличие от иных держав с большим пиететом относившаяся к своей высшей знати – пэрам, не особенно охотно рисковала жизнью знатных представителей своего общества (так как все же большинство аристократов стали известны прежде всего как военные деятели, затем как государственные, в гораздо меньшей степени – как люди науки и искусства). Она предпочитала давать титулы отличившимся простолюдинам. Знать занималась своими поместьями и своей страной. По большому счету история подтвердила правоту данного подхода, поскольку британская монархия, в отличие от французской, российской и германской, существует и ныне.

Три последние названные страны, имеющие весьма бурные истории, достаточно часто востребовали от всех слоев общества запредельных усилий – отсюда и примат наиболее ярких представителей высшего слоя каждой из трех держав в этой книге.

КИМОН
(ок. 510—449 до н э.)
Афинский полководец и политический деятель.

Кимон происходил из аристократического рода по линии обоих родителей. Его отец, Мильтиад, принадлежал к роду Филаидов. После смерти брата Стесагера Мильтиад унаследовал все его состояние и власть в Херсонесе. Здесь, став тираном, он был вынужден подчиниться персидскому царю Дарию и в составе персидского флота участвовал со своими кораблями в походе против скифов. Мильтиад не желал покоряться персам, и когда представилась возможность их уничтожить, он предложил разрушить мост через Истр (Дунай), чтобы обречь персов на гибель. Но его предложение не встретило поддержки, и о замыслах Мильтиада стало известно Дарию. Чтобы избежать расправы, Мильтиад бежал из Херсонеса.

В 500 году до н э. он поддержал восстание ионийских греков против персидского владычества и завоевал остров Лемнос, который передал Афинам. Восстание вскоре было подавлено, и Мильтиаду вновь пришлось бежать от персов в Афины. Там он был предан суду за суровое обращение с афинянами в Херсонесе, но затем оправдан. А когда стотысячная армия персов вторглась в Аттику (490 год до н э.), Мильтиад был избран одним из девяти стратегов для ведения войны против Дария. Он стал фактическим руководителем афинского войска и нанес персам сокрушительное поражение при Марафоне. В следующем году он выступил против островов, примкнувших к персам, но этот поход был для него неудачным. После месячной осады острова Парос он был вынужден вернуться в Афины без славы и с пустыми кораблями. Политические противники Мильтиада обвинили его в злоупотреблении общественным доверием, что, по законам Солона, наказывалось смертью. На суд Мильтиад был доставлен на кровати, так как полученные им раны не позволяли ему ходить. Говорить он также не мог, за него объяснялись друзья. Прежние заслуги Мильтиада были оставлены без внимания, и по решению суда он должен был выплатить штраф в 50 талантов – затраты на неудачный поход. Заплатить такую большую сумму он не мог и поэтому был заключен в долговой дом, где и скончался.

Матерью Кимона была дочь фракийского царя Олора – Гегесипила. По этой линии Кимон состоял в родстве с греческим

историком Фукидидом.

В юности Кимон не отличался безупречным поведением и в родном городе, по словам Плутарха, «пользовался дурной славой». Невыплаченный Мильтиадом штраф лежал позором на его сыне. Бедность не давала возможности Кимону найти для своей сестры Эльпиники подходящую ее происхождению партию, но вскоре один из афинских богатеев, Каллий, предложил себя в качестве мужа для Эльпиники и за это обязался уплатить штраф. Кимон дал свое согласие – долг с семьи был снят.

Военный опыт Кимон приобрел еще при жизни отца, когда участвовал с ним в походах. Простым воином он сражался в битве при Саламине в 480 году до н э., и его решительность и мужество были отмечены. А через два года Кимон уже командовал афинской эскадрой в составе общегреческого флота.

В 478 году до н э. Кимон помог афинскому полководцу Аристиду добиться гегемонии над государствами, недавно освободившимися от персидского владычества. Кимон активно боролся за создание Афинского морского союза и каждый год избирался стратегом. Ему удалось раскрыть заговор спартанского полководца Павсания, ведущего переговоры с персами, и изгнать его из Византия. Кимон боролся и с пиратами, ликвидировав их базу на острове Скирос. Захватив Скирос, Кимон доставил в Афины останки легендарного героя Тесея – царя Афин, убитого и похороненного, согласно легенде, на этом острове.

В 470 году до н э. Кимон стал во главе афинского флота и продолжил борьбу с персами. Перейдя с флотом из 300 кораблей в Малую Азию, Кимон вынудил провинции Карию и Ликию отложиться от персов. В сражении у Кипра Кимон наголову разбил персидский флот и, перейдя в Памфилию, высадился в устье реки Евримедона, где нанес жестокое поражение персидским войскам. Затем он изгнал персов из Фракии, покорил несколько островов и перенес военные действия в Египет. Вначале Кимону сопутствовал успех, однако потом царь Артаксеркс, собрав большой флот, запер Кимона на реке Нил у Мемфиса и, отведя воду, посадил греческие корабли на мель. Тогда Кимон сжег корабли и, готовый к отчаянной защите, вынудил персов согласиться на мир.

После окончания греко-персидских войн Кимон ратовал за политику сближения со Спартой для большего возвышения Афин. Но такая политика была прямо противоположной той, которую проводил Перикл и его сторонники. Еще в 465—463 годах до н э. Кимон захватил остров Фасос, который славился своим богатством. Фасос решил выйти из Афинского союза, но Кимон разгромил островной флот и жестоко расправился с жителями

острова. И вот теперь Перикл решил использовать этот случай, чтобы подорвать доверие к Кимону. Вожди демократической партии обвинили Кимона в том, что он не двинул войска против царя Македонии, который оказывал поддержку Фасосу, что сделало победу неполной. Слава Кимона в то время была еще очень велика и ему удалось оправдаться, хотя позиции его все-таки слегка пошатнулись.

В 462 году до н э. Спарта попросила у Афин помощи для борьбы против мятежных илотов. На помощь Спарте был отправлен отряд в 400 человек во главе с Кимоном. С приходом отряда в Спарту положение не изменилось, что дало повод спартанцам подозревать афинян в предательстве, и афинскому отряду было велено удалиться обратно. В Афинах это было расценено как оскорбление, и популярности Кимона, ратовавшего за дружбу со Спартой, пришел конец.

В 460 году до н э. Кимон был подвергнут остракизму и изгнан из Афин на десять лет.

Начавшаяся война между Афинами и Спартой привела Кимона в ряды афинских войск. Он просил разрешить ему принять участие в решающей битве, но получил отказ. Афины проиграли сражение, многие близкие друзья Кимона пали в бою. И тогда общественное мнение снова повернулось в пользу Кимона. Сам Перикл предложил вернуть его из ссылки до истечения ее срока.

Вернувшись, Кимон стал добиваться заключения мира со Спартой, а когда мир был заключен, он получил под свое командование новый большой флот.

Встав во главе флота, Кимон продолжил боевые действия против персов. Он вновь разбил персидский флот у Кипра и персидскую армию в Киликии и осадил главную твердыню Кипра – Саламин. Он вынудил Артаксеркса пойти на заключение чрезвычайно выгодного для греков мира. По его условиям персы обязывались освободить все греческие города в Малой Азии, ни один военный корабль персов не должен был показываться на пространстве между Понтом Эвксинским и Памфилией, а войска персов не должны были приближаться к этим берегам на расстояние трехдневного перехода.

Смерть Кимона была неожиданной. Скончался он во время осады финикийского города Кития в 449 году до н э., так и не дождавшись ратификации договора. Кимон опасался, что враги воспользуются его смертью, чтобы вновь напасть на афинян. Поэтому, умирая, он приказал скрыть свою кончину до возвращения в Афины. Плутарх написал об этом так: «Флот вернулся в Афины под предводительством Кимона, умершего

тридцать дней назад».

ПЕРИКЛ
(ок. 490—429 до н э.)
Политический деятель Древней Греции, стратег Афин.

Перикл происходил из аристократического рода Алкмеонидов, ведущего свою родословную от легендарного Алкмеона. Представители этого рода издавна принадлежали к правящей элите Афин. Так, например, Клисфен, время жизни которого падает на период острой политической борьбы между аристократией и демосом, в 509—507 годах до н э. провел ряд реформ, направленных на разрушение в государстве старинных аристократических установлений, связанных с традиционной родовой организацией общества. Реформы Клисфена значительно усилили позиции афинского демоса и во время греко-персидских войн определили демократический характер афинского войска, принесшего ему победы в войне. Введение остракизма, сыгравшего впоследствии большую роль в борьбе демоса с неугодными политиками, также связывают с именем Клисфена. Плутарх писал о нем как о человеке, который «изгнал Писистратидов, мужественно низвергнул тиранию, дал афинянам законы и установил государственный строй, смешав в нем разные элементы вполне целесообразно для согласия и благополучия граждан».

К более ранним представителям этого рода принадлежал архонт Мегакл, во времена которого род Алкмеонидов опорочил себя причастностью к так называемой килоновой скверне – убийству находившихся под священной защитой богини Афины участников заговора Килона в 632 году до н э. За это злодеяние на род было наложено проклятие, и Алкмеониды были изгнаны из Афин. При Солоне им разрешили вернуться, но во время правления тирана Писистрата и его сыновей Алкмеониды снова были изгнаны. Вернулись они в Афины только после изгнания тирана Гиппия в 510 году до н э.

Представители этого рода принимали активное участие в восстановлении храма Аполлона в Дельфах.

Отец Перикла Ксантипп был из филы Акамантиды, из дема Холарга. Он отличился во время греко-персидских войн, особенно в битве с персами при мысе Микале у берегов Малой Азии, где командовал афинским флотом. Он был женат на племяннице законодателя Клисфена Агаристе из рода Алкмеонидов. Как с

отцовской, так и с материнской стороны Перикл принадлежал к родам, занимавшим высокое положение в афинской аристократии. Древние историки отмечают, что Перикл был красив и великолепно сложен, только голова у него была странной удлиненной формы. На дошедших до нашего времени его скульптурных портретах он везде изображен в шлеме. Очевидно, что, как пишет Плутарх, «скульпторы не хотели изображать его в позорном виде», маскируя шлемом «продолговатую и несоразмерно большую голову».

Перикл получил прекрасное образование. Кроме обязательного для любого афинянина изучения музыки и стихосложения, он обучался ораторскому искусству у знаменитого философа Зенона. Естественные науки Перикл изучал под руководством философа Анаксагора и благодаря учителю был избавлен от всяческих суеверий и не верил предсказаниям.

Знатное происхождение, богатство, большие связи и прекрасное образование – все это предвещало Периклу успешную политическую карьеру. Он решил начать свою карьеру воином, а только потом вступить на политическую арену. Перикл принял участие в нескольких военных походах, в которых отличился мужеством и отвагой.

Но обстоятельства сложились так, что против своей воли Периклу пришлось рано оказаться вовлеченным в политику. Несмотря на знатность своего происхождения, он примкнул к партии демоса, которой остался верен всю последующую жизнь. Перикл перестал встречаться со своими родственниками-аристократами и прекратил дружбу со знатными приятелями. Он стал выступать на народных собраниях, и речи его были красочными и образными, а прекрасное образование и хороший учитель – Зенон – позволили ему развить имеющиеся ораторские способности.

Близким другом Перикла стал вождь демократов Эфиальт – человек безжалостный к тем, кто совершал преступления против народа. Аристократы ненавидели Эфиальта и подослали к нему наемного убийцу. Со смертью Эфиальта руководство демократической партией перешло к Периклу.

В это время на первом плане стояла борьба с внешними врагами, требовавшая огромного напряжения сил. В Египте Афинам пришлось воевать с персами, а на территории самого Пелопоннеса – с Коринфом, Эпидавром, Эгиной, а затем со Спартой. В 457 году до н э. Перикл участвовал в битве при Танагре, в которой афиняне были побеждены спартанцами. После этой неудачи в Афинах стали раздаваться голоса в пользу

возвращения Кимона, опытного полководца, изгнанного не без помощи Перикла. И Перикл сам пошел навстречу народному желанию и внес предложение о возвращении своего соперника из изгнания раньше срока. Вернувшийся Кимон вскоре начал войну с Персией за остров Кипр и во время похода скончался от болезни. Его смерть сильно ослабила партию аристократов.

Вопреки заключенному в 451—450 годах до н э. перемирию, спартанцы вторглись в Среднюю Грецию, чтобы помочь дельфийцам в войне против фокеян. Перикл возглавил войско, пришедшее на помощь Фокее, и после изгнания спартанцев сразу же вернул ей Дельфийское святилище.

В 445 году до н э. между Афинами и Пелопоннесским союзом был заключен Тридцатилетний мир. Его еще называют Перикловым миром и по нему афиняне отказались от всего, что принадлежало им в Пелопоннесе, и возвратились к тому положению, которое занимали до войны.

С прекращением военных действий Перикл направил все силы на решение внутренних проблем. Он начал борьбу за равные права бедных граждан. Перикл предложил оплачивать им каждый день, потраченный на общественные дела, например, участие в судопроизводстве в качестве присяжных. Такой порядок позволял любому гражданину, вне зависимости от его материального положения, пользоваться всеми политическими правами. Кроме того, чтобы дать людям заработок, по его инициативе ежегодно стали снаряжать 60 триер и набирать для них экипажи из свободных граждан, которые получили плату за работу на кораблях. На землях государств-членов Афинского союза были созданы поселения – клерухии, где каждый афинянин мог получить небольшой участок земли для обработки. На этих же землях были организованы гарнизоны, что позволило решить сразу две задачи – облегчить положение простого народа и создать военные поселения за пределами Аттики. Клерухии были наблюдательными постами, опорой и охраной афинского могущества и, кроме того, имели важное торговое значение.

В годы правления Перикла отмечается наибольший расцвет и слава Афин. В городе шло большое строительство, и, как писал Плутарх, «весь город находился как бы на жаловании, сам себя украшая и в то же время содержа». Афинский Акрополь был украшен великолепными произведениями архитектуры и скульптуры. Для укрепления Афин были возведены так называемые Длинные стены и достроена третья стена между двумя существующими, чтобы сделать город неприступным. При Перикле был построен Одеон – круглое здание для музыкальных представлений. Самыми значительными работами руководил

друг Перикла скульптор Фидий.

Строительство и огромные денежные затраты на него вызывали наибольшие нападки на Перикла со стороны его политических противников. Они обвиняли его в растрате денег союзной казны на украшение города золотом и дорогими материалами. Ответ Перикла своим врагам, приводимый Плутархом в биографии Перикла, показывает зрелость его как политического деятеля и мудрого правителя, стоящего во главе сильного государства: «Афиняне не обязаны отдавать союзникам отчет в деньгах, потому что они ведут войну в защиту их и сдерживают варваров, тогда как союзники не поставляют ничего – ни коня, ни корабля, ни гоплита, а только платят деньги; а деньги принадлежат не тому, кто их дает, а тому, кто получает, если он доставляет то, за что получает. Но, если государство снабжено в достаточной мере предметами, нужными для войны, необходимо тратить его богатство на такие работы, которые после окончания их доставят государству вечную славу, а во время исполнения будут служить тотчас же источником благосостояния благодаря тому, что явится всевозможная работа и разные потребности, которые побуждают всякие ремесла, дают занятие всем рукам, доставляют заработок чуть не всему государству, так что оно на свой счет себя и украшает, и кормит».

При Перикле Афины стали и самым крупным торговым городом, которому принадлежало посредничество между восточной и западной частями Средиземного моря. Город стал главным складом греческого мира, куда свозились разнообразные товары.

Главную силу Афин Перикл видел во флоте, на который он обращал особое внимание. При нем афинский флот состоял из трехсот триер. Перикл ввел в практику морские маневры, происходившие ежегодно в течение восьми месяцев. Сухопутное войско состояло при Перикле из 29 тысяч гоплитов, тысячи всадников, 200 конных и 1600 пеших стрелков.

Внешняя политика Перикла была направлена на расширение сферы влияния Афин и на упрочение и охранение существующего положения. На западе были заключены договоры с Эгестой (еще около середины V века до н э.), а затем, накануне Пелопоннесской войны, – с Регием и Леонтинами. Перикл сделал попытку созвать в Афинах национальный конгресс из представителей греческих городов, но эта попытка не удалась из-за противодействия Спарты. Но тем не менее зависимость союзников от Афин усилилась, а союзная казна с острова Делоса была перенесена в Афины. Общая сумма фороса (дани) перед Пелопоннесской войной равнялась шестистам талантам. Таким

образом, Афины установили над союзными полисами жесткий военный и финансовый контроль.

Пока Афинам не угрожал внешний враг, они могли справляться с недовольными союзниками, но с началом Пелопоннесской войны опасность увеличилась.

Когда Керкира, вступившая в столкновение с Коринфом, обратилась к Афинам в поисках союза, Перикл доказал афинянам необходимость этого союза, поскольку Керкира обладала сильным флотом и занимала важное географическое положение на пути в Италию. До тех пор старавшийся сохранить мир, Перикл высказался теперь в народном собрании против требований спартанцев, видя в них лишь предлог к заранее решенному разрыву. Он старался ободрить афинян, указывая на их богатые средства и сильный флот, и предостерегал лишь от рискованных предприятий. Согласно его совету, афиняне отвечали, что «сами они войны не начнут, но с тем, кто начнет ее, будут сражаться».

431 год до н э. стал годом начала Пелопоннесской войны. Эта война для Афин была тяжелым испытанием. Спартанцы и их союзники вторглись в Аттику и, опустошая страну, дошли до афинских укреплений. Они вырубили сады в окрестностях города, разорили дома и угнали скот. Этим они провоцировали Перикла выйти за стены города и дать сражение на открытом месте – осаждать города спартанцы не умели, а в открытом бою им не было равных. Многие, в том числе и друзья Перикла, ждали, что он примет этот вызов. Но когда он отказался от такого шага, его стали обвинять в трусости. Оскорбления Перикл сносил спокойно, а граждан, потерявших свое имущество при спартанском вторжении, он утешал, говоря, что «вместо порубленных деревьев вырастут новые, а погибших воинов заменить невозможно». В первый год войны была захвачена союзная с Афинами Платея. Перикл не потерял самообладания. Он решил не проводить в окруженных Афинах народного собрания, чтобы разгоряченные граждане не приняли необдуманного решения. Но сидеть сложа руки он тоже не собирался. Вскоре он снарядил морской поход вокруг Пелопоннеса, но не возглавил его, а совершил с небольшим отрядом пехоты вторжение в Мегарскую область. Опустошив ее, он нанес спартанцам не меньший урон, чем тот, который понесли афиняне, потеряв сады и скот в окрестностях Афин. Положение изменилось, и спартанцы, возможно, прекратили бы военные действия.

Но неожиданное бедствие расстроило планы Перикла и помешало прекратить войну. На следующий год (430 до н э.) в

Афинах вспыхнула чума, и народом овладело отчаяние. Враги Перикла снова воспользовались ситуацией, обвинив его во всех несчастьях. Чтобы как-то успокоить граждан, Перикл стал готовиться в новый поход, собрав большое войско и снарядив 150 кораблей. Перед началом похода произошло солнечное затмение, что было истолковано суеверными афинянами как дурной знак. Перикл в это время уже находился на триере и, увидев растерянность и испуг кормчего, подошел к нему и накрыл его своим плащом. Затем он спросил кормчего, видит ли он в действиях Перикла какое-либо предзнаменование несчастья, а получив отрицательный ответ, сказал: «Так чем же то явление отличается от этого, как не тем, что предмет, который был причиной темноты, больше плаща?»

Перикл пошел с флотом к восточному берегу Пелопоннеса, но из-за эпидемии вынужден был вернуться. Этой неудачей воспользовалась оппозиция, выступившая против Перикла, который, по ее мнению, стал виновником войны, принесшей столько бедствий. Его уже не выбрали стратегом и даже, несмотря на то что он всегда славился своим бескорыстием, обвинили в растрате общественных денег и присудили к большому штрафу.

В период чумы Перикл потерял двух своих сыновей от первого брака и много друзей. Он долгое время не выходил из дома и практически ни с кем не общался. Очень скоро афиняне поняли, что в городе нет человека, который, подобно Периклу, смог бы так же хорошо управлять государством. Периклу были принесены извинения за несправедливо наложенный штраф, и он вновь был выбран в стратеги, встав во главе Афин. Но чума не пощадила и его. Когда Перикл умирал, рядом с ним находились оставшиеся друзья, которые вспоминали его подвиги и деятельность на благо Афин. Они рассуждали о нем как о политическом деятеле, думая, что больной Перикл их уже не слышит. Но он все слышал и, прервав их разговор, сказал: «Вы хвалите меня за то, что совершали и многие другие, а о самом замечательном из того, что я сделал, не говорите ни слова – ни один афинский гражданин из-за меня не надел черного плаща». Черная одежда у афинян считалась знаком печали. Этими словами Перикл напомнил друзьям, что за годы его правления и по его приказу не был казнен ни один афинянин.

Перикл скончался в сентябре 429 года до н э. С его именем связывают представление о поре расцвета афинской демократии и греческого искусства, называя этот период Перикловым веком.

ФУКИДИД
(ок. 460—399/396 до н э.)
Древнегреческий историк.

Сохранившиеся биографические сведения древних авторов о Фукидиде во многом имеют недостоверный характер. Частично биографию Фукидида можно пересмотреть, исходя из текста его «Истории». Так, например, Фукидид указывает на то, что он пережил Пелопоннесскую войну, продолжавшуюся с 431 по 404 год до н э., и часть его труда написана уже после ее окончания. Дату его рождения тоже можно определить более-менее точно. Он пишет, что на должность стратега был избран в возрасте 47 лет, а случилось это в 424—423 годах до н э.

Итак, датой рождения Фукидида условно можно принять 460 год до н э. Происходил он из знатной и богатой семьи. Его отец, Олор, был прямым потомком фракийского царя Олора. Мать и бабка Фукидида также принадлежали к фракийской аристократии. Про него писали, что он принадлежал к «Кимонову дому», то есть был родственником Мильтиада – победителя персов при Марафоне, и его сына Кимона – знаменитого греческого полководца. Действительно, Фукидид был типичным афинским эвпатридом, то есть «имеющим благородного отца» – аристократом. Семья его владела обширными поместьями и золотыми рудниками во Фракии.

О детстве Фукидида и годах учебы сведений не сохранилось. Правда, у древних авторов есть сведения о встрече молодого Фукидида и Геродота. Юноша присутствовал на одном из публичных чтений «Истории» Геродота и не мог удержаться от слез восхищения. Геродот обратил на него внимание, а его отцу, Олору, он принес поздравления с тем, что тот имеет сына, стремящегося всем сердцем к знаниям. Известно также, что Фукидид учился в Афинах у оратора Антифонта и был близок к софистам – платным преподавателям красноречия и всевозможных знаний – Протагору и Горгии. Большое влияние на его развитие оказал и философ Анаксагор.

Находясь в Афинах в первые годы Пелопоннесской войны, Фукидид стал свидетелем борьбы политических партий. Война явилась следствием растущего соперничества между Пелопоннесским союзом, возглавлявшимся Спартой, и Афинами – двумя мощными политическими центрами Древней Греции. Она была и ярким проявлением конфликта между демократией и

олигархией – режимами, которые господствовали в Спарте и Афинах. Сам Фукидид по своим политическим взглядам был скорее приверженцем демократии, хотя весьма умеренным. Он поддерживал сторонников партии Перикла, а самому Периклу досталось немало лестных слов в «Истории».

На второй год войны в Афинах разразилась эпидемия чумы. Болезнь коснулась и Фукидида, но ему удалось быстро оправиться и избежать наиболее тяжелых осложнений.

В 424 году до н э. он был избран стратегом и во главе афинской эскадры послан к побережью Фракии для защиты афинских владений. Где и когда он обучался воинскому искусству – сведений нет. Но вряд ли бы афиняне избрали стратегом человека, не имеющего опыта в военном деле.

Шел восьмой год войны. Спартанский полководец Брасид предложил нанести удар по северным владениям Афин. На его стороне выступили македонский царь Пердикка, фракийский царь Севф и ряд городов Союза. Пройдя через Среднюю Грецию и Фессалию, Брасид подошел к Амфиполю. Защищавший этот форпост афинский стратег Евкл послал гонца к Фукидиду с просьбой о помощи. Но Фукидид опоздал и подошел к Амфиполю, когда тот был уже захвачен Брасидом. О своей неудаче Фукидид кратко рассказывает в четвертой книге «Истории», ничем не стараясь оправдать свою медлительность. Среди историков нет единого мнения о виновности Фукидида. Некоторые обвиняют его в медлительности, другие – в измене, но есть и такие, которые считают, что Фукидид стал жертвой оговора своих противников. Но для афинян виновность Фукидида была очевидной. За измену и потерю Амфиполя, а именно это ему и ставили в вину, он был приговорен к пожизненному изгнанию.

Изгнанный из Афин, Фукидид поселился во Фракии, в своем поместье. В течение следующих двадцати лет, находясь вдали от родины, он занимался сбором материала для своего исторического труда, оставаясь сторонним наблюдателем и стараясь беспристрастно излагать ход войны. Обладая значительными средствами, Фукидид мог позволить себе много путешествовать и, таким образом, стать свидетелем основных событий Пелопоннесской войны. Свой труд – «История» – он разделил на восемь книг. Первая из них посвящена обширному введению ко всему труду и предыстории Пелопоннесской войны. Труд его остался незаконченным, и события в нем доведены до осени 411 года до н э. Но, несмотря на незавершенность отдельных частей, «История» является цельным произведением. Первое десятилетие войны описано в книгах со второй по четвертую, Никиеву миру посвящена пятая книга, Сицилийская

экспедиция (415—412 годы до н э.) отражена в книгах шестой и седьмой, а последняя книга рассказывает о Декелейско-Ионийской войне и установлении в Афинах олигархического правления Четырехсот.

В 404 году до н э. военные действия закончились. Афины потерпели поражение и были вынуждены заключить тяжелый для себя мир. Одним из его условий было возвращение всех изгнанников. Следующий год принес всем изгнанникам прощение – после восстановления демократии была объявлена амнистия. Но Фукидида она не коснулась. Для его возвращения в Афины, как для изменника, требовалось специальное постановление. Благодаря стараниям Ойнобия, который, возможно, был отцом стратега Евкла, командовавшего амфипольским гарнизоном, постановление было получено. (А если эти сведения принять за точные, то можно согласиться с теми историками, которые считали, что Фукидид пострадал незаслуженно.) Вернулся Фукидид в Афины около 400 года до н э.

Как и многие другие биографические сведения, время, причина и место кончины Фукидида точно не установлены. Павсаний, например, утверждает, что Фукидид был убит по дороге в Афины из ссылки. Плутарх и другие историки местом его кончины называют Фракию, но различные ее районы. Одни авторы его смерть считают естественной, другие – насильственной. Точно известно место его захоронения – усыпальница рода Кимона в Афинах, рядом с могилой Эльпиники – сестры Кимона.

«История» Фукидида была издана уже после его смерти. Как историк Фукидид ставил пред собой задачу отображать события наиболее объективно и придавал большое значение критической проверке сведений, которыми располагал для изложения. Он старался выяснить происхождение того или иного исторического явления, обращал особое внимание на причины и поводы событий. Фукидид исключает непосредственное вмешательство божественных сил в исторические события, хотя историк и не отвергает в принципе существования богов или божественного начала. Придавая первостепенное значение объективным историческим факторам, не только политическим, но и экономическим, он стремился подчеркивать роль и отдельных личностей, для характеристики которых использовал их же речи и выступления. Он воздерживался от эмоциональной оценки происходивших событий, не вдавался в мелкие подробности. Хотя Фукидид писал, прежде всего, военную историю, его отличает большое внимание к вопросам социально-политической борьбы. Одним из первых он оставил обстоятельные описания

гражданских конфликтов, столкновений демократических и олигархических группировок.

Он утверждал, что его труд призван служить не развлечению читателя, а должен стать достоянием веков. Фукидид по праву считается величайшим историком древности, оставившим яркое и достоверное описание одного из наиболее значительных событий древней истории, современником которого он был.

АЛКИВИАД
(ок. 450—404 до н э.)
Афинский полководец и государственный деятель.

По своему происхождению Алкивиад принадлежал к одной из богатейших и благороднейших семей афинской аристократии. Отец Алкивиада Клиний был из знатного рода Скамбонидов, возводивших начало рода к легендарному Аяксу Теламониду и через него к самому Зевсу. Мать Алкивиада – Дейномаха – дочь Мегакла, внука известного афинского законодателя Клисфена, происходила из рода Алкмеонидов. Через нее Алкивиад приходился родственником Периклу и, в более отдаленной степени, Кимону.

Предки по материнской линии издавна играли значительную роль в истории Афин и принимали участие в важнейших событиях афинской истории. Напротив, род, к которому принадлежал Алкивиад по отцу, несмотря на древность и знатность, вписал в историю не много знаменитых имен. Исключение составляет, пожалуй, его дед Алкивиад Старший – сподвижник Клисфена, старавшийся ниспровергнуть владычество афинской аристократии и преобразовать государственное устройство сообразно демократическим началам.

Что касается Клиния, то он был прославлен военными подвигами. Во время войны с персами он на собственные средства снарядил триеру и отличился мужеством и отвагой в морском сражении при мысе Артемисий. Он погиб в возрасте пятидесяти трех лет в битве с беотийцами при Коронее в 447 году до н э. После его смерти опеку над Алкивиадом и его младшим братом взяли на себя родственники со стороны матери – Перикл и его брат Арифрон.

Алкивиад был женат на Гиппарете – дочери самого богатого человека во всей Греции, которого афиняне уважали за знатное происхождение, ум, доброту и благочестивый образ жизни. От этого брака родился сын. Еще один сын – Леотихид – был у Алкивиада от жены спартанского царя Агиса Тимеи, но спартанцы не признавали Леотихида своим царем.

Алкивиад при жизни пользовался огромной популярностью. О нем самом и его деятельности оставили труды историк Фукидид, бывший его современником, Феопомп, автор «Греческой истории», продолжатель труда Фукидида, Плутарх, Корнелий

Непот и другие. Благодаря их сочинениям мы имеем данные не только о роде Алкивиада, но знаем даже имена его воспитателя – Зопира и его кормилицы – Амиклы, которая была родом из Лаконии.

Родился Алкивиад около 450 года до н э. и после гибели отца воспитывался в доме своего дяди Перикла. У древних авторов мы узнаем, что Алкивиад был необычайно красив, умен и способен. Он был прекрасным оратором, а то, что он немного картавил, придавало его речи убедительность и грацию. Когда требовали обстоятельства, Алкивиад был трудолюбив и терпелив, обходителен и обаятелен. В то же время он проявлял изнеженность, беспутство, сластолюбие и разнузданность тогда, когда дела не требовали душевного напряжения.

Можно сказать, что мы имеем биографии двух разных Алкивиадов. Так, в сочинениях Лисия и Андокида он предстает честолюбцем и взяточником, готовым продать родину и друзей. У них Алкивиад – кутила, нечестивец и развратник, для которого нет ничего святого. Он трус и изменник, думающий лишь о своем спасении. Он виновник гибели афинского флота и поражения Афин в войне. Талантливый полководец, дальновидный политик, мужественно переносящий удары судьбы, истинный патриот, ставший жертвой зависти и коварства, подвергшийся несправедливым обвинениям политических противников – так характеризуют Алкивиада Исократ, Демосфен, Ксенофонт и Диодор Сицилийский.

Некоторое время Алкивиад был учеником Сократа и вместе с ним участвовал в военных походах, живя в одной палатке. Боевое крещение Алкивиад получил в сражении при Потидее в начале Пелопоннесской войны. В бою Алкивиад был ранен, и Сократ спас его, отразив нападавших врагов и сохранив оружие Алкивиада, потеря которого считалась бесчестьем. Через некоторое время Алкивиад спас Сократа. В битве при Делии, когда греки потерпели поражение и отступили, Алкивиад, скакавший на коне, увидел отступающего пешего Сократа, отбивающегося от многочисленных врагов. Тогда Алкивиад развернул коня и вернулся к Сократу, чтобы рядом с ним отбиваться от неприятеля.

Философские беседы с учителем не долго увлекали Алкивиада – он стремился к власти. Но пока он был еще очень молод и не мог оспаривать славу у опытных лидеров, руководивших политикой в Афинах. Еще живя в доме Перикла, он как-то пришел к нему, чтобы поговорить о делах, но ему сказали, что Перикл занят и обдумывает выступление с отчетом о делах перед народным собранием. Услышав это, Алкивиад сказал: «А не лучше ли было бы ему подумать о том, как вообще не давать

афинянам никаких отчетов?»

После смерти Перикла в 429 году до н э. должность стратега переходит к Никию. В Афинах шла ожесточенная борьба между партией Никия и сторонниками демапла (народного вождя) Клеона, настроенными более воинственно и решительно. После гибели Клеона его партию возглавил Алкивиад. К тому времени он уже привык быть на виду, привлекать внимание, вызывать овации и восторги. Его аристократическая натура требовала обожания и поклонения. Ему не было равных на Олимпийских играх – ни один царь (или частное лицо) никогда не присылал на Олимпию столько колесниц и никому не удавалось одержать сразу несколько побед. А Алкивиаду на играх 416 года до н э. удалось занять первое, второе и четвертое места, прислав на игры семь колесниц и превзойдя «все, что способны принести эти состязания».

Начало политической деятельности Алкивиада относится к 420 году до н э. Он стремился завоевать авторитет и любовь граждан своими речами и убедить в своей правоте народное собрание. Когда же этого не удавалось сделать, Алкивиад мог пойти на любые интриги, чтобы добиться того, чего хотел. Его политическим противником, как было сказано выше, был Никий, возглавивший партию аристократов после смерти Перикла. В 420 году до н э. Никий начал вести новые переговоры о мире со Спартой. Решив воспользоваться моментом и подорвать авторитет Никия, Алкивиад тайно встретился с послами Спарты, прибывшими на переговоры в Афины. Алкивиад знал, что Никий уверил народное собрание в том, что присланные спартанцы имеют все полномочия для подписания перемирия. На тайной встрече Алкивиад убедил послов, что предлагаемые им условия перемирия крайне невыгодны Спарте, и предложил им сослаться на то, что они не имеют полномочий для заключения мира, а присланы только обсудить его условия. На следующий день, когда Никий представлял народному собранию спартанцев, Алкивиад спросил их о полномочиях. Те ответили, что имеют право только вести переговоры об условиях мира, но не заключать его. Тогда Алкивиад обвинил Никия в том, что тот ввел в заблуждение народное собрание, что, естественно, подорвало авторитет Никия. В результате послы уехали ни с чем, собрание избрало Алкивиада стратегом и война со Спартой была продолжена.

Афиняне очень по-разному относились к Алкивиаду. Он, по свидетельству современников, вел роскошную жизнь, часто злоупотреблял напитками, щеголял своей расточительностью, не скрывал многочисленные любовные связи. Все это вызывало

негодование у части населения. Люди боялись его своеволия и неуважения к законам, подозревая его в стремлении к тирании. Но другие восхищались его красотой и силой, красноречием, военной опытностью и храбростью. В заслуги ему ставились большие пожертвования и дары городу, и это заставляло афинян относиться к Алкивиаду снисходительно, прощать ему преступления, называя их честолюбивыми выходками или шутками. Интересна и история женитьбы Алкивиада. Поспорив с друзьями ради шутки, он, подойдя к Гиппонику, при людях ударил этого всеми уважаемого человека без малейшего повода для этого. Слух о его наглой выходке обошел весь город, и на следующее утро Алкивиад явился в дом Гиппоника. Он рассказал ему о споре, сказал, что раскаивается в содеянном и готов понести любое наказание за свой поступок. Гиппоник простил юношу и не стал требовать наказания, а, узнав его поближе, стал ему покровительствовать и выдал за него замуж свою дочь, дав огромное приданое в десять талантов. Брак этот нельзя назвать счастливым – жена Алкивиада Гиппарета страдала от постоянных связей мужа с другими женщинами и даже ушла жить к своему брату Каллию. После смерти отца она хотела расторгнуть брак, но, когда явилась в суд для подачи заявления, Алкивиад на руках унес ее в свой дом, где она и осталась до конца жизни.

Но вернемся к событиям 420 года до н э. Избранный стратегом вместо Никия, Алкивиад начинает лихорадочно готовиться к возобновлению военных действий против Спарты. Он действует привычными для него методами – плетет интриги, поддерживает демократов в разных городах, организует заговоры и перевороты. В короткий срок Алкивиаду удалось склонить на сторону Афин города Аргос, Элиду и Мантинею и, как замечает Плутарх, он «разъединил и потряс весь Пелопоннес». Поводом для возобновления военных действий послужило то, что Спарта оказала военную помощь Эпидавру, на который напали Афины в 419 году до н э. Алкивиад обвинил спартанцев в нарушении перемирия, и война возобновилась.

Партия Никия прилагала огромные усилия, чтобы потушить пожар войны, и ей удается настроить народное собрание, которое еще вчера рукоплескало Алкивиаду, против него. В 418 году до н э. стратегом был избран Никий. Летом того же года афиняне потерпели поражение при Мантинее – в этом сражении Алкивиад находился среди простых воинов.

Для Алкивиада это поражение стало новым взлетом его политической карьеры. Он предлагает создать под эгидой Афин Средиземноморскую морскую державу, охватывающую Пелопоннес, Италию, Сицилию, Карфаген и Африку. Первым

шагом на пути к созданию державы должно было стать покорение Сицилии. Народное собрание с энтузиазмом принимает план экспедиции в Сицилию. Стратегами экспедиции были назначены энергичный Алкивиад, осторожный Никий и опытный Ламах.

Завоевание Сицилии, размеры и населенность которой даже приблизительно не были известны большей части афинян, представляло трудную задачу. Видимо, Алкивиад как дальновидный политик осознавал, сколь сложной будет данная экспедиция, но он также и понимал, что ее успех еще больше упрочит его власть в Афинах. Против экспедиции упорно выступал Сократ, но он был бессилен что-либо изменить. Его никто не слушал, как, впрочем, и астронома Метона, предсказывающего роковой исход задуманного мероприятия.

Все было готово к отплытию – корабли собрались в Пирее, запасы и снаряжение погружены на борт, народное собрание наделило стратегов неограниченными полномочиями. Но перед самым отплытием в Афинах произошло событие, которое для Алкивиада имело серьезные последствия. Ночью кто-то уничтожил все (кроме одной) гермы – четырехугольные уличные столпы, увенчанные головой Гермеса. Возможно, это была просто выходка подвыпившей компании, но горожане усмотрели в этом действие опасных заговорщиков, покусившихся на их свободу. В этом кощунстве обвинили Алкивиада и его друзей и потребовали суда над ними. Сам Алкивиад также настаивал на проведении расследования, но его противники решили провести суд после возвращения из экспедиции, прекрасно понимая, что в данное время и флот, и армия на его стороне и он сам легко сможет добиться оправдания.

В середине 415 года до н э. афинская экспедиция двинулась на запад. Начало ее было весьма успешным. Соединившись с союзниками у острова Керкиры, объединенный флот подошел к берегам Италии. Заняв города Накс и Катан, Алкивиад начал подготовку к осаде Сиракуз. Но многого он сделать не успел. В период подготовки к осаде из Афин прибыли гонцы, вручившие ему требование народного собрания о немедленной явке на суд. Алкивиаду пришлось подчиниться, но по дороге в Афины он в городе Фурии сошел на берег и не вернулся на корабль. Суд в Афинах прошел без него, и ему был вынесен заочно смертный приговор. Имущество Алкивиада было конфисковано, а жрецам было приказано проклясть его имя. Текст проклятия был вырезан на столбе, который установили на площади.

Алкивиад скрылся в Италии, а затем перебрался на Пелопоннес. Он объявляется в Спарте, где предлагает спартанцам план борьбы с Афинами. Для спартанцев было странным, что

афинянин, тем более полководец, предлагает потенциальным врагам услуги. Чтобы развеять все сомнения, Алкивиад выступает с речью, в которой представляет себя честным и принципиальным человеком. Он говорит, что ведет борьбу не против Афин, а против своих врагов, которые являются также и врагами Спарты. Советы Алкивиада, уговорившего спартанцев возобновить войну с Афинами, были убедительны, дельны и сулили огромные выгоды. Многие союзники Афин через Алкивиада стали вести тайные переговоры со Спартой, чтобы при наступлении спартанского флота расторгнуть союз с Афинами. При помощи Алкивиада Спарта заключила военный союз с персидским сатрапом Тиссаферном, давший ей золото и корабли. Алкивиад уговорил спартанцев послать помощь осажденным Сиракузам, что привело к сицилийской катастрофе – разгрому афинской армии и части флота афинян.

В Спарте Алкивиад скоро сделался всеобщим любимцем. Он прекрасно сумел приспособиться к спартанскому образу жизни и строго следовал обычаям и традициям. Он превзошел многих спартанцев в простоте пищи и одежды. Но от его внимания не ускользали события, причиной которых был он. Так, понимая, что Спарта очень скоро может стать сильным и опасным противником, Алкивиад старался не допустить полного разгрома Афин. А вскоре ему пришлось бежать и из Спарты. Несмотря на то что он много сделал для спартанцев, там не приветствовали его растущую славу. Усилились недовольство и подозрительность правителей Спарты, опасавшихся его крепнущего влияния на жителей. Кроме того, Алкивиад сошелся с женой спартанского царя Агиса Тимеей, и у нее родился сын.

На этот раз Алкивиад бежал к персам. С их помощью он намеревался вернуться в Афины победителем. Он уговаривает Тиссаферна, которому стал близким другом, прекратить помощь Спарте в борьбе с Афинами. Располагая персидскими деньгами, Алкивиад устанавливает связь с афинской аристократией и помогает ей свергнуть демократическую партию. Но аристократы не спешили призвать Алкивиада обратно в Афины. Тогда он вступает в переговоры с руководителями афинского флота, стоящего у острова Самос. Он обещает флоту свою поддержку в борьбе с флотом Спарты при условии, что флот поддержит его при возвращении в Афины. Он хорошо рассчитал ситуацию, сложившуюся в то время в Афинах. Побежденные демократы пригласили его встать во главе флота. В октябре 411 года до н э. произошло сражение при Абидосе между афинским флотом и пелопоннесской эскадрой под командованием Миндара, которая значительно превосходила афинян по количеству кораблей. Когда

же военная удача покинула афинян, с юга появился Алкивиад с восемнадцатью кораблями. Его появление и решило исход сражения в пользу Афин.

За эти три года Алкивиад участвовал в десятке битв, потопил или захватил 200 кораблей и огромную добычу и теперь мог вернуться в Афины победителем. Город встречал его как героя. Конфискованное по суду имущество Алкивиада было возвращено ему за счет казны, а жрецам было приказано снять с него проклятие. Но Алкивиад не доверял пылкой любви сограждан, понимая, что весь его авторитет держится только на военной славе, и достаточно малейшей неудачи, чтобы от него отвернулись.

Осенью 408 года до н э. он снаряжает новый поход – 100 триер, 1, 5 тысячи гоплитов и 150 всадников. Высадившись на острове Андросе, он наносит поражение отряду андросцев и их союзникам спартанцам. Но положение дел к тому времени изменилось не в пользу афинян. Противники еще копили силы и избегали решительных действий. Алкивиад также не стремился к решающему сражению и ограничивался небольшими стычками. Он держался очень осторожно, что вызывало недовольство в афинском обществе, ждущем от него громких побед. Ему часто приходилось покидать флот, чтобы добыть необходимые средства на его содержание. Во время одной из таких поездок, вопреки строжайшему запрету Алкивиада не вступать в боевые действия против Лисандра, афинский военачальник Антиох все-таки вступил в бой со спартанским флотом. Это произошло при Нотии, и Антиох попал в ловушку, расставленную Лисандром, и потерпел поражение, потеряв 15 кораблей. Узнав об этом, Алкивиад сразу же вернулся на Самос и пытался вызвать Лисандра на продолжение битвы, но спартанец от боя уклонился. Хотя поражение при Нотии никак не повлияло на ход военной кампании, оно дало повод противникам Алкивиада обвинить его в измене, настроив против него народное собрание.

Алкивиаду пришлось удалиться в добровольное изгнание во Фракию, где у него были построены три небольшие крепости. Однажды, когда афинский флот оказался в этих краях, Алкивиад, видя, как беспечно ведут себя на кораблях афиняне – отлучаются подолгу на берег, рассредоточивают корабли и так далее, – он решил предупредить их о последствиях такой беспечности, зная, что спартанский флот находится где-то рядом. Выслушав его, стратег Тидей велел ему убираться, сказав, что теперь он здесь не начальник. Но, к несчастью, произошло то, что предсказывал Алкивиад. Лисандр воспользовался беспечностью афинян и захватил афинский флот, а затем и Афины.

Алкивиаду снова пришлось покинуть свое убежище. Он направился к своему бывшему противнику, персидскому сатрапу Фарнабазу, «услуживая ему и вместе с тем пользуясь его уважением». Затем он решил ехать дальше, к персидскому царю Артаксерксу II, и предупредить его о заговоре, который готовили против него спартанцы и брат царя Кир. Он рассчитывал привлечь персидского царя на сторону Афин и с его помощью разгромить спартанцев и освободить город, где Лисандр установил власть «Тридцати тиранов».

Одним из этих «Тридцати» был афинский тиран Критий, который убедил Лисандра, что если Алкивиад останется в живых, то власть в Афинах спартанцы могут быстро потерять. К Фарнабазу был послан гонец, с требованием выдать Алкивиада живым или мертвым. Но и самому Фарнабазу Алкивиад был опасен, так как Фарнабаз был участником заговора Кира против царя персов. Он послал своего брата и дядю с приказанием захватить или убить Алкивиада. Ночью отряд персов окружил дом, где жил Алкивиад, и, боясь ворваться в него, персы обложили его хворостом и подожгли. Алкивиаду удалось вырваться из горящего дома с мечом в руке. Персы испугались вступить с ним в бой и забросали его копьями и стрелами. Тело Алкивиада забрала гетера Тимандра и похоронила его.

Некоторые древние авторы приводят и другую причину гибели Алкивиада. Он соблазнил женщину из знатной семьи и увез ее с собой во Фригию. Брат этой женщины, желая отомстить за оскорбление, ночью поджег дом и убил его, в то время когда он выскакивал из огня.

Но слава Алкивиада не умерла вместе с ним. Даже через сотню лет его имя не было забыто. Во время войны римляне обратились к оракулу, и тот повелел им воздвигнуть на площади, где проходило народное голосование, две статуи – умнейшего и мужественнейшего из греков. И вскоре две медные статуи украсили площадь: одна изображала Пифагора, другая – Алкивиада.

КСЕНОФОНТ
(ок. 444 – ок. 356 до н э.)
Древнегреческий историк и писатель.

Ксенофонт был крупнейшим греческим историком после Геродота и Фукидида. Его называли аттической музой и аттической пчелой, подчеркивая тем самым прекрасный греческий язык, на котором он писал свои произведения, и необычайное трудолюбие этого историка и писателя. И если Геродот и Фукидид оставили потомкам только по одному произведению, которые прославили их имена, то из-под пера Ксенофонта вышло более десятка творений, различных по тематике.

Сведения о жизни Ксенофонта приходится искать в основном в его собственных сочинениях, и хотя существует его биография, составленная Диогеном Лаэртским, она дает лишь немногие и часто малодостоверные факты. Отрывочность и краткость сведений не позволяет восстановить полную реальную биографию Ксенофонта, но основные события его жизни и деятельности вполне могут быть установлены.

Диоген Лаэртский начинает биографию Ксенофонта словами: «Ксенофонт был сыном Грилла, афинянином, по дему – эрхийцем». И это все о его происхождении. Ряд более поздних историков на основании косвенных источников по социальному происхождению относят Ксенофонта ко второму афинскому сословию – сословию всадников. Но источники также подтверждают, что Ксенофонт получил традиционное аристократическое образование и воспитание, что он входил в кружок Сократа, объединявший виднейших представителей олигархически настроенной молодежи, что симпатии Ксенофонта всегда были на стороне Спарты, ее режима правления и таких спартанских государственных деятелей, как Клеарх и Агесилай. Если все это принять во внимание, то с большей долей вероятности можно утверждать, что Ксенофонт по своему происхождению принадлежал к аристократии.

Его жизненный путь можно условно разделить на три периода. К первому периоду относится время от рождения до участия в военном походе Кира Младшего. Активная военная и политическая деятельность, участие в походе греческих наемников в Персию, а также пребывание на спартанской службе составляют второй период жизни Ксенофонта. Последний,

третий, период он провел в Скиллунте и Коринфе, занимаясь хозяйством и литературной деятельностью.

Во временном отношении наиболее продолжительным, но наименее известным, был первый период. Родился Ксенофонт в Афинах. Годом его рождения можно приблизительно считать 444-й до н э., или чуть ранее, основываясь на его собственных произведениях. Так, он пишет, что принимал участие в сражении при Делии в Беотии и был спасен Сократом. Исходя из того, что сражение это произошло в 424 году до н э., а молодые люди несли воинскую службу только внутри Аттики, к 424 году до н э. Ксенофонту было не менее 20 лет, что и позволяет приблизительно установить год его рождения, который подтверждается и другими вычислениями. Подобным же образом устанавливается и год его смерти – около 356 года до н э.

В своем родном городе Ксенофонт получил блестящее аристократическое образование и был воспитан в духе ненависти к демократии и преклонения перед олигархическим режимом Спарты. Большое влияние на него оказало знакомство с Сократом. История сохранила рассказ о том, как Ксенофонт познакомился со своим будущим учителем. Однажды, встретив в узком переулке Ксенофонта, Сократ загородил ему дорогу палкой, а затем спросил, где можно купить съестные припасы. Ксенофонт ответил и решил пойти дальше. Но Сократ снова преградил ему путь и спросил, где люди делаются добродетельными. На этот вопрос Ксенофонт ответить не мог. Тогда Сократ сказал ему: «В таком случае иди за мной и учись».

Вскоре Ксенофонт вошел в кружок Сократа и, став его слушателем, вел литературные записи бесед своего учителя, которые позднее использовал при написании своих трудов.

Молодость Ксенофонта пришлась на годы Пелопоннесской войны, войны между Афинами и Спартой за главенство в Греции. В эту войну был втянут практически весь мир греческих полисов. О Пелопоннесской войне потомкам поведал Фукидид, доведя описание событий до 411 года до н э. Спустя много лет именно Ксенофонт продолжил описание дальнейших событий этой войны в «Греческой истории». Он описывал события как очевидец, принимая участие в военных действиях, но не на командных постах. Война помогла ему приобрести боевой опыт, который пригодился в дальнейшем. В Афинах во время войны шла ожесточенная внутриполитическая борьба, и победы той или иной партии были тесно связаны с военными удачами или поражениями. В это время происходило и формирование мировоззрения Ксенофонта. Происхождение, влияние Сократа и его кружка, участие в войне и политических событиях – все это

сделало Ксенофонта ярым противником демократии. Считая спартанское общественное устройство совершенным, он приписывал именно ему победу Спарты в войне. Нельзя сказать, что Ксенофонт не любил родину, Афины, но он никогда не смог простить афинской демократии, ее лидерам поражения в войне и гибели своего учителя Сократа.

После заключения унизительного для Афин мира в 404 году до н э. власть в Афинах перешла к олигархам. В историю этот период вошел как время правления 30 тиранов. Период этот был кратковременным – очень скоро сторонники олигархов и демократов начали вооруженную борьбу между собой и, несмотря на контроль и помощь Спарты, олигархи потерпели поражение в этой борьбе. В Афинах был заключен гражданский мир с восстановлением демократии. У Ксенофонта это не вызвало восторга, а в возможность гражданского мира он просто не верил. И был прав. Во время правления 30 тиранов он служил в коннице, естественно на стороне олигархов. Сам Ксенофонт не поддерживал крайних мер в борьбе со сторонниками демократов. Он с большой долей симпатии относился к Ферамену, одному из тридцати тиранов, который открыто выступал против политики репрессий, проводимых олигархами, за что и был казнен. Придя к власти, демократы старались любым способом избавиться от олигархов и их сторонников. Поэтому, когда спартанцы попросили у Афин военной помощи для борьбы с персами в Малой Азии, демократы, как пишет Ксенофонт, «послали тех, кто служил в коннице в правление тридцати, полагая, что для демократии будет благом, если они вдали от родины погибнут». В 401 году до н э. Ксенофонт покинул Афины и больше никогда уже не возвращался туда. В его жизни начинается новый, второй, период.

Поводом покинуть Афины послужило письмо, полученное Ксенофонтом от своего друга, беотийца Проксена, который служил у царевича Кира Младшего. Проксен, по просьбе Кира, набирал войско для военной экспедиции. Он обещал Ксенофонту в случае его приезда содействовать его дружбе с Киром, который для самого Проксена стал «дороже отчизны». Ксенофонт с радостью принял предложение, надеясь на службе у Кира прославиться и разбогатеть. Зачем Кир набирал наемников, Ксенофонт даже не задумывался. Но Сократ предупреждал его о том, что не следует доверять Киру, который выступал на стороне противника в годы Пелопоннесской войны, говорил, что эта дружба может повредить репутации Ксенофонта в Афинах. Но решение было принято, и Ксенофонт покидает Афины.

Об истинных мотивах экспедиции Кира, вероятно, знали

только самые посвященные. Еще в 424 году до н э. в Персии царствовал Дарий II Нот. У него было двое сыновей: Артаксеркс и Кир. Кир был любимым сыном матери их, Парисатиды. Она очень хотела сделать наследником престола Кира, который был младшим из братьев, но Дарий распорядился иначе. Когда Кир достиг 17-летнего возраста, отец сделал его сатрапом, то есть правителем области, занимавшей большую часть Малой Азии, а Артаксеркса назначил наследником престола.

Лишь только Дарий умер, Кир сразу был обвинен в заговоре против брата, вступившего на престол. Он не избег бы смерти, если бы мать не выпросила своему любимцу помилования и не отправила его обратно в сатрапию.

Вернувшись туда, Кир немедленно приступил к тайной организации нового заговора, но действовал очень осторожно. Распустив слух, что соседний сатрап Тиссаферн имеет замыслы против греческих городов в Малой Азии, он стал собирать новый отряд греческих солдат для их защиты. С этой целью он поручил спартанцу-эмигранту Клеарху, Проксену и другим искателям приключений, собравшимся при его дворе, набирать для него войско под предлогом похода против Тиссаферна – все истинные замыслы были тщательно скрыты. Сам «великий царь» Артаксеркс находился в полном неведении относительно намерений брата: он думал, что один сатрап собирается воевать с другим, что случалось нередко, поэтому наемники и не заслуживали его внимания.

О том, что произошло в дальнейшем, мы знаем из «Анабасиса» Ксенофонта. Вероятно, во время похода Ксенофонт вел записи, так как в «Анабасисе» присутствует изобилие подробностей, имен и даже точное расстояние между населенными пунктами по пути следования войска Кира. Отряд греческих наемников составил в нем 13 тысяч человек.

Весной 401 года до н э. Кир выступил в поход против Артаксеркса. Дойдя беспрепятственно до деревни Кунакса (недалеко от Вавилона), его войско встретилось с войском Артаксеркса. В происшедшем здесь сражении Кир был убит, но греческое войско одержало победу. Со смертью Кира для греков исчезла и цель похода. После сражения персы пригласили греческих военачальников к себе как бы для переговоров, но отправили их к Артаксерксу, который повелел их казнить. Греческие наемники рассчитывали на щедрое вознаграждение в случае победы, но остались и без денег, и без предводителей. Надо было возвращаться в Грецию, от которой они были очень далеко, а обратный путь пролегал по территории противника. Они решили с оружием в руках проложить себе дорогу в Малую

Азию и возвратиться на родину, выбрав себе новых предводителей, в числе которых, и притом одним из главных, стал Ксенофонт.

Греческая армия начала обратный поход. Отбиваясь от войск персидского царя, ежедневно преодолевая сопротивление местных племен, неся большие потери, греки упорно продвигались к южным берегам Черного моря. После восьмимесячного пути, потеряв около трети своего состава, они достигли греческого города Трапезунда. Позволив себе длительный отдых, наемники снова двинулись в путь – к Армене. Два месяца шли греки до Армены, и два месяца Ксенофонт стоял во главе войска. Затем, вплоть до прибытия в Византий, он постоянно находился на командной должности либо над всем войском, либо над большим самостоятельным отрядом. Используя положение фактического главнокомандующего, Ксенофонт дважды за время похода пытался склонить своих соратников остаться в Понте и основать новое поселение. Вероятно, он рассчитывал на то, что сможет оказаться во главе администрации нового города и таким путем осуществить честолюбивые надежды, которые ранее связывал с участием в экспедиции Кира. Но наемники не желали оставаться в Понте и стремились скорее попасть домой, так что мечтам Ксенофонта сбыться было не суждено.

Достигнув Фракии, большая часть наемников поступила на военную службу к фракийскому царю Севфу. Царь уже неоднократно вел переговоры с Ксенофонтом, возглавлявшим греческое войско. В это время Спарта не желала обострять отношения с персами и по их просьбе согласилась выдать уцелевших греческих наемников Кира персидскому царю. Была даже сделана, правда неудачная, попытка захватить Ксенофонта. В такой ситуации для греков было лучше поступить на службу к фракийцу, чем достаться персам. Севф обещал предоставить Ксенофонту убежище, если тот подвергнется преследованиям со стороны Спарты, и передать часть своих владений в благодарность за помощь в династической борьбе. Свои обещания Ксенофонт и его воины выполнили, Севф – нет.

Но политическая ситуация вновь изменилась. Спарта начала войну с Персией. Во Фракию прибыли посланцы спартанского командующего Фиброна, чтобы пригласить бывших наемников Кира на службу. Под командованием Ксенофонта в то время оставалось всего 6 тысяч человек, а сам он собирался ехать в Афины. Он пишет, что близкие ему в лагере люди стали просить, чтобы он не уезжал до тех пор, пока не отведет и не передаст войско Фиброну. Ксенофонт согласился и довел войско из

Фракии до Пергама, а затем остался на спартанской службе, так и не уехав в Афины.

В 396 году до н э. для руководства военными действиями против Персии в Малую Азию прибыл спартанский царь Агесилай. Ксенофонт быстро с ним сблизился и на долгие годы стал ему верным другом. Вместе с ним он возвратился в Грецию, когда войско Агесилая было переброшено туда из Малой Азии в связи с начавшейся Коринфской войной. Ксенофонт участвовал на стороне спартанцев в битве при Коронее в 394 году до н э., где спартанцы сражались не только против фиванцев, но и против афинян, бывших с фиванцами в союзе. Вернуться на родину Ксенофонту так и не пришлось (да, может быть, он и не стремился). Если раньше Ксенофонт был добровольным изгнанником, то после битвы при Коронее он был заочно приговорен афинянами к изгнанию из отечества. В спартанском войске Ксенофонт оставался до конца Коринфской войны, сопровождая Агесилая в походах.

Затем начинается третий, последний, период жизни Ксенофонта. Спартанцы отблагодарили его за оказанные им услуги, стоившие ему лишения родины: они подарили ему дом и участок земли в местечке Скиллунте в Элиде близ Олимпии. Здесь он жил с женой и двумя сыновьями, Гриллом и Диодором, и провел много лет вдали от общественной жизни – занимался сельским хозяйством, охотой, литературными трудами и принимал друзей. Эта спокойная, идиллическая жизнь в очаровательном уголке продолжалась до 371 года до н э., когда во время войны между Спартой и Фивами спартанцы потерпели тяжелое поражение при Левктрах, и Ксенофонт вынужден был оставить Скиллунт и переселиться в Коринф. В 369 году до н э. Афины и Спарта заключили союз между собою, и приговор об изгнании, тяготевший над Ксенофонтом, был отменен. Тем не менее на родину он не вернулся. Но в 362 году до н э. он послал обоих сыновей в Афины, и они в числе афинских всадников участвовали в кавалерийском сражении, которым началась битва при Мантинее между спартанцами и афинянами, с одной стороны, и фиванцами – с другой. В этом сражении Грилл был убит. Когда известие об этом пришло к Ксенофонту, он совершал жертвоприношение. Услышав о гибели сына, он снял с головы венок, но когда гонец добавил, что сын его умер смертью храбрых, он снова надел венок и сказал: «Я знал, что сын мой смертен».

Ксенофонт еще долго жил после этого в Коринфе, где и умер в глубокой старости (не ранее 356 года до н э.).

Он оставил после себя как исторические труды, так и

литературные произведения. Наибольшее значение среди них имеют «Греческая история» в семи книгах, содержащая описание Пелопоннесской войны с 411 по 362 год до н э., «Анабасис», где рассказывается о походе греческих наемников в глубь Персии и обратном пути домой. В «Киропедии» Ксенофонт развивает взгляд на воспитание идеального правителя, а в «Лакедемонской политии» описывает государственное устройство Спарты и конституцию Ликурга. Перу Ксенофонта принадлежали и философские сочинения, посвященные жизни и деятельности своего учителя Сократа – «Воспоминания о Сократе» и «Апология Сократа». Кроме перечисленных произведений он написал еще ряд сочинений по вопросам экономики, военного искусства, по устройству хозяйства и быта. Все произведения Ксенофонта в античном мире пользовались большой популярностью, а для историков они имеют первостепенное значение для изучения истории греческого полиса второй половины V – первой половины VI веков до н э.

ЭПАМИНОНД
(ок. 418—362 до н э.)
Один из величайших греческих полководцев.

Сын фиванца Полимнида Эпаминонд происходил из бедной, но знатной семьи, которая вела свою родословную от Кадмовых Спартов. Правда, в то недолгое время процветания этого государства знатность рода в нем не очень ценилась, предпочтение отдавалось иным качествам – уму, таланту, заслугам перед отечеством. Если римляне обращали особое внимание на происхождение человека, то фиванцы придерживались принципа, что не имя красит человека, а человек – имя. Но, тем не менее, Эпаминонд мог бы гордиться знатностью своего рода, считая своим предком легендарного Кадма, а следовательно, восходил к финикийским царям. Кадм был сыном царя Агенора. Отец отправил его вместе с братьями на поиски сестры – Европы, которую похитил Зевс. После этого Кадм выполнил указание дельфийского оракула и основал в Беотии крепость Кадмию, вокруг которой впоследствии и вырос город Фивы. Затем, по преданию, ему пришлось вступить в борьбу с драконом, а убив его, он вырвал зубы дракона и засеял ими поле. Когда же из земли выросли воины, то они вступили между собой в схватку. В живых из них осталось лишь пятеро, которые и получили имя «Спарты», то есть «посеянные» – отсюда и термин Кадмовые Спарты. Эти воины и стали прародителями знатнейших фиванских родов, к одному из которых и принадлежал Эпаминонд.

Он получил прекрасное образование и даже после достижения зрелого возраста долгое время держался в стороне от политики, изучая философию, которую ему преподавал бежавший из Тарента и до своей смерти живший в семье Эпаминонда пифагореец Лисид.

Эпаминонд не был ни ярым демократом, ни косным олигархом. В каждом отдельном случае его действиями руководила любовь к родине. Благодаря скромности, мягкости, уму и выработанной воспитанием силы воли он сумел соединить в себе такие качества, как гений полководца и доброе имя честного и гуманного человека.

Высшей должности геотарха Эпаминонд достиг в 371 году до н э. Это было самое критическое время во всей фиванской

истории.

К этому периоду фиванцы успели восстановить Беотийский союз, государственным центром которого были Фивы, и почувствовали себя настолько сильными, что на мирной конференции в Спарте в 371 году до н э. могли настаивать на признании за Фивами значения не только самостоятельного города, но и государства в полном смысле слова.

Когда требование Эпаминонда заменить в тексте договора слово «фиванцы» словом «беотийцы» было отвергнуто и фиванцы были исключены из числа держав, участвовавших в заключение договора, Фивы спокойно приняли вызов и вступили в соглашение с ферским (фессалийским) правителем Ясоном, мечтавшим о гегемонии и искавшим случая сокрушить господство Спарты.

Чтобы принудить Фивы к принятию мира, союзники двинули войска под командованием царя Клеомброта. Взяв крепость Кревсис и захватив двенадцать триер в Коринфском заливе, Клеомброт пошел на Фивы.

5 августа 371 года до н э. у города Левктры (в 11 километрах от Фив) произошло сражение между спартанскими и фиванскими войсками. Численность спартанского войска (10 тысяч гоплитов и 1 тысяча всадников) значительно превосходила силы фиванцев (6 тысяч гоплитов и 1.5 тысячи всадников).

Перед сражением, вопреки установившейся традиции, Эпаминонд сосредоточил на левом фланге не только своих лучших воинов, но и главные силы, основу которых составлял «священный отряд» глубиной в 50 шеренг и резерв из трехсот отборных воинов. Создав таким образом значительное превосходство в силах на правом фланге противника, на котором находился их командующий, фиванцы отвели слабый центр и правый фланг назад и построили глубиной в восемь шеренг против двенадцатишеренговой (по всему фронту) фаланги спартанцев.

Удар Эпаминонда отборными силами левого фланга по правому флангу спартанцев решил исход сражения, в котором были разгромлены непобедимые до того спартанцы и погиб царь Клеомброт.

В сражении при Левктрах было положено начало применению тактического принципа неравномерного распределения войск по фронту в целях сосредоточения сил для нанесения главного удара на решающем направлении.

Одержав победу при Левктрах, фиванцы приобрели союзников в лице орхоменийцев, фокейцев, локров, эвбейцев, был уничтожен Пелопоннесский союз Спарты и во многих местах

зародились демократические движения.

В 370 году до н э. на демократических началах образовался новый Аркадский союз, центром которого являлся вновь построенный город Меганополь. Образование Аркадского союза не обошлось мирно. Происшедшие в Тебее беспорядки дали Спарте повод прийти на помощь олигархической партии народа.

Беотийцы также не замедлили явиться в Пелопоннесе по призыву аргосцев, аркадян и элейцев. Не найдя царя Спарты Агесилая II в Аркадии, Эпаминонд вторгся в Лаконию. Этот поход в центр Пелопоннесского полуострова, находившегося длительное время под безраздельным господством Спарты, был совершен в середине зимы тремя отдельными колоннами, двигавшимися по сходящимся направлениям, тем самым заставляя противника рассредоточить силы и ослабить сопротивление. Однако Эпаминонд имел еще более глубокий стратегический замысел. После того как его войска соединились под Карне, в 32 километрах от Спарты, он обошел столицу и двинулся к ней с тыла. Маневр был рассчитан еще и на то, что вторгнувшимся войскам удастся привлечь на свою сторону значительное число илотов и других недовольных элементов. Однако спартанцам удалось предотвратить это опасное внутреннее движение срочным обещанием освободить илотов от рабства. Кроме того, своевременное прибытие в Спарту сильных подкреплений от ее пелопоннесских союзников предотвратило возможность падения города без длительной осады.

Эпаминонд вскоре понял, что спартанцев не удастся выманить из города и что продолжительная осада приведет лишь к ослаблению его разнородной армии, и отступил, ограничившись опустошением страны.

На горе Итом, являющейся естественной цитаделью Мессении, Эпаминонд построил город Мессена, ставший столицей нового государства Мессения. Он поселил в нем все недовольные элементы, присоединившиеся к нему, и отдал им всю награбленную в ходе войны добычу. Это государство противостояло Спарте в Южной Греции. В результате Спарта потеряла половину своей территории и более половины рабов. Благодаря основанию Эпаминондом нового города-государства Мегалополис в Аркадии, Спарта оказалась окруженной как в политическом, так и в военном отношении системой крепостей, в результате чего экономические корни ее военного могущества были подорваны.

В 369 году до н э. Эпаминонд предпринял новый поход в Пелопоннес, но снова не добился окончательной победы над Спартой и был смещен с должности геотарха.

В следующем году он был послан с войском в Фессалию против Александра Ферского, с которым Эпаминонду удалось заключить договор. По этому договору Фивы получили Фарсал, а друг и соратник Эпаминонда Пелопид, находившийся в фессалийском плену, был освобожден.

Последовавшие в 368—367 годах до н э. попытки эллинов заключить общий мир не привели ни к чему, так как ни одно из главных греческих государств ничем не хотело поступиться в своих требованиях, и в 366 году до н э. Эпаминонд вновь появился в Пелопоннесе с войском. Прежде всего он присоединил к беотийскому союзу остававшихся нейтральными ахейцев. Но вскоре Ахайя вновь отошла от Беотийского союза из-за того, что фиванское правительство, несмотря на возражение Эпаминонда, силой утвердило во вновь присоединенных городах демократию.

В результате, хотя и временной, отставки Эпаминонда демократическая партия Фив из-за своей близорукой политики и ошибочной дипломатии потеряла завоеванные для себя преимущества. Это дало возможность союзникам Фив воспротивиться их руководству. В 362 году до н э. Фивы были поставлены перед выбором: подтвердить свою власть силой или пожертвовать своим престижем.

Для превращения Фив в морскую державу Эпаминонд решил создать флот и настоял на постройке сотни триер и отправлении экспедиции на восток. Византий перешел на сторону Фив, а острова Хиос и Родос также заключили союз с Эпаминондом.

Но скоро против беотийцев образовалась достаточно сильная коалиция, в которую вошли такие крупные государства, как Афины, Спарта, Мантинеи. Эту коалицию возглавил царь Агесилай II.

Вступив на Пелопоннесский полуостров. Эпаминонд воссоединился под Тегоей со своими пелопоннесскими союзниками, оказавшись, таким образом, между Спартой и войсками остальных государств антифиванской коалиции, сосредоточившимися в районе Мантинеи. Когда спартанские войска выступили из города для соединения со своими союзниками, Эпаминонд ночью предпринял внезапный бросок на Спарту, использовав для этой цели свои подвижные войска. Он не добился успеха только потому, что один дезертир своевременно предупредил спартанцев, и они, совершив форсированный марш, возвратились в город. Тогда Эпаминонд решил добиться победы боем и двинулся от Тегеи через долину к Мантинее, находившейся на расстоянии около 19 километров. Противник занял сильную позицию шириной 1, 6 километра в наиболее узком месте долины.

27 июня (или 3 июля) Эпаминонд двинулся прямо к лагерю противника, заставив его построить свои войска в боевой порядок фронтом в направлении ожидаемого наступления Эпаминонда. Однако, не доходя нескольких километров до лагеря спартанцев, он неожиданно повернул влево, укрывшись от наблюдения противника за высотами. Этот внезапный маневр создал угрозу их правому флангу. Чтобы еще больше расстроить боевые порядки спартанцев, Эпаминонд, остановившись, приказал своему войску сложить оружие, показывая, будто собирается расположиться лагерем. Обманутый противник расстроил свои боевые порядки, воины вышли из строя.

Тем временем Эпаминонд под прикрытием легких частей уже закончил построение своих войск в тот порядок, который был когда-то применен в сражении при Левктрах, но еще более совершенный. Затем он подал сигнал к атаке, и воины, быстро разобрав оружие, бросились вперед. Правое крыло спартанцев уже было разбито, и фиванцы теснили центр. Но в этот решающий момент сражения Эпаминонд был смертельно ранен. В войсках беотийцев возникло замешательство, перешедшее в общее отступление.

С гибелью Эпаминонда закончился период возвышения Беотийского союза.

ГАННИБАЛ БАРКА
(247 или 246—183 до н э.)
Представитель рода Баркидов, полководец, командующий пунийскими войсками во 2-й Пунической войне (218—201 до н э.).

Баркиды – древний карфагенский торгово-аристократический род, давший истории немало знаменитых полководцев и политических деятелей. Начало рода Баркиды возводили к одному из спутников легендарной царицы Дидоны – основательницы Карфагена. По преданию, она была дочерью тирского царя Бела, и когда ее брат Пигмалион из алчности убил ее супруга, она вместе со спутниками бежала в Африку, где и основала город Карфаген.

Около VII века до н э. Карфаген стал самым сильным городом в Северной Африке и сам начал основывать колонии. Под его влияние попали греческие колонии на островах Корсика и Сардиния, а за богатые земли Сицилии шла постоянная борьба. К IV веку до н э. Карфаген прочно утвердился в Испании (Иберии).

В III веке до н э., когда полководцы стали выполнять ряд гражданских функций, в практику Карфагенского государства входит принцип сосредоточения в одних руках военной и гражданской власти над какой-либо областью. Особое влияние Баркиды имели в Испании. И фактическое положение их в этой стране было относительно самостоятельным. Об этом свидетельствует заключенный ими с Римом договор, а также чеканка собственных монет. Этому способствовала тесная связь Баркидов с армией, где они пользовались не только авторитетом, но и любовью солдат. Баркиды выступали не только как полководцы, но и как политические деятели, поддерживая тесную связь с «демократическими» группировками. Именно народ ставил Баркидов во главе армии – и Гамилькар, и Гасдрубал были провозглашены стратегами народом, хотя раньше полководцев назначал сенат.

Влияния в правящих кругах Баркиды сумели добиться не только успехами на поле брани, но и огромным богатством, поток которого шел из Испании. Это позволяло им в случае необходимости противопоставлять себя правительству, а их

политические противники так и не сумели добиться установления действенного контроля за их деятельностью. Богатство Баркиды получали не только как добычу, захватываемую во время военных действий, но они имели и постоянные доходы с серебряных рудников. К примеру, у Плиния есть упоминание, что рудник Бебелон ежедневно приносил Ганнибалу 300 фунтов серебра, что свидетельствует о принадлежности данного рудника самому Ганнибалу. Кроме принадлежащих рудников существовал и десятинный налог на доходы местного населения, что давало Баркидам значительную прибыль.

Большую часть населения Испании, находившуюся под властью Карфагена, составляли местные народы. Баркиды не вмешивались без особой нужды во внутренние дела своих подданных, и многие испанские города даже не имели воинских карфагенских гарнизонов. Но при строительстве карфагенянами новых городов, которые становились опорными пунктами Баркидов (Новый Карфаген и другие) и местом расквартирования войск, в них находился постоянный гарнизон приблизительно в тысячу человек.

Значительным этапом в укреплении власти Баркидов на Пиренейском полуострове стали браки карфагенских полководцев с испанками. Эти браки способствовали началу новых отношений Баркидов с местным населением, для которого они стали не враждебными чужеземцами, а собственными вождями.

Самым известным представителем рода Баркидов является Ганнибал Барка, о котором и пойдет речь. Он был первенцем Гамилькара Барки. По древнему пунийскому обычаю первенец предназначался в жертву богу Ваалу. Но отец сумел заменить своего ребенка сыном одного из рабов, а Ганнибала переправил в Иберию и только спустя годы вернул обратно в Карфаген.

Ганнибал был воспитан как непримиримый враг Рима. Уезжая на войну в Иберию, Гамилькар Барка перед алтарем взял с сына клятву, что он никогда не заключит союз с вековым врагом Карфагена.

После гибели Гамилькара Барки и его сподвижника и зятя Гасдрубала в Иберии воины выдвинули Ганнибала полководцем. Он решил закончить покорение Иберии, прочно утвердиться на ней, а затем перейти реку Ибер (Эбро), Пиренеи и Альпы, войти через землю галлов в Италию, чтобы начать наступательную войну против Рима. Ганнибал опасался, что римляне могут начать военные действия первыми, высадившись в Африке, и потому спешил.

Стремясь подготовить войну дипломатическим путем, Ганнибал спровоцировал конфликт между союзным Карфагену

племенем торболетов и союзным Риму городом Сагунгом. После того как между Сагунтом и торболетами начались военные действия, Ганнибал открыто вмешался в конфликт и после долгой осады разорил Сагунт, уничтожив всех его жителей.

После возвращения в Новый Карфаген, служивший ему резиденцией, Ганнибал стал готовить армию, составленную из испанцев и ливийцев, для похода в Италию. Перед походом Ганнибал через доверенных людей установил связи с галлами и узнал, что те готовы заключить союз с Карфагеном. Используя враждебное отношение галлов к Риму, Ганнибал решил избрать своим главным направлением северное, двинувшись через Альпы. Он рассчитывал поднять против Рима все покоренные им племена и с их помощью уничтожить Рим.

Ганнибал принял все меры для безопасности своего тыла, усилив гарнизон Карфагена и оставив значительные воинские силы под командованием своего брата Гасдрубала в Иберии. В распоряжении Ганнибала находилось войско из 90 тысяч пехоты, 12 тысяч конницы и 37 боевых слонов. Однако после передачи в восточную Иберию части своего войска и понесенных потерь в боях с икуртетами у Ганнибала осталось лишь 50 тысяч пехоты и 9 тысяч конницы. Эти пунийские войска и двинулись к Альпам.

Пройдя через земли галлов на Пиренеях, армия Ганнибала к середине лета 218 года до н э. достигла реки Родан, и после первых стычек с римскими войсками под командованием консула Публия Сципиона Ганнибал на плотах-паромах смог переправить свои войска через Рону. Он стремился сохранить свои силы и потому избегал столкновений с римскими войсками.

С приближением Ганнибала к Альпам все племена кельтов восстали против Рима и перешли на сторону Ганнибала, пополнив его войска. В ноябре армия пунийцев начала переправу через Альпы и после труднейшего перехода вышла на равнину. За переход армия сократилась более чем наполовину, в ней осталось 20 тысяч пехоты, 9 тысяч конницы и несколько боевых слонов.

Дав своей армии отдых, Ганнибал перевел ее на земли тавринов, воевавших с инсубрами. Инсубры установили дружественные отношения с Ганнибалом, а тот помог им разгромить тавринов и взять их столицу Таврисию (Турин). После разгрома тавринов на сторону Ганнибала перешли остальные галльские племена.

В первых же сражениях при Тицине и Треббии римские войска были разгромлены. Немалую роль сыграли в этом пунийская конница, действовавшая на равнинах, а также полководческий талант Ганнибала, который сумел навязать римлянам бой в невыгодных для них условиях. Вся Северная

Италия оказалась под контролем Ганнибала. Цизальпинская Галлия стала его базой, обеспечивающей продовольствием и живой силой.

Весной 217 года до н э. Ганнибал через Этрурию решил двигаться в Центральную Италию к Риму. Предварительно он провел разведку дорог и вскоре выяснил, что почти все они хорошо известны противнику, кроме той, которая проходит через болота. Именно она позволяла нанести внезапный удар по римским войскам, которыми командовал Гай Фламиний.

В течение четырех дней и трех ночей армия Ганнибала шла по дороге, покрытой водой, через топкие болота с ядовитыми испарениями. Ганнибал вышел в тыл войскам Фламиния в районе Тразименского озера. Здесь им была организована засада, в которую попала, а затем была уничтожена армия Фламиния.

Однако после этой победы Ганнибал не пошел на Рим, а занялся созданием коалиции из подчиненных Риму племен. Против Рима восстали почти все племена Северной Италии, кроме ценоманов. Через Умбрию Ганнибал двинулся к побережью Адриатического моря на Апулию; он рассчитывал разрушить римско-италийский союз в Центральной и Южной Италии. После официального сообщения Ганнибала в Карфаген о боевых действиях за два года карфагенский сенат принял решение оказать помощь пунийцам в Италии и Испании.

С назначением диктатором Фабия Максима Ганнибал стал терпеть неудачи. Для пополнения запасов продовольствия пунийцам приходилось отлучаться из лагеря или с места стоянки. Большей частью фуражиры погибали от рук римлян. Армия Ганнибала стала уменьшаться, а обещанные сенатом подкрепления не приходили.

Ганнибал не встретил поддержки в Центральной Италии и был вынужден прибегнуть к жестоким репрессиям, что еще более настроило против Ганнибала местное население. Его надежды на восстание рабов в Риме также не оправдались.

После зимовки в лагере около Гереония в 217—216 годах до н э. Ганнибал продолжал оставаться в Апулии. Здесь он одержал одну из самых громких своих побед, разгромив римские войска при Каннах (2 августа 216 года до н э.). В этом сражении были уничтожены около 70 тысяч римлян. Однако и тогда пунийский полководец не пошел на Рим со своей ослабленной армией. Карфагенский сенат по-прежнему не поддерживал Ганнибала ни деньгами, ни флотом, ни воинами, опасаясь усиления его войска. А сам Ганнибал все еще надеялся на выступления против Рима его союзников. Медлительность Ганнибала помогла Риму восстановить боеспособность своей армии. Однако для Рима

стало страшным испытанием не столько поражение при Каннах, сколько переход на сторону Карфагена италийских общин, прежде всего самнитов, надеявшихся избавиться от римского порабощения. Ганнибалу удалось овладеть Самнием, Компсом и столицей Кампании Капуей, вторым по значению городом Италии. От исхода битвы за Капую зависело, какую позицию займут колеблющиеся общины.

Капуанцы вступали в союз с Ганнибалом с целью захвата власти над всем Апеннинским полуостровом. Так же как и Капуя, другие италийские города добивались равноправного союза с Ганнибалом, который обещал сохранить их независимость, земли, а также освободить от всех повинностей и налогов.

Скоро Ганнибал убедился, что его планы по созданию антиримской коалиции из центральных, южноиталийских и греческих городов во главе с Капуей терпят провал. Несмотря на все попытки подчинить себе города Кампании, Ганнибал и примкнувшая к нему Капуя так и не смогли добиться успеха.

Численность пунийской армии продолжала уменьшаться Чтобы отвлечь силы римлян, Ганнибал заключил союз с царем Македонии Филиппом V, который надеялся вернуть Иллирию, частично находившуюся под властью Рима. Ганнибал также рассчитывал на создание антиримского союза из эллинистических государств. К союзу с ним присоединились Сиракузы, рассчитывавшие освободиться от римской зависимости.

Ганнибал понимал, что с имеющимися силами он не может ни захватить Рим, ни покорить латинов, и продолжал надеяться на помощь сената. Снабжение пунийского войска продолжало ухудшаться, союзники отказывались брать на постой его армию, а грабить их Ганнибал не мог, поскольку это могло бы окончательно оттолкнуть их от него. Ганнибалу пришлось довольствоваться разорением земель римских союзников.

В 212 году до н э. после продолжительной осады римляне овладели Капуей. Во время осады Ганнибал почти вплотную приблизился к городу, чтобы оказать помощь капуанцам, но так и не смог прорваться сквозь римские заслоны.

Ганнибал решил устроить демонстративный поход на Рим, чтобы отвлечь внимание от осажденной Капуи, но римляне скоро убедились, что реальная опасность отсутствует. Ганнибал не смог ни овладеть Римом, ни поднять против Рима латинские племена и снова ушел на юг Апеннинского полуострова.

Сразу же после падения Капуи от Ганнибала стали отпадать присоединившиеся к нему италийские города. Ганнибал был вынужден размещать в них гарнизоны и еще более ослаблял свое

войско. Иногда он прибегал к жестоким репрессиям в отношении изменивших ему городов, и это еще более настраивало против него их население.

Не получая подкреплений из Карфагена, Ганнибал уже потерпел несколько поражений в сражениях с римлянами в Центральной Италии. Здесь он рассчитывал на соединение с войском своего брата Гасдрубала, шедшего из Италии. Однако в 207 году до н э. армия Гасдрубала была разбита в сражении на реке Метавре, а сам командующий погиб.

С разгромом войска Гасдрубала Ганнибал лишился последней надежды на подкрепление. С остатками своего войска он удалился на самую крайнюю точку Апеннинского полуострова – в город Бруттий. Он даже не смог оказать помощь своему брату Магону, высадившемуся с войском в Лигурии.

Постепенно главный театр военных действий перемещался в Африку, куда весной 204 года до н э. высадились легионы Сципиона. Но Ганнибал продолжал оставаться в Италии. Карфагенский сенат был готов уже заключить мир с Римом, но встретил сопротивление со стороны группировки Баркидов, которые настаивали на необходимости отзыва Ганнибала из Италии, надеясь, что непобедимый полководец сможет изменить ход войны.

Осенью 203 года до н э. Ганнибал с остатком своего войска высадился у города Лептиса и поспешил в глубь страны, где уже находились римляне. Ему удалось установить контакты с некоторыми нумидийскими племенами и ливийскими городами и общинами.

В 202 году до н э. у селения Нарагарра состоялась встреча Ганнибала со Сципионом. Однако эта встреча не принесла никаких результатов, и скоро последовало сражение при Заме – Нарраггаре. Это сражение стало последним сражением 2-й Пунической войны. Войска Ганнибала попали в окружение и были наголову разбиты. С небольшим отрядом Ганнибал бежал в Гадрумет.

Теперь все свои силы Ганнибал приложил к тому, чтобы убедить жителей Карфагена принять унизительные условия мира, продиктованные Сципионом.

Сам Ганнибал был избран суфетом и сразу же после своего избрания стал осуществлять программу внутреннего обновления страны. Поскольку члены олигархического совета (совета ста четырех), избираемые на свою должность пожизненно, не подчинялись закону, Ганнибал при поддержке народного собрания полностью обновил совет. Он также ввел строгую финансовую дисциплину, что позволило ему, не прибегая к

повышению налогов на граждан, использовать все взимаемые на суше и на море пошлины на государственные нужды. Ганнибал не только смог выплатить Риму контрибуцию, но и пополнил государственную казну в надежде рано или поздно возобновить войну с Римом.

Карфагенская аристократия, ранее бесконтрольно распоряжавшаяся финансами страны, теперь лишилась этой кормушки и стала обвинять Ганнибала в ущемлении их прав и свобод. В Рим полетели доносы на Ганнибала.

В самом Риме было хорошо известно, что Ганнибал ведет переговоры с сирийским царем Антиохом III с целью создания военного союза против Рима. Приехавшие в Карфаген послы из Рима потребовали выдачи Ганнибала. Это вынудило полководца бежать к Антиоху III. Вместе с ним Ганнибал стал разрабатывать план новой войны.

В Риме опасались новой войны с Ганнибалом, и в 193 году до н э. к Антиоху III было направлено посольство с целью разрешения всех сложных вопросов. Посольство также предполагало установить личные контакты с Ганнибалом.

Римскому посольству удалось скомпрометировать Ганнибала в глазах Антиоха, породив недоверие к нему. Теперь с мнением Ганнибала на военных советах уже не считались. Антиох не стал заключать союз с Филиппом V и переносить войну в Италию, как ему советовал Ганнибал. Войну с Римом Антиох решил вести самостоятельно.

После того как войска сирийского царя переправились через Геллеспонт, Рим в ноябре 192 года до н э. объявил войну Сирии. Этолийский союз провозгласил Антиоха III своим верховным стратегом. Однако только этолийцы и афаманы (Эпир) были готовы поддержать Антиоха III. В войне принял участие и Ганнибал, командовавший одной из сирийских эскадр.

Первое поражение войска Антиоха III потерпели в сражении при Фермопилах, а в 190 году до н э. Антиох был вторично разбит в сражении при Метнезии. По Арамейскому миру сирийский царь отказался от своих владений в Европе и Малой Азии и лишился права вести наступательную войну с западными государствами. Но одним из главных условий договора была выдача Ганнибала.

Ганнибал был вынужден бежать в Армению, затем на Крит, а оттуда в Вифинию к царю Прусию. Здесь он пробыл пять лет, пока о присутствии Ганнибала в Вифинии не узнал победитель Филиппа V Македонского Тит Фламинин. Не сообщив об этом в сенат, он сразу выехал в Вифинию и, придя к царю Прусию, заявил, что ему известно, где скрывается Ганнибал. Царь Вифинии сразу же согласился выдать Ганнибала и поставил у

всех входов в подземелье, где жил пунийский полководец, надежную охрану.

Узнав, что к царю Прусию прибыл римлянин с чрезвычайной миссией, Ганнибал почувствовал опасность и пытался бежать. Но, наткнувшись на стражу, он понял, что наступил конец. Не желая попадать в руки римлян, Ганнибал принял яд, от которого последовала мгновенная смерть. Похоронили Ганнибала в Вифинии.

Плутарх писал: «Когда это известие дошло до сената, многим из сенаторов поступок Тита показался отвратительным, бессмысленным и жестоким, он убил Ганнибала… убил без всякой необходимости, лишь из тщеславного желания, чтобы его имя было связано с гибелью карфагенского вождя. Приводили в пример мягкость и великодушие Сципиона Африканского… Большинство восхищалось поступками Сципиона и порицало Тита, который наложил руку на того, кого сразил другой».

ПУБЛИЙ КОРНЕЛИЙ СЦИПИОН АФРИКАНСКИЙ СТАРШИЙ (235—183 до н э.)

Римский полководец и государственный деятель, проконсул Испании (211 до н э.), консул (205 и 194 до н э.).

Династия Сципионов относится к патрицианскому роду Корнелиев, из которого в III и II веках до н э. вышли выдающиеся полководцы и государственные деятели, имена которых вошли в историю. Все они способствовали укреплению гегемонии Рима в Средиземноморье. Об их жизни и деяниях сохранились сведения у античных авторов – Тита Ливия, Аппиана и Полибия, хотя ни у кого из них нет полной и подробной биографии ни одного представителя рода Сципионов. Возможно, что их биографии утрачены с течением веков, как и многие другие древние тексты, но по многочисленным разрозненным сведениям о представителях этой династии воинов можно составить описание их жизни. Известен также фамильный склеп Сципионов, высеченный в скале на Аппиевой дороге.

Имя «Scipio» переводится словом «Посох». Оно связано с легендой о молодом человеке, который везде сопровождал своего слепого отца, как бы служа ему посохом. Все представители рода Сципионов отличались строгим патриархальным воспитанием, скромностью, почитанием и преданностью своим старшим родственникам.

В течение двух столетий Сципионы занимали должности консулов и цензоров. Наибольшую славу представители этого рода достигли в период Пунических войн.

Во время 1-й Пунической войны с карфагенянами сражались два брата – Луций Корнелий Сципион и Гней Корнелий Сципион Азина («Ослица»).

Луций Корнелий был избран консулом в 259 году до н э. и отправился на завоевание Корсики и Сардинии, находившихся под властью Карфагена. Он без особого труда покорил Корсику, жители которой ненавидели пунийцев, опустошавших их остров. Затем Луций Корнелий направился в Сардинию. По пути к острову он встретился с карфагенским флотом, и тот, не

принимая сражения, повернул обратно. Это позволило войскам Луция Корнелия Сципиона беспрепятственно высадиться на острове и осадить хорошо укрепленный город Ольбию. Однако консул вскоре понял, что для длительной осады у него не хватит сил, и возвратился в Рим с целью набора нового резерва для своего легиона. После вторичного прибытия на остров Сципиону удалось взять Ольбию. Римляне на правах победителей разграбили Корсику и Сардинию, приведя оттуда тысячи пленных.

Гней Корнелий Сципион Азина стал консулом в 260 году до н э. и принял командование над римским флотом, направленным к Липарским островам вблизи Сицилии. Незадолго до этого липарцы обещали сдать римлянам свой главный порт, чем и спешил воспользоваться Сципион, приведя свой авангард в составе 17 судов к городу. Однако, дав возможность Сципиону войти в гавань, командующий пунийской эскадрой Ганнибал Гискон заблокировал их в гавани, взял в плен и вместе с консулом и всеми судами отправил в Карфаген. Из плена Гней Корнелий вернулся в 254 году до н э. и вновь был избран консулом. Вместе с Гаем Семпронием Блезом он был поставлен во главе римского флота, состоящего из 300 кораблей. Флот отплыл к берегам Сицилии и, пристав к городу-крепости Панорму, осадил его. Несмотря на сильные укрепления города, консулам удалось, использовав осадные сооружения, быстро захватить Панорм. Вслед за тем римлянам добровольно сдались ряд других сицилийских городов, жители которых сами изгоняли пунийские гарнизоны. В 253 году до н э. 260 судов под командованием Сципиона и Блеза подошли к берегам Африки. Римляне опустошили окрестности Карфагена, однако это не помогло изменить ход войны. По возвращении к берегам Сицилии флот был застигнут бурей, в результате которой 150 судов погибли. Итогом похода стало решение сената не посылать больше флот для плавания за пределы Италии, ограничив его численность 60 судами.

В период между войнами представители рода Сципионов воевали с галлами, исконными противниками Рима. В сражениях с галлами отличился Гней Сципион Кальв («Лысый»), а в 218 году до н э. 2-ю Пуническую войну начал в должности консула его брат – Публий Корнелий Сципион, отец будущего героя, победителя Ганнибала, Сципиона Африканского.

Незадолго до начала войны Сципион получил назначение в Иберию для предстоящих действий против армии Ганнибала. Армия Сципиона состояла из двух легионов, в которых насчитывалось до 23800 воинов. Действия его войск

поддерживали 60 пятипалубных кораблей и 8 легких вспомогательных судов.

Сципион выступил в поход, еще не зная, что Ганнибал уже вышел из Иберии и перешел Пиренеи. Получив наконец известие об этом, консул преградил путь Ганнибалу на реке Роне. В первых столкновениях Сципиону удалось одержать победу над авангардными отрядами пунийцев, и консул решил, что Ганнибал не рискнет переправляться через стремительную реку. Однако пунийскому полководцу удалось переправить армию в верхнем течении Роны и двинуться к Альпам, о чем Сципион получил сведения со значительным опозданием. Тогда он направил часть сил под командованием своего брата Гнея в Испанию, а с остальной, меньшей, частью своей армии направился к Пизе. Здесь он узнал, что Ганнибал, совершив труднейший переход через Альпы, вышел в Северную Италию, где почти не было римских легионов.

Перед Сципионом встала труднейшая задача – сдержать армию Ганнибала и подавить выступления кельтов, перешедших на сторону пунийского полководца. Переправившись через реку По, Сципион повел свое войско навстречу Ганнибалу.

В ноябре 218 года до н э. у реки Тицин оба полководца во главе своих небольших отрядов провели рекогносцировку местности, в ходе которой случайно встретились друг с другом. В ходе боя пунийская конница обошла с тыла римскую пехоту и обратила ее в бегство. В этом бою Сципион получил тяжелое ранение и спасся лишь благодаря своему 17-летнему сыну – будущему победителю Ганнибала.

В 216 году до н э. Сципион во главе 8 тысяч воинов и 20 кораблей был направлен на помощь своему брату Гнею в Испанию. Вначале братьям сопутствовал успех – они не дали Гасдрубалу прорваться на помощь брату в Италию, но вскоре обстановка изменилась, а через некоторое время на Пиренейском полуострове появились нумидийские отряды царя Масиниссы, против которых и стала действовать армия Сципиона. Кроме нумидийцев против Сципиона выступил и испанский царек Андобал. Чтобы не дать соединиться Андобалу с Масиниссой, Сципион ночью тайно вышел из лагеря, стремясь разбить испанца. Однако нумидийский полководец внимательно следил за действиями римлян и в разгар боя с отрядами Андобала ударил в тыл войска Сципиона. Одновременно действия Масиниссы были поддержаны отрядами Гасдрубала. Римляне были наголову разбиты. Сципион, пытавшийся собрать свои войска, был сражен брошенным копьем.

После поражения римских войск в Испании в Риме встал

вопрос о новом командующем войсками, способным заменить погибших полководцев. В назначенный день граждане Рима собрались на Марсовом поле, чтобы принять решение о новом полководце. Но никто не изъявлял желания принять на себя сей тяжкий груз – верховную власть в Испании. Тогда на возвышение поднялся Публий Корнелий Сципион – сын погибшего полководца, и заявил о своей готовности занять место погибшего отца. Было ему в то время 24 года. Его заявление римляне встретили одобрительными возгласами и пожелали ему «счастливого и благополучного служения».

Публий Корнелий Сципион, прозванный впоследствии Африканским Старшим, родился в 235 году до н э. По линии отца он принадлежал к славному патрицианскому роду Корнелиев Сципионов и носил то же имя, что и отец. Его дед и дяди прославились на военном поприще. В дальнейшем он продолжил воинские традиции своего рода и как полководец даже превзошел своих предков. Матерью Сципиона Африканского была представительница плебейского сенатского и всаднического рода Помпониев, имевшего этрусские корни. Первые консулы в роду Помпониев появились в 233 и 231 годах до н э. Они воевали в Сардинии, захваченной у Карфагена, нанесли серьезное поражение восставшим сардам и были удостоены триумфа.

Спустя столетия, уже в имперскую эпоху, о рождении Сципиона Африканского было сложено несколько легенд, так как великому человеку полагалось и на свет появиться необычайным образом. Рассказывали, что Помпония, уже отчаявшись родить ребенка, увидела на своей кровати змея, который исчез при поднятой тревоге. Публий Сципион-отец испросил гадателей об этом явлении. Те ответили, что очень скоро бесплодная женщина родит сына, которому выпадет судьба стать великим человеком. Сципиону Африканскому предписывался и пророческий дар, который объясняли особыми отношениями его с богом Юпитером, имея в виду, что Юпитер принимал непосредственное участие в рождении Сципиона. Но все это лишь создавало поэтический образ «римского Александра». При жизни Публий никогда не отрицал слухов о своем даре видеть вещие сны, но и в то же время не подтверждал сложившегося мнения.

В детстве Публий Сципион и его брат Луций получили прекрасное образование. Они свободно владели греческим языком и отдавали предпочтение изысканной литературе эпохи эллинизма. Публий одевался в греческий плащ и носил длинные кудри. Этой моде позже стали подражать его потомки. Одновременно братьям были привиты начала строгой римской доблести, отличавшей несколько поколений Сципионов, которые

считались в народе образцом чести, за что и были любимы римлянами.

Публий рано женился. Его женой стала дочь прославленного римского полководца Луция Эмилия Павла. Со своей женой Эмилией Публий прожил во взаимном согласии долгую жизнь. Их дочь Корнелия стала матерью знаменитых трибунов Гая и Тиберия Гракхов.

Сципион начал военную карьеру в возрасте семнадцати лет, приняв участие в первых сражениях в войне с Ганнибалом в составе войск под командованием отца. В битве при Тицине в 218 году до н э. он спас жизнь отцу, когда тот был окружен нумидийской конницей. Он сумел прорваться сквозь линию конников и вывести раненого отца в римский лагерь. Через два года он получил чин военного трибуна 2-го легиона и участвовал в битве при Каннах, в которой римляне потерпели тяжелое поражение. Вместе с 10 тысячами воинов он отошел к одному из римских лагерей, а затем, несмотря на молодость, он возглавил 4-тысячный отряд, с которым пробился сквозь вражеский заслон к городу Канузий. Он восстановил дисциплину в войсках, потерявших веру в победу и решивших покинуть Италию.

В возрасте 22 лет Сципион выставил свою кандидатуру на должность курульного эдила, а на все возражения противников, которые считали его слишком молодым для столь высокого поста, он отвечал: «Если граждане захотят избрать меня эдилом, то мне достаточно лет».

Приняв римские войска после гибели отца, Сципион принял и высшую власть, которая была ему дана особым постановлением народного собрания – он получил права проконсула. За пять лет войны римские войска под его командованием одержали ряд блестящих побед. В 209 году до н э. ими была взята неприступная с суши крепость Новый Карфаген. Для ее захвата Сципион использовал время отлива, ворвавшись в крепость со стороны, обращенной к морю. Он проявил себя не только как хороший стратег, но и как дальновидный дипломат. Сципион отпускал захваченных в плен иберийцев и возвращал в семьи знатных заложников. Благодаря его действиям, Риму удалось заручиться поддержкой многих иберийских племен. В 206 году до н э. одержанная им победа в сражении при Илике поставила последнюю точку в споре Рима и Карфагена за Испанию. В этой битве 70-тысячная армия пунийцев была полностью разгромлена, и римские войска преследовали противника до Гибралтара. Тогда Сципион сказал слова, означавшие, что во 2-й Пунической войне произошел решающий перелом: «До сих пор карфагеняне воевали против римлян, теперь судьба дозволяет римлянам идти войной

на Карфаген».

Вернувшись в Рим, Сципион дал сенату отчет о завоевании Испании. Это событие по решению сената было отмечено гекатомбой – торжественным жертвоприношением ста быков.

На следующий год Сципион был избран консулом, и ему было передано управление Сицилией. Она и стала плацдармом для римлян при вторжении в Африку, которое произошло в начале лета 204 года до н э. Флот в составе 40 военных кораблей и 400 транспортных судов отплыл с острова Сицилии к берегам Африки. Перед отплытием полководец обратился к богам с молитвой и, по обычаю, бросил в море части жертвенных животных. Через два дня римские войска вступили на землю Ливии и осадили крупнейшую карфагенскую крепость Утику. В период осады Сципион пошел на военную хитрость. Он заключил с пунийцами временное перемирие и под видом послов посылал в крепость опытных военных, которые провели разведку и собрали подробные сведения о противнике. После разрыва перемирия, благодаря этим сведениям, Сципиону удалось за одну ночь уничтожить сразу две армии – карфагенскую, под командованием Гасдрубала, и нумидийскую, под командованием царя Сифака. Дальше римляне двинулись на Карфаген.

Для защиты города в Карфаген был срочно вызван Ганнибал, который воевал на протяжении шестнадцати лет в Италии против римских войск. Под его командованием пунийские войска подошли к древнему городу Заме, расположенному в ста двадцати километрах юго-западнее Карфагена. Здесь весной 202 года до н э. и произошло сражение, положившее конец 2-й Пунической войне. По численности обе армии – римская и карфагенская – были приблизительно равны, но римляне превосходили противника по численности конницы в три раза, благодаря переходу на их сторону войск нумидийского царя Масиниссы.

Перед началом сражения произошла личная встреча двух великих полководцев – Ганнибала и Сципиона. В сопровождении только переводчиков они беседовали на полосе, разделяющей две стоящие друг против друга армии, но договориться о мире им не удалось. А на рассвете следующего дня началась битва. Ганнибалу не повезло: весь его план сражения был разрушен его же боевыми слонами, которых он решил использовать в битве. Животные, вероятно, испугались звуков труб и громких воинских криков. Они стали метаться, разметав на флангах карфагенскую конницу, а та, в свою очередь, при отходе врезалась в ряды тяжеловооруженной пехоты и смяла строй. Римляне также направили основной удар против этой части карфагенских войск,

которая, отступая под их натиском, опрокинула ряды стоящих за ними своих же солдат. Разгром армии Ганнибала завершила нумидийская конница, вышедшая ей в тыл. После битвы при Заме, потеряв войска, Карфаген был вынужден согласиться на условия мира, предложенные Сципионом. По ним за Карфагеном сохранялись только владения на территории Африки, он лишался всего флота и в течение пятидесяти лет должен был выплачивать Риму контрибуцию в размере 10 тысяч талантов. Условия мира с Римом подписали 30 знатнейших карфагенян, прибывших в лагерь Сципиона в качестве послов.

Рим встретил Сципиона всенародным ликованием. Ему был устроен грандиозный триумф, после которого он получил к своему родовому имени приставку «Африканский».

В дальнейшем он занимал ряд видных государственных постов, и в 190 году до н э. как легат был направлен в Сирию. Он заключил выгодный для Рима мир с царем Антиохом III после победы римлян в битве при Магнесии. Брат Сципиона, Луций, как военачальник тоже получил триумф и добавил себе к имени приставку «Азиатский».

Но, как это часто случается, великие люди испытывают на себе изменчивость фортуны. Завистники обвинили Сципиона и его брата не только в хищениях и утаивании военной добычи, но и в государственной измене. Сципиону приписали стремление к захвату неограниченной власти и сговор с сирийским царем Антиохом, у которого в плену находился сын Публия Сципиона. Имущество героя 2-й Пунической войны подверглось конфискации, но никаких «спрятанных сокровищ» в его доме не было найдено. В отношении его брата Луция было даже принято предписание о заключении его в тюрьму, и только наложенное вето народного трибуна Тиберия Семпрония Гракха отменило это предписание. Гракх не разделял политических пристрастий Сципионов, но и не мог допустить, чтобы с братом победителя Ганнибала обошлись несправедливо.

В знак благодарности и восхищенный благородством Гракха, Сципион Африканский отдал ему в жены свою дочь Корнелию.

В день пятнадцатой годовщины битвы при Заме Сципион был вместо поздравления вызван в суд. Но он предстал перед судьями не как обвиняемый, в одежде смиренного просителя, а как победитель, в праздничном одеянии. В суде Сципион дал отчет римскому народу о своей прежней жизни, зачитав длинный список одержанных им побед во славу Рима, а затем предложил всем проследовать за ним на Капитолийский холм для совершения жертвоприношения в честь победы над Ганнибалом. Так Сципион ответил своим врагам, а затем удалился от дел.

Последние годы он прожил в своем поместье в Литерне, в добровольном изгнании. Постепенно всеми забытый, он скончался в возрасте пятидесяти двух лет. Сципион еще при жизни не пожелал быть захороненным в Риме. На его гробнице в Литерне высечены слова: «Неблагодарное отечество, да оставит тебя мой прах».

Его судьба похожа на судьбу другого полководца и его военного противника – Ганнибала. Оба великих военачальника окончили свои дни в изгнании и даже скончались в один год – 183-й до н э. Последний раз они встретились не на поле боя, а при дворе царя Антиоха III, который дал приют изгнанному из отечества Ганнибалу. Во время беседы Сципион спросил у Ганнибала, кто, по его мнению, лучший из известных в мире полководцев. Тот ответил, что лучшими он считает Александра Македонского, Пирра и себя. «А что бы ты сказал, если бы я не победил тебя?» – спросил Сципион. «Тогда бы не третьим, а первым считал я себя среди полководцев», – ответил Ганнибал.

ЛУЦИЙ КОРНЕЛИЙ СУЛЛА (138–78 до н э.)

Римский полководец, претор (93 до н э.), консул (88 до н э.), диктатор (82 до н э.).

Одним из самых древних римских родов является род Корнелиев, давший римской истории большое число государственных деятелей и полководцев. Род имел две ветви – плебейскую и патрицианскую. К плебейским фамилиям принадлежали фамилии Бальбы, Галлы, Мерулы и другие. Наибольшую известность в плебейской ветви рода Корнелиев получил Луций Корнелий Бальб, ставший одним из ближайших сподвижников Гая Юлия Цезаря и первым среди некоренных римлян получивший консульство. Из женщин рода Корнелиев самой знаменитой можно назвать дочь Публия Сципиона Африканского Старшего Корнелию. Она получила известность не только как мать народных трибунов Тиберия и Гая Гракхов, но и как очень образованная женщина. После смерти мужа, Тиберия Семпрония Гракха, Корнелия посвятила себя заботе и воспитанию детей, а их у нее было двенадцать. Она не согласилась стать женой царя Птолемея. Однажды, когда ее спросили о том, почему она не носит украшений, она ответила, показывая на своих детей: «Вот мое украшение».

Наибольшим влиянием в Риме пользовались фамилии патрицианской ветви рода Корнелиев. Из знаменитых полководцев стоит отметить Сципионов, самых знаменитых военачальников периода войн с Карфагеном. Представители Корнелиев выделились в республиканский период, они занимали должности старших сенаторов и верховных жрецов. Среди них стоит отметить Луция Цинну – знаменитого представителя демократической партии последнего периода Республики.

К Корнелиям относилась и патрицианская фамилия Сулл. Древние историки возводят эту фамилию не просто к патрициям, а к эвпатридам, что означает в буквальном смысле «происходящие от славного отца», то есть к представителям высшей родовой знати. К ним относился, к примеру, консул Руфин, прославившийся тем, что был исключен из сената за то, что имел более десяти фунтов серебряной посуды, чего закон не позволял.

Потомки Руфина уже были не так богаты, а многие существовали на грани бедности. Самым знаменитым представителем этой фамилии был Луций Корнелий Сулла.

Он родился в 138 году до н э. в семье, которая отличалась знатностью, но не богатством. Сулла получил традиционное для знатного римлянина образование. Его подробная биография есть у Плутарха, и из нее можно узнать, что свою молодость Сулла провел частично в легкомысленных увеселениях, частично в занятиях литературой. О его внешности Плутарх писал следующее: «Все лицо его было покрыто неровной красной сыпью, под которой кое-где была видна белая кожа». Еще Плутарх отмечал его взгляд – тяжелый и проницательный, а светло-голубые глаза в сочетании с цветом лица и огненно-рыжими волосами делали взгляд Суллы страшным и трудноперенос имым.

Военную службу он начал поздно, но сумел быстро сделать карьеру. Своим успехам, как считал сам, он был обязан удаче и особому покровительству богов. Он отличался незаурядным умом, дерзкой смелостью и коварством. Сулла часто шел наперекор установленным правилам и традициям.

В 107 году до н э. он стал квестором консула Мария во время Югуртинской войны и содействовал ее окончанию, побудив путем искусных переговоров царя Бокха Мавританского выдать Югурту. Взяв Югурту в плен в 105 году до н э., Сулла снискал в Риме громкую славу и ненависть Мария. В 103 году до н э. он исполнял должность легата во время войны с германцами, а на следующий год был избран военным трибуном. Принимал участие в войнах с кимврами и тевтонами, отличился во время Союзнической войны. Вскоре в Риме заговорили о Сулле-полководце, и его военные победы позволили ему выдвинуться на первый план, оттеснив Гая Мария.

В 87 году до н э. Сулла был избран консулом и получил приказ вести войска на первую войну с понтийским царем Митридатом, что вызвало возмущение среди сторонников Мария. Сулла уже успел отправиться к войску, чтобы оттуда отплыть к Понту, как неожиданно узнал, что в Риме партия под предводительством народного трибуна Публия Сульпиция Руфа отстранила Суллу от командования и передала консульскую власть Марию.

Пользуясь в своем войске широкой поддержкой, Сулла отказался сложить консульство и повел свои войска на Рим. «Он не следовал заранее намеченному плану, но, потеряв власть над собой, предоставил своему гневу распоряжаться происходящим», – пишет Плутарх об этих событиях. Он стал первым из государственных деятелей Рима, кто использовал

армию в борьбе с политическими противниками. Войдя с войском в город, он заставил народное собрание и сенат объявить главнейших из своих противников изменниками отечества, а за голову Мария даже была объявлена награда.

В течение следующего года, находясь в Риме, Сулла предпринял ряд шагов, направленных на закрепление здесь своей власти. Сульпиций и его сторонники подверглись жестоким репрессиям. Для упрочения власти олигархии Сулла реализовал ряд законодательных мер, после которых государственный строй Рима претерпел значительные изменения. Была ограничена законодательная власть народного собрания, все законы, предлагаемые народными трибунами, подлежали предварительному обсуждению в сенате. Число сенаторов было увеличено на 300 новых членов из числа сторонников Суллы.

Получив ожидаемое консульство, Сулла во главе шести легионов отбыл на войну. В 87 году до н э. его войска (30 тысяч) высадились в Эпире и повели наступление на Афины, которые были главной базой понтийских войск и флота. Разбив в Беотии высланные против него понтийские отряды, Сулла начал осаду Афин. После долгого сопротивления Афины и порт Пирей были взяты штурмом и подверглись страшному разграблению. Сулла широко прибегал к «конфискации» сокровищ греческих храмов. Он не пощадил ни Олимпию, ни Дельфы, а при осаде Афин по его приказу были вырублены священные рощи Академии и Ликея.

В 86 году до н э. армия Суллы разгромила в битве при Херонее (Беотия) численно превосходившую ее понтийскую армию (100 тысяч пехотинцев и 10 тысяч всадников), возглавляемую полководцем Митридата Архилаем. В результате этой победы многие греческие города стали переходить на сторону Рима. Несмотря на победы, одержанные Суллой, группировка его противников, вновь захватившая власть в Риме, решила отстранить Суллу от командования армией. В Грецию уже прибыл консул Флакк с двумя легионами и приказом сменить Суллу. Однако численное превосходство было на стороне Суллы, и Флакк решил не испытывать судьбу, а, напротив, усилить своими войсками Суллу в Малой Азии.

В 85 году до н э. при городе Орхомене (Беотия) произошло сражение между новой понтийской армией и легионами Суллы. Это сражение было наиболее кровавым из всех сражений первой войны с Митридатом. Под натиском превосходящих сил противника легионы были смяты и бежали. И тогда сам Сулла, вырвав знамя у легионера, повел войска в новую атаку. Это помогло переломить ход сражения, участь которого решилась в пользу Рима.

Скоро Сулла смог организовать флот, который оттеснил флот Митридата и взял под свой контроль Эгейское море. Одновременно армия Флакка в Малой Азии захватила город и базу Митридата – Пергам.

Митридат уже не мог вести войну из-за отсутствия у него новых резервов и запросил у Суллы мира. Сулла и сам хотел поскорее покончить с войной, чтобы отправиться в Рим для борьбы со своими политическими противниками. Поэтому он потребовал от Митридата очищения захваченных территорий в Малой Азии, выдачи пленных и перебежчиков и предоставления ему 80 кораблей и 3 тысяч талантов контрибуции. Заключив Дарданский мир и разгромив в Малой Азии войска Фимбрия, посланные против него, Сулла отбыл с армией в Италию. Весной 83 года до н э. он высадился в Брундизии. Его солдаты дали клятву не расходиться по домам и до конца поддерживать своего полководца. В Италии ему противостояли две армии. Часть населения Италии перешла на сторону Суллы.

Консулы ожидали его наступления в Кампании, куда они и стянули большую часть своих войск. Однако Сулла высадился в Апулии, которую превратил в плацдарм для дальнейшего наступления на Рим. Здесь его 40-тысячная армия получила значительное усиление – на его сторону перешел Гней Помпей с двумя легионами, и скоро Сулла перевел войска в Кампанию.

Здесь у города Тифата было разбито войско консула Норбана – одного из сподвижников Мария, а войско другого консула – Сципиона – перешло на сторону Суллы, соблазненное высоким жалованьем.

В течение зимы 83/82 года до н э. Сулла и его противники готовились к предстоящим боевым действиям. Сулла разделил свои войска на две группы. Одна заняла Пицен и Этрурию, а другая под командованием самого Суллы двинулась на Рим. У городка Сигния (Сакрипорта) армия Суллы разгромила численно превосходившие ее силы, состоявшие из новобранцев, под командованием сына Мария, Гая Мария Младшего. (Он покончил с собой после падения города.) Оставив часть своих войск в Риме, Сулла двинул армию на противника, сосредоточенного в городе Пренесте. Оставив отряд для блокады города, Сулла отправился в Этрурию, где разгромил армию консула Карбона. Сам Карбон, бросив армию, бежал в Африку.

Основная часть сторонников Мария по-прежнему оставалась блокированной в городе Пренесте и скоро должна была сдаться. Однако в октябре 82 года до н э. на помощь к осажденным прорвалась 70-тысячная армия самнитов, которая деблокировала осажденных и вместе с ними двинулась на Рим. Наскоро стянув к

Риму все имеющиеся в его распоряжении войска, 1 ноября 82 года до н э. Сулла преградил путь противнику у Коллинских ворот Рима. Сражение продолжалось в течение двух дней и одной ночи. Лишь к концу второго дня Сулла смог нанести противнику последний удар.

После одержанной победы Сулла обратился с письмом к сенату, в котором предложил для устройства государства наделить его диктаторскими полномочиями. Сулла был назначен диктатором на неопределенный срок. Теперь, для укрепления своего положения, удовлетворения своей мести и награждения своих сторонников, Сулла ввел так называемые проскрипции – списки своих противников, подлежащих уничтожению. В эти списки включались и богатые люди, имущество которых должно было перейти в казну. (По сведениям древних авторов, в эти списки было внесено около 300 имен.) Родственники и последующее потомство внесенных в списки Суллы лишались гражданских прав и не могли занимать государственные должности.

Террор также обрушился и на целые города и области, прежде всего на Самний и Этрурию, которые приняли активное участие в борьбе против Суллы. В период террора головы казненных выставлялись на форуме для всеобщего обозрения. За время проскрипций погибли 90 сенаторов и 2600 всадников.

После конфискации имущества и земель у противников в руках Суллы оказались огромные средства. Значительную их часть получили сторонники Суллы. Из конфискованных земель многие воины – участники военных походов под его началом, наделялись земельными участками. Каждый воин получал до 30 югеров плодородной земли.

В поисках новых союзников среди населения не только Рима, но и всей Италии Сулла был вынужден признать равноправие всех ее граждан. В Риме его опорой стали и отпущенные на свободу рабы, принадлежавшие погибшим при проскрипциях. По обычаю они получали права римского гражданства и имя того, кто их отпустил на волю – так в Риме появились 10 тысяч вольноотпущенников Корнелиев, при помощи которых определялись решения на народных собраниях. Часть вольноотпущенников вошла в отряд телохранителей Суллы.

При Сулле была особенно усилена роль сената и ограничена власть народного собрания. Сулла наделил сенат новыми полномочиями – передал ему контроль над финансами и право цензуры. Состав сената он также увеличил с 300 до 600 членов из числа своих сторонников.

Особенный удар Сулла нанес по народным трибунам. Все их

предложения должны были предварительно обсуждаться в сенате. Было решено, что человек, занявший должность народного трибуна, не может дальше претендовать на более высокие государственные должности.

После того как Сулла убедился, что достиг своей цели, он неожиданно сложил с себя полномочия диктатора и поселился в своем поместье в Кумах, где отдавал предпочтение литературе и предавался удовольствиям. Здесь он и умер в 78 году до н э. от апоплексического удара.

Современники писали, что Сулла состоял из двух половин – лиса и льва, и неизвестно, какая из них была наиболее опасная. Сам Сулла говорил о себе как о баловне судьбы и даже приказал сенату называть себя Суллой Счастливым. Ему действительно везло, ведь на войне он не проиграл ни одного сражения.

Но своими удачами Сулла был обязан не столько благоприятствующим обстоятельствам, сколько своим личным качествам, чрезвычайной силе духа и тела, непреклонной последовательности и беспредельной жестокости. Отказ от диктаторской власти у него был вызван не столько нравственными соображениями, сколько стремлением жить в свое удовольствие, не неся никаких обязанностей, которые в конце жизни Сулле стали надоедать.

ЛУЦИЙ ЛИЦИНИЙ ЛУКУЛЛ (ок. 117–56 до н э.) *Римский полководец.*

Лукулл, прозванный Понтийским, происходил из известного рода Лициниев. Его предком был знаменитый народный трибун Гай Лициний Столон. По линии матери он состоял в родстве с Метеллом Нумидийским, который приходился ему дядей. В дальнейшем Лицинии достигли императорской власти – получил ее Цезарь Лициниан Лициний Август, вошедший в историю под именем Лициний, став римским императором. Он был другом и военачальником императора Галерия, который провозгласил Лициния соправителем с титулом августа. Вначале его власть распространялась только на Рецию и Паннонию, но после смерти Галерия и одержанной победы над Максимилианом Дазой под Адрианополем он стал правителем всей восточной части империи. Единственным его противником, мешавшим Лицинию стать полным правителем всей империи, был Константин I. Некоторое время они были даже союзниками, и Лициний женился на его сестре. Ими совместно был издан Миланский эдикт (в 313 году) о свободном исповедании христианства. А власть они поделили. Константин присоединил к своим владениям Паннонию, Далмацию, Дакию, Македонию и Грецию, а Лициний – Малую Азию, Сирию и Египет.

Но примирение оказалось недолговечным, и в 324 году вражда возобновилась. Войско Лициния насчитывало 150 тысяч солдат, 15 тысяч конницы и около 350 галер. Константин противопоставил 120 тысяч конницы и пехоты и 200 кораблей. В решительном сражении Лициний был разгромлен, но успел бежать в Византий, а оттуда в Малую Азию, где собрал новое войско. Но и здесь удача была не с ним – Константин снова разгромил его. Лицинию было обещано сохранение жизни при условии, что он отречется от власти. Он принял условия победителя и в 324 году снял с себя императорскую мантию. Лициний был выслан в Фессалоники. В следующем году по приказу Константина он был тайно убит.

Сам Лукулл был третьим в роду, кто носил полное имя Луций Лициний Лукулл. Так же звались его дед и отец. Первый был в 151 году до н э. консулом, а второй (в 102 году до н э.) – наместником в Сицилии, где вел неудачную борьбу с восставшими рабами. Должность наместника была весьма

доходной, и отцу удалось сколотить приличное состояние. Но затем его уличили в казнокрадстве и изгнали из Рима, что дало повод Лукуллу-сыну начать карьеру государственного деятеля с процесса против авгура Сервилия – обвинителя отца. Процесс он проиграл, но этот поступок очень понравился римлянам, и Лукулл приобрел популярность. Что касается матери Лукулла Цецилии, то Плутарх пишет, что она «слыла за женщину дурных нравов». Кроме него в семье был еще один ребенок – младший брат Марк. Об отношении Лукулла к брату говорит хотя бы тот факт, что он не пожелал добиваться какой-либо должности, пока брат не достигнет положенного возраста для начала карьеры, чтобы начать восхождение к власти вместе. Римляне одобрили и этот поступок и еще больше расположились к Лукуллу.

После отца Лукулл унаследовал очень крупное состояние (видимо, после обвинения Лукулла-отца в злоупотреблениях, конфискации имущества не было).

В юные годы Лукулл получил прекрасное образование и мог свободно изъясняться на двух языках. На военном поприще Лукулл отличился в Союзнической войне, где проявил отвагу и доказал приверженность Сулле. Вскоре он становится его доверенным лицом и отправляется с Суллой в Малую Азию на первую войну с Митридатом. При Сулле он несколько лет пробыл в Греции и Азии, выполняя обязанности квестора.

Набирая корабли по поручению Суллы, Лукулл прибыл в Египет, где был торжественно встречен юным Птолемеем. Ему не удалось заключить военный союз с Птолемеем, но суда он получил. По дороге на Кипр Лукулл узнал, что его ожидает в засаде неприятель, для сражения с которым у него еще не было достаточных сил. Тогда он отдал приказ об остановке на зимние квартиры, а сам, как только ветер стал попутным, велел кораблям двигаться к Родосу, которого достиг без потерь благодаря своей хитрости. Пополнив флот и кораблями с Родоса, он вытеснил с Хиоса и из Колофона приверженцев Митридата, который к тому времени сдал Пергам и заперся в Питане. Вот тогда Лукулл получил предложение от Фимбрия, который осадил Митридата с суши. У самого Фимбрия не хватало морских сил, чтобы блокировать Митридата и с моря, поэтому он и предложил Лукуллу прийти к нему и разделить славу победителя Митридата. Но Лукулл ставил долг перед Суллой выше личной славы победителя и от предложения Фимбрия отказался. Митридату удалось уйти морем. Идя на соединение с Суллой, Лукулл разбил понтийский флот в сражении при Тенедосе.

В 84 году до н э. был заключен мир, и Сулла поспешил в Рим, захваченный Марием и Цинной. Лукулл остался доверенным

лицом Суллы в Азии, избежав тем самым участия в кровавой расправе над сторонниками Мария. В свою очередь, Сулла позаботился, чтобы имения и имущество Лукулла в Риме не пострадали при проведении проскрипций. В Рим Лукулл вернулся уже после смерти Суллы, который назначил его в завещании опекуном своего сына.

В 74 году до н э. Лукулл был избран консулом. Завещание Суллы положило начало неприязненным отношениям между ним и Помпеем, который тоже стремился стать восприемником Суллы. Завершив консульство, Лукулл получил должность наместника Киликии, вместо умершего правителя Октавия. Начала новой войны с Митридатом долго ждать не пришлось, да и повод нашелся быстро. Им стало завещание умершего царя соседней Вифинии, оставившего царство Риму. Митридат сразу объявил себя защитником интересов наследника вифинийского престола и вторгся с войском на территорию Вифинии.

С началом войны Лукулл возглавил войска на суше, а консул Котта стал главным на флоте. К новой войне Митридат подготовился основательно с учетом ошибок прошлого.

Из Рима Лукулл вышел всего с шестью тысячами солдат – один легион. В Азии он принял командование над войсками, оставленными там еще Суллой. Войска эти были опытные в военном деле, но строптивые и буйные. Лукуллу пришлось трудно, но он сумел в короткий срок восстановить в войсках порядок, заставив признать его как начальника и полководца.

Кроме войска Лукуллу пришлось решать и другие проблемы. Как в самой Вифинии, так и в городах Малой Азии местное население терпело большие и незаконные поборы от ростовщиков и сборщиков податей. Поэтому приход Митридата оно встречало как освобождение, и Лукулл мог ожидать отпадения любой из областей. В дальнейшем он наведет порядок и здесь, прогнав ростовщиков и защитив население, но пока ему приходилось действовать лишь увещеванием, призывая к умеренности в отношении местных жителей.

Еще одну проблему создал ему Котта, который решил сам победить Митридата и не делить славу с Лукуллом. Мечтая о триумфе, он поторопился со сражением, в результате чего был разгромлен и на суше, и на море, потеряв 60 судов с экипажами и 4 тысячи пехоты. И теперь он надеялся только на помощь Лукулла. Под началом Лукулла было 30 тысяч пехоты и 2, 5 тысячи конников, что составляло лишь четверть войска противника. Поступок Котта вызвал осуждение в солдатской среде, и даже раздавались голоса за то, чтобы оставить его без помощи и двинуться на столицу Понтийского царства, которую,

по словам перебежчика Архилая, можно взять практически без боя. Тогда Лукулл сказал: «Я предпочту вызволить из рук врагов хоть одного римлянина, нежели завладею всем достоянием вражеским». После этих слов он отдал приказ двигаться навстречу Митридату, оставив в стороне город, суливший богатую добычу.

Тем временем враг подошел к городу Кизику – важному стратегическому пункту на берегу Мраморного моря. Лукулл подошел туда же. Увидев огромное войско Митридата, он понял, что битва будет тяжелой, и решил изменить тактику. Он перекрыл единственную дорогу, лишив тем самым возможности снабжения противника продовольствием. Чтобы подбодрить кизикийцев, Лукулл прислал в город известие о своем близком нахождении, что придало жителям города решительности и уверенности в своих силах.

Тактика Лукулла – «бил врага по желудку» – оправдала ожидания полководца. Чтобы сократить количество едоков, Митридат отравил часть войска и всю конницу вместе с обозом в Вифинию, надеясь, что Лукулл не будет их преследовать. Но просчитался. Узнав об этом, Лукулл во главе десяти когорт и конницы поспешил в погоню и разгромил противника, захватив 15 тысяч пленных и 6 тысяч коней. Кроме того, римлянам достался огромный обоз и вьючный скот. Лукулл провел пленных мимо вражеского лагеря, и Митридат был вынужден снять осаду с Кизика и уйти морем на запад.

В Кизике Лукулла встречали с заслуженными почестями. Предоставив солдатам небольшой отдых, он повел их обратно на восток через Вифинию в Понт. Лукулл не спешил, что вызывало непонимание у его воинов, так как задержка давала возможность Митридату собрать новое войско. Но здесь Лукулл проявил себя не только как хороший стратег, но и как дальновидный политик и психолог Он понимал, что если не дать Митридату шанса, то тот уйдет к своему зятю – могущественному царю Великой Армении Тиграну. «Царь царей», как величал себя Тигран, давно искал предлог для начала войны с Римом, а помочь родственнику в борьбе считалось святой обязанностью. Но зная Митридата, Лукулл верно рассчитал, что тот обратится к зятю только в крайнем случае, тогда, когда не останется ни малейшего шанса на успех. Поэтому Лукулл и дал ему этот шанс.

В 73 году до н э. римские войска провозгласили Лукулла императором, и уже три года он вел их в бой против понтийцев. Но война все еще продолжалась.

Наконец Митридату удалось собрать новое войско, насчитывавшее 40 тысяч пехотинцев и 4 тысячи отборных конников. Теперь он сражался на своей земле и решил взять

реванш за прошлое поражение. Вначале ему сопутствовал успех, но военный талант Лукулла очень скоро превратил этот успех в новое поражение. И опять Митридату пришлось бежать, на сей раз к своему зятю в Армению. Но Тигран не стал мстить за поражение тестя. В его задачи не входило возвращение Митридату его царства. Предоставив ему убежище, Тигран даже не допустил Митридата к своему двору.

Лукулл мог праздновать победу, но как римлянин он не желал допустить, чтобы враг остался безнаказанным. Начать вторжение в неизвестную страну было рискованно. Лукулл пока ограничился тем, что оставил гарнизоны в городах так называемой Малой Армении и отправил ко двору Тиграна посла с требованием о выдаче Митридата.

В ожидании ответа Лукулл решил навести порядок в городах Азии, ведя решительную борьбу с римскими ростовщиками, которые обирали налогами население городов. Местные жители боготворили его, а в других провинциях мечтали заполучить такого правителя. Но своими решительными действиями Лукулл нажил большое количество врагов среди ростовщиков. Теперь они кричали в Риме о его неправомерных действиях, искали поддержку у сенаторов, многие из которых были их должниками. Они пытались найти поддержку и у народных вожаков и никак не хотели примириться с тем, что потеряли возможность безнаказанно грабить в городах Азии.

Наконец пришел ответ от Тиграна. «Царь царей» ответил не только отказом, но и резко изменил свое отношение к тестю. Теперь он принял Митридата во дворце и стал оказывать ему знаки любви и почтения. Тигран велел передать Лукуллу, что не выдаст Митридата, а «если римляне начнут войну, то поплатятся». Посланец передал ответ Лукуллу и рассказал обо всем, что ему пришлось видеть при дворе армянского владыки. Лукулл понимал, что скоро начнется новая война, причем не санкционированная сенатом и народом. Он снова пошел в Понт, решив опередить Тиграна, который намеревался в ближайшее время вторгнуться в азиатские провинции Рима. На следующий год Лукулл повел войско в Армению. Его враги в Риме стали говорить, что Лукулл ведет войну лишь для того, чтобы всегда оставаться главнокомандующим и извлекать для себя выгоду. Но уже ничто не могло остановить Лукулла – он уже перешел Евфрат и Тигр.

Тигран находился в своей новой столице Тигранакерте и с полным пренебрежением отнесся к этим сведениям, посчитав, что легко справится с римским войском. Посланный против Лукулла Митробарзан получил приказ – «самого полководца (Лукулла)

взять живым, а остальных растоптать». Это сражение было выиграно Лукуллом – Митробарзан пал на поле боя с оружием в руках, а его солдаты были перебиты во время бегства. Римляне двинулись на Тигранакерт.

Царь Тигран ушел на север, чтобы собрать побольше воинов. Лукулл не пошел за ним, а осадил богатую столицу, справедливо полагая, что Тигран вернется и даст здесь генеральное сражение. И он не ошибся. Тигран вернулся к столице осенью во главе 20 тысяч лучников, 55 тысяч всадников и около 2 тысяч пехоты. Хотя численное превосходство было на стороне Тиграна, Лукулл разделил свое войско. Часть его – 6 тысяч пехотинцев – он оставил продолжать осаду Тигранакерта, а сам, взяв всю конницу и 24 когорты – около 10 тысяч пехоты – двинулся на главные силы Тиграна.

Зная тактику армян, Лукулл направил первый удар по их тяжелой коннице, приказав рубить мечами голени конников, так как ноги были единственным местом, не защищенным броней, и отбивать копья – единственное их оружие. Римлянам было приказано как можно скорее ввязаться в рукопашный бой, к которому армяне не привыкли, действуя издали, при помощи стрел. Сам Лукулл шел в первых рядах римлян, воодушевляя своим примером бойцов и придавая им уверенности в победе. Римлянам победа далась легко: тяжелая армянская конница обратилась в бегство почти сразу, а из-за большого скопления войск армяне не могли отступить, смешали все ряды и оказались добычей для войска Лукулла. В ходе сражения римляне потеряли ранеными 100 и убитыми 5 человек. Противник потерял свыше 100 тысяч пехотинцев и почти всех всадников. Царь Тигран бежал, а вскоре был взят приступом и Тигранакерт, где римские воины нашли богатую добычу.

Дав небольшой отдых солдатам, Лукулл отправил войско вдогонку за Тиграном. Армяне пытались избегать столкновений с римлянами, но когда этого не удавалось сделать, то победа всегда сопутствовала войску Лукулла. Вскоре римляне двинулись к Артаксате – столице Великой Армении. Тигран попытался остановить римлян в двух километрах от столицы у реки Арсаний. Битва при Артаксате была также выиграна Лукуллом. Путь на столицу Великой Армении был свободен.

Воодушевленный новой победой Лукулл рвался вперед. Но только он. Солдаты устали от затянувшейся войны и стали выражать протест. А тут еще природа пришла на помощь Тиграну. Неожиданно наступило сильное похолодание, снег сыпал беспрестанно, мороз сковал реки. Напрасно Лукулл просил воинов перетерпеть лишения и обещал скорую победу. Все его

доводы наталкивались на глухой ропот войска, который мог в любой момент перерасти в открытый бунт. Так и не дойдя до столицы, Лукулл был вынужден повернуть назад.

Вернувшись в теплые края, солдаты не желали больше воевать и требовали скорейшего возвращения на родину. Этим воспользовался Митридат, следовавший за римлянами и очищавший от гарнизонов понтийские города. Активизировался и Тигран, начав продвижение на юг с новым многочисленным войском. Да и в Риме активизировались недоброжелатели Лукулла и стали обвинять его в измене, доказывая, что он умышленно затягивает войну с целью личного обогащения.

В 67 году до н э. Лукулл был отстранен от командования войском и управления восточными провинциями. Сменил Лукулла Помпей, которому оставалось лишь закончить то, что было уже сделано Лукуллом, – лучшие войска Митридата уже были разгромлены, а понтийский флот уничтожен. Встреча Лукулла и Помпея для передачи дел началась весьма мирно и дружелюбно, но затем отношения двух полководцев заметно испортились. Помпей не желал признать военные заслуги Лукулла, отобрал у него всех солдат и запретил подчиняться его приказам. Даже награждать и наказывать подчиненных Лукуллу было не дозволено.

На следующий год Лукулл возвратился в Рим. Но и здесь его ждал неласковый прием – его враги обрушились на него с многочисленными обвинениями, но оснований для судебного разбирательства найти не смогли. Добились они того, что Лукуллу было отказано в триумфе.

Три года Лукулл добивался в сенате триумфа. Он оказался втянутым в политические игры. Добиться триумфа ему помогли не только просьбы к народу влиятельных граждан Рима, но и ожидание возвращения из Азии Помпея, который существенно усилился. Сенат рассчитывал, что Лукулл возглавит сенатскую оппозицию против Помпея, но этот расчет не оправдался. По своим масштабам триумф Лукулла не стал самым грандиозным, но то, что было представлено народу, не могло оставить ни малейшего сомнения в полководческих талантах Лукулла. Закончился триумф великолепным угощением для жителей Рима, организованным Лукуллом. После триумфа Лукулл более не стремился к политической деятельности и вскоре покинул форум и курию.

Так к пятидесяти четырем годам Лукулл остался не у дел. Он посвятил оставшееся ему время на строительство и различное коллекционирование. Обладая огромным состоянием, Лукулл тратил его на сооружение купален, организацию мест для

прогулок и другое строительство, проводил время за пирами – знаменитые «Лукулловы пиры» – в своих роскошных виллах, окруженных прекрасными садами – знаменитые «Лукулловы сады». Он собрал коллекцию картин и статуй и большую библиотеку греческих книг, в которую открыл доступ для всех желающих.

Умер Лукулл в 56 году до н э. в возрасте 60 лет.

МАРК ЛИЦИНИЙ КРАСС (115–53 до н э.) *Римский полководец.*

Лицинии принадлежали к одной из влиятельных плебейских семей в Древнем Риме. Возможно, они вели начало от этрусков. Первым знаменитым представителем этого рода был Гай Лициний Столон, с именем которого связано принятие так называемых Лициниевых законов. В 376 году до н э. он был избран народным трибуном вместе со своим другом Люцием Секстием Латераном. Возглавив оппозицию плебеев, они повели борьбу за решение аграрного вопроса и расширение политических прав плебейского сословия. Столон и Секстий требовали отменить военных трибунов и снова выбирать двух консулов, причем одного обязательно из плебеев. Также они предлагали ограничить количество общественной земли, которую брали в аренду, до 500 югеров (125 га) и на общественных пастбищах разрешить выпас не более 100 голов крупного и 500 голов мелкого скота. Остальную землю следовало поделить на небольшие участки до 7 югеров (3 га) на семью и раздать беднякам в полную собственность. Кроме того, они разработали более выгодные условия погашения долгов – уплаченные проценты зачитывались в погашенную сумму долга, а остальную часть следовало погасить в течение трех лет. Но эти законы не сразу были приняты, так как встретили яростное сопротивление со стороны патрициев, которым с помощью подкупа других трибунов удалось наложить на них вето.

В течение десяти лет Столон и Секстий избирались трибунами, и все это время они вели упорную борьбу с патрициями и отстаивали права плебеев. Борьба эта велась мирными средствами, трибуны не призывали народ к перевороту или междоусобице, а в период внешней опасности для страны даже прекращали борьбу, призывая всех сплотиться против неприятеля.

В 367 году до н э. Столону и Секстию удалось добиться единства среди трибунов по вопросу принятия законов. Сенат в противовес трибунам избрал в диктаторы знаменитого Камилла. Ситуация крайне обострилась, дошло до того, что плебеи стали угрожать снова уйти на Священную гору. Тогда сам Камилл стал содействовать в примирении сословий, и Лициниевы законы были подтверждены сенатом. Правда, из обязанностей консула были

выведены судебная власть и управление городской полицией. Эти обязанности остались в ведении патрициев, для исполнения которых были учреждены должности претора и курульных эдилов. В память примирения сословий диктатор дал обет построить храм богине Согласия. Люций Секстий Латеран стал первым из плебеев, который был выбран консулом. Гай Лициний Столон избирался консулом дважды – в 364 и 361 годах до н э. В 357 году до н э. он был осужден патрициями, обвинившими его в нарушении одного из им же предложенных законов. Борьба Столона за равные права плебеев способствовала тому, что уже к концу века плебеи совершенно сравнялись в правах с патрициями, став одним сословием – римскими гражданами.

Род Лициниев дал истории не только народных вождей, но и полководцев и императора.

Одним из знаменитых римских полководцев, принадлежавших к этому роду, был Марк Красс. Его отец занимал высшие посты в государстве: он был консулом, наместником в Испании, цензором. За усмирение очередного восстания испанцев он был удостоен триумфа. Но богатства не нажил. Честность и достоинство не позволили ему воспользоваться положением наместника и победителя для собственного обогащения. Кроме Марка Красса в семье было еще двое старших сыновей.

Детские и юношеские годы Марка протекали в бурное и тяжелое время, в период острой политической борьбы между аристократией и народной партией, переросшей в кровавую гражданскую войну. Как и многие молодые люди его круга, Марк Красс готовил себя к политической карьере. Начинали карьеру обычно с выступлений в роли адвоката на судебных заседаниях. Трудолюбия и упорства молодому аристократу было не занимать. В суде он брался за любые дела, даже за те, от которых отказывались другие. Тщательно готовясь к защите, он выступал с прекрасными речами, что позволило многим восхищаться его красноречием. Он был вежливым и обходительным человеком, всегда приветливо отвечал на поклоны любого встречного человека независимо от его звания и положения. Правда, Марк очень рано сумел оценить могущество, которое давали деньги, и всегда стремился к наживе. Он обнаружил в себе способности дельца и спекулянта, умевшего из всего извлечь выгоду. Имея всего не более трехсот талантов начального капитала, ко времени начала парфянского похода его состояние измерялось суммой в 7100 талантов, а способы, которыми были добыты средства, не делали ему чести. В его биографии есть рассказ о том, что он одалживал своему наставнику Александру, который сопровождал Марка в путешествиях, кожаный плащ, а по возвращении снова

забирал его. Но при определенных обстоятельствах Марк Красс был гостеприимным хозяином и даже мог ссудить деньгами человека, не требуя при этом процентов. Вероятно, щедрость и радушие распространялись на тех людей, которые могли бы ему в дальнейшем пригодиться.

Марк Красс, как и вся его семья, принадлежал к аристократической партии, которую возглавлял Сулла. Противостоял ему Гай Марий – вождь народной партии. Когда Сулла отправился в военный поход, Марию удалось захватить власть в Риме и устроить в городе расправу над представителями знати и сторонниками Суллы. Отец Марка Красса, который был в то время цензором, погиб во время террора. Эта же участь постигла и старшего брата. Самому Марку удалось спастись. Добравшись до моря, он в сопровождении нескольких друзей и слуг отплыл в Испанию. Здесь он укрылся в пещере в поместье Вибия Пацианы, друга отца. Восемь месяцев беглецы оставались в пещере, куда слуга Вибия доставлял еду и другие необходимые вещи, а затем перебрались в Африку.

К нему стали стекаться люди, из которых он составил отряд в 2500 человек. Когда в 83 году до н э. в Италию вернулся Сулла, Красс прибыл к нему в лагерь и предложил свои услуги. Их совместная деятельность началась с конфликта. Сулла поручил Марку отправиться в соседние земли для набора войска. Марк попросил Суллу дать ему охрану, так как дорога проходила вблизи неприятеля. Эта просьба привела Суллу в бешенство, и он резко ответил Марку: «Я даю тебе в провожатые твоего отца, брата, друзей, родных – за них, незаконно и без вины казненных, я мщу убийцам». Слова Суллы задели Марка, и он немедленно отправился в путь. Надо сказать, что поручение он выполнил отлично – сумел пробиться сквозь неприятельские части и собрать большое войско. В дальнейшем он активно помогал Сулле в борьбе.

Марку Крассу недоставало военного опыта, и случай приобрести его представился быстро. Войска Суллы двигались к Риму. Сражение за столицу произошло 1 ноября 82 года до н э. Ожесточенный бой произошел у Коллинских ворот. Марк Красс, командуя правым крылом войск Суллы, более всего содействовал его победе. В то время как войска Суллы потерпели поражение и были отброшены с большими потерями, Марк Красс на своем фланге одержал полную победу и до самой ночи преследовал противника. Сам Сулла едва не погиб, но смог укрыться в укрепленном лагере, куда и прибыл посланец с известием о победе Марка Красса и с просьбой прислать обед для воинов. Успех Марка Красса решил дело – Рим капитулировал. Сулла

высоко оценил сей подвиг, и с этого времени Марк Красс стал одним из самых близких ему людей. После взятия Рима Сулла начал расправу над своими противниками. Марк Красс не только вернул все, что принадлежало его семье, но и существенно обогатился захваченным имуществом сторонников Мария. Вскоре он стал самым богатым человеком в Риме, владельцем многих домов, огромного количества земельных участков, серебряных рудников, тысячи рабов и другой собственности. Огромное состояние он использовал в политических целях, например, он финансировал устройство публичного обеда на 10 тысяч столов. Богатство сделало его очень влиятельным человеком, но он не стал сторонником ни одной партии. Успешно лавируя между аристократами и народной партией, Марк Красс принимал ту сторону, которая в данный момент сулила ему наибольшую выгоду.

В 74 году до н э. для Римского государства наступили тяжелые времена. В Испании против Рима восстали племена, а на востоке шла война с Митридатом. В самой Италии началось восстание рабов под руководством Спартака. Вначале на восставших не обращали особого внимания, но очень скоро они превратились в грозную силу. Лучшие полководцы в то время находились вне Италии, и тогда было решено поставить во главе войска Марка Красса, который решил, что теперь настал его звездный час в военной карьере.

В первых столкновениях победа осталась за Спартаком. Марк Красс даже ввел в своем войске обычай древних (децимацию), когда по жребию совершается казнь над каждым десятым воином из тех, кто бежал с поля боя, бросив оружие. «Укрепив» воинский дух, он продолжил преследование Спартака. На помощь Марку Крассу из Испании был вызван Помпей, который уже высадился с армией в Италии. Но Красс хотел покончить с восстанием самостоятельно, без помощи Помпея. Ему повезло в том, что в рядах восставших начались разногласия, и он сумел разгромить те отряды, которые отделились от основных сил Спартака. Последнее сражение между войском Марка Красса и отрядами Спартака было ожесточенным. Спартак сражался в первых рядах и пытался пробиться к Марку Крассу. Ему удалось сразить двух его телохранителей, но и сам он был ранен. Окруженный врагами, Спартак пал под их ударами, но не отступил ни на шаг. Восстание было подавлено, а тех рабов, которые ускользнули от Марка Красса, истребил Помпей. С захваченными в плен рабами Марк Красс расправился беспощадно – 6 тысяч пленных рабов были распяты на крестах по дороге от Капуи до Рима. Успех Красса не был отмечен, так как сенат счел недостойным отмечать победу

над таким противником.

Марк Красс завидовал Помпею, но в стремлении к власти не порывал с ним. Он даже обратился к нему с просьбой о поддержке во время консульских выборов, и в 70 году до н э. они оба стали консулами. Первым шагом консулов стала отмена законов, принятых при Сулле. Отношения между обоими консулами дружескими не стали, а к концу срока консульства переросли если не в открытую вражду, то в соперничество.

После окончания консульства Марк Красс остался в Риме, и в 65 году до н э. был избран цензором. Стремясь к власти, он продолжал лавировать между политическими течениями и даже на некоторое время сблизился с Катилиной, готовящим государственный переворот. Вскоре Красс, как заговорщик, был обвинен Цицероном. Сенаторы не поверили Цицерону, да и к тому времени Красс не только отошел от заговора, но и передал документы, изобличающие заговорщиков, собиравшихся устроить в городе резню. Сенаторы, многие из которых были должниками Красса, требовали снять с него подозрения – богатство снова помогло ему.

Через некоторое время обстоятельства изменились, и теперь Цицерон стал союзником Красса в борьбе против Помпея. С той же целью Красс сблизился с Цезарем, когда в Сенате разгорелся спор, можно ли ему идти наместником в Испанию. Цезарю удалось примирить Красса и Помпея, поскольку он сам нуждался в обоих, и они вместе основали свой первый триумвират, который стал первым шагом на пути перехода от республики к монархическому правлению в Риме. Сферы влияния были поделены следующим образом: Помпей получил власть в Риме и Италии, Цезарь стал управлять Галлией, а Марку Крассу достался Восток.

Но пока Цезарь находился в Галлии, между Помпеем и Крассом вновь вспыхнула вражда. Цезарь снова примирил их. Было решено, что на следующий год они оба вновь будут избраны консулами, а по истечении срока своего консульства Красс получит в свое управление на пять лет провинцию Сирию с правом войны и мира.

Желая превзойти славой как Помпея, так и Цезаря, Красс решил совершить поход на Восток через землю парфян и дойти до Индии. В Риме, однако, никто не верил в благоприятный исход похода против незнакомого противника. Простой народ Рима даже решил не выпускать Красса из города, и тогда Красс обратился за помощью к Помпею. Тот согласился помочь и лично проводил его. Видя спокойно идущего Помпея, люди немного успокоились и дали им дорогу. Только народный трибун Атей

подбежал к воротам и поставил около них пылающую жаровню. Затем он начал произносить непонятные слова, которые сочли за древнее заклинание, а в конце объявил, что Красс непременно погибнет в пустыне.

В военный поход Марк Красс выступил зимой 54/55 года до н э. В то время ему было уже 60 лет, а выглядел Красс значительно старше. Несмотря на плохую погоду, он отправил часть войска морем, а сам с другой частью двинулся сушей на Восток через Балканы. Города добровольно подчинялись римлянам. Сопротивление оказал только город Зенодотия. Потеряв около ста солдат, Красс взят город и, естественно, разграбил его. Жители были проданы в рабство. За сей малый подвиг Красс был провозглашен своим войском императором. С наступлением осени Красс, оставив в покоренных городах гарнизоны, вернулся в Сирию на зимние квартиры. Здесь же он встретился со своим сыном – Публием, который во главе тысячи всадников прибыл из Галлии, где воевал вместе с Цезарем и был отмечен многими знаками отличия за доблесть.

Возвращение Красса в Сирию позволило противнику подготовиться к предстоящей войне. Сам же Красс не занимался подготовкой своего войска, а подсчитывал награбленное и доходы с покоренных городов.

В начале весны 53 года до н э. Марк Красс стал готовиться к новому походу. Под его командованием находилось 7 легионов, 8 тысяч всадников и легковооруженных воинов. Перед началом похода к Крассу прибыли послы парфянского царя Арсака, которые пожелали решить дело миром. Марк Красс ответил главному послу, что даст ему ответ в Селевкии – одной из столиц Парфянского царства. На это главный посол парфян ответил: «Скорее на моей ладони вырастут волосы, чем ты, Красс, увидишь Селевкию». Война с Парфией началась.

Пройдя Месопотамию, Красс в июне 53 года до н э. подошел к берегам Евфрата. Здесь его воины стали получать первые сведения о парфянских всадниках, закованных в блестящие латы, от которых отскакивают стрелы. Приближенные стали советовать Крассу уйти за Евфрат, однако тот не желал никого слушать. К римлянам явился вождь одного из арабских племен Абгар, который считался другом и союзником римлян. Но это было в прошлом. Теперь он был союзником парфян и явился к Марку Крассу с целью попытаться заманить римлян в глубь страны на равнину, где конница парфян смогла бы окружить их и уничтожить.

Римское войско двинулось вперед и скоро близ Ихн на реке Билехе столкнулось с парфянским войском, которым командовал

Сурена. Парфянское конное войско, не вступая в прямое столкновение с римскими легионами, окружая их со всех сторон, осыпало римских воинов тучами стрел. Красс продолжал двигаться вперед, однако парфянское войско по-прежнему не вступало в прямое столкновение, придерживаясь своей прежней тактики. Римляне двигались плотными рядами, поэтому каждая стрела парфян попадала в цель. Солдаты на себе испытали мощь стрел противника, которые легко пробивали щиты и латы и пронизывали человека насквозь.

Тогда Красс сам решил напасть на врага. Он построил войско в глубокое каре, прикрыв каждую когорту всадниками. На флангах командовали Кассий и сын Красса Публий, сам Марк Красс встал в центре. В таком порядке римляне подошли к небольшой речке Балисс, где их встретили основные силы Сурены.

Сражение началось. Уже в самом его начале тактика парфян не давала римлянам начать наступление. Парфянская конница поднимала тучи песка и пыли, и легионеры, даже не видя противника, погибали от его стрел. В этом бою погиб сын Красса Публий, который, чтобы не попасть в плен, приказал своему телохранителю поразить себя мечом.

С наступлением ночи бой прекратился, и парфяне удалились со словами, что «даруют Крассу одну ночь для оплакивания сына – разве что он предпочтет сам прийти к Арсаку, не дожидаясь, пока его приведут силой».

Красс окончательно упал духом, но все-таки собрал военный совет для решения о дальнейших действиях. Было решено под покровом ночи начать отход. Бросив в пустыне раненых воинов, римляне под покровом темноты начали отступление и скоро достигли города Карр. Вскоре к городу подошли парфяне. Сурена потребовал выдать ему Красса, обещая остальным мир. Было ясно, что следует уходить из города, но тайно. На следующую ночь Красс приказал продолжать отступление. Однако проводник из местных жителей повел отряд по неверной дороге, заведя римлян в болото, и пока они выбирались на дорогу, их снова настигли и окружили парфянские всадники. Необходимо было продержаться хотя бы до темноты, чтобы затем отступить к ближайшим горам, где еще можно было найти спасение. Римляне ожесточенно отбивались, и им даже удалось потеснить неприятеля.

Понимая, что Красс может уйти с наступлением ночи, парфяне пошли на хитрость и предложили начать переговоры о мире. Красс чувствовал ловушку, но войско требовало от него начать переговоры с предводителями парфян.

Красс покинул римский лагерь и вышел к парфянам. Его встретил командующий и, подарив ему от имени царя прекрасного коня, предложил ехать к Евфрату для подписания мира. Своим конюхам он дал приказ помочь Крассу сесть верхом. Тогда римляне поняли, что их командующего взяли в плен, и бросились к нему. В этой короткой схватке Марк Красс был убит.

Сурена послал отрубленную голову и руку Красса царю Парфии. По преданию, в рот Крассу было налито расплавленное золото, и при этом царь сказал, что Красс получает то, что он так любил.

ГНЕЙ ПОМПЕЙ (ВЕЛИКИЙ) (106–48 до н э.) *Римский полководец и государственный деятель.*

Принадлежность к знатному роду во многом определяет будущее человека, но отношение людей к той или иной личности определяют все-таки личные достоинства самого человека. Это особенно показательно на примере двух представителей плебейского рода Помпеев – отца и сына. «Любимый нами сын враждебного отца» – так выражал римский народ свои чувства к Гнею Помпею, получившему прозвание Великий. Сына народ обожал с такой же страстью, с которой ненавидел ею отца. Отец Помпея Великого – Гней Помпей Страбон – был известным полководцем. Он состоял на службе у Суллы, Сертория, Цинны и других представителей партии «марианцев», но политической карьеры сам не сделал. В 89 году до н э. он был избран консулом, но через два года Страбон не пожелал встать во главе олигархического войска, так как оптиматы отказали ему в новом консульстве. При его жизни многие опасались силы его оружия – воином он был замечательным. Его отличали также физическая сила, храбрость, энергия и выдержка. В то же время следует отметить его нерешительность, где-то застенчивость, малообразованность. Самым большим его пороком было невероятное корыстолюбие, которое и стало причиной ненависти к нему со стороны народа. Он погиб от удара молнии, и во время погребального обряда его тело было сброшено с погребального ложа и осквернено.

Сын по характеру был прямой противоположностью отцу. Плутарх, у которого есть описание жизни и деяний Помпея Великого, пишет, что Помпей «имел довольно привлекательную внешность, которая располагала в его пользу прежде, чем он успевал заговорить». По внешнему облику его сравнивали с Александром Македонским – «мягкие откинутые назад волосы и живые блестящие глаза придавали ему сходство с изображениями царя Александра», но сам же Плутарх говорит о некой натянутости такого сравнения.

Молодой Помпей начал свою военную деятельность в возрасте 17 лет под командованием отца и вместе с ним подвергся гонениям, особенно обострившимся после его смерти, когда Помпею пришлось защищаться против предъявленного его

отцу обвинения в хищении государственных средств (утаивание добычи, взятой при завоевании Аскула) Однако при помощи Луция Филиппа и Квинта Гортензия Помпей выиграл дело. На процессе он выказал твердость и быструю сообразительность, зрелость (не по летам) суждений, чем привлек на свою сторону симпатии сограждан. Претор Публий Антистий, который был на процессе судьей, был так очарован Помпеем, что предложил ему в жены свою дочь и вскоре стал его тестем. В это время Помпей поступил на службу к Цинне, но так как ненависть к его отцу еще не была забыта, Помпей был вынужден удалиться в свое поместье. Он ушел тайком, что дало повод распространить слух о том что Цинна приказал убить Помпея. Некоторое время спустя Цинна был сам убит, и его место занял Карбон – тиран, даже более жестокий, чем Цинна.

В 83 году до н э., когда Сулла высадился в Италии, Помпей перешел на его сторону и сформировал три легиона в Пиценском округе, где находились его земли и где его семья пользовалась популярностью среди местного населения. С этим войском Помпей двинулся навстречу Сулле, разбив по дороге союзную армию Каррины, Клелия и Брута и заняв несколько городов. Сулла с почестями принял Помпея, наградив его титулом императора Отправившись к Метеллу на север Италии, Помпей взял приступом Сену Галльскую и вместе с Крассом вышел в Умбрию, одержав победу при Сполеции.

Когда марианцы были окончательно разгромлены, а Сулла провозглашен диктатором, Помпей был осыпан наградами. Сулла развел его с женой Антистией и женил на своей падчерице Эмилии, разлученной для этого с ее первым мужем.

В 82 году до н э. Помпей был отправлен с большим войском и 120 кораблями в Сицилию против Перперны, который сразу же оставил остров. В это время был схвачен и казнен Карбон. Помпей окончательно уничтожил сторонников Мария в Сицилии, а затем, переправившись в Африку, пошел против Домиция Агенобарба и в течение 40 дней покончил с ним.

После окончания похода Сулла послал письмо Помпею, в котором потребовал распустить войска и ждать себе преемника. Однако воины, среди которых Помпей пользовался необычайной популярностью, отказались повиноваться приказам из Рима. Чтобы не раздражать войска, Сулле пришлось смириться, и он даже послал приветствие Помпею, именуя его Великим. В 79 году до н э. Помпей первым в римской истории, не будучи в звании сенатора, получил триумф. После смерти Суллы Помпей не стал примыкать ни к одной партии или группировке, а остался простым солдатом, исполняющим волю Рима.

В 77 году до н э. он был отправлен против Лепида на север Италии, где осадил Мутину. Лепид не смог противостоять Помпею и бежал в Сардинию, где и скончался. Однако Помпей не пожелал распускать армию, с которой воевал против Лепида, и стал ожидать полномочий для отправки в Испанию против Сертория и Геренния. Но поскольку Помпей никогда еще не находился ни на одной из гражданских должностей, сенат не решался на это назначение и уступил только вынужденной необходимости.

Получив наместничество в восточной Испании, поскольку в западной Испании в это время стояли войска Метелла, Помпей летом 77 года до н э. перешел Альпы и осенью вышел на левый берег Эбро. Серторий попытался не допустить соединения противников и не пропустить Помпея за Эбро, однако его позиции оказались прорванными, а в сражении при Валенции Геренний был разбит, потеряв более 10 тысяч человек.

В 75 году до н э. Метелл двинулся в восточную Испанию для соединения с Помпеем. И Серторий, и Помпей хотели, чтобы сражение произошло до подхода войск Метелла. Серторию было невыгодно соединение сил противника, а Помпей не желал делить славу победителя с другим полководцем. Их встреча произошла на реке Сукроне, день близился к закату, и сражение началось уже вечером. Исход этой битвы в первый день не был определен, ни одному из полководцев не удалось одержать полной победы. Помпей в ходе сражения получил ранение и чуть не был взят в плен. На следующий день оба полководца снова выстроили войска для продолжения битвы, но в это время к Помпею подошли легионы Метелла, и Серторий приказал своим войскам рассеяться.

В 74–73 годах до н э. борьба на Эбро шла с переменным успехом – легких побед не было. Она закончилась лишь на следующий год со смертью Сертория, которого убили во время пира его же военачальники. Последние отряды серторианцев были распущены Помпеем. Перперна, воевавший на стороне Сертория, был взят в плен, и испанские города стали открывать ворота перед войсками Помпея. Война в Испании не принесла Помпею новой славы, поскольку он играл в ней второстепенную роль, не проявляя прежней решительности и быстроты. Причиной этого было небрежное отношение к нему сената, не посылавшего своевременно в армию денег, боеприпасов и провианта.

После возвращения в Италию Помпей участвовал в заключительном этапе борьбы с восставшими рабами под руководством Спартака. К моменту его прихода основные силы восставших были уже разгромлены Крассом, но слава победителя

Спартака досталась Помпею. Затем он соединился с оптиматами, которым обещал в случае достижения консульства провести законы в демократическом духе с целью отмены конституции Суллы. Подойдя с войском к Риму, Помпей потребовал себе консульства и триумфа, а солдатам – предоставления земельных участков. Это позволило ему выиграть выборы. Согласно новым правилам, принятым по предложению Помпея, народные трибуны восстанавливались в своих правах, всадники получали одинаковое с сенаторами право участия в судах, цензорам возвращена была прежняя власть.

Войско было целиком на стороне Помпея, римское население также было благожелательно настроено к нему. Все это заставляло противников молчать. Однако и сам Помпей не решался пойти на крайние шаги и, достигнув ближайшей цели, распустил войско и сложил с себя полномочия консула.

До 67 года до н э. Помпей жил как частный гражданин, но в том году сенат принял два закона, предложенных сторонником Помпея Габинием: первый – об отозвании Лукулла из Азии, где велась война с Митридатом, второй – о назначении главнокомандующего для борьбы на море с пиратами. Последний закон был предложен непосредственно для Помпея.

Согласно этому закону, главнокомандующему в предстоящей войне давалась на три года власть над всем Средиземным морем и его береговой полосой по всей его окружности, а также предоставлялось право пригласить 15 сенаторов в звании преторов и квесторов и право производить неограниченный набор войска. Главнокомандующий мог распоряжаться столичной и провинциальной кассами, единовременно получая 144 миллиона сестерциев.

Несмотря на сильное противодействие со стороны противников Помпея – Пизона, Катулла и других, избрание Помпея было восторженно встречено римским населением. Помпею было даже разрешено увеличить свое вооружение и вместо 15 иметь с собой 24 претора. Весной 67 года до н э. Помпей с сильным войском (120 тысяч пехоты и 5 тысяч всадников) на 500 кораблях вышел в море. Для более успешной борьбы и поиска пиратов Помпей предварительно разделил морскую «территорию» на 13 округов и поручил каждый отдельный округ специальному легату.

На первом этапе Помпей решил очистить от пиратов сицилийские и африканские воды. Это ему удалось сделать за 40 дней. Затем с 60 лучшими кораблями Помпей отправился в сердце пиратов – Киликию, где взял Антикрат. Были уничтожены стоянки и замки пиратов, захвачено около 400 кораблей и

истреблено до 10 тысяч человек. Так завершилась война в области восточного бассейна Средиземного моря, и уже летом того же года на Средиземноморье началась мирная жизнь, торговля вновь стала процветать.

Сразу же после окончания войны с пиратами Помпей стал ожидать полномочий для войны с понтийским царем Митридатом VI Евпатором. По предложению одного из главных сторонников Помпея Гая Манилия народное собрание приняло предложение о назначении Помпея наместником Вифинии и Киликии и о возложении на него ведения войны против Тиграна II Армянского и Митридата с сохранением за ним прежних полномочий. Этот закон единодушно был принят всем населением Рима. До этого никогда такая громадная власть не сосредоточивалась в руках одного человека.

До начала военных действий Помпею удалось заключить союз с парфянами. Пойдя им на незначительные уступки, он добился того, что парфяне разорвали союз с Митридатом и Тиграном. Выступив с 50-тысячным войском к Понту, Помпей начал занимать города и стремился сразиться с основными силами Митридата, но тот отходил все дальше на восток, не вступая в сражение. По численности войска Митридата уступали римлянам – у него было всего 30 тысяч пехоты и 2 тысячи конницы, поэтому на сражение Митридат не решался. Все-таки Помпей смог настичь Митридата у Никополя и разгромить. С небольшим отрядом Митридату удалось бежать и добраться до Синории – крепости, где хранились царские сокровища. Он решил просить убежища у Тиграна, но, узнав, что в помощи Тигран ему отказал и даже объявил награду за голову Митридата в 100 талантов, решил бежать к своему сыну на север Понта.

В это же время Помпей занял Армению и продиктовал Тиграну II условия мира, согласно которым к Риму отходили Финикия, Каппадокия, Сирия, Киликия, Софена и Кордуена. К 66 году до н э. почти вся Азия к западу от Евфрата была в руках римлян.

В 65 году до н э. войска Помпея прошли по всему южному Кавказу, усмиряя восстания албанских и иберийских племен. Затем Помпей вернулся в Понт, где взял города, сохранявшие верность Митридату. Однако полной победы Помпей смог добиться лишь в 63 году до н э., когда Митридат умер. Помпею осталось лишь закрепить за собой сделанные завоевания, прежде всего на окраинах, и организовать приобретенные области. В Римской республике появились провинции Вифиния и Понт, Киликия (с Памфилией и Исаврией) и Сирия (с Финикией и Палестиной).

В 61 году до н э. во время триумфального въезда Помпея в Рим за его колесницей шли дети парфянского, понтийского и армянского царей. Помпею оказывались неслыханные до этого почести и было предоставлено право носить лавровый венок и триумфальную одежду. Но и на этот раз Помпей не решился захватить власть в Риме и распустил свои легионы. Слабость Помпея как политика почувствовали все партии. Ни одна из них не оказала ему своей поддержки. Помпей не получил консульства на следующий год, обещание наделить ветеранов землей также не было выполнено сенатом.

В это время Помпею оказал помощь Цезарь, который, вооружившись против оптиматов, стал искать помощи Помпея, все еще пользовавшегося среди римского населения достаточной популярностью. С помощью Помпея и Красса Цезарь смог в 60 году до н э. создать первый триумвират, а в 59 году до н э. стал консулом.

С помощью Цезаря Помпей смог провести законы, которыми утверждались сделанные им на востоке распоряжения относительно наделения ветеранов земельными участками в Кампании. Все это привело к тому, что благодаря поддержке римского войска, населения и всадников, которым были облегчены их выкупные контракты, сенатская партия потерпела серьезное поражение и власть перешла в руки триумвиров. Для скрепления союза Цезарь выдал свою единственную дочь за Помпея.

В 58 году до н э. Цезарь отбыл в Галлию, и Помпей во главе комиссии начал выделение ветеранам земельных участков. Кроме того, он построил в Риме новый театр, в котором после освящения были проведены гимнастические состязания и устроена травля диких зверей. Под конец Помпей показал гражданам Рима битву со слонами – невиданное до этого зрелище, поразившее римлян. Оно добавило Помпею как любовь населения, так и зависть к нему его противников. Вскоре в Риме при подстрекательстве демагогов, из которых самым активным оказался сторонник Цезаря Клодий, начались беспорядки. В числе преследуемых оказался и сам Помпей; Клодий несколько раз нападал на него и даже подвергал осаде его дом.

Пока Цезарь совершал свои подвиги в Галлии, Помпей продолжал бездействовать в Риме. Он передал войска и управление провинциями своим доверенным легатам, а сам проводил время со своей женой, переезжая из одного имения в другое. Это окончательно подорвало его авторитет среди римского населения. И когда Помпей попытался вернуть себе прежнюю власть и предложил назначить себя на пять лет

проконсулом для упорядочения хлебного вопроса, с предоставлением себе войска и казны, сенат значительно урезал его полномочия. Помпей не получил ни войска, ни казны, ни власти над наместниками.

К этому времени относится начало вражды между Цезарем и Помпеем, который стал видеть в первом своего соперника. Однако время для разрыва между триумвирами пока не пришло. Опасаясь возвышения аристократической партии во главе с Катоном, триумвиры съехались в 56 году до н э. в Луку. Достигнув примирения Помпея с Клодием, Цезарь предложил принять следующие меры: Помпею и Крассу оставаться в должности консулов в 55 году до н э., затем, после истечения своих полномочий, Помпей должен на пять лет отправиться в качестве наместника в Испанию, а Красс – в Сирию; Цезарь сверх положенного срока оставался на пять лет наместником Галлии.

Но Помпей не отправился в Испанию, а под предлогом заботы о столице остался в Риме. Еще более обострились отношения между триумвирами в 54 году до н э., когда при помощи подкупа в консулы были проведены два оптимата. В том же году умерла при родах жена Помпея Юлия, и родственные связи Помпея и Цезаря были тем самым разорваны. А в Сирии вскоре погибает Красс.

Воспользовавшись беспорядками, возникшими в Риме в 52 году до н э. из-за убийства Клодия, Помпей выставил свою кандидатуру на диктаторскую власть и был назначен единоличным консулом. Ему удалось провести законы о подкупах, о буйствах и о праве наместничества в провинции лишь по истечении 5-летнего срока со времени сложения магистратуры.

Отношения Помпея и Цезаря все более обострялись. В 52 году до н э. Помпей женился на дочери Квинта Цецилия Метелла Корнелии – вдове погибшего в войне с парфянами Публия (сына Красса), и тем самым он окончательно связал себя с сенатской партией. Помпей в поисках поддержки против усиливающейся власти Цезаря стремился сблизиться с сенатом и даже допустил, чтобы на 51 год до н э. в консулы были избраны два представителя сената.

Когда в 50 году до н э. Цезарь потребовал для себя консульства, то встретил резкие возражения Помпея, сославшегося на закон, запрещавший соединять магистратуру с промагистратурой. Помпей предложил Цезарю сложить с себя управление Галлией и распустить свои легионы. В ответ на это подкупленный Цезарем оптимат Курион предложил Помпею распустить свои войска и отказаться от наместничества в

Испании. Помпей уклонился от определенного ответа, и тогда Курион вынес этот вопрос на рассмотрение всего сената и встретил поддержку. Решение сената также было поддержано и населением Рима. Оптиматы и Помпей решили пойти на крайний шаг и объявили войну Цезарю. Помпей получил полномочия производить набор войска.

Такие чрезвычайные меры были в резком противоречии с осторожным поведением Цезаря, который в начале 49 года до н э. прислал Помпею письмо с предложением сохранить мир. Однако письмо Цезаря было резко отвергнуто, Цезарю было предложено к определенному сроку распустить свое войско под угрозой, что в противном случае с ним поступят как с врагом отечества. В это же время Помпей был назначен главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами республики с неограниченной военной властью и правом свободного распоряжения казной. Вызов был принят, и Цезарь перешел Рубикон.

Поскольку Помпей окончательно перешел на сторону сената, он стал не столько предводителем оптиматов, сколько их наемным полководцем. Все это замедляло его военные приготовления, в то время как Цезарь быстро двигался к Риму с 5 тысячами пехоты и 300 всадниками. Получив известие о приближении войска Цезаря, Помпей отошел с войском в Луцерию, а затем в Брундизий, откуда переправился в Диррахий. Под его командованием теперь находилось 11 легионов, 5 тысяч конницы и флот из 500 кораблей. После завоевания вотчины Помпея – Испании войска Цезаря зимой 49/48 года до н э. стали переправляться в Грецию. Часть его войска успела переправиться, но легат Помпея Бибул сжег корабли, в то время как сам Помпей оттеснил войска Цезаря в Диррахий. Все это вынудило Цезаря удалиться в Фессалию, куда следом за ним отправился и Помпей. Если бы Помпей действовал по собственному плану, то, вероятно, он смог бы повернуть кампанию в свою пользу, однако оптиматы нетерпеливо толкали его на решительные шаги, и по их настоянию в августе 48 года до н э. Помпей был вынужден вступить в битву с Цезарем при Фарсале. Несмотря на значительный перевес войск Помпея над легионами Цезаря сражение было проиграно. Помпей сразу пал духом и, бросив остатки своего войска, отправился на восток, чтобы там искать себе помощь.

Прибыв в Лесбос, Помпей взял на борт своего корабля жену Корнелию и младшего сына Секста и отплыл к Кипру, где был снабжен деньгами. Оттуда он направился в Египет, рассчитывая на помощь египетского царя Птолемея XIII Диониса. Однако надежды Помпея на египетскую помощь оказались призрачными

и привели его к роковому концу. Правившие вместо малолетнего египетского царя Потин, Теодот и Ахиллас – главные царские воспитатели и советники – в надежде заслужить благодарность Цезаря умертвили Помпея. Он был убит на следующий день после того, как ему исполнилось 58 лет. И Цезарь получил от египетских царедворцев голову и перстень своего главного врага. Тело Помпея было захоронено его солдатами, а полученную голову Цезарь сжег и пепел захоронил с особыми почестями.

Природа наделила Помпея замечательными военными способностями, физической силой, выдержкой, храбростью, его популярность в Риме объяснялась, прежде всего, военной славой, которую Помпей добыл на полях сражений. В мирной жизни он не проявил особых дарований и во многом представлял тип обычного римлянина – застенчивого, нерешительного, не слишком жестокого, малообразованного, хорошего семьянина. Двое его сыновей – Гней Помпей Младший и Помпей Секст – пошли по стопам отца и стали полководцами. После гибели отца старший из сыновей боролся с Цезарем вначале в Африке, а затем в Испании, собрал вокруг себя большое войско из республиканцев и туземцев, сохранявших добрые воспоминания о его отце. В 45 году до н э. Гней Помпей Младший во главе 13 легионов выступил против Цезаря, но был разбит наголову в сражении при Мунде и сам погиб в ходе битвы.

Помпей Секст сопровождал своего отца в Египет, где стал свидетелем его смерти. Затем он служил под началом своего старшего брата, а после его гибели начал корсарскую войну с легатами Цезаря.

После смерти Цезаря Помпею удалось встать во главе флота, с помощью которого он занял значительную часть Испании и Сицилию. Члены второго триумвирата объявили его врагом отечества, а Помпей Секст, воспользовавшись сицилийскими гаванями, стал захватывать корабли, перевозившие в Италию хлеб.

Тогда триумвиры Октавиан и Антоний, обеспокоенные волнениями, происходящими из-за голода в Риме, решили примириться с Помпеем, заключив с ним в 40 году до н э. Брундизийский договор. По этому договору Помпей Секст обязался не мешать морской торговле и не принимать дезертиров и беглых рабов и ежегодно присылать из Сицилии, предоставленной под его управление вместе с Корсикой, Сардинией и Ахайей, определенное количество хлеба. Однако вскоре Антоний нарушил Брундизийский договор, отказавшись отдать Помпею Ахайю. В свою очередь, Помпей вновь стал занимать некоторые из приморских городов Италии, возобновил

пиратские набеги и снова начал принимать на свои корабли дезертиров. Он снова стал перехватывать хлебные транспорты и опять привел Рим к голоду.

Выступивший против Помпея Секста Октавиан без помощи со стороны Антония и Лепида потерпел поражение. Но, разгромив флот Октавиана, Помпей не сумел воспользоваться удачным моментом и дал Октавиану возможность собраться с новыми силами. В 37 году до н э. был подготовлен новый флот под командованием Агриппы, и примирившийся с Октавианом Антоний выделил для него 120 кораблей. Октавиан сумел нанести поражение флоту Помпея и вынудил его отойти к Тавромению. Однако здесь Помпею вновь удалось нанести поражение флоту Октавиана и снова задержать отправку продовольствия в Италию.

Это вынудило триумвират сосредоточить в Сицилии все римские легионы под командованием Агриппы, Октавиана и Лепида. Сюда же, к Мильскому мысу, подошли и оба флота.

В 36 году до н э. произошло морское сражение при Навлохе. Победа была одержана Октавианом, и Помпей на уцелевших кораблях отплыл вместе со своей дочерью и сокровищами на восток. В Милете он был убит одним из легатов Антония.

Смерть младшего сына Помпея Великого развязала руки Октавиану и ускорила его триумфальный въезд в Рим.

ГАЙ ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ
(102 или 100–44 до н э.)
Римский диктатор и полководец.

Гай Юлий Цезарь происходил из старинного и знатного патрицианского рода Юлиев, корни которого уходили к полулегендарным царям и богам. Когда у Цезаря умерла тетка Юлия, сестра отца, много сделавшая для его воспитания и образования, то, произнося траурную речь, Цезарь так отметил ее род: «Род моей тетки Юлии восходит по матери к царям, а по отцу же – к бессмертным богам, ибо от Анка Марция происходят Марции-Рексы, имя которых носила ее мать, а от богини Венеры – род Юлиев, к которому принадлежит и наша семья». Считалось, что по мужской линии род Юлиев ведет свое происхождение от Аскания-Юла – сына троянского героя Энея, внука богини Венеры. Анк Марций был четвертым из семи легендарных царей Рима, прославленный как мудрый властитель и храбрый воин.

Несмотря на знатность происхождения, предки Цезаря по отцу ничем особым не отличались, разве что удачными браками. Отец Цезаря за всю жизнь так ни разу и не был избран консулом, и только в 92 году до н э. стал претором. Затем он был назначен проконсулом в Азию, где руководил расселением колонистов.

Мать Цезаря, Аврелия, происходила из древнего знатного, но плебейского рода Аврелиев. Указаний точной даты рождения Цезаря у древних историков нет. Но исходя из даты смерти и сроков занимаемых им государственных должностей, датой рождения можно считать 102 или 100 год до н э. По древнему обычаю, первенец в римской семье получал имя своего отца, и мальчика нарекли Гаем Юлием Цезарем. Имя, вернее прозвание Цезарь (Кесар), было дано одному из представителей рода Юлиев, принимавшему участие во 2-й Пунической войне и убившему в сражении слона. Карфагеняне называли слонов «цезарями», что и послужило основанием дать воину такое прозвание. Когда отец Цезаря неожиданно скончался в Пизах, всю заботу о воспитании 15-летнего юноши взяли на себя мать и сестра отца – Юлия.

В 84 году до н э. молодой Цезарь был избран жрецом бога Юпитера – пост, на который мог быть избран только представитель патрицианского рода. Жрец Юпитера не имел права садиться на коня, видеть войско, не мог приносить клятвы, носить перстень и отлучаться из города, дабы не прерывать жертвоприношения богу. Он мог взять в жены только

представительницу патрицианского рода. Женой Гая Юлия Цезаря стала дочь Луция Корнелия Цинны – Корнелия. Консулы Цинна и Марий захватили власть в Риме. Цезарь приходился Марию племянником, так как тот был женат на сестре матери Цезаря. Марий – полное имя Гай Юлий Марий – происходил из плебейского рода, но смог достичь высокого положения в Риме и пользовался у населения города большой популярностью. Он стал «новым человеком» – так называли представителя несенаторского сословия, который первый в своем роду добивался или достигал консульства. Предки Мария ничем не прославились на государственной службе и никогда не фигурировали на политической арене.

В борьбу с Марием и Цинной вступил Сулла, подошедший к Риму с войском. В 82 году до н э. Сулла взял город, а одержав победу, начал жестокую расправу со сторонниками Цинны и Мария. От Цезаря потребовали расторгнуть брак с Корнелией, но тот отказался. За отказ он был лишен права на отцовское наследство и под угрозой ареста вынужден был бежать из города. Но уйти ему не удалось, и он был схвачен патрулем. Свою жизнь он выкупил за 12 тысяч динариев, а в дальнейшем, благодаря связям матери, Аврелии, Сулла даровал помилование строптивому аристократу.

Свою политическую деятельность Цезарь начинал как сторонник демократических преобразований, чем завоевал широкую популярность среди городского плебса и ненависть сенатской олигархии.

Для проведения в жизнь намечаемых преобразований Цезарь заключил с наиболее крупными деятелями этого времени Гнеем Помпеем и Марком Крассом негласное соглашение о совместной борьбе с общим врагом. Соглашение, заключенное в 60 году до н э., получило в истории название первого триумвирата. Первым успехом коалиции было избрание Цезаря консулом на 59 год до н э.

Пользуясь своей популярностью, Цезарь, минуя сенат, провел через народное собрание ряд законов, удовлетворивших сторонников Помпея и Красса (раздел кампанских земель в интересах ветеранов Помпея, закон о снижении откупной суммы налога с провинции Азия).

В своих интересах Цезарь добился после истечения срока консульства назначения в провинцию Галлия сроком на пять лет с правом набора двух легионов. Прибыв в Галлию, Цезарь вначале столкнулся с племенем гельветов, проживавших в западной части современной Швейцарии. Гельветы хотели переселиться в западную Галлию и просили разрешения пройти через

Нарбонскую провинцию, но получили отказ Цезаря. Попытка прорваться через римские укрепления была Цезарем отбита. Гельветы признали власть Рима и вернулись на прежние места.

Затем к Цезарю обратились дружественные племена эдуев, на которых нападали соседние племена секванов, поддержанные вождем германского племени свевов Ариовистом. Здесь Цезарь смог проявить себя как политик, сумев объединить против германцев все кельтские и галльские племена.

Несмотря на трудность борьбы с Ариовистом войска Цезаря смогли одержать победу в современном Южном Эльзасе и отбросили германцев за Рейн. Секваны признали власть Рима. После покорения гельветов и секванов Цезарь завоевал всю Центральную Галлию.

В следующем году Цезарь двинул свои легионы на север Галлии против племен белгов. Несмотря на трудности похода через лесисто-болотистую местность и отсутствие в Северной Галлии проримского влияния, Цезарь сумел одержать победу, заставить и белгов признать власть Рима.

С такими же трудностями проходило завоевание племен, живших на океанском побережье. В 57 году до н э. Цезарю удалось подчинить себе эти племена, но уже в следующем году они восстали, и их пришлось завоевывать вновь. Цезарю пришлось дробить свои войска на несколько групп. Ввиду того что приморские племена имели свой флот, с помощью которого они доставляли продовольствие в осажденные римлянами крепости и эвакуировали их защитников по морю, Цезарю пришлось создать собственный флот, и только после этого покорение приморских племен было завершено.

В 56 году до н э., после завершения покорения Аквитании, под властью Рима оказалась вся Галлия от Рейна до Пиренеев. Легионы Цезаря совершили даже высадку в Британии, а в 55 году до н э. вернулись на правый берег Рейна.

После покорения Галлии в руки Цезаря попала богатая добыча и большое количество рабов. Часть добытого в Галлии была направлена в городскую казну, а другая половина была использована Цезарем для подкупа политических деятелей в Риме – как своих сторонников, так и противников.

К этому времени триумвират стал непрочен. Помпей и Красс враждовали друг с другом и одновременно опасались усиления влияния Цезаря в Галлии. Однако распад триумвирата был невыгоден Цезарю, который нуждался в продлении своего наместничества в Галлии, поскольку его положение там было еще недостаточно прочным.

В 56 году до н э. триумвиры встретились в городе Лукке

(Северная Этрурия) и достигли понимания по всем спорным вопросам. Цезарю было продлено наместничество в галльских провинциях еще на пять лет, после чего ему было обещано консульство.

Цезарь вернулся в Галлию накануне грозных потрясений. В 54 году до н э. там вспыхнуло восстание галльских племен (белгов, эбуронов и др.). С большим трудом Цезарю удалось с имеющимися десятью легионами усмирить восставших: жилища галлов были уничтожены, сами они или истреблены, или проданы в рабство.

Однако в 52 году до н э. в Галлии вспыхнуло новое, более тщательно подготовленное восстание. Все галльские племена достигли между собой договоренности о совместном выступлении. Во главе восстания встал вождь племени арвернов Верцингеториг.

В момент начала восстания Цезарь находился в Северной Италии, вдали от своих главных сил. К тому же римские войска были разбросаны по всей Галлии, что затрудняло подавление восстания. Отряды Верцингеторига быстро заняли несколько римских крепостей и прервали связь между отрядами Цезаря. Однако Цезарь сумел собрать войска в единую группу и начать борьбу с галлами. Вначале он направил свой главный удар против крепости Авирика, где находились главные силы Верцингеторига. Осада Авирика продолжалась несколько месяцев. Цезарь сумел принудить ее к сдаче лишь с помощью голода. Однако Верцингеториг удерживал еще несколько сильных и хорошо укрепленных крепостей, в которых хранились большие запасы продовольствия. Галлы по-прежнему были готовы сражаться, и Цезарю вновь пришлось дробить свои силы.

Четыре легиона (20 тысяч) во главе с Лабиеном были посланы на север, а сам Цезарь вместе с шестью легионами (30 тысяч) двинулся к Герговии, около которой стояли галлы под командованием Верцингеторига. Несмотря на все попытки Цезаря овладеть Герговией, галлы продолжали сопротивляться, и Цезарь, понеся большие потери, отступил. Это крайне неблагоприятно повлияло на отношения остальных галльских племен к Риму, авторитет которого стал падать в их глазах.

Цезарь вновь сгруппировал свои силы и повел преследование армии Верцингеторига. Он вступил в контакты с вождями германских племен и нанял у них людей для своей конницы, которая смогла противостоять коннице галлов. Верцингеториг попытался вступить с Цезарем в сражение, но потерпел полное поражение. Вождю галлов пришлось вернуться к своей прежней тактике и начать наносить удары по римским тылам, опираясь на

хорошо укрепленные крепости.

Главным центром галльского сопротивления стала Алезия, вокруг которой были возведены мощные укрепления. Вскоре после начала осады Алезии Цезарем на помощь осажденным пришла новая галльская армия, которая, в свою очередь, окружила войска Цезаря. Борьба была жестокой и кровавой, но в конечном итоге завершилась победой Цезаря. Падение Алезии привело к тому, что галльское войско разбежалось, а сам Верцингеториг сдался Цезарю, был доставлен им в Рим, где был казнен во время одного из его триумфов.

Опасаясь повторения восстания, Цезарь предпринял целый ряд мероприятий по умиротворению местного населения. На протяжении нескольких лет Галлия не объявлялась провинцией Рима, а галльское население считалось союзным Риму. Сбор налогов осуществлялся представителями местной знати из проримски настроенных людей. Знатные галлы получили от Цезаря земли, рабов и права римского гражданства. На плодородных землях Галлии были основаны римские колонии, постепенно галльские крепости превращались в римские города.

В это время Помпей, попавший под влияние олигархов и стремившийся к единоличной власти, предпринял первые шаги, направленные против Цезаря. Он подготовил проект законопроекта, согласно которому Цезарь должен был распустить свои легионы, сложить с себя власть и предстать перед судом с отчетом о своих действиях в Галлии.

После тщательной подготовки Цезарь 10 января 49 года до н э. перешел реку Рубикон, которая являлась административной границей между Цизальпинской Галлией и основной частью Италии. Фактически начиная гражданскую воину, Цезарь заявил в свое оправдание, что выступает в защиту попранных прав народных трибунов. Переходя Рубикон, Цезарь учитывал общее положение, которое внешне складывалось не в его пользу. В распоряжении Цезаря было всего лишь девять легионов, но только с одним из них Цезарь перешел Рубикон, все остальные продолжали оставаться в Галлии. Помпей же обладал значительным численным превосходством, имея 10 легионов в Италии, семь в Испании и много небольших отрядов, разбросанных по всей империи. Но Цезарь знал, что находящиеся в Италии легионы Помпея имели в строю лишь кадровый состав, и потому один полностью укомплектованный легион Цезаря был боеспособнее, чем два неотмобилизованных легиона Помпея. На стороне Цезаря был фактор времени и внезапности, а кроме того, он учитывал личные качества Помпея.

От Равенны к Риму имелось два пути. Цезарь избрал

наиболее длинную и извилистую дорогу вдоль побережья Адриатического моря и двинулся по ней форсированным маршем. По мере продвижения Цезаря многие из находившихся здесь рекрутов, набранных для Помпея, присоединялись к нему.

Морально подавленные войска Помпея оставили Рим и отошли к Капуе, в то время как Цезарь, вклинившись между авангардом противника в Корфинии и его главными силами под командованием самого Помпея, расположенными в районе Луцерии, снова добился пополнения своих сил за счет рекрутов противника. Затем он продолжил наступление на юг в направлении Луцерии, продолжая наращивать свои силы.

Однако из-за того, что Цезарь стал не столько окружать, сколько выдавливать Помпея из Рима, тому удалось бежать в хорошо укрепленный порт Брундизий (современный Бриндизи), где наскоро собранные им отряды обеспечили переправу в Диррахий (современный Дуррас).

Цезарь беспрепятственно вошел в Рим, где овладел казной и организовал управление городом. На его сторону перешла и часть воинов Помпея, не успевшая вместе с ним уйти за море. Главной же цели похода – разгрома армии Помпея Цезарю добиться не удалось, и потому военные действия затянулись на целых четыре года.

Вместо того чтобы преследовать Помпея в Греции, Цезарь перебросил войска в Испанию для разгрома главного союзника своего противника. Сосредоточив на севере Испании галльские легионы, Цезарь оттеснил войска Помпея под командованием его легатов в излучину реки Ибер близ городка Иперды (современная Перида), расположенного непосредственно за Пиренеями. Однако войска Помпея уклонились от боя, штурм города также не увенчался успехом, и Цезарь лишь личным вмешательством смог предотвратить поражение своих войск. Он был вынужден отказаться от осады и приступить к созданию искусственного брода для обеспечения за собой господства на обоих берегах реки Сикорис (Сегре), где расположен город Иперда. Угроза перехвата источников снабжения вынудила противников Цезаря отступить. Цезарь предоставил противнику возможность беспрепятственного отхода и одновременно выслал для его преследования галльскую конницу.

Вместо штурма моста через Ибер, который прикрывал арьергард противника, Цезарь пошел на риск и переправил свою пехоту через глубокий брод, считавшийся доступным только для конницы. В течение ночи, совершив глубокий обход, он перерезал пути отступления противника. Цезарь не пытался сразу завязать сражение, но использовал кавалерию для задержки и

изматывания войск противника, а легионы двинул в обход флангов. Цезарь сдерживал порывы своих солдат немедленно вступить в бой и одновременно поощрял их братание с воинами Помпея. В армии его противника начался голод, войска устали, и их боевой дух был подорван. Действиями конницы Цезарь заставил войска противника занять оборону на местности, где не было воды, и это привело к их капитуляции.

Большая часть этой шестинедельной кампании прошла в маневрировании. Цезарь смог одержать фактически бескровную победу и обеспечить приток в свою армию новых солдат из армии Помпея.

При возвращении в Рим Цезарь осадил Марсилию (Марсель), в которой было немало сторонников Помпея. Овладев Марсилией, Цезарь лишил город большей части земельных владений и включил их в состав римской провинции. В Риме Цезарь был провозглашен диктатором. По его распоряжению были окончательно восстановлены в правах все подвергавшиеся преследованиям при Сулле. Цезарь был выбран консулом на 49 год до н э. и отбыл в Иллирию, где сосредоточивались основные войска Помпея.

Вместо обходного пути по суше Цезарь ради экономии времени избрал кратчайший морской путь. Но это лишь задержало его, поскольку у него не было флота, который имел Помпей. Несмотря на то что Цезарь еще до начала похода приказал собирать и готовить корабли, только незначительная их часть была готова отплыть к берегам Греции. Не желая ждать готовности всего флота, Цезарь отплыл из Брундизия с половиной армии.

Высадившись в Палесте, Цезарь двинулся на север вдоль побережья к Диррахию, однако Помпей сумел прибыть туда первым. Помпей медлил, тем самым упуская возможность использования своего численного превосходства. В это время Антоний, ускользнув от флота Помпея, соединился с войсками Цезаря в районе Тираны. Помпей, так и не сумевший помешать их соединению, отступил, преследуемый войсками Цезаря. Теперь Цезарь был готов принять сражение.

Обе армии расположились друг против друга на южном берегу реки Генуза, протекавшей южнее Диррахия. После непродолжительного затишья Цезарь совершил обходной семидесятикилометровый марш по холмистой местности и вышел в район между Диррахием и армией Помпея. Опасаясь обхода и разрыва связи со своей базой, Помпей снова отступил. Цезарь попытался окружить и блокировать армию Помпея, численно превосходившую его войска, однако полностью добиться этого так

и не смог. По-прежнему обладая превосходством на море, Помпей обеспечивал свое снабжение продовольствием и мог перебрасывать войска в любой район Греции. Это позволило ему нанести удар по блокирующим его войскам и фактически прорвать цепь окружения. Попытка Цезаря отразить этот удар едва не закончилась его поражением. Но Помпей не использовал представившуюся ему возможность высадиться в Италии и восстановить свое господство в Риме.

В свою очередь, Цезарь предвидел эту возможность и потому решил вначале разгромить последнего союзника Помпея – Сципиона Наупса, высадившегося в Македонии. Помпей был вынужден последовать за Цезарем другим маршрутом. Несмотря на то что Цезарь подошел первым, он не стал бросать свои войска на штурм укрепления, а дождался соединения Помпея со Сципионом. Учитывая свою неудачу у Диррахия, Цезарь не пытался навязать бой Помпею на открытой местности. Однако и сам Помпей, хоть и имел почти двукратное превосходство в силах (40 тысяч), согласился дать сражение лишь под давлением своих помощников.

Битва при Фарсале началась раньше времени для Цезаря, силы которого были и так невелики (27 тысяч, из них 2 тысячи всадников против 6 тысяч всадников Помпея). Несмотря на численное превосходство противника, Цезарю удалось одержать победу, выйдя во фланг и тыл главных сил Помпея.

Помпей бежал, бросив свои войска. Цезарь преследовал его, пройдя через Дарданеллы, Малую Азию и Средиземное море до Александрии, где по приказу царя Птолемея XIII Помпей был убит. Цезарь был избавлен от значительных затруднений, однако он вскоре лишился достигнутого преимущества, вмешавшись в борьбу за египетский престол между Птолемеем и его сестрой Клеопатрой и потеряв на это восемь месяцев.

Сторонники Птолемея добились, чтобы население Александрии восстало против римлян. Небольшое войско Цезаря вместе со сторонниками Клеопатры было окружено в приморском дворце египетских царей. Всю зиму 48/47 годов до н э. армия Цезаря выдерживала осаду и только весной следующего года после получения подкреплений Цезарю удалось нанести поражение армии египетского царя на берегах Нила.

Как только Цезарь выиграл битву на Ниле, он узнал, что сын покойного царя Понта Митридата VI Евпатора Фарнак переправился через Понт Эвксинский и, разбив небольшие римские отряды, овладел не только территорией бывшего Понтийского царства, но и Вифинией, создав при этом угрозу для римской провинции Азия. Совершив поход в северную часть

Малой Азии, Цезарь близ города Залы наголову разгромил войска Фарнака, который погиб во время бегства. Сообщая об этой победе, Цезарь писал, что он «пришел, увидел, победил» (veni, vidi, vici).

Цезарь вернулся в Рим и успокоил волнение среди легионеров, выплатив им задержанное жалованье. Чтобы собрать необходимые средства, он конфисковал, частично продал и частично раздал ветеранам земельные владения своих бывших противников. Теперь он, наконец, решил покончить с остатками войск своих противников, которые оставались в Северной Африке и Испании.

Цезарь начал свою Африканскую кампанию 46 года до н э. с недоукомплектованным войском. Его противник обладал численным превосходством и едва не заманил войска Цезаря в ловушку. Однако Цезарю удалось выйти из нее и укрепиться в лагере близ Руспена в ожидании остальных легионов. В течение нескольких месяцев он просидел в лагере даже после прибытия подкреплений. Непрестанно маневрируя, Цезарь наносил небольшие, но молниеносные удары, которые сказывались прежде всего на моральном состоянии противника, из армии которого все более увеличивался поток дезертиров.

Наконец после выхода к базе противника у городка Тапса Цезарь создал благоприятную обстановку для победы над противником. Его войско стремительно бросилось в атаку и выиграло сражение. После взятия главной базы большинство городов капитулировало.

После окончания войны в Африке Цезарь отпраздновал в Риме четыре роскошных триумфа (галльский, египетский, азиатский, африканский).

Однако оставалась еще Испания, в которой сыновья Помпея собрали большую армию. В кампании 45 года до н э. Цезарь, стремясь избежать больших потерь, беспрестанно маневрировал, вынуждая противников занять невыгодную позицию. Благодаря этой тактике Цезарю удалось добиться победы на юге Испании у местечка Мунд. Победа обошлась Цезарю дорогой ценой; сообщая о ней сенату, Цезарь писал, что если в других боях он сражался за победу, то в битве при Мунде он сражался за жизнь.

Если подвести итоги военным кампаниям Цезаря, то следует признать, что многим его действиям не хватало размаха и внезапности. В каждой из своих кампаний он ослаблял моральный дух противника, но не подрывал его окончательно. И все же в результате напряженной политической борьбы и гражданской войны (46–45 годы до н э.) были уничтожены вооруженные силы противников. Цезарю удалось захватить

верховную власть и сделаться полновластным правителем всей Римской державы.

Одержав победу над своими противниками из римского нобилитета, Цезарь отказался от демагогической политики и пошел на некоторые шаги, отвечающие политическим воззрениям оптиматов, и даже стал выдвигать их на государственные должности. Однако среди нобилитета продолжали преобладать настроения, враждебные политике Цезаря. Чтобы стабилизировать внутреннее положение, Цезарь стал готовиться к походу на Восток против Парфянского царства.

В Риме на три года вперед были назначены магистраты и стала комплектоваться большая армия. В публичных местах Цезарь стал появляться в пурпурной тоге триумфатора, сидя на золотом кресле. Один из наиболее активных сторонников Цезаря Марк Антоний попытался возложить на него царскую диадему. Это вызвало возмущение нобилитета, прежде всего сенатского, а затем привело к организации заговора, направленного против Цезаря. Заговорщики планировали после убийства Цезаря восстановить прежний республиканский строй.

Однако убийство Цезаря на заседании сената во время «мартовских ид» (15 марта 44 года до н э.) не только не привело к восстановлению прежнего республиканского строя, но, напротив, породило вначале продолжение гражданской войны, а затем и новую форму государственного правления – империю, основы которой уже были заложены Цезарем.

ТИБЕРИЙ ДРУЗ НЕРОН ГЕРМАНИК (15 до н э. – 19 н э.) *Представитель рода Германиков, римский полководец.*

Род, к которому принадлежал Германик, оставил в истории Древнего Рима заметный след. Представители этого рода были и императорами, и полководцами. Не только мужчины, но и женщины стали знаменитыми и вошли в анналы римской истории. Германиками они стали именоваться благодаря победам над германскими племенами Децима Клавдия Нерона, впоследствии именовавшегося Друз Нерон Клавдий и вошедшего в историю под именем Друза Старшего. Ему и его потомкам по распоряжению сената было дано это прозвание «Германик», что означало «германский». Светоний писал о нем: «Он был первым римским полководцем, который совершил плавание по Северному океану и прорыл за Рейном каналы для кораблей. Врага он громил во многих битвах и оттеснил его в самую глушь». Он родился в 38 году до н э., через три месяца после того, как его мать Ливия Друзилла стала женой императора Августа Октавиана, и в Риме многие считали его сыном императора. Но отцом Друза Старшего был Тиберий Клавдий Нерон, который во времена Цезаря возглавлял его флот, а после его убийства встал на сторону Марка Антония в начавшейся гражданской войне.

Друз Старший был талантливым полководцем, прославившим себя многими победами. В 18 году до н э. он стал квестором. Затем вместе со своим старшим братом Тиберием Друз Старший воевал в Реции. Став в 13 году до н э. главнокомандующим римской армией в Галлии, он перешел к активным действиям против германских племен. Перейдя Рейн, он привел к покорности северогерманские племена бруктеров и хавков. В 11 году до н э. Друз Старший дошел до Везера, а на следующий год он организовал экспедицию против хаттов. Назначенный консулом в 9 году до н э., он разбил херусков и маркоманнов, дойдя до Эльбы. В Риме он пользовался огромной популярностью, и многие считали, что если бы власть перешла к нему, а не к его старшему брату Тиберию, то он бы восстановил республику. Он умер на войне в 9 году до н э. Тело его было привезено в Рим и погребено на Марсовом поле. В его честь воины насыпали курган, вокруг которого каждый год в назначенный день устраивали погребальный бег, а по распоряжению сената на Аппиевой дороге

была воздвигнута триумфальная арка.

О матери родоначальника рода Германиков стоит сказать особо. Она отличалась красотой и умом и была безмерно властолюбивой женщиной. Став третьей женой Августа Октавиана в 19 лет, Ливия ввела в императорский дом двух своих сыновей от первого брака. Светоний писал, что император высоко ценил ее ум и часто советовался с ней по важным государственным вопросам. Положение жены императора устраивало Ливию. Желая сохранить его, она не только не препятствовала его любовным развлечениям на стороне, но даже сама подыскивала ему молоденьких красавиц. Историк Тацит называл Ливию «матерью, опасной для государства, и злой мачехой для семьи Цезарей». От брака с Августом Октавианом у Ливии детей не было, поэтому она прикладывала большие усилия, чтобы его наследником стал ее старший сын от первого брака Тиберий, через которого она могла бы управлять империей. Сам же император не спешил назначить Тиберия своим преемником. Он рассчитывал передать власть более близким родственникам – сыну своей сестры Марку Клавдию Марцеллу, которого женил на своей дочери Юлии. Но племянник вскоре умирает, и тогда Август снова выдает дочь Юлию замуж за своего близкого друга Агриппу, а в наследники себе он прочит старших их сыновей Луция и Гая, которых он усыновил и сделал консулами. Но и их постигает смерть в раннем возрасте. В смерти всех троих наследников народная молва и некоторые историки обвиняли Ливию, возможно, не без основания. Последнего претендента на наследование императорской власти после Августа – его внука Агриппу Постума, также усыновленного Августом Октавианом – Ливия устранила, добившись у мужа его ссылки на остров Планазию. Ливия добилась того, что Август усыновил ее старшего сына, который после изгнания Агриппы Постума остался единственным наследником верховной власти. После смерти императора власть и две трети имущества унаследовал Тиберий, а одну треть имущества – Ливия. Но управлять империей Тиберий желал самостоятельно, и отношения матери и сына в конце концов испортились. Правда, Ливия все еще пользовалась большим влиянием, и Тиберию приходилось с ней считаться. Сенат предложил назвать ее «Матерью Отечества», а в некоторых провинциях она почиталась как богиня. Официально Ливию обожествил ее внук император Клавдий. По завещанию Августа Октавиана Ливия была принята (удочерена) родом Юлиев-Клавдиев и, получив титул Августы, стала официально именоваться Юлией Августой. Ливия умерла в 29 году н э., благополучно дожив до 86 лет.

Старший сын Ливии от первого брака, Тиберий Клавдий Нерон, родился в 42 году до н э. и вошел в историю под именем Тиберия. После усыновления его императором Августом Октавианом он принял имя Тиберия Юлия Цезаря, а став императором в 14 году н э., он официально именовал себя Тиберием Цезарем Августом. В правление Тиберия с согласия прокуратора Иудеи Понтия Пилата был распят Иисус Христос.

В свое время по требованию императора Августа Тиберий развелся с женой Випсанией Агриппиной, которую очень любил и имел от нее сына, вошедшего в историю под именем Друза Младшего. Тиберий подчинился приказу императора и женился на его дочери Юлии. Но прожили они вместе, взаимно ненавидя друг друга, недолго. Тиберий покинул Рим и уехал на остров Родос, проведя в добровольном изгнании восемь лет. Больше он женат не был.

Военная слава пришла к Тиберию после походов против племен кантабров, венделиков и ретов. В результате экспедиции в Германию его армией было захвачено более 40 тысяч пленных, которых Тиберий переселил в Галлию, предоставив им земли около Рейна. В 20 году до н э. он воевал в Армении, где ему удалось вернуть власть царю Тиграну, относившемуся к Риму с особым почтением. Тиберий заново подчинил Риму провинцию Иллирик. А когда в 9 году н э. Публий Квинтилий Вар с тремя легионами потерпел поражение от германцев в Тевтобургском лесу, Тиберий был направлен на ликвидацию последствий этого сокрушительного поражения. Как полководец он был осмотрителен и уделял большое внимание поддержанию в войсках порядка.

Став императором, он долго отказывался на словах от правления и всячески демонстрировал, что не желает этой власти. Он докладывал сенату о своих решениях, уступал дорогу консулам, избегал титулов и преследовал льстецов. Но в то же время он жестоко расправлялся с теми, кто мешал ему. Тиберий пытался укрепить пошатнувшиеся нравы римского общества, сократил количество зрелищ и денежных раздач.

К 27 году н э. он практически отошел от дел и удалился на остров Капри. Власть в империи фактически перешла к префекту преторианской гвардии Сеяну, замышлявшему переворот и ликвидировавшему возможных преемников Тиберия (сына Тиберия от первого брака Друза Младшего). Проведя расследование, Тиберию удалось предотвратить переворот и казнить Сеяна. Произошло это в 31 году н э. В народе Тиберий не пользовался любовью, а когда он умер (по одной из версий он был отравлен), весть о его кончине была встречена ликованием.

Тиберий Друз Нерон Германик был сыном Друза Старшего и Антонии Младшей. Он родился в 15 году до н э., и в некоторых источниках приводится даже точная дата его рождения – 24 мая. О его детстве и ранней юности, то есть о времени до начала его военной и общественной деятельности, известно немного. Германик получил прекрасное общее и военное образование. Возможно, он учился в школе вольноотпущенника и знаменитого в то время педагога Верия Флакка. Да и Август Октавиан любил сам заниматься воспитанием своих внуков, обучая их грамоте. Он и пригласил во дворец Верия Флакка вместе со всей его школой, чтобы его внуки, не покидая дворца, могли пользоваться всеми выгодами публичного обучения и воспитания. Отличительной чертой такого обучения была разносторонность. Юноши знакомились с основами юриспруденции, финансов, ораторским искусством, поэзией, философией, историей, военным делом и другими науками, чтобы в дальнейшем иметь возможность занимать различные государственные должности.

По желанию императора Августа Октавиана Германик был усыновлен своим дядей Тиберием, который сделал это вопреки интересам собственного сына. Затем Германик женился на Агриппине – дочери Марка Агриппы и Юлии (дочери Августа Октавиана).

Военную карьеру Германик начал в 7 году н э. в звании квестора Дунайской армии. Состоя помощником своего дяди Тиберия, Германик был послан на подавление восстания в Паннонии, где нанес вождю паннонских туземцев Батону ряд поражений, взял штурмом укрепленный город Ардубу и захватил в плен самого Батона.

В 10 году н э. Август поставил Германика во главе восьми рейнских легионов с правами главнокомандующего и званием проконсула. Он участвовал вместе с Тиберием в военных походах против германских племен. Во время военных походов Германика часто сопровождали жена с сыном. Ребенка родители одевали в военную форму, сделанную специально для него по особому заказу. Обувь также была военного образца – маленькие сапожки «калигулы». Калигулой и стали называть его солдаты, и с этим именем, став императором, он вошел в историю.

Военные походы против германцев были предприняты после того, как в 9 году н э. восставшие племена уничтожили в Тевтобургском. лесу римские легионы под командованием Публия Квинтилия Вара, что привело к утрате Римом территорий между Рейном и Эльбой – плоды более чем 20-летних военных усилий. Тогда погибли три римских легиона. Для укрепления обороны по Рейну сюда были направлены шесть новых легионов,

которые имели опыт подавления восстания на Балканах и ранее участвовали в военных кампаниях против германцев. Руководил этими легионами легат Германика Авл Цецина Север, один из опытнейших римских военачальников. Все это свидетельствовало о том, что Рим был намерен вести наступательную войну для возвращения утраченных позиций. Еще до смерти Августа Октавиана Германик был назначен наместником галльских провинций, и в его подчинение вошли все легионы, расположенные на Верхнем и Нижнем Рейне. Рим тщательно готовился к наступлению на германские земли, и его подготовка заняла несколько лет. В войсках находились и Тиберий, и Германик, но затем Тиберий вернулся в Рим, чтобы находиться там на случай смерти Августа.

И вот в 14 году н э. Август Октавиан умирает, его преемником провозглашается Тиберий. Когда известие об этом дошло до войск, рейнские легионы подняли мятеж и потребовали, чтобы вместо Тиберия был избран Германик, который имел наибольшую популярность среди легионеров. В то время в войсках находились жена Германика и его сын Гай Калигула. Германик хотел, чтобы они были переправлены в Трир в целях их безопасности, но легионеры не допустили этого, стремясь заставить Германика принять власть. Положение спасла безукоризненная лояльность самого Германика, который решительно отказался от предложенной ему императорской власти. Он не поддался искушению захватить верховную власть в Риме, несмотря на требования своих легионеров, а мятеж он с большим трудом и мужеством усмирил.

Наведя в войсках порядок, он стал активно готовиться к походу за Рейн. В поход он выступил весной 15 года н э., несколько раньше намеченного срока, поспешив на помощь Сегесту, осажденному войсками германского вождя Арминия. В результате этого похода Сегест был освобожден, а римлянам даже удалось захватить дочь Арминия Туснельду.

На помощь Арминию выступил его дядя Ингвиомер, но исходя из сложившейся к тому времени ситуации в германских племенах силовое решение проблем в германских землях уже не имело большого значения.

Летом того же года Германик предпринял новый поход. Эта кампания сопровождалась огромными потерями в войсках с обеих сторон. Больших результатов она не принесла, но моральное удовлетворение римляне получили – им удалось отбить орла XIX легиона и захоронить останки павших в Тевтобургском лесу легионеров Вара.

В Риме летний поход Германика и одержанные им победы

были пышно отмечены. Самому Германику декретировался триумф, три его легата получили триумфальные отличия, было принято постановление о сооружении триумфальной арки в честь отвоевания у германцев римских знамен. В принципе война была закончена, но не для Германика, который стал снова готовиться к весенней военной кампании против германцев в следующем 16 году н э. По многим объективным причинам новый поход был бессмысленной тратой жизней римских солдат. Кампания готовилась с огромным размахом, но по своим результатам она не оправдала тех потерь, которые понесли римские легионы. Самым значительным событием этой кампании стало сражение при Идиставизо. Идиставизская равнина, образованная Везером и лесистыми возвышенностями, стала местом битвы римских легионов Германика с войсками Арминия и Ингвиомера. Перед началом сражения римляне заметили в воздухе восемь больших орлов, летящих в сторону леса, что сочли за счастливое предзнаменование, видя в нем залог победы. Они хладнокровно, стройной боевой линией двинулись на ряды неприятеля. Сражение, начавшееся ранним утром, продолжалось до поздней ночи, но уже к середине дня было ясно, что победа достанется римлянам. Напрасно Арминий криками и личным примером старался воодушевить германцев, появляясь верхом то в одном, то в другом месте битвы. Все большее количество отрядов Арминия отступало под натиском легионеров, а к вечеру началось беспорядочное бегство германцев с поля боя. К ночи вся равнина была усеяна убитыми, ранеными и растерянным оружием. Сам Арминий и раненый Ингвиомер спаслись, вымазавшись кровью и грязью, чтобы неузнанными проскользнуть сквозь ряды легионеров.

Одержав победу над германцами при Идиставизо, войска и конечно же сам Германик считали, что уже в следующем году можно будет победоносно завершить войну. Германик считал, что легионы Вара еще недостаточно отомщены, так как главный виновник катастрофы Арминий уцелел и продолжает действовать.

Кампания 16 года н э. принесла Германику высший военный титул императора. Но вместе с тем она же способствовала усилению подозрения Тиберия, который видел в своем племяннике не только талантливого полководца, но и постоянную угрозу своей власти, так как в отличие от самого Тиберия Германика обожали и армия, и народ. Он настоял на прекращении военных действий и отозвал Германика в Рим. Тем самым Тиберий желал разлучить его с верными легионами. Но популярность Германика была необычайно широка и в

преторианской гвардии. Когда он приближался к Риму, для его торжественной встречи выступили все преторианские когорты, хотя должны были выступить по приказу Тиберия только две. Все это вряд ли радовало властителя Рима, и в дальнейшем он стремился переориентировать лояльность войск, особенно Рейнской армии, с Германика на самого себя. Для укрепления своего авторитета в войсках Тиберий на памятных знаках в честь побед в Германии повелевает изображать себя как победителя над германскими племенами, приписывая тем самым все заслуги лично себе.

Затем Тиберий решает отправить своего популярного племянника подальше от Рима. Под предлогом того, что только Германик сможет уладить все проблемы, возникшие в восточных провинциях, Тиберий направляет его на Восток. В сенате Тиберий просит особых полномочий для своего племянника как единственного надежного члена своей фамилии, на которого можно положиться в столь важных обстоятельствах. Для Германика новая должность стала самой трудной, так как здесь ему приходилось действовать больше как администратору, нежели как военачальнику. Для него это было и непривычно и сложно. Простую лагерную жизнь среди легионеров ему пришлось сменить на другую, полную интриг, обманов и козней избалованных роскошью продажных чиновников. Кроме того, Тиберий посылает в Сирию Пизона, заменив им на посту правителя Сирии друга Германика Сплана. Зачем это было сделано – неизвестно. Возможно, и к этому склоняются многие древние историки, Пизон получил особое задание от Тиберия – вредить Германику всеми способами, подрывая его авторитет и донося обо всех его действиях Тиберию. Может быть, Пизон был наделен особым доверием Тиберия и получил приказ при удобном случае избавиться от Германика. Но скорее всего, Тиберий просто сделал ставку на характер Пизона, зная, что тот не сможет ужиться с Германиком и сам сделает все, чтобы ликвидировать последнего.

По пути к новому месту назначения Германик посетил Грецию. Греки встретили его с огромными почестями, сопровождая по всем знаменитым местам, рассказывая и показывая ему все, что он хотел видеть. Здесь Германик не только восхищался красотой мест и интересовался историей страны, но и не забывал действовать, как обязывали его данные полномочия, проводя проверку деятельности чиновников. Есть сведения, что во время его пребывания в Колофоне местный оракул предсказал ему преждевременную кончину.

Германик уезжает на Родос, а следом за ним в Грецию

приезжает Пизон. Он старается свести на нет то хорошее впечатление, которое произвел Германик на греков, рассказывая о нем и его жене Агриппине самые неприглядные истории. При переезде в Сирию корабль Пизона попадает в шторм. Узнав об этом, Германик, находившийся в то время на Родосе, посылает на выручку Пизону корабли. Но в дальнейшем этот благородный поступок Германика никак не повлиял, а наоборот, ухудшил отношения между ним и Пизоном. В Сирию Пизон прибывает первым и сразу же с помощью наветов или денег старается создать о Германике невыгодное мнение.

Тот знал, какие интриги плетет против него соправитель, но решил сначала заняться делами, а уже потом разбираться с Пизоном. При его содействии в Армении царем стал сын Понтийского царя Полемона Зенон, которого Германик лично короновал. Для его поддержки он затребовал у Пизона послать в Армению несколько легионов, но это требование Пизоном было проигнорировано. Между ними произошло объяснение, которое привело к новым конфликтам. Дошло даже до того, что во время пира, данного царем масботеев, Пизон швырнул на пол поднесенный ему золотой венок, сочтя его менее богатым, чем тот, который поднесли Германику. Пизон старался действовать во всем наперекор Германику, демонстрируя всем, что не признает его авторитет.

Находясь в восточных провинциях, Германик сумел привести к власти Рима новые территории. Ему удалось заключить выгодный Риму дружественный союз с парфянским царем Артабаном, который при личной встрече с Германиком попросил убрать из Сирии Вонона, действовавшего против интересов парфянского царя. Германик удовлетворил просьбу Артабана и отослал Вонона в Киликию, несмотря на то что Вонону покровительствовал Пизон.

Устав от постоянной борьбы с Пизоном, Германик под предлогом административной необходимости решает посетить Египет. Путь его лежал через Сицилию, где он также провел проверку работы чиновников. Он снискал особую любовь населения острова тем, что снизил цены на хлеб. В Сиракузах Германик появился без стражи и облаченный в греческий наряд, что вызвало особый восторг у жителей города. Но Тиберий воспринял это иначе. Он с завистью смотрел на новые успехи своего племянника, которому и на новом поприще и новом месте удавалось легко добиваться любви и обожания жителей. Выступая в сенате, Тиберий осудил поведение Германика в Сицилии, а также напомнил сенату, что со времен Августа лицам, наделенным властью, запрещалось посещение Египта без особого

разрешения императора. Но Германик ничего не знал о недовольстве Тиберия и продолжал свое путешествие по Египту, наслаждаясь красотой этого края.

Вернувшись в Сирию, он узнал, что все данные им распоряжения были отменены Пизоном, с которым у него произошло новое объяснение. К этому времени Германик уже чувствовал первые признаки болезни, о чем стало известно и жителям. Когда Германик стал выздоравливать, жители Антиохии стали приносить благодарственные жертвы богам по случаю его выздоровления. Пизон этого вынести не мог. Он приказал раскидать жертвы, принесенные к подножью алтарей, а людей, пришедших в праздничных одеждах к храмам, разогнать. Германик был настолько потрясен действиями Пизона, что это привело к новому обострению болезни. Он начал подозревать, что его болезнь вызвана действиями Пизона, который каким-то образом отравил его. У Тацита можно найти сведения, что у дома Германика стали находить куски вырытых трупов, кучи пепла и свинцовые таблички, талисманы и заклинания с именем Германика. Долго терпел Германик выходки Пизона, но только перед самой кончиной он приказал ему покинуть Сирию, написав письмо, где, по обычаю, отказывал ему публично во всяких дальнейших дружеских отношениях. Пизон все время откладывал отъезд, и даже покинув страну, его корабль плыл очень медленно, чтобы при первой же вести о кончине Германика снова вернуться в Сирию.

Болезнь Германика прогрессировала с каждым днем. Рядом с ним находились его семья и друзья. В последние часы он сказал, что «умирает жертвой злодеяния Пизона и Планцины» – жены Пизона, враждовавшей с Агриппиной.

Германик умер в Антиохии 10 октября 19 года н э. По обычаю того времени его тело было выставлено на площади в течение нескольких дней. Похороны Германика прошли очень просто и трогательно – не было фамильных портретов или особенных знаков отличия. Тело его сожгли, а пепел собрали в урну, которую его жена и друзья приготовили для перевозки в Рим. Смерть Германика была встречена в Риме и в армии с чувством искренней и глубокой скорби. Многие обвинили в его кончине Пизона, и Тиберию пришлось провести расследование. Но оно выявило непричастность Пизона и его жены Планцины к этому печальному факту.

Жена Германика, Агриппина, имела характер сильный и непреклонный. Притворяться она не умела и всегда помнила о том, что приходится внучкой Августу Октавиану. Тацит писал, что она «никогда не мирившаяся со скромным уделом, жадно

рвавшаяся к власти и поглощенная мужскими помыслами, была свободна от слабостей». Но после смерти Германика она осталась беззащитной, так как и Тиберий, и Ливия относились к ней с неприязнью. Возведя на нее клевету, будто она хотела искать поддержки у войска, Тиберий сослал ее на остров Пандатерию, где она погибла в 33 году н э. Двух ее старших сыновей, Нерона Цезаря и Друза Цезаря, по приказу Тиберия объявили врагами государства. Нерон Цезарь умер от голода в ссылке на Понтийских островах в 30 году н э., а Друз Цезарь – в Риме в 33 году н э.

До конца жизни Германик создавал для Тиберия проблему своей огромной популярностью у всего римского народа. Преемниками Тиберия стали последовательно сын, дядя и внук Германика. Именно кровное родство с ним явилось в глазах гвардии и легионеров решающим аргументом в пользу избрания императорами Калигулы, Клавдия и Нерона. И только бездарная политика Нерона запятнала доброе имя Германика, а новая гражданская война привела к власти другую династию.

ФЛАВИЙ АЭЦИЙ
(ок. 390—454)
Римский полководец.

Аэция Флавия называли «последним римлянином», и действительно он был последним из величайших римских полководцев Западной Римской империи.

Отец Аэция по происхождению не отличался знатностью рода. Гауденций, так звали отца, происходил из варваров, по некоторым сведениям, из Скифии. Перейдя на службу империи, он достиг высот военной власти, став командующим римской кавалерии. Взяв в жены римлянку знатного происхождения и войдя в состав римской знати, он определил судьбу своего сына Аэция.

Сам Аэций начал военную службу в императорской гвардии, но затем его жизнь резко изменилась. Сложные отношения Рима с варварскими племенами заставляли отдавать юношей из знатных римских родов в качестве заложников. Других варвары не принимали. И в 409 году молодой Аэций прибыл ко двору готского царя Алариха. В следующем 410 году Аларих совершил поход на Рим, взяв и разграбив город. Был ли Аэций участником похода или нет – сведений об этом не сохранилось. Но известно, что Аларих выделял юношу из числа других римских заложников. Сам Аэций изучал жизнь готов, их обычаи и военное искусство. Но вскоре Аларих скончался, а сменивший его Атаульф придерживался политики дружбы с Римом. Он стремился перенять римские обычаи и «вкусить блага» римской цивилизации, поэтому он отпустил всех заложников, в том числе и Аэция.

Он вернулся в Рим, но ненадолго. Сын Гауденция, павшего в результате борьбы за власть в обществе и армии, очень мешал тем, кто в этой борьбе победил. И Аэций снова был отправлен заложником, но на сей раз к гуннам. Для Рима гунны были более грозными противниками. Но новый заложник сумел войти к ним в доверие. Гунны, будучи сами прекрасными воинами, высоко оценили умение римлянина владеть оружием (луком и копьем) и его талант наездника. (Возможно, сказалась кровь предков по отцу.) Прожив некоторое время при дворе короля Каратона, познакомившись с военным искусством гуннов, Аэций был отпущен и вернулся в Рим.

Западной частью империи в то время владел император

Гонорий, Восточная часть была у Феодосия. Оба императора проводили политику стравливания варварских племен между собой, а также варваров с римлянами другой части империи. Естественно, военные в этих условиях имели наибольшую власть. И после своего возвращения от гуннов Аэций быстро сумел занять выдающееся положение в империи.

В 421 году Гонорию пришлось разделить правление с полководцем Константом, который женился на сестре Гонория Плацидии, вдове готского короля Атаульфа.

Но Констант вскоре умирает, а в 423 году скончался и император Гонорий. Аэций примкнул к партии узурпатора Иоанна – одного из высших чиновников, захвативших власть в Риме не без помощи военных. Он сделал Аэция управляющим императорским дворцом, а брак Аэция с дочерью военачальника-германца еще больше укрепил его позиции в военной элите Рима.

Плацидии пришлось искать убежище для себя и своего сына – наследника римского престола императора Валентиниана у Феодосия. Тот не только принял их, но даже решил оказать помощь в борьбе с Иоанном. Плацидия также обратилась за помощью к родне первого мужа, и готы, возглавляемые Ардабуром, влились в армию Феодосия.

Иоанн, зная о хороших взаимоотношениях Аэция и гуннов, отослал его к ним с просьбой о поддержке в борьбе с готами и Феодосием. Но пока Аэций привел 60-тысячное войско гуннов из Венгрии, объединенные с готами восточно-римские войска уже одержали победу. Трон Западной империи заняли Плацидия и ее сын, Валентиниан III, а узурпатор Иоанн был казнен. Гуннам заплатили за поход к Риму, а Аэций, перейдя на службу к Валентиниану III и его матери, получил назначение в Галлию.

Свои войска Аэций набирал из варваров. В Галлии он раздавал воинам земли, тем самым получая их поддержку, что помогало ему вести борьбу не только с набегами племен из-за Рейна, но и укреплять власть в провинции и Риме. Он продолжал водить дружбу с гуннами, часто привлекая их силы в отражении набегов готов или франков. Гунны казались Аэцию наиболее надежными союзниками, и он даже добровольно отослал к ним своего сына в качестве заложника.

Вскоре Плацидия назначила Аэция главнокомандующим войсками империи. В этом звании Аэций проявил энергичную деятельность. В 426 и 430 годах он дал сильный отпор вестготам, напавшим на Арекат, в 428 и 431 годах победил франков на нижнем Рейне, а в 430—431 годах защитил альпийские провинции от вторжения ютунгов.

Власть Аэция была настолько сильной, что у него не было

соперников. Плацидия возвышала его и в то же время боялась и ненавидела. Единственным военачальником, кто мог сравниться с Аэцием, был полководец Бонифаций. Стремясь ликвидировать соперника, Аэций стал подстрекать его на измену императрице, а затем сообщил об этом Плацидии. Бонифаций в 429 году действительно призвал из Испании в Африку, которую контролировал, вандалов, но потом, быстро убедившись в своей ошибке, храбро сражался с ними.

Пока Аэций в 432 году был занят в Галлии, Бонифаций примирился с императрицей и был назначен главнокомандующим на место Аэция. Это и послужило причиной для войны между обоими полководцами. Войска Бонифация нанесли поражение полуварварскому войску Аэция, а сам полководец попал в плен. В сражении Бонифаций был тяжело ранен и вскоре скончался. С его смертью вражда между полководцами закончилась, и Аэций возвратился в Рим, не имея более соперников.

В 434 году он заставил провозгласить себя патрицием и консулом и снова занял свой прежний пост, на котором он находился на протяжении двух десятилетий.

Аэций был не только искусным полководцем, но и дипломатом, сумевшим обуздать жившие в Галлии германские племена и заставить их служить интересам империи.

В двух походах 435—436 годов он победил бургундов, усмирил в Арморике кельтов, подавил в Галлии восстание багезов (крестьян), а в 439 году принудил вестгогов к миру, а на Сомме разбил франкского короля Клодиона.

Аэций старался поддерживать мир с гуннами, но когда их царь Аттила двинулся, чтобы завоевать весь Запад, Аэций смог вовремя объединить вестготов, аланов, франков и другие племена в единый союз и одержал в 451 году над Аттилой победу на Каталаунских полях, имевшую мировое значение.

Когда в следующем году Аттила со свежими силами, возобновив войну, попытался двинуться из Паннонии на Рим, Аэций, лишенный уже союзников, в ожидании помощи от Византии попытался хотя бы отстоять Апеннинский полуостров. План его близился к осуществлению, но римский двор предпочел просить мира и с этой целью отправил в лагерь к Аттиле посольство во главе с папой Львом I.

После внезапной смерти Аттилы в 453 году император Валентиниан III, опасаясь могущества Аэция, решил избавиться от него.

В 454 году Аэций прибыл в Рим, где готовилась свадьба его сына с дочерью императора. Во время аудиенции во дворце он

был убит по приказу императора.

БАТЫЙ (БАТУ-ХАН) (1208—1255)

Монгольский хан династии чингизидов, предводитель общемонгольского похода в Восточную Европу.

Родоначальник династии чингизидов – великий хан Монгольской империи Чингисхан (Темучин), многие столетия тому назад наполнил ужасом большую часть евроазиатского континента. Мировая монгольская экспансия быстро охватывает всю Азию, за исключением Японии, Индостана и Аравии, перебрасывается в Европу, где докатывается до берегов Адриатического моря. Границы империи, начертанные кривой саблей монгольской конницы, превзошли границы империи Александра Македонского, да и Римская империя заметно уступала в территории по сравнению с Монгольской империей. Переходы армии Чингисхана измерялись не километрами, а градусами широты и долготы. На его пути бесследно исчезали города, и часто после прохода его войск единственными живыми существами в некогда цветущих и густонаселенных местах оставались лишь волки и вороны.

Сам великий завоеватель происходил из знатной монгольской семьи, относившейся к роду Борджигин племени тайчжиутов. Его отец, Есугэй-багатур, был богатым нойоном. Мать Чингисхана звали Оэлун, и она была не единственной женой Есугэйя. Родившегося мальчика было решено назвать Темучином, дав ему имя татарского хана, который погиб от руки Есугэйя незадолго до рождения сына. Предание гласит, что ребенок родился с кусочком запекшейся крови в руке, что было воспринято как знак судьбы и повлияло на выбор имени.

Темучину исполнилось всего девять лет, когда его отец пал жертвой междоусобной войны – он был отравлен татарами, когда возвращался домой после сватовства сына. С его смертью распался и созданный им улус, и семья попала в тяжелые условия. Темучин даже был захвачен в плен и превращен в раба, но сумел бежать и вернуться к родному племени. Будучи еще подростком, он был прекрасным воином, поражая сородичей умением ловко управляться с конем, метко стрелять из лука,

бросать на полном скаку аркан и рубиться саблей.

Сплотив вокруг себя лихих удальцов, он стал устраивать набеги на соседние племена. Вскоре ему удалось восстановить улус отца, а затем подчинить себе сначала всю Восточную, а потом и Западную Монголию.

В 1206 году на курултае он был провозглашен «великим ханом» над всеми монгольскими племенами, приняв титул Чингисхана, и под этим именем он вошел в мировую историю. Главной заботой великого хана стало создание сильного войска, а для поддержания личной власти и подавления любого недовольства в стране им была создана личная конная гвардия в 10 тысяч человек. Вся его армия строилась по десятичной системе, где сотни и тысячи могли выполнять самостоятельные задачи. Главным родом войск в армии Чингисхана была тяжеловооруженная конница монголов, а основным вооружением были сабли, пики и луки. Великий хан вошел в военную историю как прекрасный стратег и тактик. Он умел быстро менять тактику в зависимости от обстоятельств, широко применял разведку, внезапное нападение и засады, умело маневрировал на поле боя большим количеством конницы.

В 1207 году он завоевал обширные территории к северу от реки Селенги и в верховьях Енисея, включив покоренные народы в состав своего войска. Пройдя за один год путь от Китая до Армении, в дальнейшем он завоевал государства Цзинь и Си-Ся в Китае, земли Аббасидов, Афганистан, Северную Индию и дошел до Руси.

Он умер во время одного из походов в 1227 году. Место его захоронения осталось неизвестным. Еще при жизни он объявил своим преемником сына Угедэя, который, сменив отца, завершил покорение Северного Китая, завоевал Азербайджан, Грузию и Армению. Все дети Чингисхана были прекрасными воинами, и даже его дочь принимала участие в военных походах. После смерти Чингисхана его сыновья получили уделы: Монголию – сын и преемник Угедэй, Бухару и Восточный Туркестан – Джабатай, Персию – Тулуй, а дети старшего сына Джучи, умершего еще ранее Чингисхана, – области к западу от Урала. Сын Джучи-хана, внук Чингисхана, Бату, стал главой улуса в 1227 году. На его долю, согласно воле деда, выпало покорение западных (европейских) областей Чингисхановых владений.

Его имя в русских летописях было передано как Батый, что означало «несокрушимый». Известно и его прозвище – Саин, то есть «счастливый».

К тому времени Батыю исполнилось всего 19 лет, но он уже был вполне сложившимся монгольским правителем, прекрасно

изучившим тактику ведения завоевательных походов, разработанную его дедом. Отец Батыя, будучи сам хорошим воином, обучил сына не только полководческому искусству, но и умению повелевать людьми и избегать распрей с родственниками.

В 1228 году совет монгольских старшин (великий курултай), собравшийся в монгольских степях, решил продолжить завоевательные походы и покорить весь Китай, Корею, Индию и Европу. Главным направлением был избран запад. Для покорения половцев, волжских булгар и русских княжеств было собрано огромное войско. В его состав вошли войска 14 чингизидов, а общее командование над ним было передано Батыю. К нему присоединились и братья – Урда, Шейбан и Тангут, а также сын Угедэя Гуюк и сын Тулуя Менке. В армию Батыя вошли не только монголы, но и войска покоренных народов. Батыя сопровождали два известных полководца – победитель на Калке Субедэй и Бурундай.

В феврале 1236 года войско выступило в поход. По данным ряда исследователей, Батый собрал под своими знаменами до 140 тысяч человек, но, возможно, и больше. Попутно Батый отряжал в сторону отряды, покорявшие соседние области. Таким образом, в 1236 году были покорены земли волжских болгар и Дешт-и-Кыпчак (Половецкая степь). В 1237 году Батый начал свой первый поход на Русь. Первым княжеством, павшим под натиском монгольского войска, была Рязань. Князь Юрий Игоревич, его дружина и простые рязанцы мужественно сражались с врагом, а их обращение за помощью к соседним княжествам осталось без ответа. Рязанская земля была опустошена, многие ее жители погибли, а другие уведены в полон. Правда, и враг понес немалые потери, но поход был продолжен. Та же участь постигла вскоре и Владимиро-Суздальское княжество, правитель которого великий князь Юрий Всеволодович был разбит Батыем в сражении на реке Сити 4 марта 1238 года. Затем ханское войско направилось во владения Великого Новгорода, но дойти до него не смогло. Весенняя распутица сделала непроходимыми болота, а лед на реках ломался под копытами коней. Да и войско Батыя сильно устало от постоянных сражений, так как ни один русский город не сдавался без боя. По сведениям Батыя, Новгород располагал значительными военными силами, и на легкую победу рассчитывать не приходилось. Так, в начале апреля, не дойдя до Новгорода 200 километров, Батый повернул обратно в южные степи, чтобы дать отдых людям и лошадям и собрать силы для нового похода. Воины Батыя сжигали и грабили все, что попадалось им на обратном пути в Дикое поле. Под стенами

Козельска (прозванного Батыем «злым городом») они были задержаны на два месяца упорным сопротивлением. Взяв Козельск, Батый приказал уничтожить всех его жителей, не пощадив даже детей, а сам город сравнять с землей.

Отдохнув и набравшись сил, армия Батыя в 1239 году предприняла новый поход на Русь. Теперь путь лежал в южные и западные территории. И снова легкой победы добиться не удалось – все города русичей приходилось брать штурмом. Первым захваченным городом стал пограничный Переславль, затем Чернигов. В декабре 1240 года Батый подошел к Киеву. Стольный город удалось взять с помощью таранов и метательных машин, которыми управляли пленные китайские инженеры. Овладев Киевом, Батый двинул свои полчища через Волынские и Галицкие земли в Венгрию и в 1241 году перешел Карпаты. Одновременно он послал в Польшу своего племянника Байдара. Тот, покорив эту страну, вторгся в соседнюю Силезию, где в сражении при Лигнице в Нижней Силезии нанес поражение силезским князьям, разбив 20-тысячное войско Тевтонского ордена, немецких и польских феодалов.

При завоевании Европы монголам приходилось брать хорошо укрепленные каменные замки и крепости, а их защитники не желали воевать в открытом поле с монгольской конницей. Сильное сопротивление Батый встретил в Венгрии. Король Бела IV сосредоточил войска в укрепленном городе Пеште, и Батый, простояв под его стенами около двух месяцев и опустошив окрестности, так и не решился на штурм города. Но все-таки ему удалось выманить королевские войска из-за укрепленных стен и в марте 1241 года разгромить венгров в сражении на реке Сайо. Около года Батый разорял венгерские и трансильванские земли, а затем, решив, что основная задача этого похода выполнена, и получив сведения о смерти хана Угедея, направился в 1242 году в обратный путь на восток, чтобы принять участие в выборе нового хана.

На захваченных землях Батый создал огромное государство – Золотую Орду, границы которого простирались от Иртыша до Дуная. Столицей его стал город Сарай-Бату, расположенный в низовьях Волги, недалеко от современной Астрахани. В столице Золотой Орды Батыя посетил посланник папы Иннокентия IV монах Плано Карпини, который оставил дошедшие до нашего времени записки об этом визите: «Батый живет великолепно… У него привратники и всякие чиновники, как у императора, а сидит он на высоком месте, как будто на престоле с одной из своих жен… Сам Батый очень ласков со своими людьми, но все же они чрезвычайно боятся его… В сражениях он весьма свиреп, а на

войне хитер и лукав, потому что воевал очень много». Покоренные им земли были обложены данью, а русские князья получали ярлык на владение родовыми удельными княжествами из рук золотоордынского хана. Власть в Орде держалась на военной силе, и любое сопротивление ей жестоко каралось.

Внутренними делами Орды сам Батый занимался мало, предоставив их своему сыну Сартаку. Он был слишком увлечен политическими интригами вокруг великоханского престола. Серьезные разногласия возникли у него с племянником Гуюком, ставшим вторым великим ханом, а окончательный разрыв между ними произошел в 1248 году. Вскоре Гуюк умер, что для Батыя было очень кстати. И в 1251 году при поддержке Батыя великим ханом Монгольской империи стал Мункэ, при котором Бату-хан оставался вполне независимым властителем своей империи. (Только в XV веке Золотая Орда, завоеванная Тамерланом, распалась на ряд самостоятельных ханств.) Умер Батый на 48 году жизни от колик, оставив после себя троих сыновей – Сартака, Тукана и Абукана, двое из которых стали родоначальниками самостоятельных ветвей династии чингизидов.

ГЕНРИХ (ЭНРИКЕ) МОРЕПЛАВАТЕЛЬ (1394—1460)
Португальский принц.

Правящий дом Португалии ведет начало от династии Капетингов, точнее, от ее первой бургундской ветви. Первый граф Португальский – Генрих (Энрике), завоевал графство в борьбе с маврами в 1095 году. Он был внуком основателя бургундской ветви Роберта и младшим братом герцога бургундского. По другой версии, Генрих Португальский был отпрыском венгерской династии Арпадов, но подтверждения эта версия не имеет. В 1139 году было образовано королевство Португалия, и в истории его правящего дома можно выделить три периода. Переход от одного периода к другому всегда сопровождался острой династической борьбой, но все новые династии, приходившие к власти, так или иначе состояли между собой в родственных связях.

Жизнь и деятельность Генриха Мореплавателя совпала со вторым периодом в истории правящего дома, начало которому положил отец Генриха – Жоан (его имя также встречается в литературе как Жуан и Иоанн). Второй период длился с 1385 по 1580 год и вошел в историю Португалии как период династии Авис. Жоан был незаконнорожденным братом последнего представителя предыдущей династии Фернанду I, который скончался в 1383 году. По закону, так как Фернанду не имел сыновей, португальская корона должна была перейти к кастильскому королю Хуану I, женатому на дочери Фернанду и, следовательно, приходящемуся ему зятем. Однако португальцы не пожелали быть под властью Кастилии, что и привело к вооруженной борьбе. В стране началось восстание, и вдове Фернанду, Леонор, поддерживающей кастильскую партию, пришлось спасаться бегством. В 1384 году она официально отреклась от власти в пользу кастильского короля.

В начале 1384 года кастильские войска под предводительством Хуана вторглись в Португалию. Им противостояли силы горожан и части дворянства, а также большинство населения южных и части центральных районов страны. Одним из руководителей борьбы с кастильцами был Жоан. Военная кампания 1384 года для Хуана I была успешной – ему удалось разбить португальский флот и осадить Лиссабон с суши и моря. Осада столицы длилась пять месяцев, но внезапно в кастильском войске начала распространяться болезнь, приведшая

к многочисленным смертям. Хуан срочно снял осаду и отошел в Севилью.

В марте 1385 года в Коимбре были созваны кортесы, которые провозгласили королем Жоана, и уже в июле португальцы нанесли войскам Хуана поражение при Тронкозо, а 14 августа между войсками произошла решительная битва при Альжубарроте, где португальцы одержали убедительную победу. Жоан храбро сражался в первых рядах своего войска, а после победы отдал воинам всю добычу, наградив также отличившихся титулами и землями. В последующие годы Жоан укреплял свою власть, приводя к подчинению те города и области, которые еще сохраняли верность кастильцам – Хуану и его жене Беатриш. Жоан даже предпринял поход в Кастилию, но он окончился неудачей. Борьба продолжалась еще много лет, пока в 1411 году был заключен прочный мир и кастильский король Хуан II окончательно отказался от претензий на Португалию.

Заключив мир с Кастилией, Жоан возобновил войну против неверных с целью захвата большого и богатого города Сеута в Африке. В военном походе его сопровождали три сына, и в июле 1415 года Сеута была взята португальцами.

Жоан I пребывал на троне почти 50 лет. До того как стать королем Португалии, он возглавлял Ависский орден. Духовно-рыцарские ордена всегда оставались военно-политической силой королевства. Нередко во главе ордена становился побочный сын короля – именно так эта должность магистра Ависского ордена досталась самому Жоану. Уже при нем во главе орденов оказались его многочисленные сыновья. Сохраняя значение военной опоры королевства, ордены начинают заниматься и другими видами деятельности, одним из которых стало освоение морских просторов и новых земель.

Эта деятельность достигла апогея при младшем сыне Жоана I, Генрихе, вошедшим в историю как Генрих Мореплаватель. Матерью Генриха была Филиппа, дочь Джона Гуанта, и по материнской линии Генрих приходился кузеном английскому королю Генриху V.

Прозвание «Мореплаватель» Генрих, а вернее принц Энрике, получил после смерти за заслуги при исследовании новых земель. И действительно, он был одним из самых знаменитых людей начала эпохи географических открытий. Сам он не принимал участия в плаваниях к берегам неизведанных земель, но регулярно снаряжал и финансировал экспедиции. Поэтому немного странно, что в XIX веке он получил такое прозвище.

О детстве принца практически ничего не известно. Вероятно, он получил обычное для его статуса образование и воспитание,

но также вероятно, что он имел страсть к различным наукам, так как в дальнейшем он проявил незаурядные знания в математике, астрономии и географии.

Первую славу он приобрел как воин, и в 20-летнем возрасте отличился при захвате Сеуты, участвуя под руководством отца в военном походе против мавров. В последующих военных походах он настолько прославился, что папа Мартин V предложил ему пост командующего своей армией. Подобные предложения Генрих получал и от короля Англии Генриха V, и от императора Сигизмунда, но отказывался от них. Еще находясь в Марокко, Генрих интересовался внутренними районами Африки. Он узнал о существовании легендарного христианского государства «пресвитера Иоанна», которое, по слухам, располагалось где-то в Африке. Португалия вела постоянную войну с маврами, и мечтой Генриха стало объединение двух христианских государств в борьбе с общим врагом. Кроме того, он знал, что в мусульманские порты Средиземноморья караванным путем перевозится золото с Гвинейского берега Африки. А если проложить морской путь, то, как мечталось ему, это золото можно было бы перевозить в Лиссабон, тем самым отняв его у неверных. И Генрих решил посвятить свою жизнь воплощению своей мечты.

Он отказался от всех предложений, связанных с военной карьерой, и удалился на мыс Сан-Висенти и поселился в Сагрише, сделав его своей резиденцией. Он основал там духовно-рыцарский орден, получивший название «Орден Христа», и занимался изучением всего, что было связанно с морем. Не жалея средств, Генрих сооружал новые верфи и строил корабли. Португальские капитаны не решались водить суда в дальние путешествия, а плавали вдоль побережья. Атлантический океан назывался у них «Морем Тьмы», и плавание по нему считалось занятием опасным. Да и африканский берег был неизведан. Во времена Генриха было известно, что за полосой пустыни (Сахара) находятся богатые золотом территории, до которых мавры знали караванный путь, но морем туда никто никогда не плавал и навигационных карт, конечно, не было. Генрих собирал любые сведения о тех землях, и сам пытался переложить их на карты, которые чертил собственноручно. По словам современника, Генрих стремился узнать «земли, лежащие за Канарскими островами и мысом, называемым Боядор (Бохадор), ибо до тех пор никто – ни по письменным источникам, ни по людской памяти – ничего, наверное, не знал о лежащих за этим мысом землях».

Основным судном тех времен была каравелла – небольшое судно, водоизмещением не более 200 тонн, удобное для рыбной

ловли и перевозки грузов. При Генрихе судно претерпело некоторые изменения: оно стало чуть легче и было снабжено тремя и более мачтами с косыми (латинскими) парусами, что позволяло ему быть более маневренным и ходить против ветра.

Первая экспедиция была отправлена в 1416 году. Она прошла вдоль западного побережья Марокко, но продолжать путь капитаны опасались из-за слухов, что далее на юге земли бесплодны и безлюдны, так как там стоит такая жара, что корабли сами собой загораются. Но первая неудача не остановила принца Энрике. Он упорно шел к поставленной цели. Он расспрашивал всех – моряков, купцов, картографов, заезжающих в порты иностранцев, кто мог дать ему хоть какую-нибудь информацию об интересовавших его вопросах. Он не пренебрегал даже советами мавров. Через своих сторонников Генрих поддерживал связь с европейскими странами. Из порта Лагош посылались все новые и новые экспедиции, отправляясь вдоль западных берегов Африки. Генрих требовал от капитанов сообщать ему обо всех, даже самых незначительных, открытых гаванях и торговых путях и тщательно наносил всю новую информацию на карты.

Его упорство хоть и не сразу, но увенчалось «победой». В 1420 году посланная Генрихом экспедиция открыла остров Мадейра, который через несколько лет был колонизован, став первым португальским иноземным портом. Затем в 1434 году капитану Жилю Эанешу удалось обогнуть мыс Бохадор, продвинувшись дальше всех европейских мореплавателей того времени. Через два года другой капитан, отправленный Генрихом, Гонсалвиш достиг бухты Рио-де-Оро, а в 1441 году португальские корабли достигли мыса Бланке.

Жуан Гонсалвиш первым привез в Португалию золото и рабов. Принц Энрике сразу же известил папу об открытии страны варварских народов, лежащей за пределами территории мусульманского мира. Он просил у папы Евгения IV пожалования Португалии открытых земель и тех, которые еще будут открыты, чтобы привести проживающие на них народы в лоно католической церкви. Папа, естественно, дал такое разрешение, а последующие понтифики всегда его подтверждали.

Еще много экспедиций было отправлено Генрихом. Благодаря его усилиям были открыты острова Зеленого мыса, Азорские острова, экспедиция Лансароти открыла устье реки Сенегал, а всего на карту было нанесено около трех с половиной тысяч километров западноафриканского побережья. Последняя экспедиция, отправленная им, вышла в море в 1458 году. Последние годы жизни он разрабатывал планы установления

сквозного морского пути в Индию. Генрих был основоположником навигационной науки. У себя в Сагрише он основал обсерваторию и открыл первую мореходную школу, пригласив для работы в ней лучших иностранных специалистов.

Документы той эпохи рисуют Генриха как человека фанатично преданного науке и христианской вере. Его главными целями жизни стало отыскание новых земель для Португалии и новых душ для христианской церкви. Родственные связи для принца практически не существовали. Об этом говорит тот факт, что когда его родной брат попал в плен во время военной экспедиции и за него потребовали большой выкуп, то Генрих воспротивился «столь разорительной трате», хотя оставить в плену королевского сына считалось большим позором. Брат Генриха провел в плену несколько лет и скончался, получив прозвание Святого инфанта.

Генрих Мореплаватель умер 13 ноября 1460 года и был погребен в часовне монастыря Баталья. Ему не удалось открыть морской путь в Индию, но в том же 1460 году родился тот, кто это сделал – Васко да Гама.

АЛЕКСАНДР VI, В МИРУ РОДРИГО БОРДЖИА (1430—1503) *Понтифик (с 1492 года).*

Династия Борджиа (Борджа) неизменно привлекает внимание историков и писателей. С именем Борджиа обычно ассоциируются такие понятия, как Ватикан, роскошь, убийства (и сразу же на ум приходит: яд Борджиа), разврат, кровосмешение, головокружительные взлеты и падения. В этой семье был и свой «дьявол во плоти», и свой святой. Среди представителей этого рода было двое римских пап, одиннадцать кардиналов (а с учетом всех родственников число кардиналов достигает пятнадцати человек), генерал ордена иезуитов, третий по счету после Игнатия Лойолы, причисленный впоследствии к лику святых. Имя Борджиа неразрывно связано с именами великих художников и поэтов Возрождения.

Борджиа были выходцами из Испании и принадлежали к Валенсийскому дворянскому роду Борха. В Италии их фамилия транскрибировалась как Борджиа.

Испанский род Борха ведет свою историю с XII века. Имя роду дало название деревни, отвоеванной у арабов в 1120 году и подаренной их предку графу Педро де Атаресу, незаконнорожденному сыну короля Арагонского – дона Рамиро Санчеса. На родовом гербе де Борха был изображен красный бык на белом щите. Сначала де Борха жили неподалеку от Сарагосы, а после освобождения Валенсии от мавров в 1238 году король Арагонский Хайме I Завоеватель поделил завоеванные земли между своими рыцарями. Среди этих рыцарей был Эстебан де Борха и восемь его родственников. С тех пор де Борха обосновались в городке Хатива. К XIV веку род разделился на две ветви. Старшая ветвь, покинув завоеванные земли, ушла на территорию Неаполитанского королевства, младшая ветвь осталась в Испании и являлась одним из самых знатных семейств Арагона.

У Хуана Доминго де Борха де Каналье и его супруги доньи Франсиски Мартин де Борха кроме прекрасного дома в аристократическом квартале Хативы было укрепленное поместье Ла Торрета. В нем 31 декабря 1378 года и родился их сын Алонсо (Альфонсо) де Борха. Его рождение совпало с началом раскола римской католической церкви. Папский престол вернулся в

Авиньон, а кардиналы, недовольные политикой папы Урбана VI, избрали другого – Роберта Женевского, принявшего имя Клиента VII. С того момента Рим и Авиньон стали оспаривать друг у друга право власти.

Так случилось, что в Хативе выступал с проповедями один из сторонников Бенедикта XIII, который обратил внимание на мальчика Алонсо, слушавшего проповеди с особым воодушевлением. Он предсказал Алонсо большое будущее на церковном поприще. Родители, вняв предсказанию святого отца, отправили сына учиться в Лериду.

Путь Алонсо Борха к престолу Св. Петра был сплошной цепью предательств. После обучения в университете в Лериде Алонсо становится «доктором одного и другого права». Авиньонский папа Бенедикт XIII назначает Алонсо де Борха каноником церкви Леридского собора. Образованный и преданный папе юрист постоянно оказывает ему ценные услуги, а затем принимает самое деятельное участие в низложении своего благодетеля. В награду Борха получает епископство в прибыльной Валенсийской епархии. Стараниями Алонсо был возведен на престол король Арагонский Фердинанд I. Альфонс V, наследник Фердинанда I, возлагает на Алонсо ответственное поручение – потребовать отречения антипапы Климента VIII, с чем Алонсо успешно справляется. Наградой ему стало назначение канцлером арагонского короля. Он занимается не только внутренними делами Испании. С его помощью между Альфонсом V и римским папой Евгением IV был заключен договор, согласно которому Испания признает Евгения IV единственно законным папой, а Альфонс V получает инвеституру неаполитанского королевства. Ловкий посредник Алонсо, епископ Валенсийский, 2 мая 1444 года становится кардиналом и поселяется в кардинальском дворце в Риме. С этих пор он зовется на итальянский манер – Борджиа.

В 1455 году собрался конклав кардиналов для избрания нового понтифика. Алонсо Борджиа в то время было 77 лет. С помощью подкупа он был избран как «переходный папа», приняв имя Каликста III. Но ожидания кардиналов не оправдались. Несмотря на то что Каликст III давно болел и руководил церковью в основном лежа в постели, он был настолько деятелен, что поражал даже опытных сановников курии. Он начал процесс канонизации Винсента Феррье, того самого священника, который предсказал ему великое будущее, приказал пересмотреть решение по процессу над Жанной д'Арк. Она была оправдана, хотя ее палачи не понесли наказания. Каликст III пытался организовать новый крестовый поход против турок, занявших в 1453 году

Константинополь. Организация похода против неверных давала хороший предлог, чтобы взять у верующих побольше денег. Но поход так и не состоялся.

Годы его недолгого правления стали годами безграничного непотизма – раздачи церковных должностей родственникам и сторонникам семьи Борджиа. Каликст III скончался в 1458 году. До кончины он вызвал из Испании своих племянников – Педро Луиса и Родриго, сыновей своей родной сестры. Матерью Родриго была урожденная Иоанна Борджиа. Ее супругом был Готфрид Ленсуоли, давно знавший о связи супруги с ее братом Алонсо. Поэтому когда родился Родриго, то Готфрид не признал его сыном и развелся с женой. Подобное прискорбное поначалу стечение обстоятельств привело к тому, что Родриго был вынужден носить материнскую фамилию – Ланцоль.

Живя в Испании, молодой Родриго сначала решил специализироваться в юриспруденции, быстро став признанным мастером по защите сомнительных лиц и деяний. Однако природа брала свое – хотелось вольной жизни, и молодой Борджиа поменял мантию на военный мундир.

Каликст усыновил обоих племянников, дав им свою фамилию – Борджиа. При жизни Каликста эти племянники-сыновья стали занимать самые выгодные должности. Педро Луис был назначен префектом Рима и стал герцогом Сполето, викарием Террачино и Беневенто. Родриго, о котором все-таки дошли слухи, что он был незаконнорожденным сыном Каликста, был рукоположен, став кардиналом и епископом Валенсии, а затем и вице-канцлером Римской церкви. Обычно еще при жизни папа называл имя своего преемника, и хотя избирался новый понтифик собранием конклава, к его мнению прислушивались. Каликст III не скрывал, что хотел бы видеть после себя на престоле Родриго. Кончина Каликста создала его сыновьям много проблем. «Испанских выскочек» не любили в городе ни чернь, ни аристократы. Как только по Риму поползли слухи о тяжелой болезни понтифика, в городе началась охота на испанцев. Педро Луис бежал из Рима, бросив все нажитое. Брат сопровождал его до Остии, а затем вернулся в Рим, который покидать не желал.

Кардиналу Борджиа было всего 27 лет – он понимал, что для папства это не возраст. При избрании нового папы он отдает свой голос за Энеа Сильвио Пикколомини, который и стал новым понтификом под именем Пия II. Родриго приобрел дружеское расположение Пия II, а затем его преемников Павла II, Сикста IV, Иннокентия VIII. Позиции его достаточно окрепли, чтобы двигаться дальше к высшим должностям. Он читает прекрасные проповеди, красиво служит мессу, получает все новые и новые

назначения и бенефиции, становится деканом кардиналов-диаконов, что дает ему право короновать нового папу, затем камерлингом, то есть казначеем, Святой коллегии.

Кардинал Родриго был молод, богат и хорош собой, но имел многие пороки, которым не мог противостоять. По Риму ползли слухи о его невоздержанности и разгульной жизни, передавались подробности оргий, в которых он участвовал. Самой большой его страстью были женщины. У кардинала, несмотря на данный им обет воздержания и целомудрия, было 8 (а может быть, и больше) детей, которых он не оставлял без внимания, следил за их воспитанием и жизнью.

Наибольшей любовью кардинала была Ваноцца Катани (Катанеи). К началу их связи ей было 18 лет, а Родриго – 30. Кардинал поселил ее в роскошном доме, где мог постоянно навещать ее и детей, которых у них было четверо – Хуан, Чезаре, Джованни и Лукреция. Был еще и пятый сын, самый младший – Гоффредо, которого Родриго долго не признавал своим ребенком, но затем все-таки принял и его. О будущем детей Родриго позаботился заранее. Хуан должен был стать военным, заняв видный чин в испанской армии; Джованни предназначалась высокая светская должность, а Лукреция должна была стать основным козырем в различных политических играх путем выгодного замужества. Для Чезаре отец выбрал духовную карьеру, и тот в возрасте семи лет уже владел бенефициями в нескольких испанских городах и числился членом придворной папской коллегии.

За годы жизни в Риме кардинал Родриго скопил колоссальные богатства, которые теперь решил, не жалея, бросить на чашу весов, дабы склонить кардинальский конклав в свою сторону. Он раздавал золото, обещал города, епископства, должности, аббатства, сокровища, желая стать понтификом. Когда же в 1492 году Иннокентий скончался, Родриго удалось купить на один голос больше, чем его противникам. И в ночь с 10 на 11 августа 1492 года кардинал Родриго был провозглашен папой, взяв себе имя Александра VI. Эта победа обошлась ему в 80 тысяч дукатов, которые в виде епископств, аббатств, церковных бенефиций, вотчин, городов и замков были розданы тем, кто проголосовал за него. Его противники также не были обойдены вниманием – они получили солидные «подачки», тем самым новый папа хотел заслужить их преданность в дальнейшем.

Александру VI исполнилось в то время 60 лет, но он был все так же крепок, привлекателен, приветлив – в общем, достоин всяческих похвал. Став папой, он принялся щедро осыпать своих

близких милостями. Но простые смертные (из народа) попадают под удар ожесточенных санкций – вплоть до показательных казней за убийство. Папа избирает для себя определенный день – вторник, когда дает аудиенции. Он устанавливает четыре должности мировых судей, чтобы решать разногласия при возникновении конфликтов до суда. Судебные заседания проходят в Капитолии каждое утро. По его распоряжению ношение оружия стало контролироваться полицией, в обязанность которой входила проверка клинков на предмет их обработки отравляющими веществами.

История понтификата Александра VI ограничивается почти исключительно борьбой клана Борджиа за власть в Италии. Для укрепления позиций запрещенных средств не было – в ход пускалось все – от убийства неугодных до выгодных браков. В мае 1494 года папа женит своего сына Джованни, князя де Сквиллаче и графа де Кариати, на Санчии де Калабр, принцессе неаполитанской. Последний брак вызвал неудовольствие французского короля Карла VIII, претендующего на власть над королевством неаполитанским. Осенью 1494 года французская армия перешла Альпы. Французы быстро заняли Милан, Флоренцию, где их приветствовал Савонарола – ярый противник Александра VI, и 3 декабря 1494 года французы вступили в Рим. Понтифик вступил в переговоры с французским королем, и 15 января 1495 года Карл и Александр заключили соглашение. «Капитулировавший» папа получил то, что хотел, то есть клятву повиновения и признание законности его избрания, а «победивший» Карл двинулся дальше на юг, чтобы короноваться как король Неаполя. В результате он все-таки не получил желаемую неаполитанскую инвеституру – что значит дипломатия Борджиа! Успехи французов вскоре вызвали сопротивление в итальянских городах, и в конце марта 1495 года была образована Венецианская лига, к которой сразу же присоединился и Александр VI. После поражения под Пармой французы были вынуждены отступить и с большим трудом вернулись обратно во Францию.

Борджиа торжествовали. Теперь для них стал другой основной вопрос – покончить с Савонаролой. Доминиканский монах продолжал клеймить в своих проповедях папский двор. Для борьбы с Савонаролой была призвана инквизиция. Враг клана Борджиа погиб на костре 23 мая 1498 года.

В последующие годы понтификата Александра VI самодержавным владыкой Центральной Италии фактически становится его сын – Чезаре. Он поочередно ликвидирует все, что оказывает сопротивление власти семьи Борджиа. Даже кардиналы

не исключение, некоторые из них были убиты или отравлены по его приказу. Ответственность за эти кровавые преступления сына лежит в равной степени и на его отце. Но Чезаре не желает делить власть ни с кем, тщеславие доводит его и до ликвидации ближайших родственников. Он решает расправиться с братом Хуаном, которому отец готовит неаполитанское королевство и нанимает убийц. В июне 1497 года герцог Хуан Гандийский был заколот девятью ударами кинжала и сброшен в Тибр.

Смерть старшего сына потрясла Александра. Он повел энергичное расследование, арестовывая, пытая и казня своих политических противников, желая уверить и себя, и окружающих, что это убийство дело рук недругов рода Борджиа. Но тайное стало явным, и папа простил Чезаре, который вскоре сменил кардинальскую шапку на титул главнокомандующего папской армией.

Обожаемая дочь и сестра – Лукреция – тоже стала жертвой интересов Чезаре и отца. Ее замужества преследовали определенные цели, ставшие невыгодными браки быстро расторгались, чтобы уступить место новому «выгодному» жениху. Лукреция несколько раз покидала папский двор, уходя в монастырь или уезжая в отдаленные места, чтобы найти спокойствие. Но ее всегда возвращали в Рим, когда возникала необходимость решить очередные насущные задачи, в которых она могла бы быть использована в качестве козырной карты. Даже ее дети использовались в политических играх Борджиа. Только в последние годы жизни, потеряв отца и брата, она стала вести тот образ жизни, о котором мечтала, и даже снискала в Ферраре, где проживала с последним мужем, любовь и уважение жителей.

Делам церкви Александр VI уделял все меньше и меньше внимания, зато стал проявлять огромный интерес к делам политическим. Незадолго до своей кончины он опубликовал буллу, которая признавала за королями Испании и Португалии исключительное право на владение землями, добытыми в «заморских походах». Проведя демаркационную линию от Северного полюса до Южного, папа отдавал западную часть Испании, а восточную – Португалии. Сам же он при таком раскладе становился владыкой всего земного шара. В булле папа оговорил, что королям этих стран предоставляется право полной свободы в организации религиозной жизни на вновь приобретенных территориях.

Борджиа вошли в историю и как отравители, рядом с их именем часто ставится слово «яд». У Александра VI работала целая лаборатория по производству ядов, а средства для их изготовления привозились ему миссионерами из разных стран.

Борджиа предпочитали яд без вкуса и запаха – так легче было дать его очередной жертве. Особенность его действия заключалась в том, что проявляется он не сразу, его можно подсыпать в еду или в питье. Яд широко использовался как при продвижении к папскому престолу, так и в дальнейшем для ликвидации противников. Каждый из семьи использовал яд особым способом. Известностью пользовалось вино, подаваемое в доме Борджиа гостям. Последствия давали о себе знать не сразу, а через неделю и даже больше. У жертвы начинали выпадать зубы и волосы, и человек умирал долго и мучительно. Кроме вина использовались и отравленные иглы, которые пускались в ход в толпе, и легкий укол был даже незаметен.

О кончине Александра VI, а умер он от яда, ходили разные слухи. Говорили, что он стал жертвой ошибки собственного слуги, который перепутал бутылки и налил папе и Чезаре вина из той, которая предназначалась для кардиналов. По другой версии, его убийство было заранее подготовлено кардиналом Корнето и его единомышленниками. Кардинал Корнето пригласил Александра VI и Чезаре к себе на семейное торжество. Зная, что понтифик будет настороженно относиться к еде, кардиналы пили вино из одной и той же бутыли, принеся и себя в жертву ради уничтожения ненавистного папы. После этого пиршества многие участники застолья скончались, другие тяжело заболели. Александр пил вино неразбавленным и на следующий день скончался в страшных мучениях. Чезаре добавлял в вино воду, что его и спасло. Он тоже болел, но молодой возраст и крепкое здоровье помогли ему выжить. В пользу второй версии событий говорит тот факт, что еще долгое время итальянцы поклонялись могиле кардинала Корнето и чтили его как святого, хотя церковь не канонизировала его.

Александр VI был похоронен без всяких почестей, и лишь немногие родственники скорбели о его кончине.

ПЬЕР ТЕРАЙЛЬ ДЕ БАЯРД (1476—1524)

Французский военачальник, участник итальянских войн (1494—1559).

Его называли «рыцарем без страха и упрека», имя его стало нарицательным, синонимом чести, бескорыстия и воинской доблести. Воистину Пьер Терайль де Баярд является одной из самых популярных фигур рыцарской эпохи.

Баярд родился недалеко от Гренобля в родовом замке Терайлей в 1476 году. Династия Терайлей была одной из самых древнейших в провинции Дофине и славилась рыцарскими подвигами. Многие предки Баярда закончили свою жизнь на полях сражений Так, прадед Баярда погиб в битве при Пуатье, дед пал в сражении при Монреми.

В возрасте пятнадцати лет Баярд остался на попечении своего деда – Георгия де Терайля, который был Гренобльским епископом. Он возглавлял школу, в которой учился и Баярд, получив соответствующее образование и воспитание. Мальчик от рождения не отличался хорошим здоровьем и физической силой, но стремился усовершенствовать физическое развитие, отдавая много времени гимнастике и различным упражнениям. Все это помогло ему достичь прекрасных результатов в гимнастических занятиях, которые были в школе одним из главных элементов воспитания.

Баярд с детства мечтал посвятить свою жизнь служению Франции в качестве воина. Поэтому с ранних лет он привыкал носить тяжелое вооружение, вскакивать на коня без стремени, преодолевать глубокие рвы и взбираться на высокие стены, стрелять из лука и сражаться мечом. Всю жизнь он помнил советы, которые дала ему его мать, провожая в путь из родительского дома: надеяться на Бога, говорить всегда правду, уважать равных себе, защищать вдов и сирот.

Свою службу Баярд начал, поступив пажом к графу Филиппу де Бож (впоследствии герцогу Сардинскому), а потом к королю Франции Карлу VIII.

На военное поприще Баярд вступил в то время, когда сохранилось лишь звание рыцаря и многие из рыцарских обычаев, но прежнее рыцарское ополчение заменили постоянные войска, частью свои, частью наемные. Рыцарское ополчение набиралось только на случай войны. Именно тогда Франция начала череду

войн с Италией, и Баярд до самой смерти «не сходил с коня». Несмотря на то что в этих войнах участвовали такие знаменитые полководцы, как Гонзальв Кордуанский, Педро Наваррский, Добиньи и Монтуазон, имя Баярда также вошло в историю этих войн.

После счастливого поединка со знаменитым бургундским рыцарем Клодом Водрэ Баярд отправился с королем в поход на Неаполь. В частых, почти ежедневных сражениях он проявлял чудеса героизма и всегда отличался высокой честностью. В одном из боев ему удалось взять в плен испанского генерала Алонзо де Майора. За его освобождение по обычаям того времени полагалось получить выкуп, но так как испанец дал честное слово, что не уйдет, пока не пришлют денег, то Баярд приказал освободить генерала от надзора. Но испанец ушел, а вскоре снова попал в плен и, заплатив выкуп, стал рассказывать, что Баярд обошелся с ним очень строго, и всячески клеветал на рыцаря. Тогда Баярд вызвал его на поединок, в котором испанский генерал был убит. Но это был редкий случай, когда поединок Баярд оканчивал смертью противника – его щедрость и великодушие были удивительными.

При Людовике XII Баярд, преследуя разбитого противника, ворвался в Милан, где был взят в плен, но сразу освобожден Людовиком Сфорцой без выкупа в знак уважения к его военным заслугам. Затем Баярд принимал участие в сражении при Наваре и в 1503 году в военных действиях против испанцев в Неаполе. В Италии французам не повезло – Гонзальв Кордуанский заставил их отступать. Они расположились на отдых на берегу речки Гарильяно, через которую был перекинут деревянный мост. Их противники, испанцы, решили наказать французов за такую беспечность. Отряд, в двести кавалеристов, бросился к мосту, чтобы атаковать французов. Первым их заметил Баярд и бросился навстречу противнику. Испанцы шли по трое. Баярд защищал мост в одиночку до тех пор, пока не подоспела помощь. Испанцы никак не могли поверить, что им противостоял всего лишь один человек, а король Франции дал в награду храброму рыцарю надпись на герб: «Один имеет силу целого войска». Такую же славу принесла ему оборона города Венозы. Затем он сражался против генуэзцев (1507) и отличился в бою при Аньеделло (1509).

Когда у Людовика XII возникли несогласия с папой Юлием II, Баярд был послан на помощь к графине Мирандольской и герцогу Феррарскому. Баярд выдвинул план захвата папы на пути от Сан-Феличе к осажденной Мирандоле, однако совершить задуманное ему не удалось. Один из папских шпионов, перехваченных французами, предложил Баярду отравить Юлия II, однако Баярд с

негодованием отверг это предложение.

В 1512 году Баярд получил тяжелое ранение при нападении на лагерь противника у Брешии. В 1513 году в неудачной для французов битве у Гинебата (Пикардия) он вновь оказался в плену, но его противники император Максимилиан и король Генрих VIII отпустили его без всякого выкупа. Император принял Баярда с уважением, а король предложил ему перейти к нему на службу, что было тогда весьма распространено. Но Баярд ответил, что у него «один Бог на небе и одно отечество на земле: он не может изменить ни тому ни другому».

В 1514 году Баярд был назначен правителем родной провинции Дофинэ, а на следующий год он сопровождал в военном походе в Италию французского короля Франциска I.

Баярд подготовил смелый переход Савильяно через Альпы и в Виллафранке взял в плен Проспера Колонну. В бою при Мариньяно Баярд проявил такое бесстрашие, что сам король, которому исполнился 21 год, пожелал быть посвященным в рыцари рукою Баярда. Тот сначала отказывался от такой чести, но король настоял. После посвящения Баярд сказал королю: «Дай Бог, чтобы вы не знали бегства».

В 1521 году за отражение войск Карла V, осаждавших Мезьер, Баярд получил от Франциска I командование ротой телохранителей в сотню человек. Ранее такое отличие предоставлялось только принцам крови.

В 1524 году Баярд был снова отправлен в Италию для завоевания Милана. Поход возглавил адмирал Бонниве, но успеха он не имел. Французы вынуждены были отступить к Альпийским горам через реку Сезию. Баярд командовал арьергардом, когда раненый адмирал передал ему командование над всей армией. Баярд отдал приказ удерживать мост через реку и сам бросился на испанцев, но был ранен в бок мушкетной пулей, раздробившей ему поясницу. Понимая, что скоро он умрет, Баярд приказал положить себя под дерево лицом к противнику. «Я всегда смотрел им в лицо и, умирая, не хочу показывать спину», – сказал он. Он отдал еще несколько приказаний, исповедовался и приложил к губам крест, который был у него на рукоятке меча. В таком положении и нашли его испанцы. К умирающему Баярду подошел коннетабль Карл де Бурбон, перешедший на сторону Карла V, и выразил свое сожаление о случившемся. Превозмогая боль, Баярд отвечал ему: «Не обо мне должны вы сожалеть, но о себе самом, поднявшем оружие против короля и отечества». Как жизнь, так и смерть этого славного воина были рыцарски образцовыми.

ЛУКРЕЦИЯ БОРДЖИА (1480—1519)

Представительница клана Борджиа, дочь римского папы Александра VI.

Борджиа считаются итальянцами, ибо в Италии зародилась и получила мировую известность их слава. Представители рода Борджиа были князьями, графами, владетельными вельможами, получившими титулы, владения и огромные доходы. Это семейство тесно связано с историей римской католической церкви. Деятельность членов клана Борджиа была направлена на завоевание нового жизненного пространства. Из представителей рода в историю вошли как мужчины, так и женщины, вернее одна женщина – Лукреция Борджиа.

Начиная разговор о Лукреции, прочно вошедшей в историю с вполне определенной характеристикой – распутница, кровосмесительница, отравительница, хотелось бы сказать в оправдание этой женщины, что она была лишь инструментом в политической игре ее отца и братьев. Лукреция родилась в то время, когда клан Борджиа укрепил свои позиции и приобрел огромное состояние и власть в Риме. Первый яркий пример отношения к мирским соблазнам дал дедушка Лукреции, фактически сотворивший из Борджиа тех, кем они стали.

Речь идет об Алонсо Борхо, впоследствии папе римском Каликсте III. Вся его жизнь – бесконечная череда тех проступков, за которые он должен был гореть в аду, но никак не быть избранным на престол римского первосвященника. С раннего детства девочка оказалась втянутой в политику и всю жизнь из-за этого страдала. Возможно, она находила утешение в искусстве, покровительницей которого она также была.

Отцом Лукреции был Родриго Борджиа, кардинал, а затем римский папа Александр VI. Кроме Лукреции у него было еще несколько сыновей (восемь или девять), так что сей служитель церкви явно воздерживался от обета целомудрия. Матерью четверых из них, в том числе и Лукреции, была Ваноцца Катани (Катанея) – римская аристократка. Чтобы дети не считались незаконнорожденными, Александр VI выдавал свою любовницу замуж за людей почтенного возраста, и делал это трижды. Дети думали, что их родной отец Доменико д'Ариньяно, один из мужей Ваноццы, а настоящего родного отца считали дядей. Детей от Ваноццы Родриго Борджиа любил больше других своих бастардов.

Они проживали в роскошном доме, где кардинал мог навещать их, в отличие от «родного» отца, который там даже не показывался. Родриго заботился об их воспитании и образовании. Хуана в возрасте шести лет он отправил в Испанию к родственникам, с перспективой получить высокий пост в испанской армии. Джованни – самому младшему и любимому сыну – Родриго подготовил высокую светскую должность в Риме. Чезаре должен был стать кардиналом, хотя последний мечтал о военной карьере. Лукреция была поздним ребенком, когда она родилась, Родриго было уже 49 лет, а Ваноцце 37. Как и братья, внешностью она пошла в мать, унаследовав от нее белоснежную кожу, зеленые глаза и золотистый цвет волос. Любой человек, видевший молодых Борджиа, находил их очень красивыми. Лукреция же имела необыкновенное изящество и грацию, которые сохранила до зрелых лет, а по-детски невинное выражение лица придавало ее ослепительной красоте неотразимое очарование. С детства и навсегда она стала разменной монетой в политических играх клана Борджиа.

Когда Лукреции еще не исполнилось и года, первый муж Ваноццы скончался, и она была срочно выдана замуж вторично. В отличие от первого, второй муж не был «фиктивным», на что рассчитывал Родриго Борджиа, и вскоре на свет появился сын Октавиано. Старшие братья Борджиа невзлюбили малыша и не скрывали этого. Мальчику постоянно доставались побои, щипки, у него отнимали лакомства. Лукреция любила малыша и не могла понять, почему ее старшие братья называют его «ублюдком» и постоянно обижают. Когда девочке было шесть лет, маленький Октавиано и его отец – второй муж Ваноццы, Джорджо ди Кроче, умерли от туберкулеза. Девочка очень переживала их смерть. Тогда-то она и узнала, кто ее настоящий отец – братья «просветили» ее, чтобы она не убивалась из-за чужих людей. Лукреция приняла это известие с радостью, но все равно продолжала горевать об умерших.

Вскоре Ваноцца была снова выдана замуж, а дети для приобретения светских манер были отправлены в дом дальней родственницы Борджиа – Адрианы Орсини. Затем Джованни уехал в Испанию, к брату, чтобы тоже стать военным, так как получение светской должности оказалось трудным делом. Чезаре и Лукреция остались вдвоем. Главой дома был Вирджинио Орсини, который обучал Чезаре основам воинской науки и владению оружием, будучи сам прекрасным воином. Он не раз говорил кардиналу, что Чезаре не должен стать священником, что его призвание – армия, но кардинал был непреклонен. В конце концов Чезаре отправили учиться в университет изучать

каноническое право, чтобы стать епископом, и Лукреция осталась совсем одна. Хотя все ее дни были заняты получением всестороннего образования, необходимого для римлянки знатного происхождения, она очень скучала по братьям, особенно по Чезаре.

Вскоре в доме Орсини появилась еще одна девочка – Джулия Фарнезе. Она считалась невестой сына Орсини и, по обычаям того времени, должна была несколько лет до вступления в брак провести в доме будущей свекрови. Лукреция и Джулия подружились, но затем Джулия стала любовницей отца Лукреции – кардинал Родриго в свои 60 лет все еще был жаден до наслаждений. Адриана Орсини спокойно отнеслась к связи невесты сына и Родриго, надеясь, что последний поможет Орсини занять высокий пост. Что касается Лукреции, то она ревновала отца к подруге. Ей было обидно, что отец стал уделять больше внимания Джулии, забыв о собственной дочери. Эта ревность довела Лукрецию до отчаянного шага – девушка решила поменяться с подругой местами. Однажды, когда Родриго прибыл в дом Орсини к Джулии, Лукреция, закрыв подругу в комнате, сама пришла к отцу под ее видом. Родриго сразу раскрыл обман, но, идя навстречу желанию дочери, провел с ней ночь.

Вскоре Лукреция стала женой испанца де Санталлеса. Этот брак и браком нельзя было назвать. Родриго не желал отпускать дочь в Валенсию, где ее муж имел владения. Он выговорил особый пункт в брачном договоре, что Лукреция отправится к мужу, когда «будет готова». Брак был совершен по доверенности – муж и жена так никогда и не видели друг друга.

Став папой под именем Александра VI, Родриго Борджиа использовал все средства для укрепления власти и влияния как на престоле Св. Петра, так и во всей Италии и за ее пределами. Одним из инструментов этой борьбы стала и его собственная дочь – Лукреция. Александр VI решил, что для Лукреции брак с валенсийским сеньором недостаточно выгоден. Брачный союз был быстро расторгнут по причине того, что он так и не состоялся. Поначалу, играя в благочестие, Александр VI решил отправить Лукрецию в Испанию, для чего состоялась помолвка ее с испанским дворянином – доном Гаспаро де Просида, графом Аверза. Но тут события начали разворачиваться таким образом, что стало не до игр: надо было укреплять реальную власть, ибо позиции папы в Папской же области были весьма слабы.

С целью укрепления своего положения Александр VI решает, что для него выгодно породниться с миланским герцогом Людовиком Моро, одним из самых сильных государей Италии, так же, как и папа, борющимся против арагонской династии,

восседающей на троне Неаполя. В силу этого брак Лукреции с родственником Моро Джованни Сфорца, владетелем Пезаро, становится решенным делом. И в 1493 году Лукреция в возрасте 13 лет впервые официально выходит замуж. Если в этом и был некий грех, то папа, наместник божий на земле, освободил свою дочь от него. Свадьбу сыграли открыто и так пышно, что даже привычные ко многому римляне были удивлены. Но, как вскоре выяснилось, удивляться отныне им предстояло часто.

После замужества Лукреция расцвела. Современники с редким единодушием (почти с таким же они осуждают Александра VI и Чезаре) отмечают красоту «золотоволосой» Лукреции, ее необыкновенное, никогда не иссякающее веселье и грацию. Подобные достоинства привлекли внимание – самое пристальное – всей мужской половины семейства Борджиа. По Риму поползли слухи об интимной связи Лукреции с отцом и братом Чезаре, ведь она была любящая дочь и сестра. Правда, сплетники утверждали, что сердце Лукреции отдано старшему брату – блестящему Хуану, герцогу Танди, который приобретал все новые милости и быстро продвигался в карьере. Чезаре ему люто завидовал.

В этих связях вина Лукреции (не по нормам морали того времени и места, а по более общим) не так уж и вопиюща. Просто она с детства зависела от окружающей ее обстановки, что сформировало ее характер, пассивно-равнодушный к абстрактным понятиям добра и зла. Ее воспитали – и внушениями, и всеми примерами – без всяких нравственных ориентиров, без сознания своего женского достоинства и чувства женской стыдливости, воспитали в духе слепого подчинения собственным инстинктам – страха (перед волей рода) и сладострастия (своего и своих близких). Поэтому она не чувствовала никакого смущения, отдавая себя мужу, некоторым своим друзьям, отцу и братьям. Трудно сказать, насколько это устраивало остальных, но Чезаре не желал ее делить с кем-либо (может быть, кроме мужа и отца). Во всяком случае, Хуану и любовникам Лукреции в этом списке не было места. С этого времени при дворе по инициативе Чезаре происходит ряд немотивированных (с точки зрения политики) убийств. Но они прекрасно объясняются, если взять за точку отсчета симпатии Лукреции.

Жизнь весело катилась вперед, но в папской повозке перестало хватать места мужу Лукреции. Тому было несколько причин, главная – политическая. Ныне пришло время сближения Борджиа с арагонской династией, правившей в Неаполе. Следствием этого стали женитьба младшего сына Александра VI

Джованни на неаполитанской принцессе и предстоящий брак Лукреции с побочным сыном короля – герцогом Альфонсом Бишельи.

Неожиданно Лукреция и ее муж отбыли в его имение – Пезаро. Мужу Лукреции претил разврат римского двора жены, а Лукреция не имела никаких возражений вести тихую жизнь в провинции, надеясь обрести там счастье. Все складывалось удачно для пары, но этот рай долго не продлился. Папа и брат Чезаре были просто взбешены поведением Лукреции, и в Пезаро был послан вооруженный отряд. Лукрецию требовали вернуть в Рим, а за неподчинение грозили объявить Сфорца государственным преступником. Такому требованию пришлось подчиниться. Чтобы не рисковать в дальнейшем, брак следовало срочно расторгнуть. За дело взялся Чезаре, ставший к тому времени епископом Валенсии. Он организовал покушение на Сфорца, который чудом остался жив, после чего согласился оставить Лукрецию. Официально, чтобы соблюсти правила приличия, если они еще были кому-то нужны, его обвинили в бесплодии, после чего брак мог быть расторгнут. Но должно было пройти полгода для того, чтобы конклав утвердил это решение.

Время до бракоразводного процесса семейство Борджиа проводило как обычно. Не найдя для себя более срочных дел, Чезаре Борджиа решил расправиться с родным братом. Чезаре очень мешал Хуан, мешал во всем. И неизбежное произошло: после дружеской пирушки двух братьев Хуан был убит наемными убийцами по приказу Чезаре. Его зарезали и бросили в Тибр. Свидетелем этого был один из жителей города, который позднее, после начала розысков, спокойно признался, что за свою жизнь видел не раз, что бросали в реку в сказанном месте в разные ночи убитых, и никогда за это не было никакого ответа, поэтому и данному случаю он не придал значения.

Александр VI устроил небывалое расследование убийства сына, и, пока было доказано, что это сделал Чезаре, очень много невинных людей скончалось под пытками, пытаясь доказать свою непричастность к этому убийству. Александру VI было необходимо представить это убийство как заговор против семьи Борджиа. Узнав правду о смерти старшего сына, он сильно горевал, но затем простил Чезаре.

Смерть Хуана потрясла Лукрецию, и она приняла решение уйти в монастырь. И ушла. Семья не желала потерять ее из-за семейных раздоров, ведь надо было жить дальше. Жить и завоевывать новое жизненное пространство, и для этого семье Борджиа была необходима Лукреция. Ей писали в монастырь письма, к ней приезжал Чезаре, но она не пожелала увидеться с

братом, а на все письма отвечала, что хочет провести остаток дней в святой обители.

Интересно, что некоторое время спустя в доме Лукреции появился и стал воспитываться ребенок – мальчик Джованни, которому было три года. Лукреция называла его своим братом. Александр VI этого же мальчика называл то сыном Лукреции и Чезаре, то Лукреции и своим. В последнем случае определение Лукреции малыша как «брата» частично справедливо. И к тому же – и в первом, и во втором случаях – косвенно подтверждается версия о бесплодии первого мужа Лукреции. Но это был плод настоящей любви Лукреции и Педро Кальдеса – одного из камердинеров Александра VI.

А было это так. Чтобы вызволить дочь из монастыря, папа подослал к ней служанку. Девушку звали Пантисилеей. Вместе с ней Лукреция получила множество красивых и богатых нарядов, а в обязанность служанки входила задача вернуть Лукреции вкус к мирской жизни. С этим Пантисилея справилась успешно, она рассказывала Лукреции о балах и праздниках, причесывала и одевала ее так, чтобы красота Лукреции стала заметнее, говорила ей, что многие римлянки подражают ей, взяв Лукрецию за образец красоты, и так далее. Александр VI получал отчеты о настроениях дочери, и, когда наступил подходящий момент, он прислал к ней в монастырь Педро Кальдеса. Это был самый красивый камердинер папы, и он должен был пробудить в Лукреции воспоминания о жизненных наслаждениях. Ему это удалось даже больше, чем желал папа. Между Лукрецией и Кальдесом возникла не просто связь, а настоящая любовь. Скоро Лукреция почувствовала, что она забеременела. Пантисилея так привязалась к своей госпоже, что стала прикрывать их связь. Для Лукреции наступили самые счастливые и самые горькие дни – с одной стороны, рядом с ней находился нежно любимый человек, с другой – она понимала, какой опасности подвергает возлюбленного. Она желала стать законной женой Педро и родить их ребенка.

Когда ее беременность стала очень заметна, Лукреция решилась сознаться во всем отцу. Она надеялась, что счастье дочери для Александра VI главное. Но ошиблась. Отец был возмущен до глубины души, но его гнев был ничем, по сравнению с бешеной яростью брата Чезаре. С огромным трудом понтифику удалось отговорить Чезаре повременить с местью. Лукреции было обещано, что после развода со Сфорца она станет женой любимого Педро. Но не раньше, чем ребенок появится на свет – ведь перед конклавом ей следовало предстать девственницей. Ребенок должен родиться тайно, в стенах монастыря. И Лукреция

поверила обещаниям своих родственников. Правда, перед конклавом она предстала раньше, будучи на седьмом месяце беременности. Несмотря на специально расшитое платье с завышенной талией, о ее беременности стало известно, и многие удивлялись, как ей удалось сохранить девственность. Но эти мелочи никого не интересовали.

Счастливая Лукреция ждала момента рождения ребенка и возможности покинуть Рим вместе с Педро Кальдесом, чтобы обвенчаться где-нибудь в провинции. Во время родов рядом с ней была верная Пантисилея, а когда на свет появился мальчик, Лукреция послала ее известить об этом Педро Кальдеса. Затем она уснула, получив приличную дозу снотворного. Пробуждение было ужасным. Первыми, кого увидела Лукреция, были ее отец и брат. Они сказали ей, что ее возлюбленный Педро и ее служанка убиты неизвестными злоумышленниками, а сын, названный Джованни, отдан на воспитание надежным людям.

Едва оправившись от родов, Лукреция была выдана замуж за герцога Альфонсо Бишельи. Муж был моложе супруги на два года, но, несмотря на разницу в возрасте, он сильно полюбил жену, которая со временем ответила ему взаимностью. Их брак длился пять лет. Жили они в Риме, при Александре VI. Сюда же прибыли и Гоффредо – сын Александра VI и Ваноццы, которого отец долгое время не признавал своим ребенком, еще один брат Лукреции. Он прибыл в Рим с женой Санчией, которая приходилась сестрой мужу Лукреции и была ее давняя подруга. Жили они весело – карнавал следовал за карнавалом, давались пышные пиры, устраивались балы и литературные вечера. В течение пяти лет супружества у Лукреции и Альфонсо родилось трое детей, но только последний – сын Родриго, названный в честь дедушки – выжил.

Только Чезаре был недоволен. Он никак не мог понять, как его сестра может любить кого-то, кроме членов клана Борджиа. Он готов был зарезать Альфонсо сразу после брачной церемонии, и только Александр VI останавливал его, говоря, что время для этого еще не пришло.

Второй брак Лукреции закончился для ее супруга более печально – политические интересы диктовали сближение Борджиа с французским королем Карлом VIII и разрыв с неаполитанской династией. Здесь надлежало действовать решительно, и вновь за дело взялся Чезаре. Взялся с огромным удовольствием.

Однажды на лестнице храма Св. Петра четверо неизвестных в масках напали на Бишельи. Ему было нанесено пять ножевых ран: он упал, и убийцы, уверенные в успехе дела, скрылись. Но герцог

очнулся и сумел добраться до внутренних покоев. Целый месяц он был между жизнью и смертью. Лукреция и Санчия не оставляли Альфонсо ни днем, ни ночью. Они сами готовили для него еду и перевязывали раны, не позволяя никому приближаться к Альфонсо. Наконец, дело начало двигаться вроде бы к выздоровлению. Чезаре, недовольный подобным оборотом дела, произнес зловеще: «Что не сделано за обедом, совершится за ужином», – и через несколько дней муж Лукреции был задушен. Это произошло так. В комнату к Альфонсо прибыл отряд охраны Ватикана с приказом от имени папы арестовать Альфонсо, обвиненного в измене. Сам папа находился в соседней комнате, и когда женщины пришли к нему за объяснением, охранники воспользовались моментом и покончили с мужем Лукреции.

Если Лукреция могла как-то оправдать родных за убийство Педро Кальдеса, то убийство законного мужа оправданию не подлежало. Она удалилась вместе с сыном в замок Непи под предлогом боязни за жизнь ребенка, не желая иметь никаких отношений ни с отцом, ни с братом. Лукреция положенные полгода носила траур по мужу – одевалась в черное и белое, не принимала гостей, ела только на простой посуде. Александр VI и Чезаре решили ждать, когда она одумается и сама вернется в Рим. И ждали бы они долго, если бы не случай с Гоффредо. Развлечением последнего было похищение понравившихся ему женщин. Но однажды, когда он ворвался в дом, где жила его «очередная жертва», ему было оказано такое сопротивление со стороны мужчин, что он оказался прикован к постели и жить ему оставалось недолго. Его жена Санчия увезла Гоффредо в Неаполь и ухаживала за ним до конца. Для клана Борджиа Гоффредо был потерян. Потерять еще и Лукрецию Борджиа не могли.

Тогда папа пошел на то, что пообещал дочери при условии ее возвращения в Рим и примирения с Чезаре вернуть ей сына от Педро Кальдеса – Джованни. Ради сына Лукреция вернулась и познакомилась с ним, когда он воспитывался у дедушки в Ватикане. Но она так и не могла сказать Джованни, что является его матерью.

Вскоре Чезаре, пройдясь огнем и мечом по землям Италии, стал герцогом Романьи. И укрепляя эту позицию, он вместе с отцом вновь жертвует Лукрецией, выдав ее за наследного принца соседней с Романьей Феррары – Альфонсо д'Эсте, члена одного из стариннейших княжеских семейств в Италии. Отец Альфонсо не желал соединяться с домом Борджиа, но соблазнился огромным приданым Лукреции.

Затем была отпразднована пышная свадьба, о которой Бурхард написал следующие строки: «Свадьбу отпраздновали с

такой пышностью, какой не знала даже языческая древность. На ужине присутствовали все кардиналы и высшие придворные духовники, причем каждый из них имел у себя по бокам двух благородных блудниц, вся одежда которых состояла из прозрачных муслиновых накидок и цветочных гирлянд. После ужина 50 блудниц исполнили танцы, описать которые не позволяет приличие, – сначала одни, а потом с кардиналами. Наконец, по сигналу Лукреции накидки были сброшены, и танцы продолжались под рукоплескания его святейшества. Затем перешли к другим забавам. Папа подал знак, и в пиршественном зале были симметрично расставлены в 12 рядов огромные серебряные канделябры с зажженными свечами. Лукреция, ее отец и гости кидали жареные каштаны, и блудницы подбирали их, бегая совершенно голые, ползали, смеялись и падали. Более ловкие получали от его святейшества в награду шелковые ткани и драгоценности. Наконец папа подал знак к состязанию, и начался невообразимый разгул. Описать его и вовсе невозможно: гости проделывали с женщинами все, что им заблагорассудится. Лукреция восседала с папой на высокой эстраде, держа в руках приз, предназначенный самому пылкому и неутомимому любовнику».

Однако все, даже самое веселое и интересное, имеет свой конец. Так и здесь – празднество бракосочетания подошло к концу: пора было собирать приданое (100 тысяч золотых дукатов) и уезжать в Феррару. Прощай, Рим!

Отныне – после свадьбы с д'Эсте – уходила в прошлое развратная и пошлая римская жизнь Лукреции. Она с мужем уезжала в его владения и там стала вести более добропорядочную, нежели в Риме, жизнь. Но отношения с новым мужем не стали близкими. Супруг делил с ней ложе только в надежде заиметь потомство. Ему нравился другой тип женщин, с более пышными формами и более чистый в нравственном отношении, а о прошлом своей жены он был прекрасно осведомлен.

Дом мужа мало чем отличался от прежнего места обитания Лукреции. Здесь так же братья и сестры ревновали друг к другу и жестоко мстили за обиды. Так, например, за то, что Анжела Борджиа предпочла красавца Джулиано его брату Ипполитто, последний изуродовал внешность Джулиано и лишил его зрения. У Лукреции были очень непростые отношения с сестрой мужа Изабеллой, которая претендовала на место первой красавицы Италии и видела в Лукреции соперницу. Изабелла хотела слыть покровительницей искусств и искренне завидовала Лукреции, которую в Риме всегда окружали поэты и музыканты.

Не найдя в муже понимания, Лукреция не удержалась и завела себе любовника. На этот раз в лице брата мужа – кардинала д'Эсте. Связь получила огласку, и Чезаре, ревнуя, обещал разделаться со счастливцем. От мужа подобных заявлений не поступало. Но все обошлось. Жизнь шла своим чередом. Лукреции никак не удавалось родить мужу наследника. Первый ее ребенок умер через несколько дней после рождения, вторая беременность закончилась выкидышем, а во время третьей в Ферраре началась эпидемия чумы – Лукреция заразилась, и у нее случились преждевременные роды.

Спустя некоторое время после отъезда Лукреции ее отец и брат допустили трагическую ошибку, отведав яду, приготовленного ими для ряда кардиналов. (Правда, есть и другая версия случившегося, а именно, что кардиналы устроили заговор и папа и Чезаре были специально отравлены.) Папа умер, Чезаре еле выжил, но дела его пошли прахом: преемники его отца на папском престоле начали гонения на Борджиа. Чезаре был арестован, после бежал, затем поступил на службу к королю Наварры и погиб в бою в 1513 году.

После смерти Александра VI новый понтифик был готов признать брак Альфонсо и Лукреции недействительным, так как он был совершен по принуждению прежнего папы. Но муж отказался разводиться с Лукрецией, хотя отношения между супругами оставались прежними. После смерти своего отца, он стал герцогом Феррары. И вскоре Лукреция родила ему сына, которого назвали Эрколе. Их брак продолжался еще 10 лет. В дальнейшем у нее родилось еще шестеро детей от Альфонсо, двое из которых умерли в младенчестве. Судьба ее сыновей – Родриго и Джованни, которые после смерти Александра VI были отправлены к родственникам в Испанию, сложилась так – Родриго умер в Испании, а Джованни с разрешения герцога переехал жить к матери в Феррару.

Лукреция же тихо жила в Ферраре, где, по мнению современников, пыталась поднять нравы высшего общества, боролась с роскошью, отличалась религиозностью и благотворительностью, она даже закладывала драгоценности, чтобы помочь бедным. Сложно сказать, то ли это было действительное раскаяние, то ли тонкая игра, в которой были сильны все Борджиа. Во всяком случае, известно, что она умерла в 1519 году в Ферраре от родильной горячки, произведя на свет нежизнеспособную девочку. Известно также, что в Ферраре Лукреция заслужила прозвание «матери народа».

ДИАНА ДЕ ПУАТЬЕ (1499—1566) *Герцогиня, фаворитка короля Генриха II.*

«В те времена, – пишет Ги Бретон о Диане де Пуатье, – когда женщины считались старухами в тридцать лет, такая женщина казалась удивительной и даже необычной». Французский двор считал Диану самой красивой женщиной, многие завидовали ей и пытались подражать.

И действительно, Диана де Пуатье вошла в историю не только как фаворитка французского короля Генриха II, но и как женщина, внешность которой служила еще долгое время эталоном красоты. Она стала возлюбленной Генриха еще тогда, когда он не был королем Франции, и была значительно старше его. Но Генрих испытывал к Диане пылкие чувства с первой их встречи и до конца своей жизни. Это была рыцарская любовь, начало которой положил турнир, и турниром же она закончилась.

Диана родилась в одной из знатнейших семей королевства в 1499 году. Ее бабкой была Жанна де Латур де Булонь, и по этой линии Диана приходилась родственницей жене Генриха II – Екатерине Медичи. (Жанна де Латур была теткой матери Екатерины.) Отцом Дианы был Жан де Пуатье де Сен-Валле.

Проведя детство в родительском доме, Диана в возрасте тринадцати лет была выдана замуж за графа де Брезе дю Молеврие – великого сенешаля Нормандии. Она была счастлива с Луи де Брезе, хранила мужу верность и подарила ему восьмерых детей, из которых выжили только две дочери. Диана была не только красива, но и хорошо образованна, и муж очень уважал ее и часто прислушивался к ее советам.

В 1525 году ее семейная жизнь была омрачена политическими событиями. Король Франциск I начал расправу над сторонниками коннетабля. Карл де Бурбон, бежал из Франции к германскому императору Карлу V. Отец Дианы был среди его сторонников. Жана де Пуатье арестовали и ему грозила смертная казнь. Оставить отца Диана не могла и отправилась в Париж, чтобы молить короля о милосердии. Жан Де Пуатье получил прощение, и это дало повод всевозможным слухам. Говорили даже, что жизнь отца была куплена ценой невинности, но к тому времени Диана состояла в браке уже 13 лет и имела детей, что дает повод и другие слухи о связи Дианы и Франциска

I оставить без внимания. Кроме того, сердце Франциска уже тогда было отдано будущей герцогине д'Этамп.

В следующем году Франциск I попал в плен к германскому императору, и его свобода была куплена ценой обмена на свободу двух его сыновей – 10-летнего дофина Франциска и 8-летнего принца Генриха. Дети французского короля были отправлены к германскому императору, и, по некоторым сведениям, именно в тот момент и произошла первая встреча принца Генриха с Дианой де Пуатье. По воспоминаниям, именно Диана оставалась с принцем, успокаивала напуганного юношу и ободряла его до того момента, когда за ним пришла лодка и он отправился в неизвестность. Юный Генрих уже тогда был поражен ее красотой.

Дофин Франциск и принц Генрих снова обрели свободу через пять лет. В марте 1531 года состоялась свадьба короля Франциска I с Элеонорой Австрийской, и в честь этого торжественного события был проведен турнир. Это был первый турнир, в котором принял участие принц Генрих. На нем присутствовала Диана с мужем. Генрих подъехал к тому месту, где они находились, и склонил перед Дианой свой штандарт, выбирая ее дамой своего сердца.

В том же году Диана де Пуатье потеряла мужа – великий сенешаль Луи де Брезе скончался. Они прожили в браке 19 лет, и эти годы были для Дианы счастливыми. Она искренне скорбела, и даже в дальнейшем, став фавориткой Генриха, она говорила, что часто вспоминает мужа и продолжает тосковать о нем. Диана де Пуатье до конца жизни носила траур – черный и белый цвета. Эти же цвета стали и цветами Генриха. В то время еще никто не мог предположить, что Диана станет фавориткой принца и эта связь продлиться всю жизнь Впрочем, никто и не думал, что принц Генрих станет королем Франции – дофином был его старший брат Франциск.

В 1533 году принц Генрих женился на Екатерине Медичи, что было бы невозможным, если бы он был дофином. Брак этот шокировал многих, но римский папа Климент VII, племянницей которого была Екатерина, обещал дать за ней в качестве приданого Геную, Милан и Неаполь, против чего король Франциск I не смог устоять. Екатерина не была красивой, но обладала очарованием и изяществом. Принц не любил жену, для него не существовало другой женщины, кроме Дианы, и он всеми силами добивался ее взаимности. Не сразу, но все-таки он добился ответного чувства. Любовная связь Генриха с Дианой началась тогда, когда принцу исполнилось 19 лет, Диана же приближалась в то время к сорокалетнему возрасту. Екатерина, как женщина умная, не стала закатывать сцен, понимая, что при

открытой атаке на чувство мужа она может одним ударом все потерять. Она запаслась терпением и ждала, сохраняя хорошие отношения с соперницей, хотя, естественно, и не отказываясь от ведения тайной войны и мимолетных уколов, прикрытых иронией и остроумием. Но Диана также была умной женщиной, к тому же старше и опытней. Она не снисходила до открытой вражды и даже заставляла Генриха проводить время с законной супругой. Пожалуй, она была в числе немногих придворных, которые не стали относиться к Екатерине враждебно, после того как обещанного приданого за ней не дали – папа Климент VII скоропостижно скончался, так и не выполнив обещания.

Генрих стал дофином неожиданно. В 1535 году его брат Франциск внезапно скончался, проболев только одну ночь. Предполагалось, что старший сын Франциска I был отравлен. В этом злодеянии обвинялись и германский император, и, естественно, Екатерина Медичи, ведь флорентийцы славились как отравители. Некоторые приписывали это и Диане де Пуатье, хотя причин у нее не было. Виновных так и не нашли, и дофином стал Генрих. При дворе у Дианы де Пуатье была более грозная соперница – фаворитка короля Франциска I герцогиня д'Этамп. Можно сказать, что шла война двух фавориток – короля и дофина. Диана не скрывала своего возраста, просто она действительно выглядела гораздо моложе своих лет. В свои 49 лет Диана была свежа, бодра, стройна и необычайно красива. Все это вызывало подозрение. Сплетники в угоду королевской фаворитке говорили, что Диана занимается колдовством, приготовляя для себя мази с целью поддержания молодости. Другие считали, что она не так уж и хороша, просто, перед тем как появиться в свете, она долгое время проводит у зеркала, «правя лицо» с помощью косметики, что зубы у нее вставные, а пышность прическе придают дорогие накладные волосы. На самом деле секрет ее был очень простым. Диана вставала в шесть утра, принимала холодную ванну, иногда со льдом, а затем три часа в любую погоду устраивала себе верховую прогулку. Вернувшись, она после легкого завтрака нежилась в постели до полудня с книгой в руках. Она почти не употребляла косметики, считая, что от нее может поблекнуть свежесть кожи.

Молодые дамы при дворе короля стремились подражать Диане, копировали ее прическу, жесты, походку. По почти общему мнению, она была эталоном красоты, к которому следовало стремиться и который еще долгое время после ее смерти был признан совершенством. А эталон был следующим:

Три вещи должны быть белыми – кожа, зубы, руки;

три – черными – глаза, брови, ресницы;

три – красными – губы, щеки, ногти;
три – длинными – тело, волосы, пальцы;
три – короткими – зубы, уши, ступни;
три – узкими – рот, талия, щиколотки;
три – полными – руки, бедра, икры;
три – маленькими – нос, грудь, голова.

Анна д'Этамп пыталась уверить короля, что Диана опоила молодого Генриха колдовским зельем, и, кстати, из ее окружения и пошел слух, что в смерти молодого Франциска виновата Диана де Пуатье. Если бы король поверил в эти сплетни, то по законам того времени Диана могла бы лишиться жизни, но на ее счастье Франциск I не особенно слушал болтовню своей фаворитки относительно соперницы и даже веселился, наблюдая за «войной двух красавиц». В 1538 году в Париже был распространен памфлет, состоящий из нелестных выражений в адрес Дианы де Пуатье, где она называлась самой уродливой женщиной при дворе, самой старой, самой отвратительной, самой потрепанной и так далее. Но, несмотря на все старания поэта, памфлет не имел успеха.

Тогда герцогиня д'Этамп решила лишить Диану окружения. Сторонников фаворитки дофина «возглавлял» скульптор Бенвенуто Челлини. Он не раз для своих работ брал за образец Диану. По поручению короля Челлини работал над статуями для фонтанов Фонтенбло. Герцогиня добилась, чтобы его работы и наброски были уничтожены, а заказ передали другому художнику. Для Челлини это был тяжелый удар, но он мужественно его выдержал и не только не покинул Париж, но и не отступился от Дианы.

Екатерина Медичи явно не поддерживала ничью сторону, хотя больше импонировала Диане. Да и после смерти дофина Франциска Екатерине пришлось быть особенно осторожной, так как она была одной из подозреваемых в злодеянии, имевших причины для его устранения. Она же вела себя безукоризненно и к моменту смерти дофина была всем известна как обожательница свекра-короля, старавшаяся всегда быть при нем – из-за сильной к нему привязанности и преклонения. Подобное отношение к королю поставило весь дом Медичи вне подозрений. Екатерина с достоинством вышла из этого испытания и с достоинством стала наследницей трона французских королей. Подобное отношение к королю она сохранила и после того, как ее муж стал дофином.

Вскоре в противостояние герцогини и жены сенешаля (так с иносказательным напоминанием звали Диану в царствование Франциска I) вмешалась и религия. Герцогиня д'Этамп поддерживала Кальвина и протестантов, де Пуатье вместе с

герцогами Гизами стояла во главе католической партии. Сам Франциск I долгое время поддерживал протестантов – для ослабления Карла V, но потом начал яростное их преследование. Диана же выдала обеих своих дочерей, рожденных в браке с Луи де Брезе, – одну за Робера Ламарка, герцога Бульонского, принца Седанского, другую за Клода Лотарингского, герцога Омальского, что вкупе с католической ориентацией укрепило ее позицию.

Отношения Генриха и Екатерины осложнялись отсутствием у них детей. Двор обвинял в этом Екатерину, которая долгое время не могла подарить мужу наследника. Так что, взойди сейчас Генрих на престол, он имел бы прекрасный повод для развода – ибо наследники монархов находились под особым попечением провидения и церковь всегда шла навстречу монархам в подобной ситуации. В случае развода с Екатериной брак с Дианой де Пуатье мог бы состояться, но скорее всего Диана не стремилась стать супругой Генриха.

После долгих всевозможных лечений и советов врачей причина отсутствия детей у супругов была установлена. Утверждают, что виновником их отсутствия был Генрих, и ему пришлось даже подвергнуться операции. Но, с другой стороны, у Генриха было двое внебрачных детей, рожденных от разных женщин, и это дает повод думать, что причина бездетности была в обоих супругах. Но как бы то ни было, в дальнейшем Екатерина подарила Генриху 12 детей. У Дианы и Генриха совместных детей не было.

Генрих «позволял» себе и другие «увлечения», но все они были не серьезными. Верность он хранил только Диане. Этого нельзя сказать о его отце – короле Франции Франциске I, который, оставляя в официальных фаворитках герцогиню д'Этамп, очень часто позволял себе увлекаться другими женщинами. Одно их таких увлечений и привело короля к трагическому концу. Желая обладать женщиной, имя которой не сохранилось в анналах истории, он вместе с ней приобрел и «неаполитанскую заразу» – неизлечимое заболевание, от которого и скончался в 1547 году.

Дофин Генрих стал королем Франции – Генрихом II. Диана де Пуатье стала почти что королевой Франции. Двор ждал, что она начнет расправу со своими бывшими противниками, и первой в этом списке стояла герцогиня д'Этамп, которая вернулась ко двору незадолго до кончины Франциска I. Герцогиня не стала ждать и бежала в Лимурийский замок, но и там она не чувствовала себя спокойно, боясь за свою жизнь – слишком много она вредила фаворитке Генриха. Но графиня де Пуатье на удивление всем не стала мстить. Она забыла все обиды и не

унизилась до расправы с бывшими «противниками», которые, поняв, что расправы не будет, стали возвращаться в Париж из своих имений. Многие оценили благородство Дианы и искренне просили у нее прощения за прежние обиды. Анна д'Этамп в Париж не вернулась и до конца своих дней проклинала Диану, не в силах оценить проявленное той милосердие.

Отношения графини и супруги короля Екатерины Медичи тоже изменились, хотя внешне остались прежними. Только ближайшие соратники из окружения королевы догадывались, как она ненавидит свою соперницу.

А возможно, Екатерина считала на тот момент Диану лучшим вариантом, так как на любовь Генриха рассчитывать не приходилось, и кто бы заменил Диану в сердце Генриха, также было неизвестно. А графиня де Пуатье имела такт и соблюдала видимые приличия. Ее влияние на короля было огромным, но разумным, и интересы государства также в них учитывались. Екатерина, когда ей удавалось остаться с мужем наедине, тоже вносила свою лепту в формирование Генриха как государя. Она не говорила с мужем о чувствах или о сопернице. Беседы шли о политике, о способах управления государством, об отношениях короля и знатнейших людей королевства. Наблюдая много лет за супругом и Дианой, Екатерина поняла, что та держит короля не только красотой (и уж конечно не колдовством), но и умом, в котором отказать ей было нельзя. Королева была весьма образованной женщиной, не менее умной, чем ее соперница, и именно это она и пыталась доказать мужу.

Начиная с 1543 года она ежегодно рожала королю детей и почти полностью удалилась от государственных дел. Ей оставалось только наблюдать за схватками придворных партий и демонстрировать свою любовь к Диане, с которой король проводил большую часть времени.

Для Дианы де Пуатье не было секретом истинное отношение к ней Екатерины. Двор относился к обеим женщинам с должным почтением, хотя многие и не понимали, как король может отвергать молодую и приятную супругу ради женщины, которая по возрасту годилась ему в матери. Сама Диана относилась к Екатерине Медичи уважительно и почтительно, никогда не проявляя враждебности. А в 1550 году во время путешествия в Жуанвиль, когда Екатерина заболела какой-то неизвестной болезнью, Диана осталась рядом с ней. Придворные предпочли покинуть королеву, боясь заразы, но Диана не ушла. Именно она обеспечила королеве круглосуточный уход, вызвала из Парижа врача, которому покровительствовала Екатерина, навещала больную по несколько раз в день и молилась за ее здоровье.

Вскоре Екатерина поправилась, но к Диане чувства благодарности она не испытывала.

При королевском дворе находилось много врачей, алхимиков и предсказателей, которым покровительствовала королева. Одним из них был знаменитый Мишель Нострадамус, предсказавший Генриху II смерть во время турнира. Другой астролог Люк Горик назвал время гибели короля. Всего этого было достаточно, чтобы Екатерина с началом 1559 года постоянно просила супруга отменить все турниры или не участвовать в них. Но Генрих не верил предсказаниям, и в 1559 году в возрасте сорока одного года вышел на бой на копьях с графом Монгомери. Граф отказывался от опасной чести, но король настоял, не подозревая, что бьется в последний раз. В сшибке граф перебил королевское копье, и обломок его попал Генриху в глаз. Он умер через 11 дней, запретив преследовать своего невольного убийцу.

Генрих был еще жив, но Диану де Пуатье к нему не допускали по приказу королевы. Екатерина прислала ей подробный список того, что требовала вернуть как «принадлежащее короне» – украшения, подаренные королем, сервизы и золотые кубки. После смерти короля Диана прислала королеве все согласно списку, «приложив» еще и свой замок Шенонсо с прилегающими землями. Снова благородный жест. Но в этот раз и Екатерина решила быть благородной и предложила Диане поместье Шомон-сюр-Луар.

Обмен состоялся. Диана уехала в свои владения, которые не покидала до самой смерти. В последние годы жизни она основала несколько приютов и больниц, которые содержала на собственные средства. Екатерина ее не преследовала: она была политиком и понимала, что Пуатье более не опасна, а поддаваться в политике эмоциям – непозволительная роскошь.

Диана де Пуатье скончалась 22 апреля 1566 года. Оставшиеся с ней друзья уверяли, что даже смерть не смогла лишить ее красоты.

ФЕРНАНДО АЛЬВАРЕС ДЕ ТОЛЕДО, ГЕРЦОГ АЛЬБА (1507—1582)

Герцог, испанский военачальник и государственный деятель.

Герцог Альба был потомком одного из знатнейших кастильских родов, традиционно несших воинскую службу – и дед, и отец герцога были военными.

В возрасте трех лет Альба лишился отца, погибшего на войне с маврами, и воспитывался в доме деда, герцога Фердинанда де Толедо, который дал ему превосходное образование и воспитание, а также начальные навыки в овладении воинским искусством. Сам Фердинанд де Толедо продолжал служить и прославился как завоеватель Наварры.

Первые военные походы Альба провел под командованием деда, когда в возрасте шестнадцати лет участвовал в военных действиях против французов. Уже тогда его отличали жестокость, железная воля и неограниченная привязанность к королю, что помогло ему быстро достигнуть высоких военных чинов.

В 25 лет Альба уже был генералом, в 30-летнем возрасте его назначили командующим армией. С его именем были связаны все войны, которые Испания вела при королях Карле V и Филиппе II.

Альба принимал участие в битве при Павии и осаде Туниса, в походе в Венгрию и экспедициях в Алжир и Фонтарабию. Во главе испанских войск он неоднократно наносил поражение протестантам в ходе Шмалькальденской войны 1546—1548 годов, а в истории Германии его имя тесно связано с битвой при Мюльберге в 1547 году. Решительная атака конницы под его командованием позволила испанцам не только одержать победу над саксонцами, но и захватить в плен саксонского курфюрста, которого Альба приговорил к смертной казни.

Военные успехи Альбы были прерваны неудачей под Мецом в 1552 году, и после двухмесячной осады он вынужден был отступить.

В 1556 году Альба командовал испанскими войсками в войне с Пьемонтом, но затем по приказу Филиппа II прервал кампанию и двинул свои войска в Италию против папы Павла IV. Разорив грабежами всю церковную область, Альба уже подошел к Риму, но не решился овладеть силой этим священным для каждого

католика городом. Однако он опустошил и разорил всю Италию до Неаполя и таким образом добился у папы заключения выгодного для Испании мира.

В следующем году герцог был назначен наместником в Нидерланды. Два года спустя здесь началось восстание против испанского владычества, которое ему было поручено подавить.

Поход в Нидерланды был организован с целью укрепления в этой стране католической веры и подчинения ее Филиппу II. Для этого герцог должен был «обезглавить» восставших, захватив самых видных руководителей – принца Вильгельма Оранского, Эгмонта, Горна и других. Имущество их, а это были в основном богатые люди, должно было быть передано испанской короне. Эгмонт и Горн были арестованы в сентябре 1567 года. Поставив своей задачей подавить восстание и истребить всех еретиков в Нидерландах, Альба учредил особый инквизиционный трибунал – «Совет мятежей», где он сам руководил пытками. И хотя этот совет, получивший в народе название «Кровавого совета», состоял из лиц, назначаемых лично Альбой, право окончательного решения Альба оставил за собой. За три месяца он отправил на эшафот около двух тысяч человек, привлекая людей к следствию по малейшему подозрению.

Принцу Вильгельму Оранскому и его брату Людвигу удалось избежать ареста, а приглашение явиться в суд они проигнорировали. Вскоре они начали борьбу с испанскими войсками. Несмотря на то что Альба прибыл в Нидерланды с хорошо обученным, закаленным в минувших боях 20-тысячным войском, а противостояли ему плохо обученные и неопытные войска принца Вильгельма Оранского, он так и не смог сломить сопротивление повстанцев. Альбе удалось нанести им целый ряд поражений, и все же шестилетняя борьба завершилась тем, что две богатейшие провинции (Зееланд и Голландия) были потеряны, став независимыми республиками, а Фландрии была возвращена автономия.

В 1573 году Альба был отозван из Нидерландов и вскоре попал в опалу при дворе Филиппа II. В 1580 году он вновь был поставлен во главе армии и завоевал Португалию, захватив Лиссабон и изгнав оттуда короля Антониу I.

Это была последняя кампания герцога. Он прожил еще недолго, скончавшись 11 января 1582 года.

Альбе приписывается введение в армии усовершенствованного ручного огнестрельного оружия, которым он вооружил своих солдат вместо прежних аркебузов.

Однако он вошел в историю, прославившись не столько своими военными талантами, сколько своей жестокостью,

которой сопровождались все его походы, и особенно усмирение Нидерландов. Наделенный от природы железной волей, непреклонным характером и огромной энергией, гордый и надменный даже с равными, Альба презирал всех, кто не разделял ею взглядов. Сам Альба был воспитан солдатом и с раннего возраста привык к суровой дисциплине. Никто другой лучше него не мог быть исполнителем воли короля Филиппа II, для которого «цель оправдывала средства». В течение его шестилетнего правления Нидерландами пытки и казни десятками совершались ежедневно.

Альба добился вынесения королевского повеления, согласно которому все жители Нидерландов, отпавшие от католической веры, подлежали смерти. Согласно этому указу, аресты и последующие за ними казни уже исчислялись десятками тысяч. Имущество арестованных конфисковывалось на содержание испанских солдат. Многочисленные казни и конфискации повлекли за собой массовую эмиграцию в Англию.

Альба был так уверен в своей правоте и в том, что он исполняет свой долг перед Богом и королем, что, когда Филипп II из-за массовых протестов в Европе против безумной жестокости Альбы послал ему приказ об отзыве, Альба не поверил этому, и приказ пришлось повторять снова.

Сам Альба был уверен, что не казнил ни одного невинного, и перед своим отъездом доносил Филиппу II, что в Нидерландах теперь все спокойно.

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ ВОРОТЫНСКИЙ (ок. 1510—1573)
Князь, боярин, русский воевода.

Древний княжеский род Воротынских относится к ветви князей Черниговских и ведет начало от третьего сына Черниговского князя Михаила Всеволодовича – Семена. Его правнук, Федор, в середине XV века получил в удел город Воротынск, давший фамилию роду.

Из потомков Федора особенно выдвинулся Иван Михайлович Воротынский, который первым из «верховских князей» перешел на русскую службу. Он, «победоносный воевода», участвовал в XVI веке в войнах против Литвы и татар. В 1508 году он отразил крымских татар, явившихся на Украину, и преследовал их до реки Рыбницы. В 1512—1513 годах Иван Михайлович участвовал в осаде города Смоленска, и в 1517 году отразил крымцев, неожиданно появившихся возле города Тулы. Правда, в 1521 году он попал в опалу, обвиненный в государственной измене, и смог освободиться от обвинений только в 1525 году. В период правления Елены Глинской Иван Михайлович опять был без причины обвинен, схвачен, и умер он в заточении в 1534 году.

Сын Ивана Воротынского, Владимир Иванович, участвовал в казанском походе и окончательном взятии Казани. Во время болезни царя Ивана IV он принадлежал к числу сторонников царевича Дмитрия и не побоялся вступить в спор с князем Владимиром Андреевичем Старицким, приглашая его принести присягу Дмитрию. В целом для рода XVI век был жестоким и трагичным, так как многие Воротынские пострадали от репрессий Ивана Грозного.

Из представителей рода Воротынских наиболее известным в русской истории был Михаил Иванович, судьба которого сложилась весьма тяжело и несправедливо. Он был одним из последних удельных князей, а Андрей Курбский характеризовал его словами: «Муж крепкий и мужественный, в полкоустроениях зело искусный».

В первой половине XVI века основные военные усилия Российского государства были перенесены на юг и юго-восток, где участились набеги крымских и казанских татар. Самым опасным противником России того времени стало Крымское ханство, которое не поддавалось ни военному, ни дипломатическому воздействию. Крымский хан, являвшийся вассалом турецкого

султана, проводил враждебную России политику, и война с Крымом неизбежно вела к войне с могущественной Османской империей. Перед Россией встала насущная задача укрепления собственной южной границы, для чего требовалось приложить невероятные усилия, средства и человеческие ресурсы. Но, как гласит пословица: «Глаза боятся, а руки делают». Постепенно различные пограничные укрепления соединялись в единый оборонительный комплекс – «засечную черту», состоящую из укрепленных городов, лесных и водных преград, фортификационных сооружений, прикрывавших большие дороги и открытые пространства от вторжений крымской конницы.

Но одними оборонительными сооружениями вопрос защиты границ не решается. Требовался еще и умелый маневр наличными силами, и полководческое искусство воевод, способных противостоять сильному, хитрому и коварному врагу. Пограничные воеводы были опытными и искусными полководцами, а Михаил Иванович Воротынский, составитель первого русского устава сторожевой службы, был среди них первым.

Военная карьера Михаила Воротынского началась поздно. Попав вместе с другими Воротынскими «в опалу», Михаил, как и его братья, несколько лет провел в темнице. Но в 1543 году он уже служит воеводой пограничного города Белева. В 1544 году Михаил Воротынский упоминается в качестве воеводы Большого полка и наместника в Калуге, но участия в боевых действиях не принимает. Набег крымских татар на Рязань был отражен местными воеводами без помощи больших полков.

В середине 40-х годов воеводу Михаила Воротынского переводят на «Казанскую краину», куда переносится центр тяжести борьбы с татарами. В 1545 году воевода Михаил Воротынский стоял в Васильсурске, построенном в 1522 году в устье реки Суры. В 1547 году он был воеводой полка Правой руки в войске, ходившем на Казань. В 1549 году, являясь воеводой Левой руки, стоял в Ярославле. В следующем году он служил наместником в Костроме, но уже в июле срочно был отозван в Коломну и пошел с другими воеводами к Рязани стеречь крымцев.

«Приговор» 1552 года о казанском походе сообщает, что «в Большом полку воеводы боярин князь Иван Федорович Мстиславский да слуга князь Михаил Иванович Воротынский», и это свидетельствует о том, что Михаил Воротынский занимает второе место в военной иерархии Российского государства.

Местом сбора войск, принимавших участие в походе на Казань, была назначена Коломна, откуда можно было как идти на Казань, так и быстро перебросить полки на юг, на «крымскую

краину». На Казань было решено идти, лишь получив достоверные сведения о намерениях крымского хана.

22 июня 1552 года воеводы получили известие о нападении крымцев на Тулу. Гарнизон города пока отбивал все приступы. На помощь поспешили воеводы с быстрыми конными ратями. Крымский хан Девлет-Гирей принял их за передовые отряды всего русского войска и бежал, бросив обозы. В отражении набега Девлет-Гирея участвовал и Михаил Воротынский. Более того, в полках, отгонявших крымцев, не было воевод старше его чином. Скорее всего, именно он и возглавлял посланные к Туле полки.

А в июле из Тулы в Коломну пришли вести, что хан «пошел невозвратным путем», то есть не собирался попытать счастья еще раз. Теперь можно было начинать Казанский поход.

В начале июля русское войско по двум маршрутам – через Владимир и Муром и через Рязань и Мещеру – двинулось к Свияжску, находившемуся в двадцати пяти километрах от Казани Получив здесь заранее заготовленные боеприпасы, продовольствие и пушки, войска начали переправу через Волгу. За два дня на судах и плотах были перевезены многие десятки тысяч воинов, тяжелые пушки, ядра и порох.

19 августа началась осада Казани. Русское войско осадило город со всех сторон. На Арском поле разбили лагерь Большой и Передовой полки. Левее, за речкой Булак, стоял Царский полк, в котором находилась ставка Ивана Грозного.

Для успешной осады города было необходимо установить как можно ближе к его стенам туры и бревенчатые палисады, под прикрытием которых могли вести огонь пушки. Против Арских и Царевых ворот установкой туров руководил «большой воевода» Михаил Воротынский. Казанцы не раз совершали вылазки, чтобы помешать проведению осадных работ. Во время одной из таких вылазок, ночью, разгорелся жестокий бой. Михаил Воротынский сражался в первых рядах и получил несколько ран. Казанцев все же удалось сбросить обратно в ров, туры не пострадали.

29 августа установленные за турами пушки начали обстреливать Казань «стенобитным боем и верхними пушками огненными». Непрерывно велись подкопы под стены и башни. Удалось обнаружить и взорвать подземный ход, по которому казанцы ходили за водой. Еще раньше перегородили плотиной и отвели от города речку Казанку. На Арском поле была выстроена деревянная башня высотой 13 метров. Установив на ней пушки, башню подкатили к стене между Арским и Царевыми воротами.

30 сентября был предпринят первый штурм Казани. Против Арских ворот взорвали подкоп. Воевода Михаил Воротынский повел воинов Большого полка на приступ. Была захвачена Арская

башня, передовые отряды завязали бои на улицах города. Михаил Воротынский слал гонцов к царю, прося помощи и настаивая на общем штурме. Но другие воеводы оказались не готовыми к приступу, из города пришлось уйти. Тем не менее Арская башня осталась в руках ратников Большого полка.

Весь день 1 октября по городу били «большие пушки». Со всех сторон ратники несли к стенам города хворост и землю, заваливая рвы. Были закончены подкопы под Ногайские ворота и под стену неподалеку от Арских ворот.

В ночь с 1 на 2 октября Воротынскому стало известно, что казанцы прознали о подкопах. Промедление грозило срывом всего плана. Воевода сумел убедить царя начать общий штурм раньше намеченного срока.

Сигналом к штурму послужил взрыв подкопов. Через проломы ратники Большого полка воеводы Михаила Воротынского ворвались в город. Преодолеть стены смогли и воины Передового полка. Другие штурмовые колонны успеха не добились, но отвлекли внимание осажденных. Ратники Михаила Воротынского уже сражались на улицах, когда противник смог подтянуть подкрепление против Большого полка. Казанцы смогли потеснить русских воинов, но в город уже вошла половина Царского полка – Иван Грозный откликнулся на просьбу о помощи и поддержал одного из лучших своих воевод.

Особенно упорно казанцы обороняли мечеть и ханский дворец. Но постепенно сопротивление ослабевало. После того как «царь» Едигер был взят в плен, 6-тысячный отряд казанцев попытался вырваться из города, спустившись со стены к речке Казанке, но был встречен с противоположного берега пушечным огнем. Вскоре почти всех уцелевших защитников города пленили. Царь Иван Грозный в окружении своих воевод торжественно въехал в город.

После взятия Казани Михаил Иванович Воротынский был включен в состав «ближней думы» царя, но по-прежнему оставался воеводой. В 1553 году Михаил Воротынский вместе с князем Иваном Шуйским возглавлял Большой полк в Коломне. В 1554 году он стоял во главе русского гарнизона Свияжска. Весной 1556 года Михаил Воротынский уже на «крымской краине», встав во главе Большого полка в Коломне, летом – с Большим полком «на устье Протвы», а осенью – в Передовом полку в Калуге. Во время похода в 1557 году в Коломну для отражения возможного набега крымцев Михаил Воротынский был «дворцовым воеводой» при царе.

В 1558 году началась Ливонская война, но Михаил Воротынский, хорошо себя зарекомендовавший в боях с татарами,

был оставлен на «крымской краине». В июне бежавший из Крыма пленник сообщил о готовящемся походе крымского хана. В Калугу были выдвинуты войска, и первым воеводой Большого полка стал Михаил Воротынский. Им же он остается и в следующем году. В 1560 году Воротынский записан воеводой в Туле, затем возвращен в пограничный Одоев, но вскоре вновь вызван в Тулу. В 1562 году, когда крымский хан Девлет-Гирей с 15-тысячной ордой сжег посады Мценска, нападал на Одоев, Новосиль, Белев и другие окраинные города, лишь умелые действия пограничных воевод, главным из которых фактически являлся Михаил Воротынский, позволили отогнать хана.

Напомним, что в тот период Россия воевала «на два фронта». Ливонская война затягивалась, а крымский хан Девлет-Гирей за 25 лет войны предпринял не менее 12 больших походов, не говоря уже о несчитаных мелких нападениях. Южную границу России постоянно заслоняли десятки воевод с войсками, но на самом опасном участке оказывался воевода Михаил Воротынский.

После 1562 года имя Михаила Воротынского неожиданно исчезает из разрядных книг. Причиной тому была опала, связанная с изменой князей Вишневецкого и Вельского. Князья Воротынские были отозваны с южной границы и заключены под стражу, имения их конфискованы. Александра Воротынского сослали в заволжский город Галич, а Михаила с семьей – в Белоозеро.

Несмотря на опалу, Михаил Воротынский содержался в ссылке в довольно хороших условиях. Ежегодно он получал от казны около ста рублей, что составляло по тем временам довольно значительную сумму. В 1565 году только в счет «недодачи» за предыдущий год ему поставили три ведра рейнского вина, двести лимонов, несколько пудов изюма, тридцать аршин «бурской» тафты и другое добро.

В том же году Михаил Воротынский вернулся из ссылки и был назначен воеводой Большого полка. Ему возвратили Одоевский удел. Перед Земским собором 1566 года Воротынский вместе с князьями Мстиславским и Вельским руководил Боярской думой.

В 1567 и 1568 годах Михаил Воротынский, будучи воеводой полка Правой руки, стоял со своей ратью в Серпухове. Летом 1568 года князь получил под свое начало Большой полк, вновь возглавив оборону южной границы.

В 1569 году 17-тысячная турецкая армия при ста тяжелых пушках с 40-тысячным войском крымцев и ногайцев подошла к Астрахани. Но защитники города отбили все приступы. Туркам пришлось отступить.

На следующий год 50-тысячная крымская орда подступала к Рязани и Кашире. С большим трудом ее отогнали, причем отбили полон. Михаил Воротынский в этот год находился сначала в Серпухове, потом в Коломне и снова в Серпухове.

В этот год в Серпухов с большим войском прибыл сам Иван Грозный. Был отложен уже подготовленный поход на Ревель, так как станичники доложили, что хан с большим войском двигается к «Украине». Однако татары не появлялись. Более того, путивльский наместник Петр Татев прислал «грамоту», в которой сообщалось, что по его поручению сторожевые казаки ездили в Дикое Поле и вернулись, не обнаружив даже следов крымской конницы.

В Серпухове собрался военный совет. Пришли к выводу, что сторожевая служба явно не справилась со своей задачей. И хотя еще хуже было бы, если бы сторожа пропустили действительный поход, последствия оказались тяжелыми – русское войско бесцельно простояло в Серпухове, вместо того чтобы воевать на западной границе. Реорганизация сторожевой службы была поручена самому опытному воеводе, руководителю всей обороны «крымской краины» князю Михаилу Воротынскому.

Ему предстояло создать важнейший военный документ – первый русский устав сторожевой и пограничной службы. Воевода начал с изучения документов Разрядного приказа, касающихся пограничной службы на южной границе. Затем в Разрядный приказ были вызваны с границы бывалые служилые люди, в том числе и те, кто по старости или по увечью давно оставили воинскую службу, но обладали боевым опытом. Не забыли и тех, кто был в плену и тем или иным путем сумел вернуться. Все вызванные люди съехались в Москву в самом начале 1571 года. Их подробно расспрашивали и ответы записывали. Одновременно на границу были посланы «станичные головы» с целью проверки постановки сторожевых застав. После полуторамесячной напряженной работы был наконец одобрен и принят «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе» – первый в истории России пограничный устав.

В 1571 году Девлет-Гирею удалось совершить успешный побег на Российское государство. Основные русские силы направлялись в поход на Ревель и потому не успели помешать крымскому хану. 40-тысячное крымское войско сожгло московские посады и Земляной город, начались пожары в Кремле. Но полного успеха Девлет-Гирею добиться не удалось. Полк воеводы Михаила Воротынского, стоявший на Таганском лугу, отразил все атаки татар. Хан Девлет-Гирей не смог взять столицу, но все же нанес Московскому государству страшный урон. Были

разорены коренные московские волости от берега Оки и до Москвы. Жителям столицы потребовалось два месяца, чтобы очистить город.

В 1572 году Девлет-Гирей вновь привел свою орду к границам Российского государства. Хан вывел в поле всю свою орду – до 60 тысяч человек, не считая присоединившихся к его войску многочисленных отрядов из Большой и Малой Ногайских орд. Девлет-Гирей не без оснований надеялся на успех; он знал, что главные силы Руси находятся на западной границе.

В распоряжении «большого воеводы» Михаила Воротынского, на которого была возложена оборона всей южной границы, оставалось не более 20 тысяч ратников, но воевода грамотно распорядился своими силами. Не надеясь разбить хана в «прямом бою», Михаил Воротынский приложил все силы для укрепления берега реки Оки. Вдоль берега установили частокол, против бродов и переправ поставили пушки. Но для обороны всего укрепленного рубежа их оказалось слишком мало.

В ночь с 27 на 28 июля ногайская конница Теребердей-мурзы неожиданно захватила один из бродов, охранявшийся всего двумя сотнями дворян. Вслед за ней через Оку стала переправляться вся орда Девлет-Гирея и начала быстро продвигаться к Москве. Но Михаил Воротынский, понимая, что не смог преградить путь орде, принял смелое решение: задерживая фланговыми ударами продвижение хана к Москве, главными силами догнать татар и навязать им сражение. Хану удалось прорваться на серпуховскую дорогу, ведущую к Москве, но с тыла уже подходили русские полки.

Главное сражение с ордой состоялось при Молодях, в 45 верстах от столицы. 28 июля полк Дмитрия Хворостинина разбил арьергард хана, возглавлявшийся его сыновьями. Девлет-Гирей направил против Дмитрия Хворостинина двенадцать тысяч крымских и ногайских всадников, но к Молодям уже успел прибыть с главными силами Михаил Воротынский. Он поставил передвижную крепость «гуляй-город», а Дмитрий Хворостинин заманил татар под огонь ее пушек и пищалей.

30 июля состоялось еще одно большое сражение при Молодях. Русские полки отбили все атаки татарской конницы. В плен был взят главнокомандующий ханского войска Дивей-мурза, в бою погиб предводитель ногайской конницы Теребердей-мурза.

2 августа хан Девлет-Гирей возобновил приступы. Он торопился: татарам была подкинута ложная грамота, будто бы на помощь Михаилу Воротынскому спешит новгородская рать. К концу дня Михаил Воротынский, оставив в «гуляй-городе» воеводу Дмитрия Хворостинина с частью войска, сам незаметно

вышел из укрепления и лощиной пробрался в тыл к ханскому войску. По условленному сигналу Дмитрий Хворостинин открыл сильный огонь из пушек и пищалей, а затем устроил вылазку. Одновременно на татар напали полки Михаила Воротынского. Девлет-Гирей, думая, что появились подошедшие из Новгорода большие полки Ивана Грозного, в панике бежал. На реке Оке в начале августа русская конница разбила 5-тысячный отряд, прикрывавший бегство Девлет-Гирея. Но самому хану все же удалось уйти.

Битва при Молодях оказалась последней битвой воеводы Михаил Ивановича Воротынского. В 1573 году беглый слуга Воротынского пришел к Ивану IV и обвинил своего господина в намерении извести царя. Михаил Иванович был схвачен, его жестоко пытали, потом повезли в монастырь. По дороге Воротынский скончался. Так замечательный полководец, более тридцати лет отличавшийся верной и блестящей службой, был лишен царем жизни по ложному доносу.

Род князей Воротынских пресекся в 1679 году, когда скончался Иван Алексеевич Воротынский, двоюродный брат царя Алексея Михайловича по матери.

ГАСПАР КОЛИНЬИ ДЕ ШАТИЙОН (1519—1572)
Граф, адмирал, один из вождей гугенотов во Франции.

Гаспар Колиньи де Шатийон принадлежал к провинциальному дворянству. Предки его были известны еще с XII века. Выходцы из Франш-Конте (Савойя), они первоначально находились на службе Священной Римской империи. Первым из известных представителей этого рода был Юмбер II, который служил императору Конраду III. Род Колиньи не отличался знатностью, а возвышение его началось лишь с XVI века. Связано оно было с именем Жана III и заслугами его в ратном труде.

Дети Жана III, а их у него было семеро, традиционно посвятили себя военному поприщу. В период итальянских войн особенно отличились Жан и Гаспар. В дальнейшем Гаспар стал маршалом Франции, и в 1514 году женился на дочери барона де Монморанси Луизе, что сразу ввело род Шатийонов в круг придворной знати.

Брат Луизы смог стать фаворитом королей Франциска I и Генриха II и получить должность коннетабля Франции. Его взлет имел огромное значение для судьбы его племянников – детей Луизы и Гаспара. Они воспитывались при королевском дворе и учились вместе с детьми короля. Вскоре семью постигло большое горе – умер Гаспар де Шатийон, оставив жену с малолетними детьми на руках. На формирование взглядов братьев Шатийон – Оде, Гаспара и Франциска – большое влияние оказала мать. Близкая к Маргарите Ангулемской и ее окружению эта незаурядная женщина придерживалась неортодоксальных религиозных взглядов, что и предопределило в дальнейшем переход к протестантизму и ее сыновей.

По традиции того времени, средний сын в семье, а им был Гаспар Колиньи, посвящал себя служению церкви. Но судьба распорядилась иначе. Священником стал старший из братьев – Оде, получивший сан кардинала в возрасте 16 лет. Гаспар и Франциск посвятили себя военной службе.

Ближайшими друзьями детских лет у Гаспара были Строцци и особенно будущий герцог Гиз. Пройдет некоторое время, и друзья станут заклятыми врагами. А пока, по словам Пьера де Бурдея, будущего писателя Брантома и их компаньона, они были добрыми приятелями, старались даже «одеваться одинаково,

сражались плечом к плечу на турнирах, состязались в кольцах, участвовали во всех развлечениях, оба наслаждались жизнью, совершая столь же невероятные безумства, что и другие».

Первой военной кампанией Гаспара де Колиньи стала итальянская кампания 1542 года. Приняв участие в военных действиях, он обратил на себя внимание короля своим мужеством и умением организовывать войска. Тот же Брантом пишет: «Он был отважен и храбр и должен был быть именно таким, ибо имел храбрых и отважных предков».

В 1546 году Колиньи совершил путешествие в Италию вместе со Строцци. С рекомендательными письмами от Екатерины Медичи он прибыл ко двору дочери Людовика XII Ренаты Феррарской, где и обосновался. При ее дворе нашли убежище многие протестанты, и даже сам Кальвин. Пробыв там почти год, Колиньи вернулся во Францию.

Большие изменения в жизнь Гаспара де Колиньи принес 1547 год. Печальным событием для него стала смерть матери. Занявший престол Франции Генрих II назначает Колиньи командующим пехотой, наградив при этом высшим орденом Св. Михаила. В этом же году Колиньи женился на дальней родственнице коннетабля Монморанси Шарлотте де Лаваль, которая воспитывалась в доме его матери. Супруги прожили вместе счастливую жизнь. Брак принес им троих сыновей и дочь Луизу. И этот же год положил начало длительной вражде между Колиньи и герцогом Франсуа Гизом, которая возникла из-за ссоры. Поводом к ссоре послужил вопрос Гиза о том, как Колиньи относится к возможности женить брата герцога на дочери королевской фаворитки Дианы де Пуатье. Колиньи высказал Гизу свое резко отрицательное мнение, сводящееся к тому, что лучше иметь меньше власти, чем потерять честь. Герцог был оскорблен, сочтя, что Колиньи его унизил и задел честь Лотарингского дома. Но ссора с Гизом не стала препятствием для продвижения братьев Шатийон по карьерной лестнице – их еще активно поддерживал коннетабль Монморанси.

К этому времени Гаспар Колиньи уже считался способным полководцем. Во время войны с Карлом V и Генрихом VIII Английским он проявил свои способности и на дипломатическом поприще, сумев путем переговоров оставить за Францией Булонь. Один из английских посланников охарактеризовал Колиньи «сеньором величайших достоинств». В 1552 году Колиньи получил звание адмирала. Это звание стало для него почетным титулом, а не признанием его заслуг в морском деле, так как флотом Колиньи никогда не командовал. Но он проявлял большой интерес к колониальным завоеваниям и три раза

снаряжал экспедиции в Америку.

В чине адмирала Колиньи принимал участие в войне с Лотарингией и много способствовал завоеванию трех епископств и победе при Ренти. Эта последняя победа и стала причиной открытого разрыва Колиньи, а затем и глубокой вражды с герцогом Гизом, пытавшимся приписать себе часть победы.

Особенно прославился Колиньи в этой же войне в 1557 году своей обороной Сен-Кантена, где он и был захвачен в плен испанцами. В плену Колиньи пробыл около двух лет. За это время он благодаря уединению читал Библию, переписывался со своим братом, уже принадлежавшим к реформатской церкви. В эти годы Колиньи пришел к выводу о правоте кальвинизма и присоединился к нему вместе со своей женой. Возможно, что одной из причин перехода Колиньи в круг протестантов стало и молчание Генриха II. За освобождение адмирала был потребован выкуп в размере 150 тысяч золотых экю. За командующего, взятого в плен, выкуп платило государство, но в данном случае на требование выкупа корона ответила молчанием. Жена адмирала, продав более двадцати владений, внесла деньги за освобождение мужа из плена, но адмирал снова был арестован уже по личному распоряжению Филиппа II Испанского и провел в тюрьме еще два месяца в качестве заложника.

Вернувшись ко двору, Колиньи вначале не хотел афишировать смену религии. Но в 1560 году на съезде нотаблей Колиньи открыто объявил себя кальвинистом и подал от имени реформаторов записку королю с просьбой предоставить им несколько храмов для богослужения. Генрих II пришел в ярость, узнав о «предательстве» Колиньи, и в присутствии двора устроил неприглядную сцену, сорвавшись на крик и запустив в адмирала серебряным блюдом. Затем Колиньи был лишен всех должностей и арестован.

В начале войны между католиками и гугенотами Колиньи стал помощником принца Конде – мужа своей племянницы, а после сражения при Дре, когда Конде был взят в плен, принял на себя главное командование. Первый этап гражданской войны закончился заключением Амбуазского мира, выгодного для католиков.

Для адмирала наступило время тяжелых утрат. Он за короткое время потерял старшего сына, младшего брата, а через год и жену. Колиньи становился все более суровым, склонным к фатализму, а проводимые им военные действия делались более жестокими в отношении населения.

После убийства герцога Франсуа Гиза в 1563 году Колиньи обвинили в организации этого убийства. Семья герцога требовала

для адмирала смертной казни, но король Карл IX объявил об оправдании Колиньи. Тогда Гизы, а вместе с ними и Монморанси, так и не простивший племяннику ухода от католицизма, поклялись отомстить адмиралу, покарав его смертью.

В 1567 году гугеноты вновь взялись за оружие и вели войну весьма успешно благодаря стратегическому искусству Конде и Колиньи. Им удалось быстро занять Париж и Сен-Дени. Необычайная активность Колиньи в этих войнах возбуждала к себе ненависть всех католиков во главе с Гизами. Они добились того, что адмирал был осужден Парижским парламентом за государственную измену, а приговор по делу Колиньи от 12 сентября 1569 года гласил: «Колиньи виновен в оскорблении величества, он – нарушитель и губитель мира, враг спокойствия, тишины и общественной безопасности, организатор и возмутитель вооруженного мятежа и заговора, направленных против короля и государства».

Адмирал уже несколько раз подвергался нападениям наемных убийц, но смог счастливо избегать трагического конца. В сражении при Жарнаке погиб принц Конде. Его сын и Генрих Наваррский были еще очень молоды, чтобы быть во главе протестантов. И адмирал Колиньи стал главой партии гугенотов – более значительной фигуры в лагере протестантов не было. Его авторитет покоился не только на знатном происхождении и воинских заслугах, но и на личных нравственных качествах. Даже католик Брантом признавал Колиньи человеком достойным. Он писал: «…мы должны считать господина адмирала блестящим и совершенным полководцем, он был наделен мудростью и умением руководить».

Мир в Сен-Жермене, заключенный в июле 1570 года, на короткое время стабилизировал положение в стране, и протестанты были возвращены ко двору. Следующий год для адмирала был годом потери второго брата и заключением нового брака Колиньи женился на Жаклин де Монбель, которая была моложе адмирала на 23 года. И хотя брак оказался недолгим, но все-таки скрасил последние годы жизни Колиньи. К этому времени относится и сближение Колиньи с королем Карлом IX, который мечтал с помощью адмирала присоединить к Франции Нидерланды. Колиньи был введен в королевский совет, получил 150 тысяч ливров и аббатство, приносящее более 20 тысяч ливров дохода.

Все это вызвало раздражение у католической знати во главе с Екатериной Медичи и Гизами, и 22 августа, когда поздно вечером адмирал проезжал мимо дома Гизов, наемный убийца Моревель выстрелил в него из окна. Пуля только ранила Колиньи, но сам

Моревель сумел скрыться. Раненого адмирала навестил король и обещал найти и наказать виновных.

24 августа 1572 года во время знаменитой Варфоломеевской ночи Колиньи погиб одним из первых. Его смерть во всех источниках описывается как мученическая. Королевская охрана, приставленная к нему после покушения, спокойно пропустила убийц. Колиньи сумел сохранить достоинство при виде ворвавшихся убийц. Нанеся адмиралу множество ран, его еще живого выбросили во двор к находившемуся там герцогу Генриху Гизу – сыну убитого в 1563 году Франсуа Гиза. Наступив на тело адмирала, он отдал приказ – и еще несколько дней труп адмирала провисел на цепях вниз головой. Страшная смерть Гаспара де Колиньи сделала его не только героем, но и мучеником в глазах современников. Один из них писал: «…ни Колиньи за всю свою жизнь не достиг более высокого часа, чем миг смерти, ни Гиз более низкого часа не изведал».

В память об адмирале Колиньи в 1972 году улица, где некогда стоял дом адмирала, была переименована в улицу Колиньи.

АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ КУРБСКИЙ (1528—1583)
Князь, политический и военный деятель.

Внук Владимира Мономаха князь Ростислав Михайлович Смоленский был родоначальником князей Вяземских и Смоленских. Князья Смоленские были разделены на несколько ветвей, одной из которых стала ветвь князей Курбских, княжившая в Ярославле с XIII века. Фамилию они получили по главному селению своего удела – села Курбы, доставшегося Якову-Воину Ивановичу. О нем известно, что пал он в борьбе с казанцами на Арском поле в 1455 году. После смерти его удел перешел к брату Семену Ивановичу, служившему великому князю Василию.

Два сына Семена Ивановича Курбского, Федор и Дмитрий, служили князю Ивану III. Федор Семенович был воеводой в Нижнем Новгороде, и все его сыновья славны были ратными подвигами. Потомство же оставил лишь старший из них – Михаил, получивший прозвание Карамыш. Он погиб под Казанью в 1506 году вместе с братом Романом. Семен Федорович тоже воевал с Казанью и Литвой. Как боярин он выступал против пострижения первой жены князя Василия III Соломонии.

Один из сыновей Михаила Федоровича Карамыша, названный, как и отец, Михаилом, во время походов на Казань в 1528 и 1530 годах был назначен вторым воеводой полка Правой руки, а в литовском походе 1535 года участвовал как первый воевода Передового полка. Он был знатным воином и часто назначался на высокие командные должности в период военных походов. Последним для него стал поход на Литву в 1545 году, и в следующем году он скончался, оставив после себя двух сыновей – Ивана и Андрея, которые продолжили воинские традиции рода Курбских и стали прославленными воинами. Иван Михайлович храбро сражался с казанскими татарами, и во время взятия Казани был тяжело ранен – «в ногах его было по пяти стрел, не считая прочих ран». Он не оставил поля боя, продолжая сражаться с врагами. Но тяжелое ранение не прошло бесследно, и на следующий год полученные в бою под Казанью раны привели к его кончине.

Сколько бы исследователей ни писало об Иване IV, ни один не мог не сказать о его ближайшем соратнике, а в дальнейшем

заклятом враге Андрее Михайловиче Курбском – самом известном в истории представителе этого древнего рода.

О его детстве практически нет сведений, да и дата его рождения осталась бы неизвестной, если бы он сам не упомянул в одном из своих сочинений, что родился в октябре 1528 года. Впервые имя Андрея Курбского упоминается в связи с походом на Казань в 1549 году. Было ему тогда без малого 21 год, и находился он в чине стольника государя Ивана IV. Вероятно, он к тому времени успел прославиться ратными подвигами, если Иван IV уже в следующем 1550 году назначает его воеводой в Пронск для охраны юго-восточных пределов Руси. Вскоре Андрей Михайлович получил от государя земли в окрестностях Москвы. Возможно, что даны они были ему за заслуги, но также вероятно, что получены они были за обязательство являться с отрядом воинов для похода против врагов по первому призыву. И с того момента князь Андрей Курбский был не раз прославлен на полях сражений.

Еще со времен великого князя Ивана III казанские татары часто устраивали опустошительные набеги на русские земли. Хотя Казань и находилась в зависимости от Москвы, но зависимость эта была весьма непрочной. Так и в 1552 году русское войско вновь было собрано для решительной битвы с казанцами. В это же время на южные русские земли пришло и войско крымского хана, которое дошло до Тулы и осадило город. Иван IV остался с основными силами под Коломной, а на выручку Тулы послал 15-тысячное войско под командованием Курбского и Щенятева. Русские войска появились перед ханом неожиданно и заставили его поспешно отойти в степь. Но под Тулой оставался еще большой отряд крымцев, который грабил окрестности города, не зная, что хан увел основные силы. Курбский решил напасть на этот отряд, хотя имел вдвое меньшее число воинов. Битва продолжалась «полдве годины» (полтора часа) и закончилась полной победой Курбского. Половина 30-тысячного отряда крымцев пала в сражении, другие были взяты в плен либо погибли при преследовании или переправе через реку Шиворонь. Кроме пленных русским досталось много военных трофеев. Сам Андрей Михайлович храбро сражался в первых рядах воинов и в ходе битвы был несколько раз ранен – «ему изсекли голову, плеча и руки». Но, несмотря на ранения, через восемь дней он уже был в строю и выступил в поход. Двигался он к Казани через рязанские земли и Мещеру, ведя войска по лесам, болотам и «дикому полю», прикрывая основные силы от нападения степняков.

Под Казанью Курбский вместе с Щенятевым возглавили полк Правой руки, который расположен был на лугу за рекой

Казанкой. Находясь на открытом месте, полк сильно пострадал от стрельбы из осажденного города, да еще ему приходилось отражать нападения черемис с тыла. Во время штурма Казани 2 сентября 1552 года Курбскому было поручено «охранять» Елбугины ворота, чтобы не дать возможность осажденным уйти из города, куда уже ворвались ратники Большого полка. Все попытки казанцев пробиться через ворота были Курбским отражены, лишь 5 тысяч смогли выйти из крепости и стали переправляться через реку. Андрей Михайлович с частью своих воинов бросился за ними и несколько раз отважно врубался в ряды неприятеля, пока тяжелое ранение не заставило его покинуть поле боя.

Через два года он снова был в казанской земле, посланный туда для усмирения мятежа. Поход этот был очень трудным, приходилось вести войска без дорог и воевать в лесах, но с задачей Курбский справился, вернувшись в Москву победителем татар и черемис. За сей ратный подвиг Иван IV пожаловал его чином боярина. С того времени Андрей Михайлович становится одним из ближайших к царю людей. Он сблизился с партией реформаторов – Сильвестра и Адашева, и вошел в Избранную раду – правительство царских «советников, мужей разумных и совершенных».

В 1556 году Курбским была одержана новая победа в походе против черемис. По возвращении он назначается воеводою полка Левой руки, стоящего в Калуге для охраны южных рубежей от крымских татар. Затем вместе с Щенятевым Курбский был направлен в Каширу, где принял под командование полк Правой руки.

Начавшаяся война с Ливонией вновь привела Курбского на поля сражений. В начале войны он возглавил Сторожевой полк, а затем, командуя Передовым полком, он участвовал во взятии Нейгауза и Юрьева (Дерпта). Вернувшись в Москву в марте 1559 года, Курбский был направлен на защиту южных границ от крымских татар. Но вскоре начались неудачи в Ливонии, и царь снова вызывает Курбского и назначает его начальствовать над всеми войсками, сражающимися в Ливонии. Новый командующий действовал энергично. Он не стал дожидаться подхода всех русских дружин и первым напал на ливонский отряд под Вейсенштейном (Пайде), одержав победу. Затем он принимает решение дать бой главным силам противника, которые возглавил сам магистр Ливонского ордена. Обойдя основные силы ливонцев по болотам, Курбский не стал ждать. И как писал сам Курбский, ливонцы «яко гордые стояли на широком поле от тех блат (болот), ждущие нас к сражению». И хотя время было ночное, русские войска завязали перестрелку с противником, которая

переросла вскоре в рукопашную схватку. Победа снова была на стороне русского оружия.

Дав войску десятидневную передышку, Курбский повел войска дальше. Подойдя к Феллину и спалив предместья, русские войска осадили город. В этом сражении в плен был взят ландмаршал ордена Филипп Шаль фон Белль, который спешил на помощь осажденным. Важный пленник был отправлен в Москву, и с ним Курбский направил письмо царю, в котором просил не казнить ландмаршала, потому что он «муж не токмо мужественный и храбрый, но и словеста полон, и остр разум, и добро память имуща». Эти слова характеризуют благородство Курбского, умевшего не только хорошо сражаться, но и с уважением относиться к достойному противнику. Правда, ландмаршалу ордена заступничество Курбского не помогло. По приказу Ивана IV он все-таки был казнен. Да что говорить о командующем войсками противника, когда к тому времени правительство Сильвестра и Адашева пало, и царь казнил одного за другим своих советников, сподвижников и друзей без всякого к тому основания.

Взяв за три недели Феллину, Курбский двинулся сначала на Витебск, где сжег посад, а затем к Невелю, под которым потерпел поражение. Он понимал, что, пока победы были с ним, царь не станет подвергать его опале, но поражения могут быстро привести его на плаху, хотя, кроме сочувствия опальным, никакой другой вины за ним не было.

После неудачи под Невелем Курбский назначается воеводой в Юрьев (Дерпт). Иван IV не упрекает своего командующего за поражение, не ставит ему в вину измену, но Андрей Михайлович чувствует, что тучи сгущаются над его головой. Ранее его на службу звал польский король Сигизмунд-Август, обещая хороший прием и безбедную жизнь. Теперь Курбский всерьез задумался над этим предложением, и 30 апреля 1564 года он тайно бежал в город Вольмар. Вместе с ним ушли к Сигизмунду-Августу приверженцы и слуги Курбского. Польский король принял их очень благожелательно, наградил Курбского поместьями в пожизненное владение, а через год утвердил за ними право наследственной собственности.

Узнав о бегстве Курбского, Иван IV обрушил свой гнев на его родственников, оставшихся в России. Тяжелая участь постигла близких Андрея Михайловича, и как он сам пишет впоследствии, царь «матерь ми и жену и отрочка единого сына моего, в заточении затворенных, троскою поморил, братию мою, единоколенных княжат Ярославских, различными смертьми поморил, имения мои и их разграбил». Дабы оправдать свои

действия относительно его родственников, Андрей Михайлович был обвинен в измене царю, в желании лично править в Ярославле и в заговоре с целью отравления жены царя Анастасии. (Понятно, что два последних обвинения были надуманны.)

На службе у короля Сигизмунда-Августа Курбский быстро стал занимать высокие посты. Через полгода он уже воюет против России. С литовцами он ходил к Великим Лукам, защищал Волынь от татар, а в 1576 году, командуя большим отрядом в составе войск Стефана Батория, бился с московскими полками под Полоцком.

Жил Курбский в основном в Миляновичах, находящихся в двадцати верстах от Ковеля, управляя землями через доверенных лиц из числа людей, прибывших с ним в Польшу. Он не только воевал, но и отдавал много времени научным занятиям, постигая труды по богословию, астрономии, философии и математике, изучал латинский и греческий языки. В историю русской публицистики вошла переписка беглого князя Курбского со своим бывшим государем Иваном IV. Первое письмо царю от князя в 1564 году доставил верный слуга Курбского Василий Шибанов, который в России был подвергнут пыткам и казнен. В посланиях Курбский возмущается несправедливыми гонениями и казнями людей, служивших царю верой и правдой. В ответных посланиях царь отстаивает свое неограниченное право по своему разумению казнить или миловать любого подданного. Заканчивается переписка в 1579 году. И переписка, и памфлет «История о великом князе Московском», и другие произведения Курбского, написанные хорошим литературным языком, содержат много ценных сведений о времени царствования Ивана IV.

Живя в Польше, Курбский был дважды женат. В 1571 году его женой стала богатая вдова Козинская. Брак этот был недолгим и закончился разводом. Его третьей женой стала представительница небогатой польской фамилии Семашко. От этого брака у Курбского остались дочь и сын.

До последних дней Курбский был ярым приверженцем православия и всего русского. Суровый и гордый нрав Андрея Михайловича «помог» ему нажить много врагов из числа литовско-польских вельмож. Курбский часто ссорился с соседями, воевал с панами, захватывая их земли, а посланцев короля бранил «непотребными московскими словами».

В 1581 году Курбский снова принял участие в военном походе Стефана Батория против Москвы. Но, дойдя до границы России, он сильно заболел и вынужден был вернуться. В 1583 году Андрей Михайлович Курбский скончался и был похоронен в монастыре близ Ковеля.

В XVII веке правнуки Курбского вернулись в Россию.

ВИЛЬГЕЛЬМ I ОРАНСКИЙ («МОЛЧАЛИВЫЙ») (1533—1584)
Принц, деятель Нидерландской буржуазной революции XVII столетия.

Род Нассау известен с начала XII века. Название рода происходит от бурга Нассау, построенного около 1100 года графами Лауренбургами на берегу Лана. Потомки Друтвина Лауренбурга стали носить имя Нассау. Со второй половины XII века начинается самостоятельная история графства Нассау. В 1255 году оно распалось на две части. Южной частью графства, расположенной по левому берегу Лана, стал владеть Вальрам II, давший начало Вальрамской линии рода. Северная часть – правый берег Лана, отошла к его брату Оттону, давшему начало Дилленбургской (Оттоновской) линии.

Старшая – Вальрамская – линия снова распалась на несколько самостоятельных ветвей в 1355 году. С 1422 года Вальрамская линия владела даже Саарской областью, отделенной от центра нассауских владений. Но в 1605 году все эти родовые ветви объединил в своем лице Людовик Нассау-Вальбургский, и с этого момента эта линия династии стала носить имя Вальбургской линии. В свою очередь, она была снова разделена на две ветви – Узингенско-Саарскую и собственно Вальбургскую. В начале XIX века представители этих ветвей – Фридрих-Август и Фридрих-Вильгельм Нассауские заключили договор, по которому их владения были объединены под совместным управлением. Объединенная территория вошла в Германский союз и была возведена в степень герцогства. Первая ветвь пресеклась в 1816 году, а ко второй в XIX веке перешло герцогство Люксембургское.

В 1806 году представитель другой ветви династии Нассау Вильгельм VI потерял все свои владения в Пруссии, которые перешли к объединенной Вальбургской линии. В 1815 году на Венском конгрессе было принято решение об отделении некоторых областей от Люксембурга, которые вошли в состав Германского союза (до 1866 года) как самостоятельное Великое герцогство Люксембургское. По решению того же конгресса первым великим герцогом Люксембургским и королем

Нидерландов стал Вильгельм VI, принявший имя Вильгельма I, получив герцогство как компенсацию за потерянные наследственные владения Нассау в Пруссии. Между Нидерландами и Люксембургом была заключена личная уния. В 1840 году он передал корону старшему сыну, а сам, приняв титул графа Нассауского, переехал в Берлин. Следует отметить, что между нассаускими княжескими домами существовал договор, по которому наследование могло вестись только по мужской линии. По этому договору после смерти в 1890 году Вильгельма III, внука Вильгельма I, его дочь Вильгельмина – сыновей у него не было – не могла стать одновременно и королевой Нидерландов, и великой герцогиней Люксембурга. Великим герцогом Люксембургским стал старейший представитель Вальбургской линии рода Нассау герцог Адольф. Он состоял в родственных связях с домом Романовых (первая его жена, скончавшаяся в результате тяжелых родов, была родной племянницей императора Александра I). В родстве с династией Нассау была и дочь А.С. Пушкина Наталья Александровна, вышедшая замуж за принца Николая-Вильгельма Нассауского.

Дилленбургская ветвь Дома Нассау в дальнейшем стала именоваться Оранской. Представитель этой линии князь Энгельберт благодаря удачному браку присоединил к своим владениям часть земель в северном Брабанте. Его потомки выделились на службе при бургундских герцогах, владевших Нидерландами, а затем и испанских королей. Они стали самыми богатыми землевладельцами и наследственными наместниками – штатгальтерами (статхаудерами) – Нидерландов. В 1530 году путем брачного союза к их владениям было присоединено южнофранцузское княжество Оранж, расположенное на берегу Роны, которое и дало имя этой линии династии. С тех пор она называлась Оранской.

Борьба Нидерландов за свою независимость самым тесным образом связана с представителями Оранской линии дома Нассау. Во главе передовых борцов за независимость Нидерландов стал Вильгельм Нассауский принц Оранский, вошедший в историю как Вильгельм I Оранский. Он родился 14 апреля 1533 года в Дилленбургском замке княжества Нассау. Его предки уже много лет находились в Нидерландах на высших постах государственной власти. Его отец принял протестантскую веру и слыл очень богатым человеком, войдя в историю с прозванием Вильгельм Богатый. Женившись на Юлиане фон Штольберг, он имел в браке 10 детей – пять сыновей и пять дочерей.

В возрасте одиннадцати лет старший сын Вильгельма

Богатого – Вильгельм – унаследовал княжество Оранское вместе с титулом и владениями в Нидерландах после смерти своего двоюродного брата Рената Оранского, став принцем Оранским. Через год он оставил родительский дом и отправился в Брюссель ко двору императора Карла V, который пожелал принять личное участие в воспитании принца Оранского. Штатгальтером Нидерландов в то время была сестра и правая рука императора – вдовствующая венгерская королева Мария. Она и взяла на себя основную заботу о воспитании Вильгельма. Находясь при дворе в Брюсселе, Вильгельм прошел хорошую школу политических интриг и заговоров, с помощью которых вершились многие дела. От природы он был одарен сообразительностью и глубокомыслием, что не осталось незамеченным императором Карлом, который возлагал на мальчика большие надежды. Очень быстро Вильгельм стал любимцем императора и завоевал его полное доверие. Несмотря на то что политика, проводимая Карлом V в Нидерландах, отличалась своеволием и жестокостью, в годы его правления революционного движения в этих провинциях не вспыхнуло. Многие приписывают это личному обаянию и обходительности императора, сумевшему привлечь на свою сторону дворянство и польстить национальному чувству жителей этой территории. А уж своего любимца Вильгельма император щедро осыпал всевозможными почестями и милостями. Когда Вильгельм достиг 18-летнего возраста, Карл женил его на Анне фон Эгмонт – дочери богатого графа Максимилиана фон Бюрена. Спустя четыре года он назначает Вильгельма главнокомандующим армией на границах Франции. Молодой принц полностью оправдал возложенное на него доверие.

В 1555 году Карл V передает права на Нидерланды, а затем и остальные владения своему сыну Филиппу. Филипп назначает Вильгельма членом государственного совета и вскоре награждает его знаками ордена Золотого Руна. Может быть, Филиппа и Вильгельма и связала бы дружба, но характер нового императора резко отличался от характера Карла. Филипп был мрачным, неприветливым и вечно подозрительным правителем. Проводя еще более жесткую политику в Нидерландах, он очень хотел уничтожить здесь малейшее свободомыслие, а знатное дворянство ему было особенно ненавистно. Но он ничего не мог сделать, пока велась война с Францией, в которой нидерландские дворяне проявили себя блестящими полководцами. Решив как можно быстрее закончить войну, Филипп назначает Вильгельма Оранского уполномоченным для ведения мирных переговоров. Вильгельм, проявив великолепные дипломатические способности,

заключает с Францией такой договор, который, по сути, был капитуляцией со стороны Франции. Успех принца еще более усилил чувство неприязни к нему со стороны Филиппа, так как теперь император считал себя связанным узами благодарности. Мирный договор был нужен Филиппу для того, чтобы начать тайные переговоры с французским королем о борьбе с протестантизмом во Франции и Испании – оба монарха прекрасно поняли друг друга, и вскоре тайный союз был заключен.

О монарших планах Вильгельм Оранский случайно узнал от французского короля Генриха II во время посещения Франции в качестве почетного заложника при заключении мира. Тайные переговоры должен был вести герцог Альба, но король Франции почему-то принял Вильгельма за участника заговора и поделился с ним планами. Недаром Вильгельм был прозван Молчаливым, он внимательно выслушал короля и принял решение начать борьбу, оставив Генриха II в полном неведении относительно сделанного им промаха.

Получив позволение уехать, Вильгельм Оранский поспешил возвратиться домой. Первым делом было составлено «прошение» генеральных штатов об удалении испанских солдат из Нидерландов. С этого момента Вильгельм Оранский и Филипп II стали ярыми противниками, хотя ранее принц не забывал о данном обещании Карлу V служить верно и его наследнику.

Так Вильгельм стал во главе оппозиции и, покинув пределы Голландии, принял на себя общее руководство восстанием.

В качестве германского владетельного князя Вильгельм имел право содержать собственную армию и флот, чем он и воспользовался, чтобы на свои средства и средства нидерландских патриотов, а также на гугенотскую субсидию снарядить войска для вторжения в Нидерланды.

Первый его отряд в количестве трех тысяч человек под командованием Виллара перешел границу в Жюльери (близ Маастрихта) и потерпел поражение 25 апреля 1568 года при Рермонде, а также между Эркеленцом и Далемом в столкновениях с испанским отрядом Санхо-де-Лодронье. Второй отряд, составленный из гугенотов под командованием де Коквиля, был разбит 18 июля 1568 года при вступлении в Артуа при Сан-Валери пикардийским губернатором маршалом де Лоссе и отброшен за границу. Третий отряд потерпел поражение при Жеммингене.

Однако эти неудачи не ослабили энергии Вильгельма Оранского, и в конце сентября 1568 года он успел сосредоточить в Трирской провинции, близ Ромерсдорфского монастыря, новую 40-тысячную армию. Желая взять реванш за свое поражение при

Жеммингене, Вильгельм двинулся в Брабант к Кейзерслаберу (близ Маастрихта), где в укрепленном лагере стояла испанская армия герцога Альбы, которая избегала решительного сражения.

29 раз принц менял позиции, и при каждом движении герцог следовал за ним, уклоняясь от сражения. Местное население отказывало принцу в продовольствии, опасаясь гнева Альбы. Недовольные наемники Вильгельма Оранского стали бунтовать, требуя уплаты денег, и ему с большим трудом удалось подавить возмущение в собственном лагере.

По-прежнему продолжались авангардные столкновения, но до сражения дело не доходило. Принц вынужден был отойти к Стокему, а оттуда к Тогру, куда за ним последовала испанская армия, стоявшая в непосредственной близости. От Тогра Вильгельм двинулся к Сент-Тронду, преследуемый войсками Альбы. Следуя к югу, в Жодуань, он взял направление на Ваверон, куда должно было подойти подкрепление французов графа Жанлиса, уже перешедших Маас у Шарлемона.

Подойдя к реке Гете 20 октября 1568 года, Вильгельм Оранский выдвинул 3-тысячный отряд, под прикрытием которого стал переводить армию на другой берег. Тогда герцог Альба выслал 4 тысячи пехоты и 300 конницы и без труда истребил отряд прикрытия.

Обманутый в своих надеждах на генеральное сражение и на поддержку местного населения, Вильгельм Оранский после поражения при Гете отошел к Ваверону, где в конце октября соединился с 3-тысячным отрядом Жанлиса. Восстание, которое могло бы стать всеобщим в случае одержанной победы, сделалось невозможным.

Мятежные вспышки в лагере повстанцев участились. И сам Жанлис, и другие французские офицеры стали требовать, чтобы принц оставил Нидерланды и двинулся на помощь гугенотам, которые возобновили религиозную войну. Однако против этого плана высказались германские наемники, которые не желали воевать против Карла IX во Франции.

В этих условиях Вильгельм Оранский вынужден был увести свои войска через Шампань и Лотарингию в Страсбург и там распустить. Уладив дела по уплате войскам жалованья, Вильгельм Оранский присоединился к отряду герцога Депона, набранному в Германии для поддержки французских гугенотов. Но вскоре произошел бой под Жарнаком, в результате которого гугенотская армия была разбита. Вильгельм Оранский с отрядом более тысячи всадников в сопровождении двух своих братьев присоединился к армии Колиньи. Новое сражение при Монконтуре окончательно уничтожило гугенотскую армию. Еще

раньше Вильгельм Оранский, переодевшись в простое платье, сумел пройти через неприятельский фронт и осенью 1569 года благополучно вернуться в Германию.

В течение 1571 года он занимался подготовкой новой экспедиции, направляя своих агентов в места, откуда можно было получить помощь. 1 апреля 1572 года его сторонники овладели крепостью Бриллем, жители которой присягнули Вильгельму Оранскому как королевскому наместнику Голландии. Это было началом нового восстания, скоро распространившегося по северным провинциям.

Но пока происходили все эти события, Вильгельм Оранский оставался в Германии, занятый набором войск и добыванием денег. Ему удалось набрать армию, состоявшую из 15 тысяч пехоты и 7 тысяч конницы, к которой присоединились еще 3 тысячи валлонцев.

7 июля он перешел через Рейн в Дуйсбурге, а 23 июля после сильной канонады овладел Рермондом. Здесь ему пришлось остаться на целый месяц, поскольку его войска из-за отсутствия денег отказывались от дальнейшего похода в Нидерланды. Только после получения гарантии голландских городов на трехмесячное жалованье Вильгельм Оранский 27 августа перешел Маас и двинулся через Диет, Тирлемон, Сихем, Луван, Мехельн и Термонд на Уденард и Нивель. Многие города пропускали его войска, другие откупались деньгами. Между тем город Монс, захваченный еще 23 мая братом Вильгельма Людовиком Нассауским, был осажден испанскими войсками дона Фредерико де Толедо и едва мог держаться. Вскоре после овладения Монсом Людовик послал графа Жанлиса во Францию за подкреплениями, причем просил его соединиться с войсками брата и только тогда общими силами начать наступление к Монсу. Однако предводитель гугенотов пренебрег этим советом и 19 июля потерпел поражение всего в двух милях от Монса. Лишь около сотни солдат смогли войти в Монс, и это была единственная помощь, полученная Людовиком из Франции, на которую он возлагал такие большие надежды.

В это время Вильгельм Оранский прибыл в Перонну, а герцог Альба – в лагерь испанских войск, осаждающих Монс. Положение Вильгельма вновь стало критическим. Он не мог ни атаковать Альбу в его лагере, ни послать подкрепления в осажденный Монс. 11 сентября 4-тысячное войско дона Фредерико заняло деревню Сент-Флориан близ крепости, в то время как армия самого Вильгельма Оранского располагалась лагерем в полумиле от названной деревни, у Герминьи, откуда он попытался ввести подкрепления в Монс.

В ночь на 12 сентября дон Фредерико сделал попытку атаковать лагерь Вильгельма Оранского. Шестьсот отборных мушкетеров под командованием Юлиана Ромеро, подкравшись к передовым постам оранжистов, перебили часовых и захватили повстанцев врасплох. В продолжение двух часов испанцы уничтожали противника, не подозревавшего о малой численности испанцев. Лишь после того как испанцы зажгли палатки, свет пожара показал оранжистам малочисленность противника. Однако, прежде чем они успели перейти в контратаку, Ромеро смог увести своих мушкетеров, не потерявших и 50 человек. У оранжистов же выбыли из строя более 600 человек.

Вильгельм Оранский вынужден был отвести свою армию к Нивелю, известив брата о неудаче экспедиции и посоветовав согласиться на капитуляцию на возможно приемлемых условиях.

19 сентября Монс капитулировал. Вильгельм Оранский, перейдя Маас, направился к Рейну. Перейдя его в Орсуа, он распустил свои войска и один вернулся в Голландию. Он более не надеялся на сбор новой армии и теперь лишь пытался помочь Гарлему, осажденному войсками дона Фредерико. Он отправлял в город продовольствие и припасы, сформировал в Лейдене 4-тысячный отряд де ла Марка, намереваясь ввести его в осажденный город, а после поражения, нанесенного этому отряду войсками Ромеро, собрал новый 2-тысячный отряд с семью орудиями и несколькими фургонами снарядов под командованием Батенбурга. Но и этот отряд постигла та же участь, что и первый.

В конце января Вильгельму Оранскому все же удалось провезти в город запас пороха и хлеба на 170 санях по льду Гарлемского озера и 400 человек подкрепления. Когда в конце февраля озеро вскрылось, Вильгельм Оранский обзавелся несколькими десятками судов различных размеров. Почти ежедневно стали происходить морские столкновения, пока наконец 28 мая испанская эскадра Буссю не нанесла поражение флоту оранжистов.

И все же Вильгельм Оранский попытался в июне предпринять третью экспедицию для оказания помощи Гарлему, направив с 5-тысячным отрядом Батенбурга 400 фургонов с запасами. 8 июня в сумерках отряд выступил из Сассенгейма и, возможно, благополучно дошел бы до осажденного города, если бы за два дня до этого почтовые голуби, несшие письма, в которых содержались подробности предстоящей экспедиции, не были бы подстрелены испанцами. Обнаруженная переписка была немедленно доставлена в лагерь дона Фредерико, и тот немедленно сделал соответствующие распоряжения. После

ожесточенного боя почти весь отряд Батенбурга был истреблен или рассеян. Последняя надежда на деблокаду Гарлема была потеряна, и 13 июля последовала его сдача испанцам.

После этого дон Фредерико атаковал город Алькмер, находящийся в конце полуострова между лагунами и лугами Северной Голландии, и к 21 августа 1573 года тесно обложил его. Три штурма, предпринятых испанцами, оказались неудачными, и огромные потери, понесенные атакующими войсками, произвели тяжелое впечатление на испанскую армию. Солдаты стали отказываться идти на новый штурм.

Зная об этом, Вильгельм Оранский приказал прорвать плотины, чтобы затопить страну и снести всю испанскую армию в море. Но его замыслы случайно стали известны дону Фредерико. 8 октября осада, продолжавшаяся семь недель, была снята, и испанские войска отошли к Амстердаму.

Три дня спустя голландская флотилия адмирала Дирозоона истребила в водах Северного моря численно превосходившую ее испанскую эскадру под командованием адмирала Буссю.

В следующем году Вильгельм Оранский начал действия по овладению Миддольбургом, занятым испанскими войсками Мондрабона, которому содействовала вся испанская армия под командованием Цунита Реквезенса, сменившего в Нидерландах герцога Альбу.

30 января 1574 года между Берген-оп-Зоом и Ромерсвалем произошло морское сражение, в котором испанская эскадра потерпела поражение, и 18 февраля осада Миддольбурга была снята. Иных успехов оранжистам достичь не удалось, и в сражении при Моокергейдене они потерпели поражение. В этом сражении погибли оба брата Вильгельма Оранского.

Но вскоре в испанской армии начались волнения, которые позволили Вильгельму оказать помощь Лейдену, осажденному войсками испанского генерала Вальдеса. В это время главная квартира Вильгельма Оранского располагалась в Дельфте, вблизи которого находилась крепость Поледерварт, 29 июля атакованная Вальдесом. Однако штурм удалось отбить, и принц сохранил свою позицию, единственную, которая позволяла надеяться освободить от осады Лейден. Он попытался устроить вокруг города наводнение, но эта попытка не удалась, и потому пришлось обращаться к другим средствам. Под руководством Вильгельма Оранского и его деятельного помощника адмирала Буазо было собрано более 200 судов и около 3 тысяч моряков. В ночь на 11 сентября оранжисты овладели Ландшейдином, но далее вода оказалась слишком мелкой для судов. 18 сентября вода вновь поднялась, и это дало возможность флотилии Буазо приблизиться

к осажденному городу. Испанцы были оттеснены в пояс фортов в непосредственной близости от Лейдена. После наступившего мелководья в ночь на 2 октября буря вновь подняла воду, что дало возможность флотилии Буазо подойти к осажденному городу, и 3 октября он был освобожден.

Однако попытка Вильгельма Оранского оказать помощь городу Зирик-Зее, осажденному войсками Мондрагена, не увенчалась успехом. 25 мая адмирал Буазо попытался ввести в город подкрепление с моря, но его атака испанских заграждений окончилась неудачей. 21 июня 1576 года Зирик-Зее сдался испанцам.

Сразу же после его капитуляции вспыхнул мятеж испанских войск. Солдаты заняли цитадели Гента, Антверпена, Прехта и Валансьенна, разграбили Алост, Маастрихт и Антверпен. Вильгельм Оранский воспользовался бунтом испанских войск, чтобы побудить государственный совет к общему собранию Генеральных штатов в Генте. Но гентская цитадель, господствовавшая над городом, пока находилась в руках испанцев и, несмотря на малочисленность гарнизона, держалась упорно. Только после того как Вильгельм Оранский прислал подкрепления из Зеландии, 8 ноября 1576 года цитадель пала.

За четыре дня до обнародования Гентского перемирия в Нидерланды прибыл новый наместник, сын короля Хуан Австрийский. Переговоры между ним и Вильгельмом Оранским ни к чему не привели, поскольку оба преследовали совершенно противоположные цели. Дон Хуан настаивал на восстановлении абсолютной власти короля и господстве в Нидерландах католицизма. Принц же требовал восстановления старой конституции и полной религиозной свободы.

К обеим сторонам уже прибыли подкрепления. 31 января 1578 года 30-тысячная испанская армия, состоящая из отборных испано-итальянских ветеранов, нанесла при Жемблу поражение нидерландским войскам и скоро овладела почти всей территорией Нидерландов. 1 октября Дон Хуан скончался, оставив преемником своего помощника Александра Пармского.

Между тем по инициативе Вильгельма Оранского северные провинции, видя ненадежность своего союза с южными и их нерешительность и постоянные колебания, заключили между собой так называемую Утрехтскую унию. Это положило начало особому федеративному государству. Уния была составлена на имя короля, но уже в 1581 году соединенные провинции отложились от Испании.

10 июля 1584 года Вильгельм Оранский был убит Балтазаром Жераром в Дельфте. Его гибель разрушила всякие надежды на

соединение всех Нидерландов в одну республику, и господство Испании над южными провинциями (Бельгией) продолжилось до 1714 года.

ХУАН АВСТРИЙСКИЙ (ДОН ХУАН АВСТРИЙСКИЙ) (1547—1578)

Испанский полководец и политический деятель.

Дон Хуан Австрийский родился в Германии, в городе Регенсбурге. Он был побочным сыном императора Священной Римской империи Карла V и, следовательно, по отцу принадлежал к династии Габсбургов. В отношении его матери единого мнения нет. Большинство его биографов склоняются к тому, что матерью дона Хуана была дочь регенсбургского бюргермейстера Барбара Бломберг (Блуменберг). Она принадлежала к знатной фландрской фамилии и считалась одной из самых красивых женщин своего времени. Когда любовь Карла V к ней угасла, Барбара Бломберг получила от императора большое приданое и была выдана замуж за Рехема – человека богатого, имевшего обширные поместья в провинции, но постоянно проживающего в Антверпене.

По другим сведениям, матерью Хуана Австрийского была более знатная дама, имя которой осталось тайной, так как она была принцессой крови.

Но кто бы ни была его мать, отец вначале не признал Хуана своим ребенком, и первые годы жизни мальчику пришлось провести на ферме одного богатого крестьянина. Простое деревенское воспитание, частые лишения и трудности первых лет жизни не сделали его характер грубым и жестоким. Напротив, в дальнейшем везде, и на поле битвы, и в светских салонах, его поначалу отличали благородство и изящество манер.

К концу жизни Карл V решил признать Хуана и открыл мальчику тайну его рождения. Он призвал его ко дворцу, щедро наградив крестьянина за заботу о ребенке. Карл V не наделил побочного сына материальными благами, но на смертном одре просил своего сына и наследника Филиппа II, которому дон Хуану приходился братом, позаботиться о молодом человеке и помочь ему получить духовное образование.

Хуан стал воспитываться вместе с Александром Фарнезе и инфантом доном Карлосом в королевском дворце Мадрида. Среди своих сверстников он быстро завоевал авторитет своей ловкостью в играх и военных упражнениях. Никто лучше него не мог

усмирять неукротимых лошадей.

По завещанию Карла V, определившего для сына духовную карьеру, дон Хуан три года обучался в университете в Алкале. Однако характер сильного и красивого юноши, склонного к опасным приключениям, не раз побуждал его убегать на военные суда, на которых он в 1564—1568 годах принимал участие в операциях испанского флота против турок и пиратов.

Занявший престол после смерти отца Филипп II относился к младшему брату с любовью и, вопреки воле родителя, решил дать брату возможность стать военным. Вскоре он назначил дона Хуана главнокомандующим в экспедиции против мавританских инсургентов Гренады, но при этом обязал его не предпринимать ничего без согласия военного совета, состоящего при главнокомандующем. Понимая, что в этом случае экспедиция может не достичь поставленной цели, дон Хуан все же настоял на разрешении действовать самостоятельно.

Имея в своем распоряжении армию (24 тысячи человек), к которой примкнули собравшиеся со всех концов Испании волонтеры, дон Хуан в январе 1570 года двинулся к старой крепости Галере. Гарнизон крепости, состоящий из 6 тысяч мавров, оказывал сопротивление до последнего, но 11 февраля 1570 года крепость пала; все ее защитники были изрублены, а сама Галера разрушена до основания.

Весной 1570 года в руки дона Хуана постепенно перешли Альбухара, Серон, Типола, Турчас и вся провинция Рио д'Альмансора. Мавры были изгнаны из Испании, а попавшие в плен были проданы в рабство.

В своей первой войне дон Хуан проявил не только личное мужество, но и военный талант. Однако быстрые успехи вскружили ему голову и развили в нем страшное самомнение, сделав его надменным и доведя его честолюбие до крайних пределов.

При дворе на дона Хуана смотрели как на будущего наследника престола в случае внезапной кончины болезненного дона Карлоса, с которым у него отношения не сложились еще в детстве. Словно подтверждая эти мысли, Филипп II устроил для дона Хуана двор и предоставил ему привилегии, обычно даваемые инфантам.

В 1571 году было совершено нападение турок на принадлежавший венецианцам остров Кипр. Чтобы преградить путь турецкой экспансии на Средиземном море, Филипп II, папа Пий V и Венецианская республика заключили между собой союз, направленный против общего врага; этот союз получил название Священная лига. Вскоре к союзу присоединились Мальта и целый

ряд итальянских государств: Генуя, Неаполь, Сицилия, Савойя, Тоскана, Парма и др. Силы союзников насчитывали около 200 галер, 100 кораблей, 50 тысяч пехоты и 4, 5 тысячи конницы. Дон Хуан получил звание главнокомандующего союзным флотом и приказ «вести крест против полумесяца». Сборным пунктом для кораблей союзников был назначен Отранто.

В начале октября корабли союзников вышли в море и у гавани Лепанто в заливе Патраикос встретились с силами турецкого флота под командованием Али-паши, у которого было 210 галер и 66 галиотов.

В начале сражения (6 октября) шесть венецианских галеасов, выдвинутых перед фронтом галер, артиллерийским огнем расстроили боевой порядок турецкого флота, который не имел даже артиллерии. Это вынудило турецкого главнокомандующего идти на абордаж первой линии союзных кораблей. Однако преимущество здесь также было на стороне союзников, встретивших турок, вооруженных лишь холодным оружием и луками, огнем из аркебузов.

К концу сражения турецкий флот потерпел полное поражение, потеряв 224 корабля, из которых 117 было захвачено союзниками. Потери войска дона Хуана не превышали 15 галер. Из неволи было спасено 12 тысяч христианских рабов, томившихся в турецкой неволе. Сражение у Лепанто стало «лебединой песней» галерного флота. Оно показало, что турецких моряков можно побеждать. Однако на сам ход войны победа при Лепанто не повлияла. Антагонизм, царивший между членами Священной лиги, помешал им довести разгром Турции до конца и позволил туркам построить новый флот и удержать остров Кипр.

Победители вернулись в Мессину, и скоро Филипп II охладел к борьбе на Востоке, занявшись другими делами. Он очень подозрительно смотрел на своего младшего брата, стремившегося к самостоятельному положению.

С испанской эскадрой дон Хуан осенью 1573 года высадился на африканский берег, взял Тунис и разрушил Бизерту. Он уже составил план создания здесь собственного государства и надеялся в этом на помощь папы, также желавшего преобразования Триполи в христианское государство, королем которого стал бы дон Хуан. Однако когда дон Хуан обратился к Филиппу II с просьбой признать его королем Туниса, то получил от своего брата не только отказ, но и приказ снести стены Туниса. Король не желал тратить свои силы и средства на защиту такого отдаленного города.

Впоследствии, когда дела отвлекли дона Хуана в Северную Италию, вице-короли Неаполя и Сицилии по приказу из Мадрида

сдали туркам не только Тунис, но даже Гелетту, находившуюся в испанских владениях еще со времени походов Карла V.

По окончании войны Филипп II сделал брата генерал-губернатором Милана, а с 1576 года – королевским наместником в Нидерландах. Однако дон Хуан считал эти посты слишком мелкими для себя и мечтал о собственном государстве. Отношения его с Филиппом II резко ухудшились. В нем стало заметно проявление мелкого тщеславия, напоминая всем, что он сын императора. Ранее романтически настроенный, дон Хуан стал теперь бессердечно относиться к своим возлюбленным и к своему многочисленному потомству. Вместе с тем он продолжал лелеять романтические планы освободить находящуюся в заключении в Англии Марию Стюарт и жениться на ней. План этот поддерживал папа, и теперь дон Хуан рассчитывал на его помощь.

Эти мечты рассеялись, когда брат назначил его правителем Нидерландов. Вначале дон Хуан сумел завоевать расположение голландцев, помнивших его отца, к которому они всегда относились с большой симпатией, но затем ситуация осложнилась.

Незадолго до прибытия Хуана в Нидерланды в Генте 8 ноября 1576 года было заключено соглашение между католическими и двумя кальвинистскими провинциями (Голландией и Зеландией) о борьбе за изгнание испанских войск и уничтожение порядков, заведенных здесь герцогом Альбой и его преемниками. От дона Хуана требовалось одобрение этого соглашения и удаление из Нидерландов испанских войск. Лишь после этого он мог быть признан королевским наместником Нидерландов. Вильгельм Оранский вначале советовал арестовать дона Хуана, а затем оставил это намерение и теперь лишь вредил его авторитету.

В январе 1577 года дон Хуан заключил с Генеральными штатами так называемую Брюссельскую унию, преобразованную в феврале в «постоянный эдикт», по которому подтверждалось Гентское соглашение, восстанавливались права и вольности 17 провинций, утверждались права принца Оранского в качестве штатгальтера Голландии и Зеландии. Дон Хуан лишь требовал взамен господствующего положения для католической религии.

В мае 1577 года дон Хуан торжественно въехал в Брюссель, восторженно встреченный голландским населением. Однако скоро он стал тяготиться своим положением и мечтал поскорее уехать из Нидерландов «от этих величайших негодяев, которые скорее им управляют, чем он ими», как он писал в одном письме. Дон Хуан просил Филиппа II прислать ему замену, а Генеральным штатам объявил, что нужно подождать с отъездом испанских солдат. Эти солдаты были нужны ему для воплощения в жизнь его

планов освобождения Марии Стюарт.

В своих планах он натолкнулся на препятствия как в лице Генеральных штатов, требовавших скорейшей эвакуации испанских солдат, так и в лице Филиппа II, который не желал, чтобы дон Хуан ради своих абсурдных замыслов уходил с занимаемого им поста. Его доверенный секретарь Эскобедо (тайный агент Филиппа II) вступил в тайные переговоры с любимцем короля Антонием Перецем и через него старался повлиять на короля. Однако Перец, сохраняя преданность своему монарху, выдавал все тайны дон Хуана и тем самым настроил его против брата.

Наконец Филипп II потерял терпение и приказал испанским войскам оставить Нидерланды. Это привело к крушению всех замыслов дона Хуана, который пытался до последнего удержать испанские войска в Нидерландах, вынашивая новые планы: захватить в союзе с Гизами короны Испании и Франции или, пользуясь болезнью своего брата, захватить в свои руки правление королевством. Он даже затеял переписку с английской королевой Елизаветой, мечтая с помощью брака с ней получить британскую корону.

Безрассудные действия брата возбуждали все большее недовольство Филиппа II, который предпочитал держать его в Нидерландах, окружив своими шпионами, доносившими о каждом его шаге.

И лишь в одном испанский король сумел найти общий язык с правителем Нидерландов – в стремлении избавиться от принца Вильгельма Оранского. Однако дон Хуан пока не находил подходящего исполнителя для своих замыслов.

Все шло к полному освобождению Нидерландов от испанского владычества. Генеральные штаты уже не обращали внимания на королевского наместника, Голландия и Зеландия отказывались признавать Нантский эдикт, а принц Вильгельм Оранский готовил войну против Испании.

В больших городах Нидерландов городская армия оскорбляла не только свиту правителя, но и его самого, дело доходило до открытых нападений на дона Хуана. Он снова послал в Мадрид Эскобедо и потребовал у своего брата возвращения в Нидерланды испанских войск и предоставления больших денежных средств, обещая навести в Нидерландах порядок.

В июле 1577 года немногочисленная, но хорошо организованная армия (22 тысячи человек) выступила из Люксембурга под командованием дона Хуана и 24 июля овладела Намюром и Шарльмоном. Создался плацдарм, удобный для дальнейшего наступления на Нидерланды. Однако это имело

совершенно противоположные последствия: католическое дворянство Нидерландов, ранее поддерживавшее дона Хуана, теперь перешло на сторону Генеральных штатов и потребовало его отзыва из Нидерландов.

Король назначил вместо дона Хуана Маргариту Пармскую, но Генеральные штаты уже сами призвали в генерал-губернаторы эрцгерцога Матвея и заключили союз с королевой Елизаветой Английской.

В январе 1578 года дон Хуан собственной властью ввел в Нидерланды испанские войска и 31 января с помощью Александра Фарнезе наголову разбил нидерландские войска при Исембле, потеряв лишь 10 человек. Свою победу он завершил покорением Фландрии, Брабанта и Беннегад и рассчитывал скоро овладеть столицей Нидерландов. Однако сил для этого у него было недостаточно, а для занятия Брюсселя нужно было разрешение Филиппа II. Силы для покорения главных политических центров революции у дона Хуана также не хватало.

В ожидании денег и дополнительных войск он бездействовал в лагере Бухе (близ Намюра), в то время как Вильгельм Оранский энергично готовился к войне. Нидерландская армия под командованием Боссо (20 тысяч пехоты и 10 тысяч конницы) уже сосредотачивалась у Лиера, сюда же прибывали наемники из Германии.

В целях воспрепятствовать соединению Боссо с наемниками дон Хуан в конце июля 1578 года перешел реку Демер и двинулся к Лиеру, стремясь атаковать Боссо до прихода немцев. Несмотря на то что Александр Пармский и другие военачальники указывали ему на неприступность позиции у Рименана, он все же 1 октября 1578 года атаковал их, но был отбит и отступил.

Дон Хуан снова стал требовать у Филиппа II денег, а также чтобы он прислал к нему Эскобедо. Но король не только не присылал ему денег, но и тайно приказал убить в Мадриде Эскобедо по обвинению в государственной измене, о чем дон Хуан так и не узнал.

На помощь кальвинистам Елизавета Английская и пфальцграф Казимир прислали 50-тысячное войско. Французы также двигались на помощь своим землякам в Нидерландах. Боссо уже перешел Маас и теперь приближался к Шиме. Дон Хуан имел в своем распоряжении лишь 17-тысячное войско. В его армии стала свирепствовать чума, уносившая сотни жизней.

Все чаще дон Хуан сознавал крушение своих планов и неудачу всей своей жизни. Он заболел и 1 октября 1578 года на 32-м году жизни скончался в своем военном лагере.

ГЕНРИХ I ГИЗ (1550—1588) *Герцог Лотарингский, коннетабль Франции (1580).*

Во второй четверти XVI века во Франции обострились религиозные противоречия. Вместе с социальными и политическими они сплелись в единый клубок и, приняв обычные для того времени религиозные лозунги, положили начало религиозным войнам. Южные области страны, помнившие еще ересь альбигойцев, оставались центром оппозиции королевской власти, и в большинстве своем жители этих областей исповедовали протестантизм. Во Франции сторонники протестантизма стали называться гугенотами. Север и королевский двор оставались католическими. Борьбу за власть и свое влияние в стране развернули различные династические группировки. Во главе католиков встали представители династии Гизов.

Гизы по своему происхождению не принадлежали к родовой французской знати, поэтому их часто называли чужестранцами. Эта династия является боковой веткой Лотарингского дома, который, в свою очередь, берет начало от эльзасского графа Герхарда, ставшего в 1048 году герцогом Верхней Лотарингии. Герцогство принадлежало представителям Лотарингского дома до 1431 года, а затем оно перешло к принцу из боковой линии рода Валуа Рене I Доброму, герцогу Анжуйскому и графу Прованскому.

Но уже в следующем поколении оно было возвращено представителям Лотарингской династии, благодаря браку дочери Рене I Иоланты с графом Фридрихом Водемоном из династии Лотарингов. Их романтическая история любви послужила сюжетом оперы П.И. Чайковского «Иоланта». Младший сын Фридриха и Иоланты Рене II, получивший во владение графство Гиз и вошедший в историю как победитель Карла Смелого герцога Бургундского в битве при Нанси, был отцом Клода Лотарингского (1496—1550), который и стал основателем династии Гизов. В 1506 году Клод принял французское подданство, и с этого времени Гизы находились на службе при французском дворе. В историю Франции представители этого рода вошли как знаменитые военачальники и как кардиналы. Своему возвышению при дворе они обязаны во многом Диане де Пуатье.

В 1512 году Клод Лотарингский женился на принцессе крови Антуанетте Бурбонской. К графству Гиз Клод приобрел во Франции Омаль, Жуанвиль, Эльбеф и Майенн, что значительно расширило территорию графства. Кроме того, Клод имел владения в Пикардии и Нормандии. Он был приближен ко двору Франциска I, который возложил на него миссию по охране и защите северных и восточных границ Франции. Во время крестьянских войн он разгромил восставших в Лотарингии, и его деятельность была высоко оценена королем. В 1527 году графство Гиз было возведено в герцогство, а сам Клод приобрел титулы герцога и пэра – привилегии, которые жаловались всего пять раз, причем в трех случаях их были удостоены члены королевской семьи. Брак Клода и Антуанетты был многодетным – пять дочерей и шестеро сыновей. Герцог и пэр Франции даже породнился с шотландским королевским домом, выдав старшую дочь Марию замуж за Якова V Стюарта. Брат Клода Жан (1498—1550) стал в 1518 году первым кардиналом Лотарингским и был влиятельным государственным деятелем при королях Франциске I и Генрихе II.

Сыновья Клода прославились при последних королях из династии Валуа. Род Гизов отличался удивительной сплоченностью, во многом способствовавшей их быстрому продвижению, хотя представители этой большой семьи выбрали разные пути – армию и церковь. Старший сын Франсуа Лотарингский (1519—1563) был известным военачальником. Он был назначен главнокомандующим войсками в Меце, важном стратегическом пункте, открывавшем путь в Германию и Нидерланды. Франсуа Гиз превратил город в неприступную крепость, что помогло ему противостоять с 20-тысячным гарнизоном города 60-тысячному войску Карла V, заставив последнего навсегда оставить идею о создании буферного государства между Германией и Францией. Следующим военным успехом Франсуа было взятие Кале – последнего владения англичан во Франции. После этой победы Франсуа с большим неудовольствием встретил известие о перемирии. Он резко осуждал такой поворот событий и не скрывал своих позиций от короля Генриха II, считая, что национальные интересы Франции требуют продолжения войны.

Брат Франсуа Карл, кардинал Лотарингский, был прямой ему противоположностью. Это был умный и тонкий политик, снискавший славу как знаток теологии, древних языков и меценат. Карл обладал даром красноречия и поддерживал самые добрые отношения с Эразмом Роттердамским и Франсуа Рабле. Он был одним из самых богатых иерархов – владел 30 архиепископствами, 9 епископствами и 5 аббатствами, получая

ренту в 300 тысяч ливров. Он поддерживал связи с иезуитами, содействовал открытию католических университетов и коллежей, и как ярый защитник католицизма он пользовался большой популярностью.

Могущество и авторитет братьев Гизов возрастали, а в период кратковременного царствования Франциска II они прибрали к рукам всю власть в стране. Король находился под большим влиянием не только братьев Гизов, но и своей супруги – Марии, их племянницы. Став ярыми католиками, они повели борьбу против гугенотов, в основном, против их руководителей – представителей рода Бурбонов. Раскрытие заговора в Амбуазе в 1560 году, направленного против Гизов, дало им повод для ареста принца Конде – он даже был приговорен к смертной казни. Но со смертью Франциска II положение несколько пошатнулось, но ненадолго. На престоле Франции оказался малолетний Карл IX, а регентшей при нем – его мать, Екатерина Медичи. Католиков по-прежнему возглавляли Гизы, а гугенотов – Людовик Конде и адмирал Колиньи. Понимая, что и те и другие стремятся к королевской короне, Екатерина Медичи решила поддерживать вражду между двумя этими партиями, надеясь, что они взаимно уничтожат друг друга. Вначале она предоставила принцу Конде важный государственный пост, что вынудило оскорбленного этим Франсуа Гиза удалиться в Лотарингию. Но вскоре он был снова призван в Париж. По пути в столицу Франсуа Гиз организовал избиение протестантов в Васси, и эта резня положила начало непримиримой войне между католиками и гугенотами. Случилось это в марте 1562 года. Война кипела, войсками Гизов были взяты Руан, Бурж и ряд других городов. Гугеноты были разбиты при Дре, и Франсуа подошел к Орлеану. Тогда адмирал Гаспар де Колиньи решил избавить своих приверженцев от фанатичного католика, их постоянного гонителя Гиза, посредством тайного убийства.

Когда Франсуа Гиз находился под Орлеаном, к нему в лагерь явился бедный дворянин-гугенот Польтро дю Мерэ, с предложением помощи в борьбе против своих бывших единоверцев. Гиз оставил его у себя на службе и всячески обласкал. Но через два дня, во время вечерней прогулки по лагерю, на Франсуа Гиза было совершено покушение – он был ранен пистолетным выстрелом из-за ближайших кустов. Пуля, попавшая в Гиза, была отравленной, и через девять дней он скончался. Дю Мерэ был схвачен и на допросе признался, что действовал по приказу Колиньи. После суда дю Мерэ был четвертован, но что касается Колиньи, то он даже не был привлечен к судебному разбирательству по распоряжению

Екатерины Медичи.

Но смерть Франсуа Гиза не прекратила войны. При взятии Жарнака в плен к католикам попал принц Конде, который вопреки приказу был убит гвардейским капитаном Монтескье.

В августе 1570 года в Сен-Жермене было заключено (третье) перемирие между враждующими сторонами. Дальновидный адмирал Колиньи подозревал, что заключение перемирия – это очередная уловка. Даже кардинал Лотарингский (Карл Гиз) выказывал необычайную уступчивость и кротость, хотя перевес партии Гизов был значительным. Да и королевский двор проявил необыкновенную веротерпимость – 14 октября 1571 года именным указом Карла IX гугенотам были подтверждены все прежние права с присоединением к ним новых льгот и привилегий. Для самого Колиньи в замке Блуа был устроен роскошный прием, на котором он был в центре внимания и особой заботы короля и его матери. Он был щедро одарен деньгами и имуществом, и ему было позволено всегда иметь при себе отряд телохранителей. Здесь, в Блуа, король и Гизы, заручившись поддержкой со стороны папы и проведя тайные переговоры с герцогом Альбой, приняли решение о подготовке массовой резни гугенотов, вошедшей в историю как Варфоломеевская ночь. Для того чтобы собрать все знатные протестантские семьи в Париже, было принято решение о женитьбе сестры Карла IX Маргариты и короля Наваррского Генриха (в дальнейшем стал французским королем Генрихом IV). Для получения разрешения папы Пия V на этот брак была предпринята переписка, а для личных переговоров в Рим был направлен кардинал Карл Лотарингский. Являясь одним из главных организаторов Варфоломеевской ночи, сам кардинал во время ее проведения отсутствовал в Париже, выехав в Рим в конце мая 1572 года. Прибывшие на свадьбу Генриха и Маргариты гугеноты веселились в Париже, не предполагая, что очень скоро станут жертвами ужасной кровавой резни.

Но в Париже в это время оставался сын убитого Франсуа Гиза Генрих, который вместе со своим дядей стоял во главе заговора против протестантов. Он родился 31 декабря 1550 года и был, пожалуй, самым популярным не только в армии, но и в народе представителем династии Гизов. В историю он вошел под именем Генриха I le Balafre – «со шрамом». Воспитывался он при дворе французского короля Генриха II и с детства стремился к военной карьере. Воинскую науку Генрих изучал под руководством своего отца. Уже в 1563 году он принимал участие в осаде Орлеана, проявив, несмотря на ранний возраст, храбрость воина, закаленного в боях. Под стенами Орлеана был убит его отец, чему

Генрих был свидетелем. С тех пор он сделался непримиримым врагом протестантов.

По достижении 16-летнего возраста Генрих отправился в Венгрию воевать с турками. По возвращении из Венгрии отличился в сражениях при Жарнаке, Монконтуре и победоносно защищал Пуатье против войск Колиньи. В то время ему было всего 19 лет, но он стал знаменит во всей Франции.

В битве при Шато-Тьерри (Дормансе) Генрих сумел разгромить 30-тысячный корпус немецких войск, шедший на помощь гугенотам. В этом сражении он был ранен ударом палаша в щеку, оставившего на его лице шрам, который и дал ему прозвание. Кстати сказать, такое же прозвание из-за шрама, полученного в сражении, имел и его отец.

Генрих Гиз был красивым мужчиной, обладал даром красноречия и умел произвести впечатление. Он мог быть простым и надменным, но всегда тактичным. Ему удалось покорить сердце и Маргариты Валуа, сестры Карла XI, что вызвало негодование как у короля, так и у его матери Екатерины Медичи. Чтобы как-то сгладить ситуацию и успокоить царствующих особ, Генрих женился на вдове принца де Порсиена. Его семейная жизнь не была образцом супружеской верности, но очень скоро Генрих сумел отбить охоту ухаживать за своей женой у всех претендентов, убив одного из поклонников супруги – красавца Сен-Мегрена. Узнав о том, что Сен-Мегрен решил стать любовником его жены, Генрих Гиз при помощи подложного письма заманил его в западню, где наемные убийцы довершили дело. Даже король, чьим фаворитом был Сен-Мегрен, не мог ничего предъявить Гизу, так как по законам того времени герцог был совершенно прав, защищая семейный покой.

Гиз был одним из инициаторов Варфоломеевской ночи и, чтобы отомстить за своего отца, принял на себя убийство Колиньи. (За несколько дней до Варфоломеевской ночи на адмирала Колиньи было совершено покушение, но он был только ранен, а тот, кто нанес ему рану, спрятался в доме Гиза и его «никак не могли сыскать» для должного наказания.)

В ночь святого Варфоломея около 11 часов вечера по распоряжению Генриха Гиза в Лувре были блокированы король Генрих Наваррский и принц Конде. Все дома, где в Париже располагались гугеноты, были помечены знаками. В зале городской ратуши собрались вооруженные католики, и перед ними выступил с проникновенной речью за истинную веру Христову сам герцог Гиз, призывая покончить с гугенотами. Затем Генрих Гиз и его приближенные отправились к дому Колиньи. В то же время удар колокола церкви Святого Германа известил о

начале расправы над гугенотами. Подойдя к дому адмирала, Генрих Гиз потребовал, чтобы ему и его отряду открыли дверь. Ворвавшись в дом, капитан Аттен, Бем, Сарлабу и солдаты нанесли адмиралу Колиньи множественные раны, от которых тот скончался. По приказу Гиза его труп был выброшен из окна, а утром отвезен на живодерню и повешен на цепях головой вниз, где провисел еще несколько дней. Так Генрих отомстил за смерть своего отца.

Когда по восшествии на престол Генриха III протестантам были сделаны некоторые уступки, Гиз в 1576 году выступил ярым защитником «истинной веры». Прикрываясь преданностью католической вере, Генрих Гиз строил далеко идущие планы – овладение французской короной. Именно к этому времени относится составленное для Гизов генеалогическое древо, где их род возводился практически к Карлу Великому и не уступал по знатности происхождения королевскому. По всей стране Гиз вербует своих союзников, создавая тайные общества защитников католицизма. Центром обществ, опутавших всю Францию, был Париж, в котором находился центральный комитет организации, получившей название Священной лиги. Генрих Гиз рассчитывал, что при помощи Лиги ему будет легче прийти к власти. Гизов поддерживал и римский папа, с которым велась постоянная переписка. Один из курьеров Гиза скончался по пути в Рим, и при нем были обнаружены письма для папы, из которых король Генрих III и узнал о существовании Лиги. Понимая, какую опасность представляла Лига для него лично, он сам вступил в нее и именным указом одобрил ее существование и встал во главе Священной лиги. После этого для Гиза Лига потеряла всякий смысл, и он великодушно предоставил королю заниматься борьбой с гугенотами, а сам занялся созданием нового союза. Затем началась новая междоусобная война, закончившаяся в 1580 году неблагоприятным для протестантов Перигорским миром.

Слабость короля побудила герцога возобновить Лигу в надежде проложить себе дорогу к престолу. Смерть герцога Алансонского в 1584 году, последнего брата Генриха III, открывала Гизу прямой путь к короне, так как с кончиной бездетного короля род Валуа должен был прекратиться. Ближайшими наследниками были король Наваррский Генрих и принц Конде, но они были протестантами, и герцог Гиз, пользуясь этим обстоятельством, употребил все силы, чтобы их, как еретиков, удалить от наследования престола Франции. Он вступил в союз с Филиппом II Испанским и с папой и наводнил в 1585 году города южной и восточной Франции войсками своей партии. Король был вынужден заключить договор, по которому во

Франции, кроме католического, не должно быть терпимо никакое другое вероисповедание. Это дало повод к так называемой войне трех Генрихов. В этой войне Генрих Наваррский возглавлял гугенотов, а Генрих Гиз – католиков.

В Париже вместо прежнего центрального комитета Лиги был учрежден Совет шестнадцати, в который кроме Генриха Гиза вошли и его братья – Карл, кардинал Лотарингский и Людовик, герцог Майенский. В планы Совета входило свержение короля Генриха III и заточение его в монастырь, а на место короля Франции была выдвинута единственная кандидатура – Генриха Гиза. Несколько раз заговорщики были готовы осуществить свой замысел, но каждый раз король узнавал о нем благодаря доносам одного из членов Совета шестнадцати Николя Пулена и был готов к обороне. Положение короля с каждым разом становилось все более шатким. Его распоряжения не выполнялись, приказы игнорировались. Так, в сентябре 1587 года был дан приказ для ареста приходских священников, являвшихся сторонниками Гиза и проводивших за него агитацию в своих приходах. Когда же по приказу короля солдаты пришли их арестовывать, прихожане с оружием в руках выступили на их защиту, и королю пришлось дать всем священникам прощение. В другой раз король приказал сестре Гизов госпоже Монпансье покинуть Париж в 24 часа, но она и не подумала этого делать, продолжая появляться открыто как в городе, так и на приемах.

В том же 1587 году произошел ряд сражений между войсками Гиза и короля Наваррского. Последнему удалось одержать победу над католиками в битве при Кутре, и Генрих Гиз направил все силы на борьбу с немецкими наемниками, прибывшими на помощь гугенотам. Окончательно разгромить их ему удалось в сражении при Оно (4 ноября 1587 года), после которого лишь небольшая часть немецких наемников смогла спастись бегством. За эту победу герцогу Гизу папа прислал в награду священный меч, и его специальным решением король Наваррский и принц Конде были лишены права на французскую корону.

В дальнейшем Гиз стал просить короля Генриха III о решительных действиях против гугенотов, вплоть до их полного истребления. Король на это не соглашался и даже запретил герцогу приезжать в Париж.

Все время король проводил в Лувре, окруженный телохранителями. Весной 1588 года он получил от Генриха Гиза очень любезное письмо с просьбой о разрешении приехать в Париж. Король снова отказал Гизу в его просьбе, но, несмотря на это, Генрих Гиз прибыл в Париж в мае 1588 года и был восторженно встречен горожанами. Обстановка в столице

накалялась, и король отдал приказ подтянуть к Парижу все войска, расположенные в окрестностях. Екатерина Медичи взяла на себя роль примирительницы сына с Генрихом Гизом, а при личной встрече последний уверял короля в своей верности. Но это не разрядило обстановку. Вошедшие в столицу войска народ встретил оружием и камнями, а на улицах быстро устраивались завалы. День 12 мая вошел в историю Франции как день баррикад. Для усмирения волнений Гиз предложил королю свою помощь, на которую тот был вынужден согласиться.

Герцога Гиза парижане встречали ликованием, мятеж вскоре прекратился. Но Генрих III на следующий день выехал из столицы в Шартр. Затем под давлением Гиза был обнародован очень неблагоприятный эдикт для протестантов, а Гиз получил титул коннетабля Франции. Для упрочения такого положения дел в Блуа были созваны генеральные штаты, и теперь Гиз достиг полного могущества, но нерешительность герцога помешала ему сделать последний шаг к заветной короне. Все это побуждало короля Генриха III покончить с ненавистным временщиком.

Начальник королевской гасконской стражи Лоньяк принял на себя исполнение решения короля. Находясь в Блуа, герцог Гиз был предупрежден Маргаритой Наваррской о готовящемся на него покушении, но он был уверен, что его популярность в народе и высокое положение при дворе гарантируют ему полную безопасность. Утром 23 декабря 1588 года он отправился на королевский совет и в приемной короля подвергся нападению королевской стражи. Он скончался на месте от множественных ран, нанесенных ему мечами и кинжалами. Его брат, кардинал Лотарингский, был убит на следующий день.

Весть о гибели братьев Гизов поразила не только Париж, но и всю Францию. На голову Генриха Валуа сыпались проклятья, и народ требовал мщения за убийство герцога и кардинала. Во главе Лиги встал брат убиенных герцог Майенский. Францию снова охватила война. В августе 1589 года был убит король Генрих III. Его убийцей стал Клеман, вызвавшийся отомстить королю за лишение церкви ее опоры в лице покойного герцога Гиза. Весть о смерти короля парижане встретили ликованием, отметив это событие пиршествами и иллюминацией.

Могущество династии Гизов еще некоторое время поддерживалось герцогом Майенским, но вскоре стало угасать. Последней представительницей старшей ветви Лотарингского дома Гизов была Елизавета Орлеанская. Старшая ветвь Гизов пресеклась в 1696 году, а младшая дала начало династии Аркур-Арманьяков. Владения Гизов перешли к роду Конде и их ближайшим родственникам.

ФИЛАРЕТ
(ок. 1554—1633)
В миру Романов Федор Никитич, государственный деятель, патриарх (с 1619).

Романовы – самая известная в истории России царская, а с 1721 года императорская династия. Свой род Романовы ведут от литовского вельможи Глянды Давыдовича Камбила, который, по преданию, был потомком литовских князей. В России он появился около 1280 года и после крещения получил имя Иоанн. Эти сведения уходят во времена легендарные. А подтвержденное историческими документами, одним из которых является «Государев Родословец», составленный при Иване IV Грозном, начало династии возводится к реальному лицу – Андрею Ивановичу Кобыле, время жизни которого приходится на XIV век. В том же «Родословце» есть запись: «Род Кобылин. У Андрея у Кобылы пять сыновей: Семен Жеребец, Александр Елка, Василий Ивантей, Таврило Гавша и Федор Кошка». Ветвь младшего сына, Федора Кошки, и ведет в дальнейшем к Романовым. О высоком положении при дворе самого Федора говорят следующие факты: его подпись стоит на духовном завещании князя Дмитрия Ивановича Донского, а в 1380 году, когда князь Дмитрий шел на битву с Мамаем на Куликово поле, свое семейство он оставил под охраной Федора Кошки с наказом хранить родных и беречь Москву.

Дочь Кошки была выдана замуж за Федора, сына князя Михаила Александровича Тверского. Из пяти сыновей Федора Кошки самым знаменитым стал Иван Федорович, имевший большое влияние на государственные дела при великом князе Василии. Он и его дети носили фамилию Кошкиных. К началу XV века род Кошки дважды породнился с домом московских князей – внучка Федора Кошки стала женой Боровского князя, правнука Ивана Калиты, а их дочь взял в жены великий князь Василий Васильевич.

Иван Федорович, в свою очередь, имел четырех сыновей. От его младшего сына – Захария – род получил фамилию Захарьиных. Он возвысился при князе Василии Васильевиче, чьим родственником он был. Его имя не раз встречается в летописях, а три его сына – Яков, Юрий и Василий – стали родоначальниками

самостоятельных ветвей династии Захарьиных-Кошкиных. Средний сын Юрий был боярином и воеводой при великом князе Иване III. Он прославился во время войны с литовским князем Александром и успешно воевал против Константина Острожского. Юрий был женат на Ирине Ивановне Тучковой-Морозовой, брак с которой дал ему шестерых сыновей и дочь. При Юрии Захарьевиче род писался с двойной фамилией – Захарьевы-Юрьевы. Более других из детей Юрия продвинулись по службе Михаил и Роман, но ни один из них не пользовался таким влиянием при дворе, как их предки. Роман Юрьевич – по имени которого весь род и стал Романовыми – скончался в 1543 году, достигнув чина окольничего. Он оставил после себя троих сыновей и двух дочерей. Младшая его дочь – Анастасия – стала первой и любимой женой царя Ивана IV Грозного, породнив свой род еще раз с родом Рюриковичей. Этот брак позволил Романовым значительно возвыситься и усилить влияние на государственные дела. Брат Анастасии, Даниил, стал думным боярином и дворецким царя Ивана IV. Он участвовал в походе на Казань и взял приступом острог Арский. Сама Анастасия имела на мужа огромное влияние, и за 13 лет супружества ей удавалось сдерживать порывы гнева своего мужа. Как писал летописец: «… предобрая Анастасия наставляла и приводила Иоанна на всякие добродетели». Со смертью царицы подозрительность царя усилилась, что привело страну к кровавой драме. В период опричнины Романовы не только не пострадали, но и усилили свое положение. Младший брат царицы Анастасии – Никита – стал ближайшим советником царя Ивана и часто (как в свое время и его сестра) мог укрощать царский гнев, чем заслужил в народе особую любовь. После смерти Ивана IV Никита Романов занимал высокое положение при царе Федоре Иоанновиче, оспаривая свое влияние на молодого царя у царского шурина – Бориса Годунова. Никита Романович скончался в 1586 году, и с его смертью род Романовых потерял главную опору, и его представители уже не могли вести активную борьбу с Годуновым.

Кроме царствующего рода, Романовы породнились со многими древними боярскими фамилиями – Одоевскими, Милославскими, Головиными, Сабуровыми, Морозовыми и другими. В дальнейшем при решении вопроса о выборе царя в начале XVII века это сыграло большое значение. А пока им пришлось уступить царскому шурину свое влияние на царя Федора.

В январе 1598 года царь Федор Иоаннович скончался, и на престол вступил Борис Годунов. Для Романовых наступили тяжелые времена. К этому времени их род ограничивался

потомками Никиты Романова – его детьми (семь сыновей и две дочери) от двух браков и внуками Романовы едва не сошли с политической сцены – Годунов им мстил за прежнее влияние при царском дворе. Он, несмотря на то что достиг власти, видел в Романовых постоянных конкурентов и чувствовал, что народ испытывает к этому роду огромную любовь. Его месть вылилась в ссылку для всех оставшихся представителей этого рода, за исключением дочери Никиты Романова Ирины, состоящей в браке с дальним родственником царя Бориса, боярином Иваном Годуновым.

Самым опасным для себя Борис Годунов считал Федора Никитича Романова, которого после смерти царя Федора народная молва называла законным преемником престола.

Точная дата рождения Федора Никитича Романова неизвестна. По свидетельству историков, он получил по тем временам прекрасное образование, владел латынью и английским языком. Молодость Федора протекала на пирах во дворце и дома, на приеме послов и праздниках, на охоте и других забавах. Его карьера при царе Федоре Иоанновиче складывалась удачно – он быстро получил боярство и вошел в царскую свиту. В 1586 году, пожалованный в бояре, он был назначен нижегородским наместником. В 1590 году он принимал участие в сражениях против Швеции в качестве дворцового воеводы. Через три года он становится Псковским наместником, а в 1596 году назначен воеводою правой руки. Федор Никитич был красив собой, хорошо одевался и считался видным женихом. Но вопреки обычаям того времени женился Федор поздно. Его избранницей стала Ксения Ивановна Шестова, происходившая из рода Салтыковых-Морозовых. Ксения Ивановна не блистала красотой, но была богатой наследницей. Кроме того, она отличалась умом и благонравием. Брак с ней дал Федору шестерых детей, но только двое из них – дочь Татьяна и сын Михаил – выжили. Родственные узы с царем, а также веселый, доброжелательный характер делали Федора весьма популярным как среди соотечественников, так и среди иностранцев.

Опала Романовых началась с 1600 года. Весь род был сослан, а поводом к этому послужил ложный донос, что, дескать, хотят они извести царя Бориса и в их доме хранятся различные корешки и зелья. Донес об этом слуга Александра Романова, вероятно подкупленный Борисом Годуновым. По решению Боярской думы весь род был отправлен в Сибирь, а с Федором Никитичем и его женой поступили особо сурово. Они были насильственно пострижены и разлучены с детьми. Федор Никитич принял имя Филарета, а его жена стала инокиней Марфой.

Филарет был сослан в далекий Антониево-Сийский монастырь, где находился под строгим контролем – о его поведении пристав регулярно писал отчеты царю. Филарету было запрещено любое общение и даже не разрешалось посещать общие богослужения. Монахи сочувствовали ему и по возможности сообщали сведения о родных. От них он узнал, что его дети были отправлены с тетками в Белоозеро, а вскоре в Сибири погибли его братья – Александр, Василий и Михаил, последний оставшийся в живых брат Иван тяжело заболел.

Все изменилось после внезапной смерти Бориса Годунова. Приход к власти Лжедмитрия I открыл Филарету двери монастыря-тюрьмы в 1605 году. Он снова соединился с женой и детьми. Лжедмитрий возвел Филарета в сан митрополита Ростовского и Ярославского, и тот присутствовал на бракосочетании Лжедмитрия и Марины Мнишек. Делами своей митрополии Филарет почти не занимался и большую часть времени проводил в Москве.

В мае 1606 года власть захватил Василий Шуйский Филарет присутствовал на его коронации, но привлечь на свою сторону Ростовского митрополита Шуйскому так и не удалось. Вскоре Филарет покидает Москву и уезжает в Ростов.

В 1609 году к Ростову подошел с войском новый самозванец – Лжедмитрий II. Город был взят, и Филарет попал в плен. В Тушинском лагере он был встречен с особым почтением и ему было предложено стать патриархом. Выбора у пленника не было, и Филарет дал согласие.

На следующий год Филарет был «отполонен», то есть отбит, у самозванца царскими воеводами и смог вернуться в Москву. Царь Василий Шуйский был свергнут, Тушинский лагерь разгромлен, у власти находилось новое правительство – «Семибоярщина». Встал вопрос о новом царе. Осенью 1610 года патриарху Филарету было предложено возглавить посольство к польскому королю Сигизмунду для решения вопроса о приглашении на царство его сына Владислава. На Филарета была возложена особая задача – соблюдение одного из условий воцарения Владислава – принятие им православия. Затем «Великое посольство» отправилось в Смоленск.

Но у польского короля Сигизмунда III были свои виды на русский престол. Филарет, возглавлявший послов, категорически отклонил решение польского короля самому занять русский престол и «православие соединить с латынством» и решительно отстаивал свои требования. Чтобы «усмирить» послов, их отправили в Польшу как пленников. К тому же Сигизмунд получил известие о подходе к Москве народного ополчения.

Филарет провел в польском плену девять лет. В это время в России происходили исторические события, о которых он узнавал, сумев наладить тайную переписку с боярином Шереметевым, который возглавил партию сторонников сына Филарета – Михаила Федоровича Романова. После изгнания из Москвы польских интервентов, жена и сын Филарета выехали в свою вотчину под Кострому, а затем обосновались в Ипатьевском монастыре.

В феврале 1613 года в Москве был созван избирательный Земский собор для принятия соглашения об избрании нового царя. На заседаниях собора присутствовало более 700 человек, представлявших разные сословия – бояре, представители духовенства, ополченцы-казаки, купцы и даже государственные крестьяне. Каждая партия выдвигала своего кандидата. Назывались в качестве претендентов князья Ф.И. Милославский, В.В. Голицын, Д.М. Пожарский, иностранные королевичи Владислав и Карл-Филипп, сын Марины Мнишек и другие. На первых же заседаниях были отклонены иностранные королевичи и сын Мнишек – «воренок Иван». Голицын находился в польском плену, а Милославский был стар и бездетен, Пожарский, по мнению бояр, был «слишком худороден». И тогда вспомнили о Романовых. Шестнадцатилетний Михаил, лично не причастный к раздорам Смуты и пострадавший от нее, имел сторонников среди всех сословий. Кроме того, его права на престол как двоюродного племянника царя Федора Иоанновича выглядели вполне законными. И 21 февраля 1613 года было официально оглашено имя нового избранника. В Ипатьевский монастырь было направлено представительное посольство, которое возглавили рязанский архиепископ Феодорит и боярин Ф.И. Шереметев. Узнав о своем избрании, Михаил Федорович решительно отверг предложение стать царем, заявив, что не годится для престола. Его поддержала и мать – инокиня Марфа, сказав, что не благословит сына на царство. Только после долгих уговоров и убеждений Михаил дал согласие, а мать благословила его иконой Федоровской Богоматери и разрешила Феодориту осуществить обряд наречения на царство своего сына. Накануне своего 17-летия, 11 июля 1613 года, Михаил Федорович Романов венчался на царство в Успенском соборе Московского Кремля.

После торжеств для молодого царя начались тяжелые будни. Страна была разграблена и лежала в руинах. Со всех сторон ее окружали враги. Денег в казне не было. Первое время большую помощь в управлении государством царю оказала мать, помогали и ближние бояре, большей частью царские родственники. Новый Земский собор принял решение об оказании помощи в сборе

средств для армии. Помогли и купцы Строгановы, дав в долг денег, сукно и продовольствие для ратных людей. Уже к следующему году были одержаны первые победы. В 1614 году был схвачен и сурово наказан атаман Заруцкий, Марина Мнишек заточена в Коломне, а ее сын Иван повешен. В 1617 году был подписан Столбовский мир со Швецией, по которому к России возвращался Новгород и прилегающие земли. Но самыми трудными для молодого царя стали переговоры с поляками. Первые попытки в 1616 году окончились вооруженным столкновением. Затем на Москву двинулся Владислав с большим войском. Михаилу с большим трудом удалось организовать оборону столицы – поляки были отброшены от ее стен. Неудачей закончилась для Владислава и осада Троице-Сергиевой лавры. Все это вынудило поляков в 1618 году сесть за стол переговоров, и 1 декабря 1618 года было подписано Деулинское перемирие с Речью Посполитой сроком на 14 лет. По нему Смоленск и ряд других городов оставались за Польшей, которая не признала законной власть Михаила Романова. Но большим успехом перемирия стало то, что все пленные, в том числе и Филарет, возвращались на родину.

14 июня 1619 года Филарет вернулся в Россию и с огромной радостью был встречен сыном-царем и женой (дочь Татьяна к тому времени уже скончалась) Официально он считался Ростовским митрополитом, но уже через 10 дней после возвращения решением Собора русского духовенства он был посвящен в сан патриарха. Чтобы еще больше возвысить отца, Михаил Федорович присваивает ему титул «Великого государя», а в дальнейшем дает ему грамоту с правом судить любое духовное лицо и собирать оброк с церковных имений – ранее среди прежних иерархов такой властью не обладал никто. Филарет стал официально соправителем сына. Царь Михаил Федорович и патриарх Филарет оба писались государями, все государственные дела решались совместно, а иногда патриарх брал на себя и единоличное решение того или иного вопроса.

Первым из церковных дел патриарха стало, разбирательство об исправлении церковных книг, которое начали книжники Троице-Сергиевой лавры под руководством архимандрита Дионисия. Они сочли, что за годы Смуты многие служебные книги стали непригодными, так как в них появились ошибки. Инициатива троицких книжников не понравилась другим представителям духовенства, которое подвергло Дионисия и его сторонников опале, сочтя эти правки еретическими. Для разбирательства Филарет привлек Иерусалимского патриарха Феофана, который решил вопрос в пользу Дионисия и его

помощников. Они были оправданы и возвращены на прежние должности, а их противникам пришлось смириться, а некоторые из них были вынуждены отправиться в ссылку.

Патриарх строго следил и за порядком при царском дворе. Молодого царя окружало слишком много родственников, занимающих важные государственные посты и часто злоупотребляющие своей властью. По праву старшего представителя рода Филарет наказывал (вплоть до ссылки) тех, кто допускал серьезные нарушения или неблаговидные деяния, и никакие родственные узы не мешали ему карать провинившихся. При его соправлении в ссылку были отправлены братья Салтыковы, подверглись опале И.В. Голицын и Д.Т. Трубецкой, многие другие были отстранены от высоких должностей. Кстати сказать, после смерти Филарета все опальные и ссыльные были возвращены в Москву.

Принимая участие в решение всех государственных вопросов, главными для себя Филарет считал женитьбу сына и отмщение польскому королю Сигизмунду за причиненные обиды. Первая кандидатура на роль невесты Михаила – Мария Хлопова – получила активные возражения со стороны матери царя инокини Марфы. Тогда Филарет решил поискать жену для сына за пределами России. Но все попытки были неудачными – либо послы были не приняты (правда, по уважительным причинам), либо невеста не желала переходить в православную веру. Супругой царя Михаила, после долгих поисков, стала Евдокия Лукьяновна Стрешнева.

Первая задача была решена, и на очереди стояла подготовка новой русско-польской войны, основной целью которой было возвращения исконно русских земель. Филарет торопил события. Понимая, что Россия не может самостоятельно одолеть такого сильного противника, как Польша, он начинает искать союзников. Основную ставку он делает на Швецию, чьи послы посещают Россию в 1626-м, 1629-м и 1630 годах. Кроме Швеции Филарет пытается втянуть в антипольскую коалицию Данию, Англию и Голландию. Но Дания имеет дружеские контакты с Австрией, которая являлась союзницей Польши. Остальные страны согласны были оказать России только материальную поддержку.

Большая работа проводилась и в самой России – русскому обществу постоянно напоминалось о том, что поляки были главными виновниками Смуты. К этому времени появились сразу несколько сочинений, посвященных Смутному времени, в которых Сигизмунд III обвинялся в приходе самозванца Лжедмитрия, оказывая ему огромную поддержку, в свержении Василия Шуйского, в захвате территорий, считавшихся исконными

русскими землями. Для усиления русской армии, еще слабой и хуже организованной, чем армия Польши, созданная по европейскому образцу, в Россию были приглашены зарубежные военные специалисты. В их задачу входил наем солдат в Швеции, Англии, Голландии и Дании, закупка оружия и провианта. Вскоре в русской армии появились иноземные полки, сформированные из наемников, а к началу русско-польской войны за границей было закуплено более тысячи мушкетов, 3 тысячи сабель, 15 тысяч пудов ядер и около 20 тысяч пудов пороха.

С 1622 года все дипломатические контакты с Речью Посполитой были прерваны, а Филарет особое внимание стал уделять приемам иноземных послов. Так к началу 30-х годов XVII века сложилась антипольская коалиция, куда вошли кроме России Швеция, Трансильвания и Турция.

Момент для начала военных действий был удачным: Польша находилась в стадии «безкоролевья» и внутри страны шла борьба за власть. Самым трудным для патриарха был вопрос о выборе главнокомандующего. Выбор пал на М.Б. Шеина. Филарет не сомневался в его преданности и опытности – Шеин в недалеком прошлом мужественно оборонял Смоленск, а затем сам находился в польском плену. Но он был сварлив и неуживчив, не признавал авторитетов и чужого мнения. А это не позволило ему найти контакта с иностранными офицерами, что в дальнейшем плохо сказалось на ходе войны.

В конце лета 1632 года русская армия выступила в поход. Путь лежал на Смоленск. Для русского войска начало войны было успешным – удалось вернуть ряд городов – Дорогобуж, Стародуб, Новгород-Северский и другие. К осени русские полки стояли уже под Смоленском.

Но к тому времени ситуация сложилась не в пользу России. В Польше был избран королем Владислав, союзник России шведский король Густав погиб в бою, и вместе с ним погибла надежда о совместных действиях против Речи Посполитой, Турция начала войну с Ираном и не могла сражаться на два фронта. Таким образом, Россия осталась один на один с объединенной под властью нового короля Польшей.

В августе 1633 года хорошо вооруженная и прекрасно обученная польская армия подошла на помощь к осажденному Смоленску. Разношерстная русская армия и ее главнокомандующий Шеин не смогли оказать полякам достойного сопротивления.

Неудачи под Смоленском, в которых Филарет винил в первую очередь себя, тяжело им переживались. Он осознавал, что к ведению войны Россия была не готова, да и выбор

главнокомандующего оставлял желать лучшего. Все это отразилось на здоровье уже далеко не молодого патриарха, и 1 октября 1633 года он скончался, прожив около 80 лет.

Смоленская война закончилась полным крахом для России. Царь Михаил Федорович с большим трудом перенес навалившееся на него несчастье. Годом раньше он потерял мать, а теперь и отца, не говоря уж о поражении России в войне с Польшей. Противнику досталось много оружия, пушек, боеприпасов и провианта. Главнокомандующий Шеин был обвинен в измене и казнен. Единственным положительным итогом войны стало признание Польшей законных прав Михаила Федоровича на русский престол по условиям Полянского мира 1634 года.

Несмотря на ошибки, деятельность патриарха Филарета была высоко оценена как современниками, так и потомками. Являясь соправителем сына, он за годы правления провел ряд экономических и политических реформ, способствовавших стабилизации внутреннего положения в стране после Смуты и укреплению царской власти. Как глава русской Православной церкви он приложил много усилий для «сохранения чистоты Православия». При нем был издан специальный Указ для отправления праздничных и торжественных богослужений, были пересмотрены жалованные грамоты монастырям, возобновились связи с греческой и восточной церквами. Он по праву считается одной из самых ярких личностей начала XVII века.

ГАБРИЭЛЬ Д'ЭСТРЕ (1570—1599)

Самая знаменитая фаворитка короля Генриха IV.

Истории Франции старинный дворянский род д'Эстре дал много славных имен, а государству – выдающихся фельдцейхмейстеров, маршалов, талантливых ученых, кардиналов. Многие представители рода делали карьеру быстро, другие медленно продвигались к известности. На военном поприще отличился Франсуа Аннибал, родившийся в 1573 году. Сначала он выбрал путь священнослужителя и достиг сана епископа, но затем круто изменил намерения и перешел на военную службу с титулом маркиза де Кевр. Он стал маршалом Франции, когда ему было уже за 50 лет, и, продолжая службу, еще раз отличился при взятии города Трир в 1632 году. Карьеру он завершил, будучи посланником Франции в Риме, и титул герцога получил при восшествии на престол Людовика XIV. Его сын, Жан, тоже стал военным. Жан д'Эстре сражался на море, командуя объединенным англо-французским флотом в битвах с флотом Голландии в 1672 году. Как и его отец, он достиг звания маршала, а в 1686 году стал вице-королем французских колоний в Америке. Маршалом Франции стал и сын Жана д'Эстре, герцог Виктор Мари. Военную службу он начал под командованием отца, приняв участие в морских экспедициях. В 1697 году Виктор Мари руководил бомбардировкой Барселоны и Аликанте. Затем он храбро сражался в морской битве при Малаге в 1704 году, а в 1715 году он был назначен председателем морского суда. Последним представителем рода д'Эстре стал знаменитый де Лувуа, который также стал маршалом Франции в 1756 году. В следующем году он возглавил войска, действующие против Германии, и нанес немцам поражение у Гастенбека. Из-за дворцовых интриг он был смещен с должности командующего – его место занял менее способный герцог Ришелье. Когда в 1762 году Лувуа снова встал во главе войск, то критическое положение, в которое попали французские войска из-за бездарного командования, исправить было невозможно.

Но прославила род д'Эстре женщина. Ей, Габриэль д'Эстре, удалось покорить сердце короля Франции Генриха IV, который вошел в историю не только своими государственными деяниями, но и «любвеобильностью», имея огромное число возлюбленных

(по некоторым данным, 56). Но Габриэль д'Эстре, прозванная «прекрасной», занимала в их ряду особое место. Ее часто обвиняли в излишнем легкомыслии и даже распущенности, но она была дитя своего времени, не более легкомысленной или распущенной, чем другие дамы эпохи, начавшейся во времена Франциска I и закончившейся со смертью Генриха IV. Она стала одной из самых знаменитых королевских фавориток в истории Франции и почти королевой этой страны.

Ее отец, Антуан д'Эстре – губернатор-сенешаль и первый барон Боллоннэ, виконт Суассон и Берси, маркиз де Кевр – был хорошим воином и большую часть своей жизни провел в походах. Он был губернатором Ла-Фера и дослужился до чина генерал-фельдцейхмейстера. Антуан д'Эстре был добрым католиком и убежденным монархистом, верил и поддерживал законные права монарха, хотя тот – Генрих IV – был гугенотом.

Матерью Габриэль была Франсуаза Бабу де ла Бурдезьер, которая, как и многие женщины ее рода, отличалась свободой нравов. Муж имел о ней реальное представление и не заблуждался относительно ее верности и непорочности. Он даже гордился тем, что его супруга раньше была любовницей двух королей и римского папы. Такое поведение в то время не осуждалось и, можно сказать, даже приветствовалось, а королевская семья была окружена многочисленными детьми, появившимися на свет вследствие таких связей.

Франсуаза и Антуан д'Эстре поженились 14 февраля 1559 года в День Святого Валентина и вместе прожили долгую и счастливую жизнь. Брак принес им двоих сыновей и шесть дочерей. Старший сын погиб при осаде Лана, а о младшем – Франсуа Аннибале – было рассказано выше. Дочери были выгодно отданы замуж – все, за исключением самой младшей Габриэль. О ней злые языки говорили, что прекрасная внешность заменила ей образованность и глубокий ум, но не будем обращать внимания на эти сплетни.

Девушка была действительно хороша собой, и когда она достигла «нужного» возраста, мать, используя свои связи при дворе, решила «пристроить» ее (за 6 тысяч экю) к королю Генриху III. Правда, этот монарх обращал большее внимание на красивых молодых юношей, нежели на прекрасных дам. Связь с Габриэль длилась лишь три месяца, а затем король с ней расстался, сказав, что «худобой и белизной кожи» молодая любовница сильно напоминает ему собственную жену.

Затем предприимчивая мать предложила свою дочь богатому финансисту итальянцу Себастиану Замету, а когда они «не сошлись в цене», то прекрасная Габриэль досталась герцогу Гизу,

который не был скуп. Герцог был очарован молодой девушкой и, не торгуясь, уплатил требуемую сумму.

Так и жила Габриэль д'Эстре, переходя от одного любовника к другому, пока не стала возлюбленной красавца герцога Роже де Белльгарда. Сей молодой человек был в фаворе у короля Генриха III, и монарх осыпал молодых людей всевозможными милостями. Роже и Габриэль не остались равнодушными друг к другу, их взаимные чувства были искренними и даже на ум приходили мысли о браке, но все закончилось со смертью Генриха III.

На престол вступил Генрих IV. Габриэль по настоянию матери и родных стала жить в родовом замке Кевр, покинув столицу и двор, где разгорелась борьба за власть. Герцог Белльгард все время находился при короле и почти не имел возможности навещать Габриэль. Та, живя с родителями и сестрами, не скучала и оказывала знаки внимания соседям и гостям замка.

Так вышло, что однажды Роже де Белльгарду пришло в голову рассказать о Габриэль Генриху IV. Он так красочно описывал ее, что король заочно влюбился в красавицу и пожелал сопутствовать герцогу во время поездки в Кевр. Герцог поздно осознал, что совершил ошибку, посвящая короля в свои сердечные дела, но исправить уже ничего не мог.

Семейство д'Эстре было польщено неожиданным визитом короля Франции, а Габриэль не разочаровала монарха. Герцогу оставалось лишь смириться. Но Габриэль не пожелала оставить Белльгарда и стать любовницей короля. Она страстно любила Роже и не хотела с ним расставаться. Генриху IV пришлось ждать еще год и несколько месяцев, приложить немало усилий, чтобы Габриэль д'Эстре стала его официальной фавориткой. А пока по настоянию монарха семья д'Эстре переехала в Мант, где и обитал король, так как ворота Парижа для него были закрыты. В то время между ним, королем-гугенотом, и Католической лигой шла война. Д'Эстре также пострадали от Лиги – отец Габриэль потерял пост губернатора Ла-Фера и ее дядя, де Сурди, тоже был лишен губернаторства в Шартре. Семья пребывала не в лучшем материальном положении, поэтому все подталкивали Габриэль уступить настояниям монарха. Но на сей раз дочь проявила характер и не пожелала расстаться с Белльгардом. Даже перебравшись в Мант, молодые люди продолжали встречаться. Но вскоре королю надоело видеть, что Габриэль, пренебрегая им, оказывает внимание другому. И Генрих IV, пригласив к себе герцога, строго запретил ему встречаться с возлюбленной. Герцог уступил, а Габриэль в знак протеста тайно покинула Мант и вернулась в Кевр. Семья, получавшая от короля различные милости, не пожелала терять их, и очень скоро отец заставил

Габриэль вернуться в Мант, что весьма обрадовало короля.

Антуан д'Эстре, чтобы снять с себя груз ответственности за дочь, решил выдать ее замуж. Супругом дочери должен был стать человек родовитый и богатый, но в то же время он не должен был возбуждать ревности у короля. И такой вскоре нашелся. Это был Никола д'Амерваль де Лианкур. Он был богат и имел титул, но был глуп и уродлив. Король одобрил эту партию, надеясь получить благосклонность Габриэль за разрешение на развод с таким мужем. Габриэль, все еще надеясь на возможность стать женой Белльгарда, отказывалась от этого брака. Но ее уговорили родные, да и король обещал, что брак будет фиктивным. И в феврале 1591 года Габриэль д'Эстре стала госпожой де Лианкур. Свадьба состоялась в Манте, а Генрих IV на бракосочетание даже не явился. Однако, к ужасу Габриэль, законный супруг и не собирался оставить жену и требовал от нее исполнения супружеского долга. Первое время Габриэль находила всевозможные поводы избегать общения с мужем, и через несколько дней к ее величайшей радости король вызвал чету де Лианкур для официального представления к себе. В то время его войска осаждали Шартр, и молодожены явились туда. Генрих IV оставил у себя Габриэль, а де Лианкуру было велено возвращаться обратно без нее, что естественно вызвало у него законное недовольство.

Любовницей короля Габриэль стала в день взятия Шартра, так что можно сказать, что в один день королю удалось покорить сразу две крепости. Вскоре последовал формальный развод супругов де Лианкур по причине неспособности мужа к брачной жизни. Суд не принял во внимание то обстоятельство, что от первого брака сир де Лианкур имел 14 детей, явное свидетельство его крепкого здоровья. Без внимания суд оставил и попытки супруга обвинить Габриэль в нежелании исполнять супружеский долг. Его никто не слушал, и развод был утвержден.

Семья д'Эстре сразу упрочила свое положение – Антуан д'Эстре стал губернатором Шартра, родная тетка Габриэль, маркиза де Сурди, была назначена ее статс-дамой, заняв при дворе короля видное место, другие члены семьи тоже не были забыты.

Но сама Габриэль при немногочисленном дворе Генриха IV была встречена не очень любезно. Двор, привыкший к тому, что король быстро менял сердечные привязанности, был несколько удивлен такой долгой связью. Этот затянувшийся роман вызывал у приближенных короля обеспокоенность, что новая фаворитка станет оказывать на монарха влияние, которое приведет к негативным последствиям для государства. И пример тому был –

ведь именно Габриэль заставила короля предпринять осаду города Нейя, чтобы сделать его губернатором члена семьи д'Эстре. А осада этого города не входила в план военной кампании против Католической лиги. Женщины невзлюбили новую фаворитку, так как сами стремились занять (хоть ненадолго) ее место. Генриху не раз пытались открыть глаза на «истинное лицо» его новой возлюбленной, ему постоянно твердили о ее неверности и многочисленных связях, но король оставался равнодушным к этим сплетням. Он осыпал Габриэль дорогими подарками, хотя герцог Сюлли постоянно твердил ему, что финансы страны давно исчерпаны и следует быть экономнее.

Став официальной фавориткой, Габриэль вскоре родила королю сына, которого назвали Цезарем. Законная супруга короля, Маргарита Валуа, не могла иметь детей и уже несколько лет жила вдали от двора. Генрих был счастлив, и хотя дети у него уже были от других женщин, этого ребенка он ожидал с особенным чувством. А Габриэль… Короля она не любила, с Белльгардом пришлось расстаться навсегда, а о будущем следовало задуматься. И она задумала стать королевой Франции, да и не так уж это было невозможно. Прецедентов, когда король женился на фаворитке, к концу XVI века в Европе было не много, но они все-таки были. Повод для развода с законной супругой у короля тоже имелся – королева была бесплодной. То, что король все еще влюблен в нее, сомнений не вызывало – он исполнял любые ее капризы, а узнав о ее беременности, не выдал ее срочно замуж, как поступал с остальными своими любовницами. Все это говорило о том, что вероятность стать королевой была довольно высока.

Генрих IV и сам подумывал о том, чтобы развестись с Маргаритой Валуа и жениться на Габриэль д'Эстре, которая подарила ему наследника. Но для достижения этого было несколько препятствий. Французский двор не принимал Габриэль, да и в Европе новый возможный брак французского короля не вызывал симпатии. Кроме того, Маргарита Валуа как «добрая католичка» не считала возможным расторгнуть брак, освященный церковью. В этом случае брак мог расторгнуть только папа, но у Генриха IV отношения с Римом были сложные. Принявши при рождении протестантскую веру, он стал католиком наутро после Варфоломеевской ночи, но затем, бежав в Голландию, он снова стал гугенотом. Верные его подданные давно уговаривали короля снова изменить веру, что было выгодно с политической позиции. Народ Франции скорее воспримет короля-католика, а религиозная борьба утомила всех. И если раньше Генрих не желал слушать об этом, то теперь он понял, что переход в

католичество – путь к достижению цели – это и примирение с папой, и возможность получения развода, и женитьба на Габриэль д'Эстре. «Париж стоит мессы», – сказал король. Но, возможно, под словом «Париж» он подразумевал слово «любовь». А 25 июня 1593 года в церкви Сен-Дени король покаялся в своих заблуждениях и принес торжественную клятву вернуться в лоно истинной римско-католической церкви.

Став католиком, Генрих сумел одержать сразу множество побед над Лигой. В марте 1594 года Париж открыл перед ним ворота, а летом того же года Генрих одержал целый ряд военных побед – Пуатье, Амьен, Бовэ, Камбрэ, Сен-Мало и многие другие города и провинции переходили в руки короля. Генрих не раз говорил, что военные удачи приносит ему сын Цезарь. Примирение с папой состоялось, и король стал хлопотать о разводе.

Положение Габриэль при королевском дворе не улучшилось. Открытой вражды к ней никто не проявлял, все старались быть с ней любезными, но она чувствовала, что все хотят увидеть ее падение. Она знала, что вокруг нее плетутся интриги. Сплетни, самые гнусные наветы, даже поддельные письма от ее «любовников» – все было пущено в ход. Но цели не было достигнуто – король оставался непреклонен в своем желании жениться на Габриэль, и сразу после примирения с папой в Рим был отправлен государственный канцлер Силлери для решения всех необходимых вопросов.

А пока, в ожидании решения, Генрих готовил будущей королеве достойное приданое. Он пожаловал Габриэль титул маркизы де Монсо и узаконил их сына, наименовав его герцогом Вандомским. (Парламент Парижа без колебания признал королевскую волю.) Затем маркизе де Монсо достались графства Вандейль и Креси, герцогство Жуань, чуть позже Бофор. Став герцогиней де Бофор, Габриэль присоединила к своим владениям еще Лонкур и Луазинкур, Монтретон, Сен-Жан и герцогство д'Этамп.

В 1596 году Габриэль подарила королю второго ребенка – девочку, названную Екатериной-Генриеттой. Крестили ее в Руане с торжественностью, подобающей настоящей дофине, да и самой герцогине де Бофор стали оказывать почести как законной королеве Франции. В том же году Генриху IV снова пришлось воевать – против Франции и ее законного короля выступили кардинал Австрийский и испанский король, к которым присоединились члены Католической лиги, не признавшие Генриха королем. Борьба закончилась подписанием в 1598 году Нантского эдикта, по которому была объявлена для гугенотов

свобода вероисповедания и выделены им места для поселения, самым известным из которых стал город-крепость Ла-Рошель. По мнению ряда историков, Габриэль имела к подписанию Нантского эдикта самое прямое отношение и именно «ей удалось смягчить чрезмерные требования как одной, так и другой стороны».

В это же время Габриэль подарила Генриху второго сына, которого назвали Александром. Генрих понимал, что эти дети, хотя и узаконенные им, все-таки являются внебрачными и вряд ли смогут наследовать ему. Желание жениться на Габриэль стало чуть меньше. Но он очень хотел иметь законных наследников. О женитьбе он говорил часто и желал иметь супругу красивую, уравновешенную и способную рожать здоровых сыновей. Габриэль идеально подходила на роль жены, но король втайне от нее рассматривал и другие кандидатуры – испанскую инфанту, английскую принцессу и даже особ некоролевских кровей, среди которых были герцогиня де Гиз и Мария Медичи. Да и верный королю герцог Сюлли в присутствии Габриэль называл предполагаемый брак короля с ней «глупостью из глупостей» и призывал Генриха хорошо все обдумать. Когда же Габриэль потребовала от короля выгнать нахального министра, тот, исполнявший до этого все прихоти фаворитки, сказал: «Мадам, я скорее выгоню двадцать таких любовниц, как вы, чем одного слугу, как он». Но отношения между королем и д'Эстре оставались хорошими, и Габриэль торопила Генриха с венчанием. Наконец, 2 марта 1599 года Генрих IV официально объявил о своем решении жениться на герцогине де Бофор и надел ей на палец кольцо с королевским вензелем. Габриэль была счастлива… и снова беременна. Она чувствовала себя не очень хорошо и отказалась ехать в Фонтенбло для празднования Пасхи (11 апреля). Сам светлый праздник она решила провести в доме флорентийского банкира Замета, с которым король был в давних приятельских отношениях, и поэтому рекомендовал ей пожить у Замета и отметить праздник там.

За два дня до праздника после ужина в доме банкира она почувствовала себя очень плохо и на следующее утро потребовала, чтобы ее отвезли в дом госпожи де Сурди, что и было исполнено. Состояние Габриэль становилось все хуже и хуже. Она стала подозревать, что была отравлена, ведь флорентийцы славились умением использовать яд. Узнав, что Габриэль умирает, Генрих хотел немедленно ехать к ней, но Сюлли и другие приближенные отговорили короля, сказав, что помочь ей уже нельзя, что она изменилась внешне и лучше королю ее не видеть, чтобы в его памяти она всегда оставалась прекрасной. А Габриэль до последней минуты ждала его.

Габриэль д'Эстре скончалась накануне праздника Пасхи, 10 апреля 1599 года. Король даже не присутствовал на ее похоронах. Он переживал ее смерть и даже слег в нервной горячке, но очень скоро утешился. И уже в декабре 1599 года Генрих Наваррский официально посватался к Марии Медичи.

АРМАН ЖАН ДЮ ПЛЕССИ, ГЕРЦОГ ДЕ РИШЕЛЬЕ (1585—1642)

Французский государственный деятель, кардинал (1622), герцог (1631), первый министр Людовика XIII (1624).

«Моей первой целью было величие короля, моей второй целью было могущество королевства» – так охарактеризовал свою деятельность один из самых знаменитых людей в истории Франции, в течение 18 лет руководивший всей политикой государства, всемогущий кардинал Ришелье.

Его деятельность по-разному оценивалась современниками и потомками и до настоящего времени является предметом острых дискуссий. Аристократы обвиняли его в подрыве феодальных устоев, а «низы» считали виновником своего бедственного положения. Большинству из нас деятельность кардинала известна по романам А. Дюма, где он представлен интриганом, строящим козни несчастной королеве, могущественным врагом храбрых королевских мушкетеров – личностью явно не симпатичной.

Но, как бы то ни было, как государственный деятель кардинал Ришелье определил направление развития Франции на 150 лет, и созданная им система рухнула лишь во время Великой французской революции. Революционно-настроенные французы не без основания видели в нем один из символов, столпов старого режима, и в угоду бушующей толпе в 1793 году вышвырнули ей под ноги останки первого министра Людовика XIII.

Арман Жан дю Плесси де Ришелье родился в Париже 9 сентября 1585 года. Его предки по линии отца известны с XIV века. Они происходили из родовитого дворянства французской провинции Пуату. Быть родовитым еще не значит быть богатым, и, по имеющимся сведениям, богатым этот род не был. Отец будущего кардинала – Франсуа дю Плесси – входил в ближайшее окружение двух королей – Генриха III и Генриха IV. С первым он был рядом с 1573 года, когда тот еще не был королем Франции. Именно Франсуа сообщил Генриху Валуа о кончине его брата, короля Франции Карла IX, и в мае 1574 года вернулся вместе с ним из Польши в Париж. В награду за верную службу новый

король Франции сделал Франсуа дю Плесси прево королевского дома, с обязанностями поддержания законности и порядка при дворе. Через два года Франсуа был награжден орденом Св. Духа и ему было передано в наследственное владение епископство в Люсоне, в провинции Пуату. В дальнейшем он занимал должности верховного судьи, министра юстиции Франции и начальника секретной службы Генриха III. В день убийства короля Франсуа находился рядом с ним. Новый король Франции Генрих IV Бурбон оставил дю Плесси на службе, и этому королю Франсуа служил верой и правдой. Он успел несколько раз отличиться в сражениях и стать капитаном королевских телохранителей. Карьера Франсуа дю Плесси прервалась его кончиной 19 июля 1590 года.

Матерью Ришелье была Сюзанна де ла Порт – дочь Франсуа де ла Порта, преуспевающего деятеля парижского парламента, получившего дворянство. После смерти мужа на ее руках осталось пятеро несовершеннолетних детей – три сына, Генрих, Альфонс и Арман, и две дочери, Франсуаза и Николь. На их содержание ей была назначена скромная пенсия. Франсуа дю Плесси оставил все дела в таком беспорядке, что семье было выгоднее отказаться от наследства, чем принять его. Отношения Сюзанны со свекровью были очень непростые, и семья испытывала серьезные финансовые трудности. Чтобы как-то существовать, Сюзанне даже пришлось продать орденскую цепь мужа.

Первые годы жизни Арман провел в родовом замке, где и получил начальное домашнее образование. Когда умер отец, мальчику было всего пять лет, а вскоре замок был отдан кредиторам и семья перебралась в Париж. В 1594 году он был определен в привилегированный Наваррский коллеж. Еще в детстве Арман дю Плесси мечтал о карьере военного, и после окончания коллежа он поступил в «Академию» Плювинеля, в которой готовили офицеров для королевской кавалерии. Он не отличался крепким здоровьем, но все же решил избрать традиционную для мужской линии рода службу.

Но семейные обстоятельства заставили его похоронить мечту о воинских подвигах и надеть рясу священника. Его брат Альфонс неожиданно отказался от епископства в Люсоне, поэтому, чтобы спасти фамильное наследование, Арман поступает в 1602 году на богословский факультет Сорбонны, который оканчивает через четыре года, получив ученую степень магистра канонического права и кафедру в Люсоне. И хотя ему было всего 20 лет, а возглавлять епископство имел право человек не моложе 23 лет, король утвердил молодого аббата де Ришелье епископом

Люсонским. Для посвящения в сан епископа Ришелье сам отправился в Рим. Он произвел на папу Павла I благоприятное впечатление своими глубокими познаниями и тем самым добился разрешения Святейшего престола на посвящение в сан. Епископом Ришелье стал 17 апреля 1607 года.

По возвращении в Париж осенью того же года Ришелье защищает в Сорбонне диссертацию на степень доктора богословия. Его хорошо принимают при дворе, король зовет его не иначе как «мой епископ», а в свете Ришелье становится самым модным проповедником. Ум, эрудиция и красноречие – все это позволяло молодому человеку надеяться на карьеру государственного деятеля. Но как часто бывает при дворах монархов, если имеешь друзей, то обязательно имеешь и врагов. При дворе Генриха IV была группировка недовольных политикой короля. Во главе ее стояли королева Мария Медичи и ее фаворит, герцог де Сюлли. Ришелье вскоре ощутил двусмысленность и ненадежность своего положения при дворе монарха, и чтобы не испытывать судьбу, он удаляется к себе в епархию. Здесь епископ с головой погружается в дела, показав себя не только ревностным защитником церкви, но и разумным администратором, предотвращая многие конфликты как решительными, так и гибкими мерами. Он не перестает заниматься и теологическими исследованиями, выраженными в ряде его сочинений. Связь с Парижем он поддерживает обширной перепиской с оставшимися в столице друзьями. Из письма одного из них он узнает об убийстве Генриха IV. Это известие ошеломило его, ведь с королем он связывал большие надежды в своей карьере. Ришелье очень пожалел, что у него не сложились отношения с Марией Медичи, провозглашенной регентшей при малолетнем сыне – новом короле Франции Людовике XIII. Он возвращается в Париж, но понимает, что поторопился – новому двору было не до него. Но даже то недолгое время, что Ришелье провел в Париже, позволило ему точно определить, кто вскоре будет управлять взбалмошной королевой-регентшей. Это был итальянец из свиты королевы Кончино Кончини, который пока держался в тени. И Ришелье не ошибся – вскоре Кончини стал маршалом д'Анкром и главой совета королевы.

В Париже делать было нечего, и епископ снова вернулся в Люсон, отдав себя целиком делам епархии. С Парижем снова началась переписка. Но в Люсоне Ришелье встречает человека, который положил начало политической карьере Ришелье. Это отец Жозеф, в миру – Франсуа Леклерк дю Трамбле, а современники назовут его «серым преосвященством». Отец Жозеф был видным деятелем ордена капуцинов и пользовался большим

влиянием как в религиозных, так и в политических кругах. Он увидел в молодом епископе высокое предназначение и стал ему покровительствовать. Именно отец Жозеф рекомендовал Ришелье Марии Медичи и ее фавориту маршалу д'Анкру, которые пригласили епископа в Париж для выступления с проповедями. Тогда же Ришелье удалось установить хорошие отношения с маршалом, а на его проповедях стали присутствовать королева и юный Людовик XIII.

В 1614 году Ришелье был избран представлять интересы духовенства провинции Пуату на Генеральных штатах. Он сразу же привлек к себе внимание зрелостью суждений, фундаментальностью знаний и инициативностью. Ему было доверено представлять интересы первого сословия (духовенства) в других палатах, и в феврале 1615 года он выступил с докладом, изложив мнение всего духовенства по проблемам государства. В нем Ришелье сумел угодить всем, не забыв создать плацдарм и для себя. Он напомнил, что тридцать пять канцлеров Франции были священнослужителями, и предложил активнее привлекать священников к делам управления страной. Заботясь о знати, он говорил о запрещении дуэлей, так как дуэли «истребляют дворянство». Он потребовал сокращения государственных расходов и борьбы с коррумпированностью чиновников, «притесняющих народ». Хвалебные слова Ришелье сказал и королеве-регентше, которые растопили ее сердце. Ришелье прекрасно понимал, что Мария Медичи не обладает «государственным умом», но ему нужно было завоевать ее доверие, и это ему удалось. Королева-регентша назначает епископа духовником молодой королевы Анны Австрийской, а на следующий год он становится государственным секретарем, членом Королевского совета и личным советником Марии Медичи. В этот период Ришелье удалось добиться некоторой стабилизации в стране, начать реорганизацию армии, навести полный порядок в делопроизводстве и существенно обновить дипломатический корпус. В области внешней политики новому государственному секретарю не удалось добиться хороших результатов, хотя большой вины его в этом не было. Придя к власти, новое правительство Марии Медичи переориентировало внешнюю политику на сближение с Испанией, что перечеркивало все то, что удалось сделать для Франции Генриху IV. Ришелье приходилось поддерживать эту линию, хотя ближе ему была дипломатия бывшего короля. Он стремительно шел вверх по карьерной лестнице, но путь этот занял всего пять месяцев. Молодой король, на которого Ришелье не обращал достаточного внимания, что и было его ошибкой, вырос и пожелал править сам.

В апреле 1617 года в результате переворота, осуществленного с согласия короля, был убит маршал д'Анкр, а Королевский совет разогнан – свободные места были отданы бывшим сподвижникам Генриха IV. Мария Медичи отправилась в ссылку, и вместе с ней был отправлен и ее государственный секретарь Ришелье.

Опала, ссылка, годы скитаний – однако епископ Люсонский не собирался сдаваться. В это время он окончательно убеждается в пагубности политики, проводимой как Марией Медичи, так и новыми фаворитами Людовика XIII. Ришелье хочет видеть Францию сильным государством, занимающим почетное место среди европейских стран. Он считает, что способен сплотить государство, но для этого нужно снова прийти к власти и подчинить своему влиянию короля.

Для достижения своих целей Ришелье решил сыграть на примирении матери и сына. Возможность для этого появилась в 1622 году, когда скончался любимец короля Альбер де Люинь – заклятый враг Марии Медичи. С его смертью королева и Ришелье возвращаются в Париж, и Людовик сразу вводит мать в состав Королевского совета. Положение епископа при дворе короля заметно улучшилось, и в декабре 1622 года он получил кардинальскую мантию. Постепенно кардиналу удалось доказать Людовику XIII и двору свою незаменимость. Он хорошо знал, что для короля образ отца – Генриха IV – был идеалом, на который молодой король желал походить. Кардинал использовал это и при удобном случае всегда апеллировал к памяти Генриха. Он стал проводить много времени с королем, ненавязчиво руководя его действиями. Умение лавировать и использовать разногласия между матерью и сыном привлекло к нему всеобщее внимание. А по части интриг кардиналу не было равных. Он сумел дискредитировать политику, проводимую де Силлери, а затем де Ла Вивьелем, и все ближе подходил к заветной цели. В 1624 году Ришелье был назначен первым министром Франции и сумел сохранить власть до конца жизни.

Трудно перечислить все заговоры, которые устраивали против первого министра в течение 18 лет его правления те, кто был недоволен его политикой. На его жизнь устраивались покушения, что сделало необходимым создать личную охрану кардиналу. Ее составили мушкетеры, которые носили плащи красного цвета, в отличие от мушкетеров короля, носивших голубые плащи.

К моменту назначения на пост первого министра, Ришелье был уже человеком со сложившимися убеждениями и твердыми политическими принципами, которые последовательно и настойчиво он будет проводить в жизнь. Современник кардинала,

поэт де Малерб, написал о нем: «…в этом кардинале есть нечто такое, что выходит за общепринятые рамки, и если наш корабль все же справится с бурей, то это произойдет лишь тогда, когда его доблестная рука будет держать бразды правления».

Смысл своей деятельности Ришелье видел в утверждении сильной, централизованной государственной (королевской) власти и в укреплении международных позиций Франции. Для укрепления власти короля необходимо было начать с установления мира внутри государства. Чтобы привести к покорности «фронду принцев», пытающихся вырвать у короля привилегии и деньги, Ришелье посоветовал королю прекратить делать уступки аристократам и проводить более жесткую внутреннюю политику. Кардинал не стеснялся проливать кровь мятежников, а казнь герцога Монморанси – одного из первых лиц страны – повергла аристократию в шок и заставила смирить гордыню.

Следующими стали гугеноты, получившие в годы правления Генриха IV большие права. Они создали в Лангедоке свое маленькое государство с центром в Ла-Рошели и в любую минуту могли выйти из повиновения. Чтобы покончить с гугенотской вольницей, требовался повод. И он не заставил себя ждать. В 1627 году из-за строительства флота, начатого Ришелье, обострились отношения между Францией и Англией. Англичане направили десант к французским землям и спровоцировали гугенотов на мятеж. Ла-Рошель восстала. Французская армия быстро справилась с английским десантом и осадила крепость. Только голод и потеря надежды на помощь извне заставили защитников Ла-Рошели сложить оружие. По совету кардинала Людовик XIII даровал защитникам крепости прощение и подтвердил свободу вероисповедания, но лишил гугенотов прежних привилегий. Ришелье понимал, что навязать стране религиозную однородность – утопия. В интересах государства вопросы веры отошли на второй план, никаких гонений в дальнейшем не последовало. Кардинал говорил: «И гугеноты, и католики были в моих глазах одинаково французы». Тем самым религиозные войны, раздиравшие страну более семидесяти лет, закончились, но такая политика добавила Ришелье врагов среди служителей церкви.

Приведя к покорности аристократов и решив проблему с гугенотами, Ришелье занялся парламентами, желавшими ограничения королевской власти. Парламенты – судебно-административные учреждения – имелись в десяти крупных городах, и самым влиятельным из них был Парижский парламент. Он имел право регистрации всех королевских эдиктов, после чего

они получали силу закона. Имея права, парламенты пользовались ими и все время добивались большего их расширения. Деятельность Ришелье положила конец вмешательству парламентов в управление государством. Он также урезал права провинциальных штатов – сословных ассамблей. Местное самоуправление первый министр заменил властью чиновников, подчиненных центральной власти. В 1637 году по его предложению была унифицирована провинциальная администрация, которую заменили интенданты полиции, юстиции и финансов, назначенные из центра в каждую провинцию. Кроме укрепления королевской власти это дало эффективный противовес власти губернаторов провинций, которые часто этой властью злоупотребляли в личных целях.

С приходом Ришелье к власти произошли и серьезные изменения в области внешней политики. Он постепенно возвращал страну к политике, проводимой Генрихом IV, уводя все дальше от ориентации на Испанию и Австрию. Ришелье удалось восстановить связи со старыми союзниками Франции и внушить Людовику XIII мысль о необходимости начать решительные действия против притязаний Испании и Австрии. Он отстаивал идею «европейского равновесия», противопоставив его политике испанских и австрийских Габсбургов. Во время Тридцатилетней войны целью Ришелье было сокрушение мощи Габсбургов и обеспечение Франции надежных «естественных» границ. Это цели были достигнуты, но уже после его смерти, юго-западной границей страны стали Пиренеи, с юга и северо-запада было морское побережье, а восточная граница пролегла по левому берегу Рейна.

Ревностный католик, Ришелье заслужил эпитет «кардинал еретиков». Для него в политике вера уступала место государственным интересам. Династия Габсбургов медленно, но неуклонно захватывала Европу, вытеснив Францию из Италии и почти подчинив себе Германию. Протестантские князья не могли самостоятельно противостоять мощи Габсбургов, и Ришелье решает вмешаться. Он начал субсидировать князей и заключать с ними союзы. Готовые капитулировать перед Габсбургами германские княжества благодаря поддержке кардинала и французским пистолям продолжили сопротивление. Дипломатическое и военное вмешательство Франции в ход Тридцатилетней войны (1618—1648) позволило не только продолжить военные действия, но и закончить их полным крахом имперских замыслов Австрии и Испании. Еще в 1642 году, незадолго до кончины, Ришелье сказал своему королю: «Теперь песенка Испании спета», и оказался снова прав. В ходе войны

произошло объединение всех исторических территорий – Лотарингия, Эльзас и Руссильон после долгих лет борьбы вошли в состав Французского королевства. «Испанская партия» не могла простить кардиналу смену политического курса и продолжала устраивать против первого министра заговоры. Его жизнь часто «висела на волоске». Врагом Ришелье стала Мария Медичи, которая после ряда попыток уничтожить того, кто занял ее место рядом с королем, и, поняв, что не сможет свергнуть бывшего своего любимца, просто бежала из страны и больше никогда не возвращалась во Францию. Кроме нее врагами кардинала стали и брат короля Гастон Орлеанский, мечтавший сам занять престол и ради этого готовый пойти на сговор с врагами государства, и Анна Австрийская – испанка, ставшая французской королевой, но так и не принявшая новую родину.

Ришелье видел перед собой единственную цель жизни – благо Франции, и шел к ней, преодолевая сопротивление противников и невзирая на почти всеобщее непонимание. Редко кто из государственных деятелей может похвастаться тем, что ему удалось осуществить все свои замыслы. «Я обещал королю употребить все мои способности и все средства, которые ему угодно будет предоставить в мое распоряжение на то, чтобы уничтожить гугенотов как политическую партию, ослабить незаконное могущество аристократии, водворить повсеместно во Франции повиновение королевской власти и возвеличить Францию среди иностранных держав» – такие задачи ставил перед собой первый министр, кардинал Ришелье. И все эти задачи были выполнены им к концу жизни.

Им были проведены налоговые и финансовые реформы с учетом интересов государства. Он предавал огромное значение идеологической поддержке существующего строя, привлекая для этого церковь и лучшие интеллектуальные силы. Благодаря его усилиям в 1635 году открылась Французская академия, существующая и поныне. При нем во французской литературе и искусстве утвердился классицизм, воспевавший величие государства и идеи гражданского долга. Перу Ришелье принадлежат несколько пьес, которые даже ставились в театре и имели успех. В годы его правления началась реконструкция столицы. Началась она с Сорбонны, где кроме здания старейшего европейского университета было решено провести и внутреннюю реорганизацию, открыв новые факультеты и коллеж, впоследствии носивший имя Ришелье. Кардинал выделил на строительство более 50 тысяч ливров из своих личных средств и передал университету часть библиотеки. После его смерти по воле кардинала Сорбонне было передано все книжное собрание

Ришелье.

Еще один враг был у кардинала Ришелье всю его жизнь – врожденная немощь. Его все время мучили приступы лихорадки, хронические воспаления, бессонницы и мигрени. Болезни усугублялись постоянным нервным напряжением и непрерывной работой. На исходе жизни он написал «Политическое завещание» для Людовика XIII, в котором дал королю наставления по всем вопросам внешней и внутренней политики, а также изложил основные направления своей деятельности.

Кардинал Ришелье скончался 4 декабря 1642 года от гнойного плеврита в своем дворце в Париже, который он оставил королю. С того времени дворец носит название Королевский – Пале-Рояль. Согласно его последней воле, он был похоронен в церкви Парижского университета, в основание которой он лично заложил первый камень в мае 1635 года.

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ СКОПИН-ШУЙСКИЙ (1586—1610)

Князь, боярин, русский полководец.

Княжеский род Скопиных-Шуйских, известный с XV столетия, составляет немногочисленную ветвь Суздальско-Нижегородских удельных князей Шуйских, родоначальником которых был Юрий Васильевич Шуйский.

Он имел трех сыновей – Василия, Федора и Ивана. Скопины-Шуйские ведут начало от его внука. Василий Васильевич, получивший прозвание Бледный, который в период правления Ивана III был назначен наместником в Псков, а затем в Нижний Новгород, участвовал в военных походах в Литву и Казань и во время казанского похода стоял во главе войска. Из троих детей Василия Васильевича двое были названы Иванами. От Ивана Большого, получившего прозвание Скопа, и начались Скопины-Шуйские. Род этот быстро угас, князей Скопиных-Шуйских было всего трое. Сам Иван Васильевич Скопа при Иване III был воеводой, а с 1519 года стал боярином. Участвуя в казанских и литовских походах, он возглавлял Большой полк. Его сын, Федор Иванович, был назначен первым воеводой в Вязьме и 24 года своей жизни посвятил ратным делам, приняв участие во всех военных походах. Боярином он стал в 1549 году.

Василий Федорович Скопин-Шуйский, сын Федора Ивановича, отличился в период обороны Пскова от войск Стефана Батория. Кроме заслуг воинских его отличало и умение быть нужным при дворе. Рано достигнув боярского звания, его несколько раз посылали управлять Псковом, а под конец карьеры он получил в управление Владимирский судный приказ. В царствование Федора Иоанновича, когда вражда между Шуйскими и Годуновым усилилась, последнему удалось обвинить Шуйских в измене государю. «Изменники» были арестованы и сосланы в отдаленные места. Но не все. Василий Федорович хоть и был лишен каргопольского наместничества, которым управлял в то время, но остался жить в Москве. В приговоре по делу Шуйских было о нем сказано: «…а брат их большой, князь Василий Федорович Скопин-Шуйский, слово о нем не дошло (то есть признан невиновным. – Авт.), и он перед государем живет по-старому». Скончался Василий Федорович в 1595 году и был похоронен в Суздале, в семейном склепе.

Военную славу рода продолжил его сын – Михаил Васильевич Скопин-Шуйский. Княжич Михаил родился 8 ноября 1586 года. Отец Михаила умер, когда княжичу шел одиннадцатый год. Воспитывала его мать, боярыня Елена Петровна, урожденная княжна Татева. Она постаралась дать сыну соответствующее его знатному роду воспитание и образование. До семи лет Михаил учился дома, потом пошел в школу.

Службу во дворце Михаил Скопин-Шуйский начал в возрасте пятнадцати лет в качестве жильца. Он выполнял отдельные поручения царя Бориса. Михаил был тих нравом, любил читать, особенно книги о воинских подвигах. В 1604 году, когда ему исполнилось 18 лет, он получил чин стольника и стал участвовать в посольских приемах.

В октябре 1604 года начался поход к Москве Лжедмитрия I, а в июне 1605 года он торжественно вошел в Москву. И на престоле водворился «царь и великий князь Дмитрий Иванович всея Руси». С его приходом к власти изменилась и судьба молодого Михаила. Новый царь отметил Михаила боярством и должностью Великого мечника – новым дворянским званием, введенным им по польскому образцу. Оценив не только красоту, но и ум, честность и благородство Скопина-Шуйского, Лжедмитрий поручает ему важную для себя миссию – привести в Москву «мать» царя, Марию Нагую, жившую монахиней в отдаленном монастыре.

Власть Лжедмитрий удержать долго не смог. В мае 1606 года в Москве вспыхнуло восстание. Лжедмитрий I и многие из его приближенных были убиты. Царем был провозглашен князь Василий Иванович Шуйский, родственник Михаила Скопина-Шуйского. Тогда же стольник Скопин-Шуйский стал воеводой. Кстати сказать, Скопины в роду Шуйских были старшей линией по сравнению с линией царя Василия Шуйского и, следовательно, имели больше прав на престол. Это всегда беспокоило царя Василия Шуйского и заставляло с подозрением относиться к племяннику. Но в то время Михаил занимал как бы нейтральную позицию. Он не был особенно близок с Лжедмитрием, не принимал участия в заговоре своего дяди и перемены на престоле воспринял как должное. И скоро ему пришлось проявить себя на военном поприще, став одним из самых знаменитых полководцев того времени. Первая воинская слава пришла к нему в сражениях с отрядами Ивана Болотникова, которые не раз разбивали высланные против них войска царских воевод. Помимо крестьян и холопов в лагере Болотникова находились казаки и стрельцы. Немало было и дворян и детей боярских. Скопин-Шуйский был назначен воеводой «на вылазке». Он наносил со своим отрядом стремительные удары по восставшим и отводил войска в

Скородом – деревянную крепость вокруг Замоскворецкого предместья.

Болотников форсировал события, попытавшись взять Москву штурмом. В одну из темных ноябрьских ночей повстанцы приблизились к Серпуховским воротам. Но неожиданного нападения не получилось. Московское войско у Серпуховских ворот ожидало нападения врагов. Кое-где на стенах были расставлены пушки, возле них находились пушкари, готовые в любую минуту дать залп.

Нападение войск Болотникова на Серпуховские ворота, охраняемые ратью Скопина-Шуйского, началось с перестрелки. Несмотря на потери, Болотников продолжал приближаться к стенам, и тогда царский воевода совершил неожиданную вылазку. Москвичи, воодушевляемые своим предводителем, опрокинули неприятеля и хотели преследовать его, но Скопин-Шуйский остановил их. Утром царский воевода собирался напасть на Коломенское, где располагался лагерь Болотникова.

Рейды Скопина-Шуйского мешали восставшим окружить Москву. Но 26 ноября Болотников все же переправил значительную часть своего войска через Москву-реку в обход города с востока, чтобы полностью блокировать столицу.

27 ноября Скопин-Шуйский нанес из Замоскворечья удар по войскам Болотникова. Болотников, успевший собрать около 20 тысяч воинов, был разбит, но, пользуясь наступившей темнотой, сумел отступить к Коломенскому.

2 декабря Скопин-Шуйский из Данилова монастыря двинулся к Коломенскому. Узнав о походе воеводы, Болотников не стал дожидаться нападения и сам выступил навстречу царским войскам. Сражение произошло ночью у деревни Котлы. Крестьяне и холопы под руководством Болотникова попытались разбить войска Скопина-Шуйского по частям, но были опрокинуты ударом тяжелой дворянской конницы. Все же части восставших во главе с Болотниковым удалось отступить. Князь Михаил Васильевич окружил Коломенское, но не повел войска на штурм, а дождался подхода сильной артиллерии. Трехдневная бомбардировка укреплений не привела к результату, и тогда Скопин-Шуйский приказал применить новый снаряд – сочетание зажигательного ядра с разрывной бомбой. Восставшие сразу же понесли большие потери и вынуждены были выйти в чистое поле, где были разбиты царскими войсками. Несмотря на разгром, Болотников сумел увести в Калугу более 10 тысяч воинов. Часть восставших ушла в Тулу.

Отряд Болотникова, оборонявший Калугу, был вскоре осажден огромным войском под командованием Ивана Ивановича

Шуйского. Но Болотников сумел отразить приступ, а затем ежедневно стал совершать вылазки за пределы города, уничтожая осаждавших. В январе 1607 года царь послал на помощь осаждавшим Калугу войскам «особый полк», которым командовали Федор Иванович Мстиславский, Михаил Васильевич Скопин-Шуйский и его дядя Борис Петрович Татев, причем Скопин-Шуйский имел право на самостоятельные действия.

Михаил Васильевич попытался задействовать тяжелую артиллерию, но оказалось, что осажденные подготовились к этому. Однако Скопин-Шуйский не ограничился простым обстрелом. Одновременно он повел на Калугу высокий вал из бревен, и под его прикрытием царское войско подбиралось к городу.

Казалось, что Калугу уже ничто не может спасти, но когда вал подошел к палисаду и возле него скопились царские войска, по приказу Болотникова ночью были взорваны выведенные из города мины. Поднялся огромный столб земли, разметавший и вал, и людей. Вслед за взрывом на царские войска обрушились отряды осажденных. Болотников атаковал царское войско и обратил его в бегство. Способными к сопротивлению оказались лишь Скопин-Шуйский и казачий атаман Павлов. Возглавляемые ими немногочисленные отряды отсекли восставших от бежавших царских вояк.

Под командой Скопина-Шуйского стала спешно создаваться новая армия. В ее состав вошли татары, мордва, чуваши, «даточные люди» монастырей, служащие двора. Скопин-Шуйский, которому к тому моменту исполнился 21 год, стал воеводой Большого полка.

В начале 1607 года Болотников выступил против главных сил Шуйского в Серпухове, но затем свернул на Каширу, стремясь обойти царские полки и прорваться к Москве, где не было крупных полков. Его намерения раскрыли перебежчики. Недалеко от Каширы, на реке Восме, болотниковцы и казаки были разбиты полками воеводы Андрея Васильевича Голицына, вовремя получившего подкрепление от Скопина-Шуйского.

Болотников ушел к Туле, закрепившись за топкой речкой Воронкой. Немногочисленные силы крестьянского вожака, растянувшись на семь верст, прикрыли открытое пространство между Малиновой засекой Тульской засечной черты и укреплениями при Калужской дороге. Скопин-Шуйский, зная, что его многочисленную армию легко может охватить паника, повел в бой лишь собственные отборные полки. Дворянские сотни, отвлекая внимание, попытались форсировать речку сразу в нескольких местах. Главный же удар Скопин-Шуйский нанес

возле самой Малиновой засеки. Прорвав оборону, отборная конница Скопина-Шуйского гнала бежавших в панике повстанцев семь верст, но ворваться в город не смогла. Болотников остановил бежавших и перебил прорвавшихся в городские ворота.

12 июля 1607 года началась осада Тупы. Спустя две недели к городу подтянулась вся царская армия. Опираясь на подавляющее превосходство в численности и мощную артиллерию, Скопин-Шуйский попытался взять город приступом. В течение месяца царская армия 22 раза ходила на штурм. Но осажденные также не сидели сложа руки. По три-четыре раза на дню они делали вылазки, нанося потери царским войскам. Болотников призывал жителей держаться, обещая, что скоро подойдет помощь (в июле в северских городах появился Лжедмитрий II). Чтобы ускорить взятие города, Скопин-Шуйский приказал построить дамбу на реке Упе. Поднявшаяся вода затопила город и крепость. Но повстанцы сдаваться не собирались. Приближался конец четвертого месяца боев за город. И тогда Василий Шуйский предложил Болотникову сдаться при условии сохранения жизни и свободы ему, другим предводителям восстания и всем защитникам Тулы. 10 октября Тула сдалась. Болотников был схвачен и казнен.

Тем временем над Россией нависла новая опасность – вторжение польских войск под руководством Лжедмитрия II. Основу войск самозванца составляли польские отряды князя Вишневецкого и князя Ружинского. К нему примкнули некоторые южнорусские дворяне, казаки Заруцкого и остатки разбитых войск Болотникова.

В 1607 году Лжедмитрий II предпринял поход на Брянск и Тулу. В мае 1608 года под Балковом самозванец разбил войска Шуйского и подошел к Москве, создав лагерь в селе Тушино.

Еще за год до нападения Лжедмитрия II шведы предлагали царю Василию Ивановичу свою помощь, но их предложение было отклонено. Однако во время стояния Лжедмитрия в Тушино царь Василий забыл свои амбиции и поручил Михаилу Скопину-Шуйскому провести переговоры со шведами. Вместе со Скопиным к шведам был послан и Семен Васильевич Головин.

Добравшись до Новгорода, царский воевода обнаружил, что жители города настроены против Василия Шуйского. Доходили слухи, что Псков и пограничные со Швецией города Орешек и Ивангород присягнули Лжедмитрию II. Поэтому Скопин-Шуйский отправил к шведам Головина, а сам остался в Новгороде.

Вскоре в Новгороде стало известно, что к городу направляются поляки и русские из войска Лжедмитрия. Одновременно несколько новгородских старост донесли Скопину-

Шуйскому о предательстве новгородского воеводы Михаила Татищева. На следующий день, собрав на площади новгородцев, Михаил Васильевич рассказал им, какое обвинение возводят на воеводу. Новгородцы не любили Татищева и поэтому не стали обсуждать, виноват он или нет – воевода был растерзан толпой.

В середине марта к Новгороду подошло 5-тысячное шведское войско. В апреле соединенное шведско-русское войско выступило из города. Вскоре передовой шведский отряд столкнулся с поляками. Поляки были разбиты и бежали, оставив пушки и обозы. Объединенное войско двинулось дальше.

Подойдя к Твери, Скопин-Шуйский обнаружил, что она занята поляками. Первый штурм города не удался, но второй был успешным. Русские и шведские ратники ворвались в город, преследуя поляков. Разбитые под Тверью поляки бежали к Троице-Сергиевой лавре, которую осаждало войско Сапеги.

Князь Михаил Васильевич расширял подвластную ему территорию, расставляя гарнизоны в захваченных городах, беря под контроль важнейшие дороги. Постепенно создавалась система укрепленных городов, монастырей и полевых крепостей, в которых укрывались войска Скопина-Шуйского, и из которых они при всяком удобном случае нападали на врага. Сам воевода Михаил Васильевич стоял с войском в Александровской слободе. Здесь шло обучение войск, формировались новые отряды, накапливалось оружие.

Из Александровской слободы Скопин-Шуйский выступил на Дмитров. Туда же, прекратив бесплодную осаду Троице-Сергиева монастыря, устремился и Сапега.

В начале февраля отряды воеводы Михаила Васильевича появились под Дмитровом. Они принялись уничтожать фуражиров, часто приступали с «огненным боем» к крепости. Воевода с главными силами встал в деревне Шепиловке по дороге из Дмитрова к Троице-Сергиеву монастырю. Ратники Скопина-Шуйского врывались в лагерь казаков Сапеги и навязывали им бой. Но воевода всегда отзывал их назад: не имея сил штурмовать город, он пытался заставить Сапегу покинуть его. В конце месяца, заклепав тяжелую артиллерию, поляки покинули Дмитров и отошли под Смоленск, на соединение с войсками короля Сигизмунда. Спустя неделю сторонники Лжедмитрия II оставили Тушино.

12 марта 1610 года полки князя Михаила Васильевича вступили в столицу, встречаемые боярами и народом, который падал на колени и со слезами благодарил воеводу за «очищение Московского государства». Царь и бояре, в особенности члены рода Шуйских, ревниво наблюдали за возвышением Скопина-

Шуйского. Слава полководца не давала им покоя.

В апреле воевода был приглашен на пир по случаю крестин сына князя Воротынского. На пиру Скопин-Шуйский ел только с общего блюда и почти не пил, но избежать отравления не смог. Боярыня Екатерина Григорьевна, жена Дмитрия Ивановича Шуйского, признанного наследником бездетного царя Василия, поднесла Скопину-Шуйскому чашу с медом, куда было подсыпано зелье. Прямо на пиру князь Михаил Васильевич упал, у него носом пошла кровь. Промучившись несколько дней, 23 апреля 1610 года молодой воевода скончался.

МАРИНА МНИШЕК (около 1588 – не ранее 1614) *Царица московская, жена Лжедмитрия I.*

Мнишки (Мнишеки) – старинный род, берущий начало в чешских землях, в Великих Кончицах, и с XV века осевший в Моравии. Польская ветвь рода появляется в 20-е годы XVI века, когда Николай Мнишек из-за преследований императора Фердинанда был вынужден продать владения и переселиться в Польшу под покровительство канцлера Кшиштофа Шидловского. В Польше Николай Мнишек стал быстро продвигаться вверх по служебным должностям. Он был назначен на должность маршалка при дворе Шидловского и в 1530 году получил титул королевского дворянина. В 1543 году он стал бургграфом Краковского замка. Николай Мнишек имел в Польше большие владения, а с 1551 года ему была назначена ежегодная пенсия в 400 злотых. Близость Николая Мнишека к польскому королю Сигизмунду-Августу позволила и его детям занимать высокие должности. Старший сын Ян Мнишек получил университетское образование, а затем был назначен на должность старосты сначала луковского (1556), потом красноставского (1572). С 1606 года Ян Мнишек выехал в Россию вместе со своей племянницей Мариной и большой свитой в количестве 107 человек. Он жил в доме Федора Шереметева. Вместе со всем семейством он был выслан в Ярославль, а в начале августа 1608 года Мнишки были освобождены царем Василием Шуйским. Ян сразу же вернулся в Польшу.

Его брат Ежи (Юрий) вошел в польскую историю не только как отец претендентки на российский престол Марины Мнишек – жены Лжедмитрия I и Лжедмитрия II, но и как близкий друг короля Сигизмунда-Августа, которому он поставлял любовниц. Как и Ян, он учился в университете, а затем занимал последовательно должности коронного кравчего, радомского кастеляна, сандомирского воеводы и старосты в ряде областей. В его доме жил доктор философии Симон Вендзицкий, который был нанят в качестве учителя для сыновей Мнишека. Он также являлся и составителем родословного древа семьи Мнишеков, возведя их к Карлу Великому и императору Оттону, возможно, по требованию самого Ежи Мнишека. В дальнейшем эта легенда нашла отражение в фамильной портретной галерее. После смерти

короля Ежи Мнишек был обвинен в разграблении казны и ценностей, но сумел избежать ответственности. Ежи Мнишек участвовал в Ливонской войне, осаждая Псков в 1581 году во главе 200 конников. Вернувшись после войны в Польшу, он продолжал роскошную жизнь. Ежи имел обширные владения и большое количество долгов. Он был должен королю, своим детям и их женам, многим магнатам. Он не платил податей и не гнушался заниматься воровством. В 1603 году он был вынужден продать часть владений и вернуть часть долгов на сумму 28 тысяч злотых. На следующий год, когда в Польше появился Лжедмитрий, Ежи Мнишек оказал ему поддержку, преследуя не только честолюбивые планы, но и политическую и материальную выгоды. Он возглавил польское войско и в 1604 году выступил под Новгород-Северский, где действовал против войска Федора Мстиславского. На следующий год Ежи Мнишек получил в подарок от Лжедмитрия (на помолвку с дочерью Мариной) 500 тысяч рублей и ценности, что помогло ему вернуть часть долга королю. Перед отъездом в Москву ему снова было передано 300 тысяч злотых. После приезда в Россию Ежи Мнишек старался походить на «московита», для чего носил традиционную русскую одежду, отрастил волосы и бороду. Но это не спасло его от ссылки в Ярославль. После освобождения он примкнул к лагерю Лжедмитрия II, от которого получил обязательство на сумму в 300 тысяч рублей и 14 замков. На сейме 1611 года в Варшаве, куда Ежи Мнишек выехал в 1609 году, он был обвинен как инициатор и участник неудачного «московского похода», но ему снова удалось все сгладить и уйти от ответственности. Скончался Ежи Мнишек в 1613 году.

Сын Ежи Мнишека Станислав Бонифаций также участвовал в походе Лжедмитрия I на Москву во главе роты гусар. Он присутствовал на торжественной коронации своей сестры Марины и ее свадьбе с Лжедмитрием. В Польшу он вернулся только в 1611 году. Из за долгов своего отца ему пришлось заложить родовое имение Ляшки, которое он смог снова выкупить только в 1638 году.

Еще один представитель этого рода Йозеф Вандалин Мнишек, великий коронный маршалок, предъявил России иск на возмещение убытков, понесенных его предками во времена Лжедмитрия. Он обращался через представителей непосредственно к царю Петру, который предложил Мнишеку частичное возмещение убытков. Но на это Мнишек не согласился. Он стал обращаться за помощью ко всем русским послам в Польше, предъявляя документы из семейного архива. Он обращался и к Анне Иоанновне, и к Бирону, и к королю Августу

III за поддержкой, от которого получил рекомендательное письмо. Ему предлагались различные варианты урегулирования претензий, но Йозеф требовал полной компенсации. В результате все его попытки, длящиеся около 20 лет, так и не увенчались успехом, и он не получил ничего.

Последующие представители рода Мнишеков были политическими и военными деятелями, дипломатами и учеными. В 1783 году Мнишеки получили графский титул в Австрии. К середине XIX века род начал угасать. Его последние представители выехали во Францию, продав родовое имение.

Самой знаменитой женщиной рода Мнишков была Марина, дочь Ежи Мнишека.

Четвертая дочь пана Ежи Марина выросла в родительском доме среди роскоши и пышности Самбора. С детства ей часто рассказывали о знаменитости ее рода, о тех великих услугах, которых Мнишеки на протяжении веков оказывали германским императорам. Рассказы не прошли даром – характером она была горда и честолюбива, и ради этих качеств могла все принести в жертву. В родительском доме она научилась читать и писать, усвоила главнейшие основы католицизма. С этим запасом знаний и ощущений Марина Мнишек вполне была готова вступить в большую жизнь.

В это время появляется Григорий Отрепьев, будущий Лжедмитрий, впоследствии муж Марины. В середине 1602 года он появляется в Брагине, во дворе князя Адама Вишневецкого, где на следующий год открыто объявляет себя претендентом на московское царство. Когда еще через год Сигизмунд III призвал самозванца ко двору, то с ним в Краков поехал и князь Константин Вишневецкий. Но перед Краковом он вместе с Отрепьевым заехал в Самбор. Здесь последовали многочисленные совещания, итогом которых стало решение о том, что отныне Ежи Мнишек будет главным советником и покровителем самозванца. Решение это, пожалуй, в первую очередь было продиктовано тем, что Отрепьев сразу же по знакомству влюбился в Марину и просил у отца ее руки.

Осторожный Мнишек в ответ на просьбу Отрепьева отдать ему дочь в жены хотя в дальнейшем и строил все свои планы исходя из этого, пока не сказал ни «да» ни «нет». Решение было отложено, но сама Марина дала свое согласие. Ее решение было продиктовано как собственным выбором, так и советами отца. Отец и дочь поняли друг друга и решили ставить отныне на одну лошадь.

Ежи везет Отрепьева в Краков, где последний заручился благосклонностью короля, ряда вельмож, папского нунция и

иезуитов.

В мае они вернулись в Самбор, где Отрепьев письменно обязуется жениться на Марине и подарить ей из царской казны много «серебра столового и лучших драгоценностей», а ее отцу – 1 миллион польских злотых на уплату долгов и на путевые издержки невесты.

В сентябре 1604 года Лжедмитрий и Юрий (так в дальнейшем будет именоваться Ежи Мнишек) пошли в поход на Москву.

По воцарению в Москве Лжедмитрий не забывал Мнишеков. В начале ноября 1605 года Отрепьев присылает в Краков торжественное посольство за разрешением жениться на Марине и просит короля Сигизмунда дать согласие ей и ее отцу выехать в Москву. И 22 ноября в Кракове состоялось заочное бракосочетание Марины и Лжедмитрия. Подарки, присланные из Москвы, невесте, тестю и королю Сигизмунду единодушно вызывали удивление своей роскошью. В марте 1606 года Марина Мнишек в сопровождении огромной свиты выехала в Москву. Ее везде приветствовали как московскую царицу, а въезд в столицу в окружении множества родственников, друзей и придворных был обставлен очень торжественно.

18 мая 1606 года были совершены коронация и вторичное бракосочетание Марины и Лжедмитрия. Оба этих обряда были совершены по православному канону (хотя Марина не имела никакого разрешения на это от папы, но честолюбие оказалось сильнее привязанности к католической церкви).

Но уже 27 мая 1606 года в Москве вспыхнул открытый бунт против Лжедмитрия. О бунте молодых предупредил Басманов и предложил им спасаться. Разъяренная толпа была уже во дворце, и бежать царице не удалось. Она спряталась в комнате, служившей спальней для женщин ее свиты. Казановская – гофмейстерина Марины Мнишек – сказала ворвавшимся в покои людям, что царицы нет, так как она еще утром отбыла к отцу. Из покоев толпу прогнали подоспевшие бояре, а для охраны царицы поставили стражу, которая вскоре стала охранять ее уже как пленницу. Правда, содержали ее под стражей достаточно пристойно.

После воцарения Шуйского ее вернули отцу. Она держалась бодро, не пала духом и говорила своему окружению, начинающему было ее утешать: «Избавьте меня от ваших безвременных утешений и слез малодушных. Признанная однажды за царицу сего государства, никогда не перестану быть ей».

26 августа Марина с отцом по царскому повелению были отправлены на жительство в Ярославль, куда за ними

последовало 375 поляков, включая всех придворных дам и фрейлин Марины. Здесь им было суждено прожить около двух лет. Шуйский – как и сама Марина, и ее отец – помнил, что она – венчанная московская царица. Поэтому с ними было велено обращаться «помягче».

Обстановка позволяла им не только жить более-менее сносно, но и плести интриги против Шуйского, главной задачей которых было убедить всех, что Лжедмитрий жив и что он пока скрывается, выжидая подходящего момента до вступления в борьбу со своими недругами.

Вскоре Лжедмитрий «объявился» в Самборе, о чем отец радостно сообщает Марине, «позабыв» ей сказать поначалу, что речь уже идет не о ее муже. Марина тем более охотно поверила, что ее нареченный жив, потому что слухов о его чудесном спасении ходило немало. Понемногу Юрий начинает открывать глаза дочери на действительное положение дел. Марина прекрасно понимала, чем ей лично грозит раскрытие обмана. Понимала, что ей придется делить не только трон, но и ложе с ловким авантюристом.

Заключенный на четыре года мир Шуйского с поляками позволил Юрию и Марине вернуться на родину. Но вместо Польши они оказались (по собственному желанию) в лагере Лжедмитрия II, прозванного в дальнейшем Тушинским вором.

Этот Лжедмитрий II, жизнь которого будет тесно связана с жизнью Марины, был фигурой весьма колоритной, человеком «грубых и дурных нравов». Но он, без сомнения, был также весьма талантливым человеком, имевшим немалые шансы на престол (недаром к нему переметнулся и Филарет, отец будущего царя Михаила Романова, и именно в Тушино его возведут в патриархи), и именно поэтому Мнишеки решили поставить на него.

Марина ждала встречи. Сначала Юрий съездил к Тушинскому вору и приехал оттуда довольный – он «опознал» зятя, а тот пообещал ему щедрые награды, когда утвердится на троне. Затем последовал приезд «супруга» к Марине. Та была шокирована – перед ней был человек «обличьем слуга, волосом черен, нос покляп, ус не мал, брови велики нависли», а из его слов, весьма откровенных, из всей манеры поведения чувствовалось, что по натуре он жесток, коварен, развратен.

В первые же дни Марина тайно обвенчалась с Самозванцем в Тушино, хотя как супруга она была нужна ему в последнюю очередь, в первую же – как живое и вернейшее подтверждение его законных притязаний на престол. Супруги обо всем договорились, и далее последовала хорошо разыгранная пьеса торжественного

въезда Марины в тушинский лагерь. В честь царицы гремели орудия, Марина же «лицедействовала столь искусно, что зрители умилялись ее нежностью к супругу: радостные слезы, объятия, слова, внушенные, казалось, истинным чувством – все было употреблено для обмана». «Политическое приданое» Лжедмитрий начал получать с Марины очень скоро – число беглецов из Москвы резко возросло, причем здесь теперь стали появляться и представители лучших московских фамилий, и крупные чиновники Шуйского. Но тушинский лагерь, да и сам Лжедмитрий II, находились практически полностью в руках поляков.

Начальник крупного отряда поляков Ян Петр Сапега действовал исключительно по своему разумению. Командующий польскими отрядами в Тушино князь Ружинский считался с самозванцем еще меньше.

Жизнь в Тушино для Марины была трудна. Первые месяцы она, как и сам Лжедмитрий, жила в палатках, и только с наступлением холодов царю с царицей и воеводе построили «квартиры». Так дочь воеводы, выросшая в роскоши, царица, пожившая в Кремле, была вынуждена ютиться в нескольких комнатах избы. Правда, с припасами было все в порядке. Местности, признавшие Лжедмитрия, обеспечивали его войско провизией.

17 января 1609 года Юрий Мнишек уезжает в Польшу. Он ехал на сейм агитировать и ратовать за нового зятя, собирать ему людей и средства, формировать выгодное ему общественное мнение. Дочь осталась одна – Мнишек уехал почти вместе со всеми теми, кто жил с ним в Ярославле, кого Шуйский освобождал по мирному договору, то есть Марина потеряла почти всех своих старых знакомых в лагере, лишившись и поддержки.

Самозванец это почувствовал, и вскоре почти полностью лишил ее внимания и как государыню, а вместе со вниманием и средств к приличному существованию.

В Польше Юрию Мнишеку не удалось уговорить сейм поддержать Лжедмитрия II, а в апреле 1609 года Сигизмунд сам собрался идти на Русь – брать себе Смоленск. Когда же он уже стоял под Смоленском, дядя Марины Стадницкий, уполномоченный королем, письменно предложил ей отказаться от притязаний на русский престол, за что ей давали землю Саноцкую с доходами от Самборской экономии. Данное предложение обидело московскую царицу, и Марина ответила отказом.

А в декабре в Тушино прибыли королевские послы с поручением отвлечь тушинских поляков от Лжедмитрия и взять

их на королевскую военную службу. Войско выбрало депутацию для разговоров с послами, которая в первой же беседе с посланцами Сигизмунда потребовала, чтобы король «довольствовался лишь Северской землей и Смоленском, а им помог посадить Дмитрия на царство». Послы выразили несогласие, на что депутаты выдвинули новое требование: «Пусть король заплатит 20 миллионов, которые мы заработали, и удовлетворит царицу, тогда мы будем желать подчинить это государство Речи Посполитой». Разговор шел лишь об удовлетворении прав Марины – законность ее претензий для всех была несомненна. Точно так же, как никто в Тушино не сомневался в том, что Самозванец – обманщик, но он слишком много им пообещал, чтобы это можно было просто так забыть.

Но тут последовал побег Лжедмитрия II из тушинского лагеря: донские казаки, прикрыв его телом, на телеге вывезли в Калугу. После его бегства послы обратились к «московской партии» тушинцев, во главе которой стоял Филарет. В результате было принято общее решение о том, что на русском троне желательно видеть лишь «потомство» Сигизмунда, с Шуйским же и Лжедмитрием дел иметь не следует. Марина все видела, но была бессильна. Она поняла, что отныне ее единственным шансом в борьбе за престол стал Лжедмитрий. Она, правда, попыталась после бегства супруга переломить ход событий: с распущенными волосами, в слезах она ходила из ставки в ставку по лагерю, заклиная воинов быть верными ее мужу и жалуясь на поляков. В результате около 3 тысяч человек во главе с князьями Трубецким и Засекиным уехали в Калугу. Марина поняла, что пока она сделала все, что могла.

В январе 1610 года Марина пишет послание королю Сигизмунду, в котором поручает себя королю, испрашивает себе милость, но не отрекается от своих прав на престол. Она обещает послать к Сигизмунду послов в официальное развитие своего письма, но послы так и не были посланы – ситуация вновь изменилась. Король так и не смог договориться с тушинскими поляками, и многие из них начали сожалеть о Лжедмитрии, который из Калуги слал им ласковые послания. Лагерь колебался: то ли поддержать короля, то ли Марину как законную царицу. То ли идти за ней, то ли выдать ее Сигизмунду или Москве. Дабы не подвергаться опасности быть выданной, Марина сговаривается с Лжедмитрием на побег к нему в Калугу. В ночь с 23 на 24 февраля она в сопровождении десятка казаков и слуг бежала из Тушина. По ошибке она попала на дмитровскую дорогу вместо калужской, где ее захватили разъезды Яна Сапеги, который под давлением отрядов Скопина-Шуйского отступил от Троицко-

Сергиевой лавры к Дмитрову.

Сапега с почетом встретил царицу и посоветовал ей ввиду критического положения, как ее лично, так и его, уехать в Польшу, но Марина отказалась: «Мне ли, царице всероссийской, в таком презренном виде явиться к родным моим! Я готова разделить с царем все, что Бог ни пошлет ему». В сопровождении, выделенном Сапегой, ей удалось уйти в Калугу.

В Калуге жители радостно приветствовали царицу, явившейся их взору юным воином в шлеме и с волосами до плеч. Началась калужская жизнь, более спокойная, чем тушинская, ибо здесь не было чопорных польских вождей, не было воинских сборов, инициаторами которых выступали польские роты. Здесь задавались пиры, было довольство. Лишь поведение супруга осложняло жизнь Марины, но и в этой ситуации она старалась извлечь для себя положительное, ибо на его фоне стремилась выглядеть как можно лучше.

В июне 1610 года под Клушиным гетман Жолкевский, посланный Сигизмундом на Москву, разбил московское войско под командованием брата царя, князя Дмитрия Шуйского. Узнав об этом, Лжедмитрий выступил на Москву. Вместе с Мариной. Во главе «калужан» они вошли в село Коломенское, где встали лагерем. Здесь они узнали о пострижении царя Василия Шуйского и о присяге москвичей 17 августа 1610 года польскому королевичу Владиславу. К Лжедмитрию и Марине прибыли послы Жолкевского с предложением отступиться от Московского престола, за что им были обещаны разные милости. Отказав послам, Лжедмитрий и Марина ушли в Калугу. С ними ушел и атаман Заруцкий. Это было существенным приобретением, ибо атаман был фигурой известной и сильной.

А в то время первый боярин Боярской думы князь Мстиславский, извещая Россию о присяге Владиславу, убеждал всех окружной грамотой от 30 августа: «Марину Мнишкову, которая была за убитым расстригой, Гришкой Отрепьевым, и с нынешним вором по московскому государству ходит, государыней московской не называти и смуты никоторне вперед в Московском государстве не делати и отвести ее в Польшу».

Лжедмитрий от огорчения предался разгулу и пьянству, а 11 декабря 1610 года погиб на охоте. Марине пришлось почти окончательно проститься с мечтой о московском троне. Правда, она надеялась, что появившийся вскоре сын, нареченный Иваном, даст ей возможность все-таки остаться царицей. Но ее связь с Заруцким была всем известна, и московские бояре, бывшие при Лжедмитрии II, не захотели служить ни вдове, ни ее сыну, а взяли Марину под стражу и обо всем известили Москву. Марина пишет

паническое письмо Сапеге, стоявшему под Калугой: «Освободите, ради Бога, освободите! Мне дают жить только две недели. Вы славны; будьте еще славнее, спасая несчастную. Милость Божия будет вам вечной наградой». Но Сапега от города отошел.

Марину же перевели из Калуги в Коломну, где она содержалась почти по-царски, ибо Ляпунов, лидер первого ополчения, частично признал права ее сына. Тем временем усиливался ее верный сторонник Заруцкий. Вместе с Ляпуновым он возглавил первое ополчение, а потом единолично возглавил все войско. Но в Ярославле и Нижнем Новгороде Пожарский и Минин уже собирали второе ополчение. Заруцкому в нем места не было.

Атаман уходит в Коломну, и «взяв там царицу, отправился с ней в Михайлов», откуда «он в течение лета и зимы дрался с Москвой». Эти полгода убедили его, что на Москве ему правителем не быть, как не быть в ней Мариниому сыну царем. Москва начала стягивать против Заруцкого свои силы и в конце сентября 1613 года дала ему генеральное двухдневное сражение, в котором победителей не было. Но все же Заруцкий с Мариной ушел в Астрахань. Здесь Заруцкий вел себя крайне неразумно. Он грабил и убивал без меры, а все грамоты писал от имени «государя царя и великого князя Дмитрия Ивановича всея Руссии, и от государыни царицы и великой княгини Марины Юрьевны всея Руссии, и от государя царевича и великого князя Ивана Дмитриевича всея Руссии». Бунт не заставил себя ждать. Атаман, опасаясь московского войска, решил бежать. Сначала было решено спасаться в глубине страны, потом передумали и решили бежать морем. Но когда опять проходили мимо Астрахани, то их отряд был разбит и лишь Заруцкому и Марине с сыном, да горсти казаков удалось скрыться. Они ушли на реку Урал, где их настигли правительственные войска. И тогда казаки выдали своего атамана, его жену и ее сына. Всех троих привезли в Москву, и даже Марину везли скованной.

Этим же летом в Москве Заруцкого посадили на кол, трехлетнего сына Марины повесили, а ее саму сослали в Коломну, где она умерла то ли в самом конце этого же 1614 года, то ли в самом начале следующего.

ОЛИВЕР КРОМВЕЛЬ (1599—1658)

Английский военный и политический деятель, лорд-протектор Англии (с 1653).

Род Кромвеля не имеет никакого отношения к тем лордам Кромвель, которые в XIV–XV веках стали английскими пэрами. Он принадлежал к роду, ведущему начало от дворянской фамилии Уильямсов, которая укрепилась в качестве представителей местной элиты в графстве Гентингдоне со времен Реформации. Уильямсы состояли в родстве со знаменитым министром короля Генриха VIII Томасом Кромвелем. Он был графом Эссекским и вошел в историю с прозванием «молот монахов» за то, что вел беспощадную борьбу со святыми отцами церкви, безжалостно распродавая церковные земли. Племянник Томаса Кромвеля, сэр Ричард Уильямс, при всесильном дяде сумел обогатиться, захватив несколько хороших имений. Он также предпочел изменить родовую фамилию на фамилию дяди – Кромвель. В качестве агента дяди он проводил монастырскую диссолюцию в графстве Гентингдоне и, чтобы себя не обидеть, захватил три аббатства, два приорства и владения женского монастыря в Хинчинбруке. Все это позволило ему стать мужем дочери лорд-мэра Лондона.

Опала и казнь Томаса Кромвеля Ричарда не коснулись, ему пришлось лишь расстаться с должностью агента и провести жизнь в имениях, которые, кстати сказать, приносили великолепный доход – 2500 фунтов стерлингов в год. Ричард Кромвель занялся хозяйством, устраивал пиры и охоты, то есть стал вести жизнь сельского дворянина.

После смерти Ричарда все его состояние досталось сыну Генри, который, ведя роскошную жизнь, получил прозвание «Золотого рыцаря». Сэр Генри был веселым, добродушным и гостеприимным человеком, а устраиваемые им игры славились на сто миль в округе. На руинах монастыря в Хинчинбруке он построил прекрасный дворец. Генри Кромвель имел двоих сыновей, старший из которых, Оливер, стал наследником состояния отца. За короткое время он пустил по ветру фамильное наследство, и ему даже пришлось продать и Хинчинбрук.

Младший сын сэра Генри, Роберт, получил по закону лишь

малую долю от наследства отца, приносящее ему доход лишь в 300 фунтов стерлингов в год, что было совсем немного. В графстве сэр Роберт занимал солидное положение, находясь в разное время на должностях мирового судьи и бейлифа города Гентингдона. Он был женат на Елизавете Стюарт, которая с гордостью говорила о своем родстве с шотландским королевским домом. После 10 лет счастливого брака 25 апреля 1599 года у них родился сын Оливер.

Через много лет о своем происхождении Оливер Кромвель сказал, обращаясь с речью к парламенту: «По рождению я был джентльменом, и если моя семья не пользовалась особенной известностью, то не оставалась и в темной неизвестности».

Начальное образование Оливер Кромвель получил в местной приходской школе, а затем поступил в Кембриджский университет, по окончании которого он некоторое время занимался адвокатурой в Лондоне. Женившись, он поселился на родине в Гентингдоне.

Его жизнь не предвещала никакой, а тем более высокой, политической карьеры. Только на тридцатом году жизни он был избран от своего округа депутатом в парламент. Первые его шаги на политическом поприще ограничились участием в проведении известной «петиции о правах». После роспуска парламента Кромвель уехал в имение.

Когда в 1640 году король Карл I, нуждаясь в деньгах, был вынужден снова созвать парламент, Кромвель явился в него уже представителем от города Кембриджа. Однако и в этом парламенте, который просуществовал всего три недели, Кромвель ничем себя не проявил и только в качестве депутата следующего, так называемого Долгого, парламента сразу выдвинулся на одно из первых мест.

В это время назревала серьезная борьба парламента с Карлом I, который стремился к неограниченной власти. Воспитанный в духе сурового и строгого пуританизма, искренне и глубоко религиозный, Кромвель открыто встал на сторону парламента и вступил в борьбу с королем. В ответ на враждебные акты Долгого парламента Карл I уехал из Лондона и поднял в Шотландии знамя гражданской войны.

Вначале королевские войска опирались на западные и центральные графства Англии, а сторонники парламента – на Лондон. В эти дни Кромвель предложил парламенту образовать, со своей стороны, собственную армию для «защиты истинной религии, свободы, закона и мира». Это предложение было принято, и сам Кромвель деятельно участвовал в создании парламентской армии.

Под руководством голландского офицера Кромвель быстро выучился военному делу и, навербовав в своем графстве около тысячи человек, сформировал из них кавалерийский полк, впоследствии послуживший ядром парламентской армии.

Кромвель лично водил своих драгун в бой с целью закалить их для будущих сражений. Эта боевая подготовка не замедлила сказаться в первом же серьезном сражении при Эндживиле в 1642 году. Здесь «драгуны» Кромвеля, сплоченные суровой дисциплиной, хорошо обученные и преданные своему вождю, заслужили общее удивление своей храбростью в отражении атаки роялистской кавалерии под командованием принца Руперта.

Истощение ресурсов уже в начале войны должно было привести к открытию мирных переговоров, если бы не грубая политическая ошибка Карла I, заключившего перемирие с ирландскими повстанцами. Это перемирие, преследовавшее целью подчинить католическую Ирландию протестантской Англии, привело лишь к усилению Шотландии, вступившей в борьбу против короля. Ободренные тем, что шотландская армия выступила против роялистов на севере, сторонники парламента снова сосредоточили свои силы для наступления на главную укрепленную базу роялистов – Оксфорд и окружающие его города. Это наступление не принесло парламенту никаких ощутимых результатов и закончилось лишь захватом нескольких удаленных от Оксфорда крепостей.

Карлу I даже удалось срочно направить Руперта на помощь северным роялистам, действующим против шотландских войск. Однако вскоре произошло сражение при Марстон-Муре (2 июля 1644 года), где Кромвель во главе своего 26-тысячного драгунского отряда решил исход сражения блестящей победой над роялистами. Поражение при Марстон-Муре сразу же нейтрализовало благоприятно сложившуюся для Карла I обстановку, однако руководители парламента не воспользовались плодами этой победы. Среди них возникли разногласия, а в самом парламенте образовалась партия, настаивавшая на примирении с королем и на прекращении войны.

Многие парламентские генералы, стоявшие во главе отдельных армий, лишь номинально объединенных под властью лорда Эссекса, сознательно бездействовали, давая Карлу I возможность привести в порядок свои расстроенные войска.

Считая невозможным идти на какие-либо уступки королю, Кромвель с удвоенной энергией вступил в борьбу со своими противниками в парламенте. Настаивая на необходимости вести войну до конца, Кромвель не остановился перед прямым обвинением Манчестера и других генералов в преступной

медлительности и в измене парламентскому делу. Указывая на всю опасность той организации парламентской армии, при которой каждый отряд, собранный на средства отдельных генералов, мог действовать почти независимо от других отрядов, Кромвель предложил создать единую парламентскую армию, общее командование которой было бы фактически сосредоточено в руках одного лица. Содержаться подобная армия должна была исключительно на средства государственного казначейства.

После долгой и трудной борьбы в парламенте Кромвелю удалось провести эту реформу. Кроме того, он добился принятия достаточно важного постановления, согласно которому члены обеих палат были лишены права занимать высшие военные должности. Это заставило всех членов парламента, противников Кромвеля, командовавших армиями, подать в отставку.

Главнокомандующим армии был назначен генерал Ферфакс, пригласивший к себе в помощники Кромвеля. Таким образом, новый закон не коснулся Кромвеля, и он, будучи членом палаты, остался фактическим руководителем армии.

Противники Кромвеля уже начали против него процесс, обвиняя его в двойной игре, однако новая блестящая победа при Нэзби 14 июня 1645 года, одержанная парламентской армией, заставила их замолчать.

В этом большом сражении парламентская армия проявила необыкновенную энергию и стойкость. Стремительными конными атаками и быстрыми переменами фронта кавалерии, общее командование которой было поручено Кромвелю, армия роялистов была смята, приведена в полное расстройство и обращена в бегство.

Однако война не только не прекратилась, но и затянулась еще на целый год. Карл I в конце 1647 года заключил тайный договор с шотландцами, которые обязались восстановить его неограниченную власть под условием, что пресвитерианство будет объявлено государственной религией, а индепендентство уничтожено. В конце апреля 1648 года стало известно, что шотландцы формируют армию для вторжения в Англию и оказания помощи роялистам. В этих условиях Ферфакс подготовился для похода на север с целью предупреждения шотландского наступления, а Кромвель был направлен для подавления мятежа Пемброка. Выступления роялистов в Кенте и Восточной Англии вынудили Ферфакса задержаться в этих районах, в то время как наступление шотландцев на севере продолжало развиваться.

Лишь после разгрома Пемброка (11 июля 1648 года) Кромвель смог выступить на север. Но вместо того чтобы

двинуться прямо на шотландцев, он осуществил глубокий обход через Ноттингем и Донкастер, пополняя по пути свои запасы. Затем он пошел в северо-западном направлении на соединение со своим помощником Ламбертом, действующим против шотландцев.

Силы шотландской армии располагались на линии от Уигана до Престона и насчитывали 20 тысяч человек. Ее левый фланг прикрывал корпус под командованием Лагдейля (3, 5 тысячи человек).

Силы Кромвеля были значительно меньше, чем силы шотландцев, – всего 8, 5 тысячи человек, включая кавалерию Ламберта и Йоркширскую милицию. Зайдя в хвост шотландской колонне в районе Престона, Кромвель смог нарушить ее походный порядок, заставив ее развернуться в обратную сторону, чтобы отразить наносимые ей удары. Таким образом, Кромвелю удалось разгромить корпус Лагдейля. Затем, ведя неотступное преследование, Кромвель смял шотландскую колонну и заставил ее отходить через Уиган на Юттокситер, где, скованная милицией центральных графств, она 25 августа 1648 года капитулировала. Англия была очищена от шотландцев.

Потеряв все свои военные средства, Карл I заперся в Карлсбургском замке и вступил в переговоры с Ирландией и Голландией.

Между тем сторонникам короля в парламенте удалось добиться того, что вся нижняя палата отказалась от борьбы с королем, и таким образом против Кромвеля, стоявшего во главе всей народной армии, оказались не только король, но и обе палаты парламента.

По распоряжению Кромвеля отряд его армии захватил короля в Карлсбургском замке и заключил вначале в замок Гурст, а затем в Виндзор.

Во время пребывания Кромвеля в Шотландии полковник Прайд окружил парламент войсками и арестовал всех противников Кромвеля. Имея в своем распоряжении все военные силы страны, Кромвель твердо решил вести войну до конца. Однако почти целый год он колебался в вопросе о том, предавать ли короля суду.

Лишь 26 января 1649 года верховный суд, учрежденный по предложению Кромвеля, приговорил короля к смертной казни, по исполнении которой страна была объявлена республикой. Палата лордов была уничтожена, законодательная власть предоставлена одной нижней палате, а исполнительная власть вручена государственному совету, избираемому парламентом на год.

Предоставив управление страной палате и совету, Кромвель

принял вновь командование над армией и отправился в Ирландию и Шотландию для усмирения вспыхнувших там мятежей. Подавление восстания в Ирландии продолжалось почти девять месяцев и было достигнуто ценою неслыханных жестокостей. Вторжение же Кромвеля в Шотландию явилось самостоятельной войной, главной целью которой был срыв замыслов сына покойного Карла I, пытавшегося вернуть себе престол с помощью шотландцев под командованием Александра Лесли.

Обнаружив, что шотландская армия занимает выгодные позиции и преграждает ему путь к Эдинбургу, Кромвель ограничился лишь прощупыванием сил противника. Находясь почти у цели и испытывая недостаток в снабжении, Кромвель все же удержался от искушения нанести лобовой удар в неблагоприятной для него местности. Подавляя внутреннее стремление к бою, Кромвель воздерживался от активных действий до тех пор, пока не выманил противника на открытую местность, благодаря чему появилась возможность нанести удар по его обнажившемуся флангу. С этой целью он отошел сначала к Массельборо, а затем к Донбару, где пополнил свои запасы.

Через неделю Кромвель двинулся в обратном направлении. В Массельборо он раздал своим войскам трехдневный запас продовольствия и начал глубокий обход через Эдинбургские высоты, выходя в тыл противника. Когда Лесли удалось перехватить Кромвеля в районе Корстофин-Хилл (21 августа 1650 года), Кромвель, несмотря на большое удаление от своей базы, предпринял еще одну попытку обойти противника. Однако Лесли снова преградил Кромвелю путь в районе Гогара, и Кромвель опять не стал принимать бой.

Оставив больных на месте, Кромвель отступил к Массельборо, а оттуда к Донбару, увлекая за собой Лесли. Несмотря на то что многие офицеры убеждали Кромвеля погрузить войска на суда, он решил остаться в Донбаре, выжидая, что Лесли сделает какой-нибудь неправильный шаг, который позволит изменить обстановку в пользу войск Кромвеля.

Однако Лесли в течение ночи с 1 на 2 сентября 1650 года обошел Донбар и занял высоту Дун и ряд других высот, с которых просматривалась дорога, идущая к Берику. Кроме того, он направил отряд для захвата прохода в Кокбернспат (11 километров южнее высоты Дун). На следующее утро Кромвель понял, что он отрезан от Англии. Положение его осложнялось нехваткой продовольствия и эпидемиями в войсках.

Заняв окрестные высоты, Лесли ожидал момента, когда англичане попытаются прорваться по дороге к Берику, чтобы

внезапно атаковать их. Однако в дело вмешались священники пресвитерианской церкви, которые стали требовать от Лесли активных действий. Их требования стали еще более настойчивыми, когда они обнаружили признаки того, что англичане могут попытаться эвакуироваться морем. Положение еще более осложнилось 2 сентября: началась сильная буря, и шотландские войска едва держались на голом гребне высоты Дун. Утром эти войска спустились с высоты и заняли позицию вблизи дороги на Берик, где они могли укрыться от дождя. Фронт их прикрывал ручей Брок, протекавший через ущелье к морю. Кромвель понял, что сложившаяся обстановка предоставляет благоприятную возможность и преимущества для внезапного нападения.

Левый фланг шотландцев был зажат между высотой и отвесным берегом ручья, и войска на этом фланге не могли оказать помощь своим войскам на правом фланге, если бы по ним был нанесен удар. Вечером на военном совете Ламберт предложил немедленно нанести удар по правому флангу шотландских войск, смять его и одновременно сосредоточить огонь артиллерии по левому флагу. В этом он убедил военный совет.

В течение ночи под проливным дождем и при сильном ветре английские войска заняли позиции вдоль северного берега ручья. После установки орудий против левого фланга шотландцев Ламберт возвратился на свой левый фланг, чтобы возглавить кавалерийскую атаку в районе побережья. Благодаря внезапности действий кавалерия и пехота, располагавшиеся в центре, смогли без труда форсировать ручей. Хотя дальнейшее продвижение англичан было временно приостановлено, введенный в бой английский резерв на упиравшемся в море фланге дал возможность Кромвелю оттеснить шотландцев влево и зажать в угол между высотой и ручьем, из которого шотландские войска могли вырваться только бегством. Таким образом, Кромвель разгромил врага, имевшего двойное численное превосходство.

Победа при Донбаре обеспечила Кромвелю господство в южной Шотландии. На севере и северо-западе Шотландии Кромвелю противостояли только роялистские элементы. Воспользовавшись передышкой из-за тяжелой болезни Кромвеля, Лесли формировал и готовил новую армию к северу от реки Форт.

Когда в конце июня 1651 года армия Кромвеля была достаточно подготовлена, чтобы возобновить боевые действия, задачи ее усложнились. Хотя на этот раз численное превосходство впервые было на стороне Кромвеля, перед ним был хитрый

противник; к тому же он действовал в лесисто-болотистой местности, которая обеспечивала слабой стороне возможность блокирования подступов к Сторлингу. Если бы Кромвель не смог сломить сопротивление противника в короткое время, ему бы пришлось провести в Шотландии еще одну суровую зиму. А это неизбежно привело бы к потерям в войсках и к увеличению затруднений в Англии. Выбить шотландцев с занимаемых позиций было бы недостаточно, так как частичный успех привел бы к рассредоточению войск противника в горной местности, где они продолжали бы оставаться.

Кромвель мастерски решил стоявшую перед ним задачу Во-первых, он создал угрозу Лесли с фронта, предприняв штурм Калландер-Хауса вблизи Фолкерка. Во-вторых, он постепенно переправил всю армию через залив Ферт-оф-Форт и двинулся к Перту, обойдя тем самым с фланга оборонительный рубеж Лесли на подступах к Стерлингу и захватив ключ к его базам снабжения. Однако этим маневром он одновременно открыл им путь в Англию. Он вышел в тыл противника, которому теперь угрожали голод и дезертирство, и оставил ему лишь одну горловину для выхода.

Шотландцы должны были или умереть от голода, или разбежаться, или двинуться с оставшимися силами в Англию В конце июля они двинулись на юг в Англию вдоль западного побережья. Кромвель предвидел это и потому заранее подготовился к их встрече, взяв под наблюдение всех остающихся на свободе роялистов и захватив тайные склады с оружием. Для преследования шотландцев Кромвель направил кавалерию Ламберта, в то время как Гаррисон пошел окольным путем от Ньюкасла к Уоррингтону, а Флитвуд с милицией, набранной в центральных графствах Англии, двинулся на север. Обойдя шотландцев с фланга, Ламберт 13 августа соединился с Гаррисоном. После этого они стали с боями отходить, сдерживая противника.

Тем временем Кромвель в условиях августовской жары совершал ежедневно 32-километровые марши. Двигаясь сначала на юг вдоль восточного побережья, он затем повернул на юго-запад. Таким образом, на попавшего в ловушку противника одновременно с четырех сторон наступали войска Кромвеля.

3 сентября в сражении при Вустере Кромвель одержал блестящую победу над войсками Лесли, после которой шотландцы признали себя побежденными.

Около трех лет Кромвель, оставаясь главнокомандующим, не принимал прямого участия во внутреннем управлении. Между тем в парламенте и государственном совете шли внутренние

раздоры. Против Кромвеля и его армии назревала сильная оппозиция. Она требовала роспуска войск и с этой целью стала задерживать им жалованье.

Тогда весной 1652 года, после бесплодных попыток к примирению с депутатами, Кромвель явился со своими солдатами в палату и объявил, что вынужден «волею Божиею распустить парламент на пользу народа». Вслед за тем по предложению Кромвеля армия сама выбрала 139 депутатов из убежденных пуритан. Но и эта палата просуществовала недолго, и через несколько месяцев все эти депутаты, не желая быть послушным орудием в руках армии, сами сложили свои полномочия.

После этого представители армии выработали новую конституцию, и 16 декабря 1653 года генерал Ламберт «от имени армии и трех наций» предложил Кромвелю принять звание пожизненного лорда-протектора Республики английской, шотландской и ирландской. Кромвель торжественно принес присягу и подписал особый конституционный акт, где в 42 пунктах были изложены правила управления государством. Опираясь на армию, он очень скоро сумел сосредоточить в своих руках всю полноту власти и стал управлять страной почти неограниченно.

Прежде ему приходилось вести борьбу против короля и роялистов, теперь же к числу его врагов присоединились и те республиканцы, которые видели в нем узурпатора и изменника. Твердо веря в то, что он призван осуществить волю Промысла, Кромвель употребил всю энергию на восстановление внутреннего порядка в государстве. Менее чем в два года он сумел внести в страну полное успокоение. Ввиду заметного оживления торговли и промышленности увеличился приток денег в государственную казну, а это, в свою очередь, позволило Кромвелю увеличить и довести до высшей степени совершенства английский флот.

Кромвель пользовался огромным влиянием по всей Европе как умный и тонкий дипломат. При нем Англия покрыла себя славой в войне с Испанией, завладела частью Вест-Индских островов, приобрела крепость Дюнкирхен на фламандском берегу и заключила чрезвычайно выгодный для английской торговли договор с Голландией.

Несколько лет Кромвель управлял государством единолично, но когда из-за войны с Испанией средства государственного казначейства иссякли, он был вынужден вновь созвать парламент. Почти одновременно последовало разоблачение заговора на жизнь лорда-протектора.

Когда в день открытия парламента в 1656 году депутаты

узнали о заговоре, палата постановила восстановить верхнюю палату и королевскую власть в лице Кромвеля. После долгих переговоров Кромвель, зная, что армия не хочет восстановления монархии, отклонил предложение принять корону. Тогда парламент настоял на преобразовании протектората в конституционную монархию, но без короля, с вверением лорду-протектору королевских прерогатив и права назначения себе преемника.

Кромвель поселился в королевских покоях и скончался 3 сентября 1658 года, в годовщину своих побед при Донбаре и Вустере.

После возвращения в Англию Стюарта труп Кромвеля был извлечен из гробницы и посмертно обезглавлен.

АНРИ ДЕ ЛА ТУР Д'ОВЕРНЬ, ВИКОНТ ДЕ ТЮРЕНН (1611—1675) *Маршал Франции.*

Тюренн родился в Седане и был вторым сыном герцога Бульонского и дочери принца Вильгельма I Оранского, Елизаветы. А следовательно, по линии матери он принадлежал к династии Оранских-Нассау, имя которой дало средневековое княжество Оранж в Провансе. Династия играла важную роль в истории Нидерландов и в настоящее время является правящей династией этой страны. Графы Оранские с XII века были вассалами Священной Римской империи с титулом имперских князей. Дед Тюренна получил этот титул после смерти своего дяди Рене в 1544 году.

Отец Тюренна был другом и сподвижником Генриха Наваррского (будущего Генриха IV) и в его армии всегда занимал пост главного лейтенанта – первого помощника командующего. Участвуя во всех войнах, которые вел Генрих, он прекрасно изучил практику военного дела, а со вступлением Генриха на престол он исполнял целый ряд ответственных поручений в Англии, Голландии и Нидерландах. После смерти Генриха герцог Бульонский не пожелал остаться правительственным чиновником и удалился в свои наследственные владения в Седане, отошел от политической борьбы и всецело ушел в личную жизнь.

Здесь же, в Седане, в небольшой крепости под надзором отца и прошло детство Анри Тюренна. Он и его старший брат получили соответствующее своему кругу воспитание, и как вся аристократическая молодежь того времени они предпочитали военную службу. В образование детей входили основы философии, древней и новой истории, знакомство с правилами поведения в высшем свете. Из военных навыков они приобретали умение владеть оружием, управлять лошадью, знакомились с основами фортификации и изучали историю войн прежних лет. Отец много рассказывал детям о войнах, в которых ему приходилось участвовать, и с детства Тюренн стремился к военной службе, с упоением читая описание жизни и походов Александра Македонского и Цезаря, часто цитируя по памяти целые куски этих произведений.

Отец говорил мальчику, что из него не выйдет хорошего воина по причине слабости здоровья, что сын вряд ли сможет

выдержать тяготы военной службы. Уже с детства Анри проявлял твердость характера и уделял большое внимание физической подготовке и закаливанию организма. В возрасте 14 лет он решил, что достаточно освоил теорию и пора познакомиться на практике с военной службой.

Боевая служба Тюренна началась в 1625 году рядовым в войске принца Морица Оранского. Служба в вооруженных силах Нидерландской республики способствовала сформированию Тюренна как опытного и знающего солдата. Его военные знания были очень обширны. В 1627 году Тюренн был произведен в капитаны и стал командовать ротой.

В продолжение службы в Нидерландской армии Тюренн проявил отвагу и выносливость, отличившись при осаде крепостей Клюмдерта, Виллендштадта и Буа-де-Дюка. Главнокомандующий нидерландскими войсками принц Генрих Нассауский считал, что «Тюренн имеет в себе все задатки сделаться великим полководцем».

В 1630 году Тюренн возвратился во Францию. Зимой он был представлен Людовику XIII и кардиналу Ришелье. Несмотря на свою молодость, Тюренн уже имел репутацию опытного офицера, прошедшего боевую школу в лучшей армии того времени, и потому он сразу смог получить чин полковника, с которым в 1634 году прибыл на поля сражений Тридцатилетней войны.

В первый период своей службы (1634—1643) Тюренн занимал невысокие посты во французской армии, но сумел показать себя опытным, знающим командиром, стоящим по своему уровню выше многих старших начальников. Его деятельность началась рядом блестящих осад (Ламот, Цаберн, Ландресси, Брейзах, Турин). Правильно нацеливая удар, отвергая кордонную систему, Тюренн сосредотачивал силы на решающем пункте крепости.

В осадных работах Тюренн использовал знания и опыт, полученные в Нидерландах. В случае надобности он строил плотины (ландрасси). Его действия носили смелый, предприимчивый характер. Он широко применял факторы быстроты и внезапности (маневр, приведший к разгрому испанского генерала Галласа во Франш-Конте в 1636 году, внезапную атаку имперской армии под Брейзахом в 1638 году). Почти всегда Тюренн вел свои войска в бой лично. Он получил два ранения, но при первой же возможности возвращался в строй.

Самостоятельное командование Тюренн начал с реорганизации вверенной ему Рейнской армии. В этой небольшой по численности армии он ввел строевое обучение, правильное снабжение и новый боевой порядок.

Характер деятельности Тюренна во второй период войны

(1644—1648) стал значительно шире и глубже. С самого начала кампании Тюренн брал в свои руки инициативу на поле боя и только один раз за четыре года (при Мергентгейме в 1645 году) Мерси, пользуясь превосходством своих сил, удалось вырвать ее у него. Обход с целью выхода во фланг и тыл противника применялся под Фрейбургом в 1644-м и при Аллергейме в 1645 году после прорыва неприятельской позиции, что в конечном итоге приводило к сдаче главных сил баварцев.

В 1646 году после многочисленных затруднений со стороны Мазарини Тюренну удалось перенести войну в центр Баварии, где он разгромил главные силы противника при Цусмарсхаузене и создал угрозу Мюнхену, заставив курфюрста Баварского, главного союзника императора, просить мира. Второй, совместный со шведами, поход в 1648 году кончился глубоким проникновением Тюренна в Австрию, где он путем угрозы Вене принудил императора заключить Вестфальский мир, чем и закончил Тридцатилетнюю войну (1618—1648).

В войне против Фронды в 1648—1659 годах Тюренн, несмотря на то что следовал принципам стратегии того времени, почти всегда разрешал стоящие перед ним стратегические задачи оригинальными приемами, поражавшими противника неожиданностью.

В бою за Сент-Антуанское предместье Тюренн исправлял ошибки своих подчиненных офицеров, которые неумело бросали кавалерию в узкие улицы и переулки, где она не могла действовать. Вместо этого Тюренн предложил сочетание действий артиллерии и пехоты в городских условиях, когда первая продольным огнем расчищала путь для второй. При снятии осады Арраса 25 августа 1654 года Тюренн использовал для наступления ночной бой, с трудностями которого он блестяще справился, что привело к главному – внезапности удара. Сочетая внезапность с быстротой и нанося удар сосредоточенными силами, Тюренн одержал победу над вдвое превосходящей его по численности армии, опиравшейся на укрепленный лагерь.

В сражении под Дюнкерком 14 июня 1658 года в полной мере проявился его накопленный годами опыт. Это и перенос обороны в поле, где есть возможность в открытом бою разгромить противника, и умелый расчет на отлив, и, главное, умелое использование Тюренном резерва, исключающегося в эпоху линейной тактики. Вначале он подавил успех Конде на правом фланге, войска которого сковываются до тех пор, пока обошедшие с фланга французские войска не окружат Конде.

Личное мужество, умение поднять моральное состояние солдат, подорванное поражением, Тюренн проявил, прежде всего,

в момент отступления из-под Валансьенна в 1656 году. Он сумел спасти французскую армию от плена, а Францию от разгрома.

Тюренн вынес на своих плечах всю войну с испанской Фрондой. Изгнав врага из пределов Франции и перенеся войну на территорию противника, французский полководец вынудил его к миру. После заключения Пиренейского мира 1659 года приехавший в Париж испанский король встретил Тюренна словами: «Вот человек, который доставил мне не одну бессонную ночь».

В Нидерландской войне 1672—1678 годов стратегический талант Тюренна получил свое блестящее применение. Уже в кампании 1672 года он выступил с единым планом войны, имеющим целью уничтожение армии противника и занятие его территории без отвлечения на осаду крепостей. И только ограниченность Людовика XIV и его военного министра не позволили Анри Тюренну полностью реализовать этот план и довершить победу занятием вражеской столицы.

В 1674 году Тюренн с ограниченными силами вел активную оборону – нанося короткие удары Бурнонвилю, он все время держал свою армию сосредоточенно, не выпуская инициативы из рук. Тюренн фактически отказался от главной особенности линейной тактики – равномерного распределения сил по фронту. Все свои силы он делил на ударную и сковывающие группы. В сражении при Зинцгейме 16 июня 1674 года Тюренн, искусно используя местность, направил удар пехотой на оба фланга имперских войск, сковав их своим центром. В результате Тюренн добился полного окружения армии Капрары.

Однако положение самой Франции в это время было критическим. Союзники Людовика XIV один за другим покидали его, и все больше государств примыкало к вражеской коалиции. Тюренн был вынужден отступить за Рейн, предварительно опустошив пфальцграфство, а курфюрст Бранденбургский продвигался с целью соединиться с имперской армией под командованием Бурнонвиля.

При Эрцгейме Тюренну удалось остановить Бурнонвиля, и 4 октября 1674 года он нанес главный удар по левому флангу союзников, понимая, что именно здесь сосредоточено ядро сопротивления противника. Он смог разбить Бурнонвиля до соединения с ним курфюрста Бранденбургского. И все же Тюренн был вынужден отойти к Дудвейлеру. Союзники же, войдя в Эльзас, обосновались на зимних квартирах в населенных пунктах, расположенных между Страсбургом и Бельфором.

Тюренн решил начать кампанию в середине зимы 1675 года, чтобы достигнуть внезапности. Для ввода противника в

заблуждение Тюренн подготовил крепости центральной части Эльзаса к обороне. Затем он тайно отвел целую полевую армию в Лотарингию. После этого под прикрытием Вогезских гор Тюренн совершил форсированный марш на юг, набирая по пути столько рекрутов из местного населения, сколько было возможно. На заключительном этапе марша, чтобы скрыть от шпионов противника свой замысел, Тюренн разделил свои силы на мелкие отряды. После ускоренного марша по холмистой местности в сильную метель Тюренн вновь собрал свои войска вблизи Бельфора и, не задерживаясь, вторгся в Эльзас не с севера, как предполагалось ранее, а с юга.

Бурнонвиль с имевшимися у него под рукой войсками пытался задержать Тюренна под Мюлузом (29 декабря 1674 года), но был отброшен. Тюренн развернул мощное наступление вдоль долины между Рейном и Вогезами, отбрасывая разбитые отряды имперской армии на север и изолируя каждую часть, пытавшуюся оказать сопротивление. В Кольмаре, на полпути к Страсбургу, курфюрст Бранденбургский соорудил дамбу и оборонял ее при помощи войск, по численности равных войскам Тюренна. Но все преимущества были на стороне Тюренна. В сражении при Тюркгейме (5 января 1675 года) Тюренн сам повел главные силы в обход, используя неподвижность армии союзников, построенной в две линии на крепких оборонительных позициях. Тюренн не столько стремился к уничтожению противостоящей армии, сколько думал о подрыве ее морального духа. План его увенчался успехом, и скоро в Эльзасе не осталось ни одного вражеского солдата.

После этого французские войска возвратились на зимние квартиры в Страсбург, пополняя свои запасы непосредственно из районов на немецком берегу Рейна и даже из районов в бассейне реки Наккар. Курфюрст Бранденбургский с остатками своих войск отступил к Бранденбургу (60 километров юго-западнее Берлина).

Весной главным противником Тюренна выступил имперский полководец Монтекукколи – лучший мастер маневра. Говоря о кампании 1675 года, Наполеон впоследствии писал: «Тюренн показал в этом походе свое несравненное превосходство над Монтекукколи: первое – он подчинял его своей инициативе; второе – он воспрепятствовал ему войти в Страсбург; третье – он перехватил Страсбургский мост; четвертое – он отрезал на Ренхене неприятельскую армию». И теперь Тюренн мог заставить своего главного противника принять бой в невыгодных для того условиях. Сражение должно было начаться 27 июля 1675 года у деревни Нижний Засбах. Уверенность Тюренна в грядущей победе показывают слова, сказанные им своим офицерам: «Наконец я

поймал его».

Случайный выстрел оборвал жизнь Тюренна, вырвав из его рук верную победу. Сам Монтекукколи сказал о своем бывшем противнике: «Сошел со сцены мира человек, делающий честь человечеству». Людовик XIV отдал праху Тюренна поистине королевские почести, словно предчувствуя, какие неудачи обрушатся на его государство после гибели первого маршала Франции.

В историю войн XVII столетия Тюренн вошел как первый полководец не только Франции, но и всей Европы. В то время как до Тюренна полководцы маневрировали, опираясь на крепости, которые одновременно являлись защищенными складами для снабжения полевых армий, Тюренн совершенно отказался от системы операционных баз и в сочетании внезапности с подвижностью видел не только ключ к победе, но и обеспечение своей собственной безопасности.

Тюренн был достаточно осторожен в руководстве большими войсковыми частями, но с малым числом войск, к которым он испытывал доверие, он мог лично предпринять то, что многим казалось невозможным. Клаузевиц видел в Тюренне полководца, вооруженного не тяжелым рыцарским мечом, а тонкой придворной шпагой, поскольку бой у него не являлся главным средством ведения войны; он отдавал предпочтение маневру. Но маневр Тюренна был всегда проникнут уверенностью и решительностью, а тонкая придворная шпага была остро отточена и умела наносить смертельные удары.

Одной из характерных черт Тюренна была забота о солдате. В 1673 году он раздал все имеющиеся у него деньги и имущество, спасая свою армию от голода, который начался в ней по вине военного министерства.

Тюренн оставил мемуары, написанные лишь до 1659 года, в которых просто и спокойно рассказал о своих походах, нисколько не стремясь приукрасить свою деятельность или скрыть свои ошибки. Он смело мог сказать о своем поражении «я разбит», но победу делил со всей армией – «мы победили».

ДАРА ШУКОХ (ШУКУХ) (1615—1659)
Принц, индийский мыслитель, ученый.

В 1526 году Захиреддин Бабур вторгся в Индию. С собой он вел вооруженную мушкетами и пушками большую армию, которая в двух сражениях разгромила войско Ибрахима Лоди – последнего из делийских султанов. Захватив территорию части долины Ганга, Бабур провозгласил себя правителем, положив начало новой империи – империи Моголов.

Основатель новой династии правителей Бабур происходил из рода Тимуридов. От отца он унаследовал престол Ферганы, когда ему исполнилось 12 лет. Бабур хотел объединить под своей властью всю Среднюю Азию, для чего вел многолетнюю борьбу с другими князьями. В 1504 году он был изгнан Шейбани-ханом, пришедшим в Среднюю Азию из Сибири во главе узбеков-кочевников. Но в том же году Бабур сумел завоевать Кабул и, обосновавшись на новом месте, начал совершать набеги на Индию. В историю Бабур вошел не только как полководец и основатель новой династии, но и как просвещенный правитель и поэт, автор знаменитого «Бабур-наме». Правил он в Индии недолго. В 1530 году на престоле его сменил сын, Хумаюн. Новому правителю пришлось вести войну с братьями за наследство отца, войну, которая сильно ослабила его власть. Этим не замедлил воспользоваться правитель Фарид Шер-хан. Он завоевал власть в Дели и принял титул шаха. Хумаюну же пришлось искать убежище в Иране.

Шесть лет правил Шер-шах и за годы своего правления успел немало сделать для укрепления центральной власти. В то же время Хумаюн накапливал силы в Иране и ждал удобного момента. Неожиданная смерть Шер-шаха и начавшаяся борьба за престол его наследников предоставила возможность Хумаюну вернуть трон в Дели в 1555 году.

Всего год правил Хумаюн. Он погиб в результате несчастного случая, и престол достался его 13-летнему сыну Акбару. Правление падишаха Акбара было «золотым веком» империи Моголов. В это время к империи были присоединены большие территории, проведены реформы, заложившие прочные основы управления страной. С помощью династических браков Акбар укрепил связи с раджпутскими княжествами, а конница раджпутов стала основой его армии. Акбар реформировал

систему сбора налогов, что позволило существенно обогатить казну империи. Стремясь достичь согласия в религиозной сфере, Акбар выдвигал индусов на важные государственные посты и к концу жизни пытался создать нечто вроде синтетической религии, призванной ликвидировать религиозные разногласия в империи.

Сын Акбара, Джахангир, стал продолжателем политики отца. В его завоевательных походах важную роль играл Шах Джахан – прекрасный полководец и наследник престола империи Моголов. Когда же он сам стал правителем, то сумел полностью подчинить Ахмаднагар, а Биджапур и Голконд сделать вассалами Моголов. При нем территория значительно увеличилась, и империя достигла такой славы, что европейцы стали именовать династию не просто Моголы, а Великие Моголы. Многолюдные города, пышные дворцы, процветающая внутренняя и внешняя торговля – все вызывало восхищение. Европейские коммерсанты приобретали здесь ситцы, шелка, муслины, пряности, высококачественную сталь и драгоценные камни, платя за товары серебром и золотом. Мощь и богатство Великих Моголов казались незыблемыми, но это было и началом конца великой империи. В годы правления Шаха Джахана особенно обострились этнические и религиозные противоречия внутри страны, занимавшей территорию большей части Индии и Афганистана.

У Шаха Джахана было четверо сыновей – Дара Шукох, Шах Шуджа, Аурангзеб и Мурад Бахш. В отличие от Европы в средневековой Индии отсутствовало право первородства, и правитель сам принимал решение, кто из сыновей наиболее достоин стать наследником престола. Если же он умирал, так и не назначив преемника, то нередко кровавая война между братьями решала судьбу престола. Шах Джахан любил всех своих детей, но наследником он решил сделать своего старшего сына – Дару Шукоха.

Родился Дара в 1615 году. Матерью его была любимая жена Шаха Джахана Арзуманд Бану. После ее смерти супруг повелел воздвигнуть над ее могилой мавзолей – знаменитый Тадж-Махал, ставший всемирно известным шедевром индийской мусульманской архитектуры. Свое имя Дара Шукох получил в честь царя персов Дария, и в переводе оно означало «Блистательный, подобно Дарию».

По традиции, сыновья правителя с детства принимали участие в военных походах и получали в управление провинции, приобретая военный и административный опыт. Дара всего один раз участвовал в военной экспедиции, а провинциями управлял из Дели, так как его отец хотел, чтобы сын-наследник находился при

нем, стараясь дать ему достойное воспитание и образование.

В отличие от братьев Дара никогда не стремился к власти, был противником заговоров и мятежей. С детских лет он хотел учиться и всю недолгую жизнь тянулся к знаниям. Он усердно изучал то, что подобало знать принцу, но этого для него было мало. Кроме арабского и персидского языков Дара изучил древнееврейский, хинди и санскрит. Принца всегда окружали мусульманские и индусские ученые, мыслители, поэты, с которыми он проводил долгое время в беседах. Дара с увлечением изучал религиозно-философские произведения, занимался переводами древних текстов на современные ему языки. Он перевел на персидский язык древнеиндийские трактаты Упанишады – один из важнейших памятников по истории индийской культуры и религии.

Основным вопросом, с которым приходилось сталкиваться любому правителю династии Моголов, был вопрос религии. Все правители принадлежали к мусульманскому меньшинству, исповедовавшему ислам, хотя большинство населения империи были индусами и придерживались индуизма. Такое положение нередко приводило к конфликтам. Еще правитель Акбар пытался решить миром религиозный вопрос в империи, объявив равноправие религий, но до конца сделать это ему так и не удалось. В XVII веке в империи выделился ряд «просвещенных философов», которые, изучив и сравнив догматы ислама и индуизма, нашли много общего в этих религиях. Они проповедовали равенство вероисповедания, стремились к изучению культур народов, населявших страну, выступали против любого проявления религиозного фанатизма и дискриминации. Дара Шукох был из их числа, продолжая тем самым дело своего великого предка Акбара, называвшего такую политику «Мир для всех». Но среди родственников Дары далеко не все поощряли подобные взгляды. Совсем иных позиций придерживался родной брат Дары – Аурангзеб. Он желал установить в империи господство ислама и привести всех иноверцев-индусов к покорности. Сам он с детства изучал лишь то, что предписывалось правоверному мусульманину – Коран, хадисы, трактаты по исламскому праву. Любое искусство отрицалось им как несовместимый атрибут с духом ислама. Вера Аурангзеба доходила до фанатизма, и в отличие от старшего брата он стремился к власти, считая, что лишь он способен правильно управлять империей. Проведя большую часть жизни в походах и карательных экспедициях, Аурангзеб приобрел хороший военный опыт, а от рождения был наделен способностями изощренного и жестокого политика. Понимая, что на пути к престолу стоят отец

и братья, Аурангзеб готовит почву для захвата власти и ждет удобного случая.

Дара живет во дворце отца и не подозревает о том, что готовит ему злая судьба. Он популярен в народе, любим отцом, имеет двоих сыновей от первой жены Надир Бегам, старший из которых – Сулейман Шукох уже прославился как отважный воин. С каждым годом позиции наследника все более крепнут, а отец, Шах Джахан, даже повелел поставить рядом со своим троном другой, золотой, на котором восседал Дара во время торжественных дворцовых приемов. Был, правда, один случай, когда падишах и наследник не сошлись во взглядах. Дара Шукох полюбил красивую и талантливую танцовщицу по имени Ранадил и решил взять ее в жены. Падишах воспротивился этому, так как Ранадил была безродной. Запрет отца так опечалил наследника, что он, подчинившись отцовской воле, серьезно заболел. Шах Джахан не мог этого вынести и уступил. Ранадил стала законной супругой Дары. Согласившись на этот неравный брак, падишах не изменил своего решения о передаче престола – наследником по-прежнему оставался Дара.

Шли годы Шах Джахан старел, здоровье его ухудшалось, он все чаще болел. Дара был заботливым сыном, все время оставался с отцом, ухаживая за ним и поддерживая его. Думая, что последний час близок, Шах Джахан повелел созвать главных эмиров империи и официально передать власть Даре Шукоху. Но тот все отказывался и медлил.

Аурангзеб понимал, что наступил удачный момент для осуществления коварного плана захвата власти. Воля отца для него не была законом, медлить было нельзя – власть могла ускользнуть в любую минуту. В 1657 году Аурангзеб распускает слух, что Шах Джахан умер, а Дара скрыл это и самовольно захватил власть в империи. Узнав об этом, два других брата – Мурад Бахш и Шах Шуджа – сразу же объявили себя правителями империи. Между братьями началась война за престол. Хитрый Аурангзеб не стал объявлять себя правителем, наоборот, он говорил, что власть его не интересует.

Это дало ему возможность объединить свои войска с войсками Мурада Бахша и в трех сражениях полностью разгромить Дару, который был начисто лишен как военного опыта, так и полководческих способностей. Даже несмотря на личную отвагу, войну Дара проиграл и был вынужден бежать. Итак, один из соперников был устранен – пора избавиться и от другого. Аурангзеб приглашает на пир своего брата Мурад Бахша. Пир закончился арестом бывшего союзника и заключением его в государственную тюрьму для высокопоставленных узников –

Гвалиорскую крепость.

Шах Джахан в это время находился в крепости Агры, куда и пришел с войском Аурангзеб. Бедный отец все еще надеялся, что произошло недоразумение, и прислал к Аурангзебу своего доверенного с письмом, в котором говорил о том, что он жив и здоров, и просил сына покинуть Агру. Аурангзеб согласился, но стал настаивать на личной встрече с отцом. Введя свои войска в крепость, он приказал арестовать отца и старшую сестру, стоявшую на стороне отца и Дары. Еще долгих восемь лет Шах Джахан находился в заключении по приказу собственного сына. Скончавшись в 1666 году, он был похоронен рядом в любимой женой в Тадж-Махале.

Но что стало с наследником? Несчастья не оставляли Дару. Он скитался по территории империи с семьей и небольшим отрядом оставшейся верной ему охраны. Нигде Дара не мог найти приюта, а от предложения шаха Ирана об убежище пришлось отказаться из-за тяжелой болезни первой жены Надир Бегам, которая не вынесла бы путь в далекие земли. Дара скитался по Гуджарату и пустыням Синда, местные феодалы не решались дать ему убежище, боясь навлечь на себя гнев Аурангзеба. Тогда Дара Шукох вспомнил о Малике Джианде, имевшем небольшое владение Дадар в афганских землях. Малик был обязан Даре жизнью – за участие в мятеже он был приговорен к смертной казни, но помилован по просьбе принца.

Малик очень радушно встретил бывшего наследника престола Великих Моголов. Дара устал скитаться и хотел отдохнуть в безопасном месте. По дороге в Дадар умерла Надир Бегам, и Дара тяжело переживал утрату. Надеясь, что здесь он обретет покой, Дара позволил себе расслабиться. Воинов он отправил в Лахор, где хотел захоронить умершую супругу. В Дадаре с ним остались лишь вторая жена Ранадил, две дочери и младший сын Сипихр Шукох.

Малик Джианд отплатил Даре за доброту… предательством. Воспользовавшись, что принц не имеет достаточной охраны, он захватил его и всех, кто был с ним, а затем передал пленников Аурангзебу. Сохранились сведения, что Дара сказал Малику: «Мы жертвы злого рока и ненависти Аурангзеба, и помни: если я заслужил смерть, так только за то, что спас твою жизнь». Один из слуг принца пытался убить Малика, но ему это не удалось сделать.

Аурангзеб торжествовал. Но он понимал, что, пока Дара жив, он не будет чувствовать себя в безопасности. Но просто тайно убить старшего брата он не хотел. Для начала он провез Дару и его младшего сына на старом облезлом слоне по улицам Дели,

чтобы насладиться зрелищем унижения своего брата-врага и показать всем, кто настоящий правитель империи. Затем он созвал приближенных и предоставил им решать судьбу бывшего наследника престола, прекрасно понимая, что те решат так, как того хочет он – Аурангзеб. А он желал Даре смерти. Решение о казни Дары «во имя государства и религии» было принято единогласно, и даже родная сестра принца, Раушанар, подписала брату смертный приговор. Палачи были отправлены сразу же, как только приговор был утвержден. Следовало торопиться, так как в столице нарастало восстание черни. И хотя оно и было подавлено достаточно быстро, но успело расправиться с предателем – Малик Джианд был найден мертвым.

Дара принял смерть с достоинством, попросив лишь немного времени для последней молитвы. После совершения казни голова Дары была отправлена Аурангзебу, который даже заплакал и приказал похоронить тело брата в гробнице правителя Хумаюна. Вряд ли слезы Аурангзеба были искренними. Детей Дары Шукоха по приказу нового правителя отправили в Гвалиорскую крепость, а последний из братьев – Шах Шуджа – потерпел поражение в войне с Аурангзебом, бежал в Бирму, где и погиб.

РОБЕРТ БОЙЛЬ
(1627—1691)
Английский ученый.

В начале XVI века на смену средневековой алхимии приходит ятрохимия, то есть врачебная химия. Одним из ее основоположников был врач и естествоиспытатель фон Гогенгейм, известный в литературе под именем Парацельса. Его теория строилась на том, что все процессы, происходящие в живом организме, по сути, являются химической реакцией, а поэтому следует направить изыскания в разработку таких препаратов, которые могли бы правильно влиять на организм, контролировать и излечивать различные болезни. Но ятрохимики недалеко ушли от своих предшественников. Они по-прежнему основывались либо на элементах древних четырех стихий – огне, воздухе, воде и земле, либо на алхимических «сере» и «ртути», к которым была добавлена еще и «соль», воспринимая их в условном, философском значении, как символы определенных свойств металлов.

В 1661 году увидел свет трактат по химии под названием «Химик-скептик», в котором содержалась обоснованная критика учения о трех началах (сере, ртути, соли) и четырех стихиях. Трактат был издан анонимно, но имя автора вскоре стало широко известно. Труд этот принадлежал перу Роберта Бойля, одного из самых выдающихся ученых XVII столетия.

Роберт Бойль принадлежал к старинному аристократическому роду. Предки его занимали видное место в ряду привилегированной знати, а его отец, Ричард Бойль, носил титул графа Коркского и был близок ко двору Елизаветы Английской. Он был не только знатен, но и довольно богат. Семья графа была большой, а Роберт был четырнадцатым ребенком. Родился он в семейном поместье, в родовом замке Лисмор в Ирландии. Отец дал своему седьмому сыну возможность получить прекрасное образование. Начав обучение дома, Роберт продолжил его в привилегированном Итонском колледже. Он изучал естествознание и медицину, овладел несколькими языками, в том числе и древними, основательно ознакомился с вопросами религии. В дальнейшем в мировоззрении Роберта Бойля всегда были заметны религиозные тенденции, и ученый всю жизнь стремился примирить свои философские, естественнонаучные и религиозные взгляды.

Принадлежность к аристократическому роду не мешала Роберту в детстве водить компанию с детьми из простонародья и иметь среди них приятелей. Он даже пытался подражать одному из них, копируя его заикание. Это настолько вошло у него в привычку, что впоследствии ему пришлось лечиться от приобретенного в детстве «недуга», но, как он сам писал в автобиографии, лечение это было «столь же усердно, сколь и безуспешно».

Когда ему исполнилось 12 лет, отец отправил его вместе со старшим братом в Женеву, где Роберт смог продолжить образование. Затем он совершил путешествие по Европе, посетив кроме Швейцарии Францию и Италию. Во Флоренции он изучал работы и инструменты Галилея, а «Диалог о двух системах мира» Роберт Бойль читал в оригинале. Это было его первое приобщение к новым научным теориям.

В 1643 году умирает отец Роберта, и он возвращается в Ирландию. В то время в Англии шла гражданская война, которая слегка затронула и семейство Бойлей. При жизни отец, граф Коркский, принадлежал к роялистам, а на политические взгляды Роберта большое влияние оказала сестра, сделав его сторонником парламента.

Но Роберт Бойль был далек от политики и практически не участвовал в ней. Ему ближе были занятия наукой и философией. Получив значительное состояние, он обосновывается в своем поместье Стальбридже, где с увлечением отдается изучению вопросов философии и религии. Не была забыта и химия. Он читает много работ на латыни и французском языке и сам проводит некоторые химические опыты.

Современниками Бойля были англичане Томас Гоббс и Джон Локк, француз Рене Декарт, голландский мыслитель Бенедикт Спиноза. Огромное влияние на его мировоззрение оказал Фрэнсис Бэкон – родоначальник экспериментальной науки, соотечественник Бойля. В дальнейшем в работах Бойля встречается немало ссылок на мысли Бэкона о роли естествознания и организации научной работы. И, в первую очередь, о признании опыта как критерия истины. Развивая эту мысль, Бойль был твердо убежден, что справедливы лишь те теоретические представления, которые подтверждены наблюдениями и опытами. Он считал также, что наука должна приносить пользу производству, что совпадало со взглядами и интересами нарождавшейся английской буржуазии.

Живя в своем поместье, Бойль написал несколько эссе, посвященных вопросам морали. Считают, что прочтение одного из них побудило Джонатана Свифта написать свое знаменитое

«Путешествие Гулливера».

В 1656 году Роберт Бойль переезжает в Оксфорд. Здесь он входит в круг ученых, проповедовавших и поддерживавших новые идеи в науке. Занимать такую позицию было не только не принято, но и опасно, поэтому ученым приходилось скрывать свою деятельность, особенно от реакционных служителей церкви. Для обсуждения новых идей, открытий и научных наблюдений группа ученых, и в их числе Роберт Бойль, собиралась в доме одного врача. Сложившийся таким образом кружок стал именоваться «невидимой коллегией». Спустя несколько лет члены «невидимой коллегии» собрались в Лондоне. И 28 ноября 1660 года они составили памятную записку об учреждении коллегии для развития физико-математических экспериментальных наук. Заявив о себе открыто, они стали собираться на еженедельные заседания для обсуждения научных вопросов. Заседания проходили в Лондоне и Оксфорде, и Бойль постоянно курсировал между этими двумя городами, принимая в работе коллегии самое активное участие. Вскоре научное сообщество получило столь широкую известность, что король Карл II указом от 15 июля 1662 года дал ему название Королевского общества и утвердил ряд привилегий, которые еще более расширил другим указом от 14 апреля 1663 года.

Работая в Оксфорде, где Бойль построил новую лабораторию, он пригласил для совместной работы в качестве помощника Роберта Гука. Бойль и Гук составили превосходный рабочий «дуэт», о чем сам Бойль не раз говорил как о необыкновенной удаче. Они работали над усовершенствованием конструкции воздушного насоса, изобретенного Отто Герике, что помогло Бойлю провести ряд физико-химических экспериментов, касающихся упругости воздуха. В них ученый сумел продемонстрировать целую серию физических закономерностей, описав их в книге, вышедшей в 1660 году. Этот труд был воспринят неодинаково ученым миром. Эксперименты Бойля подвергались критике. Для доказательства своей правоты Роберт Бойль провел дополнительные опыты. Физик-любитель Ричард Таунли повторил опыты Бойля и прислал ему их результаты. В отличие от Бойля, Таунли рассматривал опыты с газом в ином плане. Получив результаты Таунли, Бойль отозвался о них в высшей степени одобрительно: «Я не замедлю признать, что я не свел опыты, которые я проделал с измерением расширения воздуха, к какой-либо гипотезе. В то время как искусный джентльмен мистер Таунли попытался вывести то, что недоставало у меня. Мой помощник сказал мне, что проводил наблюдения с той же самой целью год назад, и они показали

довольно хорошее согласие с теорией мистера Таунли», – писал Роберт Бойль. Во втором издании книги, в 1662 году, Бойль развивает свою (и Таунли) теорию и выводит закон, гласящий, что «упругость воздуха находится в обратном отношении к объему». Через 15 лет этот физический закон был переоткрыт французом Эдмом Мариоттом, совершенно независимо от Бойля. Поэтому он и носит название закона Бойля-Мариотта.

Годом раньше, в 1661 году, вышла самая знаменитая книга Бойля «Химик-скептик». В ней он доказывает, что химия должна стать самостоятельной наукой, а не заниматься попытками превращения неблагородных металлов в золото и поисками способов приготовления лекарств. В этой книге Бойль дал первое научное определение понятию элемента. Четкой идеи о том, что представляет собой элемент, у Бойля не было. Он представлял себе его в виде неких первочастиц, которые, соединяясь, образовывали корпускулу. (По сути, это понятие не было у Бойля конкретизировано, и через 100 лет Лавуазье на основе новых достижений науки развил понятие элемента, вложив в него конкретное содержание.) Книга «Химик-скептик» пользовалась громадным успехом, первый ее тираж был мгновенно распродан. Очень скоро появились и ее переводы на другие языки, в том числе и на латынь. Но, несмотря на огромную популярность, далеко не всеми учеными взгляды Бойля были восприняты, а учение о «четырех стихиях» и «трех началах» присутствовало в химии до конца XVIII века.

Оставаясь вне политики, не имея семьи, Бойль тратил все свои средства на науку. Некоторое время он исполнял обязанности президента Королевского общества и был одним из директоров Ост-Индской кампании.

В 1665 году Бойль получил степень почетного доктора физики Оксфордского университета. В 1680 году он был избран президентом Королевского общества, но от должности отказался.

Роберт Бойль полностью посвятил себя науке, отдавая все время экспериментам, которые всегда регистрировал – даже неудачные, считая, что плохой результат, это тоже результат. В своих исследованиях он широко применял качественные и количественные методы. В начале 70-х годов он провел ряд опытов по обжиганию металлов в запаянных сосудах. Регистрируя привес после обжига, он сделал ошибочный вывод, что «корпускулы огня проникают сквозь стекло и поглощаются металлом», что и дает разницу в весе. В 1680 году независимо от других химиков Бойль получил фосфор, исследовав который он указал цвет, запах, плотность химического элемента, а также его способность светиться и отношение к растворителям. В 1684—

1685 годах Бойль провел ряд экспериментов для выявления состава минеральных вод. В опытах он использовал отвар чернильных орешков для открытия железа, аммиак для открытия меди, растительные краски для установления кислой или щелочной реакции, отмечал вкус вод и их плотность.

Другая сторона деятельности Роберта Бойля – религиозная. В юности, поддаваясь разным искушениям, он даже думал о самоубийстве, от которого его удержали страх и мысль о том, что душа грешника попадет в ад. «Демон воспользовался моей меланхолией, наполнил душу ужасом и внушил сомнения в основных истинах религии», – писал позже Бойль. Чтобы рассеять сомнения, Бойль занялся чтением Библии, и, желая прочесть ее в подлиннике, он взялся за изучение еврейского и греческого языков. В дальнейшем Бойль стал ревностным христианином и замечательным религиозным писателем. Даже в научных трудах Бойль стремился доказать величие и мудрость Творца. Теория корпускуляризма имела весьма характерную для Бойля особенность – он считал корпускулы мельчайшими «инструментами», «орудиями», благодаря которым видимый нами мир представляет собой нечто вроде «гигантских часов», приводимых в движение Богом.

Как человек глубоко религиозный, Бойль стремился сделать многое для распространения христианства. На собственные средства он перевел Библию на ирландский и турецкий языки, завещал проводить религиозные ежегодные чтения, оставив на это капитал.

Последние годы Роберт Бойль прожил в Лондоне, где и скончался 31 декабря 1691 года.

ФРАНСУАЗА АТЕНАИС ДЕ МОНТЕСПАН (1641—1707) *Маркиза, фаворитка короля Людовика XIV.*

Франсуаза Атенаис, в девичестве де Тоннэ-Шарант, урожденная герцогиня де Мортемар из рода Рошешуаров, маркиза де Монтеспан. Здесь, в отличие от других фавориток Людовика XIV, налицо высшая знать королевства, а не рядовое, по сути, провинциальное дворянство.

В семье Мортемар Франсуаза была не единственным ребенком. Ее брат – Людовик Виктор де Рошешуар, герцог Вивонь, был флигель-адъютантом короля. Старшая сестра – Габриэль, маркиза де Тианж, выйдя замуж за Клавдия де Дама, стала придворной дамой, а младшая сестра – Магдалина – была аббатисою женского монастыря Фонтерво.

Когда Франсуаза впервые прибыла ко двору, ей было 22 года и она уже была замужем. В 1663 году девица Тоннэ-Шарант была выдана замуж самим королем Людовиком за камергера двора герцога Орлеанского Генриха Людовика де Пардайян де Гондрен, маркиза де Монтеспан и была пожалована в статс-дамы. Ее внешний облик отвечал тогдашним идеалам красоты – она была полной, светловолосой, с голубыми глазами.

Прибыв ко двору, молодая жена сразу же обратила на себя внимание короля. Поначалу маркиза делала вид, что пристальное внимание короля ей досаждает. Скоро она ответила королю взаимностью, а маркиз все продолжал устраивать королю сцены ревности, жаловаться на него придворным, вламываться в кабинет к Людовику, дабы застать его со своей Франсуазой. Но двор уже жил по законам новой морали и, естественно, был на стороне обожаемого монарха. Неуступчивого маркиза все по-дружески уговаривали образумиться. Советов маркиз не слушал – он даже хотел не отказываться от детей Людовика и Монтеспан, которые по закону принадлежали ему, и увезти их с собой в Гнеинь. (Первенец королевской крови Луи-Огюст, будущий герцог Мэнский, родится в 1670 году. Всего детей будет четверо: Луи-Огюст, которого король отдаст в мужья принцессе Конде, граф Тулузский и две дочери – одна выйдет замуж за принца Конде, вторая – за герцога Шартрского, будущего герцога Орлеанского.

Таким образом, дети маркизы породнятся с самой высшей знатью. Кроме того, Людовик легитимирует всех четверых с правами принцев крови, а потом специальным эдиктом признает их право на престол.)

Наконец Людовику это надоело, и он засадил маркиза в Бастилию. Правда, ненадолго. Вскоре маркиза выпустили из Бастилии и выслали в свои поместья. Здесь он объявил о кончине жены и устроил ей похороны – пустой гроб опустили в землю и на надгробном камне высекли имя маркизы.

При наличии подобных отношений среди супругов их развод был весьма затруднителен, хотя король на этом и настаивал (именно потому, что Монтеспан была замужем, она так и осталась маркизой, а не стала, например, герцогиней как Луиза де Лавальер). Но свобода неверной супруге была предоставлена – генеральный прокурор Парижского парламента принял решение о прекращении брачного союза супругов де Монтеспан.

При дворе Франсуаза Монтеспан заслужила прозвище «султанши», которое произносилось шепотом, потому что ее боялись. Она была злопамятна, остроумна, любила славу и не прощала насмешек над собой, сама любя высмеивать всех. Она была человеком крайностей, признавая только любовь или только ненависть.

Король ей во всем потакал, женщины усваивали изящество ее тона, разговора, манер, носивших некий отпечаток необыкновенной привлекательности. В дальнейшем этот период, начавшийся, когда при дворе господствовала маркиза, войдет в историю с названием галантного века. На земле создавался рай, естественно, не для всех, а для избранного общества, для которого единственно возможным стилем жизни стала повышенная общительность, балы, вечеринки и увеселения – словом, большой бесконечный праздник.

Жизнь проходила в сплошном потоке удовольствий и развлечений. Все подчинялось любви, а сама маркиза де Монтеспан была ее олицетворением, ее идеалом и ее главной жрицей. Целое десятилетие Франсуаза будет царствовать в сердце короля. Целое десятилетие двор будет жить под властью деспотичной, капризной женщины, тщеславной и самовлюбленной. В ее присутствии даже герцогини не имели право сидеть на стульях, а лишь на табуретах. Ее покои в Версале были в два раза больше, чем покои королевы Франции. Де Монтеспан имела собственный двор, который посещали министры, послы, генералы. Ее желания были законом для короля, а уж тем более для всех остальных.

Франсуаза любила играть в карты, и играла азартно. Ее

проигрыш всегда оплачивал король, а выигрыш она оставляла себе. За годы своего фавора она потратила из казны столько денег, что ее современник позволил сказать об этом так: «Эта метресса стоила Франции втрое больше, чем все ученые Европы». Только расходы на ее поместье составляли 405 тысяч ливров.

И при всем том Франсуаза отличалась большой набожностью – помня о своем грехе, она часто покидала Людовика, дабы погрузиться в молитвы и уединение, считая, что подобные отлучки с королевского ложа могут примирить ее с Богом.

Такова одна из ее ипостасей – официальная, но была и другая, о которой не только в столице, но и по всей Франции ходили слухи. Речь идет о ее связях с сектой дьяволопоклонников. Говорили, будто она вступила в тайные сношения с колдунами, пользовалась их «чарами», совершала мрачные обряды поклонения, в ходе которых использовалась кровь невинных младенцев, что она заказывала зелья, дабы приворожить короля и удержать его любовь.

А король был действительно как опоенный. Вряд ли какой другой монарх выносил столько от своей любовницы. Она доставляла ему множество хлопот. Ее притязательность, гордость, себялюбие, жажда почета, капризы, непомерная требовательность, ее злоязычие и раздражительность, которые она все чаще срывала на самом Людовике, – воистину короля можно только пожалеть.

Ее могущество определяло судьбы людей, формировало этикет и моду. Ее гнева боялись самые высокопоставленные вельможи королевства, ибо она могла даровать титулы, звания, состояния, а дерзких и непокорных изгнать и разорить. Даже члены королевской семьи опасались ее гнева.

Любовь короля к маркизе Монтеспан была преданной, хотя иногда Людовик позволял себе увлечься другой. Маркиза испытывала ревность и ужасно злилась, но новая связь короля быстро заканчивалась, и он снова был с Франсуазой. Это опьяняло ее, внушало уверенность в своем всемогуществе и вседозволенности, которые будут всегда. Она не могла и предположить, что своими руками разрушит свое счастье и что сама познакомит Людовика со своей преемницей. Ей окажется госпожа Скаррон – воспитательница ее старших детей от короля. Франсуаза знала Скаррон давно, когда еще находилась при муже-маркизе. Ей запомнились почтительное обращение, угодливость, ум и любезность Скаррон, и когда родились ее первые дети, то маркиза вспомнила о ней. Скаррон был куплен дом в Париже, даны деньги, и она занялась воспитанием королевских детей. Позднее дети были привезены во дворец к Монтеспан, признаны королем и утвердились при дворе. Вместе с ними здесь

утвердилась и их воспитательница. Король не жаловал Скаррон вниманием, а небольшие подарки он дарил воспитательнице лишь в угоду маркизе.

Когда Ментенонская земля поступила в продажу, Монтеспан добилась от короля согласия на приобретение ее для госпожи Скаррон. Став владелицей этой земли, госпожа Скаррон приняла фамилию Ментенон, с которой она и вошла в историю в качестве последней фаворитки Людовика.

Капризы и раздражительность де Монтеспан, ее вздорный нрав и несдержанность приносили королю страдания. Он все еще любил Франсуазу и именно от нее узнал, что де Ментенон часто упрекает ее за капризы и сочувствует королю. Да и со стороны до него тоже дошли сведения о ее стараниях укротить его возлюбленную. Король оценил это и стал уделять бывшей воспитательнице больше внимания. Он много беседовал с ней, стал делиться своими горестями и недовольством и даже советоваться. Ментенон ловко воспользовалась этим доверием и мало-помалу оттеснила г-жу де Монтеспан, которая слишком поздно это заметила. Достигнув особого положения, Ментенон, в свою очередь, стала жаловаться королю на все, что ей приходится терпеть от маркизы, и скоро ей удалось окончательно занять место Монтеспан и навсегда укрепить его за собой.

Когда в 1678 году Франсуаза уехала на воды на курорт Бурбон-л'Аршамбо на несколько месяцев, Ментенон стала официальной фавориткой монарха. Вернувшаяся с вод Франсуаза была поставлена перед свершившимся фактом. Некоторое время они «существовали» втроем. Монтеспан никак не хотела признать, что ее место в сердце короля заняла женщина менее красивая, чем она, и старше ее возрастом. А король, устав от шума и энергии Франсуазы, уже в возрасте, хотел тишины и покоя. Ментенон ему это дала. Как и представление о размеренной, нормальной жизни без излишеств и всевозможных выкрутасов.

Монтеспан начала стремительно уходить в тень. Ее падение стало лишь вопросом времени. И тут ей был нанесен еще один – последний, завершающий удар. Она оказалась замешанной в «деле о ядах»! Расследование этого дела началось в 1677 году. Естественно, пока Монтеспан была в силе, никто не смел выдвигать против нее никаких обвинений. Хотя после ареста нескольких «колдуний» вскрылось, что она – вкупе с племянницами Мазарини, графиней Суассон, герцогиней Буйон, маршалом Люксембургом, многими придворными, крупными чиновниками – входила в сообщество убийц-отравителей. Во главе этого «кружка любителей фармакологии» стояла знаменитая отравительница Вуазен (ее сожгли 22 февраля 1680

года, еще 35 человек разделили ее судьбу). И вот теперь дочь Вуазен – Маргарита – обвиняла Монтеспан в том, что она хотела отравить короля. Обвинения были выдвинуты весьма своевременно.

Ментенон формальным образом выживала ее из дворца, в котором она появлялась, но король уже не желал и боялся с ней встречаться. Со временем боязнь прошла, но желания общения уже не возникало. Хотя Людовик и встречался с Франсуазой почти ежедневно, но старался сделать эти визиты как можно короче. В конце концов архиепископ Боссюэ, который и ранее добивался от короля периодического прекращения его связи с Франсуазой, на этот раз окончательно уговорил короля удалить Монтеспан от двора.

Шел 1691 год. Королевский приказ, который все боялись передать маркизе, взялся донести до нее ее сын – герцог Мэнский. Он давно был на стороне Ментенон и теперь доказывал свою крайнюю лояльность. За это вдова Скаррон «усыновила его в своем сердце» и, поскольку своих детей у нее не было, относилась к нему как к сыну, всегда ему протежируя. С этого дня мать и сын будут питать друг к другу ненависть до самой смерти маркизы, которая ничуть не огорчит ее сына.

В свое время Монтеспан построила в Париже дом для сообщества Дев Св. Иосифа, которое она учредила для образования молодых девушек и обучения их различным рукоделиям. Теперь она поселилась здесь и спустя некоторое время предалась Богу. В 1707 году она поехала в очередной раз на воды, поехала с уверенностью в скорой смерти. Поэтому она раздала все свои деньги на пенсии и милостыни, дабы зависевшие от нее не пострадали бы в результате ее кончины.

В ночь на 27 мая она почувствовала себя плохо. Перед самой смертью она поблагодарила Бога, что умирает далеко от детей ее греха. Тело ее перевезли в Пуатье и опустили в фамильный склеп.

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОЛИЦЫН (1643—1714)
Князь, русский государственный деятель.

Княжеский род Голицыных ведет свою родословную от потомков великого литовского князя Гедимина. Ранняя история этой древнейшей российской династии нашла отражение в родовом гербе Голицыных. Он представляет собой красный щит, рассеченный по горизонтали на две половины. В верхней его части находится герб Великого княжества Литовского – всадник на белом коне с поднятой вверх саблей, что символизирует связи рода Голицыных с Литовским княжеством. Нижняя часть герба разделена надвое по вертикали и в ее правой части на серебряном поле находится герб города Новгорода, указывающий на службу Голицыных в этом городе, а слева, в голубом поле, расположился равноконечный серебряный крест, в середине которого помещен российский государственный герб. Правнук Гедимина князь Патрикей Наримунтович в 1408 году выехал в Россию на службу к великим московским князьям. Он и положил начало ряду многих новых княжеских фамилий, таких как Патрикеевы, Хованские, Булгаковы и другие. В том же году он взял в жены родственницу великого московского князя Василия I, и, следовательно, по женской линии можно установить родство этих фамилий, в том числе и Голицыных, с династией Рюриковичей, причем с домом московских князей. О происхождении жены Патрикея Наримунтовича существует несколько версий. По одной, она приходилась дочерью Василию I, а по другой, была его сестрой. Современные исследователи склоняются к мнению, что Анна (так звали его жену), родившаяся в 1387 году, была все-таки сестрой Василия I, а путаница произошла из-за того, что у великого московского князя была также и дочь, носившая то же имя. Она, что является установленным фактом, стала женой византийского царевича. Следовательно, по женской линии Голицыны – потомки Дмитрия Ивановича Донского.

Родоначальником собственно Голицыных считается праправнук Патрикея князь Михаил Иванович Булгаков-Голица – сын боярина Ивана Васильевича Булгака-Патрикеева. Родился он в конце XV века и, по преданию, получил прозвание «Голица» от привычки носить на одной руке перчатку – «голицу». В 1510 году Михаил Иванович получил боярский чин и нес военную службу у

великого князя Василия Ивановича. Он участвовал в походе против крымцев в 1512 году, а в следующем году охранял границы от литовцев, командуя Большим полком на берегах реки Угры. В 1514 году в битве с поляками под Оршей он попал в плен. Его заковали в цепи и отправили в Вильно. В польском плену Булгаков-Голица провел 38 лет, причем до 1526 года оковы с него не снимали. Царь Иван Васильевич Грозный предложил Сигизмунду-Августу в 1549 году выкуп за воеводу в размере 1 тысячи рублей, но получил отказ. Из плена на родину Михаил Иванович смог вернуться только в 1551 году и с большим почетом был принят царем. В дальнейшем он принял постриг с именем Ионы в Троице-Сергиевой лавре, где и скончался в 1558 году.

Его единственный сын Юрий Михайлович был первым, кто стал писаться с фамилией Голицын. В 1537 году он получил боярский чин. В период правления Ивана IV был послом царя к венгерскому королю Фердинанду, а затем в 1546 году стал новгородским воеводой. На ратном поприще Юрий Михайлович отличился при взятии Казани. Скончался он в Пскове в 1561 году.

Самым знаменитым ближайшим потомком Юрия Голицына был его внук Василий Васильевич Голицын, прозванный «столпом» или «великим» – один из виднейших деятелей Смутного времени. Став боярином в 1602 году, смоленский воевода Василий Васильевич Голицын в декабре 1604 года был отправлен против Лжедмитрия I первым воеводой Передового полка. Вскоре Голицын с частью войска перешел на сторону Самозванца, который назначил его главным воеводой в походе к городу Туле. Василий Васильевич был недолго на службе у Лжедмитрия – уже в 1606 году он становится одним из организаторов заговора, в результате которого Самозванец был свергнут. Кандидатура Голицына рассматривалась в качестве претендента на российский престол, тем самым он был конкурентом Василия Ивановича Шуйского, избранного на царство. Будучи очень властолюбивым человеком, Голицын не мог оставаться подданным своего соперника. К 1610 году у Голицына было уже много сторонников, а как только умер Скопин-Шуйский, являвшийся самым реальным претендентом на царство, Василий Васильевич был снова объявлен кандидатом на престол. Но стать царем ему так и не удалось. В числе немногих бояр он был избран для заключения договора с гетманом Жолкевским об избрании царем польского королевича Владислава. Ему пришлось и подписать сей договор, хотя сам он мечтал о престоле. Гетман настоял, чтобы Голицын был отправлен в качестве посла к королю Сигизмунду под город Смоленск. Здесь Василий Васильевич вместе с митрополитом

Филаретом стойко защищал русские интересы, заслужив славу верного патриота. Уже в конце марта послы были заключены под стражу, а затем отправлены в глубь Польши. В 1618 году был заключен Деулинский мир, открывший Голицыну путь на родину, но он умер по дороге в город Гродно в 1619 году.

В пятом поколении от основателя династии Голицыных их род разделился на четыре ветви. К тому времени Голицыны занимали высокие государственные должности. Среди них было 22 боярина, 3 окольничих, 2 кравчих. Первая линия рода пошла от старшего сына Тобольского воеводы Василия Андреевича Голицына. Был он и стольником, и чашником, и боярином. Скончался Василий Андреевич в 1652 году, оставив жену Татьяну Ивановну (в девичестве Ромодановская) и четырех малолетних детей. Старшая его дочь Ирина вышла замуж за Трубецкого, а младшая Прасковья стала женой Михаила Юрьевича Долгорукова, убитого во время стрелецкого бунта в 1682 году. Сын Василия Андреевича Иван не оставил после себя потомков, и продолжателем рода стал другой сын, Василий.

Родился Василий Васильевич в 1643 году, и при выборе для него имени родители решили назвать сына в честь Василия Васильевича-старшего, прославившегося в Смутное время. Княжичу Василию было всего 9 лет, когда умер его отец, и заботу о воспитании и образовании сына взяла на себя мать. Происхождение Голицына предопределяло его службу при дворе. По меркам того времени он получил прекрасное домашнее образование: кроме грамоты он мог хорошо читать и свободно говорить на латыни, греческом, польском и немецком языках. В доме Голицыных была прекрасная библиотека, а круг интересов молодого княжича был необыкновенно широк. Он интересовался историей, богословием, организацией государственной службы, культурой, медициной, флорой и фауной, а также предсказаниями.

На службу при дворе он попал в период правления царя Алексея Михайловича. Василий исполнял обязанности стольника, чашника и возницы. Воспитание, ум и многие таланты заметно отличали Голицына от других и позволили сравнительно быстро сделать карьеру при дворе, особенно в период правления царя Федора Алексеевича, когда вокруг него сплотились представители нового поколения знати. Голицын стал первым, кто получил чин боярина при новом царе. Первое ответственное поручение Голицына как государственного деятеля было связано с внешнеполитическими проблемами. Весной 1676 года он, облеченный особым доверием царя Федора Алексеевича, был направлен в Путивль для разрешения запутанных вопросов на

Правобережной Украине. Миссия Голицына была успешной и, что немаловажно, бескровной.

Стычки с крымскими татарами на южных границах государства начались с 1673 года и в 1677 году переросли в русско-турецкую войну. Турки подошли к Чигирину – гетманской столице. На помощь городу был направлен полк боярина Ромодановского, а Голицын вышел на соединение с ним со своим полком из Путивля, не имея на то царского указа. По пути к Чигирину он получил указ с предписанием вернуться обратно. Почти год Ромодановский успешно оборонял Чигирин в одиночку, но в 1678 году город пал. Оставшиеся защитники отошли к Киеву, а их воевода был отправлен в отставку. Перестановка среди воевод позволила Голицыну занять место боярина князя М.А. Черкасского, который стал воеводой Большого полка. Василий Васильевич возглавил левый фланг обороны, и его полк теперь располагался в Севске.

После заключения мира с турками в 1681 году Голицын был отозван в Москву. За время Чигиринских походов он не только выполнял особые поручения царя, но и приобрел военный опыт и полезные связи, которые в дальнейшем помогли ему достичь высоких мест в карьере политического деятеля. На следующем этапе своей карьеры Голицын возглавляет Владимирский судный приказ. Он принимает самое активное участие во внутренних преобразованиях, основными направлениями которых были правый суд, справедливое налогообложение и регулярная армия. Эта деятельность Голицына проходила при полном ободрении и поддержки царя Федора, который выдвигает Голицына на первое место в боярском списке. В результате проведенных реформ основой русской армии стали «полки нового строя» и стрелецкие полки, подчиненные единому руководству, а управление ими сосредоточилось в трех приказах – Разрядном, Рейтарском и Иноземном.

В налогообложении мелкие сборы были заменены единой податью, что позволило упорядочить получение средств на содержание армии и государственного аппарата. О широте взглядов Голицына и о его понимании государственных интересов говорит тот факт, что Василий Васильевич, будучи представителем знатнейшей фамилии, поддержал борьбу с местничеством, которое вскоре было отменено. По указу царя 14 ноября 1681 года Голицын возглавил комиссию, которой было поручено «ведать ратныя дела для лучшаго своих государевых ратей устроения и управления». По результатам работы комиссии сотенная организация дворянского ополчения была заменена строгой ротной системой. По новым чинам были расписаны

представители всех родов, что привело к противоречиям со старым обычаем местничества. От имени членов комиссии Василий Васильевич обратился к царю с челобитием об отмене местничества, что и было сделано решением Земского собора 12 января 1682 года. Оно гласило: «Да погибнет во огни оное Богом ненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовью отгоняющее местничество и впредь да не вспомянется вовеки!» Среди подписавших «Соборное деяние» подпись Голицына была первой.

Пик славы Голицына как государственного деятеля приходится на время правления царевны Софьи, фаворитом которой он стал еще до того, как она получила власть.

15 мая 1682 года в Москве началось восстание стрельцов, сыгравшее важную роль в судьбе Голицына. Недовольство стрельцов использовали Милославские, направив их против своих политических противников Нарышкиных. Голицын стал свидетелем стрелецкой расправы над сторонниками Нарышкиных, в том числе над мужем своей родной сестры князем Долгоруким. В результате бунта на троне оказались два царя – Иван и Петр, бывшие оба сыновьями царя Алексея Михайловича от разных браков. Правительницей за малолетних государей была объявлена царевна Софья. При ней было сразу создано новое правительство, во главе которого стал Василий Васильевич Голицын. Осенью того же 1682 года он был пожалован в дворовые воеводы и возглавил дворянское войско, собранное под Троице-Сергиевым монастырем для подавления стрелецкого восстания. Бунт вскоре удалось подавить. Как глава правительства Голицын сосредоточил в своих руках все учреждения, ведавшие вопросами внешней политики и армией. Он получил пышный титул «царственныя большия печати и государственных великих посольских дел сберегатель, ближний боярин и наместник новгородский». Особых успехов он добился во внешнеполитической деятельности. Он буквально очаровывал иностранцев, называвших Голицына самым умным и воспитанным человеком, который когда-либо нарождался на Руси. Свободно изъясняясь на иностранных языках, Василий Васильевич весьма дружески обращался с приезжими из Европы. До него никто из государственных деятелей высшего ранга не позволял себе проводить неофициальные домашние встречи с дипломатами, так сказать «тет-а-тет». Голицын был любезным и внимательным хозяином, умевшим не только уважительно выслушать гостя, но и поддержать беседу. В то же время он всегда заботился о государственных интересах и требовал уважения и полного соблюдения протокола на официальных церемониях,

отмечая мельчайшие ошибки противоположной стороны. Наибольшим успехом Голицына в области внешней политики стало заключение в 1686 году «Вечного мира» с Речью Посполитой. По нему Россия получала Киев и подтверждались условия Андрусовского перемирия – переход к России Левобережной Украины, Смоленска и Северской земли. Россия обязывалась разорвать мирные отношения с Турцией и Крымским ханством и войти в Священную лигу (Австрия, Речь Посполитая и Венеция) для борьбы с крымцами. Другим большим успехом Голицына стало заключение в 1689 году Нерчинского договора с Китаем.

Один из образованнейших людей своего времени, Василий Васильевич собрал богатейшую библиотеку, в которой были книги на русском и иностранных языках. Он способствовал развитию просвещения, и при нем в 1687 году была открыта Славяно-греко-латинская академия для обучения боярских детей, чтобы потом они могли продолжить образование за границей. Впоследствии Голицын подарил академии свою библиотеку. Его можно назвать «западником» допетровской эпохи, так как он стал привлекать искусных и талантливых иностранцев на службу в Россию.

Полководческая деятельность для Василия Васильевича не представляла никакого интереса. Но он был вынужден исполнять роль главнокомандующего русскими войсками во время Крымских походов, совершенно этого не желая. Царевна Софья не жалела сил для создания образа князя Голицына, наделенного всеми дарованиями, в том числе и талантом военачальника. Крымские походы стали итогом политической биографии Голицына. Первый поход был организован в 1687 году. Русское войско вышло в степи поздно и сильно страдало от жары и отсутствия воды. На половине пути армия вынуждена была повернуть обратно из-за того, что степь была подожжена крымцами. При возвращении в военный лагерь на реке Коломак гетман Самойлович был смещен со своего поста. Он очень настороженно относился к Речи Посполитой и предпочитал не воевать с крымцами, а договориться, что делало его не лучшим союзником в этой войне. На его место был избран Мазепа, придерживавшийся пропольской ориентации. Избрание Мазепы гетманом состоялось под непосредственным нажимом Голицына. Второй Крымский поход 1689 года также оказался неудачным. Русские войска смогли дойти лишь до Перекопа, а затем повернули назад. В итоге оба похода, несмотря на тщательность подготовки и огромную численность армии, оказались безрезультатными. Они сопровождались большими потерями

людей в русских и украинских полках, вызванными тяжестью переходов по безводной и выжженной степи при страшной жаре, трудностями снабжения войск продовольствием и фуражом. Затратив огромные средства на эти походы, их результаты для России оказались более чем скромные. Софья как могла пыталась представить походы победоносными, но ей никто не верил. Авторитет Голицына как главы правительства падал на глазах, и его имя в обществе стало связываться с военно-политическими неудачами.

После Крыма он все больше начинает задумываться о своем будущем. Став первым в России «официальным» фаворитом, он прекрасно понимал, что его время кончится с совершеннолетием законного наследника престола Петра Алексеевича. Власть фаворита редко бывает долговечнее власти его покровителя, и опала Голицына должна была неизбежно последовать с прекращением регентства Софьи. Здесь были бессмысленны и самые блестящие государственные способности. А подросший царь уже начал предъявлять свои права на единоличное управление государством, что привело к неизбежному столкновению Софьи со своим младшим братом. Софья все чаще настаивала на физическом устранении Петра от престола, чтобы сохранить свою власть. Но миролюбие князя Голицына сделало его бесполезным для нее в борьбе, и в этот период она нашла другого активного сторонника – окольничего Шакловитого. Голицын как мог противился их планам устранения царя Петра, а затем решил уехать из столицы в свое подмосковное имение. Последовавшее вскоре падение Софьи предопределило и судьбу Голицына, и в сентябре 1689 года его политическая карьера оборвалась. Трудно сказать, но возможно, что в лице князя Василия Васильевича Петр I потерял умнейшего и образованнейшего сторонника своих будущих преобразований. Голицын в числе других родовитых бояр прибыл к стенам Троице-Сергиева монастыря, где находился Петр, и был сразу взят под стражу. В ходе расследования на князя поступило несколько доносов с нелепыми обвинениями, которые он легко опроверг. Но несмотря на это, избежать смертной казни ему удалось только благодаря заступничеству двоюродного брата Бориса Алексеевича Голицына, воспитателя молодого царя и его советника. Василий Голицын был лишен всех чинов и приговорен к вечной ссылке со всем семейством, которую он отбывал сначала в Каргополе, а затем в Яренске. В 1696 году его переводят в Пинежский волок, расположенный по пути из Холмогор в Архангельск. О жизни Голицына в ссылке почти ничего не известно. Согласно преданию, находясь в ссылке, он занимался разведением лошадей и учил

местных девушек петь московские песни. Сохранился, правда, его портрет, написанный в то время, где Василий Голицын изображен в латах и парике – обязательной дворянской атрибутике.

Спустя почти четверть века всеми забытый князь Василий Васильевич Голицын скончался в селе Кологоры под Пинегой и был похоронен в Красногорском мужском монастыре. После его смерти семья Голицына была возвращена из ссылки. Его старший сын Алексей до конца жизни (до 1740 года) проживал в своих поместьях и не мог служить по причине повреждения рассудка. Младший сын, Михаил, по возвращении из ссылки служил на флоте.

ЛУИЗА-ФРАНСУАЗА ДЕ ЛАВАЛЬЕР (1644—1710)
Герцогиня, фаворитка короля Людовика XIV.

В XVII веке во Франции на престоле находился Людовик XIV, прозванный «король-Солнце». Он остался в истории не только из-за роскоши своего двора, постройки Версаля, ведения войн, но и благодаря своим многочисленным фавориткам. Их содержание обходилось государственной казне дорого, а многочисленные дети короля получали титулы герцогов и графов, воинские звания адмиралов и генералов, и все они обладали большим личным состоянием.

О роли фавориток при короле прекрасно написал кардинал Ришелье в «Мемуарах»: «Надо признать, что, коль скоро мир погубила именно женщина, ничто не может нанести государствам большего вреда, чем женский пол, который, прочно утвердившись при тех, кто ими правит, чаще всего заставляет государственных мужей поступать так, как этому полу заблагорассудиться, а это значит поступать плохо».

Большинство женщин, которые окружали Людовика XIV, активно занимались политикой, назначали и снимали с государственных постов. Большинство, но не все. Луиза де Лавальер, находившаяся рядом с королем около десяти лет, любила не короля, а Людовика, любила искренне и бескорыстно. Ее имя осталось в истории Франции наряду с именами Марии Манчини, де Монтеспан, де Ментенон, но как полная им противоположность.

Луиза-Франсуаза де Лабом Леблан, маркиза де Лавальер, герцогиня де Важур – таково полное имя той, кого мы с ранней юности привыкли считать первой и единственной любовью виконта де Бражелона, героя бессмертного романа А. Дюма. И также первой большой любовью французского короля Людовика XIV. Она родилась в 1644 году в Туренни, в небогатой аристократической семье. С детства она обожала лошадей и часто каталась верхом. Во время одной из таких прогулок Луиза неудачно упала с лошади, повредив позвоночник и ногу. Эта травма имела последствия – она осталась хромой, но не переставала любить лошадей всю дальнейшую жизнь. Рано лишившись отца, она воспитывалась в замке Блуа, принадлежавшем Гастону Орлеанскому. Вот как описывал ее

современник: «Девица эта роста посредственного, но очень худощава; походка ее неровная, хромает. Она белокура, лицом бела, рябовата, глаза голубые, взгляд томный и по временам страстный, вообще же весьма выразительный. Рот довольно велик, уста румяные. Она умна, жива, имеет способность здраво судить о вещах, хорошо воспитана, знает историю и ко всем своим достоинствам одарена нежным, жалостливым сердцем».

Ее история, описанная в романах, недалека от реальных событий. Она была воспитана в старой доброй традиции, определявшей жизнь провинциального французского дворянства на протяжении веков – в любви и преданности монархии и монарху, в милосердии, кротости, почтении к старшим. Она покорно выслушала весть, что маркиз де Бражелон просил ее руки, и маркиза де Сен-Реми дала согласие на брак дочери. Свадьба должна была вскоре состояться, но вмешался рок – через несколько месяцев умирает дед Луизы, живший большую часть времени с ними – барон де Лабом, а вслед за ним и мать Луизы.

Незадолго до своей смерти маркиза, как бы предчувствуя свой скорый конец, выхлопотала дочери место фрейлины при дворе жены брата короля принцессе Генриетте Английской. Луиза, представленная двору, там не знала никого, но всем понравились ее молодость, привлекательность и скромность, которая находилась в резком противоречии с придворными нравами. Именно за это и полюбил ее в те годы еще совсем молодой, 23-летний, король Людовик. Даже легкая хромота Луизы не портила девушку – с детства привыкнув скрывать ее, она выработала особую, плавную походку, которая делала ее недостаток практически невидимым.

Еще до представления Лавальер двору там произошли значительные события: умер первый министр Людовика, человек, который от лица короля управлял долгие годы, тайный муж его матери, кардинал Мазарини. Именно он в течение многих лет вытаскивал страну из той ямы, куда ее затолкали религиозные войны, сепаратизм и претензии аристократов. Он оставил Людовику дела, в общем-то, в хорошем состоянии. И именно он научил молодого короля, ненавидевшего его, но не имевшего сил бороться с ним в открытую, многому из того, что должен был знать и уметь правитель.

Но ничто человеческое молодому королю не было чуждо. Через год после свадьбы потянулась бесконечная череда его любовниц и фавориток, в ряду которых Лавальер было суждено занять особое место. К моменту встречи с Лавальер король уже пережил любовную драму – его любовь к Марии Манчини, племяннице Мазарини, любовь взаимную, закончившуюся

расставанием. Теперь же он был уже женат – на испанской инфанте, которая стала его женой по династическим и политическим соображениям, но отнюдь не по любви.

Король начинает часто бывать у жены своего брата – принцессы Генриетты, находя в этой остроумной и начитанной женщине душевное сходство с Марией Манчини. Принцесса при дворе была почитаема и любима многими, в том числе и ее новой фрейлиной Луизой де Лавальер. Познакомившись с ней, Людовик не нашел в новой фрейлине ничего особенного. Но Луиза сразу же влюбилась в короля, что не осталось незамеченным среди окружающих и послужило поводом для не всегда лестных высказываний.

Вскоре Людовик устроил в Фонтенбло праздник, в ходе которого все демонстрировали свое умение танцевать. После праздника фрейлины делились впечатлениями о танцорах. Когда же попросили высказать свое мнение Луизу, она запинаясь ответила, что не понимает, как можно было обращать на кого-то внимание, – ведь там был король. Она говорила от чистого сердца – так ее воспитывали. Не могла она знать тогда, что ее слова случайно слышал виновник разговора, и понял, что его любят искренне, любят не титул, не власть, а его самого. Он начал искать ту, кого запомнил по голосу, и вскоре узнал, что таинственной незнакомкой оказалась Луиза. На одной из прогулок в Венсенском лесу король признался молодой девушке уже в своей любви.

Но Лавальер не совсем обычная придворная той куртуазной эпохи. Любовь короля ее не столько радует, сколько страшит: она видит, что у этого чувства нет будущего – ведь король женат. И ее любовь, и любовь короля – греховные чувства. Однако король не привык отступать. Он начинает писать возлюбленной письма, умолять о свидании, дабы уверить ее в необходимости дальнейших встреч.

Луиза понимала, что ни к чему хорошему эти встречи не приведут, и все же согласилась. Вскоре она решает покинуть двор, чтобы не продолжать начавшийся роман, но затем снова возвращается к обязанностям фрейлины по просьбе короля.

А тем временем двор находил все больше и больше подтверждений тому, что Луиза любит короля, и, как вскоре стало известно, любовь эта взаимна. Мать Людовика – Анна Австрийская – любила устраивать для родни беспроигрышную лотерею. На этот раз главный приз выиграл Людовик: им оказались бриллиантовые браслеты, которые король подарил Луизе.

Принцесса Генриетта, поняв, что не она завоевала сердце

короля, воспылала к Луизе ненавистью. При дворе образовались две партии: одна – за Генриетту, другая – за Лавальер. Под влиянием приехавшей графини де Темин, Луиза вдруг осознала, что все зашло слишком далеко, и уехала из королевского замка в Шальотский монастырь. Но Людовик снова попросил ее вернуться. Выполняя его желание, Луиза возвращается в услужение к ненавидящей ее Генриетте, тем самым как бы искупая свою вину за любовь.

Луиза не оставляла мысли об уходе и расставании с Людовиком. Но болезнь обожаемого короля все изменила Лавальер не только не покинула двор, но и стала официальной фавориткой.

В эти дни король дает праздник своему двору, на котором придворные – в том числе и сам Людовик – изображали средневековых рыцарей. Символом короля была полураспустившаяся роза, скрытая до половины листьями, и слава девиза: «Чем меньше показывается, тем прекраснее». Всем все было ясно.

Через положенное природой время у короля и Луизы родилась девочка. Маленькая мадемуазель де Блуа положила собой начало череде королевских детей от фавориток. Рождение дочери у Лавальер окончательно подтвердило, что при дворе Людовика XIV появилась официальная фаворитка, которая стала одной из самых необычных фавориток среди множества других женщин, находившихся в подобной ситуации.

Луиза со временем начала привыкать к своему положению. В 1663 году король перевез ее во дворец – поближе к себе. Это уже было явным подтверждением их связи и явным признаком благоволения – скрывать было нечего. На следующий год он уже открыто и демонстративно играл с ней в карты, подтверждая свою неутихающую венценосную дружбу у всех на глазах.

Затем король купил своей фаворитке дворец, в одной из комнат которого она нашла еще один подарок короля – ларец с драгоценностями. Она продает бриллианты и на вырученные деньги основывает два госпиталя: для бедных стариков и для воспитания бедных сирот. Две недели она никуда не выходила из своего дворца, привыкая к своему новому положению, а когда вышла после добровольного заточения – двор был у ее ног. Ее признали своей новой повелительницей, и весь двор считал за честь раболепно прислуживать ей. Началась официальная эпоха фаворитизма. Король пребывал в твердой уверенности, что, любя его, Лавальер должна оставить все свои мрачные думы и предаваться беспечальному счастью. Луиза молчаливо сопротивлялась.

У Луизы и Людовика было четверо детей, из которых выжили только двое. Их дочь – мадемуазель Нант, будущая принцесса Конти, была первой, кто основал традицию, согласно которой Людовик всеми силами стал сближать своих незаконных детей со знатнейшими родами Франции, с принцами по крови. В дальнейшем, любя своих незаконных детей больше, он даже уравняет их с законными родственниками, дав им право на возможность занятия французского престола. Другим ребенком был сын – граф Вермандуа, который станет адмиралом Франции.

Луиза пребывала по-прежнему в плену своих дум. Политикой она не интересовалась, гипертрофированным честолюбием не страдала, особым корыстолюбием тоже, всецело полагалась на щедрость Людовика, которая, надо сказать, ее не обманывала. Ее детьми также занимался Кольбер. Почти сразу же после рождения их отдавали ему, и он вместе с женой воспитывал их в строгости и послушании.

Сама Луиза не желала узаконения своих детей, дабы они не возгордились и им не пришлось бы в дальнейшем испытывать разочарований. Однако Людовик настоял на этом. И мадемуазель Нант, родившаяся в 1666 году, на следующий год была узаконена парламентом и получила патент на свое узаконенное происхождение.

По поручению Людовика Кольбер купил для Луизы имение Важур в Ренси, и отныне Луиза стала герцогиней Важур. Произошло это 13 мая 1667 года. Но еще за год до этого стали заметны признаки охлаждения короля к Луизе: на его любовном горизонте начала восходить новая звезда – маркиза Франсуаза Атенаис де Монтеспан.

Двор принял эту новость спокойно, ибо здесь Луизу не любили: она постоянно грустила, стало быть, никаких празднеств не хотела и не просила о них короля. И самое главное – она не слишком интенсивно протежировала своим друзьям и сторонникам. Фаворитам подобного не прощают.

Началу романа короля с Монтеспан предшествовал пролог, в ходе которого умная, честолюбивая, проницательная Франсуаза сумела подружиться с Лавальер. Луиза, истомленная отсутствием родственной души, все доверчиво рассказывала новой подруге. Королю же Луиза с восторгом рассказывала о Монтеспан, тем самым обратив внимание монарха на нее.

Объяснение Людовика и Франсуазы произошло на балу у принцессы Генриетты. Умная женщина не стала хаять свою начинающую уходить в тень соперницу. Она ее даже хвалила, хотя не упустила возможности выставить себя в лучшем свете, сравнивая себя с Луизой. Ее слова Людовик повторит Луизе перед

окончательным разрывом с ней.

Но все это будет позднее. Пока же Людовик уехал на войну во Фландрию, и жена его как-то невольно сблизилась с Луизой, мучаемая тем же страхом за жизнь короля. Вскоре Франция одержала победу, и дружба соперниц кончилась.

Первая встреча Луизы с возвратившимся из похода королем прошла холоднее, чем обычно. И Луиза поняла, что любовь Людовика к ней прошла. Она опять уезжает в Шальотский монастырь, надеясь, что вновь король приедет за ней сюда. За ней приехали, но не король, а принц Конде. Она вернулась, а Людовик, встав на колени перед ней и поставив рядом дочь, сказал: «Не оставляйте нас более». Двор – чуткий барометр, к тому же раздраженный надменностью и гордыней Монтеспан, которые она пока только начала проявлять – переметнулся к Луизе.

Но король уже любил Франсуазу – Лавальер была лишь привычкой.

Тем временем Людовик завоевывает Франконию и устраивает по этому поводу праздник. Опять были рыцари и девицы. На щите короля был символ Франсуазы: на ее любимом лазоревом цвете прекрасная алмазная звезда, окруженная множеством других малых звезд, и девиз: «Блистательнейшей и прекраснейшей». Для Луизы это стало ясно, что положен конец отношениям ее и Людовика.

Жена маршала де Бельероне пригласила Луизу на постриг своей старшей дочери, решившей уйти в монастырь. И Лавальер внезапно поняла, в чем ее спасение от мук неумолкающей преступной любви и ревности. Она тоже решает стать монахиней. Последней каплей ее чаши терпения было желание короля, чтобы она стала крестной матерью младшей дочери Монтеспан. Она стала ею, а на следующий день приехала к настоятельнице строгого кармелитского монастыря на бульваре Сен-Жак. Настоятельница дала ей шесть месяцев на размышление.

Узнав об этом, король взял с Луизы слово, что она еще год пробудет при дворе, в надежде, что она одумается. Луиза смиренно согласилась, но публично объявила о своем скором пострижении. Прошел год, 2 июня 1674 года она приехала в монастырь и встала на колени перед игуменьей: «Почтенная мать. Я всегда во зло употребляла свою волю. Теперь вручаю ее в Ваши руки, чтобы никогда уже не пользоваться ей».

Перед уходом в монастырь Луиза упала на колени перед королевой и получила у нее прощение за все свои прегрешения. Детей она оставила на попечение отца. Она подводила все земные дела, дабы уйти с легким сердцем.

Сестра Людовика проведет в монастыре 36 лет. Королева, пока будет жива, часто будет навещать ее. Король, имя которого Лавальер как последнее «прости» примет при постриге, не навестит ее никогда.

ДЖОН ЧЕРЧИЛЛЬ (1650—1722) *Герцог Мальборо (1702), генерал-фельдцейхмейстер.*

В Англии всегда придавали большое значение древности рода и, если имелась хоть малейшая возможность, старались возвести свой род к потомкам тех, кто пришел на Британские острова в XI веке вместе с Вильгельмом Завоевателем. Род Мальборо ведет свою родословную от норманских соратников Вильгельма, хотя это утверждение и подвергается сомнению рядом исследователей.

Первым предком Черчилля, о котором есть достоверно установленные сведения, был Джон Черчилль, живший в Англии в графстве Дорсет в XVII веке. Он был женат на Саре Уинстон, дочери сэра Генри Уинстона из Глочестера. Их сын Уинстон в период буржуазной революции вступил в армию и воевал на стороне короля Карла I. К 1643 году он дослужился до звания капитана кавалерии и вскоре женился на леди Дрейк, которая происходила из семьи Фрэнсиса Дрейка, знаменитого пирата, приобретшего огромное состояние путем грабежа испанских владений в Вест-Индии и возведенного королевой Елизаветой I в рыцарское достоинство. Семьи Уинстона Черчилля и Елизаветы Дрейк поддерживали разные политические партии: капитан Черчилль сражался за короля, а семья Дрейков воевала на стороне войск Кромвеля. Но политические разногласия не мешали выгодному браку, и семьи оказывали взаимную поддержку друг другу. После восстановления монархии Уинстон Черчилль как верный ее приверженец был избран в парламент, а затем занимал высокий пост в Ирландии и по возвращении в Англию был назначен управляющим королевским имуществом.

За его заслуги король даровал ему право именоваться сэром и иметь собственный герб. Вероятно, Черчилль считал, что он заслуживает большего, поэтому для герба выбрал девиз: «Верный, но неудачливый».

Брак Уинстона и Елизаветы был многодетным – 12 детей, правда, только пятеро из них достигли зрелого возраста, остальные умерли в младенчестве. Все дети были весьма предприимчивыми и смогли многого добиться в жизни. Их дочь Арабелла состояла в свите брата короля Карла II герцога Йоркского, ставшего впоследствии королем Яковом II. Современники отмечали, что она не отличалась красотой –

«высокое, с бледным лицом создание, ну просто кожа и кости». Несмотря на это, ей удалось стать фавориткой герцога, от связи с которым она имела четверых детей. Все они заняли видные места среди английской знати. Арабелла также помогла своему брату Джону сделать быструю военную карьеру.

Джон Черчилль имел достаточно поверхностное образование, но благодаря сестре приобрел сильное покровительство герцога. Вначале он был пажом герцога, а затем в 1667 году получил при его содействии офицерский патент в одном из лучших гвардейских пехотных полков. Первые годы службы Джона Черчилля проходили во Фландрии, где он принял свое первое боевое крещение в годы 1-й Нидерландской войны под знаменами принца Конде и маршала Тюренна. При осаде крепости Нимвенген Джон Черчилль своей энергией и сообразительностью привлек к себе внимание Тюренна, а за отличия при Маастрихте (1673) Людовик XIV публично выразил молодому офицеру благодарность в присутствии всех войск и дал о нем лучший отзыв британской королеве.

В 1675 году по возвращении из Фландрии Джон Черчилль женился на Сарре Дженнингс – женщине, сыгравшей видную роль в карьере своего супруга. Черчилль обладал многими замечательными качествами – красотой, храбростью, красноречием, скромностью и прекрасными манерами, за что получил прозвание «красавчик Джон».

В 1678 году Черчилль получил под свое командование вначале пехотный полк, а затем бригаду в корпусе, посланном во Фландрию. В 1683 году Джон Черчилль сопровождал герцога Йоркского в Гаагу и Брюссель. При своем возвращении в Англию герцог в знак благодарности сделал Черчилля генералом и бароном Сендрижем и назначил его командиром гвардейского полка. В 1685 году при своем вступлении на престол Яков II пожаловал Джону Черчиллю звание пэра с титулом лорда Сендрижа и отправил его посланником во Францию.

По возвращении Черчиллю было поручено усмирение восстания герцога Монмауса. Это поручение было исполнено с блестящим успехом и увенчано разгромом мятежников при Седисмуре. Сам Джон Черчилль был произведен в генерал-майоры.

Вскоре карьера Джона Черчилля резко оборвалась. Причиной этого стала его привязанность к протестантству, что навлекло на него немилость короля, покровительствовавшего католикам. Вскоре Черчилль перешел на сторону принца Вильгельма Оранского, занявшего британский престол под именем Вильгельма III. Новый король сделал Джона Черчилля графом

Мальборо и произвел в генерал-лейтенанты, назначив командиром войска во Фландрии.

Выиграв главное сражение кампании при Волькуре, Мальборо приобрел европейскую известность.

Следующим назначением Мальборо стала Ирландия, где королевские войска сражались с якобитами. Здесь Мальборо принудил к сдаче гарнизон Корка и Кинселя и оттеснил якобитов в провинцию Ольстер. После своего возвращения в Лондон Мальборо вместе с лордом Годольфином вошел в сношения с Яковом II с целью его возвращения на престол. Это стало известно Вильгельму III, и 5 мая 1692 года по обвинению в государственной измене Мальборо был арестован и заточен в Тауэр. Но суд, составленный из членов палаты лордов, не нашел достаточных оснований для обвинения в государственной измене, и Мальборо был освобожден, а два года спустя произведен в полные генералы.

Незадолго до начала войны за испанское наследство Мальборо был назначен главнокомандующим английскими войсками в Голландии. Одновременно на него было возложено ведение переговоров по созданию коалиции против Людовика XIV, самостоятельно распорядившегося вакантным троном Испании. Это поручение Мальборо выполнил с необычайным дипломатическим искусством. Вильгельм III, окончательно примирившийся с Мальборо, завещал своей наследнице принцессе Анне во всем следовать советам графа Мальборо.

При своем вступлении на престол королева Анна произвела Мальборо в генерал-фельдцейхмейстеры и пожаловала кавалером ордена Подвязки и в будущем всегда оказывала ему свое покровительство.

Война за испанское наследство представляла обширное поле для деятельности Мальборо, однако его первые кампании 1702—1703 годов в Нидерландах были достаточно бесцветны. Стремление Мальборо к нанесению противнику поражения в открытом поле встречало сопротивление со стороны голландского правительства, довольствовавшегося успехами в крепостной войне.

В 1702 году начались решающие сражения во Фландрии, где была сосредоточена крупнейшая французская армия, построившая укрепленную линию Брабант, простиравшуюся почти на 100 километров от Антверпена до крепости Юн на реке Маас для обеспечения своего тыла при переходе в готовившееся наступление.

Опасаясь угрозы вторжения в свою страну, голландцы решили ограничиться обороной, укрывшись в крепостях, но Мальборо

мыслил вести войну совершенно иначе. Когда французская армия под командованием Буффлера начала наступление к Рейну, Мальборо, оставив голландские крепости, быстро двинулся к линии Брабант на пути отхода войск Буффлера. Опасаясь окружения, французский главнокомандующий немедленно повернул назад. Мальборо был готов продолжить операцию по окружению противника, однако голландский парламент, удовлетворенный изгнанием из страны противника, выступил против уничтожения французской армии.

В кампании 1703 года Мальборо разработал план захвата Антверпена и дальнейшего прорыва к укрепленному молу. Броском от Маастрихта на запад он надеялся сковать главные силы французской армии под командованием Виллеруа на южном фланге линии Брабант. В это же время голландские войска под командованием Кохорна должны были наступать при поддержке флота на Остенде, в то время как другая голландская группировка под командованием Спаара имела задачей подойти к Антверпену с северо-запада. Все это должно было заставить французского командующего в Антверпене оттянуть часть сил с северного фланга линии Брабант. На втором этапе операции группа Олдама наносила удар по французским войскам с северо-востока. В это же время Мальборо незаметно отрывался от Виллеруа и, совершив форсированный марш на север, соединялся с другими войсками, наступающими на Антверпен по сходящимся направлениям.

Вначале операция развивалась удачно. Мальборо сумел отвлечь армию Виллеруа на юг к реке Маас. Но Кохорн отказался от глубокого обходного наступления на Остенде и во взаимодействии со Спааром совершил менее глубокий маневр вблизи Антверпена. Однако ему не только удалось отвлечь внимание французов, но и достичь взаимодействия с преждевременно выступившим Олдамом.

Когда Мальборо начал свое наступление на север, ему не удалось оторваться от Виллеруа, который выслал вперед Буффлера с тридцатью кавалерийскими эскадронами и тремя тысячами гренадеров. 1 июля Буффлер вместе с гарнизоном Антверпена атаковал Олдама, который с трудом смог оторваться от противника.

Потерпев эту неудачу, Мальборо предложил начать штурм линии Брабант на участке южнее Антверпена. Но командование голландских войск отклонило это предложение, не решаясь наносить удар по сильно укрепленной обороне противника, обороняемой силами, равными силам союзников. Мальборо повернул обратно к Маасу и начал осаду крепости Юн.

Одновременно он попытался заставить голландцев перейти в наступление на линию Брабант, но его аргументы снова не возымели действия.

Кампании 1702—1703 годов принесли Мальборо герцогский титул и значительные денежные суммы, но он тяготился инертностью Нидерландских штатов и хотел перейти к более активным действиям. Весной 1704 года Мальборо оставил часть войск для обороны Нидерландов и двинулся с остальными силами по левому берегу Рейна на соединение с австрийскими войсками под командованием принца Евгения Савойского. Ему противостояли три французские армии. Одна под командованием Виллеруа находилась во Фландрии, другая под командованием Тальяра сосредотачивалась на верхнем Рейне, а третья, объединяющая в себе франко-баварские войска под командованием курфюрста Баварского Леопольда и маршала Марсе, теперь двигалась из Баварии к Вене.

Мальборо решил перебросить английские войска от Мааса к Дунаю, а затем нанести удар баварцам. Безопасность этого маневра целиком основывалась на внезапности. В свою очередь, внезапность достигалась постоянным изменением направления движения, которое на каждом этапе создавало угрозу разным объектам, заставляя противника теряться в догадках об истинной цели передвижения войск.

Вначале командование противника считало, что Мальборо, следуя вдоль реки Мозель, вторгнется во Францию. Потом уже за Кобленцем оно начало думать, что Мальборо ударит по французским войскам в Эльзасе. Тем более что сам Мальборо предпринял демонстративную подготовку к наведению переправ через Рейн в районе Филиппсбурга. Но, подойдя к окрестностям Мангейма, Мальборо вместо движения на юго-запад повернул на юго-восток и исчез в покрытых лесом горах, окружающих долину реки Неккар, затем появился на равнине и, пройдя вдоль основания треугольника, образованного реками Рейн и Дунай, двинулся к Ульму.

Весь этот марш продолжался около шести недель (со скоростью 16 километров в сутки). В Грос-Хейбахе (65 километров северо-восточнее Мангейма) Мальборо соединился с принцем Евгением и маркграфом Баденским и вместе с ними продолжал свой марш. В результате своего маневра Мальборо вышел в тыл франко-баварской армии и в то же время оставался перед ее фронтом. Это положение его войск в сочетании с другими условиями не давало Мальборо возможности полностью использовать созданные им благоприятные стратегические преимущества.

Объединенная франко-баварская армия занимала укрепленную позицию на Дунае от Дилингена (восточнее Ульма) и далее на восток до рубежа, расположенного на полпути между Дилингеном и Донаувертом. Однако сам Ульм являлся для Мальборо слишком опасным пунктом, чтобы через него пытаться вторгнуться в Баварию, ведь армию маршала Тальяра было легко перебросить с верхнего Рейна в восточном направлении. Поэтому Мальборо решил вначале захватить переправу через Дунай в районе Донауверта, поскольку именно этот пункт открывал ему проход в Баварию, что, в свою очередь, позволяло ему открыто маневрировать на обоих берегах Дуная.

Однако обходной марш вблизи позиций противника в районе Диллингена проходил так медленно, что курфюрст Баварский сумел разгадать его цель и своевременно укрепить Донауверт. Чтобы не дать противнику закончить оборонительные работы, Мальборо вечером 2 июля 1704 года перешел в наступление. Первая атака была отбита с большими потерями, составившими почти половину состава войск Мальборо. И лишь после прихода главных союзных сил, обеспечивших четырехкратное численное превосходство над французами, а самое главное – в результате обходного маневра в сторону фланга противника войск маркграфа Баденского, в ходе которого был обнаружен слабо обороняемый участок, войска Мальборо проникли в глубь обороны противника.

После сражения главные силы франко-баварской армии отступили к Аугсбургу. Мальборо, двигаясь в южном направлении, к Баварии, опустошил ближайшие районы, сжигая сотни деревень и весь урожай, для того чтобы заставить курфюрста Баварского начать переговоры или заставить принять сражение в невыгодной обстановке. Но курфюрст никак не среагировал на эти действия и в начале августа соединился с маршалом Тальяром, войска которого прибыли с Рейна в Баварию.

Одновременно к Мальборо прибыл Евгений Савойский. Оба полководца решили, что под их прикрытием маркграф Баденский, спустившись вниз по Дунаю, окружит занимаемую противником крепость Ингольштадт. Несмотря на то что почти в тот же день были получены сведения, что объединенные силы союзников двигаются на север к Дунаю, угрожая нанести удар по коммуникациям Мальборо, союзники не стали менять свои планы и решили дать французам сражение при первой благоприятной возможности.

На следующее утро (13 августа 1704 года) перед французами внезапно появились войска союзников, продвигавшиеся вдоль

северного берега Дуная. Здесь разыгралось одно из самых кровопролитных сражений Войны за испанское наследство – сражение при Гохштадте (Бленгейме).

Мальборо нанес удар по правому флангу французов у Дуная, а Евгений Савойский – по их левому флангу между рекой и высотами, которые не позволяли противнику маневрировать. Несмотря на численное превосходство противника (60 тысяч французов против 56 тысяч союзников), внезапность решила исход сражения. Между обеими французскими армиями было потеряно взаимодействие, каждая из них вела бой самостоятельно. Другой причиной их поражения стало отсутствие достаточного количества французской пехоты на центральном участке сражения.

Вначале успех был не на стороне союзников, атаки которых были отражены на обоих флангах, а затем, при форсировании реки Небель, и в центре. Контратаку французской кавалерии едва удалось отразить. И все же войскам Мальборо удалось форсировать Небель. Закрепившись на противоположном берегу, Мальборо сумел создать численное превосходство на решающем – центральном направлении, сосредоточив против девяти французских батальонов 23 английских, и при поддержке артиллерийского огня прорвал центр противника. Большая часть армии Тальяра была прижата к Дунаю и сложила оружие.

Результатом сражения при Гохштадте (Бленгейме) стало развеяние мифа о непобедимости французского оружия. Союзники преследовали отступавших французов и скоро вышли к Рейну, который форсировали в районе Филиппсбурга. В награду за поход 1704 года Мальборо получил национальный дар в виде поместья, а германский император пожаловал ему титул владетельного принца Миндельсгеймского.

На 1705 год Мальборо подготовил план наступления на Францию, предусматривавший обход крепостей во Фландрии. Главный удар должны были наносить британские войска под командованием Мальборо, которые наступали вверх по реке Мозель на Тионвиль, в то время как армия маркграфа Баденского двигалась через Саар на соединение с Мальборо. Но план этот не удалось выполнить из-за нехватки транспорта и подкреплений, а также из-за выхода из войны маркграфа Баденского.

Но Мальборо продолжал настаивать на выполнении своего плана, несмотря на то что условий для его достижения не было. Он двинулся вверх по реке Мозель, надеясь спровоцировать небольшой численностью своих войск армию противника принять сражение. Но Виллар выжидал ослабления англичан из-за недостатка продовольствия, а Виллеруа начал наступление на

Толланрене. Это вынудило Мальборо отказаться от задуманного плана и уйти во Фландрию на помощь голландцам.

С приближением войск Мальборо Виллеруа снял осаду Льежа и отошел к укреплениям Брабант, а затем приступил к детальной разработке плана прорыва оборонительной линии. Ложной атакой слабо укрепленного участка в районе реки Маас он отвлек французские войска на юг, а затем, совершив форсированный контрмарш в обратном направлении, прорвался через сильно укрепленный, но оборонявшийся малыми силами участок вблизи Тирлемона. Брабантская линия укреплений больше не являлась преградой для Мальборо, но развить успех ему не удалось из-за быстрого истощения его войск.

Повернув к югу от позиции, занимаемой Виллеруа вблизи Лувена, Мальборо двинулся в направлении, вводящем противника в заблуждение относительно цели его дальнейшего движения, так как создавалась одновременная угроза таким крепостям в этом районе, как Намюр, Шарлеруа, Монс и Ат. Подойдя к Женапу, Мальборо двинулся на север, через Ватерлоо на Брюссель. Виллеруа решил немедленно повернуть назад, чтобы оказать помощь Брюсселю. Однако Мальборо сумел опередить Виллеруа и, совершив ночной марш в восточном направлении, неожиданно появился перед французами. Но негативное отношение к немедленному переходу в наступление вновь высказали голландцы, ссылавшиеся на то, что позиции противника у Лувена достаточно сильны.

Уже в следующей кампании 1706 года Мальборо решил перейти Альпы и соединиться с Евгением Савойским. В планы Мальборо входило взаимодействие с морским десантом против Тулона и частями Питерборо в Испании, что в конечном итоге должно было привести к изгнанию французов из Италии и дальнейшему вторжению во Францию. Но этот план был сорван неудачными действиями маркграфа Баденского против Виллара и наступлением войск Виллеруа во Фландрии.

Однако это наступление оказалось для французов путем к поражению. По мнению Мальборо, французы во второй раз содействовали осуществлению его планов своим нежеланием спокойно находиться на занимаемых позициях, когда обстановка складывалась в их пользу. Мальборо атаковал французские позиции в виде вогнутой линии у Рамильи, нанеся удар по левому флангу противника, что вынудило Виллеруа перебросить туда все свои резервы. Затем Мальборо сумел вывести свои войска из боя и перебросил их против правого фланга французов, где голландская кавалерия уже прорвала фронт противника. Одновременный нажим с фронта и угроза с тыла привели

французские войска к поражению, завершившемуся преследованием отступавшего противника.

Победы Мальборо в Нидерландах, особенно в сражении при Рамильи, отдали союзникам Фландрию, Брабант и целый ряд французских крепостей. Это вызвало в Англии такой же восторг, как и победа при Гохштадте. Мальборо было даже предложено звание штатгальтера Бельгии, которое он вначале принял, но затем, видя опасения Генеральных штатов, отклонил.

Отсутствие единой цели у союзников дало Франции возможность оправиться от поражения и в следующей кампании сосредоточить свои главные силы против Мальборо. Несмотря на это, он смог изменить обстановку в свою пользу и получил возможность соединиться с войсками Евгения Савойского. Но теперь союзникам противостоял маршал Вандом, который сумел опередить австрийские войска и оттеснил Мальборо к Лувену. Затем Вандом повернул на запад и захватил Гент, Брюгге и почти всю Фландрию к западу от Шельды. Вместо того чтобы двинуться прямо на Вандома, Мальборо пошел на юго-запад с целью прорваться между войсками Вандома и французской границей. В сражении при Уденарде Мальборо разгромил войска Вандома.

В новой кампании Мальборо планировал вторгнуться во Францию и, обойдя крепости и не ввязываясь в затяжной бой с французскими войсками, прорваться непосредственно к Парижу. Но даже Евгений Савойский признал этот план слишком смелым. Было решено вначале захватить фланкирующие крепости Турне и Монс и лишь тогда наступать на Францию восточнее укрепленной полосы между Дуэ и Бетюном.

Здесь Мальборо сумел ввести противника в заблуждение путем демонстрации удара по укрепленным линиям. Это заставило французов выделить главные силы гарнизона Турне на усиление этих укреплений. Мальборо быстро выдвинулся вперед и окружил Турне. Но упорное сопротивление гарнизона крепости задержало Мальборо на целых два месяца. Затем Мальборо обложил Монс, но Виллар сумел преградить ему дорогу и помешать двигаться вперед, навязав сражение у Мальплаке. Победа у Мальплаке досталась союзникам такой дорогой ценой (25–30 тысяч человек), что лишила их надежды на достижение победы в войне.

В 1710 году война стала заходить в тупик, а войска Мальборо оказались прижатыми к укрепленным линиям, сооруженным Вилларом от Валансьена до побережья. Развить успехи прошлых кампаний Мальборо так и не смог. Вместо прежних торжеств и восхвалений он стал подвергаться оскорблениям, общественное раздражение против него отразилось в печати появлением резких

памфлетов в его адрес, одним из авторов которых был Дж. Свифт.

В 1711 году после ухода войск Евгения Савойского с театра военных действий Мальборо остался один против противника, обладающего численным превосходством в силах, и не мог предпринимать решительных действий. И все же он сумел ввести в заблуждение Виллара и, перейдя у Витра реку Скарлу, прорвать французскую укрепленную линию у Арле и Обиньи, проскользнув через нее без единого выстрела.

Кампания 1711 года стала последней в жизни Мальборо. На следующий год Англия покинула своих союзников и фактически вышла из войны.

В начале войны за испанское наследство герцог Мальборо играл одну из ведущих ролей во внешней политике Англии, в то время как преданный ему друг, лорд-казначей Годольфин, руководил внутренним управлением страны. В течение восьми лет оба деятеля работали с блестящим успехом, и благодаря влиянию графини Мальборо расположение королевы было на их стороне.

Слава самого герцога Мальборо росла с каждой победой и достигла своего апогея после победы при Рамильи. Но именно к этому времени относится начало интриг видных представителей партии тори (Гарлей, Сент-Джон) против герцога Мальборо и его жены. В 1709 году после очередного правительственного кризиса Годольфин получил отставку и Гарлей вместе с Сент-Джоном образовали торийское министерство. Несмотря на то что Мальборо удалось удержать главное командование над действующей армией, он все чаще стал встречать препятствия во всех своих предприятиях.

Торийское министерство вступило в тайные переговоры с Людовиком XIV, готовясь заключить сепаратный мир, и 8 октября 1711 года было заключено перемирие. Мальборо, лишь недавно овладевший после долгой и трудной осады крепостью Бушеном, выступил ярым противником заключенного соглашения. Но 1 января 1712 года по приказу королевы Анны он был отстранен от командования и смещен со всех занимаемых постов. Герцога предали суду по обвинению в растрате и приговорили к ежегодной уплате 15 тысяч фунтов стерлингов.

Глубоко оскорбленный Мальборо уехал на континент и уже там стал свидетелем заключения постыдного для Англии Утрехтского мирного договора, по которому Мальборо потерял свое Миндельсгеймское княжество.

Лишь после смерти королевы Анны Мальборо вернулся в Англию, где новый король Георг I восстановил его в утраченных званиях, однако Мальборо уже не имел прежнего влияния и,

прикованный с 1716 года к постели параличом, фактически не принимал участия в государственных делах.

БОРИС ПЕТРОВИЧ ШЕРЕМЕТЕВ (1652—1719)
Граф (1706), генерал-фельдмаршал (1701).

Род Шереметевых является одним из самых древних российских родов. Он ведет начало от Андрея Ивановича Кобылы, потомки которого дали России династию Романовых. Кроме Романовых Андрей Иванович стал родоначальником Захарьиных, Коновницыных, Колычевых, Юрьевых и многих других древних русских княжеских фамилий. В том числе и Беззубцевых, которые пошли от пятого сына Андрея Кобылы – Федора Андреевича Кошки. Прозвание «Беззубец» получил его третий сын Александр Федорович. Уже его внуки стали прозываться Шереметя, вероятно, за то, что любили жить широко, просторно, проще говоря, «ширь иметь», а от этого прозвания и пошла фамилия Шереметевых.

Многочисленные представители этого рода к XVI веку занимали высокие должности на любой царской службе. Наиболее ярким представителем рода в этот период был Федор Иванович Шереметев. Всю свою долгую жизнь он находился рядом с царем, оберегая царский престол не только от внешних врагов, но и от недостойных претендентов. В детстве ему была подарена царем Иваном IV Грозным шапка погибшего царевича Ивана Ивановича, украшенная «жемчугом с собольим околышком». Сестра Федора Ивановича – Елена – была женой царевича Ивана. Их отец погиб во время Ливонской войны, и она взяла на себя заботу о младшем брате. Федор начал царскую службу в 1591 году. Он, считаясь царским родственником, обязательно приглашался на все праздники и торжественные приемы иностранных послов. Но царь Федор Иоаннович умирает, не оставив после себя преемника. По своему происхождению представители рода могли претендовать на царский венец после Романовых – самых реальных претендентов на русский престол. Но судьба поставила царем Бориса Годунова, и для Романовых и Шереметевых начались годы опалы Поводом послужил надуманный донос, что Шереметевы собирались волшебным зельем извести царя Бориса. Их имущество было конфисковано, а сам Федор Иванович был отправлен воеводой в далекий Тобольск. Но очень скоро военный опыт Шереметева понадобился сначала самому царю Борису, а потом и Василию Шуйскому. Он был

возвращен в Москву и направился на усмирение народов Среднего Поволжья. В период Смуты он занимал видное место в Боярской думе и вошел в правительство, получившее в истории название «Семибоярщина». Как и многие бояре, Шереметев склонялся к приглашению польского королевича Владислава на московский престол, которому присягнул и сохранял верность до 1612 года. Но активным сторонником поляков Шереметев никогда не был. Благодаря его усилиям большая часть царской казны была сохранена, в том числе и знаменитая шапка Мономаха.

Под его покровительством в период осады Кремля находились старица Марфа Ивановна с сыном Михаилом – будущим русским царем. В дальнейшем Федор Иванович был с честью принят организатором второго ополчения князем Пожарским и по указу «Совета всея земли» Шереметеву были возвращены родовые земли, отнятые у него Годуновым. Шереметев возглавил боярское посольство, направленное к Михаилу Романову в Ипатьевский монастырь в Костроме для приглашения занять российский престол.

Когда Михаил был провозглашен царем, Федор Шереметев стал одним из его ближайших помощников. Под его руководством юный царь делал первые шаги: потребовал государеву печать, боярские списки, сведения о сборе налогов и прекращении разбоя на дорогах. Именно Шереметеву было поручено встречать польских пленников, в том числе и Филарета – отца государя. Все последующие годы Федор Иванович занимал видное место при царе, будучи не только хорошим воеводой, но и отличным дипломатом.

После смерти царя Михаила Федоровича Шереметев пытался занять подобное место и при его сыне и преемнике царе Алексее Михайловиче, но царский воспитатель Морозов сумел оттеснить престарелого «ближнего боярина». Федор Иванович Шереметев скончался в 1650 году, приняв перед смертью постриг в Кирилло-Белозерском монастыре.

Среди Шереметевых в XVII веке отличились также и Василий Петрович и Василий Борисович – известные воеводы. Василий Петрович Шереметев участвовал в войне с Польшей и в 1634 году с 30-тысячной армией отвоевал город Полоцк, вернув в состав территории России эту древнюю землю. Василий Борисович Шереметев освобождал от поляков украинские земли вместе с Богданом Хмельницким, сражался с войсками крымского хана, был взят в плен, в котором провел около двадцати лет. Враги говорили о нем: «…не было предела проявлению его воинских доблестей, они как бы наследственны всей знаменитой

фамилии… Муж, рожденный для великих подвигов».

Но самое значительное место представители рода Шереметевых стали занимать во время правления Петра I и его последователей, вплоть до царствования Павла I. В это время одна из ветвей рода получила графское достоинство. Первым, кто стал графом, был Борис Петрович Шереметев.

Он родился 25 апреля 1652 года в семье Петра Васильевича Большого и Анны Федоровны Волынской. Отец будущего фельдмаршала несколько лет был воеводой в Киеве, где проникся западным влиянием, и как бы по наследству передал это своему сыну, ставшему впоследствии верным соратником преобразователя России. Ранние годы своей молодости он провел в Киеве, где проходила служба его отца.

По некоторым сведениям, Борис Шереметев учился в Киевской коллегии (впоследствии Академии), находящейся в Киевской лавре. В доме своего отца Борис Шереметев познакомился с представителями польской аристократии. Впечатления от этих встреч не могли не отразиться на мировоззрении Шереметева, хорошо воспринимавшего как польскую культуру, так и польский язык. Уже при дворе Петра I Шереметев завоевал у посещавших царя иностранцев репутацию самого вежливого и наиболее культурного человека.

Службу при дворе царя Алексея Михайловича он начал стольником в 1661 году. Он сопровождал царя в поездках по монастырям и царским селам или стоял рындой на его торжественных приемах. В 1679 году он был назначен в Большой полк товарищем воеводы. Спустя два года получил место на должность воеводы недавно организованного Тамбовского разряда.

В 1682 году, по случаю восшествия на престол царей Петра и Иоанна, Шереметев был пожалован в бояре. Это делало его членом Боярской думы и давало возможность принимать личное участие в управление государственными делами.

В период борьбы между Петром и Софьей Борис Петрович одним из первых поддержал Петра. С тех пор он стал ближайшим сподвижником молодого государя, хотя всю жизнь между ними сохранялась определенная дистанция. Выходцу из старинного аристократического рода претило много нового, появившегося в обычаях русского царя, что шло вразрез с его представлениями о царском величии. Не импонировало ему и то, что Петр I окружал себя людьми из «подлых» фамилий, мало считаясь при этом с интересами фамилий древних. Он так и не смог до конца приспособиться к новому двору.

Но при том в нем проявилось иное качество, во многом

чуждое новому окружению царя – близость к солдатской массе. Боевые действия русских войск под командованием Шереметева во многом напоминали черты военного искусства предшествующего столетия – они отличались медлительностью, осторожностью, отказом от рискованных операций.

В 1695 году Петр I поручил Шереметеву формирование 120-тысячной армии для предполагавшейся войны с Турцией. Конечной целью новой войны должен был стать Азов. Шереметев, уже имевший опыт борьбы с Крымом, пытался предупредить царя о рискованности этого предприятия. Все же он смог сформировать армию и повести ее в поход. В том же году армия Шереметева взяла хорошо укрепленный Кизы-Кермень на Днепре. Это так испугало турок, что они без боя оставили еще три укрепленных городка. И все же, не желая рисковать, Шереметев не пошел на Крым, а повернул на Украину.

В 1697—1699 годах Борис Петрович находился в Европе, выполняя дипломатические поручения.

Как полководец Шереметев приобрел широкую известность в годы Северной войны. С января 1700 года он уже назывался «генералом» и начальником «дворянской нестройной конницы». В сентябре его войско было под Нарвой, где через два месяца русские войска потерпели жестокое поражение. Однако отношение Петра к своему генералу не изменилось, и две недели спустя после Нарвского сражения он поручил ему идти в шведские земли и нанести сколько возможно вреда противнику.

В декабре 1701 года Шереметев принес России первую победу над шведами в сражении у села Эрестфер. За эту победу Шереметев был награжден орденом Св. Андрея Первозванного и был произведен в фельдмаршалы. Продолжая действовать против войск Шлиппенбаха, он одержал еще более крупную победу над ним под Гуммельсгофом в июле 1702 года. В продолжение двухмесячного похода удалось захватить крепости Мензу и Мариенбург. При взятии Мариенбурга в числе пленных оказалась и будущая жена царя Марта Скавронская (будущая императрица Екатерина I). В сентябре Шереметев с войском вернулся в Псков, ведя с собой свыше тысячи пленных солдат и офицеров, 51 орудие и 26 знамен.

Осенью, двинувшись к устью Невы, войска Шереметева овладели крепостью Нотебург. Петр переименовал Нотебург в Шлиссельбург («Ключ-город») и отпраздновал его взятие торжественным парадом войск через триумфальные ворота в Москве. А в следующем году были взяты Ниеншанц, Копорье, Ямбург и Везенбург. Таким образом, в 1703 году войска фельдмаршала Шереметева завоевали землю древней Ингрии с

выходом к Балтийскому морю.

В апреле 1704 года по приказу Петра к Дерпту был направлен корпус под командованием Шереметева. Взяв город, фельдмаршал успел еще и содействовать царю в овладении Нарвой.

Уже осенью 1704 года Шереметев получил приказ Петра I отправиться во главе корпуса русской конницы против корпуса генерала Левенгаупта, находящегося в Литве. После прибытия в Витебск Шереметев обнаружил, что фураж для лошадей отсутствует, и решил не выходить в поход до тех пор, пока он не будет доставлен в войска. Раздосадованный поведением своего фельдмаршала, Петр прислал в Литву Меншикова, доставившего Шереметеву указ о переподчинении части его войска, прежде всего пехоты, фельдмаршалу Георгу Огильви, недавно нанятому на царскую службу. Конница по-прежнему оставалась под командованием Шереметева, но русский фельдмаршал был чрезвычайно недоволен создавшимся положением, ведь фактически своим указом Петр создавал в армии двоевластие.

Среди серии побед были у фельдмаршала Шереметева и военные неудачи. Так, в сражении у Мур-Мызы он потерпел поражении от корпуса Левенгаупта, но вскоре, приведя войска в порядок, Шереметев вновь перешел в наступление. Это было единственным поражением Шереметева за годы Северной войны, но оно скоро было забыто из-за новых побед, одержанных под руководством самого Петра I.

В конце 1706 года, после возвращения из Астрахани, где он руководил подавлением стрелецкого восстания, Шереметев вновь оказался в действующей армии. К этому времени он был пожалован графским титулом. Это было незадолго до вторжения шведских войск в Россию, и теперь фельдмаршал вновь оказался на главном направлении. Под его непосредственным руководством сейчас было 57, 5 тысячи человек – главные силы русской армии. Ей противостояло 25-тысячное войско во главе с самим Карлом XII.

В августе 1707 года шведское войско покинуло Саксонию и вторглось в пределы России. Несмотря на то что шведский король мечтал о генеральном сражении, Петр I не дал Карлу XII такой возможности и начал отступление с целью постепенного изматывания войск противника.

В начале марта 1708 года в местечке Бешенковичи состоялся военный совет, который обсудил план предстоящей войны с Карлом XII. Предложенный Меншиковым план кампании, Борис Петрович подверг критике. В свою очередь, он предложил иной план. Суть его сводилась к тому, чтобы отходить с боями,

разрушать коммуникации противника, изнурять его силы, а потом дать шведам решительное сражение на своей территории.

Шереметев разделял идеи Меншикова об оборонительной стратегии, но резко выступал против разделения русской армии, как того требовал план Меншикова, поскольку считал, что в подобном случае войскам невозможно будет поддержать друг друга в случае опасности. Споры переросли в конфликт между главнокомандующим и командующим кавалерией. Шереметев был даже готов отказаться от своего поста, если из армии не будет отставлен Меншиков. И все же на военном совете победило мнение царского фаворита. Петр, в целом разделяя взгляды Шереметева, оставил Меншикова на прежней должности.

14 июня Карл XII перешел Березину южнее Борисова. Этого Меншиков, сосредоточивший свою кавалерию у самого городка, никак не ожидал. После поражения в Головчинском сражении русские войска отошли к Днепру.

Вскоре в армию прибыл Петр I. Новая ситуация заставила его внести коррективы в планы кампании. Царь узнал, что на соединение с войсками Карла XII из Риги движется корпус Левенгаупта, сопровождающий огромный обоз с продовольствием и боеприпасами. Военный совет решил выделить из главной армии особый корпус (корволант) во главе с самим Петром I и направить его против Левенгаупта. Шереметеву же с остальным войском предписывалось продолжать отступление.

28 сентября корпус Левенгаупта был разгромлен у деревни Лесной. После разгрома корпуса Левенгаупта Карл XII повернул свои войска на Украину, куда звал его гетман Мазепа.

Зимой 1709 года Петр отозвал Меншикова в Воронеж, а Шереметеву приказал сформировать отряд для действий в тылу противника. Этот отряд должен был одновременно быть и достаточно подвижным и сильным, чтобы его молниеносные действия наносили урон войску шведского короля. Петр I ждал от своего фельдмаршала громких побед. Шереметев, однако, не оправдал его надежд. Военные действия продолжались, впереди была Полтавская битва, ставшая переломным моментом в ходе Северной войны.

4 июня 1709 года под Полтаву прибыл Петр I, взявший на себя руководство боевыми действиями. Перед сражением царь, оставив себе общее руководство, назначил Шереметева главнокомандующим. Решающее сражение (27 июня 1709 года) было скоротечным и закончилось полной победой русских войск. За Полтаву фельдмаршал Шереметев был пожалован деревней Царская Грязь.

Сразу же после небольшого отдыха Шереметев был отправлен

в Прибалтику. Его главной задачей стало овладение Ригой. Осада города началась в начале октября 1709 года. В ноябре в осадный корпус приехал с инспекцией Петр I, лично сделавший по городу три выстрела. Царь скоро отбыл в Петербург, приказав корпусу продолжать осаду. В следующем году Шереметеву пришлось не только осаждать город, но и бороться с мором, охватившим как войска, так и жителей города. Рига капитулировала 4 июля 1710 года.

Но еще до сдачи Петр I известил Шереметева о его будущем новом назначении. Назревала война с Турцией, которая готовилась оказать поддержку ставленнику Карла XII Станиславу Лещинскому, претендующему на польский престол.

В ноябре 1710 года султан объявил войну России. Русские войска выступили в поход, но Шереметев покинул Ригу лишь 11 февраля 1711 года, обеспечивая оставленные там войска продовольствием и всем необходимым.

Борис Петрович был назначен главнокомандующим, хотя фактически первым лицом в армии оставался Петр I. Войска для похода не были собраны, но царь торопил события. Шереметев пытался возражать, доказывая, что войска устали после непрестанных походов 1709—1710 годов, не имеют ни продовольствия, ни подвод и ощущают недостаток в боеприпасах. Петр не желал ничего слушать и заставлял главнокомандующего двигаться быстрее. Однако лишь 30 мая армия Шереметева перешла Днестр, а к июню подошла к Пруту.

Численными сведениями о противнике ни Петр I, ни Шереметев не располагали, кроме того, войска Шереметева еще не были соединены с другими частями, подходившими к Пруту. Русские полки остановились в долине реки, где и произошло сражение, продолжавшееся весь день 8 июля и часть следующего дня. Пользуясь численным превосходством, противник почти вплотную подошел к русскому лагерю, но был отражен артиллерийским огнем. Утром 10 июля по приказу Петра I в лагерь турок был направлен парламентер для переговоров о перемирии.

Неудача в Прутском походе сказалась и на личной жизни Бориса Петровича – по условиям мира к туркам в качестве заложника был отправлен сын главнокомандующего Михаил, который затем умер на чужбине. Сам Шереметев за участие в Прутском походе был награжден домом в Риге.

В 1712—1713 годах фельдмаршал Шереметев командовал войсками на Украине, прикрывая южные рубежи России. Потом до 1717 года он возглавлял русские войска, действовавшие против шведов в Померании и Макленбурге.

В июне 1718 года фельдмаршал был вызван в Петербург для участия в суде над царевичем Алексеем. Но в Петербург Шереметев не поехал, сославшись на свою тяжелую болезнь. Царь вовсе не был склонен верить фельдмаршалу и подозревал, что Шереметев тайно сочувствовал делу царевича, но разрешил ему отправиться для лечения на воды под условием, что после возвращения Шереметев приедет в Петербург. Однако сил даже на поездку на воды у фельдмаршала уже не было. По мнению медиков, Шереметев страдал водяной болезнью, принявшей тяжелые формы. Все эти сообщения развеяли сомнения царя, и он уже не требовал прибытия к себе фельдмаршала.

Незадолго до своей кончины (17 февраля 1719 года) Шереметев составил завещание, в котором выразил желание быть погребенным в Киево-Печерской лавре, где когда-то хотел постричься. Но царь считал, что могила первого российского генерал-фельдмаршала должна находиться в Александро-Невской лавре, где будут могилы тех, кто прославил Россию. Прах Шереметева был доставлен в новую столицу России, ему были устроены торжественные похороны. За гробом Бориса Петровича Шереметева шел сам Петр I.

ФЕДОР МАТВЕЕВИЧ АПРАКСИН (1661 или 1671—1728) *Граф, генерал-адмирал (1708).*

Дворянский род Апраксиных (ранее писались Опраксины) известен в России с XIV века. Так, в 1371 году из Орды на Русь, на службу к князю Олегу Рязанскому прибыли братья Солохмир (Салхомир) и Евдуган (Едуган). Солохмир при крещении получил имя Иван и отечество по крестному отцу Мирославович. От князя Олега он получил земли и вскоре стал его родственником, взяв в жены сестру князя Анастасию.

Внук его, Андрей, прозванный Опракса, что по-татарски означает «белый», и стал родоначальником рода Апраксиных. Сыновья Андрея – Ерофей-Ярец и Прокопий – перешли из Рязани на службу к великому князю Московскому Ивану III.

Апраксины были стольниками, боярами и воеводами. Многие из них отличались храбростью и полегли на поле брани. Так, сын Прокопия Андреевича, Матвей Апраксин, павший в битве под Казанью, за мужество и подвиги был внесен в синодик московского Успенского собора для вечного поминания. В боях с врагами погибли и сыновья Матвея – Богдан и Степан, и его племянник Андрей.

Возвышение рода Апраксиных относится ко второй половине XVI века, к 1682 году, когда дочь стольника Матвея Васильевича Апраксина, Марфа Матвеевна, стала супругой овдовевшего царя Федора Алексеевича. Супругой его она была недолго: через три месяца после венчания она стала вдовой, но сохранила титул царицы и место в царской семье. И сама Марфа, и ее три брата сразу же стали поддерживать партию юного царя Петра и его матери Натальи Кирилловны Нарышкиной в борьбе с партией Милославских. Братья были при дворе стольниками и принимали участие во всех затеях молодого Петра. Став полноправным государем, Петр I относился к царице Марфе с должным уважением, а братья ее заняли при нем высокое положение.

Старший из них, Петр Матвеевич Апраксин, был назначен воеводой в Новгород Великий. В 1701 году он был вызван царем в Москву и ему было поручено набрать и возглавить два новых полка. Вместе с этими полками под его командование были переданы и другие стрелецкие полки, которые должны были прикрывать от шведов северную границу Новгородской губернии после поражения русской армии под Нарвой. Несмотря на то что

особыми полководческими талантами он не обладал, Петр Матвеевич проявил себя прекрасным командиром и провел несколько успешных операций против шведов. Так, в июне 1702 года он истребил шведскую флотилию, а у реки Ижоры нанес поражение войскам шведского генерала Кроониорта. Весной 1703 года Апраксин прикрывал осаду крепости Ниеншанца, а на следующий год сумел отразить атаки шведского флота, пытавшегося доставить продовольствие в осажденную русскими войсками Нарву.

Петр Матвеевич участвовал в подавлении стрелецкого бунта в Астрахани, получив назначение на пост астраханского наместника. При его непосредственном участии был заключен договор с калмыцким ханом, по которому хан обязался быть в вечном подданстве России. В декабре 1708 года при первом делении России на губернии Апраксин был назначен казанским губернатором. В это время ему было подчинено свыше тридцати городов, среди которых были Саратов, Симбирск, Уфа и другие. На этом посту Апраксин проявил себя отличным администратором, способствуя всем начинаниям Петра I. Он содействовал скорой доставке в Санкт-Петербург корабельных лесов, успешно строил суда на Волге, поставлял хороших лошадей в кавалерию и удачно воевал против крымских татар, тревоживших русские пределы.

В 1713 году Апраксин был переведен на службу в Петербург. Он стал первым в роду, кто получил графский титул после смерти сестры Марфы в 1715 году, и вскоре был назначен сенатором.

В феврале 1718 года Апраксин по подозрению в организации побега царевича Алексея был взят под стражу, отправлен в Москву и лишен имения. Но по дальнейшему ходу дела Апраксин был признан невиновным и ему было возвращено все конфискованное имущество. В том же году он принял участие в судебном процессе по делу царевича Алексея и в числе других подписал ему смертный приговор. В 1722 году Апраксин был назначен президентом Юстиц-коллегии. В день бракосочетания цесаревны Анны Петровны с голштинским герцогом Карлом-Фридрихом Апраксин был пожалован в действительные тайные советники.

Талантом военачальника обладал младший брат Петра Матвеевича Апраксина – Федор. Вся его деятельность была тесно связана с российским флотом, который он страстно любил и которому отдавал свои знания и опыт.

Родился Федор Матвеевич 27 октября 1661 года, хотя дата эта не бесспорна и некоторые исследователи считают его годом

рождения 1671-й, что вполне вероятно, если учесть, что службу он начал в возрасте 10 лет в должности стольника у царя Федора Алексеевича, а после его смерти в том же звании стал служить Петру I. Юный царь определил своего стольника и друга в потешные войска, в Семеновский полк. Федор находился с молодым государем на суше и море, сопровождая его во всех поездках. И после одной из них, к Белому морю в 1693 году, он был назначен двинским воеводой и направлен в Архангельск. Этот город в то время был единственным портом России на севере, через который осуществлялась вся торговля с заграницей. Находясь в Архангельске, Апраксин осуществил постройку первого казенного купеческого корабля на верфи в Соломбале и посылал его за границу с торговой миссией. За годы управления в Архангельске Апраксин сумел заложить там основы военного и торгового судостроения.

В 1696 году Апраксин принимал участие в азовском походе. Уезжая с посольством за границу, царь Петр оставляет Апраксина осуществлять надзор за судостроением на воронежской верфи. В августе 1699 года, уже после возвращения Петра, Апраксин участвует в первых маневрах русского флота. В феврале следующего года Федор Апраксин становится главным начальником Адмиралтейского приказа, получив титул адмиралтейца. В это же время он получает назначение на должность азовского губернатора. За 6 лет он смог многое сделать для развития нового российского флота – построены новые суда, город Азов перестроен, а построенный Таганрог имел удобную гавань для военных кораблей и Троицкую крепость. В устье реки Миус была также возведена Павловская крепость. Кроме этого была перестроена воронежская верфь и заложены новые – в Таврове и Новопавловске, снабженные удобными доками и шлюзами.

В 1700 году, воспользовавшись благоприятной политической обстановкой в Европе, Петр I начал войну против Швеции, вошедшую в историю под названием Северной войны. Она продолжалась до 1721 года и закончилась победой России. В ходе Северной войны, в которой активное участие принимал военно-морской флот, с особой яркостью проявился талант Апраксина как флотоводца, внесшего существенный вклад в развитие военно-морского искусства, особенно в области совместных действий армии и флота.

С 1708 года Апраксин стал носить титул генерал-адмирала. Осенью того же года он возглавил командование войсками, оборонявшими Ингерманландию от шведов. Шведская армия летом 1708 года начала наступление в направлении Петербурга с

целью захвата города. Войскам Апраксина противостоял 12-тысячный корпус под командованием генерала Либекера, расположенный в районе Выборга. Наступление шведов летом 1708 года было замедлено из-за проливных дождей, превративших дороги в непролазную грязь. В конце августа шведы перешли реку Сестру и через несколько дней появились в селе Колтуши, создав непосредственную угрозу Петербургу. В распоряжении Апраксина имелось более 23 тысяч солдат, но большая их часть была распределена по отдельным укрепленным пунктам, так что против шведов он мог выставить отряд, значительно уступающий по численности войску Либекера. Продолжая наступление, Либекер смог закрепиться на южном берегу Невы и обеспечить переправу через нее основных сил и продолжил дальнейшее движение вглубь Ингерманландии. Понимая, что остановить шведов в решающем сражении имеющимися у него силами будет крайне сложно, Апраксин решил взять шведов измором. Он нашел достаточно эффективный способ борьбы с противником. Отрезав его от баз снабжения и лишив подвоза продовольствия и боеприпасов, он держал корпус Либекера в постоянном напряжении и на голодном пайке. Апраксин стал систематически беспокоить шведов мелкими нападениями, разоряя край и уничтожая продовольствие. Голодные и измученные шведские войска, лишенные возможности вернуться к Выборгу, так как эту дорогу преграждали части Апраксина, подошли к Копорью, отказавшись от нападения на Петербург и надеясь достигнуть Выборга морем. Там, на Сойкиной мызе, стояла шведская эскадра и 29 сентября корпус Либекера начал погрузку на суда. Апраксин получил донесения о действиях шведов только 12 октября и бросился вдогонку за противником. Он успел лишь разгромить шведский арьергард, а основные силы шведов ушли на судах в Бьеркезунд. Шведская экспедиция окончилась неудачей. За проявленное воинское искусство и охрану Петербурга от вражеского нападения Петр I приказал выбить особую медаль с изображением на одной стороне портрета графа Апраксина и надписью: «Царского величества адмирал Ф.М. Апраксин», а на другой изображение флота, построившегося в линию, с надписью: «Храня сие не спит: лучше смерть, а не неверность».

Летом 1709 года в ходе Северной войны произошел перелом в пользу России. Разгромив главные силы сухопутной армии шведов на Украине, Петр I перебросил основные силы своей армии на балтийское направление, за короткий срок заняв южное побережье Финского залива. В наступлении русской армии и флота в Финляндии, которое продолжалось в течение 10 лет,

Федор Апраксин принимал самое активное участие. Командуя гребным флотом, он отличился в ряде крупных операций, первой из которых стало взятие сильной крепости Выборга. Эту крепость шведы использовали в качестве основной базы для нападения на Петербург.

В марте 1710 года графу Апраксину было вверено командование над 10-тысячным корпусом, который перешел по льду Финского залива и осадил крепость. К началу мая транспортная флотилия, пройдя через ледяные поля залива, доставила Апраксину необходимые для осады артиллерию, боеприпасы и продовольствие. Получив подкрепление, Апраксин перешел к решительным действиям против гарнизона крепости, и 13 июня Выборг был взят. Он умело провел осаду и хорошо организовал взаимодействие сухопутных войск и гребной флотилии, которая штурмовала Выборг со стороны залива и не допустила в него шведскую эскадру, появившуюся перед входом в залив в середине мая. После сдачи крепости Петр собственноручно возложил на Апраксина орден Св. Андрея Первозванного и золотую шпагу, украшенную бриллиантами. После взятия Выборга Апраксин оставался в крепости, руководя исправлением поврежденных осадой укреплений.

При перенесении боевых действий на собственную территорию Швеции, перед Апраксиным была поставлена задача завоевания южного побережья Финляндии. В 1712 году Апраксин был назначен главным начальником над Эстляндией, Ингерманландией и Карелией с подчинением ему всех сухопутных и морских сил, находящихся на этих территориях. В этом же году он был поставлен во главе особого корпуса, которому предстояло занять Гельсингфорс и Або, с взятием которых Петр I рассчитывал склонить Швецию к подписанию мира. Финская кампания началась в конце апреля 1713 года. Под командованием Апраксина находилось 200 кораблей гребного флота и 16-тысячный десантный корпус. В начале мая флот подошел к Гельсингфорсу, защищенному с моря береговой артиллерией. Русский десант, высаженный на берег под прикрытием своей корабельной артиллерии, захватил город, вынудив шведов отступить к Борго. Город был превращен в промежуточную базу для развертывания дальнейшего наступления. Затем русские войска двинулись к Або, который был занят без боя 28 августа 1713 года. Захватив военные трофеи, войска отошли на зимние квартиры в Петербург. Заслугой Апраксина в этой кампании явилось то, что он смог в короткий срок хорошо подготовить гребной флот и десант к боевым действиям, а в ходе самой кампании обеспечить войска всем

необходимым для успешного проведения военных операций.

В следующем году была поставлена задача – завершить завоевание Финляндии и утвердиться на побережье Ботнического залива. Гребной флот, который снова возглавил Апраксин, направился к Гельсингфорсу, а парусный вышел под флагом Петра I к Ревелю. Парусный флот должен был прикрывать гребной на случай нападения противника. На подходе к Гельсингфорсу флот Апраксина был встречен шведской эскадрой в составе 16 линейных кораблей и 12 более мелких судов, преградивших проход русской флотилии. Вступить в бой со значительно превосходящим по численности и силе противником Апраксин не решился и, не взяв на себя ответственность за дальнейший ход событий, обратился к Петру. Изучив обстановку, Петр I принимает неординарное решение, ставшее для шведов неожиданным. Используя полный штиль и совершив диверсию в тылу шведского флота, русская гребная флотилия с боем прорвалась мимо шведской эскадры, нанеся последней значительный урон. Сам Апраксин не принимал участия в этом бою, оставаясь во главе резервного отряда кораблей. Эта победа заставила шведов полностью очистить Финский залив и позволила России выйти в Балтийское море. Хотя всей операцией руководил лично Петр I, лавры победителя достались и Апраксину как командующему гребным флотом.

В 1714 году над Апраксиным было назначено первое следствие по обвинению в злоупотреблениях в подведомственных ему частях. Несмотря на то что сам Апраксин был признан невиновным, из-за того, что он допустил злоупотребления среди подчиненных, он был «оштрафован».

Апраксин продолжал командовать гребным флотом и руководил боевыми действиями в районе Або-Оландского архипелага, где шведы продолжали оказывать сопротивление. Часто во главе отрядов гребных кораблей он проводил смелые, дерзкие набеги, и Петр писал ему, чтобы он «не вдавал себя в азарт». Обычно Апраксин отвечал на это, что «он иначе поступать не может, так как шведы, как диаволы, вертятся у Гангута…».

После овладения всей Финляндией Апраксин был поставлен фактически во главе управления занятыми землями, имея ближайшим помощником князя М.М. Голицына, а должность губернатора исполнял граф Густав Отто Дуглас. Сам Апраксин правил Финляндией из Петербурга, сохранив за собой управление краем до 1719 года. В 1716 году, командуя галерным флотом, Апраксин действовал против шведов в Финляндии, а в 1717 году, командуя корабельным флотом в Балтийском море, он произвел высадку на остров Готланд. Высадив на остров десант в

количестве 900 человек и не встретив со стороны шведов никакого сопротивления, отряд продвинулся вглубь острова на 5 миль и захватил большое количество продовольствия и скота, предназначавшегося для обеспечения питанием шведских экипажей. Узнав об этой вылазке, Петр I остался весьма доволен действиями Апраксина.

В 1717 году Апраксин занял высшую должность в военно-морском флоте, став президентом Адмиралтейств-коллегий и сенатором. Это назначение положительно сказалось на всех сторонах жизни флота в целом и личного состава в частности, у которого Апраксин пользовался заслуженным уважением и авторитетом.

В 1718 году он становится вторым членом следственной комиссии по делу цесаревича Алексея Петровича. И в том же году «за злоупотребления» он вторично был подвергнут аресту и даже лишению имущества и достоинства, но затем, принимая во внимание его прежние заслуги, дело ограничилось денежным взысканием.

В мае 1719 года граф Апраксин был назначен эстляндским генерал-губернатором и отправлен в Финляндию для руководства армией и флотом. Петр вручил ему инструкцию, которой он должен был строго руководствоваться при проведении операций на побережье Швеции. Впервые за период Северной войны русскому флоту пришлось проводить такие широкомасштабные операции с использованием многотысячных десантных войск и основных сил как гребного, так и парусного флотов. Опыта подобных операций русское командование не имело, поэтому и Апраксин, и все те, кто были привлечены к военным действиям, проводили тщательную подготовку и разрабатывали детальный план операции. Но вся ответственность за действия войск легла на Апраксина. Он привлек местных жителей в качестве лоцманов и детально изучил фарватер, так как сложный рельеф побережья затруднял подходы кораблей к берегу. Проведя тщательную разведку, были разработаны маршруты следования кораблей и места высадки войск. Для зашиты фарватера и мест высадки был выделен специальный отряд судов. Всего в подчинении у Апраксина находилось около 26 тысяч десантных войск, свыше 230 гребных судов различных типов и эскадра парусного флота в составе 21 линейного корабля, 5 фрегатов, 2 бомбардирских кораблей и 12 вспомогательных судов. По плану высадка десанта проводилась на широком фронте севернее и южнее Стокгольма. Операция началась 13 июля 1719 года. Шведы, застигнутые врасплох, оказывали слабое сопротивление, но в некоторых местах, где стояли значительные гарнизоны шведских войск,

произошли серьезные бои. Основной удар десанта был направлен на разгром промышленных объектов. Так, в районе между Стокгольмом и Норчепингом, где действовал гребной флот под личным командованием Апраксина, были разрушены заводы по переработке меди и железа, уничтожены рудники и шахты, захвачены или сожжены десятки торговых кораблей. Боевые действия продолжались более месяца. Швеции был нанесен огромный урон. Но, рассчитывая на помощь Англии, шведское правительство не спешило заключить мирный договор с Россией.

Всего за период с 1719 по 1721 год на побережье Швеции было проведено около пятидесяти десантных операций. Все крупномасштабные морские предприятия были проведены при непосредственном руководстве Апраксина, который в большинстве случаев выступал прекрасным исполнителем планов царя Петра. Успехи русских десантов сыграли важную роль в согласии Швеции на заключение мира.

22 октября 1721 года при заключении Ништадтского мира Апраксин получил от императора право носить кайзер-флаг, утвердив его тем самым в звании генерал-адмирала.

Окончив Северную войну, император обратил свои взоры на юг России. В 1722 году Апраксин сопровождал Петра в Персидском походе в звании главнокомандующего флотом, а войсками командовал лично император. Местом сосредоточения войск стала Астрахань, как наиболее удобный порт в устье Волги. В этом походе флот обеспечивал поддержку действиям сухопутных войск на берегу и снабжал армию всем необходимым. По окончании похода и возвращении в Петербург генерал-адмирал Апраксин принимает командование Балтийским флотом, который к тому времени насчитывал 24 линейных корабля, 5 фрегатов и большое количество других видов парусных и гребных судов.

Со смертью Петра I закончилась и морская карьера Федора Матвеевича Апраксина. Только в 1726 году он во главе эскадры выходил в море на защиту Ревеля от нападения английского флота. В том же году он был назначен членом новоучрежденного Верховного тайного совета.

В 1727 году он отправился в Москву, где 10 ноября 1728 года скончался. Он был похоронен со всеми воинскими почестями в Златоустовском монастыре.

ЕВГЕНИЙ САВОЙСКИЙ (1663—1736)

Австрийский генералиссимус (1697), принц Кариньянский, маркграф Салуццо.

Савойская династия является одной из самых старейших династий в Европе. Ее основателем был Гумберт Белая Рука, который с 1027 года стал графом Савойским и был родоначальником 17 графов, 13 герцогов и 11 королей. В IV веке Савойю занимали бургундцы, а после распада каролингского королевства эти земли вошли в состав Бургундии, которая в 1032 году подчинилась власти германских королей. Потомки Гумберта значительно расширили свои владения, и уже при его сыне Оддоне (Одо) владели территорией по обоим склонам Альп, получив прозвание «альпийских привратников», так как контролировали перевалы, ведущие из Франции в Италию. Оддон в 1050 году женился на дочери маркграфа Туринского Адельгейде и объединил под своей властью Савойю и Пьемонт. В дальнейшем Савойский дом распался на две линии – Савойскую и Пьемонтскую.

Среди графов Савойских наиболее известным был Амедей VIII. Ему удалось объединить распавшиеся ветви династии. Он первым в 1416 году принял титул герцога, но затем отрекся от власти и стал вести жизнь отшельника. В историю он вошел как папа Феликс V (по церковной традиции антипапа), избранный на оппозиционном Базельском соборе в противовес римскому папе Евгению IV, но в 1449 году он отрекается от тиары. При его сыне Людовике был принят закон о нераздельности Савойи и Пьемонта.

Савойский дом издавна поддерживал тесные связи с королевским домом Франции. Еще в начале XII века Аделаида Савойская (правнучка Гумберта Белая Рука) стала королевой Франции, а матерью французского короля Франциска I была Савойская принцесса Луиза. Франция сочла это основанием для предъявления прав на герцогство, и в 1538 году заняла почти весь Пьемонт и Савойю. И только в 1559 году земли были возвращены сыну Карла III Эммануилу Филиберту. При его правлении столица герцогства была перенесена в Турин. Туда же была перевезена плащаница с отпечатком тела Иисуса Христа – главная

родовая реликвия, приобретенная герцогом Савойским в 1453 году.

Савойские герцоги и в дальнейшем вели постоянные войны с Францией. Во время войны за испанское наследство Виктор-Амедей II первоначально поддерживал французского короля Людовика XIV, но затем перешел на сторону Австрии. В результате почти все его владения были заняты французами, и только победа при Турине восстановила его власть. В 1713 году он получил королевский титул, став королем Сицилии, которая в 1720 году была заменена на Сардинию. С этого момента Савойя, Пьемонт и Сардиния составили единое королевство, центр которого находился в Пьемонте.

Старшая ветвь Савойского дома угасла в 1831 году. Ее место заняла младшая линия династии, образовавшаяся в начале XVII века. Это линия герцогов Кариньяно, начало которой положил младший брат Виктора-Амедея I Томас. Представитель этой ветви Савойского дома Карл-Альберт занимает сардинский престол, а его сын, Виктор-Эммануил II, с 1861 года становится королем Италии.

К этой же линии Савойского дома принадлежал и принц Евгений, один из самых знаменитых в истории полководцев. Он родился во Франции, в Париже 18 октября 1663 года, став младшим их пяти сыновей Евгения-Морица Савойского и Кариньянского, главного начальника швейцарских войск, находившихся на службе французского короля. Матерью Евгения была племянница кардинала Мазарини Олимпия Манчини.

С детства Евгений обладал слабым здоровьем и поэтому его готовили к духовному званию. В возрасте семи лет он уже имел имя аббата двух аббатств, заслужив при дворе шутливое прозвище «савойского аббата», а король величал его «маленьким аббатом». Отец Евгения умер, когда мальчику было всего 10 лет, вскоре и его мать подверглась опале и была вынуждена покинуть Париж. Мальчик остался жить в столице, имея на свое содержание набольшую пенсию, назначенную ему Людовиком XIV. Жил Евгений в доме своей бабушки, которая также хотела, чтобы он стал священником. Евгений много читал, особенно увлекался книгами по истории и жизнеописаниями великих людей. Его мечтой стало посвятить себя военной карьере, и потому, достигнув совершеннолетия, он обратился к Людовику XIV с просьбой о зачислении его во французскую армию. Однако это желание было встречено насмешками как самого короля, так и его военного министра Лувуа. Оскорбленный Евгений решил покинуть Францию и поступить на службу в какую-либо иностранную армию, поклявшись вернуться сюда не иначе как с

оружием в руках. Он усилил занятия математическими и военными науками, добившись больших успехов в изучении геометрии, фортификации, осаде и обороне крепостей. Он стал еще больше уделять времени физическим упражнениям, особенно верховой езде, и до конца жизни считался превосходным наездником.

Обстоятельства благоприятствовали планам Евгения. В 1683 году Турция начала войну с Австрией и добилась значительных военных успехов. Император Леопольд был вынужден покинуть Вену, которую турки собирались осаждать, и скрылся в Пассау. Сюда в его армию стали стекаться молодые люди со всей Европы, желавшие проявить себя на ратном поприще. В Пассау прибыл и Евгений, присоединившись к ехавшим в Пассау французам. После аудиенции у австрийского императора, он был зачислен в многонациональную, говорящую на разных языках австрийскую армию.

В том же году Евгений принял боевое крещение, встретившись в первом бою с огромной, мощной армией Порты. Он стал участником битвы под Веной, где объединенные войска под командованием герцога Лоранского и польского короля Яна Собеского пробили путь с Каленбургских высот к австрийской столице, и разгромили турецкие войска. В этом сражении Евгений отличился храбростью, и император Леопольд пообещал дать ему под командование драгунский полк. Полк, командование над которым получил Евгений Савойский, назывался полком драгунов Кюфштайна.

Как командир он прославился уже во время сражений в Венгрии, проявив огромное личное мужество и блестящие качества военачальника. Его успехи не остались незамеченными и способствовали его быстрому продвижению по службе. В 1685 году Евгений получает чин генерал-майора. За два года командования драгунским полком он настолько выделился своими военными способностями, что в 1686 году при осаде Офена он в 23-летнем возрасте оказался на ответственной роли начальника обороны циркумвалационной линии против многочисленной армии верховного визиря.

В 1687 году Евгений Савойский, преследуя турок, разбитых при Герсане, проник с полком до самого их укрепленного лагеря и, спешив драгун, взял штурмом последний турецкий оплот. В начале 1688 года он был произведен в генерал-лейтенанты, взойдя первым на брешь при взятии Белграда.

С началом войн Великого союза (1689—1697) Евгений Савойский был назначен командующим имперскими войсками, посланными в Италию на помощь Виктору-Амедею II, герцогу

Савойскому, с которым он находился в родстве. Здесь его главным противником стал один из лучших французских полководцев маршал Катина, которому Евгений Савойский стал достойным противником.

Но в лице герцога Виктора-Амедея, не обладавшего необходимыми способностями для лидера, Евгений нередко встречал помеху своим планам. При Стаффорде в 1690 году Виктор-Амедей, вступив в бой с французами, едва не был разбит и спасен лишь благодаря храбрости и распорядительности Евгения Савойского. Такая же ситуация повторилась и в сражении при Марсалии.

В июле 1691 года Евгений Савойский после упорного боя вынудил французов снять осаду крепости Кони и отступить за реку По. В следующем году Евгений добился разрешения начать вторжение в Дофинэ и Прованс, тем самым поставив французские войска перед угрозой поражения, что имело бы серьезные последствия и для самой Франции. Он уже овладел несколькими пограничными крепостями, как внезапно герцог Виктор-Амедей опасно заболел, и наступление союзного авангарда было остановлено. В 1693 году за победы в Италии Евгений Савойский был произведен в фельдмаршалы, что было огромным достижением для 30-летнего иностранца, не имеющего ни денег, ни могущественных покровителей. Эта война также дала Евгению ценный военный опыт. Уже в то время его раздражало постоянное применение осторожными итальянскими генералами осады, которым он стремился доказать, и небезуспешно, что только в движении и неожиданных нападениях таится ключ к победе.

Теперь военная репутация Евгения Савойского была так высока, что сам Людовик XIV начал звать его на свою службу, предлагая звание маршала, наместничество в Шампани и 20 тысяч ливров содержания. Однако Евгений твердо ответил, что обязан австрийскому императору благодарностью, а в деньгах не нуждается.

В 1697 году он вновь был послан действовать против турок в Венгрию. Он был назначен верховным главнокомандующим. Это была первая кампания, в которой Евгений действовал самостоятельно и свободно. Главной его победой в этой кампании стал разгром турецких войск под Зентой. Прибыв к войскам, он нашел их в крайне бедственном положении. За несколько недель он сумел привести армию в порядок и поднять ее боевой дух. Подойдя с войсками 11 сентября 1697 года к реке Зенте, Евгений Савойский обнаружил построенный турками мост для переброски войск в Трансильванию. К тому моменту часть турецкого войска уже сумела переправиться, а к Евгению прибыл курьер с

императорской депешей, в которой ему запрещались решительные действия и предлагалось ограничиться обороной. Однако принц, догадываясь, какой приказ содержится в пакете, не вскрыл его. Понимая, что медлить нельзя, он совершенно неожиданно для турок напал на их лагерь и, применив двойной охват противника, сумел прижать его к реке. После продолжительного боя австрийские войска уничтожили 20 тысяч турок, и еще 10 тысяч в панике бежали к реке, при переправе через которую многие утонули. Потери армии Евгения Савойского составили 300 человек убитыми и 200 ранеными.

За нарушение приказа председатель гофкригсрата генерал Капрара, поддавшись внушениям завистников и личной вражде к Евгению, настаивал на предании его военному суду. Однако, учитывая общественное мнение и то, что победителя не судят, император Леопольд не только не осудил принца, но и поставил его во главе армии в Венгрии, даровав полную независимость от гофкригсрата.

После победы при Зенте Евгений Савойский повернул армию на юг, совершив набег на Боснию и отвоевав Сараево. Его дальнейшие военные успехи способствовали заключению в 1699 году выгодного для Австрии Карловицкого мира, в результате которого в состав империи вошли большая часть Венгрии, Хорватия, Трансильвания и почти вся Словакия. В Вену Евгений вернулся героем. Кроме славы он заимел еще и врагов, которые завидовали его военным удачам.

Война за испанское наследство (1701—1714) стала высшим достижением полководческого искусства Евгения Савойского. Ему пришлось воевать с самыми разными противниками, быть союзником или врагом большинства крупнейших полководцев того времени.

Начало кампании 1701 года ознаменовалось труднейшим переходом 30-тысячной армии Евгения Савойского через Тридентские (Тирольские) Альпы. Фактически армия Евгения Савойского первой открыла военные действия, в то время как армии остальных стран лишь готовились к ним. Его войска сосредоточились в Тироле, делая вид, что готовятся отсюда перейти в наступление. В ответ на это французская армия под командованием Катины заняла позицию в ущелье Риволи с целью не допустить продвижения австрийцев. Но Евгений, произведя тайную разведку труднопроходимого перевала в горах, в течение долгого времени не использовавшегося войсками, преодолел его и вышел на равнину, совершив глубокий обход к востоку. Наращивая полученное таким образом преимущество дальнейшими маневрами, которые часто вводили противника в

заблуждение относительно его намерений, Евгений Савойский вовлек французов в гибельное для них наступление в районе Чиари (вблизи Брешии). Это привело к полному отступлению французов из Северной Италии, занятой австрийскими войсками.

Кампанию 1702 года Евгений Савойский начал внезапным нападением на Кремону, где в это время находился маршал Виллеруа, заменивший Катину после неудач в кампании предыдущего года. По мнению французов, осада или атака этого города зимой были невозможны. Но Евгений разработал смелый план взятия города при одновременном ударе снаружи и изнутри. С этой целью в город по бездействующему каналу проникли 4 тысячи человек из его армии и, начав действовать в самом центре города, привели французов в смятение, а маршал Виллеруа был взят в плен. Но план не удалось осуществить до конца и город захвачен не был, так как у австрийцев боеприпасы оказались на исходе. Скоро на австрийские войска обрушились превосходящие силы под командованием маршала Вандома. Однако, обладая вдвое меньшими силами, чем их имел французский главнокомандующий, Евгений Савойский все же сумел удержать завоеванные в Италии территории. Одной из главных трудностей, встретившихся ему в Италии, стало отсутствие традиционной магазинной системы снабжения войск. Принц сумел преодолеть эти затруднения, научившись извлекать все необходимое в занятых им итальянских землях.

В 1703 году Евгений Савойский вернулся в Австрию и был назначен председателем гофкригсрата, и к нему перешло высшее руководство военными делами империи. На этой должности Евгений подготовил ряд реформ, улучшающих и укрепляющих императорскую армию. Среди мероприятий, проведенных им, были: реформа об отмене продажи чинов на военной службе, создание сильной подвижной кавалерии, организация складов хранения припасов и в связи с этим постановление, запрещающее нахождение армии более чем в пяти днях пути от главного магазина. Также он уделял большое внимание жизни и службе простых солдат. В том же году под его руководством было подавлено восстание Ференца Ракоци, вспыхнувшее в Венгрии.

В 1704 году Евгений Савойский вернулся к действительной службе и вместе с герцогом Мальборо одержал победу над франко-баварскими войсками при Бленхейме 13 августа 1704 года. Во время битвы Евгений нанес главный удар по левому флангу французских войск. В лобовой фронтальной атаке он проявил себя таким же мастером, как и в реализации дерзких неожиданных нападений на противника. И хотя его атака была дважды отражена, Евгений смог не только повторить ее, но и

поддержать герцога Мальборо, войска которого контратаковали французы. Триумф этого сражения был достигнут благодаря блестящему содружеству двух великих военачальников. Их отношения были настолько гармоничными, а сотрудничество лишено и тени эгоизма, что они нашли свое отражение в медали, отчеканенной в честь победы, на которой Евгений Савойский и герцог Мальборо изображались как мифологические братья-близнецы Кастор и Полидевк. Эта победа сразу привела к отпадению Баварии от союза с Людовиком XIV.

В 1705 году Евгений Савойский был послан в Испанию, где воспрепятствовал успехам Вандома. Однако вершиной его военного искусства в войне за испанское наследство по праву считается кампания 1706 года. В этой кампании Евгений Савойский поставил своей целью завоевание всей Италии.

Первоначально Евгений Савойский был вынужден отступить на восток до озера Гарда и далее в горы, в то время как его союзник герцог Савойский был осажден в Турине. Но вместо того чтобы попытаться с боем прорваться вперед, Евгений Савойский обманул противника хитрым маневром. Вместе со своей 24-тысячной армией он совершил трудный и смелый переход через горы по правому берегу реки По, завершив его разгромом под Турином 80-тысячной армии французов. Евгений Савойский не задумываясь пожертвовал своей базой, однако выиграл сражение за всю Италию, которую не спасли и 33 крепости, занятые французскими гарнизонами.

В 1707 году войска Евгения Савойского вторглись в Прованс, где принц попытался овладеть Тулоном, однако эта попытка не увенчалась успехом. В том же году Евгений Савойский действовал менее энергично, чем в предыдущих кампаниях. Так, он отверг план герцога Мальборо непосредственно прорваться к Парижу путем обхода крепостей, не ввязываясь в затяжные бои с французскими войсками.

С 1708 года Евгений Савойский действовал в Нидерландах, командуя объединенными силами союзников. Здесь он снова действовал с герцогом Мальборо, и опять их совместные усилия привели войска к победе. Союзные войска сумели овладеть Лиллем – крепостью, построенной французским инженером Вобаном и считавшейся неприступной. В 1709 году ими была одержана победа при Мальплаке, которая досталась союзникам слишком дорогой ценой и не принесла ощутимых результатов. Потери войск союзников вдвое превышали потери французов. Эта битва стала последним сражением, которое суждено было вместе провести Евгению и Мальборо.

В 1711 году армия Евгения Савойского по политическим

соображениям была отозвана с театра военных действий. В следующую кампанию 1712 года он командовал австрийскими и голландскими войсками и теперь решился предпринять вторжение во Францию. Однако в результате сложного маневра, предпринятого маршалом Вилларом под Дененом, Евгений Савойский потерпел поражение и отступил. Это поражение завершило распад антифранцузской коалиции.

В 1714 году принц Евгений Савойский исполнял обязанности императорского уполномоченного при заключении Раштадтского мира. Император Карл VI вынужден был признать за королем Филиппом V Бурбоном право на испанскую корону, однако смог удержать за собой значительную часть «испанского наследства» – Испанские Нидерланды, Северную Италию с Миланом, Неаполитанское королевство, часть Тосканы и Сардинию.

Первые военные неудачи не сломили Евгения Савойского. Его воинский талант не был растрачен, что вскоре он сумел подтвердить.

Во время новой австро-турецкой войны (1716—1718) армия под командованием Евгения Савойского, разгромив турецкие войска в решающем сражении при Петервардейне, двинулись на Белград. Под Белградом его армия в 50-тысяч человек оказалась зажатой между армией великого визиря (200 тысяч) и сильным белградским гарнизоном (30 тысяч), состоящим из элитных войск – янычар. В ночь на 16 августа под покровом тумана войска Евгения Савойского, выйдя из траншей, атаковали турок и обратили их в бегство. Победа австрийских войск под Белградом привела к подписанию мирного договора, по которому к Австрийской империи отошли значительные территории и австрийским подданным предоставлялось после уплаты крайне низкой пошлины (3%) право свободной торговли по всей территории Османской империи.

Оставшуюся часть жизни Евгений Савойский был доверенным военным советником австрийского императора. До 1724 года он был штатгальтером в Австрийских Нидерландах, одновременно исполняя обязанности председателя Тайного совета при императоре. Несмотря на то что Карл VI относился к принцу не с таким доверием, с каким к нему относились прежние австрийские государи, его влияние сохранялось при решении всех важных государственных вопросов.

Сам принц не стал обычным придворным генералом и интересовался не только военными делами. Несмотря на постоянное участие в войнах, он умел ценить искусство, построив в Вене роскошные дворцы, прежде всего – Бельведер, где были собраны уникальная библиотека и коллекции памятников

мирового искусства.

В 1733 году Евгений Савойский был назначен главнокомандующим союзных войск, действующих против Франции в войне за польское наследство (1733—1739). Однако силы его были на исходе и принц не смог проявить своего прежнего военного гения и скоро был отозван.

Евгений Савойский умер в Вене 21 апреля 1736 года и был похоронен в соборе Св. Стефана. Впоследствии перед Бельведером в столице Австрии был сооружен великолепный памятник величайшему полководцу, которым восхищались полководцы последующей эпохи.

ВАСИЛИЙ ЛУКИЧ ДОЛГОРУКОВ (1670—1739)
Князь, государственный деятель, дипломат.

Начало роду Долгоруковых положил потомок князя Михаила Всеволодовича Черниговского, князь Иван Андреевич Оболенский, прозванный за свою мстительность Долгорукой. Со временем некоторые из рода Долгоруковых стали писаться как Долгорукие, но родовые корни у этих фамилий все равно общие.

Род был многочисленным, и уже внуки Ивана Андреевича Долгорука дали четыре самостоятельные линии этой фамилии. Старшая линия началась с Семена Владимировича Долгорукова. Из его потомков в XVI веке наиболее известным был Иван Андреевич Долгоруков, по прозванию Шибан. Он был воеводой в Чернигове и Воронеже, а в 1587 году стал начальником сторожевого полка в Туле. Погиб Иван Андреевич Шибан в конце 1590 года – он был убит казаками, сделавшими набег на Воронеж. Сын его, Григорий Иванович, по прозванию Черт, был воеводой в разных городах, участвовал в походах на крымцев и в Ливонской войне, в дальнейшем он пользовался большим доверием царя Федора Иоанновича. Другой сын, Данило Иванович Долгоруков-Шибановский, в период царствования Михаила Федоровича получил чин окольничего. Он был воеводой в Калуге и особенно отличился в 1618 году во время осады Москвы войсками польского короля Владислава, защищая Калужские ворота.

В эпоху царствования Петра I потомок Ивана Андреевича Шибана, Яков Федорович Долгоруков, имел при дворе царя большое влияние. Он получил очень хорошее для того времени образование под руководством наставника из поляков и свободно владел латинским языком. В 1682 году во время стрелецкого бунта он открыто принял сторону царевича Петра, который сделал его своим комнатным стольником. Царевна Софья, опасаясь его влияния на брата, отправила Долгорукова в 1687 году послом во Францию и Испанию, просить эти государства о помощи в предстоявшей войне с Турцией. Посольство это успеха не имело. В 1689 году, в разгар борьбы Петра с Софьей, Долгоруков одним из первых явился к Петру в Троице-Сергиеву лавру. Победивший Петр назначил его судьей Московского приказа. Яков Федорович принимал участие в обоих Азовских походах и был возведен в звание ближнего боярина. Уезжая за

границу в 1697 году, Петр возложил на Долгорукова охрану южной границы и наблюдение за Малороссией.

В начале Северной войны в битве под Нарвой Яков Федорович был взят в плен и более десяти лет томился в неволе. Когда же его переправляли в Умео, на шхуне, которая его доставляла, находились 44 русских пленных и только 20 шведов. Яков Федорович решил воспользоваться этим и вместе с товарищами по плену сумел обезоружить шведов и приказал шкиперу идти в Ревель, занятый к тому времени русскими войсками.

В плену в Швеции Долгоруков имел возможность близко ознакомиться со шведскими порядками и государственным строем и потому сделался весьма полезным советником Петра, особенно при устройстве коллегиального управления. Государь очень ценил этого умного и мужественного человека. Петр назначил Долгорукова сенатором, поручив ему исполнять обязанности генерал-кригс-комиссара. В 1717 году по приказу Петра Долгоруков председательствовал в Ревизион-коллегии. Здесь он был строгим и неподкупным контролером доходов и расходов казны, неизменно руководствуясь правилом, высказанным при решении одного дела в сенате: «Царю правда лучший слуга. Служить – так не картавить; картавить – так не служить».

Род Долгоруковых дал России многих государственных и военных деятелей. Одним из наиболее выдающихся был Василий Лукич Долгоруков.

Почти 30 лет своей жизни отдал он дипломатической службе, охраняя интересы государя за границей и содействуя авторитету и славе России, но закончил жизнь на плахе.

Василий Лукич Долгоруков был сыном стольника и киевского воеводы Луки Федоровича Долгорукова, скончавшегося в 1710 году сразу после того, как по приказу царя Петра выпил 0, 5 литра водки.

Начало службы Василия Лукича относится к 1687 году, когда он отправился в свите своего дяди, князя Якова Федоровича, во Францию. Целью посольства было извещение французского короля о заключении мира между Россией и Польшей для оказания помощи германскому императору в войне с Турцией. Склонить Францию к союзу не удалось – посольство особого успеха не имело. На приеме Василий Лукич преподносил монарху Франции дары и получил от него подарок – портрет, украшенный драгоценными каменьями. Далее русское посольство отправилось в Испанию, а князь Василий остался в Париже «для усовершенствования себя в языках и науках». Здесь он

основательно изучил несколько иностранных языков, заимствовал внешний лоск версальских придворных и завел полезные знакомства. Во Франции он провел 13 лет и вернулся в Россию в 1700 году.

С этого времени начинается его официальная дипломатическая служба. Он получает назначение в посольскую свиту своего другого дяди, князя Григория Федоровича, назначенного русским посланником в Польше. От царя Петра они получили тайное задание – добиться скорейшей отправки польского вспомогательного войска против шведов для отвлечения их от Нарвы. Следовало также договориться о встрече короля Августа и Петра I. Поручение было выполнено. В дальнейшем в течение 1706 и 1707 годов Василий Лукич заменил дядю в должности русского посланника, и в его задачу входило обеспечение союза России и Польши против шведского короля Карла XII.

С 1707 по 1720 год Долгоруков был послом в Дании, где ему поручено было разорвать союз датского короля Фридриха IV с Карлом XII и затем укрепить союз и дружбу России с Данией. Миссия эта была особенно трудной. Прекрасно разбираясь в положении в основных странах Европы, Василий Лукич сумет не только выполнить поручение, но и давать своему государю крайне полезные сведения и налаживать выгодные контакты на будущее. Получая указания от Петра I, князь всегда старался поступать с наибольшей выгодой для России. Вот выдержка из одного его письма: «Король намерен вступить в войну, но не заключает союза, чтобы побольше выпросить денежных субсидий. Мое мнение: хотя союз с датским королем нужен как теперь, так еще больше на будущее время, однако надобно стараться ввести датского короля в этот союз как можно безубыточнее. Я хотя имею указ обещать им 500000 рублей на первый год, однако до сих пор не объявлял еще им более 300000 рублей и вместо 20000 пехоты объявлял только 10000, потому что вижу их склонность к вступлению в войну и думаю, что и тем будут довольны». И несмотря на сильное противодействие английского и голландского посланников в Копенгагене, Долгорукову удалось без субсидий со стороны России заключить союзный договор с Данией. За деятельную службу он был награжден датским королем орденом Слона, а в России он получил чин тайного советника.

Миссия в Дании была окончена, и в 1720 году Василий Лукич отправляется послом во Францию хлопотать о посредничестве при примирении России со Швецией и о признании Петра императором. Первое поручение увенчалось успехом:

французский посланник в Швеции получил приказание открыть «негоциацию», согласно желанию Петра Великого, на просьбу же о признании императорского титула за русским царем регент отвечал решительным отказом. У Василия Лукича было еще одно поручение – ведение переговоров о брачном союзе между Людовиком XV и цесаревной Елизаветой Петровной, но сватовство цесаревны не удалось. Как знак особого расположения князь Долгоруков был приглашен присутствовать на коронации Людовика XV. По возвращении из Франции в 1723 году Долгоруков был назначен сенатором, а в следующем году стал полномочным министром в Варшаве, с поручением защищать на сейме интересы православных в русских областях Речи Посполитой и добиваться признания за Петром I императорского титула.

Верой и правдой служа Петру Великому, Василий Лукич продолжал служить после его смерти Екатерине I не менее ревностно. В мае 1725 года он снова был отправлен в Польшу на сейм в качестве чрезвычайного министра для определения претендента на престол Курляндии. По желанию императрицы Василий Лукич добивался избрания герцогом Курляндским светлейшего князя Меншикова. Довести до конца дело Долгорукову не удалось, так как он был срочно послан в Стокгольм, с поручением противодействовать сближению Швеции с Англией и присоединению первой к Ганноверскому союзу. В Польше интересы державы стал представлять М.П. Бестужев-Рюмин. Миссия в Стокгольме не имела успеха, хотя для раздачи денежных вознаграждений и подарков «нужным людям» была выделена большая сумма. Долгоруков писал: «Я никак не думал встретить здесь такие затруднения. Главное состоит в том, что все важные дела решаются в секретной комиссии, а с членами ее говорить нельзя, потому что им под присягой запрещено сноситься с иностранными министрами. Легче турецкого муфтия в христианскую веру обратить, чем отвлечь их от ганноверского союза, всякое дело и слово надобно закоулками проводить до того места, где оно надобно».

В царствование Петра II Долгоруков, назначенный членом Верховного тайного совета, был руководителем всех честолюбивых планов фамилии Долгоруковых. Свою фамилию он считал самой аристократической в России и связывал с ней мысль о благоденствии страны. Во время предсмертной болезни Петра II он был самым энергичным участником в составлении подложного духовного завещания в пользу своей родственницы – невесты государя Екатерины Алексеевны Долгоруковой. Замысел этот потерпел неудачу, и Долгоруков, тотчас по кончине Петра II, на

заседании Верховного тайного совета поддержал предложение князя Голицына об избрании в императрицы герцогини Курляндской Анны Иоанновны. Василий Лукич активно участвовал в редактировании «ограничительных пунктов» («кондиций»), он сам отвез их в Митаву и уговорил Анну Иоанновну подписать их. Василий Лукич сопровождал будущую императрицу в Москву. Поселив ее во дворце, он сам остался при ней. Без его разрешения с ней никто не смел говорить, даже родные сестры. Ходили слухи, что он намеривался сам жениться на Анне Иоанновне и провозгласить себя правителем государства. Он пользовался большим доверием еще некоронованной императрицы, пока та не узнала о его роли в ограничении ее самодержавной власти. А в апреле 1730 года Анна Иоанновна потребовала присутствия бывшего фаворита при публичном уничтожении составленных им «кондиции».

Опала Василия Лукича быстро распространилась и на его родственников. Многие из Долгоруковых были отправлены в отдаленные провинции, сам же Василий Лукич получил назначение губернатором в Сибирь. Но он «слишком долго» добирался к месту назначения, и в день коронации императрицы находился близко от Москвы. Сразу же последовал новый манифест: «За многие его, князя Василия Долгорукова, как Ее Императорскому Величеству самой, так и государству бессовестные противные поступки, лиша его чинов и кавалерии сняв, послать в дальнюю его деревню». Так Василий Лукич был сослан в пензенскую вотчину, где содержался очень строго – первое время ему даже запрещались прогулки.

12 июня 1730 года Сенат издал новый указ, которым повелевалось заточить князя Долгорукова в Соловецкий монастырь. Здесь ему разрешалось выходить из кельи только для посещения церкви, пищу ему приносили из монастырской трапезы, а общаться он мог лишь с прислугой. В монастыре князь Василий написал завещание, поделив оставшееся после конфискации наследство между родственниками.

Пять лет провел Василий Лукич в таких тяжелых условиях, но затем его участь была несколько облегчена. Ему стали выдаваться кормовые деньги на содержание себя и прислуги, а режим содержания чуть смягчился. Так продолжалось до 1739 года.

В начале 1739 года все князья Долгоруковы были доставлены в Шлиссельбург, где начала работать особая комиссия, образованная для рассмотрения их дела. После признания князя Ивана Алексеевича относительно подложной духовной Петра II, комиссия приговорила всех к суровым наказаниям, а четверым, в том числе и князю Василию, вынесла смертный приговор.

Василий Лукич Долгоруков был привезен в Новгород, подвергнут допросам и пытке, и 8 ноября 1739 года обезглавлен. Его останки были захоронены в Новгороде в церкви Св. Николая Чудотворца.

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ГОЛИЦЫН (1675—1730)
Князь, генерал-фельдмаршал.

Княжеский род Голицыных, ведущий свое начало от потомков великого литовского князя Гедимина, кровно связанный с великими князьями московскими и в дальнейшем с династией Романовых, в пятом поколении от основателя рода Булака-Голицы разделился на четыре основные ветви. К тому времени среди представителей рода Голицыных было 22 боярина, 3 окольничих и 2 кравчих. Представители рода издавна занимали высокие должности при дворе великих князей и даже претендовали на царский престол.

В конце XVII века род был расколот политической и династической борьбой. В малолетство Петра I одни Голицыны, такие как князь Василий Васильевич, занимавший главную государственную должность в период правления царевны Софьи, стали сторонниками Милославских. Другие поддержали Петра и Нарышкиных.

Партия Нарышкиных одержала победу, и для Василия Голицына и его потомков рука Петра I оказалась тяжелой. В дальнейшем старшая ветвь рода не смогла дать истории ни одного выдающегося представителя.

К партии Нарышкиных принадлежал двоюродный брат Василия Васильевича князь Борис Алексеевич Голицын. Он был воспитателем юного царя Петра, которого всегда сопровождал, став одним из самых доверенных людей царя в начале его правления. Когда Петр покидал столицу, Борис Алексеевич заседал вместо него в совете. На его плечи возлагалась обязанность следить за порядком и благополучием, «чтобы государству потеряки не учинилось». В конце жизни он оставил высокие государственные посты и принял постриг.

При Петре I прославился также и представитель другой ветви Голицыных – князь Дмитрий Михайлович, начавший карьеру при дворе стольником. В период петровских преобразований Дмитрий Голицын, как и многие молодые дворяне, отправился на учебы за границу. Учился он в Италии, а вернувшись в Россию, был отправлен послом в Константинополь. При нем был ратифицирован договор с Турцией о 30-летнем мире. В дальнейшем он служил воеводой, а с 1711 года стал губернатором Киева. В период Северной войны Дмитрий

Михайлович обеспечивал безопасность тылов и снабжение русской армии на Украине. Проявив себя прекрасным администратором, он в 1718 году возглавил Камер-коллегию – важнейшее ведомство государства, занимающееся финансами России. В 1722 году Дмитрий Михайлович стал сенатором, а через четыре года – членом Верховного тайного совета.

В годы царствования Петра Великого к власти пришло много людей недворянского происхождения. Самый яркий пример – Александр Данилович Меншиков, ставший фактическим правителем государства при Екатерине I. Для многих в то время Голицын стал лидером родовитой оппозиции, недовольной господством «худородного» временщика. И после воцарения Петра II в 1727 году Меншиков вскоре попадает в опалу, а Голицын становится фактическим главой Верховного тайного совета. Он уже был стар и умудрен опытом, а его манеры, образованность, сдержанность и достоинство вызывали уважение не только среди двора российского императора, но и у иностранцев. Английский посланник Клавдий Рондо оставил о Дмитрии Михайловиче такие воспоминания: «Имеет необыкновенные природные способности, которые изощрены наукой и опытом, одарен умом и глубокой проницательностью, предусмотрителен в суждениях, важен и угрюм, никто лучше него не знает русских законов, он красноречив, смел, предприимчив, исполнен честолюбия и хитрости, замечательно воздержан, но надменен, жесток и неумолим».

Дмитрия Михайловича Голицына новый государь – Петр II – сильно разочаровал. Его раздражало то, что царь и его окружение относятся пренебрежительно к представителям знатных фамилий. Вероятно, это сыграло большую роль в том, что после его скорой смерти в 1730 году Голицын, объединившись с Долгорукими, выступал за ограничение власти. Пригласив на русский престол Анну Иоанновну, ей были предложены определенные условия, ограничивающие самодержавную власть. Но, как мы знаем из истории, новая императрица быстро «лишилась контроля» со стороны верховников при активной поддержке другой части дворянства. Голицын пытался сохранить власть и влияние, но потерпел поражение. Он отошел от политики и уединился в своем родовом имении Архангельском, решив провести последние годы жизни среди книг и картин, которых собрал великое множество.

Его некоторое время не трогали, но в 1737 году государыня (Анна Иоанновна) все-таки решила начать процесс. На допросы Голицына доставляли на носилках, так как он по причине старости сам передвигаться не мог. Несмотря на немощь, Дмитрий Михайлович оставался верен себе и не стал виниться и

просить прощения у императрицы. Он был приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением. Но в заточение он прибыл всего три месяца, скончавшись в Шлиссельбургской крепости в том же 1737 году.

И если Дмитрий Михайлович был прославлен как мудрый политик, то его младший брат, Михаил Михайлович, никакими способностями в политической науке не обладал. В этой сфере он полагался во всем на ум и талант обожаемого им старшего брата, но на военном поприще он достиг небывалых высот, став выдающимся полководцем петровской эпохи.

Михаил Михайлович Голицын, сын курского воеводы, родился в 1675 году. Свою службу он начал при дворе стольником у царя, что было обычным явлением для детей родовитых фамилий. С детских лет Михаил тяготел к военной службе и в возрасте 12 лет стал рядовым лейб-гвардии Семеновского полка, в котором до этого был барабанщиком. С тех пор Семеновский полк был для Михаила Голицына вторым домом.

Произведенный в 1694 году в прапорщики, Голицын участвовал с полком в Азовских походах и за боевые отличия получил чины поручика и капитана.

В 1698 году Голицын принимал участие в подавлении восстания стрельцов, которые были разгромлены войсками Гордона и Шеина близ Воскресенского монастыря.

Михаил Голицын был активным участником Северной войны 1700—1721 годов. В 1700 году он сражался под Нарвой, где был ранен. Он был отчаянный смельчак, и не раз, даже раненный, он снова влезал в самое пекло боя.

В 1702 году Голицын прославился при штурме Нотебурга, где он командовал отрядом Семеновского полка. Шведы отчаянно сопротивлялись, и Петр, сомневаясь в возможности взятия крепости, уже послал Голицыну приказ отступить «Скажи Государю, – отвечал тот посланному, – что теперь я принадлежу одному Богу». Пристав на лодках к островной части крепости, в том месте, где в стене был пролом, семеновцы пошли в атаку, но были встречены яростным огнем противника. Атака захлебнулась, и тогда, чтобы отрезать путь к отступлению, Голицын приказал оттолкнуть от берега пустые лодки. Солдаты снова ринулись в бой, и… победили, сломив сопротивление врага. Затем отряд Голицына продолжил штурм крепости, который увенчался успехом. За этот подвиг Голицын был награжден золотой медалью, деревнями и произведен в полковники.

К чести Михаила Михайловича следует сказать, что все боевые награды он добывал в сражениях. В 1703 году Голицын

находился при взятии Ниеншанца, в 1704 году брал Нарву, в 1705 году – Митаву.

На следующий год он был произведен в генерал-майоры. Голицын одержал 30 августа 1708 года блестящую победу при селе Добром над отрядом шведского генерала Росса и на поле сражения был награжден Петром орденом Св. Андрея Первозванного.

28 сентября 1708 года в сражении при Лесной Голицын участвовал в разгроме корпуса генерала Левенгаупта, сделав многое для победы над шведами. Петр I, ставший свидетелем его храбрости на поле боя, произвел его в генерал-поручики, пожаловал ему свой портрет, усыпанный бриллиантами, и предоставил Голицыну право просить все, что он пожелает. Голицын воспользовался этим случаем и попросил царя простить князя А.И. Репнина, который был разжалован в рядовые за поражение при Головчине. Репнин был прощен.

В 1709 году в Полтавском сражении Голицын командовал гвардией и, преследуя с Меншиковым бежавших шведов, принудил их под Переволочной положить оружие.

В 1710 году он сражается за взятие Выборга, в 1711 году защищает Украину от крымских татар и бунтующих запорожцев, а затем участвует в Прутском походе.

С 1714 по 1721 год Голицын становится главнокомандующим войсками в Финляндии. В феврале 1714 года он разбил шведов при Лапио, за что был произведен в генерал-аншефы «за мужество и стойкость».

Затем Голицын участвовал в морском сражении при Гангуте, а 27 июля 1720 года одержал блестящую победу над шведским флотом в Гренгамском сражении.

Особое расположение Петра в отношении Голицына проявлялось и в том, что только ему и Шереметеву разрешалось не пить во время праздников огромный кубок «Большого орла».

Неудивительно, что Михаил Михайлович Голицын пользовался в армии особой любовью и почитанием. Он был по натуре добрым и милосердным человеком, мужественным и отважным воином, за что удостоился особого уважения среди военных. Современник князя Голицына, швед Эренмальм, оставил воспоминания о нем: «Он заслужил особую славу за свой природный ум, приветливое обращение с подчиненными офицерами и рядовыми и приобретенный в войне опыт. Он не терял присутствия духа в любой обстановке. Он также предприимчив и не жалеет усилий для того, чтобы быстро и со всей осторожностью осуществить порученное ему. Он стремился как в одежде, так и всем образом жизни выглядеть солдатом…»

Во время похода Петра в Персию Голицын оставался командовать войсками в Санкт-Петербурге, а с 1723 по 1728 год он был командующим всеми войсками на Украине.

Уже после смерти Петра императрица Екатерина I в память о боевых заслугах пожаловала Голицыну 21 мая 1725 года звание генерал-фельдмаршала.

20 сентября 1728 года Голицын был вызван в Санкт-Петербург и по указу императора Петра II назначен президентом Военной коллегии, занимая этот пост до 1730 года. Он также был сенатором и членом Верховного тайного совета.

Отважный фельдмаршал был наивен и неопытен в политике, но во всем поддерживал своего брата Дмитрия Михайловича. В 1730 году, при восшествии на престол Анны Иоанновны, Михаил Голицын, как и старший брат, поддерживал позицию ограничения самодержавия. Когда же попытка ограничения власти не удалась, Михаил Михайлович оставил все государственные и военные должности, поселился в Москве, где жил тихо. Вероятно, его ждала бы участь других верховников. От суда и возможной казни или пожизненного заключения его спасла внезапная смерть.

В возрасте 55 лет Михаил Михайлович Голицын скончался в Москве 10 декабря 1730 года.

ФЕРЕНЦ II РАКОЦИ (1676—1735) *Князь, руководитель освободительной борьбы венгерского народа.*

Ракоци – владетельный трансильванский род, игравший большую роль в судьбах Трансильвании и Венгрии. Первым знаменитым представителем этого рода был Сигизмунд Ракоци, сподвижник Бочкая и заместитель во время его отсутствия. В 1607 году Сигизмунд Ракоци против своей воли был выбран трансильванским князем, но в следующем году вынужден был отказаться от власти.

Сын Сигизмунда Ракоци Юрий I (Дьердь), 1593 года рождения, воспользовался борьбой партий, наступившей после смерти Бетлена Габора, и в 1629 году проложил себе дорогу к короне. Он стал на сторону противников императора Фердинанда II и признал султана покровителем Трансильвании, а сейм одобрил его решение. Лично Юрия не любили за корыстолюбие и неразборчивость в средствах. Он всячески старался упрочить положение своего рода и в 1642 году настоял на том, чтобы трансильванский сейм назначил еще при его жизни преемником ему его сына. Женившись в следующем году на наследнице всех имений дома Баториев, он сделался самым богатым человеком в Венгрии. Когда император Фердинанд III стал всячески притеснять венгерских протестантов, они в 1643 году обратились за помощью к Юрию.

В начале 1644 года, заключив союз со Швецией и Францией и получив обещание помощи от султана, Юрий двинулся в Венгрию на защиту ее политической и религиозной свободы во главе 30-тысячного войска. Заняв большую часть Словакии, Ракоци в следующем году соединился со шведскими войсками, осаждавшими Брно (Брюнн). Дальнейший совместный поход Ракоци и шведских войск против Вены был сорван австрийской дипломатией, добившейся от турецкого султана запрещения похода под угрозой военного вторжения в Трансильванию. Результатом успешных сражений против габсбургских войск стало заключение Линцского мира. Согласно этому договору, была объявлена свобода протестантского богослужения и возвращены отнятые у протестантской церкви доходы. Сам Ракоци получил

пять венгерских комитатов.

При Юрии Ракоци были установлены дружественные связи Трансильвании с Богданом Хмельницким, в чьей поддержке Ракоци был заинтересован, поскольку претендовал в 1648 году на польскую корону.

После Линцского мира Ракоци отказался платить дань султану Ибрагиму. Тот хотел наказать Ракоци, но вскоре неожиданно скончался, а его преемник Магомед II не решился на войну. На короткое время Трансильвания стала свободной, но в том же 1648 году Юрий скончался.

Ему наследовал его сын Юрий II, вновь оказавшийся в вассальной зависимости от Турции. Он решил сделаться польским королем, как раньше сделался господарем Валахии и Молдавии, но это ему не удалось, а затруднения, испытанные при этом, превратили его в ярого врага Польши. В 1657 году он заключил союз со шведским королем и начал войну с Польшей, несмотря на требование султана прекратить военные действия. Но война была неудачной, и Юрий должен был заключить постыдный мир. По требованию султана он был низложен, и трансильванским князем был выбран Редей.

В следующем году Юрий воспользовался смутами в Турции и с утверждением сейма вновь сделался князем Трансильвании. В Турции в это время великим визирем был воинственный Кеприни, который вторгся в Трансильванию и страшно опустошил ее. Трансильванским князем был назначен Борчай, с которым у Юрия разгорелась война. В сражении у Самошфальви Ракоци был смертельно ранен.

Сын его Ференц I, лишенный княжеского трона, сблизился с венгерскими протестантами, которые готовили заговор против императора. Однако заговор скоро был открыт, его участники были обманом заманены в Вену и там казнены. Сам Ференц Ракоци спасся от смерти только благодаря своей матери Софии Батори, ревностной католичке, заметной фигуре при дворе.

Сын Ференца I, Ференц II Ракоци, стал наиболее значительным представителем этого рода. Его матерью была Илона Зриньи, которая, потеряв мужа, вышла замуж за великого борца за венгерскую независимость Имре Текели.

Восстание, поднятое Текели, окончилось неудачей. Австрия не только удержала за собой Венгрию, но и заставила Турцию отказаться от Трансильвании. Текели бежал в Турцию, а Ференц, по условиям капитуляции (1688) крепости Мункач – родового замка Ракоци – был отнят у матери и отдан на воспитание в иезуитскую школу. Опекуном Ракоци был кардинал Леопольд Колонич, который взял на себя труд «приучить мальчика

верности и любви к своему естественному господину и наследственному королю». Школа находилась в Чехии, в монастыре, и воспитание там проходило в строгом католическом духе.

Однако иезуиты не могли изменить свободолюбивый характер Ракоци, а непримиримая вражда к австрийскому дому была семейной традицией рода – дед, отец, мать и отчим Ференца были активными участниками и руководителями антигабсбургских выступлений. Но в Вене считали Ференца Ракоци «надежным человеком». Он получил прекрасное образование сначала в Пражском университете, а затем в Италии. В Германии ему присвоили громкий титул «имперского князя», и он женился на герцогине Амалии Гессен-Рейнфельз, немецкой принцессе, связанной кровными узами с французским королевским двором, что для Ракоци в дальнейшем имело большие политические последствия. Став в 1692 году главою комитата Шарош, Ракоци начал готовить восстание в Венгрии и завел связи с Версальским двором.

В 1697 году Ракоци получил предложение возглавить восстание против Габсбургов, но он понимал, что время для решительных действий еще не пришло – ни он сам, ни дворянство еще не были готовы к открытому разрыву с династией. Поэтому в период восстания 1697 года Ракоци сохранил видимую верность императору.

Учитывая опыт прошлой борьбы венгров, Ракоци начал искать сильного союзника, который мог бы поддержать его в борьбе за свободу Венгрии. Таким союзником для него представлялся французский монарх Людовик XIV, не испытывающий к австрийским Габсбургам «нежных» чувств и являвшийся их соперником в войне за испанское наследство (1701). Ракоци вступил с ним в тайную переписку. Он предлагал Людовику помочь ему, Ракоци, заключить польско-венгерский союз с Августом Саксонским и нейтрализовать османов, так как и на Польшу, и на Турцию Людовик имел большое влияние. Вскоре, однако, эта переписка попала в руки австрийских властей, и заговор был раскрыт. Ракоци был арестован и посажен в тюрьму, где 30 лет назад был обезглавлен его дед по линии матери Зриньи. Но благодаря жене Ференц бежал из тюрьмы и нашел убежище в Польше, где его приютили магнаты, придерживающиеся французской ориентации. На родине Ракоци заочно был приговорен к смертной казни.

В марте 1703 года он вступил в переговоры с вождями восставших крестьян на севере Венгрии, и уже в мае Ракоци прибыл в один из повстанческих отрядов, решив встать во главе

вооруженной борьбы. Он вручил крестьянам знамя, на котором был начертан девиз: «За отечество и свободу, с Богом!». Вскоре князь издал манифест с призывом к вооруженной борьбе против Габсбургов. Так началась война против Австрии, продолжавшаяся свыше восьми лет.

Восстание быстро охватило Трансильванию и Закарпатье. Повстанцы называли себя «куруцы» по аналогии с участниками восстания 1514 года под руководством Дьердя Дожи. Ракоци вел партизанскую войну, его отряды проникали даже в окрестности Вены, опустошая все на своем пути.

К концу года почти вся территория Венгерского королевства оказалась в руках повстанцев, а в июле 1704 года при активной поддержке украинских, румынских и словацких крестьян была очищена от габсбургских войск Трансильвания.

Еще зимой 1704 года Ракоци начал создавать самостоятельное государство. Во главе его был поставлен придворный совет с обширными полномочиями в сфере политики, финансов и администрации.

Стремясь выиграть время для стягивания сил, император Леопольд предпринял попытку посредством английской и голландской дипломатии начать переговоры с Ракоци. Однако это привело лишь к временному прекращению военных действий. В декабре 1705 года повстанцами Ракоци был освобожден Задунайский край.

Но еще в сентябре 1705 года сословное государственное собрание в Сечени, не порывая открыто с Габсбургами, отказалось признать венгерским королем нового императора Иосифа I и провозгласило создание (по польскому образцу) Конфедерации венгерских сословий. Ракоци был избран «правящим князем» Конфедерации.

Были созданы органы исполнительной власти – сенат и экономический совет. Правительство начало формирование венгерской регулярной армии, провело ряд важных хозяйственных мероприятий, укрепивших экономику Венгерского королевства. В июне 1707 года Государственное собрание в Оноде утвердило закон о низложении Габсбургов с венгерского престола и провозгласило независимость. Решения Онодского государственного собрания способствовали оживлению международных связей Венгрии.

В сентябре 1707 года был подписан тайный договор с Россией, установлен обмен послами и информацией, что влияло на укрепление международного положения Венгрии.

В своей борьбе Ракоци пользовался финансовой, а в дальнейшем частично и военной поддержкой Людовика XIV,

заинтересованного в ослаблении Габсбургской империи, с которой Франция вела войну. Однако воспользовавшись неудачами Франции в ходе войны за испанское наследство, австрийское правительство перебросило в Венгерское королевство новые силы. Осенью 1707 года войска Ракоци вынуждены были оставить Трансильванию, а в сентябре следующего года потерпели серьезное поражение у местечка Тренчин. Военная удача отвернулась от куруцов, усилились разногласия в лагере повстанцев, а между крестьянством и дворянами все чаще стали возникать конфликты. Трудности усугубились начавшейся эпидемией язвы, а также значительным сокращением французской финансовой помощи. Да и внешнеполитическая обстановка не играла на руку повстанцам Ракоци. Политические союзники Ракоци – Россия и Франция – сами вели тяжелые войны.

22 января 1710 года повстанцы потерпели новое поражение у Ромханя, после которого среди дворян и католического духовенства Венгрии усилилось стремление к миру с Габсбургами.

В начале 1711 года главнокомандующий венгерскими войсками барон Шандор Каройи вступил в тайные переговоры с графом Папффи, командовавшим войсками Габсбургов. В то время когда Ракоци находился в Польше на встрече с царем Петром I, Каройи без его ведома заключил в Сатмаре договор с Габсбургами. И 1 мая 1711 года на Надьмайтенском поле состоялась капитуляция 12-тысячной повстанческой армии. Отдельные крепости, находившиеся под контролем повстанцев, еще продолжали оказывать сопротивление в течение двух месяцев, но 24 июня капитулировала последняя – крепость Мункач.

Борьба за освобождение Венгрии была проиграна, но и победа Габсбургов была неполной. По Сатмарскому миру династия подтвердила свое обязательство соблюдать венгерскую конституцию, регулярно созывать Государственное собрание, протестанты получили свободу вероисповедания, а все участники войны – амнистию.

Сразу же после заключения Сатмарского мира 1711 года Ракоци, отказавшийся принять его, эмигрировал в Россию, рассчитывая получить там военную помощь. Затем, после поражения Петра I на реке Прут, Ракоци отправился вначале во Францию, а затем в Турцию, где и скончался в 1735 году.

Ференц Ракоци является национальным героем Венгрии. Французский композитор Берлиоз, вдохновленный борьбой венгров за свободу, сочинил знаменитый венгерский марш,

назвав его «Марш Ракоци».

В 1906 году прах Ракоци был перенесен на родину.

ШАРЛЬ ЛУИ ДЕ СЕКОНДА, БАРОН ДЕ МОНТЕСКЬЕ (1689—1755)

Барон де Ла Бред, французский просветитель, философ, писатель.

Этот человек пользовался популярностью не только у своих современников, но и оказал плодотворное влияние на монархов и государственных деятелей последующего поколения. Современному человеку имя барона Секонда не знакомо, но о Монтескье (а это один и тот же человек) слышали практически все.

По происхождению Монтескье принадлежал к высшему господствующему классу Франции XVIII столетия. В те времена французское дворянство подразделялось на «три сословия: церковь, шпага и мантия». Дворянство шпаги, наиболее близкое к королю, составляли представители древних родов. Они занимали придворные и высшие воинские должности. Младшие сыновья дворянских семей выбирали духовную карьеру. По закону старшинства они не могли получить большую долю отцовского наследства и стремились занять прибыльные церковные должности. К дворянству плаща относились те, кто становился государственным чиновником. Они покупали должность и передавали ее по наследству, а при случае могли и продать должность, дававшую право на дворянский титул. Семья Шарля Монтескье принадлежала к дворянству плаща. Этот род относился к тем дворянским фамилиям во Франции, которые сохранили живую связь с провинцией. Еще дед Шарля, Жан-Батист-Гастон де Секонда, занимал должность президента парламента в Бордо. Он сам и его родственники предпочли блеск придворной жизни занятию хозяйством в своих поместьях и парламентскую службу. Младшие представители рода занимали должности в провинциальной магистратуре и администрации. В столице они проживали лишь временно. Должность президента парламента переходила к старшему в роду.

Многие предки Монтескье отличались независимостью взглядов и характера. Они исповедовали протестантскую веру, но вместе с Генрихом IV перешли в католичество, что позволило им выдвинуться по службе в годы правления этого монарха.

О родителях Шарля Монтескье сохранились лишь

отрывочные сведения. Его отец был младшим в семье, поэтому и не унаследовал родовых земель. Он женился на представительнице английской фамилии Пенель, предки которой остались жить во Франции после окончания Столетней войны. Мать Шарля была женщиной религиозной и даже склонной к мистицизму. В приданое за женой супруг получил замок Ла Бред, где 18 января 1689 года и родился Шарль Луи. Имя Шарль он получил от крестного отца, который был обыкновенным нищим. Обычай делать крестным отцом нищего и давать ребенку его имя был весьма распространен в то время, что должно было бы всю жизнь напоминать человеку о бедных людях.

Правда, семья Шарля не была богатой. Он был вторым ребенком в семье и провел детство в родовом замке. Мальчик воспитывался не как наследник знатного аристократического рода. Друзьями его были местные крестьянские мальчишки, а местный гасконский диалект он сохранил практически до конца жизни, нередко употребляя крепкое острое словцо. Сохранил он и любовь к сельской жизни, простоте манер и одежды.

Бездетный брат матери Монтескье завещал племяннику свое имя, титул и состояние, а также должность президента парламента в Бордо. Это и предопределило жизненный путь Шарля Монтескье.

Шарль лишился матери, когда ему исполнилось всею лишь семь лет. На отца легла забота о шестерых малолетних детях. Для получения образования Шарль был отдан отцом в духовное училище, основанное ораторианцами – членами ордена, не принимавшими монашеского обета. Здесь Монтескье знакомится с античной литературой и философией. В училище он провел пять лет, а вернувшись в Бордо в 1705 году, занялся изучением права, как того требовала унаследованная им от дяди должность. Он сам разработал для себя систему занятий, так как изучение французского права было нелегким делом. Кроме многочисленных законов ему предстояло ознакомиться с огромным количеством комментариев. Здесь следует отметить, что парламент тех времен совершенно отличался от современного законодательного органа. Он более походил на высшую судебную инстанцию, ведавшую гражданскими и уголовными делами. Изучение права поглощало много времени молодого Шарля, много, но не все. Бордо в те времена был одним из интеллектуальных центров Франции. Члены магистратуры и многие адвокаты интересовались литературой, наукой и искусством. Они организовали небольшой кружок интеллектуалов, который затем перерос в Бордоскую академию, открытую по разрешению короля в 1713 году. Монтескье был

радушно принят в члены этого кружка.

В 1713 году умер отец Шарля, и его опекуном становится дядя. Он определяет племянника на службу в парламент (пока в качестве члена парламента) и подыскивает ему жену с хорошим приданым. Свой выбор он остановил на Жанне де Латиг. Кроме того, что она не отличалась красотой, невеста была еще и ревностной протестанткой, а после отмены Нантского эдикта брак католика и кальвинистки считался незаконным. Переход Жанны в католичество был невозможен. Но все-таки обряд венчания был совершен в апреле 1715 года без всякой торжественности и всего при двух свидетелях.

Любви к жене Монтескье никогда не испытывал. Взяв за ней в качестве приданого 100 тысяч ливров, он видел в ней только продолжательницу рода. Всю жизнь Жанна провела в родовом замке, никогда не выезжая ни в столицу, ни даже в Бордо. Супруг относился к ней с уважением, хотя и не хранил ей верность. Жена примирилась со своим положением, и семейная жизнь шла тихо и спокойно. Надежды на потомство вскоре оправдались – через год после свадьбы у них родился сын, а затем еще две дочери. Своих детей Монтескье воспитывал в строгости, и даже с младшей, любимицей Денизой, был весьма суров.

В 1716 году умирает дядя Монтескье и 27-летний Шарль становится президентом парламента Бордо. Он активно взялся за исполнение новых обязанностей но скоро эта деятельность ему наскучила. Он жаловался на бесконечные и бесцельные парламентские процедуры, но добросовестно продолжал исполнять свои обязанности. И если возникало трудное дело, то оно поручалось парламентом своему президенту. Примером тому может служить дело о высокой пошлине на вино. В результате разбирательства парламентом было выявлено, что столь высокая пошлина может подорвать виноделие в подведомственной провинции. Тогда было решено воспользоваться древним правом на предъявление королю заявления о неудобствах. В Париж отправился сам Монтескье и, добившись аудиенции у регента, сумел доказать справедливость требований парламента. В результате пошлина на вино была значительно снижена.

Но Монтескье искал другой деятельности. Он принимал живое участие в делах Бордоской академии, членом которой он был избран в том же 1716 году. Он занимался чуть ли не всеми отраслями естественных наук, написал для академии массу докладов, в которых выдвинул целый ряд гипотез. Он брался за любую тему, но ни на чем не мог остановиться. Вот ряд работ Монтескье того времени: «Исследование о сущности болезней вообще», «О тяжести», «О приливах и отливах», «Рассуждение о

системе идей», «О причинах эхо», «О прозрачности тел» и т д. Работа над различными темами научила Монтескье систематизировать факты, собирать данные, что в дальнейшем принесло ему огромную пользу. Наибольшее значение имеет работа того периода «О политике римлян в области религии», в которой уже тогда отразилась глубина понимания им римской истории. Эту небольшую работу можно считать первой попыткой Монтескье в оценке политики Рима, что затем вылилось в знаменитый труд «Размышления о причинах величия и падения римлян».

Не все работы Мотескье были одинаково оценены во Франции, однако три главных его труда – «Персидские письма», «Размышления о причинах величия и падения римлян» и «О духе законов» получили наибольшую известность.

«Персидские письма» появились в 1721 году без имени автора. Книга произвела сенсацию и, несмотря на запрещение, расходилась большим тиражом, возбуждая общий интерес и любопытство. Только за один год книга выдержала четыре авторских издания и четыре контрафакции (литературных подделок). «Персидские письма» были написаны в яркой форме и проникнуты остроумием. В них автор выступает от лица перса, путешествующего по Европе и критикующего французскую жизнь с позиций человека, привыкшего жить в условиях восточной деспотии, но который видит во Франции еще более жестокие порядки. В «Персидских письмах» Монтескье беспощадно критикует абсолютистскую Францию, прежде всего за то, что в ней плохо живется крестьянам и ремесленникам. Он пишет: «Париж, может быть, самый чувственный город на свете, где больше всего утончают удовольствия, но в то же время в нем, может быть, живется тяжело. Чтобы один человек жил наслаждаясь, нужно, чтобы сотня других работала без отдыха». Спасение автор видел в ограничении власти короля, в создании во Франции конституционной монархии по английскому образцу.

Несмотря на предосторожности, имя автора книги стало неофициально всем известно. Сам Монтескье относился к своему творению не особенно серьезно. Он неохотно признавал свое авторство, но успех книги льстил его самолюбию.

После выхода «Персидских писем» Монтескье приезжает в Париж, где для него открываются двери самых известных литературных салонов. Он завел массу новых знакомств, а его ум и манеры притягивали к нему людей, увеличивая число поклонников и поклонниц. Вскоре он стал членом клуба «Антресоль», основателями которого были член французской академии аббат Алари и английский эмигрант милорд

Болингброк. В клубе собирались литераторы, ученые, дипломаты, члены магистратур. Каждую субботу был общий сбор всех членов клуба, который продолжался три часа. Первый час был посвящен обсуждению политических новостей, второй час был отдан вопросу событий текущего дня, а третий час посвящался чтению труда одного из членов клуба с последующим обсуждением.

Столичная жизнь привлекала Монтескье. И он решил закончить дела в провинции (и в Бордоской академии, и в парламенте) и навсегда переселиться в Париж. Но Бордо не желал его отпускать. Академия избрала его своим президентом, и он должен был в ней выступить с речью и прочитать несколько новых трудов. Монтескье возвращается в Бордо, где стремится как можно быстрее закончить все дела.

Освободившись от обязанностей в провинции, он переселяется в Париж и с тех пор половину года проводит в столице, а остальное время – в своем родовом замке. В Париже он сразу принялся осуществлять свою давнюю мечту – стать членом Парижской академии. Дело это оказалось нелегким, и первые две попытки по ряду причин были неудачными. Но, в конце концов, двери академии перед ним были открыты, желание исполнилось, но посещением заседаний академии Монтескье не стал себя обременять. Он уже мечтал о путешествии по Европе, чтобы познакомиться с законами и обычаями различных народов. И в апреле 1728 года Монтескье выехал из Парижа.

За границей он провел три года, объехав почти все страны. Наиболее продолжительное время, около полугода, он прожил в Англии. Его везде охотно принимали как человека уже известного своими трудами, как члена Парижской академии. Он входил в контакты с придворными кругами благодаря рекомендациям старых и новых знакомых, знакомился с дипломатами, политическими деятелями, учеными. Монтескье в каждой стране с увлечением осматривал все достопримечательности, интересовался обычаями и бытом и все свои впечатления и мысли ежедневно записывал. Однажды, уже после возвращения на родину, в дружеской беседе с приятелем он так охарактеризовал некоторые страны, которые посетил: «Германия создана, чтобы по ней путешествовать, Италия – чтобы временно проживать в ней, Англия – чтобы там мыслить, и Франция – чтобы жить в ней».

Возвращение на родину вернуло Монтескье и к прежнему образу жизни: полгода в Париже он подготавливал и обдумывал новые творения, а затем полгода работал над ними в тиши замка. Позднее в его работе ему стала помогать младшая дочь, читая вслух то, что написал отец. Но красивая, бойкая и даровитая девушка, хоть и была отцовской любимицей, не могла заменить

ему обширные знакомства столичных салонов. У Монтескье был еще один помощник – его секретарь Дорсе. Ему Монтескье доверял классификацию материалов для своих трудов. Дорсе был умным и образованным человеком, и в дальнейшем благодаря связям Монтескье он получил возможность общения с ученым миром. Со временем он стал известным химиком, академиком и достиг поста сенатора.

Много времени Монтескье уделял и ведению хозяйства в своем поместье. Он вникал во все мелочи, давал подробнейшие инструкции и распоряжения, вплоть до указания места для посадки того или иного дерева или кустарника. Он также решил переоборудовать свой замок Ла Бред на английский манер и писал своим друзьям: «Для меня будет праздником поводить вас по моему имению Ла Бред, где вы найдете замок, прекрасно украшенный по идее, заимствованной мною в Англии». Монтескье был рачительным хозяином и хорошим администратором своих земель. Ему удалось довести доходы до 60 тысяч ливров в год, что составляло солидную сумму для того времени.

Кроме хозяйственных нововведений результатом путешествия Монтескье стала книга «О духе законов», но перед ней он в 1734 году опубликовал «Размышления о причинах величия и падения римлян», что явилось как бы подготовительной работой. В «Размышлениях» автор пытался доказать на примере римской истории, что только там, где граждане свободны и независимы, где господствуют республиканские нравы, общество в состоянии успешно развиваться. В другом случае государство теряет свое величие и в конечном счете терпит поражение от внутренних и внешних врагов.

«Размышления» во Франции успеха не имели. В парижских салонах даже говорили, что если «Персидские письма» были величием Монтескье, то «Размышления» стали его упадком. Но в Англии книга сразу обратила на себя внимание и была переведена на английский язык. Затем появился перевод книги в Пруссии, и Фридрих Великий, прочтя ее, оставил на полях своего экземпляра многочисленные примечания. А в Голландии за год книга была издана трижды, и все тиражи быстро расходились.

Затем в творческой деятельности Монтескье наступил большой перерыв. Время от времени он все-таки писал что-то новое или правил для переиздания прежние труды. В течение десяти лет он продолжал работать над книгой «О духе законов», которая вышла в Женеве в конце 1748 года. Книга была написана живым и увлекательным языком, с экскурсами по странам и эпохам. Она снискала автору европейскую известность и, несмотря на внесение в «Индекс запрещенных книг»,

переиздавалась 22 раза. Сам Монтескье называл эту книгу трудом всей жизни, и это справедливо, так как он вынашивал это произведение в течение двадцати лет. К 1743 году им был собран обширный материал, и он, засев в своем замке, два года упорно работал, практически не появляясь в Париже. К августу 1745 года им были закончены первые 30 книг и лишь к июлю 1747 года – весь труд. В нем была изложена философская позиция автора, который считал, что задачей философии является познание причинных связей материальной действительности, движущейся по законам механики. Бог у него рассматривается в качестве создателя, действовавшего по объективным законам материального мира. Оставляя религию «для души» и «для нравственности», Монтескье противопоставляет ей науку, видя в последней мощное средство для правильного познания мира. Важное место в книге занимала теория форм власти – республики, монархии и деспотизма, которым автор не давал оценку, а лишь объяснял особенности каждого вида правления, предоставляя читателю самому делать выбор. В целом, в этом труде Монтескье привел в систему свои философские, социологические, правовые, экономические и исторические взгляды.

Во Франции книга была встречена холодно и не вызвала первоначально особого интереса, хотя эту книгу ждали. Вскоре на нее появилась критика, в которой книга была названа скандальной и неприличной. Но за неудачу во Франции Монтескье был вознагражден успехом своей книги за границей. Монархи Италии и Пруссии тщательно изучали «Дух законов», в Швейцарии книга разошлась мгновенно, а в Англии ей была дана такая высокая оценка, что к автору сразу же обратились за разрешением издать книгу на английском языке. Такой успех привел к тому, что и во Франции на «Дух законов» стали смотреть иначе. Даже при дворе книга была встречена без враждебности, а сын Людовика XV проявил к ней большой интерес. Вокруг книги еще долгие годы разгорались споры, ее приверженцы и критики почти 10 лет состязались в том, кто категоричнее выскажется. Через два года было получено разрешение на издание «Духа законов» и во Франции, правда, после долгой борьбы с духовенством, упорно запрещавшим эту книгу.

Утомленный нападками критиков, придирками духовной и светской цензуры, став предметом поклонения для одних и предметом зависти для других, Монтескье решил отдохнуть в своем замке на лоне природы и остаток жизни посвятить литературным занятиям. Возраст его подходил к шестидесяти годам, но он был здоров и бодр, сохранил живой ум и

жизнерадостность. Только зрение стало его подводить. Он писал своему другу: «Я задумал план расширить и углубить некоторые места моего «Духа законов», но стал не способен на это. Чтение ослабило мои глаза». Последнее произведение «Опыт о вкусе» Монтескье написал в 1753 году.

Незадолго до кончины ему пришлось посетить Париж, где он простудился и заболел. Весть о его болезни быстро распространилась по городу. Сам король ежедневно направлял на квартиру Монтескье посыльного, чтобы узнать о состоянии его здоровья. К Монтескье был призван самый знаменитый врач Бувар, но даже он ничего не мог сделать.

Шарль Луи Монтескье скончался от воспаления легких 10 февраля 1755 года и был похоронен в церкви Сен-Сюльпис (Св. Сюльпиция). Похороны были на удивление очень скромными – гроб сопровождал лишь Дидро. Могила Монтескье не сохранилась.

АЛЕКСАНДР ЛЬВОВИЧ НАРЫШКИН (1694—1746)
Государственный деятель, двоюродный брат Петра I.

Род Нарышкиных получил известность в XVII веке, благодаря родству с царским домом. До того времени Нарышкины были малоизвестны, хотя их дворянский род был древним. По одной из существующих версий Нарышкины происходили из крестьян Ярышкиных и сменили фамилию благодаря возвышению рода вследствие женитьбы царя Алексея Михайловича на Наталье Кирилловне Нарышкиной. Отец невесты и испросил у царя разрешения на смену фамилии на Нарышкиных. Версия эта легко опровергается тем фактом, что еще с XVI века известны воеводы, носившие фамилию Нарышкиных, и по документам можно четко проследить кровное родство тех Нарышкиных с отцом царицы Натальи. Другая, наиболее вероятная, версия выводит род Нарышкиных из Крыма. По ней родоначальником Нарышкиных был потомок знатного мурзы, звали которого Нарышко. В XV веке он перешел на службу к великому князю Ивану III и дослужился до окольничего – высокого чина в придворной иерархии. Среди его ближайших потомков высоких должностей никто не занял. В основном они несли пограничную службу на южной границе на воеводских и более скромных командных должностях.

В XVI веке наиболее известным представителем этого рода был Борис Иванович Нарышкин – сотник Большого полка, участвовавший в Ливонской войне.

XVII век стал для Нарышкиных не только веком возвышения рода, но и веком больших потерь. Знакомство Натальи Нарышкиной с царем Алексеем Михайловичем состоялось в доме Матвеевых. Ее отец, Кирилл Полуэктович, во время призыва в Москву на «жилецкую» службу свел знакомство с Артамоном Матвеевым, личностью весьма влиятельной и другом детства царя. Брат Кирилла, Федор Полуэктович, вскоре стал супругом племянницы жены Матвеева. Родственные узы стали постоянным пропуском в дом Матвеевых для всех представителей рода Нарышкиных. Наталья Кирилловна, можно сказать, воспитывалась в этом доме, где ее впервые и увидел овдовевший царь.

После свадьбы Нарышкины были щедро одарены. Отец невесты был пожалован в думные дворяне, высокие чины и

богатые дары получили и многочисленные родственники новой царицы.

Со смертью царя Федора Алексеевича Нарышкиных ждали суровые испытания. Стрелецкий бунт 1682 года, организованный родственниками первой жены Алексея Михайловича, Милославскими, был направлен против всех представителей рода Нарышкиных. Во время бунта был схвачен и убит брат царицы Афанасий Кириллович. Другой брат, Иван Кириллович, был обвинен в покушении на жизнь Ивана V, выдан стрельцам, и он мужественно принял мученическую смерть в надежде, что его кончина положит конец кровопролитию. Льва и Мартемьяна Кирилловичей пришлось отправить в ссылку. Отец царицы Натальи был пострижен в монахи в Кирилло-Белозерском монастыре, приняв имя Киприан.

С победой Петра I в борьбе с сестрой Софьей опала с Нарышкиных была снята, и они заняли высокие посты при дворе племянника. Большое влияние на молодого царя оказывал Лев Кириллович Нарышкин, сумевший оттеснить на второй план князя Голицына. В 1690 году он встал во главе Посольского приказа, а в период отсутствия государя возглавлял Совет бояр, фактически управляя государством. Он был одним из самых богатых людей, владел заводами в Туле и Кашире, на которых изготавливалась большая часть вооружения и такелажа нового отечественного флота. Потомки Льва Кирилловича составили самую многочисленную ветвь рода Нарышкиных. После его кончины царь Петр I взял под свою опеку старших сыновей дяди – Александра и Ивана, ставших одними из самых активных сторонников преобразований молодого царя.

Наибольшей любовью царя пользовался Александр Нарышкин, которого Петр I ласково звал просто «Львович». Он родился 26 апреля 1694 года, когда страшные события стрелецкого бунта остались уже в прошлом, и законный монарх начал «Россию ставить на дыбы».

Образование и воспитание он получил в духе нового времени. Оставшись сиротой, вверив судьбу в руки царя, в 1708 году он был отправлен для обучения мореходному искусству вместе с младшим братом Иваном за границу. Учиться он должен был в Англии. О том, что для обучения в Англию отправляются близкие родственники царя Петра, сообщил своему правительству английский посланник в Москве Уиворт. Сообщение это содержало весьма лестную характеристику молодых Нарышкиных: «Они очень молоды, оба говорят по-латыни и отличаются умением держаться скромно, прекрасно не по летам и не по обычаям своей родины». В Англию братья прибыли на

корабле «Тильбюри», были приняты с особым почетом и удостоены приема у королевы. В марте 1709 года Нарышкины получили приказ царя Петра покинуть Англию и ехать в Голландию. Причиной этому стало нанесение оскорбления русскому посланнику Матвееву. Королева дала братьям прощальную аудиенцию и отнеслась к ним с такой благосклонностью, что русский царь счел это за выражение дружеских отношений к России со стороны Англии. Расстраивал Петра I лишь тот факт, что Нарышкины не сохранили инкогнито, чем ввели в большие хлопоты и расходы королеву и ее двор.

Обучение в Голландии шло успешно, особенно отличался в освоении наук старший из братьев. За годы учебы Александр Нарышкин не только освоил теорию, ознакомился с оснасткой различных типов кораблей, но и служил на голландских военных кораблях, постигая тонкости мореходного дела на практике. Ходил он и в длительные морские путешествия, плавал в Испанию и по Средиземному морю до Сицилии.

До 1721 года Александр Львович находился за границей, но не терял связи с отечеством. Живя во Франции и Италии, он выполнял различные поручения царя Петра I, а об особом царском доверии к нему говорит хотя бы тот факт, что именно Александру Нарышкину государь хотел поручить ведение переговоров с Испанией по образованию политического союза против Швеции в годы Северной войны, но мирные переговоры сделали это посольство излишним.

По возвращении в Россию в феврале 1721 года Александр Львович сразу же получил назначение на службу в Адмиралтейство. Он находился в непосредственном подчинении государю и ведал делами по экипажам кораблей. В мае он был произведен в поручики, а в октябре стал уже капитаном 3-го ранга.

Петр I высоко ценил способности Нарышкина. Через год после его возвращения на родину, в январе 1722 года, Александр Львович становится директором Петербургской морской академии, а также «московской и других школ, обретающихся в губерниях».

После кончины Петра I императрица Екатерина в мае 1725 года назначает Александра Нарышкина президентом Штатс-конторы, а после ее подчинения Камер-коллегии он становится президентом последней. Одновременно Нарышкин занимал пост директора Артиллерийской конторы.

Во время последней болезни императрицы Екатерины был составлен заговор с целью отстранения от престола Петра Алексеевича (будущего императора Петра II) и препятствия браку

царевича с дочерью князя А.Д. Меншикова. Заговор был раскрыт – Александр Львович Нарышкин попал в число заговорщиков. Вместе с другими представителями родовитого дворянства он был предан суду и за «государственные провинности» сослан в одну из деревень с предписанием жить там безвыездно. Прошло немного времени, и вот уже сам Меншиков подвергся опале и был сослан. Нарышкину дозволено было вернуться в столицу, но ненадолго.

Александр Львович не пытался скрывать своего резкого отношения к Петру II и его окружению. Это не понравилось ни самому молодому императору, ни князьям Долгоруковым, бывшими в то время самыми влиятельными при дворе Петра II. Результат – новая опала. Теперь Нарышкин отправлен в деревню Щацкую Тамбовской губернии, где и пребывал до воцарения Анны Иоанновны.

С ее восшествием на престол опале подверглись князья Долгорукие, а Александр Львович Нарышкин снова обрел влияние при дворе. Императрица назначает его сначала президентом Коммерц-коллегии, затем включает в число сенаторов и в дальнейшем поручает руководить Дворцовой строительной канцелярией также в качестве ее президента. Кроме этого Нарышкин был еще и директором Императорских строений и садов.

Он не был забыт ни при Анне Леопольдовне, ни в годы правления Елизаветы Петровны. Заняв престол, Елизавета назначила Нарышкина членом следственной комиссии над Минихом, Остерманом, Головкиным и другими. Она наградила Александра Львовича орденом Св. Андрея Первозванного и всегда относилась к нему с большим уважением.

Скончался Александр Львович Нарышкин 25 января 1746 года на 52 году жизни. Иностранцы, посещавшие Россию и знавшие Нарышкина, всегда отмечали его сильный характер и твердость убеждений. Несмотря на то что он никогда не играл значительной роли как государственный деятель, он часто назывался современниками выдающимся человеком.

МОРИЦ САКСОНСКИЙ (ЭРМАНН-МОРИЦ ДЕ САКС) (1696—1750) *Граф, маршал Франции.*

Среди представителей титулованной знати значительное место занимают незаконнорожденные дети коронованных особ и владетельных вельмож. Сотни тех, кто родился вне брака, вместе со своими кровными или единоутробными братьями и сестрами творили историю начиная с глубокой древности как на Западе, так и на Востоке. Вспомним хотя бы Вильгельма I Завоевателя, внебрачного сына герцога Нормандского Роберта Дьявола, а в российской истории таким примером может служить великий киевский князь Владимир Красное Солнышко – сын князя Святослава и ключницы Малуши.

В русском языке внебрачный ребенок титулованной особы называется «бастард», что звучит вполне прилично и не несет ругательного оттенка, хотя в иностранных языках (английском или испанском) это слово звучит как бранное, сродни русскому «ублюдок». Кстати сказать, оба этих слова служат для обозначения одного и того же понятия.

Но не будем вдаваться в тонкости языка, вернемся к истории. Династические браки были одним из средств и методов государственной политики. По всему миру ездили послы по особым поручениям в поисках «выгодных» жениха или невесты. И крайне редко между супругами в дальнейшем возникало чувство любви. Да и не чувствами руководствовались при заключении брачных контрактов. Поэтому появление бастардов, многие из которых были плодом истинной любви – явление закономерное. Бастарды часто играли в жизни общества не менее значительную роль, чем дети, родившиеся в законном браке. Судьбы внебрачных детей складывались очень различно. Одни становились родоначальниками новой династии, другие достигали высших государственных должностей и даже престола; их выдавали замуж (или женили) за коронованных особ. Некоторые сами вели борьбу за власть с братьями и сестрами, рожденными в законном браке, или становились пешками в чужой игре, что нередко приводило к тюрьме или плахе. В истории немало примеров, когда бастарды выбирали военную карьеру и были прекрасными полководцами. Одним из таких военачальников был маршал Франции граф Мориц Саксонский.

Мориц был сыном Фридриха Августа II, внуком курфюрста Саксонского Иоанна Георга III и датской принцессы Анны Софии. Его отец, наделенный от рождения необычайной силой, с детства совершенствовал ее физическими упражнениями и получил за это прозвание «Сильный». После смерти старшего брата Август унаследовал курфюрство Саксонское, а в 1697 году стал польским королем. Фридрих Август много путешествовал по Европе, заводил выгодные знакомства, воевал, правда не всегда удачно. Заключив договор с российским царем Петром I против шведского короля Карла XII, войска Августа вскоре были разгромлены шведами, а сам он лишился польской короны. Но затем ему удалось вернуть корону Польши (не без помощи русского монарха). Королевский двор Августа поражал великолепием, а сам король не отказывал себе в многочисленных фаворитках и был «многодетным» отцом. От связи с графиней Авророй Кенигсмарк и появился на свет Эрманн-Мориц.

Серьезного начального образования Мориц не получил, а король-отец сразу определил для мальчика военную карьеру. Когда Морицу исполнилось 12 лет, Август зачислил его в один из своих пехотных полков, и в чине унтер-офицера Мориц начал военную службу. Его первым военным делом стал поход во Фландрию. Морицу повезло с учителями военных наук, так как ему довелось служить под началом таких знаменитых полководцев того времени, как Евгений Савойский и герцог Мальборо. Зиму 1709 года он провел в учебных занятиях с генералом Шуленбургом, после которых в следующем году блестяще проявил себя при осадах нескольких крепостей.

В 1711 году Мориц, получивший титул графа Саксонского, сопровождал отца в походе против шведов, а два года спустя он был произведен в полковники и назначен командиром кирасирского полка, с которым принял участие в военных действиях, предпринятых с целью возвращения польской короны своему отцу – курфюрсту Саксонскому. Несмотря на юный возраст, граф Саксонский прославился необычайной храбростью и отвагой. Вот один пример. Зимой 1716 года в селе Краснецы он неожиданно был застигнут врасплох большим неприятельским отрядом. Мориц с пятью офицерами и двенадцатью человеками прислуги в течение пяти часов отстреливался от наседавших врагов, а ночью, неожиданно выйдя из засады, ускользнул от растерявшегося противника.

Но вместе со своей легендарной храбростью Мориц, ведший скандальную и развратную жизнь, оказался не лучшим полковым командиром и был лишен этой должности.

После этого он отправился в армию принца Евгения

Савойского, а затем решил попытать счастья во Франции. Мориц был уже опытным военным, так как в свои 24 года успел послужить в трех европейских армиях, перенимая различный военный опыт, который сумел хорошо использовать в дальнейшем. Во Франции в 1720 году по обычаю того времени он купил патент на командование пехотным полком немецких ландскнехтов, и граф де Сакс (так стали называть его французы) взялся за его обучение. Не имеющий теоретической военной подготовки, Мориц начал изучать математику, фортификацию и прочие науки, связанные с военным делом, что, впрочем, не мешало ему не ограничивать себя в земных радостях. В Париже Мориц знакомился с военным теоретиком Фоларом, который был поражен успехами Морица по обучению солдат и предсказал последнему блестящее будущее. Август тоже верил в полководческий талант своего внебрачного сына и, как мог, помогал ему делать карьеру на этом поприще. Очень скоро граф Саксонский получил звание бригадного генерала и в этом чине начал трудный путь к вершине полководческой славы.

В июне 1726 года Мориц был избран на престол герцогства Курляндского, но занять его графу не удалось, так как князь А.Д. Меншиков, сам мечтавший о нем, использовал все свое влияние, чтобы помешать графу Саксонскому стать герцогом Курляндским.

Для Европы XVIII век не был веком мира, войны следовали одна за другой. После смерти Августа II Мориц принял участие в войне за польское наследство, в которой, вопреки кровной связи с Саксонией и повинуясь требованиям чести, остался на стороне Франции, поддерживавшей кандидатуру Станислава Лещинского против брата Морица Фридриха Августа, и в двухлетней кампании (1733—1735) проявил себя с самой блестящей стороны. Теперь он сражался против своего бывшего наставника Евгения Савойского. Мориц особенно отличился при осаде крепости Филиппсбурга, оказавшись в числе главных командиров, возглавивших войска после гибели французского командующего герцога Бервига.

Мориц был не только смелым воякой, но и хорошим дипломатом. Он принимал участие во всех придворных торжествах, устраиваемых французским монархом, сумел завоевать расположение маркизы де Помпадур, а через нее благосклонность короля, что принесло Морицу чин генерал-лейтенанта.

Наиболее ярко Мориц выразил свои военные дарования в войне за австрийское наследство, во время которой Франция была союзницей Пруссии. Официально Франция вступила в войну только в 1744 году, но французские «добровольцы» воевали уже с

первых дней этой большой европейской войны. В то время как Фридрих II захватил Силезию, Мориц в качестве начальника дивизии находился в составе армии, предводимой нерешительным, хотя и честолюбивым, баварцем, будущим императором Карлом VII. Только благодаря настоятельным советам Морица Карл вместо долговременной осады Праги решился на ее штурм. Граф Саксонский лично руководил этой операцией, закончившейся полным успехом. В следующем, 1742 году он с не меньшим успехом отличился при взятии города-крепости Эгера.

Но и это не спасло кампанию 1742 года, завершившуюся позорным отступлением к французской границе, и лишь блестящие частные успехи Морица могли сколько-нибудь утешить национальную гордость Франции. Во французском обществе уже звучали призывы назначить Морица маршалом, несмотря на его протестантскую религию.

В 1743 году Морицу пришлось оборонять Эльзас от англичан, а в следующем году он составил план высадки корпуса войск в Англии с целью поднять там восстание в поддержку Стюартов. Однако из-за потерь, которые понес французский флот после бури, а главное, из-за господства на море британского флота, план этот был оставлен.

Маршалом Франции Мориц Саксонский стал в 1744 году, что давало ему право быть назначенным главнокомандующим французскими войсками. В том же году он возглавил Мозельскую армию. В то время как Людовик XV и герцог Ноайль с другой армией занимались осадами крепостей, Мориц обеспечивал их действия, преграждая путь войскам Англии и Голландии. Армия маршала Морица успешно действовала и против австрийских войск в Эльзасе, что не осталось без внимания при королевском дворе в Париже.

В начале 1745 года Мориц был назначен главнокомандующим и выступил с армией к Турнэ. На выручку Турнэ уже двигались объединенные союзные войска (Англии, Голландии и Ганновера) под командованием сына английского короля Георга II герцога Камберлендского. Мориц своевременно вышел к ним навстречу и занял выгодные для обороны высоты, чтобы перекрыть подступы к крепости. Свои позиции он усилил редутами и засеками у деревни Фонтенуа. 11 мая союзники атаковали французов, но после нескольких частных успехов были остановлены встречным огнем. После этого французы перешли в наступление, в результате которого противник был опрокинут и обращен в бегство. Стоит отметить, что в это время сам командующий французскими войсками переживал сильный

приступ водянки, но болезнь не помешала ему блестяще выиграть это сражение. В бою при Фонтенуа союзники потеряли до 14 тысяч человек убитыми и ранеными и 32 орудия. Урон французов составил около 5 тысяч человек.

Но вместо того, чтобы окончательно разгромить союзников преследованием, Мориц вновь вернулся к своим траншеям у Турнэ и тем обнаружил в своих действиях отсутствие решительности, что составляло одну из характерных черт почти всех операций того времени.

К сентябрю 1745 года французская армия почти полностью покорила Фландрию, взяв города Турнэ, Брюгге, Ауденарде и другие.

В последующие годы Мориц одержал еще две громкие победы: в 1746 году – при Року и в 1747 году – при Лауфельде. Сражение при Року позволило французам занять одну из самых богатых провинций Южных Нидерландов – Брабант, что стало огромной потерей для неприятеля. Кампания 1747 года была весьма удачной для маршала Франции Морица Саксонского. Его войска овладели городами Гент, Брюссель, Антверпен, Монс. Пройдя победно по территории Австрийских Нидерландов, Мориц вторгся в Голландию.

Война за австрийское наследство близилась к концу, и уверенные победы Морица Саксонского восстановили пошатнувшийся военный престиж Франции в Европе. Это позволило заключить в 1748 году Ахенский мирный договор, выгодный для Франции. По его условиям воюющие государства в основном сохранили довоенные границы.

Граф де Сакс за победное завершение войны был удостоен особой чести – он стал главным маршалом Франции, третьим человеком, кто был удостоен подобной чести в истории страны. Кроме этого Морицу Саксонскому был пожалован замок Шамбор, где он и поселился.

Он скончался 30 ноября 1750 года в возрасте 54 лет. До последних дней он не изменял образа жизни и в день смерти принимал в замке нескольких молоденьких актрис. Некоторое время в обществе ходили слухи о его гибели на дуэли, но они не подтвердились.

После его смерти были изданы написанные им трактаты, которые Мориц назвал «Мои мечтания». В них было немало мыслей, предупредивших наполеоновскую эпоху, в частности, о необходимости всеобщей воинской повинности и необходимости подготовленных военных кадров. Он советовал формировать самостоятельные тактические единицы, а предложения о замене хлеба сухарями, а шляп – касками говорили о его большом

личном опыте и заботе о подчиненных. Мориц указал и на целесообразность предварительной подготовки поля сражения. Но особенно внимательно он подошел к решающей роли на войне нравственного элемента, во взглядах на который он далеко обогнал свое время.

ПЕТР СЕМЕНОВИЧ САЛТЫКОВ (1698—1772)
Граф, генерал-фельдмаршал.

Родоначальником княжеского рода Салтыковых (Солтыковых) считается Михаил Прушанин – «муж честен из Прусс», живший в начале XIII века. Известен и его сын, Терентий, принимавший участие и отличившийся в Невской битве в войске князя Александра Ярославича. Праправнуком Михаила Прушанина был Иван Семенович Мороз, имевший пятерых сыновей, один из которых имел прозвание Салтык, ставшее фамилией его потомков.

При великих московских князьях представители рода занимали различные посты. Были среди них и знатные воеводы, среди которых наиболее прославился Василий Михайлович Салтыков. Впервые его имя упоминается в 1518 году при защите города Опочки. Во время войны с Великим княжеством Литовским 1512—1522 годов военачальник Сигизмунда князь Константин Острожский подошел к Опочке, намереваясь захватить город. Василий Михайлович был в то время наместником в городе и сумел быстро и хорошо организовать его оборону. Две недели неприятель обстреливал из пушек стены этого небольшого города, в осаде которого принимали участие кроме поляков и литовцев также немецкие и богемские наемники. Несмотря на разрушенные стены города Салтыков, его воины и горожане отразили все приступы, нанеся войску князя Константина Острожского большие потери. Им удалось убить неприятельского воеводу Сокола и даже захватить вражеское знамя. Вскоре из Москвы на помощь Салтыкову подошли войска, довершившие полный разгром воинства князя Острожского. В сражении было захвачено множество пленных, обозы и пушки. В качестве трофеев Салтыкову достались и стенобитные орудия.

В Смутное время Салтыковы были заметны не только как воины, но и как дипломаты. Михаил Глебович Салтыков, имевший прозвание «Кривой», был постоянным участником переговоров с Польшей и Швецией. Он принял сторону Лжедмитрия I, но затем стал активным участником заговора против него. При Василии Шуйском он попал в опалу, но очень скоро был прощен и направлен воеводой в Орешек. Под его влиянием жители города перешли на сторону Лжедмитрия II. Сам Михаил Глебович, спасаясь от преследования войск Скопина-

Шуйского, бежал потом в тушинский лагерь. Прежняя дипломатическая деятельность сделала Салтыкова главой посольства русской знати к королю Сигизмунду III для переговоров об избрании на русский престол королевича Владислава. Последний раз Михаил Глебович отправился с посольством в Польшу в 1611 году, где и скончался через 7 лет.

Дети его остались в пределах территории Великого княжества Литовского, получили там земли и другие пожалования. Часть потомков Михаила Глебовича перешла в католическую веру и стала носить фамилию Солтык, дав начало польскому дворянскому роду Солтыковых.

Оставшиеся в России Салтыковы находились в ближайшем родстве по материнской линии с избранным на царство Михаилом Федоровичем Романовым. Пытаясь занять более высокое положение, боярин Михаил Михайлович Салтыков стал главным виновником интриги, направленной против первой невесты молодого царя Марии Хлоповой. Когда же обман о неизлечимой болезни царской невесты был раскрыт, Михаил Михайлович и его брат Борис были сосланы в свои деревни. В монастырь была сослана и мать братьев Салтыковых, их поместья и вотчины перешли в казну за то, что они «государской радости и женитьбе учинили помешку».

При жизни патриарха Филарета Салтыковы находились в «заточении необратимом», а после его смерти сразу же возвращены ко двору с прежними чинами и званиями.

В годы царствования Алексея Михайловича ближайшим его доверенным лицом стал боярин Петр Михайлович Салтыков. Он стоял во главе многих приказов – Денежного сбора, Судного, Владимирского, Большой казны. Петр Михайлович был назначен царем главой комиссии по расследованию дела патриарха Никона. Во время стрелецкого восстания 1682 года сын Петра Михайловича, Федор, был убит стрельцами по ошибке. Стрельцы сами принесли отцу тело сына и ждали сурового наказания. «Божья воля», – сказал Салтыков и велел угостить пришедших стрельцов вином.

В конце XVII века род Салтыковых снова породнился с Романовыми благодаря браку Прасковьи Федоровны Салтыковой с сыном Алексея Михайловича Иваном, ставшим царем Иваном V, соправителем Петра I. Царица Прасковья была воспитана традиционно и едва знала грамоту. Брак с Иваном V дал ей пятерых дочерей, с которыми она проживала в селе Измайлове после кончины супруга. Взаимоотношения с Петром I у царицы Прасковьи сложились хорошие, хотя молодой государь критиковал ее за предрассудки и суеверие, говорил, что ее двор

похож на «гошпиталь уродов, ханжей и пустосвятов». Прасковья Федоровна не всегда понимала и соглашалась с его деятельностью, но сознавала необходимость проводимых Петром преобразований и умела к ним приспосабливаться. За это Петр многое прощал невестке, питал к ней уважение и любовь.

В графское достоинство род Салтыковых был возведен в годы правления Анны Иоанновны. Первым графом в роду в 1730 году стал родной дядя императрицы Василий Федорович Салтыков.

Тремя годами позже графское достоинство получил один из самых знаменитых военных деятелей XVIII века Петр Семенович Салтыков.

Родился он 11 декабря 1698 года в семье генерал-аншефа Семена Андреевича Салтыкова и Феклы Яковлевны, урожденной Волынской. Благодаря своему происхождению Петру Салтыкову уже заранее была обеспечена блестящая карьера. Получив хорошее домашнее образование, он начал свою службу в 1714 году рядовым Преображенского полка, решив стать военным, как и отец. Но в том же году он был отправлен Петром I во Францию для обучения морскому делу. Прожив во Франции около 15 лет, он вернулся в Россию. Однако во флоте Салтыков служить не стал и вернулся на службу в гвардию.

На российский престол в это время взошла императрица Анна Иоанновна, и Салтыков, будучи уже капитаном гвардии, стал одним из тех, кто способствовал восстановлению ее самодержавной власти, выступая против «верховников». Это сблизило Салтыкова с императрицей, и он был переименован в действительные камергеры, а в 1733 году вместе с отцом получил графское достоинство.

В придворном звании Салтыков оставался недолго, решив посвятить себя военной службе. В 1734 году он был произведен в генерал-майоры и в том же году принял участие в польской кампании, за которую был награжден орденом Св. Александра Невского.

Во время правления Анны Леопольдовны Салтыков получил чин генерал-поручика, был назначен генерал-адъютантом и сенатором.

Занявшая престол Елизавета Петровна лишила Салтыкова прежних придворных званий, и он был вынужден покинуть Петербург.

Во время русско-шведской войны 1741—1743 годов генерал-поручик Салтыков был в Финляндской армии фельдмаршала Ласси, а в 1743 году командовал арьергардом отряда Кейта, отправленного после заключения мира из Гельсингфорса в Стокгольм на случай выступления датских войск против союзной

уже России Швеции. После возвращения из Стокгольма Салтыков был назначен командиром Псковской дивизии. Только через 10 лет, в 1754 году, он был произведен в генерал-аншефы.

Вступление России в Семилетнюю войну стало для Салтыкова шансом проявить себя в качестве полководца.

Непопулярность в войсках главнокомандующего русской армией генерал-аншефа В.В. Фермора заставила правительство искать среди генералов человека более достойного занять этот ответственный пост. Выбор пал на Салтыкова, назначение которого было для всех неожиданностью. К тому времени он ничем не зарекомендовал себя. О нем отзывались как об обходительном и мягком человеке, страстном охотнике, но он никогда не командовал в действующей армии и ничем не проявлял способностей быть боевым генералом и тем более главнокомандующим.

Условия, при которых Салтыкову пришлось выступить в качестве главнокомандующего, были для него неблагоприятными. Совместные действия с австрийцами, стремящимися захватить инициативу в свои руки, с одной стороны, и подчинение петербургской конфедерации, желающей руководить действиями русской армии, отделенной от Петербурга на полторы тысячи верст, – с другой, сильно связывали руки главнокомандующему.

Но Салтыков принял эти условия и вступил в командование русской армией 19 июня 1759 года. По окончательному плану, подписанному императрицей Елизаветой, главные силы русской армии – около 39 тысяч человек – были направлены на соединение с австрийцами. В отдельное от австрийских войск сражение русскому главнокомандующему разрешалось вступить только в случае значительного превосходства над прусскими войсками.

В это время Фридрих II ввиду неудачных операций графа Дона против русского тыла решил заменить его генералом Веделем, предоставив ему самые широкие полномочия.

Салтыков решился обойти прусскую армию у Цюллихау. В ночь с 11 на 12 июля главным силам он приказал следовать на Кressенскую дорогу, чтобы войти в контакт с австрийским фельдмаршалом Дауном.

12 (23) июля в районе селения Пальцига, расположенного в 60 километрах к юго-востоку от Франкфурта-на-Одере, произошло сражение между русскими войсками и корпусом Веделя, в составе которого было 18 тысяч пехоты и более 10 тысяч кавалерии. На высотах восточнее и южнее Пальцига русские войска огнем и контратаками отразили четыре мощнейшие атаки противника и, нанеся ему крупные потери –

более 4 тысяч человек убитыми и ранеными, обратили в бегство. Следует отдать должное Петру Семеновичу, что в этом первом для него как командующего сражении он действовал безукоризненно, проявив способности талантливого полководца. Решившись на отход и занятие выгодной в стратегическом смысле Пальцигской позиции, он ни на минуту не сомневался в правильности выбранного им решения. Он прекрасно сумел использовать условия местности, чем обеспечил скрытый переход вверенного ему войска, и принял все меры предосторожности для обеспечения его безопасности. Он руководствовался не рутинными правилами, а исключительно здравым смыслом и требованиями обстановки, проявил хладнокровие и точный тактический расчет.

Однако эта победа не только не была оценена в Петербурге должным образом как личная заслуга главнокомандующего, но даже не прибавила ему доверия со стороны двора.

Австрийцы так и не соединились с русской армией, и вопреки плану кампании, Салтыков стал подумывать о соединении со шведами, о нападении на Берлин через Франкфурт и о том, чтобы перенести театр военных действий из Силезии, на которой настаивали австрийцы, ближе к Восточной Пруссии, завоеванной русскими войсками.

Он уже отправил во Франкфурт отряд генерала Вильбоа и сам 21 июля выступил туда же. После занятия Франкфурта русским авангардом через 3 дня туда прибыл 20-тысячный австрийский отряд генерала Лаудона, а затем и главные силы Салтыкова.

30 июля русские разъезды донесли, что прусские войска наводят мосты у Лебуса. Поняв, что перед ним главные силы Фридриха II, Салтыков решил принять сражение.

22 июля (1 августа) 1759 года у местечка Кунерсдорф Салтыков сосредоточил всю свою 40-тысячную армию при 200 орудиях. Здесь же был готов действовать и корпус Лаудона, располагающий 48 орудиями.

30–31 августа армия Фридриха II в составе 48 тысяч человек и около 200 орудий переправилась севернее Франкфурта на восточный берег Одера. Фридрих II решил обойти русскую позицию с востока и нанести удар с тыла. Своевременно обнаружив обход, Салтыков перестроил оборону фронтом на восток, юго-восток и юг, расположив войска в линейном порядке и выделив резерв. Таким образом Фридриху II пришлось атаковать не тыл, а левый фланг русских войск.

Утром следующего дня противник начал артиллерийский обстрел русских позиций, а около полудня перешел в атаку против их левого фланга. После упорного боя и частых контратак

русским войскам удалось приостановить наступление пруссаков западнее Мюльберга. Салтыков, усилив войска центра, отразил в упорном бою атаки противника, нанеся ему большие потери.

Тогда Фридрих II ввел в сражение свой последний резерв – лучшую в то время в Западной Европе конницу генерала Зейдлица, но и она была разбита войсками под командованием графа Румянцева.

После этого Салтыков перешел в решительную контратаку, которая закончилась полным разгромом прусских войск. От 48-тысячной армии у Фридриха II осталось лишь 3 тысячи человек, а разбежавшиеся остатки прусских войск спаслись лишь потому, что их преследование не было доведено до конца австрийской и русской кавалерией.

За победу при Кунерсдорфе Салтыков был удостоен звания генерал-фельдмаршала и славы победителя непобедимого Фридриха II.

После своих двух побед он был убежден, что теперь очередь действовать против Фридриха II за Дауном и что русская армия не должна была выносить на своих плечах всю тяжесть войны.

11 августа в Губене состоялось свидание обоих главнокомандующих. Было решено оставаться на прежних позициях до взятия Франкфурта, а затем совместно двигаться в Верхнюю Силезию.

Однако действия прусских войск в тылу австрийской армии вынудили главнокомандующего Дауна двинуться за пруссаками в Саксонию. Оставив Салтыкову только 12 тысяч человек для помощи в осаде Глогау, хотя по договору осада должна была проводиться общими усилиями, Даун поставил Салтыкова в весьма трудное положение.

Этим воспользовался Фридрих II, а чтобы предупредить русские войска. У Глогау, он быстрым маршем двинулся вперед и 24 сентября достиг Одера раньше Салтыкова. Он был готов принять сражение со своей 20-тысячной армией против 50-тысячной союзной армии, но 12 сентября на русском военном совете Салтыков, принимая во внимание как неисполнение австрийцами своих обязательств по продовольствию русской армии, так и полный недостаток артиллерийских припасов, решил перевести всю армию на правый берег Одера.

В середине декабря, расположив свою армию по квартирам на Нижней Висле, он отправился в Петербург для участия в заседаниях конференции по составлению плана кампании 1760 года. Петр Семенович хотел вести самостоятельные военные действия независимо от австрийцев, но постоянно встречал препятствия как со стороны конфедерации, так и со стороны

союзников.

Вернувшись к армии в начале 1760 года, он решил, насколько возможно, беречь ее, избегая всяких решительных действий против прусских войск, чтобы не играть на руку союзникам, имевшим цель возложить главную тяжесть войны на русские войска, а самим действовать в зависимости от обстоятельств. До августа Петр Семенович руководил войсками, но затем из-за болезни, видимо сказались тяжесть последних сражений и нервные переживания, он сдает командование армией графу Фермору.

19 октября он уехал в Познань. В армию Салтыков вернулся только в январе 1762 года, когда вступивший на престол Петр III вновь назначил его главнокомандующим. Однако военные действия прекратились, и Салтыков почти не принимал участия в командовании разбросанной отдельными отрядами русской армии.

17 августа он выехал обратно в Петербург, где был встречен императрицей Екатериной II, только что воцарившейся на престоле. В день коронации он был пожалован шпагой, осыпанной бриллиантами.

В 1764 году Салтыков был назначен генерал-губернатором Москвы и сенатором. В его распоряжении были войска московского гарнизона, что помогало ему справляться с многочисленными разбоями и грабежами.

В конце 1770 года в Москве вспыхнула эпидемия чумы. На все просьбы Салтыкова разрешить свезти больных в ближайшие монастыри Екатерина II отвечала отказом. По ее приказу Москва была окружена карантинной линией – ни в город, ни из города нельзя было ни въехать, ни выехать. Тем самым город обрекался на гибель.

И Салтыков не стал исполнять приказов императрицы, что было воспринято как неумение и неспособность одряхлевшего главнокомандующего действовать сообразно обстоятельствам, и большая часть его обязанностей была возложена на генерал-поручика П.Д. Еропкина, который также не смог справиться с положением.

Эпидемия развивалась все сильнее, в сентябре смертность дошла до 900 человек в день. В городе стал ощущаться недостаток предметов первой необходимости, население охватила паника.

14 сентября, когда Салтыков выехал отдохнуть в свое подмосковное имение Марфино, в городе начался «чумной бунт». Лишь только после убийства архиепископа Амвросия Еропкин донес о бунте Салтыкову, тот сразу приехал в Москву. Ему

удалось с помощью Великолукского пехотного полка, выведенного на Красную площадь, восстановить порядок.

Однако, узнав о «чумном бунте», императрица обвинила во всем Салтыкова и отправила его отдыхать в деревню. Ему на смену в Москву прибыл князь Орлов.

Салтыков просил об отставке, которую не замедлил получить. После этого он прожил недолго. 26 декабря 1772 года (по новому стилю – 6 января 1773 года) в возрасте 74 лет Петр Семенович Салтыков скончался в подмосковном имении Марфино.

АНТИОХ ДМИТРИЕВИЧ КАНТЕМИР (1708—1744)
Князь, русский поэт-сатирик, дипломат.

В 1540 году на молдавских землях поселился и принял крещение богатый татарин по имени хан Темир. Он и положил начало известному роду Кантемиров – так на местном языке было трансформировано его имя. Кантемиры приняли княжеский титул, и их право на него никто не оспаривал. Они стали считаться природными князьями и пользовались большим авторитетом среди местного общества.

В ту пору Молдавия и Валахия входили в территорию Османской империи. В XVII веке самым прославленным представителем князей Кантемиров стал Константин Федорович. Отец его был убит османами, а сам он бежал в Польшу и поступил на службу в польское войско. Сначала он служил королю Владиславу IV, а затем Яну Казимиру. В дальнейшем Константин Федорович Кантемир перешел на службу в Валахию, потом в Молдавию и стал воевать уже против поляков. В 1672 году он спас гарем султана Магомета IV, которым чуть не завладели поляки во время битвы под Хотином. В награду за этот подвиг султан назначил Кантемира молдавским господарем. Константин Федорович женился на дочери валашского господаря Гики – Анастасии, и этот брак принес ему двоих сыновей – Антиоха и Дмитрия. По обычаю, господарь подвластного султану княжества отправлял в Стамбул одного из сыновей в качестве почетного заложника, что не мешало последнему вести вдали от родины привычную жизнь аристократа. К султану был отправлен старший Антиох, а в 1687 году его сменил Дмитрий.

Живя у султана, Дмитрий использовал представившуюся ему возможность для занятий историей и изучения языков. Он также знакомился с жизнью и бытом местного населения и занимался музыкой. Три года он провел в Стамбуле, а затем вернулся к отцу в Яссы. В 1693 году Константин Федорович скончался, и по единодушному решению молдавским господарем был избран Дмитрий, находившийся при отце в последние дни. Но султан не подтвердил избрание Дмитрия, и ему, потерявшему отца и лишенному княжества, пришлось переехать в Стамбул по требованию султана. Здесь Дмитрий продолжил занятия наукой и музыкой, а благодаря своему веселому нраву и общительности он

очень быстро стал душою местного общества. Он знал турецкий, персидский и арабский языки, а затем овладел еще греческим и итальянским. Научные труды и исследования Дмитрий Константинович писал на латыни. Через три года он женился на Кассандре – дочери валашского князя Сербана, семья которого происходила из древнего греческого рода Кантакузинов. Дмитрий и Кассандра жили в добром согласии, а брак принес им и большое потомство – дочерей Смарагду и Марию и сыновей – Матвея, Константина, Сербана (Сергея) и Антиоха. Для своего большого семейства Дмитрий Константинович построил в Стамбуле дворец. Жизнь текла размеренно, день проходил по обычному распорядку, и вскоре Дмитрий стал господарем Молдавии.

Но события начала XVIII века круто изменили судьбу князя и его семейства. Дмитрий Кантемир все больше обращал взоры на крепнущую Россию, с которой был подписан тайный договор, направленный против Турции. В нем был и такой пункт: «При заключении мира с Турциею, Молдавии оставаться навсегда под обороною и защитою Российского оружия». В том же договоре господарю Молдавии было обещано прибежище в России, с выплатой жалования и получением владений в пользование.

В 1711 году царь Петр I предпринял против Турции военный поход, получивший в истории название Прутский. Приход русских войск в Молдавию был встречен местным населением с великой радостью, а молдавский господарь всячески содействовал победе русского оружия. Но в июле войско царя Петра проиграло туркам сражение. Русская армия отступила, и вместе с ней покинул Молдавию и Дмитрий Кантемир с семьей. Несмотря на требования султана, Петр I не выдал туркам бывшего молдавского господаря. Царь подтвердил княжеское достоинство Кантемира с титулом светлейший, наградил его поместьями на Украине и сделал своим советником по восточным вопросам.

Дмитрий Константинович тяжело переживал крушение своих планов, да еще к ним прибавились и личные несчастья. Вскоре после переезда в Россию умерли два его сына – младенцы Петр и Иван, а затем скончалась и жена Кассандра. Она заболела лихорадкой, а «неискусство лекаря сделало смертельной (болезнь), чрез данное ей весьма сильное лекарство».

Семья Кантемиров покидает Украину и обосновывается в Москве. Будучи по делам службы в Петербурге, Дмитрий Константинович встречает там княжну Анастасию Трубецкую, которой вскоре делает предложение. Свадьба состоялась в 1719 году, а царь Петр принял самое деятельное участие в этом

событии.

В 1722 году Дмитрий Кантемир участвовал в Персидском походе, во время которого управлял походной канцелярией Петра I. Уже в начале похода он почувствовал себя больным, и вскоре его здоровье настолько ухудшилось, что он был отправлен обратно. По дороге домой Дмитрий Константинович оставил завещание. В марте 1723 года он прибыл в свое курское поместье Дмитровку, а в августе того же года он скончался. Похоронили Дмитрия Кантемира в усыпальнице в Никольском Греческом монастыре рядом с первой женой.

Род Дмитрия Константиновича Кантемира пресекся во втором колене. Его сыновья не оставили после себя потомства. Последним из сыновей Дмитрия остался Сергей, который, похоронив всех родных, проживал в Москве до 1780 года. Правда, в России оставались еще племянники Дмитрия Константиновича, одним из которых был Константин Антиохович Кантемир – генерал-поручик русской военной службы. Последним в роду Кантемиров стал его сын Дмитрий, скончавшийся в Киеве в 1820 году бездетным.

Из детей Дмитрия Константиновича Кантемира самым знаменитым в России стал Антиох, прославившийся как поэт-сатирик и дипломат. Он родился в Стамбуле 21 сентября 1708 года и был младшим сыном в семье. В следующем году семья переезжает в Молдавию, так как отец становится молдавским господарем. А с 1711 года Кантемиры живут в России, спасаясь от мести турецкого султана.

Когда умерла его мать, Кассандра, заботу о его воспитании взяла на себя сестра Мария, с которой Антиох был особенно близок. Все дети Дмитрия Кантемира получили прекрасное образование под руководством лучших педагогов. Антиох рано начал читать и знал наизусть отрывки из Горация и Ариосто. Все мальчики желали посвятить себя военной карьере и были зачислены в императорский лейб-гвардии Преображенский полк. Антиох не составил исключения. Рассказывают, что в возрасте десяти лет он был назначен часовым у спальни императора. Ночью отец решил проверить, как сын несет службу, и застал его мирно спящим на посту. От отцовского гнева Антиоха спас Петр I. Возможно, что эта история придумана, но весьма похожа на правду. Однако, как бы то ни было, военным Антиох не стал.

Когда отец вторично женился, у детей от первого брака не сложились хорошие отношения с мачехой, хотя они были дружны с ее родственниками. Во время Персидского похода семья сопровождала отца, но Мария и Антиох остались в Астрахани. Здесь в течение года мальчик учился в школе капуцинов и,

возможно, именно здесь и состоялось его знакомство с Тредиаковским. Затем Антиох переехал в Дмитровку, куда был доставлен больной отец, и находился там до его кончины.

В 1724 году Антиох Кантемир решил подать прошение императору об отправке его за границу для обучения наукам за казенный счет. Прошение было подано во время коронации Екатерины I, но ответа на него он не получил и уехал в Петербург. В столице Антиох продолжает заниматься самообразованием и для «ексерциции» (упражнения) осуществляет перевод с латыни хроники византийского историка XII века Константина Манассии. В 1725 году Антиох становится слушателем Петербургской Академии наук, где проходит курс математики, физики, истории, нравственной философии и российской словесности. Словесность преподает И.Ю. Ильинский, который раньше жил в семье Кантемиров и занимался с детьми. Под его влиянием Антиох осуществляет свои переводы и пробует силы в лирике. Страсть к обучению и способности делают Антиоха одним из первых студентов.

Кантемиры живут вместе и одинаково пользуются доходами с имений отца. Но в 1727 году ситуация меняется. Брат Константин, женившись на дочери князя Голицына, благодаря вмешательству всесильного тестя, становится единоличным владельцем трех четвертей наследства. Еще четверть наследства досталась вдове Дмитрия Кантемира. Таким образом, сестра Мария и остальные братья остались без средств, а все попытки восстановить справедливость не дали результатов. Антиох Кантемир был вынужден оставить занятия наукой и начать военную службу в Преображенском полку, куда он был записан еще в 1715 году. В феврале 1728 года полк был переведен в Москву, а после коронации Петра II Кантемир получает чин подпоручика, а затем и поручика. Военную службу Антиох совмещает с занятием литературой, и прежде всего переводами. Уже в следующем году вниманию публики были предложены блестящие сатиры молодого литератора. В них Кантемир резко обличает порушенные идеалы, связанные с преобразовательной политикой Петра Великого, выступает против невежества и других пороков общества. В основу сатиры им были взяты персонажи с античными именами, а создавая новый для русской литературы жанр, Антиох ориентировался на Горация и Буало, которых много цитировал в примечаниях. На Кантемира обратил внимание Феофан Прокопович и приблизил его к своему кругу. В том же 1729 году из Коллегии иностранных дел был дан указ, по которому Кантемиру было велено перейти на службу в коллегию и отправиться во Францию. Однако исполнение указа было

отложено, и Антиох был оставлен на службе в гвардии.

Судьба Антиоха Кантемира изменилась со вступлением на престол новой императрицы. Феофан Прокопович и его соратники подготовили письмо от дворянства, призывающее императрицу Анну Иоанновну отказаться от условий, предложенных верховниками, и стать самодержавной государыней. Та незамедлительно воспользовалась предоставленным ей шансом. Кантемиры были обласканы новой правительницей, которая пожаловала им более тысячи дворов в Нижегородском и Брянском уездах.

Учитывая заслуги лично Антиоха Кантемира и отдавая дань его уму и незаурядным способностям, молодому князю предлагается стать русским резидентом в Англии. Здесь следует отметить, что Кантемир не прекратил писать острые сатиры и, скорее всего, стал «неудобным» человеком. Новое назначение больше походило на почетную ссылку, чем на воздаяние за особые заслуги. Но, несмотря ни на что, в январе 1732 года в возрасте 24 лет князь Кантемир покинул Россию и устремился к берегам туманного Альбиона. Он и не предполагал, что вернуться обратно ему уже не придется. В Лондон он прибыл 1 марта.

Первые годы пребывания в Англии были посвящены многообразным дипломатическим заботам. Кантемир способствовал заключению англо-русского торгового соглашения, состоявшегося в 1734 году, добивался признания императорского титула за российскими самодержцами, занимался опровержением клеветнических сочинений, издаваемых в Англии (например, «Московских писем» Ф. Локателли), помогал соотечественникам, проходившим обучение в этой стране. По личной инициативе Кантемир поддерживал переписку с Петербургской Академией наук и закупал для нее приборы и научную литературу. Он продолжал изучение английского языка и собрал библиотеку современных английских авторов – книги Д. Локка, Дж. Свифта, А. Попа и других. Кантемир вел обширную переписку с родственниками и друзьями и был в курсе всех событий. В России у него осталась невеста – княжна Черкасская, но после безрезультатных 10-летних ожиданий Антиох откажется от своих притязаний, и его невеста станет женой графа Шереметева.

Заслуги Кантемира были оценены, и он стал послом (русским министром). На литературную деятельность времени практически не оставалось, но он все-таки совмещал службу и творчество.

По заданию русского правительства Кантемир в середине 1737 года сближается с французским посланником в Лондоне и содействует налаживанию русско-французских отношений. В апреле 1738 года Кантемир был пожалован в камергеры и

назначен послом во Францию. К тому времени он был уже опытным дипломатом и, прибыв в Париж в начале сентября 1738 года, сумел быстро войти в курс дел. Во Франции Кантемир значительно расширил круг общения. Он познакомился с Монтескье и Вольтером, став их первым переводчиком на русский язык, с философом Мопертюи, с театральными деятелями Риккобони и Мораном. Здесь он оказался в самом центре европейской жизни, и здесь он нашел понимание. Кантемир оставил писание сатир, но продолжал активно заниматься литературной деятельностью. Он писал стихи и делал переводы исторических, просветительских и литературных сочинений, свободно владея латинским, итальянским, французским, греческим, английским и испанским языками. Антиох Кантемир стал не только родоначальником нового жанра в русской литературе – сатиры, но и новых форм стихосложения, одним из создателей русского литературного языка. Он ввел в русскую речь такие слова, как «идея», «депутат», «материя», «природа» и другие. Его собственные сочинения и переводы в начале 1740-х годов резко обострили отношения князя Кантемира с русским правительством. Но его авторитет в европейских странах, знание внешнеполитических проблем и умение действовать в сложной обстановке заставляли русское правительство «терпеть» его на ответственном дипломатическом посту, особенно в условиях начавшейся борьбы за австрийское наследство.

В августе 1741 года Антиох Кантемир получил чин тайного советника. Долгое пребывание за границей тяготило Кантемира, он очень хотел вернуться в Россию. В 1742 году был распространен слух, что его прочат назначить президентом Академии наук. Антиох Дмитриевич был готов занять этот пост, но назначение его так и не состоялось.

Еще находясь в Англии, он почувствовал заметное ухудшение здоровья: начались боли в желудке, значительно упало зрение. Во Франции Кантемир лечился на водах и по совету врачей ограничивался в пище, а некоторое время вообще питался лишь козьим молоком. Он очень желал приехать в Россию, но болезнь не позволяла предпринять это путешествие.

В начале 1744 года он решает вернуться, о чем пишет сестре Марии и даже обсуждает с ней возможность строительства новой усадьбы под Москвой. Он уже тяжело болен и очень слаб. Врачи и друзья советуют ему поехать на лечение в Италию. В феврале 1744 года ему удается добиться разрешения на поездку на четыре месяца без сохранения жалования. Но воспользоваться им Антиох Дмитриевич уже не успел. Он скончался во Франции 11 апреля 1744 года на 36-м году жизни. Он завещал похоронить себя в

России, рядом с родителями, ночью и без церемоний. После длительных проволочек лишь в сентябре 1745 года стараниями родных и за их счет останки князя Кантемира были доставлены в Петербург, а затем в Москву.

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ ДОЛГОРУКОВ-КРЫМСКИЙ (1722—1782)
Князь, генерал-аншеф.

Двойные фамилии в России возникли довольно давно, практически одновременно с собственно фамилиями. Отдельные ветви больших дворянских семей стали называть себя по имени или прозванию их родоначальника. Это хорошо прослеживается на примере князей Оболенских, чей многочисленный род, разделившийся на множество ветвей, оставил свое родовое имя – Оболенские – с прибавлениями прозваний ветвей рода. Так появились Репнины-Оболенские, Стригины-Оболенские, Горенские-Оболенские и множество других, даже тройных, фамилий, например Телепнев-Оболенский-Овчина. Позднее ряд линий пресекся, а сохранившиеся вернулись к первоначальной фамилии – Оболенские, или оставили фамилии своей ветви рода, ставшие самостоятельными княжескими фамилиями. К таким относится одна из самых известных в России фамилий – Долгоруковы.

Князья Долгоруковы насчитывали в своем роде 7 бояр, 18 воевод, генерал-фельдмаршала, 2 подполковников гвардии, 4 генералов, министра юстиции, 7 послов, 8 генерал-лейтенантов, 10 генерал-майоров, 5 генерал-адъютантов, 10 сенаторов.

Была в России и еще одна группа двойных фамилий, возникших как почетные приставки. Давались такие фамилии за выдающиеся заслуги, присоединяясь к основной фамилии. Появились такие фамилии в годы царствования Екатерины II, а одним из первых обладателей почетной двойной фамилии стал Василий Михайлович Долгоруков, получивший приставку Крымский в день подписания мирного договора с Турцией – 10 июля 1775 года.

В дни и месяцы блестящих дунайских побед румянцевской армии отличилась и 2-я армия – был взят Перекоп и весь Крым: кошмар татарских набегов на юг России наконец-то кончился…

За 35 лет до этого, а именно в 1736 году, русские войска уже брали Перекоп. Тогда-то впервые для истории прозвучало имя Василия Долгорукова.

Он родился в семье князя Михаила Владимировича Долгорукова – губернатора Сибири и члена Верховного тайного совета. Образованный еще при Екатерине I Совет стал играть

важнейшую роль в государстве в годы правления Петра II и непосредственно после его смерти. Именно члены Совета решили пригласить на трон Анну Иоанновну, дабы ограничить самодержавие. Подобных умонастроений новая императрица не забыла. Она считала Долгоруковых своими личными врагами. Старшее поколение рода при ней в большинстве своем оканчивало жизнь на плахе, а младшие были отданы в солдаты без права выслуги. Опала, постигшая родичей Василия Долгорукова при императрице Анне Иоанновне, коснулась и его: молодого князя не допустили в гвардию, и он начал службу солдатом в армии.

Лишь случайность, помноженная на дерзкую храбрость, позволила ему достичь офицерского чина: перед штурмом Перекопа фельдмаршал Миних пообещал, что первый солдат, взошедший на укрепление живым, будет произведен в офицеры. Первым стал 14-летний Василий Долгоруков.

Далее он отличился при штурме Очакова (1737) и Хотина (1738), в русско-шведской войне – в деле при Вилайоках (1740). Воцарение императрицы Елизаветы Петровны и снятие опалы с Долгоруковых способствовали военной карьере Василия Михайловича. В течение шести лет он получил 6 чинов, в 1747 году стал полковником и командиром Тобольского пехотного полка. В этой роли Долгоруков резко выделялся из числа остальных командиров и общепризнанно считался одним из самых талантливых офицеров. В следующем году в составе войск генерал-фельдцейхмейстера Репнина он находился с полком на Рейне, где внес свой вклад в завершение войны за австрийское наследство. В 1755 году Елизавета произвела Долгорукова в генерал-майоры и вскоре назначила его в состав армии фельдмаршала Апраксина для действий против Пруссии в Семилетней войне. Участие почти во всех основных сражениях Семилетней войны принесло ему чин генерал-поручика и орден Св. Александра Невского…

Вступившая на престол в 1762 году Екатерина II в день своей коронации произвела Василия Долгорукова в генерал-аншефы, а в 1767 году удостоила орденом Св. Андрея Первозванного.

В 1768 году – с началом русско-турецкой войны – генерал-аншефу Василию Долгорукову была вверена охрана границ России с Крымом, а после назначения его командующим 2-й армией именно перед ним была поставлена задача ликвидировать Крымское ханство.

Покорение Крыма зависело от занятия главнейших его пунктов. Русским надлежало взять Перекоп (или Орь) – укрепленную линию, загораживающую вход на полуостров; Керчь

и Еникале, пункты, обеспечивающие соединение Азовского и Черного морей, Кафу (Феодосию), Арабат и Козлов (Евпаторию), приморские города-крепости, кои обусловливали прочное занятие ханства.

В соответствии с этим командующий поделил свою 38-тысячную армию на три отряда. Первый, главный, которому надлежало брать Перекоп и далее Кафу, он повел сам. Второму отряду генерал-майора князя Щербатова при помощи Азовской флотилии вице-адмирала Сенявина ставилась задача овладеть Арабатом, а затем идти к Керчи и Еникале. Отряд же генерал-майора Брауна должен был взять Козлов.

К апрелю 1771 года 2-я армия была приготовлена к походу и собралась в главной квартире в Полтаве. 20 апреля Долгоруков двинулся в поход.

Шли неторопко, по пути создавая магазины и укрепленные пикеты. Поэтому лишь 12 июня армия остановилась в четырех верстах от Перекопа. Неприятельская кавалерия попыталась провести рекогносцировку, но казаки и легкие войска, завязав перестрелку, вскоре загнали ее за укрепление, откуда защитники его уже более не отваживались высунуться, а лишь ожидали осады и штурма.

Осмотрев укрепленную линию, которая на пересечении ее с дорогой, идущей в Крым, имела крепость Перекоп, что давало продольную оборону перешейка, командующий решил брать ее штурмом на следующую ночь – пока осаждаемым не пришла помощь.

Главный удар предполагалось нанести по той части линии, которая примыкала к Черному морю. Для тыльной же обороны Долгоруков намеревался отправить часть кавалерии и пехоты в обход неприятельского правого фланга – вброд через Сиваш. Одновременно с этим он запланировал ложную атаку части линии, также примыкавшей к Сивашу.

В ночь с 13 на 14 июня к воротам, бывшим на линии, подошла русская пехота с пушками, тем самым заперев их и лишив турок возможности нанесения ударов во фланги и тыл штурмовым колоннам русских.

На направление главного удара командующий двинул 4 пехотных полка, построив их в 3 каре. Одновременно со стороны Сиваша началась жаркая перестрелка, свидетельствовавшая, что ложная атака начата. Неприятель, зная, что сивашский участок слабейший, начал перебрасывать туда часть своих сил. А в это время пехотные каре подошли незамеченными к укреплениям, упиравшимся в Черное море, спустились по лестницам в ров и пошли на вал.

Долгоруков, вспомнив свою раннюю молодость, посулил офицерские шарф и шпагу первому, кто взойдет на вал. Солдаты рвались вперед.

В один миг вся часть линии почти от моря до крепости со всеми бывшими на ней батареями оказалась в руках штурмующих. Тогда же кавалерия генерал-майора князя Прозоровского, шедшая по Сивашу, вышла по отмели на берег – уже в Крыму – и заняла позицию напротив укрепления. Противник бросил против них всю свою конницу, надеясь опрокинуть Прозоровского в Сиваш. Но русская конница, выдержав массированный удар, совместно с подоспевшей пехотой сама перешла в атаку и опрокинула татар. Таким образом – за исключением самой крепости – вся линия перешла в руки штурмующих.

С утра 14-го Долгоруков перевел по устроенному за ночь в валу проходу половину своей армии в Крым, а другую часть оставил на противоположной стороне прохода. Гарнизон крепости, увидев себя со всех сторон окруженным, поспешно капитулировал, так что уже 15 июля российская армия вступила в Перекоп…

50 тысяч татар и 7 тысяч турок не выполнили предначертанного им солнцеликим султаном – ключ от Крыма был выбит из их неловких дланей.

Назавтра колонны Брауна и Щербакова вышли по своим маршрутам, а сам командующий задержался еще на сутки, устраивая в крепости армейский магазин.

Наконец, утром 17 июля 27-тысячный отряд под его началом двинулся к Кафе – важнейшему и значительнейшему в системе крымской обороны городу полуострова. Шли тремя колоннами – каждая в составе дивизии – форсированными маршами, торопясь преодолеть как можно скорее испепеленное неистовым солнцем безводье.

29 июня отряд подступил к Кафе.

К этому времени русские войска уже добились значительных успехов: Щербаков 18 июня взял Арабат, 21-го – Керчь и Еникале, а Браун 22 июля – Козлов. Крепости эти достались русским малой кровью. Иное дело Кафа. Начальник турецкого войска Ибрагим-паша собрал там не менее чем 95-тысячное войско.

Подойдя к городу, Долгоруков построил пехоту в 3 боевые линии, между первой и второй расположил несколько эскадронов кавалерии, а остальную конницу направил на фланги первой линии, выставив перед кавалеристами еще и полевые орудия.

Боевые линии русских пошли в наступление. Отчаянная атака татарской конницы была отбита, и та отступила в земляной

ретраншемент, расположенный впереди крепости с севера. Сюда же двинулся и русский командующий.

Высланная им вперед артиллерия открыла плотный огонь. Выдержав всего лишь несколько залпов, неприятель поспешно отступил в крепость. Кавалерия Долгорукова заняла окопы и бывший за ними лагерь, а легкие войска в эти же минуты бросились по левому флангу, берегом моря, вперед, отрезая защитникам ретраншемента дорогу к столь вожделенной сейчас крепости.

Маневр этот был проделан столь успешно, что отступающие – и так уже бежавшие не в идеальном порядке – просто-напросто рассеялись и перестали существовать как воинское подразделение, став лишь толпой испуганных людей, поодиночке ищущих спасение в близлежащих горах. Часть из них, лишенная и этой возможности, бросалась в неверные волны, намереваясь доплыть до расположенных недалеко от берега кораблей. Однако русские, выставив на берегу батареи, не дали им такой возможности и разбили часть турецких судов. Остальные корабли предпочли убраться в открытое море, лишив пловцов последней надежды на спасение.

Тем временем основные силы русского отряда продолжали идти к крепости. Уже были выставлены на господствующих над городом высотах батареи, как вдруг неприятель, потеряв надежду на удачу, а с ней и весь кураж, выкинул белый флаг… Среди пленных оказался и Ибрагим-паша.

К концу июля Крым был полностью покорен. На территории полуострова оставались лишь жалкие кучки отчаянно метавшегося в безысходной прострации неприятеля.

Заняв небольшими отрядами Ялту, Балаклаву, Судак и Бахчисарай – в последнем городе, кстати, отсиживался крымский хан Селим-Гирей, бежавший затем в Стамбул, Долгоруков оставил на Щербакова спокойствие Крыма, а сам 5 сентября выступил с армией на Украину на зимние квартиры.

В одном из его жизнеописаний говорилось: «Таким образом он прославил имя свое в тех местах, где за 35 лет начал только знакомство со славою». А еще говорят, что нельзя дважды войти в одну и ту же реку!

Екатерина в рескрипте Долгорукову благодарила его за победы и поздравляла с орденом Св. Георгия 1-й степени. Он получил этот орден четвертым – после Румянцева, Алексея Орлова и Петра Панина.

В день торжественного празднования мира с Оттоманской Портой (10 июля 1775 года) Долгоруков получил шпагу с алмазами, алмазы к ордену Св. Андрея Первозванного, который

он имел с 1767 года, и титул Крымского. Василий Михайлович все же остался недоволен тем, что не получил за покорение Крыма чина генерал-фельдмаршала, и вскоре вышел в отставку, сославшись на слабое здоровье.

Вновь служба позвала его в апреле 1780 года – он был назначен главнокомандующим в Москве, то есть фактически генерал-губернатором второй столицы. На этом посту он заслужил всеобщую любовь своей добротой, доступностью, щедростью, широким гостеприимством и бескорыстием. Осуществляя верховное управление в Москве, В.М. Долгоруков-Крымский искренне заботился о порядке и справедливости, не доверяясь законам, творил суд по своему разумению, полагаясь на собственный здравый смысл и жизненный опыт. Даже во время болезни, приступов подагры, он никому не отказывал в приеме, принимая просителей, лежа на диване. Не владея грамотой, генерал отбрасывал в сторону перья, ссылаясь на их плохое качество, и диктовал свои распоряжения устно.

Он пробыл на этом посту недолго и скончался 30 января 1782 года. Москва его долго оплакивала. Остался в «первопрестольной столице» его дом, где впоследствии размещалось Дворянское собрание.

О полководческих способностях Долгорукова высказывались самые разные мнения, не всегда лестные. Но не обладая крупным военным талантом, он порученное ему дело всегда выполнял толково, с усердием и успехом, пользовался репутацией доблестного и храброго генерала.

ПЕТР АЛЕКСАНДРОВИЧ РУМЯНЦЕВ-ЗАДУНАЙСКИЙ (1725—1796) *Граф, генерал-фельдмаршал.*

По справке Разрядного приказа, родоначальником рода Румянцевых является Василий Румянец. Он стал известен благодаря помощи великому князю московскому Василию, сыну Дмитрия Донского, при завоевании им Нижнего Новгорода в 1391 году. Василий Румянец был нижегородским боярином и находился на службе у князя Бориса. Встав на путь предательства, Василий Румянец передал и своего князя, и его удел в руки великого князя Василия.

Дети его уже носили фамилию Румянцевы и со временем разделили свой род на несколько отдельных ветвей. Дворяне Румянцевы встречаются среди дворянских родов Смоленска, Нижнего Новгорода, Москвы, Костромы, Ярославля. Некоторые исследователи ведут родословную графского рода Румянцевых от смоленского дворянина Матвея Румянцева, жившего во времена правления Ивана IV Грозного. Он имел сыновей Василия и Сергея, и упоминаются они в грамоте 1598 года. Вплоть до XVII века представители рода не отличались особыми заслугами, и кроме их имен и принадлежащих им владений никаких других сведений о них нет.

В XVII веке они упоминаются как стряпчие и воеводы, а при царе Алексее Михайловиче Иван Иванович Румянцев «за труды, понесенные в Крымском походе» был переведен из Астрахани в Москву и пожалован в стольники.

Слава к фамилии пришла с сыном Ивана Ивановича, Александром Ивановичем Румянцевым. Родился он в 1679 или 1680 году. Красивый, рослый и смышленый молодой человек очень понравился Петру I, который взял его в денщики. Александр быстро продвигался по службе, и в 1744 году за многочисленные заслуги перед отечеством он был возведен в графское достоинство, став первым графом в роду Румянцевых. Женился он на дочери Андрея Артамоновича Матвеева Марии. Их сын, родившийся незадолго до смерти Петра I, был назван в честь великого государя, весьма благоволившего к его отцу.

Уже в 5-летнем возрасте отец записывает маленького Петра в гвардию, в Преображенский полк. Так что чины будущему фельдмаршалу идут чуть ли не с младенчества. А в 18 лет Петр

Румянцев становится уже полковником и командиром Воронежского пехотного полка. В 1756 году, пробыв в звании полковника почти 13 лет, Петр Румянцев был произведен в генерал-майоры и назначен командиром бригады. То время знало карьеры гораздо более блестящие.

С началом Семилетней войны, когда русские войска подошли к границам Саксонии, в их составе была и бригада генерал-майора Румянцева. В сражении при Гросс-Егерсдорфе, в критический момент битвы он принял самостоятельное решение и выдвинулся вперед. Этой решительной атакой он переломил ход битвы, остановил противника и заставил его беспорядочно отступать.

В 1758 году Румянцев стал генерал-поручиком. Получив под командование дивизию, он отличился уже при новом командующем – П.С. Салтыкове, прибывшем к армии в июне 1759 года. В битве при Кунерсдорфе его дивизия обороняла центральную позицию русских войск, отражая все атаки отборной конницы Фридриха II, а затем, опрокинув пруссаков штыковой контратакой, полки Румянцева заставили их бежать с поля боя.

Впереди был Берлин. Но решительного наступления на город, способного поставить победную точку в многолетней войне, не последовало. Уже через несколько дней Фридрих II сумел увеличить численность своего войска до 30 тысяч. Война затягивалась.

В 1760 году корпус Румянцева осадил крепость Кольберг на побережье Балтийского моря. С моря крепость блокировал русский флот. Взятие Кольберга могло бы обеспечить стратегический простор союзникам на Померанском театре военных действий. С приближением осени Румянцеву было рекомендовано отойти от крепости на зимние квартиры, но он решил действовать самостоятельно. Начались траншейные работы и подготовка к штурму. В ходе осады Кольберга в истории русского военного искусства Румянцев впервые применил элементы тактической системы «колонна – рассыпной строй». И в декабре гарнизон крепости капитулировал. Русским достались 3 тысяч пленных, 146 орудий, знамена, большие запасы оружия, снаряжения и амуниции. С взятием Кольберга русская армия получила базу снабжения вблизи от границы Бранденбурга и могла в будущую кампанию создать угрозу наиболее важным жизненным центрам противника.

После взятия войсками Румянцева Кольберга казалось, что окончательное поражение Пруссии очевидно и весьма близко. Налицо были все предпосылки для победоносного окончания войны в кратчайший срок. Но смерть императрицы Елизаветы

смешала карты. Она умерла 25 декабря 1761 года (5 января 1762 года), и этот день был, вероятнее всего, счастливейшим днем в жизни короля Фридриха II. На российский престол взошел великий князь Петр-Ульрих, принявший имя Петра III. С детства являясь почитателем военных и прочих талантов Фридриха II, российский император поспешил заключить мир с прусским королем, вернул ему все завоеванные земли и объявил себя его преданнейшим другом и защитником. Он предложил Фридриху военный союз против его врагов, а в качестве первой совместной акции – войну против Дании. На пост командующего было предложено множество кандидатур, но Петр III предпочел генерал-аншефа Петра Румянцева, приобретшего к тому времени большую известность и славу полководца.

Екатерина II, свергнувшая своего супруга с престола, хорошо понимала реальную силу войска в руках такого решительного человека, каким был Румянцев. К тому же последний не поспешил с актом политической лояльности и недопустимо долго, по мнению «законопослушных» подданных да и самой императрицы, не присягал новой государыне. Поэтому одним из первых повелений новой самодержцы стал приказ об отстранении Румянцева от командования войсками. Одновременно с этим Екатерина расторгла союз с Пруссией, но войны с ней не возобновила. Семилетняя война окончилась.

Румянцев направил государыне Екатерине прошение об отставке с позволением жить в деревне или ехать для поправки здоровья к целительным водам, что и было ему разрешено. Затем между ним и императрицей завязалась переписка, суть которой сводилась к приглашению его вновь на службу и его колебаниям по этому поводу. В январе 1763 года Румянцев соглашается вернуться в Россию и еще до своего приезда получает Эстляндскую дивизию. В следующем году он получает пост генерал-губернатора Малороссии с подчинением ему казацких полков и украинских дивизий. Помимо всего прочего, эта должность предполагала охрану границ России при взрывоопасном соседстве турок. Общепризнанная слава полководца, как верно решила Екатерина, в этом случае ее наместнику на Украине не помешает.

Через пять лет Россия начинает новый этап активной внешней политики, связанной с присоединением причерноморских территорий. Движение в этом направлении неизбежно приводило к военному столкновению с Турцией. За четверть века одна за другой следуют две войны России с Оттоманской Портой.

Полководческий талант Румянцева ярко раскрылся в русско-

турецкой войне 1768—1774 годов. С его именем связаны главные победы русских войск, и зачастую эту войну называют «румянцевской».

С началом военных действий Петр Александрович был назначен командующим 2-й армией. Командующим 1-й армией стал генерал-аншеф А.М. Голицын. Фактический ход боевых действий в 1769 году свелся к борьбе за Хотин, на который вела наступление 1-я армия. Голицын действовал крайне вяло, нерешительно, с неоправданной, чрезмерной осторожностью. Турки сами атаковали войска Голицына – русский командующий продолжал придерживался чисто оборонительной тактики. Солдаты 1-й армии отбили все атаки и принудили турок к отходу под стены Хотина, но сами их не преследовали. Победа осталась неиспользованной. Кампания 1769 года для армий ознаменовалась сменой командующих. Неспособность Голицына к командованию была очевидна. Он был отозван в Петербург. Командующим 1-й армией был назначен Румянцев, командующим 2-й армией стал П.И. Панин.

Румянцев оправдал надежды императрицы. Он прибыл к войскам 1-й армии в сентябре. Уже по его приказу главные силы армии были отведены на зимние квартиры к северу от Хотина. Двинувшись от Хотина к Дунаю, он за осенне-зимнюю кампанию 1769—1770 годов полностью очистил от турок Валахию и взял Журжу. В то же время новый командующий провел большую работу по подготовке войск к следующей кампании.

Главные силы турецкой армии под командованием великого визиря к весне 1770 года постепенно сосредотачивались на правом берегу Дуная у Исакчи. Отдельные группы турецких войск действовали на левом берегу Дуная. Значительные силы турецкой конницы намеревались нанести удар в направлении на Яссы. В этой ситуации Румянцев двинул армию навстречу противнику. В конце апреля главные силы 1-й армии выступили из лагеря под Хотином и двинулись на юг вдоль левого берега Прута. После соединения с передовым корпусом у Румянцева было около 40 тысяч человек, включая нестроевых.

Великий визирь, зная малочисленность русских войск, предполагал разбить их поодиночке, не допуская до соединения. Для этой цели он назначил три корпуса – всего около 60 тысяч человек. Сам же визирь с передовыми силами спешил подкрепить передовое войско. Именно поэтому Румянцев решил не дожидаться объединенного удара всей турецкой армии, а бить ее частями. Петр Александрович в борьбе с турками применял принцип «врозь двигаться, вместе драться» и в июне 1770 года нанес сокрушительное поражение противнику, разбив 20-

тысячное войско в сражении при урочище Рябая Могила на левом берегу Прута. Знаменательно соотношение потерь в этом сражении – противник потерял более 500 человек убитыми, русские же – 17 убитыми и 37 ранеными. Сражение при Рябой Могиле показало, как высоко поднялось русское военное искусство.

Сразу же после сражения Румянцев отрядил отряд Потемкина для наблюдения за отступающим противником. Поскольку медленное продвижение 2-й армии оставляло его фланг незащищенным, Румянцев выдвинул несколько отрядов для охраны важнейших направлений и только потом двинулся к нижнему течению Дуная. Панин в это время лишь переправился через Днестр и шел по направлению к Бендерам.

Вскоре между течением рек Прут и Ларга авангарды 1-й армии, далеко выдвинутые от основных сил, обнаружили лагерь противника. Турки значительно превосходили войска Румянцева по численности: 38 тысячам русских солдат противостояло около 80 тысяч турецких, на соединение с которыми шли еще и главные силы визиря. Чтобы не допустить этого, Румянцев решает немедленно атаковать противника. Для осуществления операции он сосредоточил все свои силы, выделив лишь двухтысячный отряд для охраны мостов у Фальчи.

Командующий построил войско в четыре каре: два нацеливались на фланг неприятельского лагеря, два предназначались для атаки с фронта. На рассвете 7 июля по правому флангу турецких войск был нанесен мощный удар. Используя расчлененные боевые порядки и умело применяя артиллерию, Румянцев в 8-часовом бою полностью разгромил и обратил в бегство превосходящие силы противника.

За победу при Ларге Румянцев был награжден орденом Св. Георгия 1-й степени, став первым кавалером высшей степени Военного ордена России.

Самую громкую славу Румянцеву-полководцу в этой войне принесло сражение у реки Кагул, где ему противостояла 150-тысячная турецкая армия Халиль-паши. В тылу у русских войск, насчитывающих всего около 40 тысяч человек при 150 орудиях, действовала татарская конница. Поскольку натиск татар в тылу все более и более усиливался, то сконцентрировать все силы не представлялось возможным. Румянцеву пришлось довести численность тыловой группы до 11 тысяч человек. Таким образом, сам он располагал против войск Халиль-паши армией, насчитывавшей не более 27 тысяч при 118 орудиях.

Место турецкого лагеря было выбрано крайне неудачно, по сути, он располагался в своеобразном «мешке», между лощиной и

течением Прута, заняв при этом проходившую здесь командную возвышенность. По всей видимости, великий визирь усматривал преимущество своей позиции в удобстве передвижений конницы по лощинам между хребтами для атаки расположенных южнее русских войск и действий на их тыл, если бы они вздумали с этой стороны атаковать турецкий лагерь. Невыгодность позиции, однако, была более значима: она была тесна, изрезана хребтами, изолировавшими части войск, а левый ее фланг оставался почти незащищенным. Этот последний недостаток визирь намеревался возместить искусственным укреплением позиции.

Румянцев решил атаковать турок, используя все преимущества их невыгодного расположения. Согласно плану сражения, основные усилия направлялись на левый фланг. Составленный Румянцевым план был схож с планом сражения у Ларги в том, что исход боя решался ударом основной массы сил на главном направлении, другие же операции выполняли лишь подсобную роль. Одновременно план Кагульского сражения оказался проще, а идея главного удара – ярче.

В два часа ночи 21 июля русские начали наступление. Войска стали подниматься на хребты, уходившие по направлению к лагерю противника. В начале пятого часа русские построились в боевой порядок и двинулись на врага, встретившего их плотным оружейным и артиллерийским огнем. Битва началась. Турецкая конница лощинами устремилась на наступающих, отдельный конный отряд начал в то же время обход русского фланга и окружил часть русских войск.

Для русских войск создалось крайне опасное положение. В этот момент Румянцев вызвал резерв, который оттеснил противника от устья лощины. Сюда же он приказал двинуть и артиллерию, открывшую огонь по конным массам турок, стесненным в лощине боковыми хребтами. Несмотря на большие потери, турки продолжали натиск, бросая в атаку все большие силы. Русские пехотные каре успешно отражали конные атаки, но кавалерия оказалась в критическом положении. В целях лучшей обороны ее отвели за каре, а с тыла и с флангов прикрыли пехотой, построенной в мелкие батальонные каре. Около трех часов заняло отражение натиска турецкой конницы. К восьми утра русские войска перешли в решительное наступление.

Но лишь только русские войска поднялись на небольшую высоту, лежащую в непосредственной близости к укреплению, скрывавшийся в засаде большой отряд янычар атаковал каре и стремительным натиском прорвал его фронт. Ворвавшись внутрь русского боевого построения, янычары привели его в замешательство. Первые ряды атакующих русских частей стали

отступать, с трудом отбиваясь от массы наседавшего на них противника. Увидев это, Румянцев сказал находившемуся радом с ним принцу Брауншвейгскому: «Теперь настало наше дело», и бросился к солдатам. Взяв первое попавшееся ему на глаза из валяющихся на земле ружей, он закричал: «Товарищи, вы видите, что ядра и пули не решили; не стреляйте более из ружей, но с храбростию примите неприятеля в штыки». Командующий перестроил войска заново в каре и сам повел их на противника в штыковую…

В то же время гренадерский батальон сумел пробраться лощиной к плохо защищенному турецкому левому флангу и открыл продольный огонь. Вслед за ним двинулись и остальные силы. Одновременно был атакован правый фланг турок, а на тыл противника обрушился огонь русской артиллерии.

Турки, терпя громадный урон, поражаемые с фронта и тыла, сбитые в нестройную толпу, не выдержали и начали беспорядочно отступать, а затем побежали. Победителям достался лагерь противника и его артиллерия – 140 исправных пушек с полным боезапасом. Людские потери Халиль-паши в этом сражении были огромны. Наградой за Кагул Румянцеву стал чин генерал-фельдмаршала. Успех Румянцева был закреплен победами Каменского при Базарджике, Ивана Салтыкова – при Туртукае, Суворова – при Козлуджи.

К лету 1774 года великий визирь предложил снова заключить перемирие и начать мирные переговоры. Мир был заключен в деревне Кючук-Кайнарджи, которую незадолго до этого занял Румянцев. Мирный договор был подписан в русской ставке по-походному, на полковом барабане. Он обеспечивал России исключительно выгодные условия. Кючук-Кайнарджийский мир превратил Россию в черноморскую державу и значительно укрепил ее позиции на юге, в Закавказье и на Балканах.

В знак особых заслуг Екатерина Великая пожаловала Румянцеву почетную приставку к фамилии – «Задунайский».

После заключения мира Петр Александрович Румянцев вернулся к управлению Малороссией. В Петербурге же при дворе прочно обосновался бывший его подчиненный, новый фаворит Екатерины II Григорий Потемкин. Он оттеснил своего прежнего начальника в военных делах, что подтвердила новая война с Турцией, начавшаяся в 1787 году. Потемкин пытался руководить Румянцевым, отведя его армии лишь вспомогательную роль. Не желая быть зависимым, фельдмаршал передал армию новому командующему и уехал на Украину. Последние годы жизни он безвыездно жил в Полтавской губернии, продолжал управлять Малороссией, бессменным наместником которой был 32 года.

При дворе он не появлялся, полюбив проводить время в сельском уединении в селе Ташаки. Здесь его застало известие о смерти Екатерины. Фельдмаршал ненамного пережил императрицу. 8 декабря 1796 года в 8 часов 45 минут, как было сказано в заключении о болезни, Петр Александрович Румянцев-Задунайский умер «самым тихим образом». Узнав о смерти Румянцева, Павел I приказал три дня носить траур.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ПРОЗОРОВСКИЙ (1732—1809) *Князь, генерал-фельдмаршал.*

Князья Прозоровские возводили свой род к началу XIV века, ведя его от князя Давида Федоровича Ярославского. Всего же родов Ярославских князей существовало более 30, и все они носили особые прозвания, ставшие фамилиями для потомков. Младший сын Давида, Михаил, был князем Моложским, и только с его внука, Ивана Федоровича, начинается фамилия Прозоровских. Фамилию он получил от названия села Прозорова, данного ему во владение. Сын его, Андрей Иванович, писался уже с этой фамилией.

Возвышаться род Прозоровских начинает при первых Романовых. А первым знаменитым мужем среди представителей рода был Семен Васильевич Прозоровский. Его подпись стояла на грамоте об избрании на царство Михаила Романова. В 1613 году Семен Васильевич был назначен воеводой города Тихвина и храбро оборонял сей город от шведов, сумев продержаться малым числом воинов до подхода дополнительного русского войска. За оборону Тихвина он был награжден царем позолоченным кубком и собольей шубой. Затем еще не раз князь Семен Васильевич назначался воеводой в разные города, мужественно сражаясь с врагами. Он исполнял и почетные должности на приемах иноземных послов, занимался укреплением обороны на границах, обменом пленными.

За неудачи под Смоленском в 1632—1633 годах князь Прозоровский был призван к ответу как изменник вместе с другими воеводами, сдавшими город полякам. Спасло его заступничество царицы Евдокии и то, что ратники, бывшие под Смоленском, восхваляли героизм и мужество, с которым бился против врагов Семен Васильевич. Казнь была заменена ссылкой в Нижний Новгород, но через месяц по приказу царя Прозоровский был снова возвращен в Москву для исполнения ратной и посольской службы.

В период царствования Алексея Михайловича Семен Васильевич Прозоровский оставался на высоких постах. Он был пожалован в бояре и принимал активное участие в предварительных работах по составлению «Соборного Уложения». До последних дней он служил царю верой и правдой. Семен

Васильевич Прозоровский скончался в сентябре 1660 года, приняв перед смертью схиму с именем Сергея.

Из пяти его сыновей трое – Иван, Михаил и Петр большой – погибли в Астрахани, защищая крепость от войска Степана Разина. Четвертый сын, Александр, потомства не имел, и продолжателем рода Прозоровских стал пятый сын – Петр меньшой. Он получил чин боярина, воеводствовал, занимался дипломатическими приемами.

Все представители мужской линии рода связывали свою жизнь с государевой ратной службой. В XVIII веке уже правнуки Петра меньшого сумели достичь генеральских чинов, а Александр Александрович Прозоровский дослужился до чина фельдмаршала. Жизнь его оказалась теснейшим образом связана с Крымом – Тавридой, бывшей долгие десятилетия проклятием для его предков. Он же, будущий генерал-фельдмаршал и кавалер многих орденов, этот полуостров брал и на саблю, и на штык, ломал сопротивление степняков, подводя их под державную руку российской монархии. А поначалу князю Александру, повторяющему судьбу многих и многих дворянских недорослей, казалось, ничто не предвещало подобной планиды.

Отцом его был Александр Никитич Прозоровский – капитан-лейтенант флота, а матерью – княжна Анна Борисовна, урожденная Голицына. Дед по материнской линии боярин Борис Голицын был воспитателем и ближайшим соратником молодого царя Петра I.

Родился Александр Александрович Прозоровский в 1732 году и в 10-летнем возрасте в числе иных был записан в гвардию, в Сухопутный Шляхетский кадетский корпус, где и получил не только военное образование. В 1746 году – капрал, в 1753-м – сержант, а в следующем, 1754 году он начал службу в действующей армии в чине поручика. Семилетняя война застала его капитаном: он принял участие во всех основных ее битвах, включая Гросс-Егерсдорф, Кунерсдорф и взятие Берлина, дважды был ранен и окончил войну полковником.

Русско-турецкую войну 1768—1774 годов Прозоровский встретил генерал-майором. В этом чине он и служил в 1770 году во 2-й армии графа Петра Ивановича Панина. Главной целью армии было взятие мощной крепости Бендеры. Прозоровскому же Панин поручил особое дело – с отрядом, состоявшим из драгун, гусар, донцов, украинских и запорожских казаков, калмыков, идти к Очакову и там препятствовать всем попыткам неприятеля противодействовать главным силам армии.

18 июня 1770 года генерал-майор Прозоровский прибыл с основной частью своего отряда под стены крепости. Генерал

приказам запорожцам и донцам ударить по османам, дабы выманить их в поле и посмотреть в деле на все их силы. Турки, казалось, против подобной демонстрации ничего не имели, когда русские с двух сторон напали на неприятельскую партию, направлявшуюся к водопою, то ей на помощь из Очакова тотчас же выскочила конница, которая так же скоро была опрокинута. В ответ на это турецкий комендант выпустил из необъятных ворот крепости пехоту с пушками, которую быстро, как доселе кавалерию, опрокинули пушечным огнем драгуны Борисоглебского полка.

Пленные заявили, что гарнизон крепости, состоящий из 3 тысяч человек, решил драться до конца. Прозоровский засомневался в твердости этого намерения и направил послание с предложением сдачи, которое турки вернули нераспечатанным. На словах комендант велел передать неверному: «Не трать слов, но делай то, за чем пришел!»

Русский генерал хмыкнул и решил последовать совету: ведь мудрость не зависит от того, как она изречена. Коли говорят – то надо делать! Князь начал выбирать позицию для своих войск и убедился, что осада невозможна – с моря Очаков был неуязвим, и что надеяться остается только на собственную сметку и храбрость подчиненных. Для этого надлежит ловить момент. Этим Прозоровский и занялся, постоянно тревожа очаковцев своими отнюдь не безопасными маневрами.

Он выжидал. Прежде всего, подхода калмыков, и когда те подошли, решил, что пора как следует напомнить неприятелю о себе.

8 июля генерал оставил 2 тысячи калмыков у крепости, а остальных поделил на три части: калмыки направились вниз к устью Днепра; запорожцы двинулись к лиману – до самого моря. Сам же генерал во главе драгун, гусар и пикинер пошел между калмыками и запорожцами, дабы поддержать огнем или клинком либо тех, либо других.

Частый бредень русской кавалерии начал сгребать всех вооруженных османов к Хаджибею, представлявшему собой хорошо вооруженный замок, в дальнейшем выросший в город Одессу. 12 июля Прозоровский подошел к замку, через бойницы которого турки открыли яростную ружейную пальбу, в тщетной надежде устрашить наступающих. Для большей аргументации начали пушечную стрельбу и суда, находившиеся в Хаджибейской гавани. Тщетно. Запорожцы бодро пошли на приступ и так же лихо вступили в форштат, взяв там приступом несколько домов с засевшими в них османами, после чего спалили форштат дотла. Дело было сделано, и Прозоровский отвел свой отряд на позицию

между реками Журавкой и Тилигулом.

В это время ситуация осложнилась приходом в Очаков крымского хана, который формально не был воюющей стороной, что и объясняет его проход в крепость. Там он почти сразу же отбросил все притворство, недвусмысленно начав действовать заодно с очаковским пашой. Это вынудило Прозоровского в конце концов начать против татар решительные действия.

5 сентября 3 тысячи запорожцев разгромили значительную неприятельскую партию и всерьез занялись ханскими обозами. Спасая их, из Очакова вышло до 10 тысяч конницы, начавшей отчаянно наседать на запорожцев. Те, удерживая добычу, отошли к Янчокраку, откуда, выполняя приказ Прозоровского, переместились к Березани, соединясь с калмыками. Сам же князь, двинувшись вниз по Бугу, встал в двадцати пяти верстах от Очакова, дабы иметь возможность прикрывать свою березанскую партию, бывшую от него в десяти верстах, равно как и калмыков, частью пока оставшихся при устье Янчокрака под началом майора Елагина.

Ему и отправил князь приказ произвести 10 сентября «фальшивую» атаку на Очаков. Если же неприятель отреагирует достойным образом, то надлежит отступить, заманив его на вершине Янчокрака в засаду. Сам же Прозоровский по собственной диспозиции должен был появиться в крепости совсем с другой стороны – с той, где его ждали менее всего.

Так и произошло – турки и татары увязли в сече с донцами, напиравшими на них со стороны лимана, и поэтому не могли охватить всю панораму боя в целом. Это сразу же укрепило позицию Прозоровского. Он отряжает большую часть запорожцев во главе с кошевым атаманом Головниным на помощь донцам, оставив себе всего тысячу сечевиков для прикрытия правого фланга.

Головнин повел казаков на превосходящего его значительно числом противника и после жаркой схватки начал отжимать противника к форштату, производя страшное опустошение в его совсем расстроившихся рядах. Подоспевший тут же Прозоровский с тремя эскадронами гусар довершил поражение. Регулярная легкая кавалерия русских буквально выкосила неприятеля. Уцелели считанные единицы – из войска в 4 тысячи человек спаслось лишь 70.

Войском командовал сам хан. Он же его и лишился, потеряв помимо людей еще 3 пушки, 11 знамен, булаву и множество ружей. Хотя, справедливости ради, заметим, что физические его потери равнялись следующему: в кавалерии – до 1800 человек, в пехоте – до 900, не считая 90 пленных. Остальные просто

разбежались. В свое время в Англии была выпущена медаль по случаю разгрома «непобедимой армады» испанцев, на которой выбили надпись: «Дунул Господь – и они рассеялись». Здесь же роль провидения на себя взяло русское оружие.

Одновременно с разгромом ханского отряда отличился и Елагин: его люди заманили противника в засаду, как и приказывал Прозоровский, и вырубили более сотни человек. Так что после сего дела гарнизон Очакова не превышал 5 тысяч человек и уже не мог оказать никакой реальной помощи Бендерам. Виктория была для генерал-майора Прозоровского в этот день полная.

Такого же мнения были и в Петербурге – князь удостоился военного ордена Св. Георгия 3-й степени. До него награжденных этой степенью было всего 20 человек.

В кампании следующего, 1771 года Прозоровский – уже под началом нового командующего армией князя Долгорукова – вместе с войском направляется в Крым – на завоевание ханства, столь долго терзавшего южные рубежи Руси. Во многом покорение Крыма зависело от того, будет ли преодолен Перекоп, или Орь – укрепленная линия, перегораживающая вход на полуостров и являвшаяся как бы границей собственно ханства. Ее и надлежало взять в первую очередь. Ее и взяли согласно плану командующего армией. И значительное место в сем плане было отведено действиям генерал-майора Прозоровского.

Долгоруков намеревался атаковать Перекоп в ночь с 13 на 14 июня, направляя главный удар на часть линии, примыкавшей к Черному морю. Одновременно с этим для тыльной обороны линии часть кавалерии и пехоты под командованием Прозоровского направлялась в обход правого фланга татар, вброд по Сивашу. Таким образом, князю первому предстояло свершить то, что впоследствии делалось еще дважды в истории России, в ее трагические и великие периоды бытия.

Войска под его началом свершили задуманное главнокомандующим. Пройдя по отмели Сиваша, они вышли на крымский берег и заняли позицию напротив неприятельской линии обороны.

Противник бросил против отряда Прозоровского всю бывшую у него конницу (около 30 тысяч), намереваясь сильным ударом опрокинуть русских и сбросить их в воду. Однако это намерение так и осталось намерением. Удару конной лавы князь противопоставил встречную атаку своей кавалерии. Конницы сшиблись на рысях, и, несмотря на значительное численное превосходство татар, русские не отступили, выдерживая все наскоки неприятеля. Собственно, и отступать было особенно

некуда, так что жестокая рубка происходила на ограниченном участке суши у самой воды.

В этот момент подоспела пехота Прозоровского, которую князь немедленно ввел в дело. Она и довершила сражение, начатое русской кавалерией. Вражеская конница была опрокинута и отступила в глубь полуострова.

Князь, как человек вежливый, не мог расстаться на полуслове, поэтому татар гнали почти 30 верст по самой сердцевине их владений так, что те даже забыли, по каким местам они пробегают.

Перекоп капитулировал полностью на следующий день – дорога в исконные владения ханства была открытой. По ней и пошли русские, превращая тем самым Крым в Тавриду.

Однако это превращение произошло не в один день, так что спустя несколько лет генерал-поручик Прозоровский вновь оказался в знакомых краях. В 1778 году он возглавил в Крыму русские войска, призванные помочь хану Шагин-Гирею, с приязнью относившемуся к России и все более попадавшему от нее в зависимость, надеявшемуся таким образом укрепиться на престоле.

У Шагин-Гирея существовала значительная оппозиция, во главе которой стояли старая крымская знать и духовенство. Он слишком круто переложил руль корабля привычной жизни в сторону Европы.

Против законной власти Гирея вспыхивает восстание, которое хан подавляет во многом благодаря Прозоровскому. Русские войска сначала очищают местность, прилегающую к столице Крыма – Бахчисараю, затем князь отправляет сильные отряды сначала к Альме, затем к Каче. Его войска разбивают наголову отряды Батыр-Гирея, которого мятежники выдвигали в противовес Шагину, и изгоняют их вместе с предводителем за Кубань. История самостоятельного ханства заканчивалась – через 5 лет Шагин отречется от престола в пользу Екатерины II.

Императрица знала, кому она и чем обязана, и не любила медлить с наградами отличившимся, свято памятуя одну из первейших заповедей монарха: не плодить без необходимости недоброжелателей из числа приближенных. Обиженный царедворец способен на странные поступки.

Так что еще 26 ноября 1778 года последовал высочайший указ, возводящий Прозоровского в кавалеры ордена Св. Георгия 2-й степени с указанием причины столь высокого отличия: «В 1771 году с конницей учинил в брод через Сиваш переправу в тыл неприятелю и открыл нашим войскам свободный вход в Крым. В 1778 году, предводительствуя знатным отрядом войск в Крыму,

содействовал в выполнении всей порученной ему от Ее Императорского Величества секретной комиссии и уничтожением всех неприятельских действий».

Вскоре после этого Екатерина доверяет ему Орловское и Курское наместничество, а затем назначает главнокомандующим в Москву, на одну из самых высших должностей в государстве. Прозоровский установил надзор за всеми проживающими в Москве французами (в связи с начавшейся во Франции революцией) и русскими масонами, а также по его приказу был арестован известный просветитель и издатель Н.И. Новиков. На этой должности Прозоровский оставался до 1795 года и после увольнения был назначен шефом Московского гренадерского полка. Екатерина II высоко оценила службу Прозоровского, назначив ему пожизненную пенсию в 12 тысяч рублей в год и наградив его всеми высшими российскими орденами.

Вступив на престол, новый император Павел I сделал Прозоровского командиром Смоленской дивизии с чином генерала от инфантерии. Но через месяц последовала опала, и Александру Александровичу была дана отставка с приказом безвыездно проживать в деревне.

На службу Прозоровский был вновь приглашен в марте 1801 года уже новым императором. Александр I произвел его в генерал-фельдмаршалы, а с началом русско-турецкой войны назначил командующим Молдавской армией. На этом посту Александр Александрович Прозоровский и скончался 9 августа 1809 года, написав в своем духовном завещании: «Те только памятники прочны, которые сооружает благодарное Отечество, прочие, воздвигаемые гордостью, ничтожны, пускай одна доска с простой надписью указывает место моего погребения».

Как бы откликаясь на эти слова, император приказал всей армии носить 3 дня военный траур «в знак признательности полезной Отечеству службы князя Прозоровского».

Князь имел двух дочерей – Елизавету и Анну, и, следовательно, был последним прямым представителем мужской линии рода Прозоровских. Дабы сей славный род не пресекся, в ноябре 1854 года император Николай I дозволил его внуку, генерал-майору князю А.Ф. Голицыну, принять фамилию деда и потомственно именоваться Прозоровским-Голицыным.

ТУПАК АМАРУ II (ХОСЕ ГАБРИЭЛЬ КОНДОРКАНКИ НОГЕРА) (ок. 1740—1781)

Инкский аристократ, руководитель крупнейшего восстания индейцев Перу.

Начало завоеваниям испанскими конкистадорами Перу положил Франсиско Писарро в первой половине XVI века, и с этого времени вплоть до начала XIX века на территории вице-королевства Перу и других колониальных владений Испании не прекращались большие и малые восстания индейцев против колонизаторов. Их не могли остановить ни сожжение селений мятежников, ни карательные рейды и истребление целых племен, ни жестокие казни вождей восставших. Испанские завоеватели даже выстроили целую систему военных гарнизонов – «королевских крепостей», но и она себя не оправдала. Борьба за независимость не прекращалась.

С начала 40-х годов XVI века в Восточных Андах развернулась длительная партизанская война, которую возглавили представители инкской бывшей правящей династии. Они образовали Новоинкское государство с центром в горном районе Вилькапампа. Во главе нового государства стал Сайри Тупак – сын Манко Инки, первым начавшим вооруженную борьбу с испанцами. В его правление границы государства расширились до верховий Амазонки, а население увеличилось до 80 тысяч человек. В 1555 году Сайри Тупак развернул военные действия против испанцев. В Вилькапампу испанцы неоднократно засылали посольства для ведения дипломатических переговоров и выработки почетных условий, на которых наследники инкской династии могли сложить оружие. Эти условия, а среди них высокая годовая рента, богатые пожалования и другие, имели частичный успех. Сайри Тупак посетил Лиму, где в 1558 году принял крещение вместе с многочисленной свитой. Свою резиденцию он перенес в более теплый климат долины Юкай. Но его политика «мирных отношений» с колонизаторами пришлась не по нраву многим инкским аристократам, и Сайри Тупак был отравлен своими же приближенными. После его кончины власть унаследовал его брат Титу Куси Юпанки, который возобновил

войну. Всякие попытки конкистадоров покорить независимых индейцев были напрасны. В 1565 году Диего Родригес побывал в цитадели инков в Вилькапампе с целью выманить правителя из укрытия, но его миссия не имела успеха. На следующий год другой миссионер повторил подобную попытку, но в ходе переговоров Титу Куси заболел и умер. Впоследствии индейцы убили еще нескольких испанских послов. Но все-таки соглашение о «вечном мире» было подписано. Титу Куси признал себя вассалом испанского короля в обмен на признание его законным наследником инкской династии. Этим он пытался избежать военной конфронтации и новых многочисленных жертв среди индейцев. Соглашение было отправлено на утверждение королю Филиппу II, но смерть помешала Титу Куси дождаться плодов своей деятельности.

В 1570 году к власти пришел младший из сыновей Манко Инки – Тупак Амару I. Став наследником власти инков, он отказался признать перемирие и продолжил борьбу, начатую еще его отцом. Все посланцы вице-короля Толедо находили смерть в Вилькапампе, что дало повод к новой войне. К маю 1572 года в Куско собралась мощная экспедиция, в состав которой вошли как испанцы, так и индейские племена, традиционные противники инков. Были обещаны большие награды и тщательно проведена разведка. Первый бой произошел у моста Чукичако, и тогда уже стало ясно, что силы явно не равны. Но инки продолжали мужественно сопротивляться. Крепость Вилькапампа находилась на вершине отвесного каньона и выглядела неприступной. Возможно, испанцам не удалось бы овладеть крепостью, но дорогу к ней выдали перебежчики. Проделав бреши в стенах, карательные отряды ворвались в крепость и после ожесточенной битвы взяли ее. Тупаку Амару удалось уйти в сельву вместе с семьей и некоторыми сподвижниками. Но долго ему скрываться не удалось. Выданный одним из родственников, он вскоре попал в руки испанцев. Их добычей стали и священные реликвии инкской династии, в том числе золотой идол Пунчау, в полости которого хранился пепел сожженных сердец предшествующих правителей инков. Тупак Амару и его военачальники, скованные ошейниками, были доставлены в Куско. Здесь в 1572 году на главной городской площади при стечении большого количества народа они были обезглавлены. Казнь была совершена в присутствии жен и двух малолетних дочерей Тупака Амару.

С падением Вилькапампе и казнью последнего верховного инки испанцам удалось (на время) водворить в Перу относительное спокойствие. Возможно, тогда и родилась индейская легенда об Инкарри – Инке-царе. Согласно ей, испанцы

казнили некогда законного правителя инков. Отрубленную голову они захоронили то ли в Куско, то ли в Лиме. Однако голова и после смерти продолжает жить. У нее отрастает новое тело. Как только Инкарри возродится, он поднимется и прогонит всех чужеземцев. Древнее царство инков восстанет из пепла и руин. На земле воцарятся мир, справедливость и благоденствие.

Колониальные власти сохранили некоторые административные формы инкской империи, приспособив их для собственных нужд. Испанские власти, подобно инкским, практиковали массовые переселения общин и систему трудовых повинностей, а также сформировали из индейцев особый класс прислуги и ремесленников. Колониальная администрация управляла индейцами через посредников и не вмешивалась в повседневную жизнь. Особая роль в деле приспособления индейцев к новым колониальным условиям отводилась касикам – местным правителям. Испанская корона давала покровительство представителям древней индейской аристократии – потомкам инкской династии. Они имели право одеваться на испанский манер, пользоваться холодным оружием «для защиты и украшения своей персоны», ездить верхом, заниматься торговлей, обращаться с прошениями непосредственно к испанскому королю. За ними закреплялись земли, которые можно было передавать по наследству, они могли иметь слуг и получать ежегодную подать с общин. Как представители властей, так и отличавшиеся непомерной жадностью многие местные аристократы создавали невыносимые условия для индейцев, что приводило к новым восстаниям.

Имя Тупак Амару стало символом борьбы за независимость. Многие руководители последующих восстаний стали называть себя его именем. Но среди них был и тот, кто стал носить это имя законно, по праву родства.

Около 1740 года в селении Суринама, расположенном в 120 километрах к югу от Куско, в семье потомственного касика Мигеля Кондорканки-и-дель-Камино появился на свет мальчик, получивший при рождении имя Хосе Габриэль. Матерью его была Роза Ногера, и по материнской линии он происходил непосредственно от Хуаны Пильковако, дочери Тупак Амару, последнего правителя Новоинкского царства, казненного испанцами в 1572 году. В 1609 году Хуана Пильковако, ставшая женой индейского касика Диего Кондорканки, прошла процедуру подтверждения своей принадлежности к инкской династии. Спустя 90 лет ее потомок Бартоломе был официально признан потомком Тупак Амару по прямой линии. Хосе Габриэлю Бартоломе приходился родным дедом. Прадед же Хосе Габриэля,

Блас Кондорканки, женившись на креолке, добавил потомкам к индейской еще и испанскую кровь.

Хосе Габриэль носил два имени: одно родовое по отцовской линии – Кондорканки (по названию гигантской птицы – кондора, обитающего в Андах); другое, династическое, принятое им позднее – Тупак Амару (что в переводе с языка кечуа означает «блистающая змея»).

Лишившись рано родителей, Хосе Габриэль был взят на попечение родственниками, которые постарались дать мальчику хорошее образование. Его первым учителем стал местный священник Карлос Родригес, а в 15 лет Хосе Габриэль был отправлен в Куско, в училище для знатных индейцев и касиков Сан-Франсиско-де-Борха, основанное иезуитами в 1630 году. Учеба давалась ему легко, поведение было примерным. Наставники отмечали необыкновенные способности и прилежание молодого аристократа. В 1759 году Хосе Габриэль покинул стены училища весьма образованным молодым человеком. Он бегло читал по-латыни, прекрасно изъяснялся на испанском языке, хорошо знал историю и особенно преуспел в теологии и праве. Изучение хитросплетений испанского законодательства помогло Хосе Габриэлю в работе в качестве адвоката по жалобам вверенных его заботам индейцев. Знание законов давало ему возможность успешно штурмовать колониальные инстанции.

Молодой аристократ жил небедно. Одевался он очень элегантно, сочетая испанский камзол с традиционной индейской туникой – унку, на которой золотом был вышит герб его предков. Волосы он носил длинные, до плеч, что являлось признаком знатности. Он был вежлив, любезен и почтителен и пользовался всеобщим уважением.

Получив в наследство 350 мулов, что считалось большим состоянием, Хосе Габриэль занялся погонным промыслом. Перевозя вино, ткани, зерно и сахар, он исходил со своим караваном сотни километров по горным дорогам и перевалам. Он воочию видел положение индейцев и других угнетенных сословий, остро ощущал состояние всеобщего недовольства, охватившее колониальное общество. Все это, естественно, сыграло роль в формировании его политических взглядов.

В 1766 году Хосе Габриэль стал касиком селений Суринама, Пампамарка и Тунгасука. Он претендовал также на титул маркиза Оропесы, некогда пожалованный испанской короной потомкам правящей династии инков, но не получил его. В возрасте 21 года Хосе Габриэль Кондорканки женился на Микаэле Бастидас Пуюкауа. Эта красавица, смелая, умная и решительная, станет

верной подругой Тупака Амару и разделит с ним его трагическую судьбу.

Став касиком, Кондорканки решил отстаивать права вверенного его заботам населения в рамках закона и в поисках правосудия дошел до столицы вице-королевства – города Лимы, где ему было приказано возвращаться домой и ждать ответа. Многолетняя практика хождения по инстанциям показала Хосе Габриэлю всю бесперспективность легальной борьбы за права индейцев. Во время поездок в Лиму он узнал о революционных событиях, происходящих в Европе и Северной Америке. Все это приводит Кондорканки к мысли, что надо браться за оружие.

К вооруженному выступлению шла тщательная подготовка. Были установлены связи с индейскими лидерами в Боливии и Южном Перу, получены заверения о поддержке со стороны оппозиционно настроенных креольских деятелей, составлены воззвания и определены методы борьбы.

Восстание началось в субботу 4 ноября 1780 года. В этот день Кондорканки, начавший носить династическое имя Тупак Амару II, и его сторонники арестовали ничего не подозревавшего коррехидора (исправника) испанца Антонио де Арриагу и тайно доставили его в Тунгасуку в дом индейского вождя. Хосе Габриэль действовал смело и быстро. Он вынудил коррехидора подписать несколько указов. Один из них, адресованный казначею города Тинта, требовал незамедлительно доставить в Тунгасуку всю имевшуюся в наличии казну, 75 мушкетов, а также мулов. Казначей, ничего не зная о происшедшем, выполнил все в точности. Кроме того, коррехидор повелевал жителям окрестных селений срочно прибыть в Тунгасуку. Утром 10 ноября 1780 года на главной площади Тунгасуки был установлен эшафот, вокруг которого двумя рядами выстроились люди, вооруженные пращами, дубинками и мушкетами. Вышел глашатай и прочитал на испанском и языке кечуа королевский указ, согласно которому Арриага за свои многочисленные преступления, злоупотребления и насилия над индейцами объявлялся врагом королевства и приговаривался к смертной казни через повешение. В следующем указе, подписанном также якобы испанским монархом, объявлялось об упразднении миты – одной из каторжных повинностей индейцев. Через несколько минут негр, бывший раб Арриаги, привел приговор в исполнение.

Заметим, что Кондорканки ранее отправил испанскому королю Карлу III предложение об управлении Перу, надеясь прийти к соглашению без насилия и на взаимовыгодных условиях. Он писал: «Имею представить Вашему Величеству мое назначение и обязуюсь платить столько же, сколько должна

платить эта шайка воров в королевстве, и пусть Ваша Милость будет уверена, что я буду соблюдать мир и спокойствие, Богу будет отдаваться должное поклонение и не будет многочисленных божков – коррехидоров и министров, которые, прикрываясь Вашим именем, наносят большой вред несчастным. Вот чего я добиваюсь, и это мой долг, как последнего потомка последнего правителя Перу и его наследников».

Последующие воззвания и распоряжения Кондорканки подписывал так: «Дон Хосе Габриэль Тупак Амару, индеец королевской крови инков и главного рода, Инка». Его многочисленные манифесты и обращения, размножавшиеся специальным штатом секретарей и писарей и доходившие до самых глухих уголков сьерры, имели цель сделать максимально понятным для всех слоев населения страны задачи начатого им движения.

К 19 ноября 1780 года повстанцы Тупака Амару II овладели родной провинцией предводителя, заняли ряд городов, взяли королевскую казну и склады. В районах, охваченных восстанием, от имени короля отменялись наиболее жесткие порядки и непомерные налоги, проводились казни королевских чиновников. А в селении Сангарара повстанцы полностью разгромили полуторатысячный карательный отряд, высланный из Куско. Эта победа вдохновила восставших, а известие о первой победе привело на сторону повстанцев еще 8 провинций.

Испанская знать и королевские чиновники стали в панике покидать города, оставляя не только имущество, но и документацию. Тупак Амару II, занимая города и селения, уничтожал все, особенно налоговые, документы и вместо бежавшей королевской назначал индейскую администрацию.

Восстание ширилось, армия Тупака Амару достигла 90 тысяч человек, на его сторону переходило все большее число округов. Цитадель колониальной Сьерры Куско готовилась к обороне. Колониальные власти боялись, что вице-королевство Перу может прекратить свое существование.

В конце декабря Тупак Амару осадил Куско. Он обратился к властям с предложением сдать город без боя, вероятно, не желая подвергать разрушению древнюю столицу инков. Однако испанцы сумели к тому времени организовать оборону, и штурм не удался. После двух недель боев повстанцы, численность которых более чем в три раза превышала количество осажденных, неожиданно сняли осаду и ушли в провинцию Тинта. Очевидно, Тупак Амару полагал вновь вернуться к осаде Куско, использовав временное отступление как передышку для накопления сил.

В Лиме ускоренными темпами шла подготовка к войне с

Тупаком Амару. Вице-король Хуареги опубликовал указ, по которому Тупак Амару лишался титула касика. Он объявлялся «мятежником, который обманным путем привлек на свою сторону людей», и за его голову была объявлена большая награда. Вице-король обещал прощение всем, кто немедленно покинет лагерь повстанцев. Он также отменил наиболее ненавистные индейцам повинности, в частности репарто – насильственное распределение ненужных товаров. Епископ Москосо призвал всех священников собирать оружие и деньги на войну с повстанцами. Он предал анафеме и отлучил от церкви всех, кто поддерживал мятежника. Против Тупака Амару активно выступил знатный индеец Матео Пумакауа, а также некоторые влиятельные соотечественники. Они помогали испанцам людьми и средствами.

Вскоре в Куско прибыло долгожданное подкрепление, и испанские войска перешли в наступление. В феврале 1781 года отряды повстанцев были вынуждены оставить районы, прикрывавшие Куско с запада, севера и востока, стратегически важную крепость Паукартамбо и мост через реку Апуримак, по которому проходила связь с побережьем. Положение повстанцев еще более ухудшилось, когда к испанским войскам подошла 16-тысячная карательная армия во главе с фельдмаршалом Хосе дель Валье. Тупак Амару все больше терял инициативу, и повстанцы потерпели ряд сокрушительных поражений. Вся провинция Тинта была окружена королевскими войсками. После ожесточенных сражений сопротивление повстанцев было подавлено. Тупак Амару в результате предательства попал в плен. Он сам, его родственники и ближайшие соратники были выданы теми, кто надеялся получить прощение за участие в восстании.

Расправа с индейцами была жестокой: 67 сторонников Тупака Амару были повешены, а их отрубленные головы выставлены вдоль дорог, ведущих в Тинту.

18 мая 1781 года на главной площади Куско, там, где 200 лет назад был казнен его предок, состоялась казнь Тупака Амару. Вместе с ним на площади были казнены его жена Микаэла, сын Иполито, шурин Антонио Бастидас и еще несколько родственников и сподвижников.

ГЕБХАРД ЛЕБЕРЕХТ ФОН БЛЮХЕР (1742—1819)
Прусский фельдмаршал.

Век Наполеона – век поклонения гению войны. Военная история Франции приобрела в то время много славных имен. Знаменитые маршалы, ведомые своим императором, покорили почти всю Европу и завоевали славу лучшей европейской армии. Не устояла перед французской мощью и прусская армия – «наследники Фридриха II» были разгромлены в сражениях под Йеной и Ауэрштадтом. Но, пройдя через поражение, прусская армия начала путь к своему возрождению, которое связанно с именем замечательного полководца Гебхарда Блюхера фон Вальштадта.

Род Блюхеров известен с XIII века. Его родоначальник пришел на земли Мекленбурга из Нижней Саксонии. Был он рыцарем и в борьбе со славянами сумел отвоевать эти земли и обосноваться на них. Почти все представители рода по мужской линии были военными. Служили в разных армиях и разным государям. Некоторые, навоевавшись на чужбине, возвращались в родные края.

Кристиан Фридрих Блюхер традиционно избрал для себя карьеру военного. Он немало повоевал, а затем осел в городе Ростоке, где получил штатскую должность. Здесь, в Ростоке, и появился на свет Гебхард Блюхер, став девятым ребенком в семье.

Воспитанию детей в семье Блюхеров уделялось большое внимание. Отец был с ними строг, но проводил с детьми все свободное время. С раннего возраста дети занимались физическими упражнениями, поэтому отличались отменным здоровьем. От набожной матери они усвоили библейские заповеди. Большим достатком семья не обладала, но была дружной и довольствовалась простой, неприхотливой жизнью. Друзьями детей были простые крестьянские ребята, с которыми они, лишенные кастовых предрассудков, охотно проводили время в играх и забавах.

Когда Гебхарду исполнилось 12 лет, он стал жить в семье своей старшей сестры на острове Рюген, в Швеции. Здесь располагался военный гарнизон, и наблюдение за жизнью служащих в гарнизоне солдат стало основным и можно сказать любимым делом детворы. Подражая военным, они часто играли в войну, где юный Гебхард проявил в первый раз способности

лидера.

Обучение же школьным наукам давалось ему нелегко, да он и не очень стремился к овладению ими. В дальнейшем фельдмаршал признавался в том, что в юные годы он упустил возможность учиться и его образование сводилось к частным урокам.

С началом Семилетней войны Гебхард и его брат решили, что им следует начать военную карьеру на поле брани, и вступили в шведскую армию, воевавшую против Фридриха II. Блюхер был взят в плен пруссаками, но на его счастье командиром пленившей его части был его дядя по материнской линии фон Беллинг. Вместо наказания он предложил племяннику перейти на прусскую службу. В полку фон Беллинга, в эпоху Семилетней войны, Блюхер и получил закваску гусарской лихости и отваги, отличавших его до глубокой старости. Фон Беллинг способствовал продвижению Гебхарда по службе. Блюхер вспоминал: «Незаменимый Беллинг был для меня настоящим отцом и любил меня безгранично». Но Беллинга сменил новый командир – генерал фон Лоссов. С ним у Блюхера отношения не сложились. Генерал не пожелал закрывать глаза на «проделки» молодого своенравного офицера и в 1772 году даже приложил усилие, чтобы тот не получил очередного звания. Обойденный Блюхер подал резкое прошение об отставке, чем возбудил гнев прусского монарха. «Ротмистр Блюхер уволен и может убираться к черту», – гласила резолюция Фридриха II.

Следующие 15 лет Гебхард Блюхер вел оседлую жизнь помещика. В 1773 году он женился на дочери генерала Каролине фон Меллинг, стал заботливым супругом, хорошим отцом и рачительным хозяином. Но он мечтал вернуться на военную службу и с 1778 года писал королю письма с просьбой вернуть его в армию. Но на все свои прошения он получал отказ от злопамятного монарха.

Только в 1787 году после смерти короля Блюхер вернулся в чине майора в свой прежний полк, а спустя пять лет за выдающуюся боевую службу в Рейнском походе был поставлен во главе кавалерийского обсервационного корпуса на Нижнем Рейне.

Ненавидя Наполеона, Блюхер громко высказывался за объявление ему войны. В 1806 году в сражении при Ауэрштадте, командуя передовым кавалерийским отрядом, Блюхер настойчиво советовал королю действовать наступательно, энергично и сам со своей кавалерией неоднократно бросался в атаки против конницы и пехоты Даву. При отступлении же прусской армии от Йены и Ауэрштадта Блюхер, объединив остатки своей кавалерии, войска

Евгения Вюртембергского и герцога Саксен-Веймарского, принял на себя командование авангардом и попытался пробиться к Пренцлау на соединение с войсками принца Гогенлоэ. Однако был окружен и после упорного сопротивления принужден был сдаться с остатками своего отряда. «Я капитулирую потому, что у меня нет больше ни хлеба, ни боеприпасов» – эти слова Блюхер вписал в документ о сдаче. Наполеон дал высокую оценку его действиям, сказав: «Этот беглец удерживал почти половину армии».

После возвращения из плена весной 1807 году Блюхер так плохо скрывал свою ненависть к Наполеону, что король Фридрих-Вильгельм был вынужден отправить его в отставку. Кстати, Наполеон также настаивал на удалении строптивого генерала из прусской армии.

Пройдя сквозь позор разгрома, Пруссия вступила на путь национального возрождения. Общество осознало необходимость проведения реформ, а работу по их проведению возглавил талантливый организатор и дальновидный политик Штейн. Реформирование армии стало важнейшей задачей, а комиссию по проведению армейской реформы возглавил Шарнгорст. Блюхер же стал его ближайшим помощником Он не мог по соображениям политики официально стать членом комиссии и все свои предложения передавал через начальника штаба фон Гнейзенау.

Главным Блюхер считал введение всеобщей воинской повинности. Каждый пруссак должен был отслужить положенный срок в армии, а затем регулярно проходить военные сборы. Это дало бы возможность получить мощную и боеспособную армию, причем национальную.

Блюхер всеми силами старался помочь отечеству в тяжелые для него годы и очень тосковал по службе. Правда, с 1807 года он получил назначение на должность генерал-губернатора в Померанию. Но Наполеон, внимательно следивший за антифранцузскими проявлениями его деятельности, добился от безвольного прусского монарха полного отстранения Блюхера от какой-либо деятельности. И в 1811 году генерал Блюхер был смещен со всех постов.

Наступление русской армии в 1812 году снова вызвало Блюхера к деятельности. Он был назначен командующим Южной армией (27 тысяч прусских и 13 тысяч русских войск), сосредоточенной в Силезии, и немедленно стал проявлять свою энергию.

В первой половине марта Блюхер занял Дрезден. В сражении под Люценом он командовал первой линией, которая должна была переправиться через Флуссо-Гробен, круто переменив

фронт, и затем начать наступление. Этот маневр повлек за собой поражение союзников. Но своей лихой атакой во главе кавалерии раненый Блюхер задержал пехотную дивизию французов и заставил ее простоять всю ночь под ружьем. За этот подвиг Блюхер был награжден императором Александром I орденом Св. Георгия 2-й степени. Под Бауценом Блюхер оборонял центральный участок позиции – Креквицкие высоты, а при отступлении к Швейницу нанес французам чувствительный урон нападением у Гайнау.

В осеннем походе 1813 года Блюхер во главе Силезской армии энергично наступал против Нея, но уклонялся от боя с самим Наполеоном. Последствием такого осторожного образа действий была крупная победа Блюхера над Макдональдом на реке Кацбахе 14 (26) августа, которая доставила ему громкую славу и титул князя Вальштадтского.

21 сентября Силезская армия форсировала у села Вартембург переправу через Эльбу и 4 октября одержала победу над маршалом Мармоном у села Меккерн.

6 октября она энергично пробита себе путь со стороны реки Парты, а на следующий день первой ворвалась в Лейпциг.

Кампания 1814 года наиболее резко высветила положительные и отрицательные черты Блюхера как полководца.

В январе он с 75-тысячной армией перешел Рейн, тесня перед собой Мармона, и, оставив в тылу для блокады крепостей около двух третей сил своей армии, быстро пошел через Нанси к Парижу, пренебрегая сосредоточенностью и тесной связью с главной армией.

Воспользовавшись этим, Наполеон нанес Блюхеру 15 (27) января 1814 года поражение у Бриенна. Однако, получив подкрепление, Блюхер четыре дня спустя одержал победу при Ла-Ротьере и снова устремился к Парижу.

Однако и на этот раз он, пренебрегая опасностью, растянул свои силы и в течение пяти дней (10–14 февраля) потерпел несколько поражений от Наполеона при Шампобере, Монмирале, Шато-Тьери и Во-Шаке. Потеряв 30 процентов состава своей армии, Блюхер приказал Гнейзенау: «Нужно опять вперед!» – и в третий раз начал наступление к Парижу, рассчитывая там соединиться с Бюловом и Винценгероде.

У Суассона он опять едва не попал в ловушку, но смог ускользнуть из нее. Наполеон, раздраженный этой неудачей, энергично преследовал Блюхера, но достиг лишь некоторого успеха у Краона. У Лаона наполеоновские войска снова потерпели поражение. Блюхер решительно шел к Парижу и своим наступлением оказал существенное содействие главной армии в

победоносном сражении на Монмартрских высотах.

В 1815 году Блюхер во главе прусско-саксонской армии, сосредоточенной в Нидерландах, потерпел поражение от Наполеона при Линьи. Но со своей обычной энергией он успел быстро оправиться от поражения и вовремя прибыл к Ватерлоо на помощь атакованному Веллингтону. Появление прусской армии на правом фланге французов решило исход сражения в пользу союзников. Не останавливаясь и не отдыхая, Блюхер тотчас же двинулся по пятам Наполеона к Парижу, наотрез отвергая всякие переговоры, и заставил столицу Франции капитулировать.

Только присутствие императора Александра I спасло Париж от разгрома, который готовился учинить ему Блюхер за все унижения, понесенные Пруссией от французов. За заслуги в кампании 1815 года Блюхер получил особый, специально для него одного установленный символический знак отличия: Железный крест с золотым сиянием.

После заключения мира Блюхер вышел в отставку. Очень скоро Германия поднимется, объединится и встанет в один ряд с ведущими мировыми державами. Немалую роль в этом сыграл и Блюхер. Но возрождения Германии увидеть ему было не суждено.

12 сентября 1819 года мимо дома прусского фельдмаршала Гебхарда фон Блюхера прошли с маршем войска, которые отсалютовали старому воину, прозванному солдатами Старик-Вперед. Вечером того же дня Блюхер скончался.

МИХАИЛ ИЛЛАРИОНОВИЧ ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ (1745—1813)
Светлейший князь, генерал-фельдмаршал.

Голенищевы-Кутузовы – этот род ведет начало от «мужа честна» Гавши, который, по преданию, выехал «из Прус» в Великий Новгород в первой половине XIII века. Тот же Гавша в русских летописях зовется Гавриилом Олексичем. В Новгороде он стал знаменитым дружинником Александра Невского и во время Невской битвы 15 июля 1240 года въехал на коне по доскам на шведский корабль, преследуя ярла Биргера, предводителя шведов. Правнук его Александр Прокшич получил прозвание «Кутуз» и положил начало роду Кутузовых. Внук его, Василий Ананьевич Кутузов, бывший боярином Словенского конца Великого Новгорода, имел прозвание «Голенище» и дал основу Голенищевым-Кутузовым.

Прозвания, или по-старорусски «рекла», давались людям со смыслом, отмечая какую-либо особенность человека или черту характера. Так слово «Прокша» в переводе с греческого означало «схватившийся за рукоять меча», а слово «кутуз» – «вспыльчивый, бешеный». Вероятно, и дед, и внук были не из слабохарактерных людей и умели постоять за себя. А человек, носивший прозвание «Голенище», скорее всего отличался высоким ростом и длинными ногами.

В XVI и XVII веках представители этого рода ничем особенным не выделялись. Они служили стряпчими и стольниками, бывали на второстепенных воеводствах. Выдвижение фамилии началось со второй половины XVIII века, и самым знаменитым представителем этого рода, получившим в народе звание «Спасителя Отечества», был Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов.

Датой его рождения принято считать 16 сентября 1745 года, хотя в формулярных списках, заполняемых со слов самого офицера, сам Михаил Илларионович называл и 1747-й, и 1748-й, и 1745-й в качестве года своего рождения.

Он родился в семье военного инженера, сенатора, дослужившегося до звания генерал-поручика Иллариона Матвеевича Кутузова. Отец оказал большое влияние на

воспитание и образование сына и, возможно, повлиял на выбор Михаилом военной карьеры. О матери Кутузова известно мало. Она умерла от родов вскоре после рождения Михаила, оставив четверых детей. Известна лишь ее девичья фамилия – Беклешова.

Военное образование Михаил получил в артиллерийско-инженерной школе. Получивший прекрасную подготовку дома, Михаил Кутузов сразу выделился среди воспитанников школы. Товарищи любили его за веселый нрав, преподаватели ценили за способности и прилежание. Учился Михаил успешно, хорошо освоил инженерное дело и артиллерию, любил военную историю, знал несколько языков. Особенно он увлекался инженерным делом, в котором преуспел, и после окончания школы был оставлен в ней преподавателем.

Михаил оказался хорошо подготовлен и к карьере придворного, поэтому через некоторое время его назначили адъютантом генерал-фельдмаршала принца Гольштейн-Бекского Кутузов сопровождал его на встречи с титулованными особами и дипломатами, прибывавшими в Россию из-за границы. Но в адъютантах Кутузов прослужил недолго, ему удалось выпроситься на действительную военную службу.

В возрасте 19 лет в чине прапорщика Кутузов начал свой воинский путь. В 1764 году, когда русские войска направились в Польшу, капитан Кутузов добился перевода в действующую армию. В 1764-м, 1765-м и 1769 годах он участвовал в ряде небольших боев, втянулся в походную жизнь, но, по его собственным словам, «войны еще не понимал».

В 1770 году он был направлен в 1-ю армию П.А. Румянцева, действовавшую против турецких войск в Молдавии и Валахии. Занимая должности строевого и штабного офицера, Кутузов участвовал в сражениях при Рябой Могиле, Ларге и Кагуле. Два года войны принесли ему два чина – сначала майора, затем подполковника.

Служба Кутузова в армии Румянцева неожиданно прекратилась. Кто-то из его недоброжелателей донес Румянцеву, что капитан Кутузов под смех товарищей копировал походку и манеры главнокомандующего, а последний был очень обидчив. Молодого офицера от гнева Румянцева спасли лишь безупречная служба и воинские заслуги; Кутузов был переведен в Крымскую армию. Это событие оставило в душе Кутузова глубокий след. С этих пор, несмотря на прежнюю веселость и общительность, он стал скрытным, недоверчивым, замкнутым.

В 1774 году в сражении под Алуштой Кутузов был серьезно ранен – турецкая пуля попала ему в голову ниже левого виска и вышла у правого глаза. Михаил Кутузов выжил и, награжденный

орденом Св. Георгия 4-й степени, был отправлен для лечения за границу. Он много путешествовал по Европе, знакомился с военным опытом других стран, встречался с европейскими полководцами того времени – Фридрихом II и Лаудоном.

После возвращения на родину Кутузов был назначен в войска, находившиеся в Крыму, на должность командующего Бугского егерского корпуса. Здесь он близко сошелся с Суворовым, завоевал его доверие и стал его активным помощником.

В 1787 году началась новая война с Турцией. Кутузов со своим корпусом прикрывал границы России по Бугу, затем его войска были включены в состав действующей Екатеринославской армии. Во время осады Очакова (1788) Михаил Илларионович получил тяжелое ранение – пуля пробила ему голову почти в том же месте, что и при первом ранении. Врачи посчитали рану смертельной, тем не менее Кутузов выжил, хотя его правый глаз практически перестал видеть. В следующем году он снова командует корпусом, успешно сражается под Аккерманом и Каушанами, участвует во взятии Бендер.

В ноябре 1790 года он под руководством Суворова осаждает Измаил, возглавляя 6-ю колонну. План штурма предполагал разделение войск на 6 колонн и атаку крепости одновременно с воды и с суши. Штурм начался в 3 часа утра. Колонна Кутузова направлялась к Килийским воротам, где предупрежденные об атаке турки прочно удерживали позиции. Русские несли большие потери. В решающий момент сражения Михаил Илларионович, собрав гренадеров Херсонского полка и егерей Бугского корпуса, повел их в очередную атаку, в результате чего им удалось ворваться в крепость. Гарнизон Измаила был почти полностью перебит, немногие оставшиеся в живых попали в плен. Кутузова назначили комендантом Измаила и начальником войск, расположенных между Днестром и Прутом. За взятие Измаила он был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени и произведен в чин генерал-поручика. Суворов тогда сказал: «Генерал Кутузов шел у меня на левом фланге, но был моей правой рукой».

С 1793 года в жизни Кутузова начался новый этап: он стал исполнять обязанности дипломата – чрезвычайного и полномочного посла России в Константинополе, и показал на этой должности большой талант.

На должности дипломата Кутузов пробыл недолго – до 1794 года, а затем его назначили директором Сухопутного Кадетского корпуса, где он руководил обучением и воспитанием будущих офицеров русской армии. Кутузов сам читал офицерам лекции по военной истории, впервые ввел в корпусе преподавание тактики. Одновременно Кутузов исполнял должность командующего

сухопутными войсками в Финляндии.

После смерти Екатерины II на престол вступил Павел I, который завел в русской армии прусские порядки. Многие офицеры, воевавшие еще под началом Суворова, тогда подали в отставку. В годы недолгого правления Павла Кутузов был послан с дипломатической миссией в Пруссию, а затем назначен на должность литовского генерал-губернатора. Тогда же он был произведен в чин генерала от инфантерии и награжден орденом Св. Андрея Первозванного.

При восшествии на престол Александра I Михаил Илларионович, как и многие суворовцы, находился не у дел. Около года он исполнял обязанности генерал-губернатора Санкт-Петербурга, но император остался им недоволен за «неисправности в полицейской службе». В августе 1802 года Кутузов был уволен «по прошению», но на самом деле его просто удалили из Петербурга.

Однако его «отдых» был непродолжительным. В 1805 году Кутузов вновь был призван на службу и назначен главнокомандующим русской армией, направленной на помощь Австрии. Армия Кутузова насчитывала всего 50 тысяч солдат, но именно ей пришлось из-за разногласия с австрийским командованием выдерживать основную тяжесть борьбы. Капитуляция австрийцев под Ульмом поставила русскую армию лицом к лицу с вдвое превосходящим по численности противником.

Александр I и австрийский император Франц требовали от Кутузова защищать Вену, но он отказался это делать, так как армия не имела достаточно сил. Перед ним стояла задача сохранить войска во что бы то ни стало.

Дабы избежать окружения, Кутузов решил отвести армию, и 13 октября двинулся из Браунау к Ольмюцу, ведя арьергардные бои и отражая удары французов с флангов. Наполеон дал Кутузову возможность перейти на левый берег Дуная и взорвать за собой мост. Но на этот же берег за Кутузовым успел перейти корпус генерала Мортье. В результате французы оказались против русской армии без поддержки главных сил. Французский корпус был разгромлен, и только героизм французских солдат и личное мужество спасли Мортье от плена.

20 ноября 1805 года в районе Аустерлица произошло сражение между русской и французской армиями. План сражения был составлен австрийцем генералом Вейротером, руководил сражением сам Александр I, Кутузов же являлся лишь номинальным главнокомандующим. Расчет Александра I был прост: в случае победы он заслуживал славы, но в случае

поражения за это должен был отвечать Кутузов. Аустерлиц для русской армии закончился поражением.

14 декабря 1805 года Австрия заключила с Наполеоном невыгодный для себя мир. Выполняя условия перемирия, Кутузов занялся выведением русских войск с территории Австрии.

24 февраля 1806 года Александр I пожаловал Кутузова орденом Св. Владимира 1-й степени, но Михаил Илларионович понимал, что результат сражения лишил его расположения императора. Александр направил Кутузова в Киев, на должность генерал-губернатора, а в 1808 году на русско-турецкую войну, командиром корпуса Молдавской армии, где главнокомандующим был генерал-фельдмаршал А.А. Прозоровский. После неудачного штурма Браилова отношения между Кутузовым и Прозоровским обострились. Главнокомандующий обвинил в неудаче подчиненных, Кутузов же видел причины в неумелых действиях самого Прозоровского. Последний добился удаления Кутузова из армии. Михаил Илларионович был назначен литовским военным губернатором и 16 июня 1809 года отправился в Вильно.

Через две недели Прозоровский умер, а командующим Молдавской армией стал П.И. Багратион. Однако кампания 1809 года не принесла положительных результатов. Новым командующим был назначен граф Н.М. Каменский II, отличившийся в только что закончившейся шведской войне. Вскоре он тяжело заболел, и тогда Александр I назначил командующим Кутузова.

Назначение не обрадовало старого полководца, но 1 апреля Кутузов вступил в командование армией. Изучив положение дел, оставленных ему предшественниками, Кутузов решил не ограничиваться обороной Дуная, а наступать от Рущука. Слабость Молдавской армии полководец видел в раздробленности войск. Поэтому он решил уничтожить крепости Никополь и Силистрию, взорвав их, а у Рущука планировал собрать 35 батальонов пехоты. Его план войны с Турцией состоял в том, чтобы не действовать против неприятеля всей массой сил. Отряды русских могли вести боевые действия в одиночку, не имея между собой никакого сообщения Кутузов также отмечал что «всякое новое действие приводит турок в такое смятение», что нельзя угадать, какие они допустят ошибки. Успех, по мнению Кутузова, зависел не от многолюдности, «но от расторопности и бдительности командующего генерала».

Для осуществления этого плана Кутузову было необходимо иметь точные сведения о намерениях визиря и исключить возможность вторжения 20-тысячной армии Исмаил-бея в Малую

Валахию. Для решения этих важных задач Кутузов проявил исключительную изобретательность и дипломатический талант. В результате ему стал известен план ближайших военных действий, намеченных великим визирем – направить главные силы к Рущуку, захватить крепость и двинуться в Валахию.

В сражении у Рущука 15-тысячная армия Кутузова нанесла сокрушительное поражение 60-тысячной армии визиря. За эту победу Михаил Илларионович был награжден портретом Александра I.

Но визирь не хотел сдаваться так просто. Он начал укреплять свой лагерь. Кутузов же тем временем оставил Рущук и увел войска на левый берег Дуная.

Визирь воспринял этот факт как победу над русскими, чего и добивался Кутузов, надеясь, что турки потеряют бдительность. И ему удалось заманить визиря в ловушку, а затем окружить с суши и воды. В результате надежно запертые на левом берегу турки несли ужасные потери. Начиналась зима, много людей в армии визиря погибло от холода и болезней, из-за отсутствия продуктов стали есть лошадей. Турецкая армия была вынуждена сдаться.

Русско-турецкую войну 1806—1812 годов завершил мирный договор, заключенный в Бухаресте. По нему к России отходила Бессарабия и за ней оставались все области Закавказья. Кутузов, принимавший непосредственное участие в заключении договора, добился получения Россией права торгового судоходства по всему Дунаю, а военного – до устья реки Прут.

Удостоенный титулов графа и светлейшего князя за победу над турками, Кутузов остался не у дел и до начала Отечественной войны 1812 года пребывал в своем поместье Горошки.

Развитие военных действий летом 1812 года и требования общественности и войск вынудило императора Александра I, все еще питавшего неприязнь к Кутузову, поставить его во главе русской армии. Назначение Михаил Илларионович получил за 10 дней до Бородинского сражения, в конце августа. До своего назначения главнокомандующим Кутузов в течение августа был начальником ополчения в Санкт-Петербурге. В этот период им были подробно разработаны правила военной подготовки ратников, которые затем стали основой деятельности всех губернских комитетов, где формировалось ополчение.

17 августа он прибыл к войскам, которые к тому времени насчитывали 96 тысяч человек и 605 орудий. Разведка доносила, что у Наполеона имеется около 165 тысяч человек. Учитывая такое численное превосходство, ранее выбранная для генерального сражения позиция при Царево-Займище Кутузовым была оставлена. Армия отошла на восток. Следующую позицию у

Колоцкого монастыря главнокомандующий опять нашел невыгодной для сражения и отдал приказ отойти восточнее, к Бородино. Кутузов писал в донесении Александру I: «Позиция, в которой я остановился, при деревне Бородине в 12-ти верстах вперед Можайска, одна из наилучших, которую только на плоских местах найти можно. Желательно, чтобы неприятель атаковал нас в сей позиции, тогда я имею большую надежду к победе».

Боевой порядок, созданный Кутузовым, был достаточно устойчив и давал возможность русской армии не только выдержать удары противника, но и наносить ему сильные контрудары. Наполеон должен был принять сражение на невыгодной для него местности.

Бородинское сражение началось 26 августа (по новому стилю – 7 сентября) в 5 часов утра и продолжалось 15 часов. Построив войска в глубокий боевой порядок, Кутузов энергичным маневрированием сил и средств пресекал все попытки Наполеона добиться решающего перевеса и сам успешно контратаковал противника. Огромными усилиями французам удалось потеснить русские порядки на левом фланге и в центре, а к вечеру Наполеон отдал приказ отойти на исходные позиции. Его мечта одним сражением выиграть войну не состоялась. Французы потеряли за один день около 40 тысяч человек, потери русских составили 44 тысячи.

27 августа в 2 часа ночи русская армия, оставив Бородинскую позицию, двумя колоннами отошла к Можайску. Французский авангард не смог сразу захватить Можайск. Лишь 28 августа Наполеон вступил в город, где три дня приводил в порядок свои войска.

Ранним утром 1 сентября русская армия выступила к Москве и расположилась лагерем возле позиции, выбранной для сражения начальником штаба Л.Л. Беннигсеном. Эта позиция была неприемлемой для сражения; Кутузов, осмотрев ее, признал это. В селе Фили был собран военный совет, на котором присутствовали все генералы. Обсуждался лишь один вопрос: «Ожидать ли неприятеля в позиции и дать ему сражение, или сдать оному столицу без сражения?» Выслушав все предложения, Кутузов сказал, что с оставлением Москвы Россия еще не потеряна, и предложил сберечь армию, отказавшись от сражения, сблизиться с войсками, идущими на подкрепление, и «самим уступлением Москвы приготовить неизбежную гибель неприятелю». Русской армии был дан приказ отступать по Рязанской дороге.

2 сентября пройдя Москву, русская армия продолжила свой отход по Рязанской дороге, а затем перешла на Старую

Калужскую дорогу, чтобы скорее сблизиться с идущими на помощь войсками. Конечной целью было село Тарутино. Здесь Кутузов занялся проблемой перестройки армии, укомплектованием ее людскими резервами, снабжением продовольствием, вооружением, боеприпасами. В окрестных деревнях начали создаваться партизанские отряды, которые Кутузов лично контролировал.

Получив необходимое подкрепление, главнокомандующий стал наносить удары по французской армии, к тому времени покинувшей Москву. Кутузов старался удержать свои войска от сражений, понимая, что французская армия быстро разлагается, причем без какого-либо вмешательства со стороны.

Неся большие потери, Наполеон медленно отступал к Березине, а уже там разгром некогда непобедимой армии был завершен. Через Березину переправилось только 20 тысяч человек. В России Наполеон оставил более 500 тысяч человек убитыми, ранеными и пленными, почти всю артиллерию и конницу.

21 декабря Кутузов в приказе по армии поздравил войска с изгнанием врага из России. Главнокомандующий был пожалован чином генерал-фельдмаршала и титулом князя Смоленского. Св. Георгий 1-й степени сделал его первым полным кавалером российского военного ордена.

Вскоре после освобождения России Кутузов тяжело заболел. Незадолго до смерти к нему приехал Александр I и просил прощения за свое недоброжелательное отношение к полководцу. Кутузов ответил: «Я прощаю, государь, но вот простит ли Россия?»

28 апреля 1813 года Михаил Илларионович Кутузов умер в городе Бунцлау. Полтора месяца гроб с его останками двигался к Петербургу. В пяти верстах от города лошадей выпрягли, и народ на своих плечах нес гроб до самого Казанского собора, где великий полководец был торжественно похоронен.

АНДЖЕЙ ТАДЕУШ БОНАВЕНТУРА КОСТЮШКО (1746—1817) *Национальный герой польского народа.*

Тадеуш Костюшко принадлежал к старинному дворянскому роду. Его предки были белорусами, исповедовали православную веру, и родной язык для них был русский. Они вели свое происхождение от каменецкого боярина и дьяка Констенуня (Костюшко) Федоровича, жившего в начале XVI века. В течение двух веков представители рода сменили язык и религию. Так, к началу XVIII века это уже был небогатый шляхетский род.

Отец Тадеуша, Людвиг Костюшко, носил титул брестского мечника. Он достиг чина полковника, но никогда ничем не командовал, так как не мог заплатить определенной суммы за патент на право командования. Да в его время военная служба большей частью сводилась к участию в парадах, а не к ратным подвигам на полях сражений. Людвиг Костюшко настолько обеднел, что ему пришлось даже продать свою долю в родовом имении. В течение жизни он больше занимался приведением в порядок хозяйства и накоплением средств, чем военной службой. И ему все-таки удалось скопить достаточно средств, чтобы вернуть обратно родовое имение, но вскоре после этого он скончался, оставив молодую вдову Теклю и четырех малолетних детей. Русский историк Костомаров, а вслед за ним и другие писали, что Людвиг Костюшко был убит собственными крестьянами за жестокое с ними обращение. Также писали, что маленький Тадеуш присутствовал при казнях, которым предавали крестьян за убийство его отца. Но польские историки, в том числе и биограф Тадеуша Костюшко Корзон, не подтверждают факта крестьянской расправы над Людвигом, наоборот, они, ссылаясь на документы, приводят факты в пользу заботливого отношения отца Тадеуша к своим крестьянам.

О детстве Костюшко почти не сохранилось сведений. Считается, что он родился 4 февраля 1746 года в имении Меречовщина, но даже эти сведения не отличаются точностью. В возрасте десяти лет он был отдан вместе с братом Иосифом в школу отцов пиаров (пьяров). Это были отцы благочестивых школ, члены католического монашеского ордена, принимавшие

помимо обетов чистоты и послушания еще и обет бесплатного обучения детей. В школе пиаров Тадеуш обучался в течение пяти лет.

В декабре 1765 года в 18-летнем возрасте Костюшко был зачислен в привилегированную рыцарскую школу, иначе кадетский корпус, где учились дети «ясновельможных» панов. В этот вновь учрежденный аристократический корпус Тадеуш попал благодаря матери, которая обратилась с просьбой о зачислении сына к начальнику штаба литовского войска Юзефу Сосновскому, их соседу. Тадеуш был определен в один из старших классов.

После окончания корпуса в числе лучших учеников Костюшко был отправлен на казенный счет во Францию для усовершенствования в военных науках, где в течение пяти лет слушал лекции в Парижской военной школе и одновременно занимался в артиллерийской и инженерной школе в Мезьере.

В 1774 году Костюшко возвратился на родину в звании капитана корпуса кадетов. Через два года он снова уезжает во Францию, а оттуда в Америку, которая в то время вела войну за независимость. Явившись к Франклину, Костюшко получил назначение заведовать инженерными работами в Северной армии. Возведенная им система укреплений оказалась неприступной для английских войск. Такие же блестящие сооружения были выполнены Костюшко при укреплении позиций в Северной Каролине. В 1783 году после окончания войны за независимость американский конгресс, по представлению Вашингтона, постановил выразить Костюшко особую благодарность от имени республики. Он получил патент на чин генерал-бригадира и орден Цинцината.

В следующем году Костюшко вернулся в Польшу. За самовольный отъезд за границу и вступление в состав американских войск он был исключен из списков польской армии и лишен офицерского звания и по возвращении на родину мог быть лишь частным человеком. Только в 1789 году после долгих хлопот его друзей в Варшаве Костюшко вновь был зачислен в ряды королевской армии с чином генерала и назначен командиром бригады, расположенной возле прусской границы. Приняв бригаду, он занялся обучением полков и в строевых занятиях старался применить свой личный боевой опыт. Костюшко первый ввел в полках маневры, совместные тактические занятия всех родов войск, боевую практическую стрельбу и продолжительные походные марши.

Бывая часто в Варшаве, Костюшко познакомился там с Игнатием Потоцким, Гуго Колонтаем, Немцевичем и другими польскими политическими деятелями, мечтавшими о

восстановлении Великой Польши в прежних ее границах. Костюшко обратил на себя внимание этого кружка и сам легко сблизился с ним, поскольку возрождение и освобождение Польши было его заветной мечтой.

Близко сойдясь с патриотами, незадолго перед тем совершившими государственный переворот провозглашением знаменитой конституции 3 мая 1791 года, Костюшко, командовавший тогда дивизией на больших маневрах под Брацлавом, начал готовиться к войне с Россией, в которой кружок Потоцкого видел противницу нового государственного строя Польши.

В начале лета 1792 года военные действия с Россией были открыты, и польская армия, едва достигавшая 17 тысяч человек, была сосредоточена близ Киева, под Васильковом. После ряда неудачных мелких стычек с русскими войсками поляки отошли за Буг. Костюшко было поручено командовать арьергардом и прикрывать отступление. Его умелые действия спасли армию от разгрома.

В июле 1792 года командовавший русскими войсками генерал Каховский повел решительное наступление. Сражение произошло у деревни Дубенки, где был расположен русский отряд. Вся сила удара русских войск была обрушена на один арьергард Костюшко, так как командующий силами поляков Понятовский расположил остальные польские части далеко от места сражения, и они не смогли принять участия в этом бою. Несмотря на отчаянное сопротивление, отряд Костюшко был окружен и, потеряв почти все пушки, с остатками батальонов был вынужден отступить. Этот бой решил исход всей кампании. Понятовский отвел польскую армию на запад, не решаясь далее продолжать военные действия.

Как ни жестоко было поражение поляков под Дубенками, оно прославило имя Костюшко среди польского народа. И все же он подал в отставку. Костюшко перестал верить в успех затеянной борьбы. В октябре 1792 года он уехал за границу.

Однако уже на следующее лето он вернулся с новыми надеждами на лучшее будущее. В Варшаве был создан «Союз», готовящий выступление, и Костюшко предложили стать во главе восстания на собрании в Вильно. Он дал согласие. Первым его распоряжением было составление прокламации, в которой польский народ призывался к вооруженной борьбе за свободу.

В декабре 1793 года Костюшко приехал в Варшаву. Средств для восстания было крайне мало, рассчитывать на массовое участие всего населения не приходилось. Однако события помогли Костюшко и его друзьям начать восстание с

уверенностью в его успехе. Под давлением России на Гродненском сейме было постановлено распустить часть польских войск. Офицеры и солдаты, оставшиеся вне службы, расходились по домам. Они-то и стали главными участниками революции. Сигнал к открытому восстанию подала бригада генерала Мадалинского, подлежавшая расформированию. Генерал Мадалинский выступил с бригадой из Остроленки, перешел границу и, захватив в Солдау прусскую военную казну, двинулся к Кракову.

Находившийся в это время в Италии Костюшко, узнав о действиях Мадалинского и о массовых арестах членов «Союза» в Варшаве, решил начать восстание, хотя считал его еще не подготовленным, и поспешил в Краков. Прибыв в город, Костюшко и другие руководители восстания собрались в костеле и на глазах собравшихся торжественно освятили свои сабли. Затем Костюшко был провозглашен «наивысшим начальником всех сил народной обороны» с неограниченными полномочиями диктатора. Став открыто во главе восстания, он опубликовал манифест к польскому народу, призывая всех вставать под польские знамена и жертвовать на общее благо деньги, припасы, лошадей и другое имущество.

Затем Костюшко поспешил на помощь к генералу Мадалинскому, против которого был выслан 5-тысячный отряд генерала Тормасова. Костюшко успел не только соединиться с восставшим генералом, но и выбрать выгодную для боя позицию и укрепить ее. Теперь под его общим командованием находилось до четырех тысяч пехоты и кавалерии при двенадцати орудиях.

4 апреля разгорелось сражение, продолжавшееся весь день и отличавшееся редким упорством с обеих сторон. Все атаки русских были отбиты, а затем поляки сами перешли в наступление и заставили противника отступить. Победа Костюшко вызвала всеобщее ликование в Польше и привела под его знамена новых сторонников.

В конце апреля Костюшко объявил «посполитое рушение», по которому все мужское население Польши от пятнадцати до пятидесяти лет призывалось встать в ряды польской армии. А 7 мая был выпущен манифест, который призывал всех поляков объединиться для борьбы с общим врагом.

Манифест этот успеха не имел – помещики увидели в нем нарушение своих вековых привилегий, крестьяне также отнеслись к нему с недоверием, поскольку в манифесте говорилось, что обещанные льготы и свободы подлежат пересмотру на будущем сейме. Казна повстанцев была пуста, налоги не платились, пожертвований на войско поступало мало. Попытка

сформировать армию из добровольцев не увенчалась успехом. К началу осени вместо предполагавшегося по плану восстания 400-тысячного войска Костюшко удалось собрать лишь 40 тысяч человек. Его главная квартира разместилась у деревни Поленицы, где стояли лагерем 16 тысяч регулярных войск и около 10 тысяч добровольцев.

Чтобы предупредить соединение трех русских отрядов, Костюшко решил атаковать и разгромить их по отдельности. В первом сражении с русским отрядом под командованием Денисова поляки были разбиты. За этой неудачей последовали другие. Капитулировал Краков, над Варшавой нависла угроза осады русско-прусскими союзными войсками. Костюшко приказал стянуть к польской столице все силы. Однако прусские войска, простояв под Варшавой более двух месяцев, сами сняли осаду.

Положение армии Костюшко оставалось трудным, остро ощущалась нехватка солдат и средств. Среди подчиненных Костюшко генералов происходили постоянные ссоры и недоразумения, негативно отражавшиеся на всем ходе военных операций. Энтузиазм, охвативший всех в начале восстания, стал постепенно сменяться всеобщим ропотом, дисциплина начала падать.

Вера в успешный исход восстания была окончательно потеряна, когда стало известно, что во главе русских войск в Польше поставлен А.В. Суворов.

4 сентября Суворов подошел к Кобрину, где стояли польские войска генерала Сераковского, и трижды последовательно разбил их. Впечатление в войсках от победы Суворова было так сильно, что Костюшко издал приказ, в котором объявлял: «Если кто будет говорить, что против москалей нельзя удержаться, или во время битвы станет кричать, что москали зашли в тыл, тот будет расстрелян. Приказываю пехотной части держать позади линию с пушками, из которых будут стрелять по бегущим. Пусть всякий знает, что, идя вперед, получает победу и славу, а покидая поле сражения, встречает срам и смерть».

Но и такие суровые меры не привели к успеху. Намереваясь не дать соединиться Суворову с другими силами, Костюшко тайно выехал из Варшавы в лагерь польских войск в Корытинцу. Здесь он предполагал дать генеральное сражение, хотя все силы поляков не превышали и девяти тысяч, в то время как у противника их было не менее 18 тысяч.

10 октября у деревни Мациовицы начался бой, который стал роковым для Костюшко. Поляки были окружены со всех сторон и, несмотря на стойкое сопротивление, разбиты. Сам Костюшко, тяжело раненный в голову и ногу, был взят в плен. Он был

отправлен в Петербург, где содержался в заточении до самой кончины императрицы Екатерины II. Однако пожаловаться на дурное обращение он не мог. Взошедший на престол Павел I даровал ему и другим пленным полякам свободу. Все они были приведены к присяге на верность России и императору Павлу. Спустя месяц Костюшко выехал через Финляндию и Швецию в Лондон, получив от императора и императрицы 12 тысяч рублей и щедрые подарки.

Его путешествие представляло сплошной триумф и сопровождалось торжественными встречами и вручением ему памятных подарков. В Америке Костюшко узнал, что конгресс постановил наделить его, как бывшего офицера американской армии, земельным участком и выдать ему около 20 тысяч долларов, которые ему причитались с 1788 года, но по неизвестным причинам не были выданы.

Летом 1798 года Костюшко узнает, что генерал Домбровский собирает польские легионы, рассчитывая с помощью Бонапарта добиться восстановления независимости Польши. Прибыв в Париж в августе, Костюшко убедился, что его мечты о восстановлении Польши далеки от осуществления, и выступил против Домбровского, формировавшего польские легионы для службы во французской армии. На этой почве у Костюшко возникла неприязнь к Наполеону. Через министра Фуше Костюшко объявил Наполеону о своей готовности оказать ему помощь в обмен на письменное обещание императора и гарантии в том, что форма правления в Польше будет установлена по образцу английской, крестьяне будут освобождены с землей, а границы Польского государства протянутся от Риги до Одессы и от Гданьска до Венгрии, включая Галицию.

Наполеон не обратил на это заявление никакого внимания. При таких условиях, не встречая нигде поддержки своим планам и видя безнадежность каких-либо действий, Костюшко уклонился от политической деятельности и жил в полном уединении под Парижем. Лишь после взятия Парижа союзными войсками в 1813 году надежды Костюшко несколько оживились.

Император Александр I, прибыв в Париж, имел с Костюшко долгий разговор о будущем устройстве Польши. Он уверил Костюшко, что твердо решил дать Польше конституцию, и просил его помочь в работах по устройству Польши. Однако скоро Костюшко снова пришлось пережить разочарование. Когда во время Венского конгресса он приехал в Вену и возобновил там разговор о польском вопросе, Александр I дал ему понять, что его надежды на восстановление Польши не имеют под собой почвы.

Костюшко покинул Вену и переселился в Швейцарию, где и

скончался 15 октября 1817 года «от нервной горячки».

ОНОРЕ ГАБРИЕЛЬ РИКЕТИ ДЕ МИРАБО (1749—1791) *Граф, деятель Великой Французской революции.*

В замке Биньон в семье Виктора де Рикети маркиза де Мирабо и Марии Женевьевы де Вассан 9 марта 1749 года родился мальчик, получивший при крещении имя Оноре Габриель. Фамилия Мирабо не принадлежала к коренному феодальному дворянству Франции. Их предки Рикети были купцами и разбогатели торговлей. Один из них и приобрел замок Мирабо, а Людовик XIV даровал его потомству титул маркизов.

Виктор де Рикети, маркиз де Мирабо, был известным экономистом-физиократом. Службу он начал в 14 лет, решив стать военным, но эта служба пришлась ему не по нраву – слишком долго приходилось ждать командных должностей, а он хотел все и сразу. Когда скончался его отец, Виктор де Рикети стал обладателем солидного состояния. Оставив военную службу, он начал вести праздную жизнь молодого аристократа. Но вскоре он знакомится с Монтескье, который возбудил в нем интерес к политическим идеям. Тогда Виктор уединяется в своем поместье на юге Франции и целиком посвящает себя изучению философии, экономических наук и литературе.

Первое зрелое сочинение он закончил в 1747 году, назвав его «Политическое завещание». Оно содержало критику, хотя осторожную и сдержанную, существующих во Франции порядков. В сочинении автор ратовал за возврат к прежним «идеальным» порядкам, что, по его мнению, могло бы искоренить существующие недостатки и даже пороки. Как человек достаточно просвещенный, он понимал, что такой совет вряд ли придется по вкусу современникам, и поэтому это сочинение осталось неизданным.

Широкую известность принесло маркизу де Мирабо другое произведение – «Друг людей, или Трактат о народонаселении», изданное им в 1756 году. Книга имела успех не только во Франции, но и за ее пределами, а автора стали именовать «другом людей», что было более почетно, чем справедливо.

В 1765 году Виктор покупает у Дюпона в личную собственность «Журнал сельского хозяйства, торговли и

финансов». При его руководстве и участии Франсуа Кене и Мерсье де ла Ривьера журнал стал главным печатным органом школы физиократов.

Маркиз был человеком небедным, но, несмотря на это, в вопросе выбора будущей супруги он в первую очередь руководствовался денежными интересами. В жены он выбрал представительницу знатного рода, единственную наследницу старого барона де Вассана, в надежде скоро получить за женой большое наследство. Надеждам суждено было сбыться лишь через 27 лет. За эти годы супруги возненавидели друг друга, превратив свою семейную жизнь в ад, ведя долгие годы судебные тяжбы. Но и получив состояние, маркиз Мирабо не стал более щедрым. Он экономил на всем, ограничивал даже необходимые расходы жены и детей. Он никогда не устраивал традиционные приемы, подобающие его рангу. Да и с соседями по имению он никогда не поддерживал дружеских отношений. Вспыльчивый, раздражительный и деспотичный, он нередко внушал страх окружающим его людям, а в собственных владениях он установил режим неограниченного произвола, с которым сам же боролся на страницах своих произведений.

В конце концов, публикуемая им резкая критика королевского двора и политики Людовика XV привела к тому, что маркиз де Мирабо был арестован и заключен в Венсенский замок. Популярность его сразу же возросла, пробудив «новый виток» интереса к его творчеству. При содействии маркизы Помпадур, женщины умной и влиятельной, маркиз де Мирабо был освобожден из заключения (зачем же создавать ему популярность), с предписанием проживать безвыездно в своем поместье, что и было им исполнено.

Ненависть к жене и детям довела маркиза до того, что он выхлопотал у правительства специальные указы, на основании которых его жена и дочь подверглись монастырскому, а сыновья тюремному заключениям. (В то время была такая практика – муж, жена, дети засаживали своих родных в тюрьмы или монастыри «ради их исправления», но с целью избавиться от них и завладеть имуществом.) Но, даже находясь в монастыре, маркиза продолжала борьбу с супругом, и в 1781 году ей удалось не только возобновить процесс против маркиза Мирабо, но и выиграть его.

Разбитый нравственно, разоренный процессом, тот удалился в Аржантель, где спустя несколько лет скончался.

Вражда между супругами Мирабо не помешала им обзавестись многочисленным потомством. Детей у супругов было 11. Оноре Габриель был первенцем. Он родился болезненным, с

искривленной ногой, а в возрасте трех лет он чуть не умер от оспы. Но от природы он был одарен многими способностями, что отмечали его бесчисленные учителя, с которыми Виктор де Мирабо быстро расставался. (В дальнейшем Оноре Габриель говорил, вспоминая детство, что он так и не получил приличного систематического образования.) Следы от оспы на его лице компенсировались красивыми глазами и необыкновенной подвижностью и выразительностью лица. Он стремился к знаниям, быстро усваивал новое и упорно трудился, что приводило в восторг его наставников. Совершенно иначе относился к нему родной отец. Он характеризовал сына как «чудовище в физическом и нравственном отношении». Непокорный нрав сына вызывал у него ненависть и приводил к столкновениям между ними.

В целях воспитания мальчик был помещен в военную школу под именем Пьера Бюффиера. Маркиз считал, что имя Мирабо следует еще заслужить, и избрал для сына в качестве имени название одного из поместий, принадлежащего родственникам жены. Как старший из сыновей Оноре должен был стать военным и служить шпагой королю. Он учился в Версале, а затем, по настоянию отца, которому не понравилось доброе отношение к сыну преподавателя военного дела капитана Сигре, был переведен в закрытую школу в Париже. Руководил школой аббат Шокар, слывшей человеком «твердой руки». Здесь Оноре быстро завоевал авторитет среди воспитанников, а строгость аббата постоянно наталкивалась на строптивый норов юноши. В школе Оноре оставался до 18 лет, а затем начал служить непосредственно в армии.

Местом службы молодого Оноре стал маленький гарнизон городка Сента – не самое завидное место, выбранное опять-таки по решению Мирабо-старшего. Служба оказалась нетрудной, хотя Оноре неоднократно проводил ее на гауптвахте, отправленный туда отбывать наказание начальником гарнизона Ламбером. Мирабо-младший прекрасно проводил время в кругу образованных дворян. Ночные кутежи, карточная игра и женщины (а он имел у них успех) требовали денег, в которых отец с каждым годом все больше ограничивал сына. Выход нашелся – взять деньги в долг, да и кто сможет отказать сыну самого богатого землевладельца Прованса. Но вскоре легкой жизни пришел конец. Связь с дочерью местного жандармского чина вынудила начальника гарнизона принять к Оноре строгие меры, но к тому времени девица успела уже рассказать всем, что вскоре станет графиней де Мирабо. Оноре не собирался на ней жениться, да и выплатить долги он не мог, поэтому он просто тайно покинул

гарнизон Сента и отправился в Париж к герцогу Ниверье, близко знавшему отца Оноре.

Попытка герцога добиться у Мирабо-старшего для сына разрешения на перевод его в другой гарнизон закончилась тем, что отец выхлопотал специальное распоряжение от имени короля о заключении сына в крепость на острове Ре. Сын виноват в самовольном оставлении прежнего места службы и должен быть за это наказан.

Крепость на Ре была местом заключения государственных преступников, поэтому губернатор острова был поражен, увидев вместо опасного злодея приятного молодого человека, который быстро завоевал симпатию у всех. Благодаря этому Оноре пользовался свободой передвижения на острове и даже посещал близлежащий город Ла-Рошель. Узнав о готовящейся военной экспедиции на Корсику, Оноре принимает предложение поменять место заключение на Ре на место добровольного участника военной экспедиции и в звании лейтенанта зачисляется в лотарингский полк. Так узник снова стал офицером королевской службы.

На Корсике молодой лейтенант Мирабо принимает участие во всех операциях. Смелость, ум и отвага помогли ему за короткую экспедицию получить звание капитана драгунов. (Позднее Мирабо будет говорить, что участие в военной экспедиции было его ошибкой, так как справедливость и право были на стороне борющихся против Франции корсиканцев.) По окончании войны Оноре де Мирабо получает отпуск и отправляется в родной Прованс.

Жизнь продолжалась в обычном для Оноре течении. Кутежи, игра, женщины, долги – все это будет сопровождать его постоянно. Даже женитьба на богатой наследнице Эмилии де Мариньян и деньги, выделенные отцом, не смогли изменить образа жизни молодого Мирабо. Деньги быстро исчезли, долги снова увеличились, жена и отец теперь вместе преследовали Оноре и очень скоро сумели добиться нового для него заключения – сначала в крепость на острове Иф, а затем в форт Жу.

В форте Жу не было жестоких ограничений в передвижении, что привело к знакомству Оноре с супругой маркиза де Моннье, Софи, которая проживала в ближайшем к форту городке Понтарлье. Взаимная страсть Оноре и Софи была настолько сильной, что они решились на побег – он из заключения, а она от мужа. Бежали они в Голландию, а в Понтарлье состоялся заочный суд над ними, устроенный по настоянию отца и жены Мирабо и мужа Софи. Заочный приговор суда был суровым – Оноре Мирабо

был приговорен к смертной казни, а Софи – к пожизненному заключению. Беглецов начали разыскивать, и Голландия оказалась ненадежным местом. Оноре и Софи были арестованы в Амстердаме и возвращены во Францию. На родине Софи была заточена навечно в монастырь, в Оноре отправлен в отдельную башню Венсенского замка.

Мольбы о прощении и обещание полнейшей покорности отцу возымели действие, и спустя два года Оноре Мирабо был освобожден.

В 1783 году по своей инициативе он возобновил судебный процесс в Понтарлье. На процессе он проявил незаурядные ораторские способности и сумел добиться полной отмены вынесенного раннее приговора. Роль невинного мученика принесла ему славу, а новый процесс против законной супруги, не желавшей возвращаться к нему, хоть и был им проигран, добавил Оноре известности. Для представителей родовитого провансальского дворянства он стал изгоем, но среди простолюдинов Мирабо был популярен. Он стал часто выступать на процессах, приобретая все большую известность не только в Провансе, но и за его пределами.

Мирабо не только выступал как трибун, но и пробовал себя на литературном поприще. Несколько лет заключения, ссылки и аресты привили ему глубокую ненависть к тирании и беззаконию. В 24 года он написал труд, названный «Опыт о деспотизме». Труд был издан в Лондоне, так как издание, содержащее призыв к согражданам смело бороться против произвола и насилия, издать во Франции было невозможно. Затем им были написаны сочинения о тюрьмах, о королевских тайных предписаниях (их действие он испытал на себе в полной мере), о собственной семье, несколько литературных произведений и переводов с латинского и итальянского языков. Благодаря его капитальным трудам «О прусской монархии» и «Секретной истории берлинского двора», а также многочисленным памфлетам он оказался в центре политической борьбы и получил широкую известность еще до начала Великой Французской революции. Вокруг себя он собрал кружок прогрессивной молодежи, получивший название «Ателье Мирабо». Он сам и члены кружка стали активно критиковать финансовую политику Франции. Памфлеты на министров и критика Калонна – генерального контролера финансов и любимца королевы, вынудили Мирабо снова искать убежище за границей, так как вновь было получено тайное предписание о заключении Мирабо в тюрьму.

На родину он вернулся перед самым началом выборов в Генеральные штаты. Выборы в 1788 году проходили от трех

сословий – дворянства, духовенства и так называемого третьего сословия. Стать кандидатом от дворянства Прованса, в среде которого он был славен бегством от кредиторов, разгульным образом жизни и прозван «донжуан столетия», не представлялось возможным. Тогда Мирабо предложил себя «третьему сословию», а чтобы все это было законным, он даже открыл торговую лавку. Выступлениями в качестве кандидата, обличительными речами он сумел завоевать такую популярность в Провансе, что люди забрасывали его цветами и называли «отцом отечества», а после избрания почетный эскорт с факелами сопровождал Мирабо до самой границы Прованса.

Итак, Мирабо становится одним из 600 депутатов Генеральных штатов от третьего сословия. Теперь ему предстояло завоевывать популярность и здесь. На него пока не обращают внимания, а будущий вождь революции, депутат Робеспьер, даже отозвался о Мирабо так: «Граф Мирабо не имеет никакого влияния, потому что его нравственный облик не внушает к нему доверия».

Решающий перелом произошел на заседании 23 июня 1789 года, когда явившийся обер-церемониймейстер двора маркиз де Брезе зачитал распоряжение короля, предписывающее депутатам немедленно разделиться по сословиям и заседать отдельно. И тогда, когда в рядах депутатов возникло замешательство и никто не знал, что предпринять, дабы не нарушить и волю короля, и не сдавать завоеванные за два месяца позиции, в зале раздался уверенный, сильный и завораживающий голос. Повелительным тоном он ответил Брезе: «Вы, кто не имеете среди нас ни места, ни голоса, ни права говорить, идите к Вашему господину и скажите ему, что мы находимся здесь по воле народа и нас нельзя отсюда удалить иначе, как силой штыков». Голос принадлежал депутату от третьего сословия графу де Мирабо. И с этого дня он вошел в мировую историю. Имя Мирабо и революция стали неотделимыми. Всего за 3–4 месяца (от созыва Генеральных штатов до полной победы революции) Мирабо сумел завоевать такое огромное влияние на современников, приобрести популярность не только во Франции, но и за ее пределами, утвердить свой авторитет, что он становится, по существу, вождем революции.

После падения Бастилии Мирабо сохранил свои позиции. Он заставлял всех внимательно слушать каждое свое выступление, осмеливался давать не только советы, но и приказывать. Конечно, ораторский талант играл в этом не последнюю роль, но еще и его идеи о единении всего народа в борьбе с абсолютизмом отвечали объективным требованиям первого этапа революции.

Между тем революция захватывала все новые слои общества. Толпы простого народа стали требовать от Национального собрания (так стали называться Генеральные штаты) решительных мер для улучшения своего положения. Мирабо был единственным депутатом, кто мог обуздать шумную толпу – любовь простых людей к нему была очень сильна. Он не боялся идти против общего мнения. Так, например, при отмене сословных привилегий и дворянских титулов многим из «бывших» приходилось вспоминать полузабытые прежние имена. Граф де Мирабо должен был стать гражданином Рикети, но он остался графом, гордо заявив: «Европа знает только графа де Мирабо». Кому-то другому такое заявления не простилось бы, но Мирабо это лишь добавило популярности, и он продолжал всюду подписываться своим дворянским именем.

Со временем Мирабо приобрел политическое чутье. Он стал одним из основателей знаменитого Якобинского клуба и «Общества 1789 года». «Общество» Мирабо оставил быстро, предполагая, что оно вскоре вступит с конфликт с народом.

Мирабо принимал участие почти во всех преобразованиях первого этапа революции. Им был предложен закон о депутатской неприкосновенности, что позволило защитить депутатов Собрания от королевского произвола. Участвовал он и в создании Национальной гвардии, и в принятии закона об отмене феодальных прав и конфискации церковного имущества. И ассигнаты – бумажные деньги революционного периода – также имели к нему прямое отношение.

Слишком активное участие народных масс в революционном движении стало вызывать у Мирабо тревогу. У него никогда не было идеи об уничтожении королевской власти. Наоборот, он желал слияния власти короля и революции. Осенью 1789 года он подает тайную записку королю с предложением о сформировании правительства из революционных деятелей, надеясь, что король сможет встать во главе революции. Его план конечно же не был принят, а королева, ознакомившись с предложениями Мирабо, даже воскликнула: «Надеюсь, мы никогда не будем настолько несчастны, чтобы прибегнуть к советам Мирабо». Проект соединения монархии и революции был отвергнут, но Мирабо не терял надежду.

В ноябре 1789 года Учредительное (бывшее Национальное) собрание принимает декрет о запрещении депутатам занимать какие-либо министерские посты. Мирабо был возмущен этим декретом – в предлагаемом королю проекте он желал получить скромное место министра «без портфеля». Королевский двор все более терял позиции, а обострившаяся обстановка и

растерянность заставили его вспомнить о Мирабо. С апреля 1790 года по предложению представителя двора Мирабо становится тайным советником королевской семьи, о чем был подписан соответствующий документ. Король стал платить Мирабо солидное жалование, и Оноре получил возможность вернуться к роскошной жизни. Следует отметить, что такое поведение он не считал предательством, ведь он не изменил своим идеалам и принципам.

Он окружил себя роскошью, необычной даже для богатого аристократа. Все это породило вопросы и слухи. Разговоры о том, что он продался королю, Мирабо не опровергал, но сумел доказать, что при дворе он отстаивает интересы народа, не дает королю (советами) перейти на сторону контрреволюции. Доля правды в этом была. Перед королем он действительно отстаивал интересы Собрания, защищая то необратимое, что несла в себе революция. В Собрании он пытался защищать интересы королевской власти, тем самым сохраняя равновесие сил.

Оноре де Мирабо не увидел окончательного разрушения своего проекта национального примирения. Революция «списала» короля со счетов истории, но случилось это уже после кончины Мирабо.

Бурная жизнь и напряженная депутатская работа подорвали здоровье графа. Первоначальные диагнозы заболевания не подтвердились, а когда выяснилась причина заболевания, стало поздно предпринимать что-либо – Мирабо медленно умирал. Незадолго до кончины он был избран главой Собрания. А в марте 1791 года о его неизлечимой болезни стало всем известно, толпы граждан стали часами простаивать под его окнами, желая знать о состоянии его здоровья. Улица, где жил Мирабо, была посыпана толстым слоем песка, чтобы приглушать шум проезжавших экипажей, дабы не беспокоить больного.

2 апреля 1791 года Оноре Габриель де Мирабо скончался. Он умер в возрасте 42 лет, в зените славы. Через два дня состоялись похороны, которые вылились в грандиозную манифестацию. В траурной процессии шло все Собрание и десятки тысяч простых граждан. Похоронили Мирабо в соборе Св. Женевьевы, который по решению Собрания назван Пантеоном великих людей Франции. Он стал первым, кто был удостоен этой чести.

И он же стал первым, чей прах «покинул» Пантеон. В 1793 году была обнаружена секретная переписка Мирабо и короля Людовика XVI, и тайная связь вождя революции с монархией стала достоянием гласности. Разоблачение закулисной деятельности Мирабо потрясло всю Францию, вызвав справедливый гнев граждан республики. Имя Оноре де Мирабо

стало синонимом продажности и предательства, его изображения подверглись уничтожению. Осенью 1793 года останки его были удалены из Пантеона великих людей Франции.

ШАРЛЬ МОРИС ДЕ ТАЛЕЙРАН-ПЕРИГОР (1754—1838) *Французский государственный деятель, дипломат.*

Семья Талейранов принадлежала к одной из старейших дворянских фамилий Франции, представители которой служили еще Каролингам. Первые сведения о Талейранах относятся к IX веку. Герб семьи символизирует воинственность и непокорность – на его щите изображены три золотых орла в голубых коронах с раскрытыми клювами. По семейному преданию, во время Столетней войны Талейраны перешли от французов к англичанам, по поручению которых представитель рода Талейранов был послан в Париж с целью подкупить Карла V. Сделать это ему не удалось, но 10 тысяч ливров, данные ему англичанами для этого, он оставил себе, вероятно, в качестве вознаграждения за попытку.

В XVII веке Анри де Талейран, любимец короля Людовика XIII, стал участником заговора против кардинала Ришелье и, несмотря на благоволение к нему французского монарха, все же лишился головы в борьбе против первого министра.

В XVIII веке род Талейранов разделился на 3 ветви, из которых старшая и младшая угасли в следующем столетии. Представитель средней ветви Наполеон-Людовик Талейран-Перигор в 1862 году унаследовал от матери также и титул герцога Саганского.

Наиболее известным в истории представителем рода Талейранов стал Шарль Морис Талейран-Перигор. Он родился в Париже на улице Гарансьер 2 февраля 1754 года. Его отцом был Даниель Талейран, князь Шале, граф Перигор и Гриньоль, маркиз Экседей, барон де Бовиль и де Марей. Имея столь значительный титул, отец Шарля не обладал столь же значительным состоянием, хотя считался достаточно обеспеченным человеком. Когда родился Шарль, его отцу было всего 20 лет. Мать Шарля Талейрана, Александрина Мария Виктория Элеонора Дама-Антиньи, была старше мужа на 6 лет. В качестве приданого она принесла ему только небольшую ренту в 15 тысяч ливров в год.

По меркам того времени супруги были знатными, но не богатыми людьми. Они всецело были поглощены службой при

дворе – граф являлся одним из воспитателей дофина, а его жена исполняла обязанности придворной дамы. Родители Шарля постоянно находились в разъездах между Парижем и Версалем, а воспитание сына доверено другим, что, впрочем, было обычным явлением для Франции XVIII века. Поэтому после крестин ребенок был увезен кормилицей в предместье Сен-Жак. Уже в зрелом возрасте Шарль Морис Талейран, говоря о своем «безрадостном детстве», о недостатке нежности, любви и внимания к нему со стороны родителей, старался оправдать этим жестокость своего характера, страсть к деньгам, склонность к праздности и развлечениям.

Будучи еще совсем маленьким ребенком, он повредил ногу – оставленный кормилицей без присмотра, он упал с комода. Родителям об этом случае не сообщили, и должного лечения проведено не было. В результате правая ступня искривилась, и Шарль Морис на всю жизнь остался хромым.

Кроме Шарля в семье Талейранов было еще 3 сына. Старший из мальчиков умер рано, а двое других – Аршамбо и Бозон – воспитывались в доме. С ними Шарль всегда сохранял хорошие отношения, хотя, возможно, и завидовал их «лучшей доле», но никогда этого не показывал.

В возрасте четырех лет Шарль был отправлен в сопровождении гувернантки в Шале, в родовой замок семьи Талейранов-Перигоров. В нем проживала прабабушка Шарля, Мария Франсуаза де Рошешуар, приходившаяся внучкой известному государственному деятелю эпохи Людовика XIV – Кольберу. Она очень полюбила своего внука Шарля, и пребывание в замке стало для мальчика лучшим воспоминанием о детстве. Здесь он получил начальное образование, а в сентябре 1760 года был отправлен в столицу в коллеж д'Аркур – самое известное учебное заведение в Париже. Талейран не принадлежал к числу лучших учеников коллежа, но по его окончании 14-летний юноша овладел всеми традиционными для молодого аристократа знаниями. Впереди начиналась самостоятельная жизнь и следовало подумать о карьере.

Из-за увечья, полученного в детстве, о воинской службе можно было и не мечтать, а для покупки выгодной административной должности средств у родителей не было. Оставался только один путь – карьера священнослужителя. Это был не худший вариант, и примером тому служит деятельность кардинала Ришелье, Джулио Мазарини или Андре Флери. Посох епископа или кардинальская мантия могли бы дать куда больший доход, чем шпага. Но Шарль не думал об этом и не желал стать священником. Родители не стали выяснять мнение и желание

сына по поводу карьеры, а просто отправили его к дяде в Реймс. Шарль с радостью отправился в новое путешествие, надеясь на самое лучшее для себя будущее. Но когда ему предложили надеть сутану, он был поражен, но смирился. Смирению Шарль научился еще в период учебы в коллеже, где он также научился хорошо скрывать свои мысли и чувства. В 1770 году он поступает в семинарию Сен-Сюльпис. После он напишет: «Моя молодость была посвящена профессии, для которой я не был рожден».

Несмотря на отвращение к духовной карьере, Талейран успешно продвигался по иерархической лестнице. В 34 года он стал епископом Отенской епархии, что помимо антикварного посоха принесло ему некоторый доход. Вскоре он должен был стать кардиналом. Его основными чертами характера стали общительность, изворотливость, полная беспринципность и черствость души. Он научился использовать все, в том числе и женщин, для достижения успеха и решения карьерных дел. Лиловая ряса не особенно мешала епископу развлекаться. Но за светской чехардой и картами, до которых он был большой охотник, Талейран чутко угадывал грядущие перемены. В отличие от многих он прекрасно понимал, что век Ришелье кончился и поздно брать за образец этого государственного мужа. В душе Талейран до конца дней остался приверженцем «голубой крови», но ради выгоды и карьеры теперь нужно было исповедовать другие принципы.

Епископ Отенский становится членом Генеральных штатов в мае 1789 года, а затем входит в состав Национального учредительного собрания. В октябре на заседании собрания он вносит предложение о безвозмездной передаче церковных земель в казну – это был блестящий ход опытного игрока, который принес ему известность и позволил выдвинуться в первые ряды руководящих законодателей. Заставив говорить о себе, а речи в его адрес звучали самые противоположные, так как он для духовенства и дворянства стал отступником, Талейран все-таки предпочел не занимать пока первых ролей в этом нестабильном обществе. Он выступал с докладами, составлял документы и ноты, работал в нескольких комитетах, но не стремился стать «народным вождем», предпочитая более доходную и менее опасную работу. В феврале 1790 года он был выбран председателем Учредительного собрания.

Революция стремительно двигалась дальше, гораздо дальше того предела, о котором мыслил Талейран. Он понимал, что очень скоро может начаться кровавый террор, и желал ко времени его начала находиться подальше от Парижа. В январе 1792 года ему представился случай выполнить свое первое

дипломатическое поручение – добиться от Англии нейтралитета в предстоящей войне Франции с европейскими противниками. Талейран отправляется в Лондон. По возвращении в Париж он стал свидетелем коренных изменений – падения монархии. Он сразу же пишет прекрасный революционный манифест о низложении короля и составляет ноту для английского правительства о событиях во Франции, в которой всячески порочит бывшего монарха. Помня о том, что у него с Людовиком XVI были весьма доверительные отношения, и понимая, что для него самого это может быть опасным, Талейран готовится покинуть Париж, что и было им удачно проделано. И очень вовремя, так как вскоре были обнаружены два его письма к свергнутому монарху, и если бы Талейран в то время находился во Франции, то ему представилась бы возможность лично познакомиться с революционным изобретением – гильотиной.

Талейран остался в Лондоне, ведя тяжелую жизнь эмигранта. Средств не было, а для обитающих там французов – дворян и духовенства – он был предателем и отступником. Англичанам как деятель он был безынтересен. В январе 1794 года ему было предложено покинуть Англию, и Талейран отправляется в Америку. Здесь он пробыл недолго, занимаясь в основном земельными спекуляциями. С установлением во Франции власти Директории ему представилась возможность вернуться в Париж. Помогла ему в этом его бывшая любовница Жермена де Сталь. Она несколько раз приходила на прием к Баррасу – одной из главных фигур этого периода. Но не только ее прошения помогли Талейрану. Правительству и самому Баррасу был нужен хороший дипломат, «человек, обладающий способностью к долгим извилистым переговорам, к словесным поединкам самого трудного свойства». Шарль Морис Талейран как раз и был таким. Баррас решил опереться на него как на человека, обладающего широким политическим кругозором и к тому же с весьма сомнительным прошлым, что также имело некоторые выгоды.

В 1796 году, после 5-летней эмиграции, 43-летний Талейран снова вернулся во Францию. Прием, оказанный ему, назвать радушным было никак нельзя, но Шарль Талейран, используя друзей, не уставал напоминать о себе. Между директорами все время плелись интриги, и Баррас решил использовать опыт скандального князя Талейрана, принадлежавшего, по мнению Барраса, к сторонникам умеренных.

В 1797 году Талейран был назначен министром иностранных дел Французской республики. В день столь радостного для него события он сказал Бенжамену Констану: «Место за нами! Нужно себе составить на нем громадное состояние, громадное состояние,

громадное состояние». Деньги, власть, могущество, неограниченные возможности для создания жизненных благ – это было главным для Талейрана, а пост министра предоставлял возможность для осуществления этих желаний.

Находясь на посту министра, Талейран неизбежно должен был столкнуться с другим человеком, карьера которого также быстро росла. Его имя – Наполеон Бонапарт. И Талейран своим «профессиональным нюхом» сразу понял, на кого следует делать ставку. С этого времени их жизни соединились на целых 14 лет, 10 из которых Талейран активно поддерживал Наполеона. Эти два человека, столь не похожие друг на друга, на самом деле имели много общего. Их объединяли презрение к людям, абсолютный эгоизм, отсутствие «морального контроля» и вера в успех. Кстати сказать, для продвижения их обоих Баррас положил много труда и сил, но именно эти два человека без сожаления отшвырнут Барраса от власти, когда придет их время.

Новый министр иностранных дел очень скоро подтвердил свою репутацию ловкого человека. Он сумел шокировать Париж не взятками, к которым в столице все привыкли и смотрели как на обычное явление, а их размерами. За два года Талейран получил 13, 5 миллиона франков, что было слишком даже для видавшей виды столицы. К достоинствам Талейрана следует отнести то, что за короткий срок он сумел наладить четкую работу своего министерства, а с каждой новой победой Наполеона делать это становилось все легче. Талейран видел в молодом Наполеоне будущего властителя и старался поддерживать все его начинания. Так, он активно поддержал проект Наполеона о завоевании Египта, считая необходимым для Франции задуматься о колониях. «Египетская экспедиция» – совместное детище министра и генерала – оказалась неудачной.

Летом 1799 года Талейран подает в отставку. Это тоже был расчет с дальним прицелом. Власть Директории слабела с каждым днем, а зачем быть министром при слабом правителе, когда можно, оставаясь свободным, дождаться сильного и снова быть востребованным. Бывший министр не ошибся. Полгода интриг в пользу Наполеона не пропали зря. Бонапарт совершил государственный переворот 18 брюмера 1799 года, а через 9 дней Талейран снова стал министром иностранных дел.

К Наполеону Талейран испытывал если не привязанность, то, по крайней мере, уважение. Когда уже ничего не будет связывать его с бывшим императором, он скажет: «Я любил Наполеона… Я пользовался его славой и ее отблесками, падавшими на тех, кто ему помогал в благородном деле». В свою очередь, Наполеон так отзывался о Талейране: «Это человек интриг, человек большой

безнравственности, но большого ума и, конечно, самый способный из всех министров, которых я имел».

Деятельность при Наполеоне Талейран начал с того, что убедил директора Барраса уйти добровольно в отставку, прекрасно справившись с этой деликатной миссией. Затем в годы Консульства Талейран проявил свои выдающиеся способности при подписании в 1801 году Люневильского договора с Австрией, в 1802 году Амьенского договора с Англией и на переговорах с Россией. Успехи Франции за столом переговоров позволили Наполеону начать военные действия. Непрерывные войны завершались подписанием циркуляров и соглашений, которые подписывались Талейраном на правах министра внешних сношений, хотя и под контролем Наполеона.

Император Франции предоставил своему министру огромные доходы – официальные и неофициальные. Он сделал Талейрана великим камергером, владетельным князем и герцогом Беневентским, кавалером всех французских и почти всех иностранных орденов. Франция все больше и больше расширяла свои границы, а Талейран стал все больше и больше задумываться о своем будущем. Как раньше он безошибочно угадал взлет Наполеона, так и теперь он почувствовал его скорое падение. Еще в 1807 году на встрече с российским императором Александром I Талейран сказал ему: «Государь, для чего Вы сюда приехали? Вы должны спасать Европу, а Вы в этом успеете, только если будете сопротивляться Наполеону». Талейран был слишком искушенным политиком для того, чтобы почувствовать, когда пора уходить. Он оставил пост министра в 1807 году, но сумел сохранить достаточно хорошие отношения с Наполеоном, который дал ему звание великого вице-электора, титул высочества и оклад 300 тысяч франков золотом в год. Но заканчивать карьеру Талейран не собирался. Его замыслы долгое время оставались неизвестны, а Наполеон даже и не подозревал, что его бывший министр «роет ему могилу». Во время свидания с Александром I Талейран предложил ему услуги в качестве платного информатора, и в дальнейшем шифрованными письмами информировал его о военном и дипломатическом положении Франции. В одном из таких сообщений он предупредил российского императора о готовящемся вторжении французов в Россию. Это еще раз подтверждает тот факт, что для решения личных вопросов никаких нравственных критериев для Талейрана не существовало.

Когда непомерные аппетиты Наполеона привели его к краху, Талейран сумел убедить союзников оставить французский трон не за сыном Наполеона, к чему склонялся Александр I, а за старой королевской фамилией – Бурбонами. Он надеялся на

признательность с их стороны и активно использовал дипломатические способности, чтобы отстоять их интересы, хотя он и не пылал к ним любовью. Бурбоны не могли простить, да и никогда не простили Талейрану измены в годы революции, но они прекрасно понимали, что без него рассчитывать было не на что. Талейран при отстаивании их позиций использовал принцип легитимизма, то есть право свергнутых династий вернуть утерянные ими престолы. Он выбрал компромисс для союзников-победителей и семьи бывших французских монархов: оставив во Франции незыблемым все, что было достигнуто во времена Наполеона в социально-экономическом плане, отдать престол Франции «легитимному монарху» – Людовику XVIII. Эту идею он проводил в жизнь, начиная с подписания мирного договора в Париже и окончательно утвердив на конгрессе в Вене. Талейран проявил наивысшие способности, и его деятельность на Венском конгрессе стала апофеозом всех его прежних дипломатических успехов за долгую политическую карьеру. Шарль Морис Талейран представлял побежденную страну и как проигравшая сторона должен был бы соглашаться на условия победителей. Но ему удалось сыграть на противоречиях союзников, навязав им свою игру. Каждая из стран-победительниц старалась урвать себе кусок побольше от наследства поверженного Бонапарта. С помощью интриг, а Талейран был мастером по этой части, он сумел вбить клин между союзниками, заставив их забыть о прежних договоренностях при разгроме Наполеона. Он способствовал тому, что в Европе стала складываться новая расстановка сил – Франция, Англия и Австрия против России и Пруссии. А 3 января 1815 года был подписан секретный протокол, закрепивший новый союз. Протокол подписали министры иностранных дел – Талейран, Меттерних и Каслри.

Получив при помощи Талейрана власть, Людовик XVIII желал как можно быстрее избавиться от своего министра иностранных дел. Начавшийся во Франции период Реставрации, во время которого самые популярные люди страны пали жертвами произвола дворянства, вынудил Талейрана подать ультиматум с требованием прекращения репрессий. Король предложил ему уйти в отставку, и бывший министр на 15 лет был отстранен от активной политической жизни. Но Талейран верил, что его время еще наступит. А пока он поселился в своем роскошном замке в Валансе или жил в прекрасном дворце в Париже и работал над мемуарами. Он также занимался тем, что тайно продавал документы, которые «унес» из государственного архива, своему другу Меттерниху. Все это не мешало Талейрану внимательно наблюдать за тем, что происходит в стране, и по мере сил

участвовать в политической деятельности На какое-то время он вступает в контакт с либеральной молодежью и даже помогает ей издавать собственную газету, дав для этого денег. Затем он сближается с младшей ветвью династии Бурбонов – герцогом Луи Филиппом Орлеанским и его сестрой Аделаидой. И опять Талейрану интуиция подсказала, на кого следует делать ставку. Июльская революция 1830 года смела династию Бурбонов, а 77-летний Талейран снова был востребован. В сентябре он был назначен послом в Лондон, и благодаря его присутствию новый режим Луи Филиппа был признан в Европе легитимным. Талейран фактически заправлял всей французской внешней политикой, часто не удостаивая министров даже перепиской, а напрямую контактировал с королем или его сестрой, имея полную их поддержку. Его последней блестящей дипломатической акцией стало провозглашение независимости Бельгии, что для Франции было крайне выгодно.

На посту французского посла в Лондоне Талейран прибывал четыре года. Перед уходом с поста он успел подписать специальную конвенцию с Англией, Португалией и Испанией, касающуюся проблем Пиренейского полуострова. В ноябре 1834 года король Луи Филипп принял отставку Талейрана по его личной просьбе.

Скончался Шарль Морис Талейран 17 мая 1838 года, получив от римского папы отпущение грехов. Он вошел в историю, с одной стороны, как не сравнимый ни с кем взяточник, интриган и предатель, как человек, начисто лишенный каких бы то ни было моральных устоев и нравственных принципов. Но с другой стороны, это был один из величайших дипломатов, человек, одаренный необыкновенной проницательностью, способный противостоять превратностям судьбы. Сам о себе он говорил так: «Я хочу, чтобы на протяжении веков продолжали спорить о том, кем я был, о чем думал и чего хотел». Похоже, что его последнее желание исполнилось.

МАРИ ЖОЗЕФ ПОЛЬ ИВ РОК ЖИЛЬБЕР МОТЬЕ, МАРКИЗ ДЕ ЛАФАЙЕТ (1757—1834)

Маркиз, французский политический деятель, генерал.

Маркиз де Лафайет принадлежал к одному из древнейших и знаменитейших родов Франции. Еще в XVI веке род был разделен на две ветви, одна из которых приняла имя Лафайетов, другая, младшая, стала называться Мотье Шампетьер.

Знаменитым представителем старшей ветви был Жильбер де Лафайет – маршал Франции и соратник Жанны д'Арк, а также советник короля Карла VII. Из женщин известность получили графиня Луиза де Лафайет и Мари-Мадлен де Лафайет. Первая была платонической страстью короля Людовика XIII, но не захотела стать его фавориткой и ушла в монастырь. На короля она имела огромное влияние и, находясь в монастыре, сумела добиться примирения Людовика и Анны Австрийской. Другая, Мари-Мадлен, прославилась литературным талантом. Она стала женой брата Луизы де Лафайет и часто навещала ее в монастыре. Перу Мари-Мадлен принадлежат «Мемуары французского двора», «Жизнеописание Генриетты Английской», роман «Принцесса Клевская» и другие, принесшие ей европейскую известность. Мари-Мадлен была последней представительницей старшей ветви Лафайетов, и по завещанию все ее состояние перешло к младшей линии рода.

Лафайет родился 6 сентября 1757 года в древнем родовом замке Шаваньяк в Оверни. Из шести имен, данных ему при рождении, основным выбрали одно – Жильбер – в память об отце и знаменитом предке рода Ла Файетов. Родовое имя первоначально так и писалось, но в 1789 году сам маркиз начинает писать слитно свою родовую фамилию, и с того момента традиционно фамилия имеет такое написание. Его отец, гренадерский полковник, был убит в битве при Хастенбеке за несколько месяцев до рождения сына, который остался единственным представителем мужской линии рода Лафайетов, так как и его дядя по отцу погиб в войне за австрийское наследство, не оставив после себя потомков. Мальчик

воспитывался матерью, Марией Луизой де Ларивьер, и двумя тетками, принадлежащими к родам де Шаваньяк и де Мотье. Следует отметить, что Жильбер де Лафайет принадлежал к так называемому дворянству шпаги, так как и по линии отца, и по линии матери большинство его предков были военными.

Начальное образование он получил под руководством весьма образованного человека – аббата Файона, а в 11 лет Жильбер Лафайет был отправлен в Париж, где стал обучаться в Плесси – одном из самых престижных аристократических коллежей и был записан в черные мушкетеры. Вспоминая те года, он пишет: «В коллеже я не был ленивым учеником – горел желанием учиться без принуждения». За годы учебы он ни разу не был наказан. Любимыми предметами для него стали латынь и риторика. Здесь же Жильбер изучал и историю Франции, в основном древнюю. О современном положении родины он узнавал из «полулегальной» литературы, тайно проникающей за стены коллежа.

После первого года обучения в Плесси Лафайет потерял сначала мать, а через несколько дней и деда – маркиза Ларивьера. С их смертью он становится единственным владельцем огромного состояния, приносившего доход более 20 тысяч ливров в год.

Карьера военного привлекала Лафайета, и в 14 лет, став к тому возрасту офицером, он решает продолжить освоение воинской науки, для чего поступает в военную академию в Версале. Молодой человек очень отличался от сверстников. Был он весьма застенчив, не по годам серьезен, несколько неуклюж. Он не мог похвастаться успехами в искусстве верховой езды или танцах, плохо играл в мяч – самой модной игре среди молодежи того времени. Но привлекало к нему его доброе, отзывчивое сердце, честность и обостренное чувство справедливости, которое заставляло юношу нередко принимать сторону и защищать более слабого.

Опекун молодого офицера стал подыскивать Лафайету невесту, когда юноше не исполнилось еще и 15 лет. Свой выбор он остановил на Адриене д'Айен, которая происходила из известного рода Ноайлей. Вопрос о свадьбе вскоре был решен, и 11 апреля 1774 года Адриена д'Айен стала маркизой Лафайет. Зимой следующего года супруги были представлены королевскому двору и стали весело проводить время на балах Марии-Антуанетты.

Но светские развлечения скоро наскучили, а после скандала на маскараде, когда Жильбер де Лафайет оскорбил графа Прованского, будущего короля Франции Людовика XVIII, герцог д'Айен поспешил отправить Жильбера в Мец – подальше от двора

и ненавидящего графа. Так Лафайет оказался в 1776 году на гарнизонной службе в чине капитана. Здесь он сразу почувствовал себя в родной среде. Лафайет был зачислен в кавалерийский полк, которым командовал князь де Пуа, брат Ариены, а военным округом Меца командовал другой родственник жены – граф де Бройль. Молодой офицер часто обедал у командующего округом, и во время одного из таких обедов состоялось знакомство, круто изменившее жизнь Жильбера Лафайета. Граф де Бройль принимал у себя герцога и герцогиню Глостер, которые путешествовали по Франции и остановились в Меце. Герцог Глостер – брат короля Англии Георга III – был противником своего царственного родственника и не скрывал своих чувств. От него офицеры, приглашенные на обед, узнали о событиях в североамериканских колониях Англии. Лафайет принимает решение следовать на американский континент, чтобы там принять участие в борьбе. В воспоминаниях он пишет: «При первом известии об этой войне мое сердце было завербовано. Как только при мне было произнесено слово «Америка», я полюбил ее: едва я узнал, что она борется за свою свободу, как меня охватило желание пролить за нее мою кровь…»

Лафайет обращается к графу с просьбой отпустить его в Северную Америку, но получает отказ. Де Бройль не желал «принимать участие в уничтожении единственной ветви», оставшейся в роду Лафайетов. Тогда Жильбер испрашивает себе отпуск и возвращается в Париж, где начинает подготовку к отъезду в Америку. Позднее Лафайет узнал, что де Бройль и сам хлопотал о своем назначении на пост командующего французскими войсками в Северной Америке. Он же и познакомил Лафайета с некоторыми «нужными» людьми, которые могли оказать помощь в осуществлении его мечты.

Подготовка к поездке на американский континент проходила в полной тайне. Адриена, ставшая матерью маленькой Генриетты и ждущая второго ребенка, стала молчаливой союзницей супруга, но очень переживала за него. До отъезда супруги совершают поездку в Лондон к родственникам Ноайлей, где Жильбер встречается как со сторонниками генерала Вашингтона, так и с его противниками.

Лафайет на имя де Мотье, шевалье де Шаваньяка закупает корабль и большую партию оружия. Корабль получил название «Виктуар» и находился в гавани Бордо. О желании маркиза сражаться в Америке становиться известно при королевском дворе, и король отдает приказ об аресте Лафайета, если тот захочет покинуть территорию Франции. По приказу маркиза «Виктуар» переводится в испанский порт, а сам он получает

предписание следовать в Италию в качестве адъютанта маршала де Ноайля.

Но по дороге из Бордо Жильберу удается бежать, и 26 апреля 1777 года корабль «Виктуар» с 16 пассажирами на борту взял курс на американский континент. Через семь недель плавания они достигли берегов Южной Каролины.

Воспитанный в духе энциклопедистов-просветителей, пламенный поклонник идей Руссо, Лафайет в период войны за независимость американских колоний стал ярым приверженцем идей свободы. В Новом Свете он скоро получил звание генерала и служил непосредственно под командованием Джорджа Вашингтона. Несмотря на несколько неудач, Лафайет, по всеобщему признанию, проявил серьезный талант военачальника и сыграл не последнюю роль в победе армии борцов за независимость. Уже в первых сражениях он проявил храбрость и мужество. Особенно он отличился в битве при Брендивайне 11 сентября 1777 года, где был ранен.

В 1778 году французское правительство заключило военный союз с США, что позволило Жильберу Лафайету вернуться на родину. В Париж он прибыл в феврале 1780 года вместе со знаменитым Бенджамином Франклином и был встречен французами как герой. Правда, маркиз все-таки отбыл 8-дневный срок в тюрьме за самовольную отлучку за границу, но, тем не менее, был принят Людовиком XVI, который к тому времени открыто поддерживал США, очень благосклонно. Лафайет сумел убедить французское правительство (что было не так и сложно) признать Северо-Американские Штаты независимым государством.

Во Франции Лафайет оставался недолго. Война за независимость вступила в свой завершающий период, и военный талант и опыт Лафайета были востребованы Вашингтоном. Вернувшись в Америку, он снова вступает в сражения. Самым ярким проявлением его полководческих способностей стало его участие во взятии Йорктауна в 1781 году, где примененная им уникальная стратегия сыграла решающую роль в победе над войсками англичан. Эта победа послужила причиной, по которой король Георг вынужден был начать переговоры о мире. В 1783 году был подписан Парижский мирный договор между Великобританией и Америкой. На следующий (1784) год Лафайет в третий раз приезжает в Америку, где ему устраивают триумф.

Героем войны за независимость Лафайет вернулся во Францию, которую начали сотрясать многочисленные внутренние кризисы. Королевская власть безуспешно пыталась проводить реформы, одновременно усиливая налоговый гнет. Часто

сменяемые министры финансов предлагали различные пути выхода из создавшейся ситуации, но изменить положение к лучшему не удавалось. Дворянство активно выражало недовольство посягательством на свои привилегии и на упадок политического влияния в парламентах – высших судебных органах страны, быстро росла оппозиция режиму, в народе голод и дороговизна часто приводили к волнениям. Все это вынудило Людовика XVI пойти на созыв Генеральных штатов, которые не собирались с 1614 года.

Лафайет не оставался в стороне. В 1787 году он выступал с критикой политики очередного министра финансов Калонна, а при открытии Генеральных штатов он был избран представителем от дворянского сословия. Лафайет был в числе тех немногих дворян, которые выступали против разделения сословий и за проведение совместных заседаний. А 25 июня он вообще присоединился к третьему сословию. Лафайет предложил собранию первый проект «декларации прав человека и гражданина», составленный им по образцу американской декларации 1776 года.

С началом революции маркиз Лафайет с его пламенным красноречием, в ореоле славы борца за свободу Америки стал одним из ее главных участников. Он был избран начальником парижской национальной гвардии и, таким образом, в качестве начальника вооруженных сил столицы явился одним из самых влиятельных людей Франции, но сохранял это влияние недолго.

Революцию он воспринял неоднозначно: понимая пагубность существовавшей системы власти во Франции при Людовике XVI, он все же оставался преданным королю. Как либерал, не отказавшийся, однако, от дворянских традиций, Лафайет мечтал о совмещении монархии и порядка со свободой и торжеством демократических начал. В самый разгар борьбы между абсолютной монархией и якобинской демократией Лафайет пытался примирить обе стороны, однако это лишь возбудило недовольство и недоверие к нему обеих сторон. Марат несколько раз предлагал казнить Лафайета, а после бегства короля из Парижа на маркиза пало подозрение в пособничестве монарху. Даже принятые Лафайетом меры для возвращения короля не сняли с него необоснованных подозрений. Популярность Лафайета в народе достаточно сильно пошатнулась после того, как он принял участие в подавлении восстания 17 июля 1791 года на Марсовом поле.

В конце того же года Лафайет был послан командовать армией, собранной близ Меца. Оттуда он посылал письма в Законодательное собрание с протестами против его решений,

однако они не возымели действия.

Тогда Лафайет покинул лагерь и явился в собрание с адресом офицеров, в котором содержалось требование наказания террористических клубов, восстановления авторитета законов и конституции и спасения королевского достоинства. Но большая часть собрания отнеслась к Лафайету враждебно, во дворце также отказались от его помощи.

После свержения монархии Лафайет отказался присягнуть республике и даже арестовал прибывших в его лагерь комиссаров. Объявленный изменником, Лафайет бежал в Нидерланды, где попал в плен к австрийцам и был заключен ими в Ольмюцкую крепость. Здесь он провел в ужасных условиях целых пять лет.

Военный переворот 18 брюмера (9–10 ноября 1797 года) привел к установлению диктатуры Наполеона Бонапарта и поставил точку в истории Французской революции. После объявления Наполеона императором Лафайет вернулся на родину, но держался вдали от дел и вступил опять на путь политической деятельности лишь во время «Ста дней». Наполеон предложил Лафайету звание пэра, но тот его не принял. Он был избран в палату депутатов и находился в оппозиции к правительству. В последующие годы он продолжал жить во Франции и Америке, обеспечивая нормальные отношения двух стран. Когда же встал вопрос о продаже Луизианы, бывшей французским владением, Лафайет приложил максимум усилий, чтобы эта территория перешла к США. Луизиана была продана за 15 миллионов франков, и на договоре о продаже со стороны Франции стояла подпись маркиза Лафайета.

Во время второй Реставрации Бурбонов Лафайет примкнул к крайне левой партии в палате депутатов.

В период Июльской революции 1830 года престарелый Лафайет вновь становится самым популярным человеком в Париже. По требованию народа он взял на себя командование национальной гвардией, с помощью которой быстро ликвидировал уличную борьбу. Он стал членом муниципального комиссии, исполнявшей обязанности временного правительства, и содействовал избранию на французский престол Луи Филиппа Орлеанского. Новый монарх утвердил маркиза в должности командующего национальной гвардии.

Новый политический курс Луи Филиппа не устроил маркиза Лафайета, и вскоре он подал в отставку, которая была сразу же принята. В 1833 году Лафайет основал оппозиционный «Союз защиты прав человека». До самой кончины, а умер он 20 мая 1834 года, Лафайет продолжал активно участвовать в политической жизни страны. Отдавая дань уважения этому замечательному

деятелю, в 1883 году ему на родине был воздвигнут памятник.

МИХАИЛ БОГДАНОВИЧ БАРКЛАЙ-ДЕ-ТОЛЛИ (1761—1818) *Князь, генерал-фельдмаршал (1814).*

Княжеский и дворянский род Барклаев имеет старошотландское происхождение. Первое упоминание о Барклаях относится к 1069 году. В дальнейшем род дал две основные ветви, одна из которых получила приставку де-Толли. Известными представителями этой линии Барклаев стали братья Питер и Джон, которые в начале XVII века переселились из Шотландии в Росток. Причиной переселения была английская буржуазная революция. Сын Питера Барклая-де-Толли служил в Риге адвокатом, и его дети также занимали в городском магистрате видные должности, став городскими советниками и бургомистрами.

Первым, кто оказался в России, был Готхард Барклай-де-Толли (1726—1781). В России его называли Богдан, и, поступив на русскую военную службу, он был произведен в поручики и стал русским дворянином. Он имел троих сыновей, и все они, как и отец, посвятили себя военному делу. Но самым знаменитым из них стал Михаил Богданович Барклай-де-Толли.

Он родился 25 декабря 1761 года. Уже в 4-летнем возрасте его привезли в Петербург, где Михаил стал жить в семье своих родственников Вермелейнов и готовиться к военной службе. С детских лет Михаил был записан рядовым в Новотроицкий кирасирский полк, в котором служил и Георг Вермелейн, взявший мальчика под свое покровительство.

Весной 1778 года Михаил Барклай-де-Толли выдержал экзамен перед специальной комиссией и получил свой первый офицерский чин корнета и назначение в Псковский карабинерный полк. Через год он стал полковым адъютантом, а спустя пять лет Барклай был произведен в секунд-поручики.

За молодым офицером скоро закрепилась репутация человека, хорошо знающего свое дело и одновременно чуждого искательству и очень порядочного в нравственном отношении. Эти качества содействовали его переводу в звании поручика на должность адъютанта шефа Финляндского егерского корпуса графа Фридриха Ангальта.

Спустя два года (в 1788-м) Барклай в чине капитана был переведен на должность старшего адъютанта к генерал-поручику

принцу Виктору Ангальту (двоюродному брату графа Фридриха). Вместе с принцем он попал на русско-турецкую войну 1787—1791 годов и был назначен на боевую должность командира батальона. 6 декабря 1788 года Михаил получил свою первую боевую награду – орден Св. Владимира 4-й степени за отличие при штурме Очаковской крепости. Он стал вторым кавалером этого недавно учрежденного ордена. Кроме того, Барклай-де-Толли был награжден Золотым Очаковским крестом и произведен в звание секунд-майора. В этом звании он был переведен в Изюмский легкоконный полк, которым командовал Л.Л. Беннигсен.

В кампании 1789 года Барклай отличился в сражениях при Каушанах (13 сентября), Аккермане (27 октября) и у Бендер (11 октября).

Весной 1790 года секунд-майор вместе со своим шефом принцем Ангальтом отправился в Финляндию и принял участие в русско-шведской войне 1788—1790 годов. Здесь, при штурме деревни Керникоски (19 апреля), ему довелось вынести из боя смертельно раненного шефа и принять его последнюю волю. Перед своей кончиной принц Ангальт подарил Барклаю свою шпагу.

В кампании 1790 года Барклай был произведен в чин премьер-майора и переведен в Тобольский полк, а через год – в Санкт-Петербургский гренадерский полк, находившийся в стадии формирования.

В апреле следующего года при первом известии о начале боевых действий в Польше Санкт-Петербургский гренадерский полк был направлен сначала в Вильно, а затем в Гродно, где взял под свою охрану ставку польского короля Станислава-Августа. Летом гренадеры вместе с другими полками двинулись к Вильно, захваченному польскими мятежниками. 28 июля начался штурм города. За отличие при взятии Вильно Барклай был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. За храбрость при штурме предместья Варшавы – Праги он был произведен в подполковники и в декабре вернулся в Гродно на должность командира батальона Эстляндского егерского корпуса.

В мае 1797 года батальон, которым командовал Барклай, был преобразован в 4-й егерский полк. На следующий год Барклай-де-Толли был произведен в полковники, а 24 мая 1799 года получил чин генерал-майора российских войск.

В начале кампании 1805 года полк Барклая-де-Толли входил во 2-ю армию Беннигсена, которая должна была двинуться для содействия главным силам союзников. Но по пути следования через Пруссию армию настигло известие о разгроме союзников при Аустерлице и о развале Третьей коалиции. Это привело к

временной остановке боевых действий.

В сентябре 1806 года возникла Четвертая коалиция. В результате поражения прусской армии при Йене и Ауэрштадте главную роль в предстоящей кампании должна была играть армия Беннигсена, насчитывавшая 70 тысяч человек и 300 орудий. Полк Барклая был назначен в авангард.

Первое сражение кампании 1806—1807 годов произошло под Пултуском. Барклай лично водил своих егерей в контратаки, в ходе которых натиск французов был отбит на всех направлениях. За храбрость Барклай-де-Толли получил орден Св. Георгия 3-й степени.

На рассвете 25 января отряд Барклая подошел к Прейсиш-Эйлау. Здесь 26 января в 12 часов началось сражение. Бои шли на самих улицах города. Барклай лично повел в контратаку два гусарских полка, но в разгар боя был ранен артиллерийской гранатой, раздробившей ему руку. Вынесенный с боя он был отправлен для излечения в Кенигсберг, а затем далее в Мемель (Клайпеда). Здесь его дважды посетил император Александр I, и во время бесед Барклай изложил ему свое видение будущей войны с Наполеоном. Император наградил Барклая-де-Толли орденом Св. Анны 1-й и Владимира 2-й степеней, а 4-му егерскому полку за боевые успехи были пожалованы серебряные трубы.

Следующей военной кампанией для Михаила Богдановича стала русско-шведская война 1808—1809 годов. В мае 1808 года его корпус получили приказ двигаться в провинцию Саволакс. Под его командованием находилось пять пехотных и один кавалерийский полка, с тремя эскадронами драгун и тремя казачьими сотнями и ротой гвардейской артиллерии. Финны – уроженцы этих мест – сумели под командованием полковника (впоследствии – генерала) Ю. Сандельса организовать мощное партизанское движение, используя чрезвычайно выгодные условия местности. Барклай впервые столкнулся с тактикой, которую ему доведется применить в недалеком будущем.

7 июня корпусу Барклая удалось достичь Куопио, за которым находилось окруженное болотами озеро Калавеси. Совершив четыре трудных перехода, войска Барклая-де-Толли остановились у Рауталамби, где было получено известие об атаке постов у Куопио. Пришлось возвращаться с частью войск на помощь. Он подошел к Куопио в тот момент, когда Сандельс под покровом ночной темноты и тумана начал новую атаку города с трех сторон. Лишь на рассвете штурм города был отражен.

Осенью русские войска полностью захватили Финляндию, хотя до заключения мира было еще далеко. К зиме 1808/09 года в

руководстве армии возобладала идея о том, что победить Швецию можно лишь высадившись на ее берег и создав угрозу ее столице.

Наступать предполагалось тремя корпусами. Барклай-де-Толли получил под командование Вазский корпус. Его войска проходили Ботнический залив в общем направлении на Умео на соединение с войсками графа Шувалова. Император прислал в Финляндию военного министра А.А. Аракчеева, предоставив ему самые широкие полномочия. Михаил Богданович не считал свои войска готовыми к началу военных действий – ощущалась острая нехватка личного состава, мало было пороха и патронов, а некоторые части еще не успели прийти в Вазу. Но переход корпуса через залив начался 7 марта 1809 года. Сам Барклай находился во втором эшелоне и делил тяготы похода со всеми его участниками. Солдаты шли через ледяные глыбы, нагроможденные одна на другую. Укрываться от снежных бурь было негде, поскольку на пустынных гранитных островах не было ничего живого. К утру 9 марта измученные солдаты достигли шведских берегов и вскоре подошли к Умео, куда уже прибыли пикеты казаков из русского авангарда. Город был сдан без боя – шведские войска покинули его, и вслед за ними в Умео вступили войска Вазского корпуса.

8 это время в Стокгольме произошел государственный переворот, в результате которого король Густав IV Адольф был свергнут с престола. Новый монарх сразу же высказался за заключение мира с Россией при условии, что русские войска покинут шведские берега.

15 марта войска Вазского корпуса двинулись в обратный путь. Все участники перехода через Ботнический залив были награждены особой медалью «За переход на шведский берег». Барклай-де-Толли получил орден Св. Александра Невского и чин генерала от инфантерии.

29 мая 1809 года Барклай-де-Толли был назначен главнокомандующим Финляндской армией и генерал-губернатором Финляндии, заняв один из самых ответственных постов в Российском государстве.

Между тем военные действия не прекращались, но велись они уже на территории самой Швеции. В кампании 1809 года Барклай-де-Толли предоставил своим подчиненным большую инициативу, отдавая им лишь общие указания. А 5 сентября 1809 года мирный договор был подписан. К России отошла территория Финляндии и Аландские острова. Северо-западные рубежи государства были надежно укреплены.

В конце декабря Барклай был вызван в Петербург, где его ожидало новое назначение. По предложению графа Аракчеева он

получил пост военного министра. Под непосредственным руководством Барклая в кратчайший срок были разработаны «Уложения для управления Большой действующей армии» и «Учреждение военного министерства». Все эти документы были 27 января 1812 года утверждены Александром I. По предложению Барклая было принято решение образовать на западных границах России 1-ю и 2-ю армии. Командование 1-й армией – самой большой из них – император решил возложить на генерала от инфантерии Барклая-де-Толли. Армия прикрывала значительную полосу, протяженностью около 250 верст. Штаб армии находился в Вильно.

2-я армия князя Багратиона насчитывала 45 тысяч человек. На Волыни формировалась 3-я Обсервационная армия под командованием генерала А.П. Тормасова, и на Дунае находилась 4-я армия под командованием адмирала П.В. Чичагова, которая фактически также должна была действовать против Австрии, нанося удары на Балканы и Венгрию. Успех ее действий во многом зависел от результатов войны с Турцией.

К маю 1812 года Наполеон закончил стратегическое развертывание своей Великой армии против России. Великая армия перешла Неман – Александр I и Барклай-де-Толли подписали приказы к войскам о начале войны.

Император приказал составить план отхода войск 1-й и 2-й армий. Все, что не могло быть вывезено, подлежало уничтожению. Барклай не выходил из Вильно, собирая сведения о подходе к ней наполеоновских войск, и только 16 июня оставил город, приказав князю Багратиону отступать по дороге на Минск.

Армия князя Багратиона, обложенная со всех сторон французскими корпусами, уходила на юго-восток. Ожидаемой встречи между обеими армиями в районе Минска не произошло. Первоначальный план русского командования стал невыполним.

Утром 7 июля Александр I, которого приближенные наконец уговорили покинуть армию и вернуться в столицу для общего руководства страной, поручил Барклаю как военному министру общее командование войсками 1-й и 2-й армий.

Узнав, что армия Багратиона идет к Могилеву, Барклай повел свои войска ему навстречу. Этот маневр проходил под непрекращающимся преследованием его войск главными силами французской армии. Вскоре было получено сообщение от князя Багратиона о том, что его войска под Могилевым не смогли прорваться на соединение с войсками 1-й армии и он продолжает дальнейшее отступление к Смоленску. Это вынудило Барклая продолжить отступление и также отходить к Смоленску, где он рассчитывал соединиться со 2-й армией. Соединение армий

произошло 22 июля, и это сорвало первоначальные замыслы Наполеона разгромить русские армии поодиночке. Находясь в Смоленске, Барклай подписал несколько воззваний, призывающих все слои населения браться за оружие, создавая партизанские отряды для борьбы в тылу врага. По его приказу был создан один из первых военно-партизанских отрядов во главе с бароном Ф. Винценгероде для борьбы с противником на Петербургской дороге.

В июле авангарды армий Барклая и князя Багратиона в течение 3-дневной стычки разгромили французский корпус Богарне под Молевым.

Наполеон устремился к Смоленску, куда стали отходить и русские войска. Он надеялся подавить их мощью и разгромить в генеральном сражении. Кроме того, ударом с юга он рассчитывал отрезать войска 1-й и 2-й армий от 3-й армии Тормасова.

5 августа французские войска подвергли город мощной бомбардировке из орудий, а затем к Смоленску подошли главные силы французских войск. Чтобы сорвать планы Наполеона, Барклай поручил князю Багратиону прикрыть Дорогобужскую дорогу, обеспечивая его движение частью сил своих войск. Он также подготовил к обороне Смоленск – прикрыл все опасные направления войсками, поставил на высотах артиллерию. Общий штурм города начался во второй половине дня, однако и он был отражен русскими войсками. К вечеру город был охвачен пожарами. Михаил Богданович находился в раздумье – французы снова угрожали русской армии окружением. Он также знал, что 80-тысячной русской армии противостоит 120-тысячная французская, и он отдает приказ о дальнейшем отступлении. Многие генералы пытались возражать, настаивая на том, чтобы оборона Смоленска продолжалась, однако Барклай был непреклонен.

Отступление проходило под непрерывным давлением французских войск, атаковавших русских. Движение армии прикрывали войска генерала П.А. Тучкова, чьи упорные действия позволили войскам Барклая перейти по наплавным мостам через Днепр и выйти на Московскую дорогу.

Чем ближе русские войска приближались к Москве, тем все более в армии и обществе звучали голоса, требующие смены командующего. Все чаще говорили об умышленном отступлении и об «измене» Барклая. В эти дни чрезвычайный комитет решил вопрос о назначении общего главнокомандующего для вооруженных сил России. Им стал М.И. Кутузов. Барклай с обычной стойкостью вынес это, когда же 17 августа Кутузов прибыл в армию, он доложил новому главнокомандующему, что

стотысячная армия рвется в бой, который он сам был готов дать на позиции у Царева-Займища. Однако Кутузов, не высказав вслух ни порицания, ни одобрения действий Барклая, все же решил отступать далее на восток. Он считал, что поскольку ключ от Москвы (Смоленск) взят, то теперь местом предстоящего сражения будет сама Москва. Новый главнокомандующий и ранее находился в неприязненных отношениях с Барклаем, а теперь эти отношения еще более ухудшились. 24 августа Александр I подписал указ об отставке Барклая с поста военного министра. Все это привело к тому, что накануне Бородинского сражения Барклай стал мечтать о смерти на поле боя. К 24 августа русские войска, преследуемые французским авангардом, подошли к селу Бородино. Здесь, у Москвы-реки и Новой Смоленской дороги, расположились войска Барклая, занявшие позиции на правом фланге русской армии. В центре поля укреплялась Курганная высота, впоследствии получившая название «батареи Раевского». На левом фланге стояли войска под командованием князя Багратиона.

Бородинское сражение началось утром 26 августа. Правый фланг русских войск был атакован солдатами Евгения Богарне. Навстречу им Барклай послал новые полки. Но и французы при поддержке резервов усилили свой натиск. В течение часового боя село Бородино было захвачено, и на его высотах французы установили свои артиллерийские батареи. Моряки гвардейского экипажа зажгли мост через реку Колочу, и далее на этом направлении французы продвинуться не смогли.

В ходе сражения на левый фланг по приказу Кутузова из 1-й армии были переброшены 2-й пехотный корпус и некоторые гвардейские полки. Это распоряжение было сделано в обход Барклая. Узнав о нем, командующий 1-й армией выехал в ставку и протестовал против изъятия из его войск резервов, которые он предполагал не трогать раньше вечера. Но, убедившись в тяжелейшем положении на левом фланге, Михаил Богданович сам распорядился о переброске к Багратиону 4-го пехотного корпуса и нескольких других полков.

К середине дня центр боевых действий переместился к Курганной высоте, для защиты которой Барклай собрал все свои силы.

Против «батареи Раевского» было сосредоточено около 300 орудий. К 3 часам дня Курганная высота, покрытая трупами павших солдат, была взята. На помощь русской пехоте Барклай перебросил кавалерийские корпуса Корфа и Крейца и сам повел кавалеристов в атаку. В этой схватке под ним было убито пять лошадей. Погибли два и было ранено пять адъютантов Барклая.

Он дважды едва не попал в плен, будучи окружен польскими уланами. К концу боя его мундир был обрызган русской и французской кровью. В конце сражения Барклай приехал в Горки и здесь получил приказ Кутузова восстановить русские боевые порядки. По всей линии было зажжено множество костров, по которым солдаты могли ориентироваться.

Неожиданно ночью Барклай получил приказ Кутузова об отступлении и пришел в ярость, не понимая, как можно оставить позиции, с которых противник был отражен.

Значение Бородинского сражения в судьбе Барклая огромно – впервые после долгого молчания русские войска приветствовали его появление громовым «ура!», что означало фактическую реабилитацию его личности в армейской среде. Он стал единственным генералом, награжденным орденом Св. Георгия 2-й степени за Бородинское сражение.

Приехав в Москву 1 сентября, Барклай осмотрел позицию, выбранную Беннигсеном, и признал ее непригодной для сражения, о чем доложил Кутузову. Во второй половине дня в деревне Фили состоялся военный совет, на котором было принято решение об оставлении столицы без боя.

Вместе с войском Москву покидало и население. Барклай принял активное участие в организации прохода русской армии через Москву, и благодаря этому все прошло в необыкновенном порядке.

Вместе с армией Барклай перешел на старую Калужскую дорогу и нагнал Кутузова у деревни Панки. В эти же дни Барклай узнал, что в очередной раз без его ведома в арьергард Милорадовича было передано около 30 тысяч человек из 1-й армии. Все это крайне обострило отношения Барклая и Кутузова и подвигнуло командующего 1-й армией написать прошение об отставке по состоянию здоровья. Прошение было подано Кутузову 21 сентября после прихода русской армии в Тарутино, и уже на следующий день Барклай отбыл из армии.

До начала ноября Барклай жил во Владимире, тщетно ожидая ответа на свое письмо императору. Наконец, он решил уехать в свое имение Бекгоф, где в конце ноября получил долгожданный ответ Александра I. Император писал, что он по-прежнему питает к Барклаю приязнь и уважение. Александр I обещал, что лично проследит за тем, чтобы были опубликованы выборки из оправдательных писем Барклая. Император выражал уверенность, что Барклай в будущем сможет оказать Отечеству еще более выдающиеся услуги.

12 декабря, в день рождения императора, Барклай получил письмо Александра I, в котором тот убеждал его вернуться в

армию. А уже 31 января 1813 года он получил извещение от Кутузова, что император назначил генерала от инфантерии Барклая-де-Толли командующим 3-й армией вместо заболевшего адмирала П.В. Чичагова. Новая армия Барклая была самой малочисленной из всех армий – в ней было не более 18 тысяч человек.

В то время армия осаждала крепость Торн, которую защищал баварский гарнизон (3, 5 тысячи) во главе с французским генералом Мавилоном. Против крепости были сосредоточены главные силы 3-й армии – 13 тысяч человек. Однако этих сил не хватало для полной блокады крепости, к тому же в осадном корпусе отсутствовали крупнокалиберные орудия. И только после того как все необходимое в армию поступило, начались интенсивные бомбардировки крепости, сочетавшиеся с атаками господствующих высот. 6 апреля 1813 года крепость капитулировала. В ходе осады русские войска потеряли 28 человек убитыми и 167 ранеными. За взятие Торна Барклай был награжден алмазными знаками к ордену Св. Александра Невского и 50 тысячами рублей.

Вскоре армия Барклая присоединилась к главным силам, которые после смерти Кутузова возглавил генерал Витгенштейн. В сражении под Бауценом, которое было в целом неудачным для союзных войск, войскам Барклая сопутствовал успех, и теперь они служили арьергардом, прикрывшим общее отступление. В ходе отступления, благодаря образцовым действиям арьергарда, союзники не потеряли ни одного орудия и повозки.

17 мая Михаил Богданович сменил Витгенштейна на посту главнокомандующего русско-прусской армии. Сражение под Дрезденом не принесло объединенной армии союзников успеха – здесь войска возглавлял австрийский фельдмаршал Шварценберг. Барклай-де-Толли отступил с главными силами армии к Кульму и разгромил наседавший на него корпус Вандамма. В ходе боя корпус Вандамма (12 тысяч) был пленен вместе с 84 орудиями и всем обозом. Инициатива Кульмского сражения целиком исходила от Барклая-де-Толли, который за эту победу был удостоен ордена Св. Георгия 1-й степени и высшим орденом Австрийской империи – командорским крестом Марии-Терезии.

В середине сентября все армии союзников устремились к Лейпцигу, куда стали подходить и главные силы армии Наполеона. В лейпцигской «битве народов» войска Барклая стояли на правом фланге, построившись в три линии. Они должны были нанести удар по главным силам наполеоновских войск, стоявшим у деревни Вахау, и отбросить их к Лейпцигу. За умелые и решительные действия во время сражения Михаил

Богданович получил высокие награды – орден Св. Георгия 1-й степени и титул графа. В боевой обстановке его отличало необычное хладнокровие, о котором солдаты говорили: «Глядя на Барклая, и страх не берет».

В 1814 году Барклай-де-Толли руководил русскими войсками в сражениях на территории Франции и в Париж он въезжал рядом с императором Александром I. В тот же день графу Михаилу Богдановичу Барклаю-де-Толли было присвоено звание генерал-фельдмаршала.

Летом 1814 года он снова вернулся на пост главнокомандующего 1-й армией, штаб которой находился в Варшаве. В феврале 1815 года он получил известие о бегстве Наполеона с острова Эльба и о высадке его на французском берегу, и в апреле его армия (225 тысяч человек) выступила в новый поход на Францию. Его войска прошли Галицию, Богемию и Германию, когда уже на марше было получено известие о победе англо-прусских войск при Ватерлоо и о вторичном отречении Наполеона. В июне Барклай-де-Толли второй раз вошел в Париж. После военного смотра при Вертю, где русские войска поразили всех своей выправкой и слаженностью, весьма довольный этим Александр I возвел фельдмаршала Барклая-де-Толли в княжеское достоинство, даровав ему девиз: «Верность и терпение». В этих словах лаконично отразились главные черты личности Барклая.

В октябре 1815 года он вместе с императором покинул Францию и вернулся в Варшаву. В начале 1817 года Барклай приехал в Петербург и попросил Александра I или разрешить ему выйти в отставку по состоянию здоровья, или предоставить длительный отпуск для лечения болезни – артрита. Император разрешил фельдмаршалу отпуск на два года и пожаловал ему 100 тысяч рублей для лечения на водах Чехии.

После непродолжительного отдыха в недавно купленном имении в Столбене (в 60 верстах от Риги) он выехал за границу вместе с семьей. Но с каждым днем фельдмаршалу становилось все хуже, боли в груди усиливались. Это вынуждало его делать остановки в Риге, Мемеле и Тильзите. 26 мая 1818 года на подъезде к Инстербургу (ныне Черняховск) личный врач князя настоял на необходимости остановки на мызе Штилитцен.

В тот же день Михаил Богданович Барклай-де-Толли скончался.

Первым о кончине фельдмаршала узнал прусский король Фридрих-Вильгельм III. Он немедленно распорядился выслать в Штилитцен почетный караул, в сопровождении которого гроб с телом князя был сопровожден до русской границы.

Александр I, узнав о кончине Барклая, немедленно выразил его жене свои соболезнования: «Государство, – писал император, – потеряло в его лице одного из самых ревностных слуг, армия – командира, который постоянно показывал пример высочайшей доблести, а я – товарища по оружию, чья верность и преданность всегда были мне дороги».

Барклай-де-Толли был похоронен в родовом имении в Лифляндии. В 1823 году его могилу украсил великолепный мавзолей.

В 1859 году фамилия и титул князей Барклай-де-Толли были переданы их родственникам – дворянам Веймарн. А 2 ноября 1872 года потомству генерал-адъютанта князя Александра Барклай-де-Толли-Веймарн было даровано право именоваться князьями и княжнами. Последним представителем этого славного рода был князь Николай (1892—1964) – ротмистр лейб-гвардии Гусарского полка.

ПЕТР ИВАНОВИЧ БАГРАТИОН (1765—1812)
Князь, генерал от инфантерии (1809).

Начиная с IX и до XIX века грузинский престол занимали представители династии Багратидов, именуемые в России также Багратиони или Багратионы. Достоверно известно, что предки Багратидов были родом из области Спери (современная территория Турции). Эта семья добилась большого влияния уже в VI–VIII веках. Одна из ветвей возвысилась в Армении, другая, старшая, – в Картли, и обе сумели завоевать господствующее положение среди местной знати.

При присоединении Грузии к России царственные роды бывших Имеретинских, Карталинских и Иверских царей получили право пользоваться всеми прежними титулами. Представители этих родов при переселении в Россию выбирали место для жительства, исходя из собственных пожеланий. Они поступали на русскую службу, получали жалования и пенсии.

Представители Карталинской ветви находились на российской службе начиная с XVIII века и имели фамилию Багратионы. В свою очередь, они образовали самостоятельные княжеские роды – Давыдовых, Мухранских и другие.

Для династии Багратионов датой официального признания этой семьи в княжеском достоинстве Российской империи является 4 октября 1803 года.

Первым на русской службе был Александр, второй сын карталинского царя Иессея. Иессей в дальнейшем принял ислам и, по мусульманскому обычаю, имел право иметь наложниц или младших жен. Царевич Александр Иессеевич, или, как его называли в детстве, Исаак-бег, был сыном царя и наложницы. Он и стал родоначальником русского рода князей Багратионов. В 1759 году он переехал в Россию, взяв с собой сына Фому (Тамаза). Еще два его сына – Иван и Кирилл – присоединились к отцу позже. Поступив на русскую службу, Александр Иессеевич получил чин подполковника и выбрал местом службы Кизляр.

Иван и Кирилл, так же как и отец, посвятили себя военной карьере. Кирилл Александрович начал службу вахмистром Псковского карабинерного полка, участвовал в русско-турецкой войне, усмирении бунтов, Персидском походе. Дослужившись до чина генерал-майора, он перешел на гражданскую службу и был

переименован в тайные советники и назначен сенатором. Иван Александрович закончил службу в чине секунд-майора.

Самым знаменитым в роду Багратионов стал сын Ивана Александровича Петр Иванович Багратион.

Родился он в 1765 году в Кизляре – городе, где служили его дед и отец. Там и прошло его детство, о котором сведений очень мало. Видимо, тяга к военной службе появилась у Петра уже в юном возрасте, и, возможно, не последнюю роль в этом сыграла жизнь в гарнизоне и пример деда и отца.

Военная служба 17-летнего Петра началась в 1782 году. Он был зачислен сержантом в Кавказский мушкетерский полк, оборонявший с другими частями русской армии юго-восточный рубеж России, проходивший тогда по рекам Кубани и Тереку. Большая часть Кавказа в то время находилась под владычеством султанской Турции. Отряды князей Северного Кавказа нередко нападали на русскую границу.

Во время службы в Кавказском мушкетерском полку Багратион участвовал в походах 1783, 1784, 1785 и 1786 годов. Он показал себя отважным, стойким воином. Участвуя в боях, Багратион набирался опыта, который пригодился ему во время дальнейшей службы. В 1788 году полк, в котором служил Багратион, был направлен под Очаков. Русские войска готовились к штурму этой превосходно защищенной турецкой крепости. Во время штурма, состоявшегося 6 декабря 1788 года, Багратион проявил отвагу и инициативу и в числе первых ворвался в крепость.

В мае 1794 года Багратион был переведен в Софийский карабинерный полк, в составе которого он участвовал в польском походе и состоял под началом А.В. Суворова. 15 октября 1794 года Багратион получил очередной чин – подполковника. Он был уже известным командиром, его знали солдаты и офицеры. Обратил на Багратиона внимание и Суворов, горячо полюбивший «князя Петра». В 1799 году уже в чине генерал-майора Петр Иванович принял участие в Итальянском и Швейцарском походах, став незаменимым помощником Суворова.

Суворов разработал план кампании 1799 года, которым предусматривался последовательный разгром обеих французских армий с последующим наступлением союзных армий на Париж и его захватом. В апреле Багратион во главе авангарда объединенных русско-австрийских войск вышел к крепости Брешиа. Французский гарнизон, оборонявший крепость, встретил союзные войска ураганным артиллерийским огнем. Но русские, воодушевляемые Багратионом, решительной штыковой атакой захватили крепость. Было пленено 1065 человек и захвачено 46

орудий. Взятие Брешиа было первой победой, одержанной союзными войсками в Италии. Французская армия, оставив позиции на Адде, стала отходить на Касано. Ее неотступно преследовал авангард Багратиона.

24 апреля войска Багратиона неожиданно для противника оказались у крепости Бергамо – важного опорного пункта французов – и захватили ее. Быстрая атака русских войск застала противника врасплох, французы бежали, бросив значительные запасы военного имущества. А 26 апреля его войска атаковали Лекко, где оборонялся 5-тысячный отряд противника. Французы хорошо укрепились в городе, но войска Багратиона решительным штыковым ударом опрокинули противника. Оборонявшие Лекко французские части были вынуждены отступить на противоположный берег реки. Французское командование не смирилось с потерей Лекко и направило в обход города с северо-востока часть своих сил с задачей отрезать отряд Багратиона в городе и уничтожить его ударом с тыла. Но Багратион разгадал замысел противника. Русские войска штыковой атакой вынудили французов отступить.

Однако французское командование во что бы то ни стало хотело вернуть Лекко, для чего с севера и запада от города были сосредоточены две атакующие группы. На их стороне было численное преимущество, что позволило им все же ворваться в город. Но не успели они закрепиться, как русские войска перешли в контратаку. На помощь Багратиону Суворов направил три пехотных батальона из своего резерва. В ходе последовавшего за этим сражения противник, прорвавшийся в город, был уничтожен. В ходе боя Багратион проявлял исключительную храбрость и появлялся на самых опасных участках, воодушевляя войска В один из таких моментов он был ранен, но не оставил поле сражения.

Летом, в ходе сражения на берегу Треббии против французских войск Макдональда, дивизия генерала Домбровского, переправившись через реку, попыталась обойти правый фланг русской армии, где находились войска Багратиона. Но Багратион смело остановил противника и заставил его отступить, а затем активно поддержал контратаку главных сил со своего правого фланга. Противник в очередной раз был разбит и отброшен за реку Треббия. На следующий день армия Макдональда, понесшая огромные потери, начала поспешное отступление.

После разгрома французской армии Макдональда главные силы союзной армии вернулись в Алессандрию. Отряд Багратиона был выдвинут к Нови. Тем временем французское правительство

объединило свои силы в Италии в одну армию. Возглавил ее молодой и талантливый генерал Жубер.

15 августа 1799 года у Нови произошло кровопролитное сражение между 51-тысячной русско-австрийской армией под командованием Суворова и 35-тысячной французской армией, которую возглавлял Жубер. Главный удар наносили войска Багратиона и наступавшие позади них войска Милорадовича. Сражение началось атакой австрийскими войсками левого фланга французской армии. Генерал Жубер, прибывший в район боев, был убит, и командование принял на себя генерал Моро.

Авангард Багратиона, тесня неприятеля, подошел к городу Нови, обнесенному высокой стеной, но был вынужден остановиться. Тем временем французы открыли сильный артиллерийский огонь из батарей, находившихся за городом. Из Нови была сделана вылазка против правого фронта войск Багратиона, но подошедшие войска Милорадовича сумели отбросить неприятеля. Исход сражения решили войска Багратиона. Решительным ударом они выбили противника из Нови, а затем атаковали французские укрепления, расположенные на высотах за городом. Французы были выбиты со своих позиций и отступили. Общие потери противника составили 17 тысяч человек, потери союзных войск – в два раза меньше.

За участие в Итальянском походе фельдмаршал Суворов подарил Багратиону свою шпагу, с которой тот не расставался до конца жизни.

Суворов намеревался преследовать противника вплоть до его полного уничтожения, но вместо того получил приказ направиться в Швейцарию на соединение с находившимся там корпусом генерала Римского-Корсакова.

В легендарном Швейцарском походе через Альпы Багратиону был поручен авангард армии. Он прокладывал путь войскам в горах и первым принимал на себя удары противника.

Суворов избрал для русской армии самый тяжелый и опасный, но зато и самый короткий путь из Италии в Швейцарию. Войска, выступив из Алессандрии, должны были двигаться через Таверно, перевал Сен-Готард, долиной реки Рейсы, вдоль берега Люцернского озера и далее к Швицу, заходя во фланг и тыл основной группировке французской армии.

21 сентября русская армия покинула Таверно и направилась к Сен-Готарду, ставшему первой серьезной преградой на пути русских войск. Оборонял перевал французский генерал Лекурба. Авангард Багратиона столкнулся с противником 24 сентября. Войска по приказу князя с ходу нанесли сильный удар по правому флангу неприятеля. Противник, не принимая боя, отступил.

Багратион часть сил направил на преследование противника, а другую часть по приказу Суворова двинул вправо через горы с целью обхода левого фланга укрепленной позиции противника, проходившей по Сен-Готардскому перевалу.

Войска Багратиона, преследуя противника, попытались атаковать Сен-Готардскую позицию в лоб, но успеха не достигли. Вскоре подошли главные силы армии Суворова, но и они не смогли сбить неприятеля с перевала.

Войска Багратиона, карабкаясь по горным кручам, смогли обойти французские позиции и атаковали их с фланга одновременно с фронтальным ударом главных сил Суворова. Противник, обнаружив русские войска чуть ли не у себя в тылу, отступил к Чертовому мосту.

Дорога, по которой двигались войска Суворова, входила в туннель Урнер-Лох, имевший 80 шагов длины и 4 шага ширины, далее она проходила (400 шагов) по берегу реки Рейсы и сворачивала на узкий Чертов мост.

Отступивший от Сен-Готарда генерал Лекурб часть сил оставил для прикрытия выхода из туннеля, а два пехотных батальона расположил за Чертовым мостом. Позиции, занятые французами, считались неприступными, но войска Суворова смогли обойти их и овладеть туннелем Урнер-Лох и Чертовым мостом. 26 сентября русская армия заняла Альтдорф и убедилась, что никаких дорог по берегам Люцернского озера, о которых ему сообщали австрийцы, не существует. Не было возможности переправиться и водным путем, так как французы увели все суда. Тогда Суворов решил преодолеть горный хребет Росшток и выйти в Муттенскую долину, а откуда к Швицу.

Переход русской армии через хребет Росшток начался утром 27 сентября. Впереди шел авангард Багратиона, прокладывая дорогу остальным войскам. К вечеру того же дня авангард русской армии достиг Муттенской долины.

В деревне Муттен Багратион захватил отряд французов – 150 человек, чтобы те не смогли никому сообщить о появлении русской армии в Муттенской долине.

Тем временем французы разбили корпус Римского-Корсакова и решили окружить и уничтожить армию Суворова. Окруженный со всех сторон, фельдмаршал 29 сентября созвал военный совет, на котором было принято решение под прикрытием 7-тысячного авангарда пробиваться через гору Брагель на северо-восток к Гларису. Во главе авангарда вновь был поставлен Багратион. На следующий день его части выступили из Муттенской долины. За ним двинулись и главные силы. В ходе двухдневных боев авангард разгромил противника – путь на Гларис стал свободен.

К 4 октября там сосредоточились все силы русской армии.

В ночь на 5 октября ослабленная боями и беспрерывными переходами русская армия выступила из Гларис к хребту Паникс. Несмотря на отсутствие проводников и тяжелый путь по покрытым ледяной коркой склонам хребта Паникс, русские войска к 12 октября сосредоточились в Фельдкирхе. Во время перехода русской армии через хребет Паникс Багратион возглавлял арьергард, прикрывавший отход армии Суворова. Арьергард Багратиона у Гларис отбросил французские части, попытавшиеся преследовать русские войска. Это было последним сражением Швейцарского похода. Выполнив свою задачу, отряд Багратиона догнал армию Суворова.

С бывшим противником – французами – Петр Багратион снова встретился на полях сражений в 1805 году. И снова союзником России была Австрия. И снова ему был вверен авангард русской армии, которую теперь возглавлял М.И. Кутузов. Вследствие неудачных действий австрийцев русская армия дважды оказывалась под угрозой окружения. Особенно тяжело пришлось русским солдатам после сдачи Вены.

13 ноября войска французского маршала Мюрата вступили в Вену и, не встретив сопротивления со стороны австрийцев, захватили мост через Дунай. Получив сведения о сдаче Вены и движении войск Мюрата на Цнайм, Кутузов немедленно приказал начать отход русской армии от Кремса на Гунтерсдорф. Чтобы помешать выходу противника на путь отступления армии, Кутузов приказал выслать на дорогу от Вены на Гунтерсдорф небольшой отряд, который должен был задержать Мюрата до тех пор, пока главные силы русской армии не пройдут Цнайм. Этот отряд возглавил генерал Багратион.

Получив приказ Кутузова, Багратион, несмотря на большую усталость своих войск, быстрым маршем двинулся к Голлабрюну. Прибыв в намеченный район и осмотрев местность, Багратион принял решение отступить к деревне Шенграбен и занял здесь оборону до того, как сюда же вышли передовые части войск Мюрата. Тот, уверенный, что перед ним находятся главные силы армии Кутузова, решил подтянуть отставшие на марше войска и после этого атаковать русскую армию. Для выигрыша времени Мюрат направил к Багратиону своего парламентера с предложением заключить перемирие при условии, что русская армия возвратится к своим границам, а французские войска не будут продвигаться дальше. Багратион немедленно сообщил Кутузову о предложении французов. Кутузов согласился на заключение перемирия, рассчитывая вывести свою армию из-под удара и оторваться от неприятеля.

15 ноября после проведенных переговоров акты перемирия были направлены Кутузову и Наполеону для ратификации. Кутузов задержался с ответом более чем на 20 часов, продолжая отвод своей армии. Наполеон же, сильно раздраженный инициативой Мюрата, приказал ему немедленно разорвать перемирие и атаковать русские войска.

На следующий день французские войска перешли в наступление против отряда Багратиона. Общая численность французских войск, наступавших на русский отряд, составляла 30 тысяч человек, в то время как у Багратиона было лишь 6 тысяч. Сразу после начала атаки французскими войсками позиций русских войск приданная отряду Багратиона артиллерия обстреляла и подожгла деревню Шенграбен. Находившиеся там войска Удино были задержаны на два часа.

Но на флангах сложилась тяжелая обстановка. Правый фланг позиций русских войск был атакован корпусом Сульта, который планировал опрокинуть противостоявших ему русских гренадеров, егерей и драгун и выйти к деревне Гунтерсдорф, тем самым отрезав отряду Багратиона путь отступления. Русские гренадеры и егеря отразили две атаки корпуса Сульта и затем под прикрытием артиллерии начали организованный отход к деревне Гунтерсдорф. Оставив и там два батальона, Багратион приказал войскам своего правого фланга продолжить отход. Левое крыло войск Багратиона было атаковано одновременно с правым. Корпус Ланна отрезал от пехоты левофланговый Павлоградский гусарский полк, вынудив его покинуть поле боя. Затем французы окружили Подольский и Азовский мушкетерские полки, но мушкетеры не дрогнули и пробились из окружения, расчищая себе дорогу штыками и ружейным огнем. Войска левого крыла отряда Багратиона отступали по дороге на Цнайм, но, подойдя к деревне Грунд, они обнаружили, что эта деревня уже занята противником. И вновь сильным штыковым ударом русские батальоны проложили себе путь.

Через два дня отряд Багратиона достиг Погорлица, где находилась армия Кутузова. Кутузов выехал навстречу Багратиону и горячо обнял своего боевого друга и соратника, которого уже не чаял встретить живым. За этот подвиг Багратион был удостоен чина генерал-лейтенанта, а 6-й егерский полк – основа отряда – стал первым, кто получил в награду серебряные трубы с георгиевскими лентами.

В сражении под Аустерлицем части Багратиона стояли на правом фланге союзных войск. Для союзников эта битва в целом окончилась поражением. Солдаты Багратиона смогли не только устоять перед натиском противника, но еще и прикрывать

отступление расстроенной армии. За Аустерлиц Багратион был пожалован орденом Св. Георгия 2-й степени.

В войне 1806—1807 годов Багратион, можно сказать, традиционно командовал авангардными или арьергардными отрядами в зависимости от того, наступала или оборонялась русская армия.

16 января 1807 года русская армия под командованием Багратиона начала наступление в Восточную Пруссию с целью не допустить занятия французами Кенигсберга и Пиллау и нанести поражение изолированным корпусам Нея и Бернадота. Наполеон, узнав о движении русских войск, 1 февраля направил главные силы на север, пытаясь обойти левый фланг русской армии и отрезать ее от сообщений с Россией. Под прикрытием авангарда генерала Багратиона русские войска отошли к Прейсиш-Эйлау, где 7–8 февраля произошло крупное сражение. Попытка Наполеона обойти левый фланг русских войск была сорвана их упорной обороной. Последним сражением между русскими и французскими войсками в этой войне стало Фридландское сражение 14 июня. В ходе битвы левое крыло русских войск под командованием генерала Багратиона артиллерийским огнем и контратаками конницы отбило все атаки французских войск и обеспечило отход главных сил русской армии. Наполеону не удалось уничтожить русскую армию во Фридландском сражении, но ее поражение и большие потери, понесенные русскими войсками, заставили императора Александра I заключить в июле 1807 года Тильзитский мир.

В следующем, 1808 году Петр Иванович отправился на войну со Швецией. Командуя 21-й пехотной дивизией, он провел ряд удачных боев и занял города Таммерсфорс, Бьерсборг, Або, Вазу, а также Аландские острова.

17 сентября 1809 года в Фридрихсгаме был подписан мирный договор, по которому Финляндия и Аландские острова отошли к России. За отличное управление войсками во время русско-шведской войны 1808—1809 годов Багратион был произведен в генералы от инфантерии.

После окончания военных действий в Финляндии Багратион в июле 1809 года получил назначение в Молдавскую армию. Шла русско-турецкая война, и Молдавская армия сражалась на Дунае с войсками турецкого султана. Петр Иванович специальным приказом командующего армией генерал-фельдмаршала Прозоровского был назначен командиром главного корпуса армии. Еще до прибытия Багратиона генерал-фельдмаршал Прозоровский обратился к императору Александру I с просьбой назначить ему преемника, так как вследствие своего слабого

здоровья он уже не мог управлять войсками. Александр I удовлетворил эту просьбу и разрешил Прозоровскому передать командование Молдавской армией Багратиону.

Приняв командование Молдавской армией, которая насчитывала лишь 20 тысяч человек, Багратион, не снимая осады Измаила, сумел за август месяц взять ряд городов – Мачин, Гирсово, Кюстенджи. В сентябре он разбил турок под Рассеватом и осадил Силистрию. Осада Силистрии не увенчалась успехом. В октябре русская армия была вынуждена снять осаду вследствие движения к Силистрии 50-тысячной турецкой армии. В столице действия Багратиона под Силистрией вызвали неудовольствие, и в феврале 1810 года главнокомандующим русской Дунайской армией был назначен генерал-лейтенант Н.М. Каменский.

В августе 1811 года Александр I назначил Багратиона командующим Подольской армией, находящейся на Украине. Весной 1812 года он был утвержден в должности главнокомандующего 2-й Западной армией, сформированной на базе Подольской армии.

Багратион разработал свой собственный план кампании 1812 года, который и предложил императору. В нем он рекомендовал принять неотложные меры для ограждения страны от внезапного нападения. Для подготовки русской армии к защите России он предложил провести ряд мероприятий по укреплению войск, расположенных на границе, созданию резервных группировок и баз снабжения армии продовольствием. Также он предлагал привести Балтийский флот в боевую готовность. Однако Александр утвердил план, составленный его военным советником бароном Фулем.

Отечественная война 1812 года началась с отступления 1-й и 2-й Западных армий, которые двигались на соединение. С тяжелыми боями к концу июля армия Багратиона вышла к Смоленску и соединилась с 1-й Западной армией, тем самым сорвав надежды Наполеона на разгром русских поодиночке. Под Смоленском Багратион предлагал дать французам генеральное сражение, но армия продолжила отступление и двигалась по направлению к Москве.

22 августа армия достигла села Бородино. Здесь войска расположились на позициях, избранных для генерального сражения. Армии Багратиона предстояло защищать укрепления, расположенные на левом фланге, возле деревни Семеновская, впоследствии названные Багратионовыми флешами. Главный удар по левому флангу русских войск был нанесен одновременно с атакой на село Бородино. Флеши атаковали две французские дивизии корпуса маршала Даву. Однако первые атаки не

увенчались успехом. Тогда маршал Даву лично возглавил очередную атаку и во главе 57-го линейного полка ворвался на левую южную флешь. Но ему не удалось закрепить свой успех; войска Багратиона отбросили его на исходный рубеж. Французам два раза удавалось захватить флеши, а один раз они даже прорвались в деревню Семеновская. Но всякий раз Багратион наносил им сильные удары и выбивал их с укреплений.

В восьмой атаке на флеши приняли участие 45 тысяч солдат наполеоновской армии. Багратион дал приказ идти в контратаку и сам принял в ней участие. В ходе этой успешной контратаки князь Багратион был тяжело ранен осколком разорвавшегося ядра в ногу. Командование 2-й армией принял генерал Коновницын. Самого Багратиона переправили для лечения в село Симы Владимирской губернии. Здесь 12 сентября 1812 года он скончался.

В 1839 году его прах был перенесен на Бородинское поле и там перезахоронен с величайшими почестями.

МИХАЛ КЛЕОФАС (МИХАИЛ АНДРЕЕВИЧ) ОГИНЬСКИЙ (ОГИНСКИЙ) (1765—1833)

Граф, польский композитор.

Русско-литовский дворянский род Огиньских ведет начало от праправнука князя Михаила Черниговского Тита-Юрия Федоровича Козельского, сын которого Григорий имел прозвание Огонь, что и дало фамилию роду. Правда, ряд других исследователей считают родоначальником Огиньских Дмитрия Ивановича Глушонка, получившего в 1486 году от великого князя Литовского Александра имение Огинты.

В XVI веке род разделился на две ветви, и представители старшей ветви получили в дальнейшем княжеское достоинство, а в XVII–XVIII веках они занимали довольно высокие должности в Польше. О ранних представителях рода сведения имеются крайне противоречивые и часто неточные. По документам, первым, кто поставил подпись «князь Огиньский», был Матвей Богданович, занимавший должность ловчего в Великом княжестве Литовском и подписавший в 1556 году документ в качестве свидетеля. О его сыне, Богдане Матвеевиче, есть более подробные сведения. Он был воином и отличился в сражениях под Гданьском в 1577 году и под Великими Луками в 1581-м. Богдан Огиньский был отправлен Стефаном Баторием послом в Москву (1587) для переговоров о мире. Послом на мирных переговорах он выступал и в 1612 году. Прославлен Богдан Матвеевич был и как ревнитель православия и строитель монастырей. В Вильно он стал старостой Православного братства, организовывал школы и типографию. Он участвовал в подавлении казацкого восстания под руководством Наливайко и трижды избирался депутатом сеймов. Один из его сыновей, Александр, выбрал военную карьеру. В 1612 году вместе с отцом он участвовал в мирных переговорах. Александр сражался под Смоленском и Хотином, к 1636 году достиг чина литовского надворного хорунжего, а в 1645 году стал минским воеводой. В дальнейшем он получил должность каштеляна трокского. Первым графом Огиньским стал Марциан Александр Александрович. Как и отец, он стал военным и в 1658 году получил чин хорунжия трокского. Затем был стольником, крайчим и воеводой трокским. В 1684 году он стал канцлером

Великого княжества Литовского и участвовал в переговорах при подписании Андрусовского перемирия.

Одним из самых известных представителей рода Огиньских, живших в XVIII столетии, был Михаил-Казимир. Службу он начал в 13 лет в должности чашника. К 18 годам Михаил-Казимир достиг чина полковника, а в 1764 году он стал генерал-майором литовских войск и виленским воеводой. Он выступал (правда, неудачно) в качестве претендента на польский престол, для чего ездил в Петербург. Через четыре года он был провозглашен великим гетманом литовским. Командуя литовскими войсками, он в 1771 году был наголову разбит под Столоничами русскими войсками под командованием А.В. Суворова и был вынужден бежать за границу. Получив прощение, Михаил-Казимир Огиньский вернулся на родину и оставался на должности великого гетмана литовского до 1793 года. Он поселился в городе Слониме. Человеком он был богатым и тратил много денег на строительство фабрик и украшение любимого города. Несколько миллионов им было потрачено на строительство водного канала, который стал носить его имя. В историю Михаил-Казимир вошел не только как военный деятель, но и как деятель искусства. Он прекрасно знал теорию музыки, играл на нескольких музыкальных инструментах и даже усовершенствовал арфу – свой любимый музыкальный инструмент, доведя количество педалей до семи вместо четырех. Его дворец постоянно посещали люди искусства, и сам он проявил композиторский талант, сочинив несколько песен, отличавшихся колоритом национальных мелодий. Перу Михаила-Казимира принадлежит сборник сказок, сатир и стихотворений, напечатанных в созданной им типографии в Слониме и изданных также в Варшаве.

«Полонез Огинского» – это музыкальное произведение знакомо каждому. Его автор – Михал Клеофас Огиньский, чье имя в России произносилось как Михаил Андреевич Огинский.

Родился он недалеко от Варшавы в Гузове, где располагалось родовое имение Огиньских. Его родители, люди влиятельные и богатые, были широко известны в Польше и Литве. Анджей Огиньский, отец Михала, занимал высокие общественные должности. Он был ошмянским старостой, мечником литовским, секретарем Великого княжества Литовского, трокским кастеляном и воеводой. Известность он приобрел благодаря успехам на дипломатическом поприще – искусный и опытный дипломат, он часто представлял польские интересы в Вене, Берлине и Петербурге.

Мать Михала, урожденная Шембек, графиня Потоцкая в первом браке, была женщиной образованной и сумела дать сыну

хорошее образование. Развитию музыкального образования Михала содействовало посещение двора великого гетмана литовского и их родственника Михаила-Казимира Огиньского в Слониме, где часто ставились оперы и балеты, звучали оркестровые и камерные музыкальные произведения. Юный Михал учился игре на скрипке, а разностороннее музыкальное образование он получил под руководством Юзефа Козловского, давшего детям Огиньских серьезные навыки игры на фортепиано и в теории музыки. Кроме того, Козловский обучал детей и певческому искусству.

Службу Михал Клеофас начал в возрасте 19 лет. Он присутствовал в сейме и служил по гражданскому ведомству. От отца он унаследовал способности к дипломатии, что помогло ему быстро сделать карьеру. Через шесть лет после начала службы он получил должность чрезвычайного посланника и полномочного министра Польши сначала в Голландии, а затем в Англии. В возрасте 24 лет он уже был награжден высшим польским орденом Белого Орла.

Далеко не сразу блестящий молодой аристократ превратился в «солдата польской революции», как с гордостью называл себя впоследствии сам Огиньский.

Чуть больше года пробыл он за границей в качестве чрезвычайного посланника, и в конце 1790 года ситуация в Польше заставила его вернуться на родину.

3 мая 1791 года была обнародована конституция Речи Посполитой, ставшая итогом реформаторской деятельности 4-летнего сейма (1788—1792). Конституция существенно меняла государственно-правовой статус Польши, что, естественно, не устраивало Петербург. По поручению короля Станислава Понятовского Огиньский был отправлен в Вильно для поддержания обнародованной конституции, против которой активно выступали сторонники пророссийской политики.

В противовес конституции в 1792 году была создана Тарговицкая конфедерация, проект которой разрабатывался в Петербурге под личным наблюдением Екатерины II. Акт конфедерации был опубликован 14 мая 1792 года, и в тот же день в Польшу вошли русские войска. Польская армия, увеличенная до 100 тысяч человек по постановлению 4-летнего сейма, несмотря на оказанное сопротивление русским войскам, не смогла остановить вторжения. Капитуляция короля и присоединение его к Тарговицкой конфедерации стало концом начавшейся борьбы. Результатом этой войны стал второй раздел Польши (1793) между Россией и Пруссией.

Михал Огиньский был ярым сторонником конституции 3 мая,

и после крушения надежд, связанных с ней, он покинул страну. Его многочисленные имения в Литве и Белоруссии были конфискованы, что заставило его ехать в Петербург для снятия секвестра со своего имущества. В Петербурге ему удалось все возвратить под обязательство службы польскому правительству на основаниях Тарговицкой конфедерации. С этим пришлось согласиться.

Но как только в Польше началась национально-освободительная борьба, вылившаяся в вооруженное восстание, Огиньский стал ее самым активным участником. Поводом к началу вооруженной борьбы послужил отказ правительству конфедератов сократить численность польской армии. Первой выступила кавалерийская бригада генерала Мадалинского, располагавшаяся в Остроленке. Далее восстание перекинулось в Краков и Варшаву. Борьбу за независимость Польши возглавил Тадеуш Костюшко.

В ночь с 23 на 24 апреля началось восстание в Вильно, где в то время находился и Огиньский. Михал Клеофас объявил Национальному совету, что «приносит в дар Родине свое имущество, труд и жизнь». Передав значительную часть личных средств, он вошел в состав Национального совета в качестве депутата от Вильно. Свои письма и документы он стал скреплять печатью, на которой древний княжеский герб был заменен щитом с девизом «Свобода, постоянство, независимость».

На собственные средства Огиньский сформировал конный егерский полк и стал его командиром. Во главе полка он принял участие в нескольких сражениях и заслужил благодарность революционного правительства. В то же время им было написано несколько революционных песен и маршей. Позднее, в «Письмах о музыке» он писал: «Я сочинил марш для моего отряда стрелков со словами, и с тех пор этот марш исполнялся во многих полках. Я писал также военные и патриотические песни, которые пользовались большим успехом, так как возбуждали храбрость, энергию и энтузиазм моих товарищей по оружию». Предположительно, именно Огиньский был автором музыки боевой песни «Еще Польша не погибла», ставшая национальным гимном страны.

Восстание 1794 года было подавлено. Костюшко попал в плен, многие повстанцы погибли в сражениях, другие сдались преследовавшей их русской армии. Огиньский с группой патриотов сумел добраться до Вены, а в середине декабря 1794 года он перебрался в Венецию, где находилась значительная часть польских эмигрантов.

Встав во главе тех, кто желал продолжить борьбу за

независимость Польши, Огиньский начал искать союзников. Он наладил связь с польским эмиграционным центром в Париже, поддерживал контакты с Варшавой, искал и встречался с теми, кто был враждебно настроен к России.

Огиньский побывал во многих итальянских городах – Риме, Падуе, Флоренции, и везде налаживал контакты с польскими эмигрантами. Центр польских повстанческих сил находился в Париже. Вскоре было принято решение о создании в некоторых крупных городах сети тайных агентов, и Михал Клеофас в качестве такого агента был направлен центром в Турцию. В Константинополе он провел более полугода. Он вел переговоры с властями, надеясь на то, что Турция начнет войну с Россией и Австрией, что поможет Польше снова стать свободной, но убедился, что никакой надежды на успех нет.

В самой Польше к тому времени возникли внутренние разногласия, и Огиньский был туда направлен центром. Живя на родине под вымышленным именем (он выдавал себя за композитора Рачиньского), Михал Клеофас посетил Львов и Краков и провел переговоры от имени комитета итальянских патриотов. В феврале 1797 года он прибыл в Париж, где вошел в состав группы «Польской депутации», ведущей переговоры с революционным правительством Франции.

Огиньский искренне верил в успех освободительного движения. Польские легионеры с гордостью носили трехцветную французскую кокарду с надписью «Свободные люди – братья». Но мечтам патриотов, в том числе и Огиньского, не суждено было сбыться. Уже в октябре 1797 года был заключен мир между Францией и Австрией, и легионеры вернулись в Италию.

Весть о кончине императрицы Екатерины II, об освобождении Костюшко и помиловании Павлом I польских эмигрантов привела многих бывших легионеров на русскую службу, но многие остались за границей. Огиньский тоже обратился к новому императору с просьбой о возвращении на родину, но дважды получал отказ. Вернуться ему удалось лишь при воцарении Александра I.

В 1802 году он поселился в одном из своих поместий недалеко от Вильно. Здесь он был избран почетным членом Виленского университета и вошел в состав его совета.

Александр I благосклонно отнесся к Огиньскому, вернул ему значительную часть имений, назначил сенатором Российской империи и присвоил ему чин тайного советника. Он много беседовал с Огиньским о возрождении Польши, и тот снова поверил императору.

Михал Клеофас часто бывал во Франции, где уже громко

говорили о военных приготовлениях к войне против России. Он не разделял мнения польских патриотов, которые видели в Наполеоне путь к освобождению своей страны. Оставшись частью Великой армии Наполеона, они гибли в сражениях, веря, что сражаются и умирают за родину. Огиньский верил Александру I. И когда накануне Отечественной войны российский император прибыл в Вильно, то на фронтоне дворца Огиньского пылал транспарант «Доверие и благодарность».

В 1811 году Огиньский добивается аудиенции у императора, и после разговора о политической ситуации в Европе, о Наполеоне, им была затронута польская тема. Огиньский предложил Александру I проект образования из литовских и белорусских губерний великого герцогства литовского во главе с великой княгиней Екатериной Павловной, российский император должен был стать королем польским. Император предложил Огиньскому представить ему на рассмотрение этот проект письменно. В октябре проект был представлен и одобрен императором, который даже предложил Огиньскому указать ряд лиц из числа соотечественников, коим можно было бы доверить и поручить разработку детального плана по проведению проекта в жизнь. Правда, Александр I не забыл сказать, что внешнеполитическая ситуация (то есть война с Наполеоном) может на некоторое время задержать реализацию проекта.

Во время Отечественной войны 1812 года Огиньский был одним из доверенных людей российского императора и почти неотлучно находился при нем. Ему поручалось составление воззваний к польскому народу, и всю войну он был посредником между императором и своими соотечественниками, продолжая верить обещаниям российского монарха.

Война закончилась, и осенью 1814 года Огиньский возвратился в Петербург, где Александр I вновь подтвердил ему данные обещания относительно судьбы Польши. Но в начале 1815 года Огиньский был вызван в Варшаву, где император в долгой беседе ознакомил его с решением Венского конгресса. По решению конгресса часть территории Польши вошла в состав Российской империи, образовав Царство Польское. Александр I даровал полякам конституцию, но фактическая власть была сосредоточена в руках великого князя Константина Павловича. И очень скоро реальные планы российского монарха относительно Польши перестали быть секретом.

Потеряв доверие к императору и еще раз пережив крушение надежд, Огиньский уходит в отпуск по причине болезни сроком на один год. Отпуск он продлевает снова и снова, и в 1817 году высочайшим указом было поведено «отпуск, данный сенатору

Огинскому, продолжить до совершенного выздоровления, по уважению к болезненному состоянию его».

В 1822 году Огиньский навсегда покидает Россию. Он посетил разные города Европы и в 1823 году поселился вместе с семьей во Флоренции. Здесь, в столицы Тосканы, Огиньский провел последние 11 лет своей жизни, покидая город лишь ненадолго для посещения других европейских стран.

На протяжении этих лет появились издания многих его музыкальных произведений. Во Флоренции он начал работу над мемуарами. Четырехтомное издание, названное им «Воспоминания о Польше и поляках», вышло в Париже в 1826 году. Он написал также подробные воспоминания о себе, начиная с детства, которые велел опубликовать только после его смерти. Двумя годами позже вышли в свет его «Письма о музыке», на титульном листе которых была сделана надпись: «Флоренция, 25 сентября 1828, день, когда мне исполнилось 63 года».

Скончался Михал Клеофас Огиньский 15 октября 1833 года во Флоренции и был похоронен на монастырском кладбище у храма Санта Мария Новелла. Через несколько лет во флорентийском храме-пантеоне Санта Кроче ему был воздвигнут памятник – статуя из каррарского белого мрамора, олицетворяющая собой убитую горем Польшу.

ПЕТР ХРИСТИАНОВИЧ ВИТГЕНШТЕЙН (1768—1843)

Светлейший князь (1834), генерал-фельдмаршал (1826).

Княжеский род Витгенштейнов происходил из рейнской Франконии. Его родоначальником стал Стефан фон Спонгейм (Шпангейм), живший в XI веке. Его сын Эбергард в 1128 году стал в роду первым графом Спонгеймским. В XIII веке потомок первого графа, Готфрид II, женился на Аделаиде Сайн, которая была последней представительницей рода Сайнов. Дабы род Сайнов не пресекся, в 1247 году Готфрид унаследовал от жены не только земли, но и имя. А спустя чуть больше века, в 1361 году, граф Валентин Сайн тоже путем женитьбы на последней представительнице рода Витгенштейнов принял фамилию Сайн-Витгенштейн.

В начале XVI века род разделился на три ветви, старшая из которой стала именоваться Сайн-Витгенштейн-Берлебург. Ее представителем был граф Христиан-Генрих, возведенный в княжеское достоинство Священной Римской империи в 1792 году с титулом Светлости. К младшей линии рода принадлежали графы Сайн-Витгенштейн-Людвигсбурги. Одним из самых известных представителей этой линии Витгенштейнов стал Христиан-Людвиг-Казимир. Он родился 12 июня 1725 года в семье Людвига-Франца и Елены-Эмилии-Сольм-Барут. Выбрав карьеру военного, он начал службу в Вальденском пехотном полку в качестве адъютанта фельдмаршала князя Вальденского. Участвовал в войне за австрийское наследство и дослужился до чина подполковника. В 1752 году Христиан Витгенштейн уехал в Россию, где и подал прошение о зачислении его на русскую службу. При заполнении послужного списка, он указал только службу в Нидерландах, а о последующем служении ландграфу Гессенскому умолчал. На русскую службу он был принят с чином капитана и зачислен в полевые полки. К 1755 году Христиан Витгенштейн стал премьер-майором, параллельно имея гессенский патент на чин подполковника.

Во время Семилетней войны Христиан Витгенштейн отличился во многих сражениях, и в 1760 году он был произведен в полковники. При осаде Кольберга в 1761 году он был тяжело

ранен и попал в плен, а вернувшись после размена пленными в Россию, он был произведен в чин генерал-майора. После недолгого отпуска Христиан Витгенштейн командовал различными войсковыми частями. Последней войной для него стала русско-турецкая (1769). Части под его командованием входили в состав 2-й армии под командованием Панина. Витгенштейну было поручено взятие Бендер. Но, несмотря на активные действия его войск и даже небольшой успех, взять Бендеры не удалось из-за отсутствия осадной артиллерии.

В кампании следующего года Витгенштейн не участвовал, а в 1771 году вышел в отставку в чине генерал-поручика.

Первый брак с графиней Эмилией Финкенштейн дал ему двух сыновей, Павла и Петра, и дочь Амалию-Луизу. Сын Петр пошел по стопам отца, выбрав для себя карьеру военного. С детства он мечтал лишь об одном – о воинской славе во благо государства. И 1812 году Петр Христианович Витгенштейн был удостоен почетного звания-титула «Спасителя Петербурга».

Петр Христианович Витгенштейн родился 25 декабря 1768 года (по новому стилю – 5 января 1769 года) в городе Переяславле в Малороссии. Он рано лишился матери – она умерла в 1771 году, и после вторичной женитьбы отца на Анне Петровне Бестужевой-Рюминой (урожденной княжне Долгоруковой) воспитывался в доме ее родственника графа Салтыкова.

На 14 году жизни его мечта начинает приобретать черты реальности: в 1781 году он поступает на службу в Семеновский полк сержантом. С 1790 года он офицер, корнет. К 1793 году, когда произошло его боевое крещение, он пребывал уже в чине майора.

Крещение это произошло в войне с Польшей в корпусе Дерфельдена, куда Витгенштейн попросился волонтером. Там он выбрал авангард корпуса, находившийся под командованием Валериана Зубова, и именно в его составе впервые схватился с противником под Дубенкой. Вскоре его пожаловали за боевые отличия чином подполковника, и почти тут же судьба предоставила ему шанс оправдать столь высокое отличие.

Дело было под Остроленкой 18 октября 1794 года. Русские войска атаковали противника, который усердно защищался. Особенно отличалась одна из его артиллерийских батарей, наносившая значительный урон. Ее надо было нейтрализовать, и начальник Витгенштейна генерал-майор Козенц обратился к молодому офицеру:

– Подполковник! Хотите ли Георгия?

Витгенштейн, зная о чрезвычайной редкости и ценности этой

награды, нашел в себе силы, лишь немного побледнев, кивнуть. Генерал указал рукой на польскую батарею:

– Заставьте ее замолчать!

В тот же миг в руке подполковника блеснула сабля. Его эскадрон, за месяцы боев привыкший к молниеносным решениям своего командира, тотчас же с места пошел рысью. Лаву возглавил сам командир.

Подполковник первый скрестил клинок с конницей противника, попытавшейся было прикрыть своих артиллеристов, и он же первый ворвался на батарею, разметав в пух и прах ее прислугу. Эскадрон Витгенштейна сбил батарею и даже сумел прихватить одну из вражеских пушек, за что командир получил Георгия 4-й степени. Всего лишь под номером «602», хотя награждали им к тому времени уже более четверти века.

Были у него и другие бои в Польше, включая и знаменитое взятие Варшавы. Затем он принял участие в походе Валериана Зубова на Кавказ и вместе с ним брал Дербент. Именно он, отличившийся при штурме этой доселе считавшейся неприступной крепости, был послан в Петербург с ключами от крепости и извещением о ее падении, что сделало его полковником.

К 1805 году, к моменту начала войны с Наполеоном, он уже пять с лишним лет находился в чине генерал-майора.

Первое боевое столкновение русских и французов состоялось 22 октября 1805 года, а через два дня произошло сражение при местечке Амштетен, где Витгенштейну удалось вписать еще одну яркую страницу в боевую историю военного ордена России.

Здесь, у этого селения, маршал Франции Мюрат, быстро двинувшись вперед, настиг русский арьергард, бывший под командованием Багратиона. Французов было значительно больше, так что русский главнокомандующий Кутузов, который приехал к Багратиону как только услышал о приближающемся неприятеле, решил не искушать судьбу и отдал приказ усилить арьергард отдельным отрядом, составлявшим его резерв. Этим отрядом командовал Милорадович. Когда он подошел к месту сражения, то увидел, что подоспел воистину вовремя: Мюрат уже сталкивал князя Петра Ивановича с его позиции. Поэтому, пропустив Багратиона, Милорадович, в свою очередь, преградил французам дорогу, выстроив свои силы в две линии.

Мюрат с ходу ударил по его правому флангу. Там стояли малороссийские гренадеры, и они устояли. Тогда французский полководец решил обмануть судьбу и перенес свой удар на левый фланг Милорадовича. Этим флангом командовал Витгенштейн, имевший в подчинении мушкетеров, егерей и мариупольских

гусар. С ними он и отбил новый приступ неприятеля.

И дабы окончательно отвратить французов от их наступательных намерений, которые они опять начинали испытывать, русские генералы повели в штыки гренадерские батальоны Апшеронского и Смоленского мушкетерских полков. При этом Милорадович крикнул:

– Гренадеры, вспомните, как учил вас работать штыком в Италии Суворов!

Русские батальоны с маху ударили по гренадерам Удино. Бой дошел до крайнего ожесточения – раненые после перевязки, отмахиваясь от докторов, торопились в строй. Собственно, не в строй, – какой строй при долгой штыковой? – а в сечу, сознавая, что в таком горячем деле каждый штык на счету, каждый может решить исход общего дела.

И это дело выиграла русская пехота. Ведомая своими командирами, она сломила неприятеля и обратила его в бегство. Так Милорадович стал начальником арьергарда, а Витгенштейн отныне прикрывал движение арьергардных частей. Прикрывал, будучи уже кавалером ордена Св. Георгия 3-й степени.

Были потом еще и жаркие схватки, и блистательные сражения: и в этой войне с Наполеоном, и позже с турками.

Отечественную войну 1812 года Витгенштейн встретил генерал-лейтенантом и командиром 1-го корпуса армии Барклая-де-Толли, корпуса, прикрывающего Петербург и действующего в отрыве от основных сил. По сути – маленькая самостоятельная армия. И ее командир доказал, что не зря столь трудное дело защиты русских земель от Двины до Новгорода было доверено именно ему. Доверено в момент наивысшей опасности для страны, когда общепризнанные военные авторитеты, генералы Багратион и Барклай-де-Толли, пользовавшиеся в армии и обществе широкой известностью, посчитали во многом свою задачу выполненной лишь потому, что неприятелю не удалось окружить русские армии, расчленить и уничтожить их; когда даже отступление признавалось за удачнейший маневр. Именно в это время корпус Витгенштейна вступил в поединок с тремя корпусами Наполеона, сковал их силы и вырвал стратегическую инициативу.

Когда 1-я армия начала движение из Дриссы к Витебску, то Витгенштейн был оставлен на правом берегу Двины, прикрывая своим корпусом весь север России. Маршал Наполеона Удино получил от своего императора повеление очистить от русских правый берег Двины. Русский и французский корпуса начали отдельную от главных армий борьбу.

13 июля разведка донесла Витгенштейну, что Удино идет на

Себеж, желая соединиться там, в тылу русского корпуса, с корпусом Макдональда, также форсировавшего Двину, и тем самым отрезать русские части от Пскова. Соединенные силы французов в этом случае легко бы смели русский корпус. У Витгенштейна было на раздумье мало времени. Равно, как и вариантов действий: или поспешно отступать, или попытаться разбить корпуса французов поодиночке, постоянно опасаясь удара по своим тылам. Но отступление открывало противнику дорогу на столицу – на все 600 верст от Двины до Петербурга не было никого, кроме шести рекрутских батальонов, располагавшихся во Пскове, а за корпусами наполеоновских маршалов стояла вся армия императора, подкреплявшая противостоящие Витгенштейну силы сначала из Витебска, а затем из Смоленска. И все же русский генерал выбрал второе, понимая, что, воистину, если не он – то кто?

Он пишет 17 июля донесение: «Я решился идти сегодня же в Клястицы, на Псковской дороге, и 19-го числа на рассвете атаковать Удино всеми силами. Если с помощью Всевышнего его разобью, то уже с одним Макдональдом останусь спокоен».

Корпус двинулся к Клястицам. С одновременным приказом генерал-майору Гамену, стоявшему со своим отрядом ближе всех к Макдональду, тревожить его ложными маневрами и защищать каждую пядь земли на дороге, которая – если Макдональд рискнет по ней двинуться, несмотря на все движения Гамена – приведет его корпус в тыл к русским.

18 июля движение продолжалось. В авангард корпуса Витгенштейн поставил Кульнева с приказом занять Клястицы, если сие будет возможно. Но селение уже было занято французами – там был Удино.

Французский император писал своему полководцу: «Преследуйте Витгенштейна по пятам, оставя небольшой гарнизон в Полоцке, на случай, если неприятель бросится влево. Прибыв в Витебск, я отправлю к Невелю корпус, долженствующий войти в сообщение с вами. Когда вы двинетесь из Полоцка к Себежу, вероятно, Витгенштейн отступит для прикрытия Петербургской дороги. У него не более 10 тысяч человек, и вы можете идти на него смело».

Так вот смело, выполняя волю своего повелителя, Удино и шел: в Сивошине он оставил пехотную дивизию Мерля, а с двумя другими – Леграна и Вердье – и двумя кавалерийскими дивизиями пошел к Себежу. Заняв Клястицы, маршал приказал Леграну занять селение Якубово, бывшее в трех верстах.

Передовые части Леграна Кульнев обнаружил в лесу уже за селением и начал теснить их непосредственно к Якубову.

Французы пытались, зацепившись, отбить наскоки и трижды переходили в контратаки, но к ночи, когда сам Витгенштейн привел в подкрепление авангарду два полка егерей, а за их плечами уже просматривалась 5-я дивизия русского корпуса под командованием генерал-майора Берга, солдаты Леграна откатились к селу.

Бой был упорный, что дало возможность русскому генералу прийти к выводу (а потом и удостовериться из ответов пленных) о значительности сил, сконцентрированных здесь Удино. Медлить отныне было уже совсем невозможно, и Витгенштейн решил атаковать французов с самым рассветом, дабы отбросить их от Себежской дороги.

В 3 часа утра он начал наступление: после канонады егеря 23-го полка ворвались в Якубово, но были отброшены оттуда после ожесточенной штыковой. Удино, развивая минутный успех, сам бросил вперед против русского центра густые колонны пехоты. Их наступательный порыв был, казалось бы, полностью погашен русской картечью. Однако подкрепленные свежими силами, французы вновь пошли вперед. И вновь безуспешно. Попав под перекрестный огонь батарей, неприятельская пехота заколебалась.

А затем первая линия русской позиции под началом Берга двинулась вперед: полки Севский и Калужский, с частью гродненских гусар – на центр Удино, Пермский и Могилевский – на правый его флаг, а три егерских полка – на левый. И французы не выдержали и начали отступать Витгенштейн позднее писал: «Быстрое движение дивизии Берга, ободряемой примером всех начальников, мужественное нападение егерских полков, жестокое действие артиллерии, управляемой князем Яшвилем, вмиг решили участь сражения. Неприятель бежал к песчаным высотам Нищи».

Там, однако, французы задержались недолго – в 8 часов утра они уже были изгнаны за реку.

Русские полки рвались им вслед, но пехота и артиллерия дивизии Мерля, бывшие на левом берегу Нищи, активно воспрепятствовали этому, поддерживая своих товарищей, поспешно перебирающихся к ним через реку подальше от русских штыков, ядер и картечи. Активным действиям здесь стрелков и артиллеристов Мерля способствовали и собственно Клястицы, то есть строения села, так что Витгенштейн решил не уподобляться стратегам, знающим лишь однозначное «Вперед!», а отвел свою конницу выше по реке, где начался поспешно строиться мост-времянка.

Видя подобные приготовления, Удино почел за благо

отступить, но не учел, что отступление неприятеля бодрит наступающего врага – русская пехота, под прикрытием батарей, бросилась в атаку в штыки.

Французы подожгли мост, но было уже поздно – русские пробежали через пламя и взяли Клястицы на штык, молниеносным ударом подавив возникший было намек на сопротивление.

Неприятеля преследовали до реки Дриссы, перейдя которую Удино сделал еще одну попытку разыграть партию в свою пользу. Остановившись в четырех верстах за Сивошиным, он собрал дивизии в один кулак и занял выгодную позицию. Но игра уже был сыграна, и демарш французского маршала не мог ничего изменить. Ибо почти что в эти мгновения Витгенштейн писал успокоительно победную реляцию Александру I: «Французы спаслись только помощью лесистых мест и переправ через маленькие речки, на которых истребляли мосты, чем затрудняли почти каждый шаг и останавливали быстроту нашего за ними преследования, которое кончилось вечером. В деле при Якубове и в сражении при Клястицах сражались все полки 5-й дивизии, Берга, и два егерские, 14-й Сазонова, прочие войска оставались в резерве. Полки мужеством и храбростью делали невероятные усилия, которых не могу довольно описать. Все, что им ни противопоставлялось, батареи и сильные колонны, несмотря на ожесточенное, упорнейшее защищение, опрокидывали они и истребляли штыками и действием артиллерии. Все селения и поля покрыты трупами неприятельскими. В плен взято до 900 человек и 12 офицеров. Пороховые ящики, казенный и партикулярный обоз, в числе которого генеральские экипажи, остались в руках победителей. Я намерен прогнать неприятеля за Двину в Полоцк, обратиться против Макдональда, атаковать его и, с помощью Божиею и ободренным духом чрез сей успех наших войск, надеюсь также что-нибудь сделать».

И он сделал – Макдональд под влиянием разгрома Удино оставил свои попытки взять Ригу, а Наполеон отрядил корпус Сен-Сира к Двине, тем самым ослабив главную армию, к которой Сен-Сир уже более не присоединился. Тогда же французский император отдал приказ своим трем маршалам: прекратить наступательные движения на правой стороне Двины, но лишь удерживаться на ее берегах, охраняя пути сообщения главной армии.

И все это благодаря Клястицам. Эта победа сделала известным имя Витгенштейна по всей России. Он получил за нее орден Св. Георгия 2-й степени и почетное прозвание «защитника Петрова града», впервые прозвучавшее в песне, заканчивающейся

словами:

Хвала, хвала, тебе, герой!
Что град Петров спасен тобой!

Клястицы стали толчком к самому ослепительному взлету военной карьеры Витгенштейна, в скором времени – фельдмаршала. В 1813 году он берет Берлин и тогда же после смерти Кутузова временно назначается главнокомандующим объединенными армиями России, Австрии и Пруссии. В 1818 году он назначается главнокомандующим 2-й армией, а в 1828 году, с началом войны с Турцией – главнокомандующим русской армией в Европейской Турции. Под его командованием русские войска добились значительных успехов. Но годы и пережитое брали свое, и Витгенштейн подает в отставку. Умер он 11 июня 1843 года.

АРТУР УЭЛСЛИ ВЕЛЛИНГТОН (1769—1852)
Английский полководец и государственный деятель.

Сэр Артур Уэлсли, герцог Веллингтон, принадлежал к старинному дворянскому роду, известному также как Коллей, и только к концу XVIII века принявшему окончательную фамилию Уэлсли. Более правильно фамилия сэра Артура, дарованная ему со званием лорда, звучит как Уэллингтон, но мы будем придерживаться написания, принятого в русской военной истории.

При короле Генрихе VIII представители этого рода переселились из Англии в Ирландию. В 1728 году сэр Гаррет, оставшийся бездетным, признал своим наследником двоюродного брата Ричарда Коллея, и именно с него началась новая ветвь в истории рода. Так, в 1746 году Ричард Уэлсли (фамилия Коллей изменилась) стал ирландским пэром с титулом барона Морнингтона, а его сын в 1760 году был возведен в графское достоинство. Дети первого графа Морнингтона в истории Англии оставили заметный след. Старший сын, Ричард, назначенный в 1797 году генерал-губернатором Индии, сумел значительно расширить английские владения в этой стране за счет местных ранее независимых государств, с которыми он вел активные военные действия. В 1799 году ему был дарован титул маркиза. Оставив Индию в 1805 году, сэр Ричард получил назначение на новую должность, и с 1809 по 1812 год он был посланником в Испании. А с 1821 по 1834 год (с небольшим перерывом) он находился в Ирландии, занимая пост лорда-лейтенанта.

Средний брат, Генрих, служил по дипломатической части и находился в составе английского посольства во время миссии в Лилль. Затем он присоединился к старшему брату в Индии, став комиссаром в Мизоре и губернатором в Ауде. В дальнейшем назначался на должность посла в Мадриде, Вене и Париже.

Но самым известным стал третий сын первого графа Морнингтона Артур Уэлсли, родившийся в Дублине 30 апреля 1769 года. Свое образование Артур получил в элитной школе в Итоне, а затем окончил военную школу в Анжере (Франция).

В 1787 году началась его военная служба – он поступил в английские войска в чине прапорщика. В 1793 году Артур Уэлсли приобрел патент на штаб-офицерский чин (подполковника) в 33-м

пехотном полку, с которым в 1794 году он участвовал в походе в Нидерланды. Начиная с 1790 и по 1796 год сэр Артур был членом ирландского парламента.

Судьба распорядилась так, что все три брата были связаны с Индией. В 1796 году полк Уэлсли, к тому времени уже полковника, был отправлен в Индию. Здесь в свободное время он изучает военную историю, присматривается к жизни и быту простых солдат, знакомится с политической историей Индии. Активные боевые действия Артур Уэлсли начинает вести с 1799 года, когда его брат, получивший должность генерал-губернатора, начал войну с султаном княжества Майсур Типпу-Саибом. Неофициально сэр Артур стал военным советником брата, а после гибели султана и присоединения Майсура к английским владениям он стал гражданским и военным губернатором этой территории. В 1803 году Уэлсли первый раз заявил о себе как о талантливом полководце во время экспедиции против маратхских племен. Он оставался в Индии до 1805 года, а затем вернулся в Англию, дослужившись к тому времени до чина генерал-майора.

В следующем году он был избран в палату общин, а в 1807 году занял должность статс-секретаря по делам Ирландии в министерстве Портланда. Но кабинетная работа не привлекала Артура Уэлсли, и уже через несколько месяцев он оставил пост, чтобы присоединиться к экспедиции против Дании. Экспедицией командовал лорд Каткарт, сам Артур Уэлсли стал участником переговоров о капитуляции Копенгагена.

В июле 1808 года он был отправлен в Португалию. Здесь, во главе отряда в 10 тысяч человек, и началась его слава полководца. Его экспедиция, которой суждено было сыграть такую важную роль, состояла из небольших сил, выделенных главной группировкой, которые предпринимали бесплодные атаки на реке Шельде. Эта экспедиция была снаряжена английским правительством главным образом в надежде спасти Португалию. Каслри, взявшийся за трудную задачу обоснования этой экспедиции, был поддержан Артуром Уэлсли, который заявил, что если португальская армия и ополчение будут усилены 20 тысячами британских солдат, то французам для захвата Португалии потребуется 100 тысяч человек – количество, которое Франция не сможет выделить, если Испания будет продолжать борьбу. Часть из этих сил Наполеону пришлось бы перебросить из Австрии, где в это время находился основной театр военных действий. С точки зрения оказания косвенной помощи Австрии экспедиция не оправдала возлагавшихся на нее надежд. Как заслон для прикрытия Португалии она тоже оказалась совершенно несостоятельной. Но как средство истощения сил

Наполеона она совершенно оправдала себя.

Еще в 1808 году Артур Уэлсли высадился со своими войсками у Мендиго. После нескольких удачных сражений с французскими отрядами 21 августа он разбил при Вимейеро маршала Жюно, но после этого вынужден был уступить команду вновь прибывшему старшему генералу Беррарду и уехал в Англию.

В апреле 1809 года Уэлсли был назначен главнокомандующим объединенными англо-португальскими силами. В том же месяце он высадился в Лиссабоне с армией в 26 тысяч человек. Из-за испанского восстания и отчасти вследствие удара Д. Мура по Бургосу и его последующего отступления к Ла-Корунье французские войска оказались разбросанными по всему полуострову. Французский командующий Ней безуспешно пытался покорить Галисию в северо-западной части полуострова. Южнее войск Нея в северной части Португалии, в районе Опорто, действовал Сульт, армия которого была разбросана отдельными отрядами. В районе Мериды находился Виктор, прикрывавший подступы к Португалии с юга.

Используя благоприятные возможности места высадки и учитывая рассредоточение сил противника, Артур Уэлсли немедленно по прибытии в Испанию двинулся на север против Сульта. Хотя ему не удалось отрезать, как он рассчитывал, расположенные южнее отдельные отряды Сульта, он все же смог застать его врасплох. Прежде чем Сульт смог сосредоточить свои силы, английский командующий нарушил диспозицию его войск, переправившись через реку Дуэро в верхнем ее течении, и заставил Сульта отходить по трудному пути. В результате вынужденного отступления Сульта через горы его армия понесла значительные потери не столько от действий англичан, сколько от истощения.

После поражения Сульта войска Виктора, продолжавшие бездействовать в Мадриде, были переброшены для прикрытия прямых подступов к Мадриду. Месяц спустя туда решил двинуться и Артур Уэлсли. Двигаясь этим маршрутом, он подставил свои войска под удар, который могли нанести по нему все французские армии в Испании. Но он все-таки начал наступление, имея всего 23 тысячи человек. Его поддерживало такое же количество испанских войск под командованием Куэста.

В это время Виктор, совершив отход в сторону Мадрида, обеспечил себе поддержку двух других французских армий, находившихся в этом районе, увеличив численность французских войск до 100 тысяч человек.

Из-за нерешительных действий Куэста и возникших затруднений со снабжением своих войск Уэлсли не удалось

втянуть Виктора в сражение. За это время Виктор был усилен подкреплениями из Мадрида, посланными Жозефом Бонапартом Артур Уэлсли начал отступление, но 27–28 июля, перейдя в контратаку, удачно выдержал натиск французов под Талавером, и, если бы Куэста не отказался его поддержать, он сам перешел бы в контрнаступление. Однако в это же время Сульт начал наседать на тылы англичан с запада. Будучи отрезанным от путей отхода на запад, Уэлсли все же избежал разгрома, так как сумел проскользнуть на юг за реку Тахо. Понеся большие потери, деморализованные и изнуренные отступлением, английские войска укрылись за португальской границей. Недостаток продовольствия помешал и французам организовать преследование войск Уэлсли на португальской территории. На этом закончилась кампания 1809 года, убедившая сэра Артура Уэлсли в слабости регулярных испанских войск.

В награду за свои усилия в Испании в кампанию 1809 года Уэлсли получил от Англии достоинство пэра под именем лорда Веллингтона (в дальнейшем так и будем именовать его), титулы барона Дуро и виконта Талаверы, а от португальского правительства – титул маркиза Вимейеры.

Однако победа при Талавере имела для союзников столь отрицательные стратегические последствия, что Веллингтону пришлось отступать, а британское правительство предоставило его усмотрению решение вопроса о дальнейшем пребывании английских войск на Пиренейском полуострове. «Я останусь здесь», – твердо ответил Веллингтон и продолжил борьбу.

До начала основной военной кампании Веллингтону была оказана поддержка со стороны регулярных испанских войск, действовавших в своем обычном стиле. Испанские войска были настолько сильно разгромлены и рассеяны в ходе зимней кампании, что французы, не встречая с их стороны никакого сопротивления, завладели новыми районами Испании и вторглись также в богатую южную провинцию Андалузию.

В это время Наполеон взял в свои руки руководство войной в Испании и к концу февраля 1810 года сосредоточил здесь почти 300 тысяч человек, предполагая в дальнейшем еще более увеличить численность войск. Более 65 тысяч из них было выделено в распоряжение Массена, с задачей вытеснить англичан из Португалии.

Веллингтон, включив в свою армию обученные англичанами португальские войска, довел ее численность до 50 тысяч человек.

Массена начал вторжение в Португалию с севера Испании, дав тем самым Веллингтону время и пространство для реализации его стратегических замыслов. Веллингтон

препятствовал продвижению Массена, уничтожая продовольствие в районах, через которые продвигался Массена. 27–28 сентября 1810 году в кровопролитном сражении при Бузако Веллингтон сумел отбить все атаки Массена, но тот начал обход его позиции и тем самым вынудил Веллингтона поспешно отступить по направлению к Лиссабону. Затем Веллингтон отошел к укрепленной линии Торрес – Ведраса, что для Массена оказалось совершенно неожиданным.

Линия Торрес – Ведрас была построена поперек гористого полуострова между рекой Тахо и морским побережьем для прикрытия Лиссабона. Будучи не в состоянии прорвать эти линии, Массена около месяца стоял перед ними, пока голод не заставил его отойти на 50 километров к реке Тахо. Веллингтон не стал его преследовать или навязывать бой, а ограничился тем, что сковал армию Массена в небольшом районе, препятствуя снабжению его войск продовольствием.

Веллингтон продолжал придерживаться своего стратегического плана, несмотря на возможность изменения политики в Англии и прямую угрозу, созданную наступлением Сульта на юге через Бадахос с целью снять кольцо блокады, в котором находились войска Массена. Веллингтон противостоял всем попыткам Массена, который хотел заставить его наступать, но уже в марте сам вынужден был отойти. Когда остатки голодной армии Массена снова пересекли португальскую границу, он потерял 25 тысяч человек, из них только 2 тысячи человек в бою.

В дальнейшем Веллингтон оказывал воздействие на противника более угрозами, чем силой. В этих случаях французы были вынуждены направлять свои войска к угрожаемому пункту и тем самым давали испанским партизанам большую свободу действий в районах, оставленных французскими войсками.

Но действия Веллингтона этим не ограничивались. Следуя за отступающим к Саламанке Массена, он использовал часть своей армии для блокады пограничной крепости Алмеида на севере, одновременно направив Бересфорда осаждать Бадахос на юге. В результате армия Веллингтона лишилась подвижности и оказалась разделенной на две почти равные части.

В это время Массена, вновь собрав свою армию и получив небольшие подкрепления, поспешил на помощь осажденной Алмеиде. Под Фуэнте-де-Оноро Веллингтон был застигнут врасплох на невыгодных позициях, оказался в тяжелом положении и с трудом отбил атаку противника.

Бересфорд также снял осаду Бадахоса и выступил навстречу армии Сульта, спешившей на помощь осажденным. Он потерпел

поражение при Альбуэре в результате плохой организации сражения, но положение было спасено, хотя и чрезмерно высокой ценой, благодаря умелым действиям войск.

Теперь Веллингтон вновь сосредоточил свои усилия на осаде Бадахоса, хотя и не имел в своем распоряжении осадных средств. Однако осаду пришлось снять, так как в южном направлении двигался на соединение с Сультом сменивший Массена Мармон. Оба французских полководца разработали план общего наступления на Веллингтона. Но между ними возникли разногласия. В это же время Сульт, встревоженный вспышкой новой партизанской войны в Андалузии, возвратился туда с частью своей армии, возложив командование оставшимися войсками на Мармона. Из-за чрезмерной осторожности Мармона военная кампания 1811 года постепенно затихла.

Ввиду ограниченности своих сил Веллингтон не мог их использовать так, как хотел бы, и хотя в абсолютном исчислении его потери были меньше потерь французов, относительно они были больше. Однако он выдержал натиск французов в наиболее критический период, а с сентября 1811 года лучшие из французских войск были отозваны из Испании для участия в походе против России. По сравнению с 1810 годом численность французских войск в Испании уменьшилась на 70 тысяч человек. Из оставшихся в Испании войск не менее 90 тысяч были разбросаны от Таррагона (на средиземноморском побережье) до Овьедо (на атлантическом побережье) для охраны коммуникаций с Францией от нападения партизан. Прежде чем сосредоточить свои силы против Португалии, Наполеон решил вначале полностью покорить Валенсию и Андалузию.

При наличии слабого сопротивления со стороны противника Веллингтон воспользовался свободой действий и, внезапно напав на Сьюдад-Родриго, штурмом захватил его. Отряд под командованием Гилла прикрывал в период штурма стратегический фланг и тыл Веллингтона. Мармон не смог ни помешать Гиллу, ни отбить крепость, поскольку его осадный парк также был захвачен. Он не смог также и последовать за Веллингтоном через лишенную продовольствия местность.

Воспользовавшись этим, Веллингтон проскользнул на юг и штурмом взял Бадахос, хотя у него было очень мало времени для подготовки штурма. В Бадахосе Веллингтон захватил понтонный парк. Уничтожив наведенный французами понтонный мост через реку Тахо в районе Алумараца, он добился определенного стратегического преимущества, поскольку теперь армии Мармона и Сульта были отрезаны друг от друга и могли переправиться через реку только по мосту в Толедо, на расстоянии около 500

километров от устья реки Саламанки.

Сульт был прочно привязан к Андалузии, поскольку ощущал острую необходимость в продовольствии и опасался испанских партизан. Это позволило Веллингтону сосредоточить две трети своих войск для наступления на Мармона в Саламанке. Но Мармон смог разгадать план Веллингтона и отошел к своим базам и источникам подкреплений. После этого Мармон перерезал коммуникации Веллингтона, не беспокоясь о своих коммуникациях, которых он фактически не имел.

Обе армии двигались параллельно, временами на удалении нескольких сотен метров друг от друга, стремясь уловить благоприятный момент для нанесения удара. 22 июля Мармон допустил слишком большой отрыв своего левого крыла от правого, чем не замедлил воспользоваться Веллингтон, нанеся быстрый удар по образовавшемуся флангу левого крыла. Французам было нанесено поражение до того, как к ним подоспело подкрепление.

Веллингтон, однако, не добился решающего разгрома французов в сражении при Саламанке, и его войска на Пиренейском полуострове были все еще значительно слабее французских. Преследование французов поставило бы войска Веллингтона в опасное положение, так как король Жозеф мог в любой момент выйти из Мадрида в тыл Веллингтону и перерезать его коммуникации. Поэтому Веллингтон решил двинуться на Мадрид, рассчитывая на моральное и политическое значение этого шага. Как только 12 августа 1812 года он вступил в столицу, король Жозеф позорно бежал. Но пребывание Веллингтона в Мадриде не могло продолжаться долго, если бы французы подтянули сюда свои войска, разбросанные по всей территории Испании.

Веллингтон без давления со стороны противника оставил Мадрид и направился к Бургосу, создав угрозу линиям коммуникаций с Францией. Но французская система питания за счет местных ресурсов лишила эту угрозу реального значения. Однако успехи Веллингтона в сражении в Саламанке и после него заставили французов отказаться от своих замыслов в Испании сосредоточить все свои силы против Веллингтона. Он сумел вовремя отступить и после соединения с Гиллом дать французам новое сражение при Саламанке, на местности, выбранной им самим. Затем он вновь отошел к Сьюдад-Родриго, тем самым закончив кампанию 1812 года в Испании.

Действия Веллингтона в этой кампании были отмечены вначале титулом графа, затем маркиза. Парламент дважды назначал ему в награду по 100 тысяч фунтов стерлингов, а

испанские кортесы поднесли ему звание гранда, маркиза Торрес-Ведрасского и герцога Сьюдад-Родриго.

Несмотря на то что Веллингтон снова вернулся на португальскую границу, исход будущей кампании был уже решен, поскольку французы покинули большую часть захваченной территории Испании для того, чтобы сосредоточить свои войска против Веллингтона, и, оставив в покое испанских партизан, потеряли возможность уничтожить их силы.

В связи с поражением Наполеона в России из Испании было отозвано еще большее число французских войск. К началу новой кампании обстановка в Испании совершенно изменилась.

Веллингтон стал главнокомандующим не только английских и португальских, но и испанских войск.

Французы, более деморализованные непрерывной партизанской войной, чем военными поражениями, почти сразу были вынуждены отойти за реку Эбро и старались лишь удержать северную часть Испании. Но даже и такой задачи они не смогли выполнить из-за непрерывного давления партизан на их тыл со стороны Бискайского залива и Пиренейских гор. Это вынудило французов для организации отпора снять с фронта четыре дивизии из своих ограниченных сил.

Воспользовавшись этим, Веллингтон 21 июня 1813 года одержал блестящую победу под Витторией над королем Жозефом, за которую получил звание фельдмаршала британской армии, от испанских кортесов – поместья, а от принца-регента Португалии – титул герцога Виттория. Одержанная победа позволила Веллингтону начать постепенное продвижение к Пиренеям. Перейдя их в феврале 1814 года, он переправился через реку Адур, занял Бордо и, вытеснив Сульта с Торбской позиции, 10–12 апреля после боя овладел Тулузой.

Отречение Наполеона положило конец военным действиям. Английский принц-регент пожаловал Веллингтону орден Подвязки и титул герцога, а парламент поднес ему 400 тысяч фунтов стерлингов для покупки поместья.

После этого Веллингтон был послан в Париж чрезвычайным послом, а в феврале 1815 года выступил уполномоченным на Венском конгрессе.

После высадки Наполеона в Гренобле Веллингтон отправился в Брюссель и здесь принял главное командование над союзными английскими, ганноверскими, голландскими и брауншвейгскими войсками.

18 июня 1815 года, благодаря энергии и самообладанию, которое никогда не покидало «железного герцога», Веллингтон отразил, хотя и с большими потерями, отчаянные атаки

французов при Ватерлоо и с прибытием прусских войск Блюхера одержал победу над Наполеоном. Совместно с Блюхером Веллингтон безостановочно преследовал французские войска до Парижа, в который вступил 5 июля.

За Ватерлоо Веллингтон был осыпан наградами. Ему было присвоено звание фельдмаршала русских, прусских, австрийских и нидерландских войск. Император Александр I наградил Веллингтона орденом Св. Георгия 1-й степени, король Нидерландов – титулом князя Ватерлооского, другие монархи – драгоценными подарками.

По союзническому договору 20 ноября 1815 года Веллингтону было вверено командование всеми союзными войсками, назначенными для оккупации Франции. На этом посту Веллингтон сохранил присущий ему бесстрастный образ действий и вообще воздерживался от вмешательства в политику. Тем не менее он воспротивился предложению Блюхера расстрелять Наполеона и в согласии с императором Александром I предотвратил расчленение Франции и продолжительную оккупацию ее территории, чего так добивались пруссаки. Несмотря на это, распоряжение Веллингтона о возврате на свои места захваченных французами во время наполеоновских войн произведений искусств вызвало против него в Париже такое недовольство, что на его жизнь было совершено несколько покушений. На Аахенском конгрессе 1818 года Веллингтон поднял вопрос о выводе оккупационных войск из Франции и содействовал благоприятному для нее разрешению вопроса о контрибуции.

В 1826 году Веллингтон возглавлял чрезвычайное посольство для поздравления императора Николая I с восшествием на престол. В следующем году он стал главнокомандующим британскими сухопутными силами.

В январе 1828 года Веллингтону было поручено составить министерство. По своим политическим убеждениям он принадлежал к крайним тори, и когда в 1830 году под влиянием свершившейся в Париже Июльской революции в Англии возникли стремления к реформе избирательного закона, Веллингтон как яркий противник этого билля должен был уступить власть вигам. Общественное мнение было так сильно возбуждено против Веллингтона, что лондонская чернь перебила стекла в его дворце. Однако такое отношение к нему продолжалось лишь короткое время. В дальнейшем он дважды (1834—1835 и 1841—1846) входил в состав министерства Биля. Его политическая карьера закончилась лишь в 1846 году.

С тех пор и до своей кончины в 1852 году, в звании

главнокомандующего, он занимался лишь армией и довольствовался своей военной славой, которая и поныне составляет национальную гордость англичан. Еще при жизни Веллингтону было поставлено несколько памятников.

ИВАН ЛЕОНТЬЕВИЧ ШАХОВСКОЙ (1776—1860)
Князь, генерал от инфантерии.

Именно отсюда – от смоленских князей-мономаховичей – ведут свою родословную князья Шаховские. Князь смоленский Федор Ростиславич, взяв в жены дочь и единственную наследницу ярославского князя Василия Всеволодовича Марию, получил и Ярославское княжество. Вскоре после смерти супруги ему пришлось вступить в борьбу с немалым числом тех, кто желал сам княжить в Ярославле. Сил у князя было недостаточно, и он, отправившись в Орду, обратился за помощью к хану. Верно служил Федор Ростиславич хану и даже взял в жены ханскую дочь. Он не только вернул Ярославль, но и стал участником многих междоусобных войн, поддерживая всегда сторонников золотоордынского владыки. Меч его нес большие беды народу русскому, и не раз был проклят Федор Ростиславич за свое предательство, получив прозвание «Черный». Дети же его и золотоордынской царевны, Давид и Константин, жизнью своей молили у народа прощение за деяния отца. Впоследствии они стали почитаться как святые и были канонизированы православной церковью.

Фамилию Шаховских род получил в XV веке. Один из потомков Федора Черного, князь ярославский Константин Глебович, имел прозвание Шах, что и стало родовой фамилией.

И так распорядилась история, что большинство представителей этого рода, жизнь и деяния которых остались в ее анналах, выдвинулись в XVIII–XIX веках. Пожалуй, лишь Смутное время ненадолго придвинуло Шаховских чуть ближе к высоким чинам и постам, да и пора было заявить о себе – род древний, а от царя и престола далек.

Самой известной фигурой начала XVII века был князь Григорий Петрович Шаховской. Он упоминается как польский пленник в 1587 году. Вернувшись из плена, Шаховской был воеводой в Туле, Белгороде и Рыльске. Здесь, в Рыльске, он встретил Лжедмитрия I и примкнул к его войску. Григорий Петрович участвовал в сражениях с московской ратью и заслужил доверие Лжедмитрия, заняв при нем высокий пост. Смерть Лжедмитрия разрушила честолюбивые замыслы Шаховского, а новый правитель Василий Шуйский отправил его на воеводство в далекий Путивль. Тогда Шаховской решил распустить слух, что

царь Дмитрий жив, что он скрывается и копит силы. Путивль восстал против Шуйского, а вслед за ним и вся Северская земля. Шаховскому был нужен Дмитрий, чтобы подтвердить свои слова. И тогда Григорий Петрович решил использовать для интриги Ивана Болотникова, выдав его за посланца царя Дмитрия. Войска Болотникова пошли к Москве, а Шаховской остался в Путивле. Болотников, продержав некоторое время столицу в осаде, все-таки проиграл, и перед Шаховским снова встал вопрос о «неубиенном царе». В это время на Дону появился новый самозванец – «сын» покойного царя Федора Иоанновича, Петр. Шаховской вступил с ним в союз и пошел на помощь к Болотникову. Новая неудача в Туле, и «всей крови заводчик» Шаховской ссылается в заточение на Кубенское озеро. Из заточения он был освобожден поляками, и сразу же явился в лагерь к Лжедмитрию II, от которого получил звание боярина. Но и с Лжедмитрием II ничего не вышло. Снова поражение и смерть самозванца. А Шаховскому очень хочется играть первые роли, и он опять бросает вызов судьбе, перейдя в ополчение Ляпунова, освобождавшего Москву от поляков. Последние сведения, имеющиеся о Григории Петровиче Шаховском, рассказывают, что он пытался внести разлад между ополченцами Пожарского и отрядами казаков Трубецкого, но и здесь потерпел неудачу.

Шаховские, не давшие в то время видных государственных деятелей, оставили заметный след на литературном поприще. Современник Григория Петровича, Семен Иванович Шаховской, был известным духовным писателем. Женат Семен Иванович был четыре раза. Первый брак длился три года, последний – чуть более полугода. Все семейные и жизненные неудачи Семен Шаховской объяснял своей греховной жизнью и, как человек набожный, покорно принимал удары судьбы. За борьбу против Шуйского он был сослан в деревню, затем прощен и призван на службу в Москву. Воевал против Лжедмитрия II, потом на его стороне, перешел к королю Сигизмунду, а вернувшись в Россию, сражался против поляков. Опала рода Шаховских коснулась и Семена Ивановича. Он был обвинен в недоносительстве и укрывательстве и сослан, но в том же году прощен и возвращен в Москву. До конца дней своих Шаховского преследовали периоды царской немилости и прощения «грехов». В историю русской литературы он вошел как знаток литературы духовной, как писатель, имевший большой авторитет в делах веры. Многочисленные произведения Семена Ивановича отличаются большим разнообразием. Любимая тема писателя Шаховского – тема наказания человека за грехи. Интерес представляют его послания к различным духовным лицам, где князь излагает свои

религиозные взгляды. Ряд произведений Шаховского посвящен исторической тематике.

Семен Иванович был далеко не единственным представителем рода Шаховских, кто получил известность как литератор. Александр Александрович Шаховской – драматург, литературный и общественный деятель, занимает почетное место среди них. Родился он в 1777 году, учился в пансионе и начал с военной службы, которую очень скоро оставил, получив небольшой чин. Мечтая блистать в обществе, Александр Шаховской стал писать салонные стихи и мадригалы, развивая свои поэтические способности. В Петербурге он знакомится с сыновьями известного в то время писателя Княжнина, которые сделали Александра Александровича заядлым театралом. Мир кулис повернул жизнь Шаховского, сделав его драматургом. В 1795 году была поставлена его первая комедия «Женская шутка», снискавшая одобрение императора Павла I. В театре Шаховскому предложили место члена репертуарной части. Затем он был отправлен в Париж для ангажемента парижской труппы и, конечно, не упустил возможность познакомиться с театральным искусством Европы. С поручением Александр Александрович справился прекрасно, заслужив тем самым звание камер-юнкера.

Трудолюбие, глубокое знание театра, энергия и талант сделали Александра Шаховского выдающимся театральным деятелем своего времени. Кроме произведений для сцены он писал работы по теории театра, критические статьи, занимался режиссурой, поиском молодых талантливых актеров, преподаванием театрального искусства. Он был принят в литературное общество «Беседа любителей русского слова», а Российская академия избрала Шаховского своим членом.

Войну 1812 года Шаховской встретил в ополчении в Москве, став начальником одного из полков. В следующем году он возвращается в Петербург, где снова вступает в сражение, но на сей раз на литературном фронте. Классицизм, а именно его представителем был Шаховской, стал уступать новому течению – романтизму. Молодые литераторы, создавшие кружок «Арзамас», наградили князя прозвищем «брюхастого стиходея». Александр Александрович не оставался в долгу, разя «противников» едкой иронией.

В 1819 году из-за ссоры с директором театров Шаховской подает в отставку. Через 5 лет он снова приглашается на службу в дирекцию театров и еще 20 лет служит русскому театру и русской литературе, ведя беспощадную борьбу против иностранного влияния на русскую культуру.

Среди князей Шаховских были и другие известные

литераторы. Федор Яковлевич Шаховской сотрудничал с Московским университетом и считался лучшим, кто мог переводить с французского языка. Литературными переводами занимался Алексей Александрович Шаховской. Он выступал и как писатель, но ранняя смерть – скончался он в возрасте 30 лет – не позволила ему добиться широкого признания. А в различных журналах первой половины XIX века печатались произведения Екатерины Александровны Шаховской, представительницы романтического течения в русской литературе.

XVIII и XIX столетия выдвинули из рода Шаховских не только деятелей культуры, но и прославленных воинов, достигших высоких генеральских чинов. Самым знаменитым из них по праву может считаться генерал от инфантерии князь Иван Леонтьевич Шаховской. Он прожил долгую и славную жизнь, и, подводя ее итог, автор биографической заметки о князе в «Месяцеслове» писал: «Подвигами общественной деятельности он приобрел себе право занять место на страницах истории славной для отечества эпохи, а подвигами любящей души своей снискал всеобщее уважение. Любовь связывала его с молодым поколением, которому он вполне сочувствовал во всем, что есть в нем благородного и доброго, и с любознательностью следил до самых последних минут своей жизни за историческим ходом всего современного».

Действительно, Шаховской жил в славную эпоху. Он родился в 1776 году. Через 11 лет был записан в полк, и 18 лет от роду – уже капитан Херсонского гренадерского полка. Начавшаяся война с Польшей призвала его на поле боя. Кто знает, может быть, в этом была некая историческая закономерность, что потомок смоленских князей, города столь много претерпевшего от оружия Речи Посполитой, первые боевые отличия получил именно на польском театре военных действий?

Молодой капитан участвует в боях при Крутицах, Брест-Литовске, местечке Кобылке. И – в штурме Варшавы в 1794 году.

Итогом этого штурма, предпринятого Суворовым, стало падение города, победоносное окончание войны, а для Шаховского – награждение орденом Св. Георгия 4-й степени. Как было сказано в официальной бумаге, «за отличное мужество, оказанное 24 октября при взятии приступом Варшавского предместья Праги, где первым овладел бастионом и, быв послан с охотниками, отбил пушку и, поражая оною мятежников, принудил сдаться до 300 человек».

Совсем неплохо для начинающего, по сути, службу офицера. Вся атмосфера тогдашней армии способствовала выковыванию подобных личностей. Главное, было бы желание учиться у более

опытных и умудренных годами и схватками товарищей.

Шаховской хотел, и служба его шла успешно. Уже в 1803 году он назначается командиром лейб-гвардии егерского полка, через год производится в генерал-майоры. Участвовал в Отечественной войне: отличился под Витебском, при Бородино, под Красным, за что получил ордена Св. Анны 1-й степени и Св. Владимира 2-й.

Заграничные походы русской армии вновь дали возможность проявить себя шефу 20-го егерского полка (каковым Шаховской пребывал с 1809 года).

1 февраля русский корпус под командованием одного из наиболее смелых партизан, действовавших наряду с Денисом Давыдовым, Фигнером и Сеславиным, генерала Винценгероде подошел к селениям Коканину, Павловску и Боркову (что в шести верстах от города Калиш), где его разъезды обнаружили беспечно отдыхающего неприятеля корпуса Ренье. Корпус этот состоял из саксонцев, главная квартира которых (где пребывал и сам Ренье) располагалась в Калише.

Винценгероде сразу же по выявлении неприятеля послал в обход селений – для предотвращения отхода и нарушения связи между отдельными отрядами саксонской пехоты – свой авангард под началом генерал-майора Ланского: 3 казачьих и 2 гусарских полка с ротой конной артиллерии.

Ланской быстрым маневром выполнил приказ, а вскоре подошла и русская пехота, ведомая принцем Евгением Вюртембергским, в составе которой находился и 20-й егерский полк во главе со своим шефом.

Саксонцы недолго противились русскому напору, так что скоро деревни были от них очищены, защитники же их частью были переколоты, частью – причем гораздо большей – сдались в плен. Ренье тем временем подослал на помощь своей пехоте кавалерию из Калиша, но русская пехота и ее обрекла на незавидную участь, в чем не преминули особо отличиться егеря, точными залпами поражавшие неприятеля.

Не теряя времени, Винценгероде стремительно двинулся к городку – на сближение с Ренье. Подступив к Калишу, русский корпус обрушил на него сильную канонаду, после чего пехота пошла вперед. Неприятель держался в предместьях до ночи, но затем все же был принужден отступить, подталкиваемый меткими залпами и штыками.

За этот бой генерал-майор Шаховской был награжден Георгием 3-й степени. Потом были бои при Люцене, Бауцене, Пирне, Кульме, Лейпциге, который сделал князя генерал-лейтенантом. Далее – Бар-сюр-Об, Труа, Фершампенуаз, Париж.

По окончании войны Шаховской продолжал служить, так что

1831 год, когда ему вновь пришлось вдохнуть пороховой дым на поле брани, встретил уже генералом от инфантерии и командиром гренадерского корпуса, во главе которого и двинулся на польскую войну.

Принимал участие в сражениях при Белоленке, Грохове, Остроленке. И вновь – у стен Варшавы, где, как и 37 лет назад, проявит столь беззаветное мужество, что будет отмечен еще одним Георгием – уже 2-й степени.

Казалось, ничего не изменилось за эти годы – тот же город, та же задача, точно такое же отчаянное сопротивление осаждаемых и неукротимая решимость атакующих.

Штурм начался утром 25 августа. К этому дню осаждаемые варшавяне готовились долго, так что город превратился в мощнейшую крепость, защищаемую воодушевленными идеей независимости войсками. Укрепления представляли собой цепь бастионов и люнетов с мощными валами, артиллерийскими батареями, волчьими ямами и рвами впереди. Но уже ничто не могло спасти гарнизон – даже мужество могло лишь отсрочить неизбежное.

Наступающие колонны миновали волчьи ямы, преодолели ров и, используя штыки в качестве ступенек для подъема, неудержимо полезли на бруствер.

Взяв первый ряд укреплений, они, не останавливаясь, двинулись к следующему. В 11 часов утра Воля – один из узлов обороны Варшавы – была уже взята. В плен попали 30 офицеров и 1200 солдат. Начальник обороны Воли генерал Савинский, давший слово, что, пока он будет жить, русские не войдут в предместье, сдержал его: гренадеры, ворвавшись в костел, который был превращен в один из элементов обороны, в отчаянной рукопашной закололи генерала и его людей прямо у алтаря.

В этот момент к карабинерам с подкреплением прибыл князь Шаховской. Оценив обстановку и отдав должное мужеству противника и упорству своих людей, он сам становится во главе штурмовой колонны, никого не упрекая словом, но лишь увлекая примером и помыслом.

Карабинеры пошли в третью контратаку. На этот раз настолько удачную, что поляки утратили отныне всякую надежду отбить Волю, потеряв в этом деле множество храбрецов. Предпринимали они контратаки и в других местах, но везде они окончились с тем же итогом.

Бой тем временем начал стихать понемногу, но каждый понимал, что это лишь прелюдия и основные сражения разгорятся завтра – 26 августа, в канун годовщины Бородинского сражения.

В этот день по диспозиции под начальством князя Шаховского были полки: императора Австрийского, короля Прусского, принца Павла Мекленбургского и Екатеринославский. Всего 7 батальонов – 3400 человек, которых ему предстояло вести лично на приступ.

Он наступал со своими людьми на левом фланге. В Вольском предместье князь увидел гренадер колонны Палена, которая в начале сражения была по диспозиции впереди его полков. Главная улица предместья простреливалась картечью чрезвычайно жестоко, что вынудило гренадер вытянуться влево между домами и садами. Видя это, Шаховской все же решил продолжать наступление.

Встав во главе полка принца Мекленбургского, он повел солдат по Большой Вольской улице. Движение происходило под градом пуль и картечи, под шипение конгревовых ракет.

Три раза князь доводил полк до перекрестка недалеко от Вольской заставы, и трижды поляки, осыпая его спереди с обеих сторон картечью и пулями в упор, заставляли подаваться назад. В конце концов генерал взял правее и повел людей между дворов и садами. Здесь его поддержали гренадеры генерал-лейтенанта Набокова, и Шаховской все же оттеснил поляков до городского вала вблизи Вольской заставы, а затем завладел и самим валом.

Другие штурмовые колонны действовали не менее решительно. Мужество русских солдат послужило лучшим аргументом сейму, принявшему решение сдать Варшаву. Так что спустя некоторое время Шаховской, вспоминая молодость, вновь прошелся по ее улицам победителем. И с новыми наградами – Георгием 2-й степени за Варшаву и с Владимиром 1-й степени – за преследование неприятеля до прусской границы.

Потом были еще награды и еще должности – за долгую службу их, как правило, и бывает немало. А служба у князя Ивана Леонтьевича Шаховского была долгой, ибо он не разделял жизнь и служение и, может быть, благодаря этому дожил до почтенного возраста – 84 лет.

ПЕТР МИХАЙЛОВИЧ ВОЛКОНСКИЙ (1776—1852)
Светлейший князь, военный и государственный деятель.

Русский княжеский род Волконских ведет свое начало от святого мученика, одного из самых почитаемых на Руси святых князей после Бориса и Глеба Михаила Черниговского. Правда, некоторые исследователи, исходя из географического положения земель, принадлежащих Волконским, считают, что происходит сей славный род от князей рязанских. Но как бы то ни было, этот род один из самых древних русских родов, представители которого прославились ратными подвигами, защищая родную землю. Да и герб рода подтверждает принадлежность его к воинской славе. Герб двухцветный – голубой и золотой. На голубом фоне герба изображен архангел с обнаженным мечом, а на золотом – черный орел, несущий тяжелый крест.

Родоначальником Волконских считается Иван Юрьевич, по прозванию Толстая Голова, который, в свою очередь, был сыном Юрия Михайловича Тарусского и получил в удел земли на реке Волкони. Три его сына положили начало родам князей Тарусских, Спажских и Волконских, защищавших от татар русские рубежи на Оке.

Представители князей Тарусских и Спажских пали в битвах с врагами: два сына Ивана Толстая Голова – Федор и Мстислав – сложили голову на Куликовом поле, и в последующих боях с татарами погибли и его внуки Федор, Борис и Михаил.

Но воинскую славу подхватили потомки брата Ивана Юревича Федора, и еще 200 лет крепко стояли на защите границ русских. Спасение Отечества в его тяжелые времена стало наследственным призванием князей Волконских. Не за чины и награды стояли они крепко на охране русской границы. Затем, представители этого знатного рода верой и правдой служили великим князьям московским. И даже то, что не признавали их знатью и не считали князьями, не мешало им храбро биться за русскую землю. Так, к примеру, Петр Васильевич Волконский-Верига во главе Передового полка прошел по землям Великого княжества Литовского от Белой до Витебска и неоднократно отражал врагов от Тулы. На тульских рубежах отличились и его дети – Михаил Петрович Жмурка и Андрей Петрович Чайка. Воеводами были и Константин Романович Волконский, погибший

при защите от татар города Рыльска, и Петр Иванович Волконский, защищавший от врагов Муравский шлях.

Князь Петр Афанасьевич Волконский отличился в походах к южным рубежам из Калуги и Тулы, а затем, с юга, был переброшен в Ливонию, где громил немцев под Чествиным. Во время войны он командовал Сторожевым полком, с которым прошел путь от Могилева к Орше, а затем к Смоленску и Шклову, под которым наголову разбил неприятеля. Он бился и под Новгородом и принимал ключи от нескольких крепостей. В Ливонскую войну храбростью отличился и Василий Иванович Волконский. Он громил врагов под Полоцком, Мценском и Венденом.

Трудна служба воеводы, тяжелый крест несет орел на гербе Волконских. Не только слава, но и гибель ждала их на полях сражений. Князь Григорий Васильевич Волконский, не раз бивший шведов на берегах Белого моря, погиб в неравном бою с войском Казы-Гирея в то время, когда командовал сторожевой службой в Осколе. В сражении он убил под Казы-Гиреем лошадь, а его самого ранил в руку.

Воеводская служба стала для Волконских призванием. И когда Россия вслед за Ермаком двинулась на восток, то погибшего Ермака Тимофеевича сменил направленный из Москвы воевода Михаил Константинович Хромой-Волконский. И несмотря на то что до конца жизни он оставался хромым, в народе он заслужил прозвание «Орел». Во главе стрельцов и казаков он перешел Урал, основал крепость Пелым и городок Березовский, заселил вокруг них земли ратными людьми-землепашцами, помогал тобольскому воеводе и сам много лет воеводствовал в Сибири. Судьба сделала его воеводой в Боровске. Во времена Смуты к этому городу подошел с войском Лжедмитрий II. Многие знатные люди, в том числе и царские воеводы, покинули город, испугавшись самозванца. Многие, но не Михаил Константинович. Понимая, что отстоять Боровск он не сможет – силы неравные – он собрал жителей в Пафнутьевском монастыре и храбро отбивал полки самозванца, пытавшиеся взять монастырь приступом. Но изменники открыли ворота монастыря врагам. Волконский собрал людей – женщин, стариков и детей – в главном соборном храме, а сам встал в дверях. Долго он бился с врагами, не давая войти в храм, но пал от многочисленных ран. В честь сего подвига, в память о Михаиле Волконском-Орле Боровск принял герб города – на серебряном поле красное сердце, а вокруг него лавровый венец. Серебряное поле означает непорочность, сердце – верность, а венок – вечную славу. Люди сохранили память об этом герое, как и его кровь сохранилась на камне при входе в

храм.

Этот подвиг побудил другого представителя рода Волконских, отошедшего было от ратных дел, снова встать в строй. Речь идет о Федоре Ивановиче Волконском-Мерине, получившим такое прозвание по своему владению Меренищу в Меренищенской волости. До начала Смуты он возглавлял Передовой полк. Собранный из ветеранов полк Волконский повел к Коломенскому, чтобы преградить дорогу неприятелю к Москве. К войску Лжедмитрия II постоянно подходили новые силы, а на подмогу к Федору Ивановичу не спешили полки Шуйского, запершиеся в Москве. Несмотря на это, в бою на коломенской дороге в 1608 году Волконский разгромил отряды под командованием Лисовского. Не получив помощь от больших воевод, Волконский продолжал громить врагов, которые к тому времени уже заняли Суздаль, Ростов, Тотьму, Галич, осадили Белоозеро и Великий Устюг. Лишь Григорий Константинович Волконский поспешил на помощь к Волконскому-Мерину и со своим Передовым полком храбро громил неприятельские отряды. Славно сражался под стенами Троице-Сергиевой лавры полководец Скопин-Шуйский, отогнавший от столицы самозванца, но вскоре умер в Москве, возможно, что был отравлен. Федор Иванович стал организатором первого ополчения и, разгромив врагов под Александровской слободой, открыл ополченцам путь на Москву, занятую поляками. В жестоком бою воины Волконского заняли Белый город, подняв над ним знамя Волконского. И во втором ополчении Федор Иванович принял активное участие, подписав в Ярославле грамоту о его создании.

Но как часто бывало, заслуги князя своеобразно были оценены. После разгрома поляков и восшествия на престол Михаила Романова, Федор Иванович был брошен в тюрьму за местнический спор с боярином Головиным как «человек не родословный», то есть не знатный. До конца жизни Федор Волконский продолжал служить верой и правдой. Еще не раз он отличался в сражениях с поляками и татарами, руководил приказами, но так и не смог подняться выше чина окольничего – второго после боярского.

Как воеводы прославились и сыновья Федора Ивановича – Федор и Петр, начавшие ратную службу в 1618 году в боях с Владиславом.

В XVIII столетии из Волконских, продолжающих нести воинскую службу, особенно отличился Семен Федорович Волконский, начавший службу гардемарином, а затем став кирасиром. Он участвовал во взятии Баку и ряде других

сражений, что позволило ему за доблестные отличия получить чин генерал-майора. Во время Семилетней войны Семен Волконский наголову разбил прусского командующего Клейста, взяв в сражении тысячу пленных, и первым вошел в Берлин. Но со сменой политического курса Семен Федорович был уволен в отставку в чине генерал-аншефа.

И в XIX веке Волконские были в первых рядах защитников отечества. Сразу несколько представителей этого рода отличились в период наполеоновских войск. Уже внук Семена Федоровича, Николай Григорьевич, имевший фамилию Репнин, данную ему по деду со стороны матери специальным императорским указом для того, чтобы не пресеклась династия Репниных, но бывший продолжателем воинских традиций семьи Волконских, в сражении под Аустерлицем командовал кавалергардами, оставшись единственным в живых старшим офицером. Раненый, он попал в плен к французам, которые предложили ему свободу в обмен на обещание в течение двух лет не воевать с Францией Николай Григорьевич ответил на это: «Я присягнул служить своему государю до последней капли крови, и потому принять предложение не могу».

В войне с Наполеоном отличился и Петр Михайлович Волконский, имевший к началу войны генеральский чин. Он родился 6 мая 1776 года и в 16 лет уже был произведен в прапорщики лейб-гвардии Семеновского полка. В 1890 году он стал полковником, через год – генерал-майором.

В 1805 году исполнял должность дежурного генерала соединенных русских и австрийских войск, бывших под началом Кутузова. Был в этой должности и в несчастный для союзной армии день – день Аустерлица.

Дело генералов – не вставать во главе атакующих порядков, но знать, кого на это место поставить, то есть действовать, прежде всего, головой. Но хороший генерал ведает, что как бы ни был хитроумен и тщательно разработан его план, но, если солдаты не будут беззаветно преданы своему командиру, дело может в любой момент разладиться. А для того чтобы подчиненные тебе верили до конца, ты должен быть для них не только стратегом, но и примером доблести и отваги. Каждодневно рискуя жизнью на войне, они хотят быть уверены, что в бой их ведет человек, по крайней мере, не уступающий им в храбрости, и что, когда придет та крайняя минута, он не помедлит занять место в голове нападающих. Как это бывало с тем же Багратионом, чрезвычайно редко в генеральских чинах обнажавшим шпагу. Лишь в крайнем случае. Например, под Прейсиш-Эйлау, когда, получив приказ выбить французов из только что захваченного ими города, он

молча слез с коня и так же молча встал в первом ряду штурмовой колонны. Как произошло это в сражении под Аустерлицем с генералом Петром Волконским.

Кутузов не желал этого сражения, понимая, что Наполеон, видя, как усиливаются противники и как его армия все с большим трудом получает все ей необходимо, с каждым днем будет терять уверенность, пока не дойдет до степени, нужной союзникам. Но боя хотели русский и австрийский императоры, находившиеся при армии и попавшие под влияние своих молодых военных любимцев. Этого же хотел и Наполеон, сознавая, что только решительная победа придаст его словам в диалоге с союзными императорами необходимый вес. Так приблизилось 20 ноября 1805 года.

В диспозиции Наполеон приказал своим маршалам Бернадоту и Сульту разрезать армию Кутузова пополам, захватив Праценские высоты. Французы опередили неприятеля, и с самого начала бой принял для русских оборонительный характер, хотя они так же, как и их противник, собирались активно атаковать. Этого не получилось, и французские солдаты, зная, что наступают на глазах обожаемого императора, начали опрокидывать русских с господствующих высот.

Кутузов, уже раненный в щеку, поспешил в центр своей позиции, где союзные войска в силу сложившейся здесь малочисленности и царившего повсеместно расстройства совсем не имели резервов. Здесь он нашел бригаду Каменского 1-го, по диспозиции следовавшего замыкающим в колонне Ланжерона, состоявшую из Фанагорийского Суворовского гренадерского и Ряжского пехотного полков.

Каменский оказался здесь незадолго до этого, потому что, следуя в хвосте колонны Ланжерона, он внезапно увидел французов, входивших на Праценские высоты. Известив о подобном положении дел Ланжерона, молодой граф остановил бригаду и, построив ее против правого крыла французов, атаковал неприятеля, но безуспешно. И когда Кутузов, сопровождаемый Петром Волконским, подъехал к бригаде, та уже была опрокинута и в беспорядке отступала.

Волконский как дежурный генерал, имевший перед глазами общую картину боя, сразу понял, насколько пагубным для всей обстановки в целом может быть отступление русских полков именно сейчас и именно здесь. Этого нельзя было допустить, и князь решился. Он подхватил упавшее знамя фанагорийских гренадер – одного из любимых полков генералиссимуса Суворова – и велел бить сбор. Полки собрали, и бригада вновь была готова к бою. С криком: «Суворовцы – за мной!» – Волконский повел их в

атаку на неприятеля. Фанагорийцы рванулись за князем, обгоняя его, обтекая со всех сторон. Сразу вслед за ними пошли ряжцы, захваченные единым порывом.

В этом порыве они и атаковали неприятеля, и так мощно, что даже отбили у французов два орудия. Но тут противник опомнился, и на людей Волконского пошли новые и новые волны наступающих. Русская бригада была отброшена. Но ненадолго – князь вновь собрал полки и вновь повел их в атаку. И вновь противник подался было назад, но тут же сам двинулся в контратаку. И в третий раз генерал Волконский собрал фанагорийцев и ряжцев и повел их за собой, пытаясь мужеством и настойчивостью изменить уже неизбежное…

Кутузов, на глазах которого все это происходило, впоследствии напишет Александру I: «В Аустерлицком сражении князь Волконский оказал достоинства, кои при несчастии более видны, нежели при счастливом сражении. Он не только отличался храбростью, но благоразумием и сохранением всего нужного при подобных случаях хладнокровия, способствуя под самым огнем неприятельским троекратно к собранию людей Фанагорийского и Ряжского полков, с которыми и мог я в некотором порядке ретироваться».

Волконский за этот бой был удостоен ордена Св. Георгия 3-й степени. Он поступил как и положено человеку, не думающему о себе в момент общей беды.

Через некоторое время после этих войн с Наполеоном, за два года до войны Отечественной, Волконский, доказавший свою храбрость на поле брани, теперь также делом доказывает, что чином генерала награжден не зря – он назначается начальником квартирмейстерской части. В войне 1812 года участвовал в сражениях при Студянке, при Березине. Вскоре Волконский становится начальником штаба при князе Кутузове, а со смертью князя – начальником штаба Александра I. При его участии происходила выработка диспозиций Лейпцигской и Кульмской битв, а также взятия Парижа.

Петр Михайлович Волконский известен также как учредитель Генерального штаба и Военной академии. В 1815 году он назначается начальником созданного при его участии Главного штаба его императорского величества. Через два года получает чин генерала от инфантерии. Он стал первым в роду Волконских, кто удостоился титула светлейшего князя. Князь Петр Михайлович Волконский стал кавалером всех российских орденов, в том числе и ордена Св. Андрея Первозванного. Он был удостоен и фельдмаршальского жезла, которым, как человек военный, особенно гордился.

После 14 декабря 1825 года указом императора Николая I Петр Волконский назначается министром императорского двора. Этим назначением император решил продемонстрировать обществу свое благожелательное отношение к роду Волконских, несмотря на то что среди его представителей были и активные участники восстания на Сенатской площади.

До самой смерти князь Петр Михайлович Волконский оставался верным слугой царю и отечеству. Скончался он 8 сентября 1852 года.

ЕВГЕНИЙ БОГАРНЕ (1781—1824)

Французский генерал (1804), принц (1804), вице-король Италии (1805), герцог Лейхтенбергский (1815).

Богарне – старинный дворянский род французского происхождения, имевший владения в герцогстве Орлеанском. Несмотря на то что первое упоминание о роде Богарне относится к концу XIV столетия, его представители вплоть до начала XVIII века никак не отличились ни на военном, ни на политическом поприще. Никаких важных государственных должностей они не занимали, но на рубеже XVIII века ситуация изменилась, и первым известным Богарне стал генерал-губернатор Французской Канады.

Еще в XVI век род разделился на две ветви. Первая в 1759 году получила титул графов Рош-Барито, но в XIX веке она угасла. Представители другой ветви с 1764 года стали именоваться маркизами де Богарне.

Главой старшей линии рода в XVIII веке был Франсуа Богарне. В молодости он служил в армии, а в 1789 году был избран от дворянства в Генеральные штаты. Франсуа был противником революционных преобразований. Он стал участником заговора, имевшего целью похитить короля Людовика XVI. В 1792 году он был вынужден эмигрировать, затем служил некоторое время в армии принца Конде. Вернулся во Францию он в 1804 году, признал империю и получил от Наполеона должность посла сначала в Этрурии, а затем в Испании. Выйдя вскоре в отставку, Франсуа Богарне более не занимался политической деятельностью ни во времена империи, ни при реставрации Бурбонов.

Его младший брат, Александр Богарне, родившийся на Мартинике в 1760 году, сделал успешную карьеру. Но судьба его сложилась более трагично. На своей родине Александр поступил во французскую армию, где приобрел чин майора и женился на своей богатой землячке, креолке Жозефине Таше де ла Пажери, принадлежавшей к французской аристократии.

В войне за независимость Америки Богарне храбро сражался под командованием генерала Рошамбо, и после возвращения во Францию был очень хорошо принят при дворе.

В начале революции Богарне был избран дворянством Блуа в Генеральные штаты и одним из первых присоединился к третьему сословию. Он ратовал за отмену привилегий, за допуск всех граждан к государственным должностям и за равенство всех перед судом. Подобных взглядов он продолжал придерживаться и после того, как был избран секретарем Национального собрания. После кровавого подавления восстания в Нанси Богарне выступил как защитник генерала Бульэ, оправдывая действия администрации, и сразу потерял доверие народа.

Когда 21 июня 1791 года в Париже стало известно о бегстве короля, Богарне своим благоразумием удержал собрание от принятия поспешных мер.

В августе Богарне вышел из Национального собрания, которое дважды избирало его своим президентом, и отправился в качестве генерал-адъютанта к Северной армии. Здесь он сражался под командованием Кюстина при Суассоне, отличился в нескольких сражениях против пруссаков и австрийцев, но от предложенного в 1793 году поста военного министра он отказался. Получив назначение в Рейнскую армию на замену Кюстина, Богарне дождался принятия Конвентом специального постановления о запрещении дворянам служить в армии и немедленно подал в отставку.

Во время террора Александру Богарне было приказано уехать в провинцию, и он поселился в своем поместье Фортэ-Богарне. Но прожить тихо ему не удалось. Вскоре его доставили в Париж. Поводом послужил донос на его действия на посту командующего Рейнской армией. Александра Богарне обвинили в том, что своими действиями, а вернее их отсутствием, он способствовал сдаче Майнца неприятелю, что было равносильно измене. 23 июля 1794 года он погиб на эшафоте, оставив вдову с двумя детьми – сыном Евгением и дочерью Гортензией.

Евгений Богарне родился в Париже 3 сентября 1781 года. Уже в детстве он столкнулся с понятием политической борьбы, которая окружала его даже среди близких родственников. Отец иногда брал Евгения на заседания учредительного собрания. Александр Богарне, поддерживающий революционные принципы, занимал место с левой стороны, в то время как его старший брат Франсуа находился с правой. Евгений вспоминал в автобиографии, продиктованной им в 1822 году, что бывала такая ситуация, когда он стоял возле печки, находившейся в середине зала, «держа за одну руку дядю, а за другую отца, хотя они между собой ни слова не говорили».

Образование Евгений начал получать в коллеже, но после гибели отца и заключения в тюрьму матери, согласно

определению правительства о том, что дети дворян были обязаны изучать какое-нибудь ремесло, он был отдан в подмастерья к столяру. Его сестра, Гортензия, стала обучаться у портнихи.

Окончив обучение у столяра, Евгений был назначен ординарцем к генералу Гошу, которого незадолго до своей смерти Александр Богарне просил позаботиться о сыне.

Служба при нем дала Евгению возможность познакомиться с генералом Бонапартом, который, обратив на него внимание, пожелал познакомиться и с его семьей. Спустя несколько месяцев Бонапарт женился на Жозефине Богарне, а Евгений получил чин корнета 1-го гусарского полка и был назначен адъютантом к Бонапарту.

После Итальянского похода 1795 года Богарне сопровождал Бонапарта в Египет, участвовал в Сирийском походе, в сражении у Пирамид, при взятии Яффы и при осаде Сен-Жан д'Акр, где получил ранение в голову.

В 1800 году Богарне был назначен командиром роты гвардейских конных егерей и в том же году во время Итальянской кампании участвовал с ней в сражении при Милане и при Маренго.

В мирное время Евгений настойчиво изучал военное искусство и в 1804 году был произведен в бригадные генералы, а после коронации Наполеона получил титул принца.

11 мая 1805 года Наполеон объявил себя королем Италии, а 26 мая возвел Евгения в сан вице-короля.

Богарне ревностно принялся за административную деятельность, организуя заново все учреждения. По его инициативе предпринимались различные общественные работы, такие как проведение каналов, строительство дорог, укрепление берегов рек и т п. Своей бурной деятельностью Евгений Богарне за время управления страной сумел заслужить любовь итальянцев. Добросовестно относясь к своим обязанностям и сознавая свою неопытность в административной деятельности, принц Евгений окружил себя советниками, помогавшими ему лучше организовать управление. Администрация и суд были преобразованы по французскому образцу, уничтожены сословные привилегии, провозглашено гражданское равенство, в порядок были приведены финансы страны. В армии также была проведена реорганизация, заметно улучшившая ее боеспособность. Единственное, что вызывало недовольство итальянского общества, было то, что принц Евгений безропотно подчинялся всем требованиям Наполеона по поставке войск и выплате субсидий.

Осенью 1805 года должны были начаться военные действия

против Австрии, и Евгений Богарне очень надеялся, что император призовет его, и даже намекал Наполеону о своем желании. Но тому было выгоднее оставить принца на посту вице-короля. Командование армией он поручает маршалу Массене.

2 января 1806 года Наполеон женил Евгения на дочери баварского короля принцессе Августе, а два дня спустя усыновил его с титулом «Евгения Наполеона французского».

В кампании 1809 года Богарне в первый раз самостоятельно возглавлял войска, получив должность главнокомандующего армией, действовавшей в Италии.

Первое сражение при Сачиле завершилось для него, как полководца, неудачно. Когда же победы Наполеона в Германии заставили австрийские войска начать отступление от Тироля, Богарне энергично преследовал их и после блестящего кавалерийского сражения у селения Папа 2 июля под крепостью Раабом разбил 50 тысяч австрийцев, отбросив их к Коморну.

24 июня во время кровопролитного Ваграмского сражения войска Богарне составляли центр расположения французских войск. Здесь войска Евгения Богарне покрыли себя славой, отняв у противника два знамени и восемь орудий.

После Ваграмского сражения Богарне был послан в Тироль для усмирения вспыхнувшего там восстания. По возвращении оттуда он получил приказ сформировать для похода в Россию вспомогательный Итальянский корпус, который должен был войти в состав IV корпуса, поступавшего под его командование.

Во главе этого корпуса Богарне перешел Неман. Несмотря на свое нерасположение к Мюрату, он энергично и искусно поддерживал его 12–14 июля в бою под Островной, а во время Бородинского сражения войска Евгения действовали против «батареи Раевского» и овладели ею.

Когда началось отступление Великой армии, Богарне шел в авангарде и, заняв Малоярославец, с 18 тысячами человек держался в нем целый день против армии Кутузова. Под Вязьмой Богарне спас корпус Даву от уничтожения, своевременно придя ему на помощь. Не доходя до Духовщины, окруженный казаками и не имея более запряжек, Богарне был вынужден бросить часть своих орудий в реку Вопь.

4 ноября, пробившись после целого дня боя к Орше, он на следующий день повернул назад, чтобы идти на помощь корпусу Нея, отрезанному под Красным, и привел остатки его к императору.

23 ноября после переправы через Неман Наполеон покинул армию, поручив командование Мюрату. Но 5 января 1813 года Мюрат также уехал в свое королевство, сдав командование

Богарне, на плечи которого лег тяжелый труд по собиранию того, что осталось от Великой армии. Он должен был отвести войска в Магдебург, заготовить продовольствие для крепостей на реке Одер, устроить магазины в Глогау и Кюстрине и сосредотачивать польские войска.

19 апреля Богарне двинулся на соединение с Наполеоном к Лейпцигу. С непрерывными боями он подошел 26 апреля к Дрездену, но в самый день занятия его получил от императора приказ отправиться в Италию и сформировать там армию. Исполнив это поручение, Евгений Богарне в июле с новой армией (45 тысяч пехоты и 1, 5 тысячи конницы) направился к восточной границе Итальянского королевства и здесь выдержал несколько боев с австрийскими войсками.

Но главным было то, что вокруг Богарне была измена. Его тесть Максимилиан Баварский перешел на сторону союзников. Мюрат, стремясь сохранить свою неаполитанскую корону, начал действовать против Богарне. Французские офицеры, бывшие в Итальянской армии, покидали ее. Один Богарне оставался верен своему императору. Окруженный австрийцами, он с последними остатками войск заперся в Мантуе. Но 3 апреля 1814 года пришло известие о капитуляции Парижа и отречении Наполеона. Богарне было предложено отправиться с французскими войсками во Францию. Ему пришлось повиноваться.

Падение Наполеона решило и судьбу Богарне. В апреле в Милане вспыхнуло восстание против французов, во время которого был убит министр Прина – соратник принца в период его активной административной деятельности. Богарне поспешно бежал сначала в Тироль, а затем в Баварию, где стал ожидать решения своей участи. Но Людовик XVIII и союзные монархи сохранили за ним титулы, заслуженные храбростью и благородством, а в лице императора Александра I Евгений Богарне нашел не только покровителя, но и друга Российский император обещал выхлопотать принцу независимое княжество.

После Венского конгресса Евгению было выдано денежное вознаграждение в 5 миллионов франков. За эту сумму его тесть Максимилиан предоставил принцу княжество Эйхштедтское и даровал ему титул герцога Лейхтенбергского.

Внезапное возвращение Наполеона с острова Эльбы несколько расстроило планы Евгения, но в период Ста дней он не принимал никакого участия в событиях, окончательно решив посвятить себя всецело частной жизни. Он занялся упрочением своего благосостояния и подготовкой выгодных браков для своих детей.

Последние годы жизни принц Евгений Богарне жил в своем

имении или в Мюнхене, где в построенном им дворце разместилась галерея картин, собранных в Италии, и другие предметы изящных искусств. В начале 1823 года Богарне поразил первый приступ болезни. Это случилось в Мюнхене, и в течение шести недель практически во всех церквах города проходили молебны о даровании ему выздоровления, что наглядно показывает, насколько Евгений был любим людьми. Болезнь отступила, и врачи предписали ему пройти лечение на мариенбадских водах. На какое-то время это помогло, и Евгений вернулся в Мюнхен. Но к концу года его состояние снова ухудшилось – он стал жаловаться на участившиеся головные боли. В ночь на 21 февраля 1824 года Евгений Богарне скончался.

Он похоронен в мюнхенской церкви Св. Михаила. На его памятнике из белого каррарского мрамора работы скульптора А. Кановы высечен данный ему Наполеоном девиз «Честь и постоянство», который Евгений оправдал всей своей жизнью.

Четыре дочери Богарне вышли замуж за представителей царствующих фамилий. Одна из них стала в дальнейшем королевой Швеции, а другая – Бразилии. Старший сын стал мужем королевы Португалии, хотя этот брак был недолгим – через несколько месяцев после свадьбы он скоропостижно скончался.

Другой его сын, Максимилиан, унаследовавший титул герцога Лейхтенбергского, стал в 1839 году мужем дочери императора Николая I великой княжны Марии Николаевны и был включен в число членов российской императорской фамилии.

В конце XIX века представители рода Богарне в России разделились на две ветви. Одна ветвь носила титул князей Романовских, а другая – герцогов Лейхтенбергских, чьи потомки проживают в настоящее время в эмиграции.

МИХАИЛ СЕМЕНОВИЧ ВОРОНЦОВ (1782—1856)
Светлейший князь, генерал-фельдмаршал (1856).

Дворянский род Воронцовых возвысился в XVIII веке, и тогда же возникла легенда, согласно которой Воронцовы стали вести свой род от выходца из Варяжских земель Симона Африкановича, приходившегося племянником королю Гакону Слепому и перебравшемуся в Россию в 1027 году. Но еще в XIX веке эта легенда была опровергнута, и поколенная роспись дворян Воронцовых стала вестись от Федора Воронцова, боярина, жившего в XVII веке. Как бы то ни было, история сохранила сведения о более ранних представителях этого рода. Первым, кто писался с этой фамилией, был Иван Федорович Воронцов, время жизни которого приходится на XV век. Его сын, Семен Иванович, боярин и воевода, как и отец, отличился в сражениях против войск Махмет-Аминя в 1505—1506 годах и в дальнейшем командовал запасными полками, стоявшими на Угре.

Почти все в роду Воронцовых избирали для себя воинское поприще. Так и сын Семена Ивановича, Михаил, стал знатным воеводой. В первый раз он отличился при осаде и взятии Смоленска в 1513—1514 годах, затем храбро сражался против казанских татар на реке Свияге. Михаил Семенович был назначен наместником в Новгороде, а в годы правления Елены Глинской возглавлял войска в битвах против литовцев и участвовал в мирных переговорах с Литвой. Брат его Федор стал близким соратником подрастающего царя Ивана IV, что очень не нравилось боярам Шуйским. Они добились удаления Федора Воронцова от двора в 1543 году, но уже через три года царь вернул своего любимца. Свою жизнь Федор Семенович окончил на плахе, ложно обвиненный в заговоре новгородцев против царя. Его сын Иван разделил участь отца.

Старинный род Воронцовых мог бы быть забыт, как и многие другие дворянские роды, представители которых были боярами во времена Ивана Грозного и даже ранее. Но случайность, а их в истории немало, помогла этому роду возвыситься. Для мелкопоместного дворянского рода Воронцовых XVIII век стал счастливым. Их возвышение началось с Михаила Илларионовича Воронцова. Родился он в 1714 году и службу начал 14-летним юношей при дворе цесаревны Елизаветы Петровны, куда был

определен камер-юнкером. Служба шла весело и интересно, и очень скоро Михаил стал цесаревне близким человеком. Неудивительно, что в ночь на 6 декабря 1741 года, когда был совершен переворот, Михаил Воронцов сопровождал Елизавету в казармы Преображенского полка, а затем вместе с Лестоком явился к Анне Леопольдовне, дабы арестовать ее вместе с семейством. Став императрицей, Елизавета не забыла заслуг Михаила Воронцова. Он получил богатые поместья, стал камергером двора и поручиком почетной роты Преображенского полка, благодаря которому Елизавета заняла престол. В 1742 году императрица женила Михаила Илларионовича на своей двоюродной сестре, графине Скавронской, а в 1744 году Воронцов был назначен вице-канцлером. В том же году он был возведен в графское достоинство. После опалы канцлера Бестужева-Рюмина Михаил Воронцов занял его место.

На посту канцлера он занимается не только вопросами внешней политики, но и предпринимательством. Вскоре он становится владельцем медеплавильных заводов, а также продает за границу лен. Он покровительствует наукам и искусству, в частности он много помогал при жизни М.В. Ломоносову, а после его смерти добился установления памятника на его могиле.

Когда Петр III занял престол, Михаил Воронцов смог войти к нему в расположение. Он оставался верен государю и после переворота 1762 года, отказавшись присягнуть Екатерине II, за что был подвергнут домашнему аресту. Присягу он принес только узнав о смерти Петра III. Екатерина оставила Воронцова на посту канцлера. Большую часть времени Воронцов проводил за границей. Он не смог найти «рабочего контакта» с графом Паниным и братьями Орловыми и подал в отставку, которая была сразу же принята.

Уход со службу канцлера Воронцова не отразился негативно на других представителях этого семейства. Братья его, Роман и Иван Илларионовичи, получили графский титул от императора Франца I в 1760 году, но в России этот титул был подтвержден лишь в 1797 году. Роман Илларионович также хорошо знал Елизавету Петровну и в годы ее правления сумел стать одним из самых богатых помещиков России. Он достиг чина генерал-аншефа и был сенатором. Одна из его дочерей, Елизавета, стала фавориткой императора Петра III, другая, Екатерина – одна из самых известных женщин в российской истории – сподвижницей императрицы Екатерины II. Екатерина Романовна была замужем за князем Дашковым. Ее племянник Иван Илларионович был обер-церемонимейстером и членом Государственного совета. Когда скончался последний представитель рода Дашковых, Иван

Илларионович получил по завещанию все его земли, и именным указом императора Александра I от 11 августа 1807 года ему было дозволено именоваться графом Воронцовым-Дашковым.

Кроме дочерей Роман Воронцов имел и двух сыновей – Александра и Семена. Младший, Семен, в день переворота 1762 года, как и его дядя, отказался присягнуть на верность новой императрице. При Екатерине II он начал службу в качестве дипломатического представителя России в Вене, но вскоре вернулся в армию и участвовал в русско-турецкой войне. Он сражался при Ларге, Кагуле и Силистрии, проявляя храбрость и мужество. После окончания войны Семен Воронцов вышел в отставку и уехал за границу. Но в 1782 году он получает назначение на должность посланника России в Венеции. Через два года он был отправлен послом в Англию, где стал ярым сторонником политики сближения России с этой страной. При Павле I Семену Романовичу было предложено стать канцлером, но он отказался, так как не хотел покидать Англию.

Но вскоре внешнеполитическая ситуация изменилась, и новый император встал на путь сближения с Францией. Воронцов вышел в отставку в 1800 году и принял участие в подготовке переворота в пользу Александра Павловича. Взойдя на престол, Александр I восстановил Воронцова в прежней должности посла, которым Семен Романович оставался до 1806 года.

Снова выйдя в отставку, Семен Романович Воронцов в Россию не вернулся. Он остался в Лондоне и прожил еще до 1832 года, наблюдая с берегов туманного Альбиона за событиями первой четверти XIX века, потрясающими Россию и Европу.

В России остался его сын Михаил – будущий герой Отечественной войны 1812 года. Михаил Семенович Воронцов всегда хотел походить на своего отца, но только не на того чопорного дипломата, каким стал его отец во второй половине своей жизни, а на того лихого офицера, что иной раз как бы невзначай просыпался в нем: в манере разговора, в нечаянной стремительности движения, в категоричной прямоте суждений.

Воронцов-младший родился 30 мая 1782 года, воспитывался в Англии, но уже в 1803 году сам попросился волонтером на Кавказ, где первый раз отличился почти сразу же: 3 января 1804 года при штурме Ганжи он вынес с поля боя раненого товарища. В этом же году он участвовал в сражениях с персами в Эриванском ханстве.

В начале июня главнокомандующий русскими войсками на Кавказе князь Цицианов, решив внять просьбе эриванского хана, обещавшего в случае защиты его от персов подчиниться России, направил к Эривани часть своих сил под началом генерал-майора

Тучкова 2-го, а сам последовал за ним двумя днями позднее – 10 июня.

Тучков встретился у урочища Гумры с сильным корпусом противника. Не дожидаясь, когда персы и находившийся среди них царевич Александр атакуют его малочисленный отряд, он ударил первым и обратил врага в бегство.

Через несколько дней царевич, получив подкрепление, вновь решил испытать военное счастье, но этому теперь воспротивился подоспевший Цицианов. 19 июня он со своими людьми, среди которых был и Воронцов, прибыл под Эчмиадзинский монастырь. Спустя два дня царевич во главе 18-тысячного корпуса напал на русских, но был так дружно и яростно встречен, что в течение трех последующих дней опасался подходить к неприятелю даже на расстояние пушечного выстрела.

25 июня сам главнокомандующий персидской армией, сын и наследник шаха Аббас-мирза, за некоторое время до этого перешедший пограничный Аракс и вторгшийся в Эриванское ханство во главе 12 тысяч пехоты и 8 тысяч кавалерии, решил рассеять невыгодное впечатление, которое, казалось, могло сложиться о нем в результате разгрома царевича Александра, и также напал на Цицианова, но потерпел сокрушительное поражение. Часть его войска попыталась закрепиться на берегу реки Занги, но вперед пошли егеря знаменитого 19-го полка и одним батальоном – на штыках – вынесли противника прочь, отбив при этом две пушки. Воронцов, помня свое недавнее волонтерское прошлое, примкнул на время боя к егерям и получил свою долю тягот, пыли, лязга железа и бешеного восторга пополам с запредельным упоением, когда ты видишь, как совсем недавно еще воинственный противник поддается твоим усилиям, твоим и твоих товарищей, и начинает – поначалу медленно-медленно – пятиться, но вот что-то ломается у него там, внутри, у сердца, и он обращается в стремительное бегство… Персы во главе с главнокомандующим, бросив лагерь, спешно бежали за Аракс. Эривань была спасена.

Цицианов потребовал у хана сдачи крепости и присяги на верность – ведь его войска выполнили свое обещание, но владыка, забыв, что самое опасное место на раскачивающейся доске – это середина, решил снова обратиться за помощью, но на этот раз к персам. Аббас-мирза вновь перешел границу и расположился лагерем при деревне Калагири.

С рассветом 30 июня 3 тысячи русских перешли Зангу и, мгновенно разметав высунувшихся было из Эриванской крепости на вылазку персов, в 4 каре атаковали главные силы неприятеля, расположившиеся на господствующих высотах.

Лишь мерный барабанный бой сопровождал движение русской пехоты. Мерно, не ускоряя шага, она двигалась на противника. За несколько десятков шагов до персидской позиции гул сменился быстрой дробью, и русские бегом бросились на приступ. Все искусственные преграды, выставленные защитниками, были преодолены и рассеяны в мгновение ока, и забурлил рукопашный бой. Персы благодаря своему численному превосходству выдержали удар первой волны, но на смену павшим на их позиции надвигались все новые и новые тесно сомкнутые цепи, и неприятель дрогнул: побежал к лагерю, находившемуся в трех верстах от места боя.

Там противник лишь на короткое время перевел дыхание: русская пехота продолжала наступать стройными порядками, и тогда персы, отбросив остатки воинских доблестей, пустились бежать к Эривани и далее – через крепость.

В этом сражении Аббас-мирза потерял более 17 тысяч убитыми, не говоря о потере всего своего лагеря, четырех знамен и семи пушек.

Цицианов обложил крепость, но хан все еще верил в свою звезду: он сам решил напасть на русских. Десять часов кипел бой, но чаша весов уже давно качнулась в сторону русских: хан вместе с остатками сил Аббас-мирзы был разбит наголову.

Во всех этих почти беспрерывных сражениях Воронцов – в гуще событий. Выделять его смысла не имеет: он лишь один из тех, кто выполнял должное и не имел возможности в эти минуты подумать о своей кратковременности в сем мире. Все мысли лишь о том, как взять на штык саблю перса, как тут же уйти от удара ятагана, как увернуться от пистолетного дула, смотрящего тебе в зрачки. А когда надо – он действовал разумом командира. В данном случае слово лучше предоставить главнокомандующему князю Цицианову: «Не могу не рекомендовать особенно находящегося при мне за бригад-майора, не сменяющегося, лейб-гвардии Преображенского полка поручика графа Воронцова, который деятельностью и попечительностью своей заменял мою дряхлость, большою мне служит помощью и достоин быть сравнен с его сверстниками. О сем дерзаю всеподданнейше представить, зная священные правила справедливости Вашего Императорского Величества, по строгости коих, служба сего молодого офицера, обещающего много для пользы службы, заслуживает всеконечно всемилостивейшего Вашего Императорского Величества внимания к ободрению его».

По данному представлению Воронцов получил Георгия 4-й степени и чин капитана.

С началом войн против Наполеона Воронцов переводится с

Кавказа. В 1805—1807 годах он дерется в шведской Померании, под Гамельном, Пултуском, Гутштадтом, Фридландом, Гейльсбергом. К окончанию войн он уже полковник.

Идет очередная война с Турцией, и Воронцов – там. Он храбро участвует в штурме одной из сильнейших крепостей Порты в ее европейских владениях – Базарджика, и за это производится в генерал-майоры. Затем штурмует Шумлу, принимает активнейшее участие в сражениях под Батином, Систовом, Плевной, Ловчей, Рущуком.

В конце сентября 1811 года генерал Воронцов получает приказ от главнокомандующего русской армией М.И. Кутузова: переправиться во главе своего отряда на правый берег Дуная, в тыл неприятелю, и там действовать таким образом, дабы оного принудить к отступлению.

С шестью батальонами Мингрельского, Охотского и 43-го егерского полков, с семнадцатью эскадронами Переславского драгунского, Волынского и Чугуевского уланских и казачьих полков при 19 орудиях граф Воронцов 7 октября форсировал Дунай у Груи. Здесь он вступил в переговоры с находившимся неподалеку сербским воеводой Велькой, имевшим 1, 5 тысячи человек, и предложил ему выступать совместно против общего неприятеля. Сербский военачальник согласился.

8 октября, когда Воронцов сошел с гор на привольно раскинувшуюся видинскую равнину, под его началом было уже достаточно сил, чтобы не только устраивать туркам грозные военные демонстрации, но и просто громить их. Воронцов построил свою пехоту в три каре. Драгуны и уланы составили арьергард, казаки и сербы – авангард.

Русские двинулись вперед. Изумленные турки, никак не ожидавшие встретить у себя в тылу крупные силы неприятеля, поначалу решили ограничиться чисто профилактическими мерами. Но когда они приблизились к русским порядкам, казаки и сербы нанесли им чувствительное поражение.

Тогда неприятель решил браться за дело всерьез. У деревни Капитаница Воронцова встретило уже целое войско – более 5 тысяч человек. Турки обошли каре правого фланга и в конном строю атаковали русскую кавалерию. Однако артиллерия, батальонный огонь пехоты и слаженная атака драгун и улан рассеяли неприятеля.

Русские шли вперед. Вскоре у деревни Киримбека они были вновь атакованы, на этот раз уже более многочисленным противником. И вновь турки были разбиты наголову.

Видин сделал Воронцова георгиевским кавалером 3-й степени.

Начало Отечественной войны он встретил начальником сводной гренадерской дивизии в армии Багратиона. Воронцов участвовал в Бородинском сражении, защищая Шевардинский редут и Семеновские флеши. Здесь ему выпала скорбная честь – первым из русских генералов обагрить поле сражения своей кровью. Лечился он в Москве: тут узнал, что масса повозок предназначена для вывоза его имущества. Он выбросил все, а на подводах увез к себе в имение раненых – 50 генералов и офицеров, 300 солдат. После выздоровления вернулся в строй. Воевал с захватчиками и в России, и в Европе. В частности, действовал в рядах Саксонской армии.

21 февраля 1814 года ее командующий, прусский фельдмаршал Блюхер, получил известие, что Наполеон собирается атаковать его позиции у Краона. Как и всегда, Блюхер предоставил самую почетную миссию – выдержать лобовой удар французов – русским под командой графов Воронцова и Строганова.

У Воронцова было 10 тысяч человек, за его дивизиями располагался Строганов (5 тысяч), а в резерве – корпус Сакена (10 тысяч). Против них Наполеон вел до 50 тысяч опытных солдат, включая две дивизии старой гвардии. Император думал, что атакует всю армию Блюхера, и поэтому рвался вперед, намереваясь сокрушить противника.

По его приказу маршал Виктор атаковал центр русской позиции. Вытеснив русских из леса перед Гертбизом и из самого Гертбиза, он обрушил на них яростный огонь артиллерии. Услышав орудия, Ней также двинул свои дивизии на приступ левого фланга Воронцова.

Но Нея, «князя Московского» (злая шутка судьбы), остановили русская артиллерия и егеря. Раздосадованный Наполеон вывел на свой правый фланг до 100 орудий, чтобы подавить русские батареи. Но те не отступили, меткий огонь стрелков и артиллеристов принудил французов укрыться за развалинами старого редута.

Воронцов, показывая пример солдатам, не обращал внимания на пули и ядра неприятеля. Раз за разом он подъезжал к полкам и, подпустив французов шагов на 50 и заменяя батальонного командира, командовал открытие огня.

Французы снова и снова шли вперед. Дивизии Нея отбросили второй раз артиллерией и штыками двух артиллерийских и девятнадцати егерских полков. Но он пошел на приступ в очередной раз и сумел даже достичь плоской возвышенности русской позиции и овладеть бывшей там конной батареей, но вновь был отброшен штыками ширванцев и егерей 12-го полка,

ведомых Воронцовым.

Русские оставались на прежних позициях, но в это время Воронцов получил уже третий приказ об отступлении. Его корпус начал отходить в полном порядке, сдерживая наступательный порыв Наполеона. А вскоре две подоспевшие дивизии князя Васильчикова и вовсе свели его на нет.

В этом бою французы потеряли более 5 тысяч убитыми, в том числе 7 генералов; русские – до 1, 5 тысяч, из них – 2 генерала.

Бой доказал всем в Европе, что стойкость русской пехоты, настоянной на снегах России и терпкой горечи Кавказа, превосходит галльскую пылкость умудренных ветеранов.

Краон принес генерал-лейтенанту Воронцову новую награду – орден Св. Георгия 2-й степени. Воронцов участвовал во взятии Парижа, а потом в течение трех лет командовал отдельным корпусом, оставленным во Франции. Позже он был новороссийским и бессарабским генерал-губернатором. Уже в чине генерала от инфантерии принял участие в русско-турецкой войне 1828—1829 годов и взял неприступную Варну.

В 1844 году Воронцов назначается наместником Кавказа. Еще раз он встречается с турками в Крымскую войну 1853—1856 годов. Воронцов вновь одерживает победы. Но он был уже стар и болен – раны, походы, лишения сказывались с каждым годом все мучительнее. Наконец он получил отставку, а вскоре новый император Александр II, взошедший на престол в 1856 году, произвел светлейшего князя Воронцова в генерал-фельдмаршалы.

В том же 1856 году генерал-фельдмаршала Воронцова не стало.

АЛЕКСАНДР ХРИСТОФОРОВИЧ БЕНКЕНДОРФ (1783—1844) *Граф, генерал-адъютант.*

Российский дворянский род Бенкендорфов ведет происхождение от некоего Андрея Бенкендорфа, о котором известно лишь то, что в XVI веке он переселился из Бранденбурга в Лифляндию, где принял должность «королевского комиссара» города Риги. Его потомок, Иоанн Бенкендорф, став старшим бургомистром в Риге, приобрел тем самым дворянское достоинство, согласно шведскому закону 1660 года. В дальнейшем, перейдя в российское подданство, за верную службу и благодаря выгодным бракам Бенкендорфы получили графский титул.

В XVIII столетии сын Иоанна, Иоганн Михаэль (в русском варианте Иван Иванович) Бенкендорф, дослужился до чина генерал-поручика и стал военным комендантом города Ревеля. Женат он был на Софье-Елизавете фон Левенштерн, воспитательнице старших детей цесаревича Павла Петровича – Александра и Константина. Нахождение супруги рядом с царственными особами помогло как самому Ивану Ивановичу, так и его детям сделать успешную карьеру. Детей в семье было пятеро – дочь и четверо сыновей.

Старший из сыновей, Христофор Иванович, выбрал для себя карьеру военного, что в семье считалось традиционным. Человек храбрый и мужественный, герой русско-турецкой войны, он возвысился в период царствования Павла I, который сделал его генералом от инфантерии и военным комендантом города Риги. В сентябре 1799 года генерал Бенкендорф оставил службу и поселился с семьей в поместье графа Стенбока. Жена Христофора Ивановича, баронесса Анна Юлиана Шиллинг фон Канштадт, прибыла в Россию из Монбельяра в свите Марии Федоровны – будущей супруги наследника престола (Павла I). Анна так и не смогла добиться расположения будущего императора, а о Павле можно сказать, что он просто ненавидел приятельницу жены за то, что она вмешивалась в его семейные дела на правах близкой подруги.

Но, несмотря ни на что, близость Анны ко двору сыграла свою роль, а после ее смерти в 1797 году сыновей Анны, Александра и Константина, взяла под свое покровительство

Мария Федоровна, ставшая к тому времени императрицей. Именно она определила мальчиков на воспитание в самый модный и богатый пансион аббата Николя. В этом привилегированном учебном заведении обучались дети только самых богатых и влиятельных аристократических фамилий. С Бенкендорфами учились сыновья графов Орловых, Голицыных, Волконских, Воронцовых, Нарышкиных, Юсуповых. Режим был очень строгим: ранний подъем, простая пища, физические упражнения на свежем воздухе. Большое внимание уделялось религиозному воспитанию и образованию, чего нельзя сказать об изучении различных наук. Вспоминая о годах, проведенных в пансионе, Сергей Волконский писал: «…преподаваемая нам учебная система была весьма поверхностной и вовсе не энциклопедической». «Получив образование», Александр и Константин начали делать карьеру.

Константин поступил юнкером в коллегию иностранных дел, а в 1803 году был определен на службу при посольствах Берлина и Неаполя. В Россию он вернулся с началом Отечественной войны и вступил в армию в чине майора в составе кавалерийских войск отряда Винценгероде. Участвуя во всех делах отряда, Константин особенно отличился в сражении под Смоленском и при взятии Вильно. В 1813 году он командовал небольшим кавалерийским отрядом, с которым храбро сражался при Бельциге, под Гамбургом и при взятии Касселя. В течение этого года он был произведен сначала в подполковники, затем в полковники, а на следующий год стал генерал-майором. Участие в кампании 1814 года было отмечено несколькими орденами.

В 1816 году Бенкендорф был вынужден подать в отставку по состоянию здоровья. Вернулся он на службу в 1820 году и получил назначение на должность чрезвычайного посланника при Вюртембергском и Баденском дворах.

Начавшаяся война с Персией вернула Бенкендорфа в ряды действующей армии. Во главе авангарда он выступил в Эриванскую область и, перейдя горы, занял Эчмиадзин. Затем он подошел к Эривани и нанес сокрушительное поражение курдам. После этого его отряд форсировал реки Аракс и Абирань и разгромил конницу персов, действия которой угрожали тылам русской армии. Проявив прекрасные качества боевого командира, Бенкендорф в 1826 году получил звание генерал-адъютанта и чин генерал-лейтенанта, а также был награжден золотой саблей с бриллиантами с надписью «За храбрость».

Непрерывные бои и климат совсем подорвали здоровье Константина Христофоровича, но, когда началась война с Турцией, он снова вступил в сражения с неприятелем. В 1828 году

он возглавил летучий отряд и с ним перешел Балканы, выйдя в тыл турецкой армии. Действуя в тылу противника, он нападал на турецкие транспорты, уничтожая его конвой, и наносил большой ущерб снабжению вражеской армии. Но его активные действия продолжались недолго. Здоровье ухудшалось, и в том же 1828 году в августе он скончался.

Карьеру старшего брата, Александра Христофоровича Бенкендорфа, родившегося 23 июня 1783 года, можно разделить на два периода – военный и административный.

Первый, военный, период начался со службы в лейб-гвардии Семеновском полку, и уже 1799 год Александр встретил в чине прапорщика и должностью флигель-адъютанта императора. Смерть Павла I и вступление на престол Александра I принесли ему большие разочарования. Марию Федоровну сын просто терпел, но никакого влияния она не имела, к тому же новый император давал понять, что не горит желанием покровительствовать внуку своей воспитательницы.

Александр Христофорович был зачислен в группу, которая отправлялась в путешествие по России «с инспекцией». Его задачей было составление кратких отчетов начальнику группы о местности по маршруту следования. В течение года группа побывала и на Байкале, и в Казанской, Саратовской, Симбирской губерниях. Дойдя до Астрахани, Бенкендорф решает, что пора изменить судьбу. Для молодого офицера самый быстрый, но и опасный путь к славе – военная карьера.

В Астрахани он знакомится с М.С. Воронцовым, и с этого времени их связывает долгая дружба. Молодые люди решают поступить волонтерами в Кавказский корпус князя Цицианова, отправлявшийся в поход на Ганжинское ханство, некогда принадлежащее Грузии. Этот поход принес Бенкендорфу первые военные отличия – за захват крепости Ганжи и проявленную храбрость в сражениях с лезгинами он был награжден орденами Св. Анны 3-й и Св. Владимира 4-й степеней.

В период войны 1806—1807 годов он принимал участие в сражении при Прейсиш-Эйлау, за которое получил чин капитана и орден Св. Анны 2-й степени, а военную кампанию он заканчивает в чине полковника.

После военной кампании Бенкендорф отправляется в Париж, войдя в состав посольства П.А. Толстого. Он постоянно курсирует между Парижем, Веной и Петербургом, выполняя весьма серьезные поручения. Во Франции он заинтересовывается работой французской жандармерии, и у него возникает мысль заимствовать сие полезное для государства учреждение. В разговорах с близкими друзьями он предполагал, что «на честных

началах, при избрании лиц честных, смышленых, введение этой отрасли соглядатайства может быть полезно и царю, и отечеству». Бенкендорф даже подготовил и представил проект такого учреждения, но утвержден он так и не был.

Весной 1809 года возобновились боевые действия против Турции, и Александр Христофорович снова отправляется на войну. Он участвует в сражении под Рущуком, где его своевременные действия принесли победу русскому оружию. Во главе Чугуевского уланского полка, заметив, что неприятель обошел фланг расположения русских частей, Бенкендорф быстрой атакой сумел преградить путь противнику и нанести ему поражение. За проявленное мужество он был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

Во время войны 1812—1814 годов Бенкендорф отличился как боевой кавалерийский генерал. Командуя авангардом в отряде принца Винценгероде, он участвовал в сражении при Велиже, а затем сумел установить связь с корпусом Витгенштейна. Его смелая атака в районе Волоколамска застала войска противника врасплох, и Бенкендорф смог захватить в плен более 8 тысяч человек.

Бенкендорф еще не раз своими действиями и стремительными атаками захватывал в плен значительное число вражеских солдат. Так, при возврате Москвы его отрядом было захвачено 30 орудий и 3 тысячи французов попали в плен. Во время преследования противника до Немана в плен попало более 6 тысяч французов, из которых было 3 генерала.

В 1813 году он был назначен командиром специального летучего отряда. Его отряд в Темпельсберге нанес поражение крупному соединению неприятеля, захватив в плен 48 офицеров и около 800 человек нижних чинов, за что Бенкендорф был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени. Отличившись еще в целом ряде сражений, он также был награжден золотой шпагой с бриллиантами.

В битве под Лейпцигом он командовал левым флангом корпуса Винценгероде. Затем он был отправлен в Голландию в качестве командира отдельного отряда, с которым взял города Утрехт и Амстердам, а также ряд крепостей, захватив более 100 орудий. Ликвидировав неприятеля в Голландии, отряд перешел в Бельгию, где также активно участвовал в боевых операциях.

За кампании 1813—1814 годов Александр Христофорович не получил ни одного даже легкого ранения, зато награды сыпались на него как из рога изобилия. Он был отмечен орденами Св. Анны 1-й степени с бриллиантовыми знаками к нему, Св. Владимира 2-й степени, большим крестом Шведского меча, орденом «Pour le

merite». От короля Нидерландов получил гражданство и шпагу с надписью «Амстердам и Бреда», а британский регент вручил Бенкендорфу золотую саблю с надписью «За подвиги 1813 г.».

В 1816 году Бенкендорф стал начальником 2-й драгунской дивизии, а в 1819 году был пожалован в генерал-адъютанты с назначением на должность начальника штаба гвардейского корпуса. В 1821 году он произведен в чин генерал-лейтенанта, став начальником 1-й Кирасирской дивизии.

Это назначение стало последним в его военной деятельности, так как с восшествием на престол Николая I в жизни Александра Христофоровича Бенкендорфа начинается второй период – административный. Николай I относился к Бенкендорфу с большой симпатией. Они близко познакомились еще 1818 году, и тогда выяснили, что их взгляды на государственное устройство идеально совпадают. Утром 14 декабря 1825 года Бенкендорф присутствовал на утреннем одевании Николая I (знак особого расположения), который обратился к нему со словами: «Сегодня вечером, может быть, нас обоих не будет более на свете, но, по крайней мере, мы умрем, исполнив наш долг». Он оставался рядом с императором и на Сенатской площади. Затем Бенкендорф возглавил один из отрядов по поимке мятежников, а 17 декабря вошел в состав Следственного комитета по делу декабристов. Отметим, что Александр Христофорович выступал против смертной казни, а в воспоминаниях декабристов нет ни одного плохого слова об этом человеке, зато есть слова о «сердоболии», о «сердечном сострадании и сочувствии к узникам». Декабрист Сергей Волконский, осужденный по 1-му разряду, уезжая за границу, посетил могилу Бенкендорфа, чтобы «поклониться товарищу служебному, другу не только светскому, но не изменившемуся в чувствах, когда я (Волконский) сидел под запорами».

События декабря 1825 года еще более сблизили императора и Бенкендорфа. В течение последующих лет Александр Христофорович всегда сопровождал императора в многочисленных поездках по России. Говорили они о многом, и уже в 1826 году встал вопрос о необходимости создания особого органа тайного надзора за состоянием дел в империи. Вскоре Бенкендорф подал императору официальную записку «Об учреждении высшей полиции под начальством особого министра и инспектора корпуса жандармов». С нее и началась история Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Указ от 25 июня 1826 года сделал Бенкендорфа шефом жандармов и командующим императорской главной квартирой.

В конце 1826 года Александр Христофорович был пожалован в сенаторы и одарен землями в Бессарабской губернии.

Второй период жизни Бенкендорфа неразрывно связан с жизнью императора Николая I. Они всегда были вместе, и часто через шефа жандармов передавались высочайшие указы и важнейшие решения. Но в начале марта 1837 года Бенкендорф неожиданно заболел – ему стало плохо на заседании комитета министров. Весь период болезни император не отходил от постели Александра Христофоровича, и те, кто приходил справиться о здоровье больного, получали сведения лично от императора. В это время Николай I сказал фразу, которая дает оценку деятельности Бенкендорфа: «В течение 11 лет он ни с кем меня не поссорил, а со многими примирил».

Окончательно болезнь отступила в мае, и Бенкендорф покидает Петербург, чтобы восстановить силы. Он уезжает в имение Фалль, недалеко от Ревеля, и впервые за 38 лет службы позволяет себе хорошо отдохнуть.

Более он не сопровождал императора во время поездок, да проводить время вместе они стали значительно меньше. Нельзя сказать, что император охладел к Бенкендорфу после 1837 года. Конечно нет. Просто у него теперь появился новый помощник в лице сына – Александра, из которого он хотел сделать достойного преемника. Да и здоровье шефа жандармов оставляло желать лучшего, хотя до последних дней он продолжал работать.

Находясь в Карлсбаде, Александр Христофорович, предчувствуя кончину, пожелал умереть в своем имении Фалль. Но до имения ему доехать не удалось. Он скончался на пароходе «Геркулес», идущем в Ревель, 23 сентября 1844 года.

О своей деятельности Бенкендорф оставил ряд воспоминаний, часть из которых была опубликована при его жизни.

СИМОН ХОСЕ АНТОНИО БОЛИВАР-И-ПОНТЕ (1783—1830) *Освободитель южноамериканских колоний от владычества Испании.*

Боливар происходил из древнего испанского рода, осевшего в Венесуэле еще во второй половине XVI века. Первым, кто прибыл на эту землю, был баск по имени Симон Боливар. Он занимал должность казначея при генерал-капитане Каракаса и сумел оставить после себя солидное состояние в виде имений и плантаций. Потомки приумножили его богатства, а в 1663 году один из них приобрел еще и поместье Арроа с медными рудниками.

Отец Симона Боливара – героя этого очерка – был знатным мантуанцем и принадлежал к семье «больших какао». Звали его дон Хуан Висенте Боливар-и-Понте. К мантуанцам – богатым скотоводам и плантаторам – в конце XVIII века принадлежало 658 семей, насчитывающих около 4 тысяч человек. «Большими какао» их прозвали в народе за то, что этот продукт – какао – был главным источником богатств мантуанцев. «Большие какао» были связаны родственными узами с семьями влиятельных испанских аристократов, да и сами могли похвастаться знатными титулами и званиями, приобретенными при королевском дворе за деньги. Отец дона Хуана Висенте также приобрел титулы маркиза и виконта, но сын ими не воспользовался, ибо король не подтвердил их.

Дон Хуан Висенте Боливар проживал в Каракасе, командовал полком колониального ополчения и в течение 15 лет представлял в Мадриде интересы городского самоуправления Каракаса. Он был закоренелым холостяком и женился только в возрасте 47 лет. Его женой стала Мария Консепсьон Паласиос-и-Бланко. Было ей всего 14 лет, и принадлежала она, как и дон Хуан, к одному из богатейших мантуанских родов. Молодая женщина подарила своему супругу двух сыновей и двоих дочерей. Самым младшим в семье был сын, родившийся в ночь с 24 на 25 июля 1783 года в Каракасе. По рождению он получил имя, традиционно состоящее из нескольких имен – Симон Хосе Антонио де ла Сантисима Тринидад. Первое имя Хуан Висенте дал сыну в честь их предка, сказав при этом: «Он должен прославить наш род не менее

нашего предка Симона Боливара. Я предчувствую, что мой сын будет освободителем Венесуэлы от испанского господства». Последнее имя – Тринидад – мальчику было дано в честь Святой Троицы.

Дон Хуан Висенте скончался через полгода после рождения Симона, оставив семье огромное состояние, оцениваемое рядом биографов Боливара в 10 миллионов долларов в современном эквиваленте. Мать Симон потерял, когда ему исполнилось 6 лет. Донья Мария умерла от туберкулеза. Сначала мальчик остался на попечении няни – негритянки Иполиты, а затем его воспитанием занялся его дядя – Карлос Паласиос. Учителем Симона стал Родригес – молодой человек, обладавший разносторонними знаниями и большим жизненным опытом, несмотря на молодость. Он служил писарем в семье Паласиоса.

В 1799 году родственники Симона решили отправить его в Испанию, в Мадрид, подальше от беспокойного Каракаса. Там Симон Боливар изучал право, затем отправился в путешествие по Италии, Швейцарии, Германии, Англии и Франции. Живя в Париже, Боливар некоторое время посещал Нормальную и Политехническую школы.

В 1805 году Боливар посетил Соединенные Штаты и здесь задумал свой план освобождения Южной Америки от испанского владычества.

Начало 1810 года застало Боливара в Венесуэле, в эпоху, когда ясно обнаружилось движение за независимость против Испании, в особенности в Каракасской области. В том же году Боливар был послан революционной хунтой (народным собранием) в Лондон искать поддержки у британского правительства. Последнее, однако, предпочло сохранять нейтралитет. Боливар оставил в Лондоне агента Луи-Лопеса Мендеса для заключения соглашения от имени Венесуэлы о займе и вербовке солдат и вернулся обратно с транспортом оружия.

Боливар был назначен полковником и губернатором в Пуэрто-Кабельо. Революция продолжала все более распространяться, как вдруг 26 марта 1812 года произошло сильное землетрясение, которое католическое духовенство, преданное метрополии, постаралось истолковать обезумевшему народу как небесную кару, за которой должны будут последовать новые бедствия. Несмотря на все старания Боливара разубедить народ, огромные его массы вновь признали над собой власть Испании.

Боливар удалился на остров Кюрасао, откуда под влиянием страшных репрессий, предпринятых Монтеверде, отправился в Картахену, где находилось много венесуэльских патриотов. Здесь

им был обнародован новый призыв к революции.

За короткий срок Боливар при содействии президента Новой Гранады сформировал новую армию, и 25 мая 1813 года Монтеверде был разбит у Матюрина. Боливар вытеснил испанские войска из долины Кукутты, поднял восстание в Мериде, захватил Трухильо, в июне того же года овладел всей провинцией Бариньес и, преследуя по пятам Монтеверде, разбил его войска при Тиналетто.

Эти блестящие победы устрашили сторонников Испании и заставили Каракас 4 августа 1813 года открыть ворота повстанцам. Войдя с триумфом в столицу, Боливар получил почетное прозвище Освободитель, был избран диктатором и утвержден в этом звании конгрессом союзных провинций.

Испанцы обратились за содействием к полудиким обитателям венесуэльских степей (льянерос). Война приняла самый жестокий характер. Льянерос истребляли патриотов, не щадя ни женщин, ни детей, и Боливар решил ответить тем же, приказав истребить всех пленников.

15 июня 1814 года Боливар был разбит при Ла-Пуэрте и, едва спасшись от плена, бежал в Картахену.

Конгресс Новой Гранады предоставил в его распоряжение небольшое войско, с помощью которого он атаковал Санта-Марту, но был разбит в марте 1815 года подоспевшими войсками генерала Моррильо и должен был бежать вначале на Ямайку, а затем на Гаити.

Со свойственным ему умением находить средства в самые критические минуты и благодаря своему организаторскому таланту Боливар быстро составил новую армию и даже собрал флот под командованием богатого голландского негоцианта Бриона, снабдившего его деньгами и своими кораблями.

2 марта 1816 года Брион разбил испанский флот, а на следующий день Боливар высадился на остров Маргариту.

Национальное собрание провозгласило Венесуэлу республикой «единой и нераздельной» и 7 марта 1816 года избрало Боливара ее президентом. После этого он должен был отправиться на Гаити за новой поддержкой и к концу года добрался до провинции Барселоны.

После неудачной попытки собрать вокруг себя всех предводителей революции, чтобы действовать по общему плану, Боливар при помощи Бриона в мае 1817 года овладел Ангостурой и поднял против Испании всю Гвиану. Затем Боливар приказал арестовать своих бывших сподвижников Пиара и Марино (первый был казнен 16 октября 1817 года).

Такими энергичными действиями Боливару удалось

предотвратить дальнейшее распространение анархии. В феврале 1818 году благодаря присылке из Лондона солдат ему удалось сформировать новую армию, которая, однако, вскоре была несколько раз разбита армией Моррильо. Тогда Боливар решил атаковать испанцев на территории Новой Южной Гранады, где у них имелись сильные укрепления. Прежде чем предпринять этот поход, Боливар созвал новый конгресс в Ангостуре, на котором 15 февраля 1819 года он был утвержден президентом республики.

После долгого и изнурительного перехода через Кордильеры 10 июля 1819 года Боливар вошел в Санта-Фе и провозгласил объединение Новой Гранады и Венесуэлы в единое государство под наименованием «Республика единой и нераздельной Колумбии». После этого он возвратился в Ангостуру, где 17 декабря 1819 года добился от конгресса признания союза обоих государств.

Благодаря вспыхнувшей в 1820 году революции в Испании дело освобождения испанских колоний пошло гораздо быстрее. Испанские войска терпели одно поражение за другим. Боливар постепенно овладел Меридой, Трухильо, Санта-Мартой и 24 августа 1821 года нанес решительное поражение испанцам при Карабобо. 22 мая 1822 года Кито вошел в республиканский союз колумбийских провинций, а в ноябре 1823 года испанцы были изгнаны с территории Колумбии.

В то же время Боливар, уполномоченный национальным конгрессом, вступил в Перу и 1 сентября 1823 года овладел Лимой, где был избран диктатором. В 1824 году Боливар разбил испанцев, успевших захватить Лиму, и заставил их капитулировать. Вся страна была объявлена независимой и получила название Боливии в честь своего освободителя. Капитуляция 11 августа 1826 года отняла у испанцев их последнее владение – Кальяо.

После окончания войны Боливар занялся организацией внутреннего управления государства. 25 мая 1826 года он представил конгрессу в Лиме свой Боливийский кодекс.

По замыслу Боливара образовывались Южные Соединенные Штаты, в которые должны были войти Колумбия, Перу, Боливия, Ла-Плата и Чили. 22 июня Боливар созвал в Панаме конгресс из представителей всех этих государств, который, однако, вскоре распался из-за губительного действия лихорадки.

Вскоре после того как проект Боливара получил широкую известность, его начали обвинять в желании создать империю под своей властью, где он станет играть роль Наполеона. В Колумбии начались партийные раздоры. Часть депутатов во главе с генералом Паэсом провозглашали автономию, другие хотели

принять Боливийский кодекс.

Боливар быстро прибыл в Колумбию и, приняв на себя диктаторские полномочия, созвал 2 марта 1828 года в Оканье национальное собрание с целью обсуждения вопроса: «Должна ли быть преобразована конституция государства?» Конгресс не мог прийти к окончательному соглашению и после нескольких заседаний закрылся.

Боливар составил записку, в которой косвенно обвинял национальное собрание, заявляя, что все неурядицы в республике происходят из-за слабости исполнительной власти. Посещая затем департаменты, Боливар собирал народные собрания в Боготе, в Картахене, Каракасе, на которых его убедительно просили взять в свои руки высшую власть.

Тем временем перуанцы отвергли Боливийский кодекс и отняли у Боливара титул пожизненного президента. Лишившись власти в Перу и Боливии, Боливар 20 июня 1828 года вступил в Боготу, где учредил свою резиденцию в качестве правителя Колумбии. Но уже 25 сентября федералисты ворвались в его дворец, убили часовых, сам Боливар спасся лишь чудом. Однако основная масса населения выступила на его стороне, и это позволило Боливару подавить мятеж, который возглавлял вице-президент Сантандер. Глава заговорщиков вначале был приговорен к смертной казни, а затем выслан из страны вместе с 70 своими сторонниками.

На следующий год анархия усилилась. 25 ноября в самом Каракасе 486 знатных граждан провозгласили отделение Венесуэлы от Колумбии. Боливар, дело которого окончательно рушилось, постепенно терял всякое влияние и власть.

В своей записке, поданной им конгрессу, собравшемуся в Боготе в январе 1830 года для реформы государственного устройства Колумбии, Боливар жаловался на несправедливые обвинения против него, которые доносились из Европы и Америки. Он несколько раз предлагал свою отставку, которая, однако, не была принята.

Тогда Боливар в последний раз попытался начать борьбу с Паэсом, который так сильно укрепился в провинции Мараканто, что не было возможности атаковать его. Не выдержав напряжения борьбы, Боливар 27 апреля вновь подал просьбу о своей отставке. 4 мая президентом был избран Х. Москера.

Боливар удалился в Картахену, где 17 декабря 1830 года скончался, восклицая перед смертью: «Единение, единение».

Лишь после смерти Боливара его соотечественники поняли важность понесенной потери. В 1832 году прах Боливара был с большим торжеством перенесен в Каракас, где была сооружена

триумфальная арка в память освободителя. Память Боливара была почтена не только сооружением ему памятников в Каракасе, Боготе и Лиме, но и наименованием одного из городов Венесуэлы Боливаром и сохранением названия Боливия за одной из освобожденных им провинций, ставшей впоследствии самостоятельным государством.

ДЖОРДЖ НОЭЛ ГОРДОН БАЙРОН (1788—1824)
Лорд, английский поэт.

Как утверждают многие биографы лорда Байрона, знаменитый английский поэт более гордился своим происхождением от великих предков, пришедших в Англию с Вильгельмом Завоевателем, чем своими литературными произведениями, снискавшими ему мировую славу. Любовь к предкам и вера в их блестящее прошлое своего древнего рода пришла к нему с внезапным получением титула, родового замка и герба, о которых он и не мечтал.

Байроны получили потомственное владение – аббатство Ньюстед с обширными землями – во времена Генриха VIII. Джону Байрону от Карла I был пожалован титул барона, и он стал пэром Англии. Во время гражданской войны он остался верен короне и сражался на стороне короля Карла.

Наследственной чертой характера Байронов была «горячая кровь» – повышенная нервозность, часто переходящая в агрессивность. Двоюродный дядя поэта лорд Вильям Байрон снискал печальную известность жестокостью и необузданностью характера. Его прозвали «злым лордом Байроном» за то, что он держал в страхе не только родных, но и соседей и подчиненных. Неукротимый эгоизм и желание получать все довели его до убийства. В разгар ничтожного спора он убил своего родственника и соседа сэра Чеворта, вызвав его на дуэль, которая более походила на хладнокровное убийство. И хотя он был оправдан судом лордов, тень Чеворта преследовала его до конца жизни. После этого он заперся в родовом замке и уже больше никуда не выезжал, а окружающие соседи и не стремились к встречам с ним.

Дед поэта, адмирал Джек Байрон (1723—1786), сознательно тратил кипучую энергию на кругосветные плавания, опасности и сражения со стихией, гася тем самым излишки темперамента. В свое время он пользовался славой замечательного, отважного, но несчастливого моряка, так как ни одна его экспедиция не проходила без приключений. Еще в молодые годы Джек Байрон совершил кругосветное плавание и принял участие в экспедиции против испанских колоний на островах Тихого океана. Во время сильной бури весь флот погиб, а его корабль потерпел крушение у западных берегов Америки. Джеку Байрону и нескольким

матросам удалось добраться до необитаемого острова, а затем они решили попытаться вернуться в Англию на уцелевшей небольшой лодке. На пути их снова настигла буря, и все погибли, кроме Джека Байрона. Он сумел добраться до восточного берега Бразилии, где был взят португальцами в плен. В плену он провел два года, а затем вернулся в Англию. О своих приключениях он написал книгу, которая вышла в Лондоне в 1766 году. Самой известной стала его экспедиция в южные полярные страны, предпринятая им в 1764—1766 годах.

Его старший сын, отец поэта, названный, как и его отец, Джеком, получил прекрасное образование в Вестминстерской школе в Лондоне, а затем продолжил его в одной из лучших военных академий Франции. Неуемный наследственный темперамент он перевел сначала в воинскую храбрость, получив чин капитана и прозвище «сумасшедший Джек», а затем в азарт игрока. Он был необычайно красив собой, любил жить «на широкую ногу» и пользовался успехом у женщин. В первый раз он женился на леди Карматен, которую увез от мужа на континент. Они обвенчались после того, как лорд Карматен дал жене развод. Но этот брак был недолгим. Быстро растратив состояние жены, он довел ее до могилы. От этого брака у него осталась дочь – Августа – сводная сестра поэта и в дальнейшем его лучший друг. Второй его женой стала Екатерина Гордон, чьи предки находились в родстве с шотландской королевской фамилией. Она была очень богатой женщиной. В 1786 году молодая чета Байронов отбывает во Францию, где муж очень быстро сумел пустить на ветер состояние жены. Екатерине пришлось продать свое имение, чтобы расплатиться с кредиторами мужа. Через два года они вернулись в Англию и поселились в Лондоне. Спустя несколько дней после приезда, а именно 22 января 1788 года, Екатерина родила своего первого и единственного ребенка – Джорджа.

Следует отметить, что как по линии отца, так и по линии матери Джорджу достались не лучшие наследственные черты. Его мать была женщиной крайне страстной и нервной, рабой своих прихотей. Кстати сказать, ее отец покончил жизнь самоубийством, бросившись в канал без видимых на то причин. Мать Джорджа Байрона не отличалась красотой, а характер привлекал в ней еще меньше. Вспыльчивая, раздражительная, капризная и тщеславная, она в припадке ярости рвала на куски одежду и жестоко била сына. По ее неосмотрительности Джордж с первого года жизни остался хромым на всю жизнь.

После рождения сына Байроны переехали в шотландский город Эбердин и поселились в меблированных комнатах. Вскоре их брак распался: сначала они стали жить раздельно, хотя и на

одной улице, а в дальнейшем Джек Байрон, выпросив у жены небольшую сумму, уехал опять во Францию, где и скончался в 1791 году. Узнав о его смерти, Екатерина Байрон чуть не сошла с ума от печали. Кончина Джека, в сущности, спасла ее от полного разорения. Для Джорджа смерть отца могла бы быть счастьем, если бы его матерью была другая женщина, которая смогла бы смягчить, а возможно и искоренить, те дурные черты, которые достались ему от предков. Его же мать только способствовала их развитию. В дальнейшем Байрон напишет, имея в виду наследственный характер: «Проклятие лежит на мне и на всех моих».

Первые годы жизни Байрон провел с матерью в Шотландии, где они существовали на грани нищеты. Еще ребенком Байрон проявлял необузданный и своенравный характер. Он не терпел никаких замечаний, а если слышал, что его называют хромым, то просто приходил в бешенство. Единственным человеком, которого Байрон любил, была его няня – мисс Мэй Грей. Она была прекрасной рассказчицей, и именно от нее мальчик услышал много сказок и легенд. Мисс Грей научила его писать и читать, заучивала с ним псалмы и познакомила со святым писанием. В дальнейшем Байрон не расставался с этой книгой. Мэй Грей умела обращаться со своенравным ребенком, и ее одну он слушался.

Мать отдала сына в школу в возрасте пяти лет, когда он еще не умел читать. Целый год ученики заучивали слова, а Байрон, не умея читать, просто запоминал их на слух. Через год ему дали прочитать первый урок, что он сделал с легкостью, так как знал его наизусть. Но когда перевернули страницу книги, то сразу выяснилось, что читать он не умеет. Кроме няни для его обучения был нанят священник Росс, который произвел на мальчика самое приятное впечатление «мягкими манерами и добродушием». Под его руководством Байрон быстро освоил чтение и страстно увлекся историей. Получив начальное «домашнее образование», Байрон поступает в гимназию, где учится до 4 класса.

Когда ему исполнилось 10 лет, скончался его дядя, и Байроны переехали в Англию, унаследовав родовой титул и поместья, главным из которых было Нюстедское аббатство. За год до этого произошел следующий эпизод, который можно назвать пророческим. Мать Байрона зимним вечером 1797 года прочла вслух напечатанную в газете выдержку из речи, произнесенной в палате общин. Присутствующий при этом ее знакомый сказал мальчику: «Возможно, что мы когда-нибудь будем читать в газете и твои речи, произнесенные в палате общин». На что Байрон серьезно ответил: «Надеюсь, что нет. Если вам придется когда-

нибудь читать мои речи, то это будут те, что я произнесу в палате лордов». И через год, в мае 1798-го, умирает двоюродный дядя Байрона, и 10-летний мальчик становится лордом.

Родовое поместье Байронов мать и сын нашли в плачевном состоянии. Поэтому они переехали в Ноттингем, где Екатерина, ставшая матерью лорда, активно занялась лечением ноги сына. Для того чтобы мальчик не отставал от учебы, его стали посещать местные учителя. Надо сказать, что Джордж Байрон всегда хорошо относился к тем людям, которые были к нему добры, хотя обидевших или оскорбивших его он не прощал и всегда пытался отомстить им.

В 1801 году Байрон поступает в школу в Харроу. Первые полтора года обучения были наиболее трудными. «Я был самым непопулярным мальчиком в школе, – читаем в его дневнике, – но впоследствии стал вожаком». Поначалу над ним смеялись и даже жестоко подшучивали. С большим вниманием к Байрону отнесся ректор школы доктор Друри, который помог мальчику влиться в школьный коллектив. Хотя Байрон очень гордился своим аристократическим происхождением, в выборе друзей он отдавал предпочтение личным достоинствам перед титулом. Среди друзей большинство были дети младше его по возрасту и физически слабее. Одним из его приятелей по школе был Роберт Пил, знаменитый в дальнейшем государственный деятель.

Основными предметами в школе были древние языки и математика, и именно к этим наукам Байрон чувствовал непреодолимое отвращение. Поэтому многие преподаватели считали его лентяем, не способным ничему научиться. Но во всякого рода проказах Байрон был вожаком. Он «возглавил» сторонников ректора Друри, когда тот был удален из школы, и остался последним, кто относился к новому ректору Батлерсу, назначенному вместо Друри, враждебно.

В школьные годы он впервые встретился со своей сводной сестрой Августой, которая жила с четырех лет у родственников своей покойной матери. Сначала Байрон был сильно разочарован – он представлял свою сестру необыкновенной красавицей, а она таковой не оказалась. Но, познакомившись с ней ближе, он полюбил ее простое и милое лицо и был очарован ее ангельским характером. Дружба, начавшаяся между ними, не прерывалась до самой смерти Байрона.

В октябре 1805 года Байрон простился с Харроу и направился в Кембридж для поступления в университет. Основными науками, преподаваемыми в университете, были также классические языки и математика, которые еще со школы Байрон терпеть не мог. К университетскому начальству Байрон относился надменно и

дерзко и за короткое время снискал славу вредного и опасного элемента в университете. Руководство университетом с нетерпением ожидало, когда же лорд уберется из Кембриджа.

В 1806 году Байрон опубликовал свой первый сборник в одном из провинциальных издательств. Книга вышла на средства автора очень маленьким тиражом и предназначалась только для близких друзей. Байрон послал один экземпляр пастору Бичеру, с мнением которого он считался. В ответ Байрон получил письмо в стихах, где Бичер подверг книгу резкой критике. Согласившись с мнением пастора, Байрон сжигает весь тираж книги. Спустя два месяца он издает новый сборник, предназначенный для более широкого круга читателей, тиражом в 100 экземпляров. Этот сборник вызвал интерес, и вскоре молодой поэт, окрыленный первым успехом, выпускает третий сборник, названный «Часы досуга». Книга продавалась быстро, а критика отнеслась благосклонно к дебюту поэта. Но затем в журнале «Эдинбургское обозрение» появилась разгромная статья о «Часах досуга». Анонимный автор изобразил Байрона как барчука, которому нечего делать, и поэтому он решил заняться стихосложением. В конце статьи автор выражал надежду, что это книга будет для Байрона первой и последней.

Эта статья произвела на юношу сильное впечатление. Волнение его улеглось только тогда, когда он написал 20 стихов, в которых выразил свое негодование. Оставаться в Кембридже он не мог – здесь он каждый день встречал торжествующие взгляды профессоров университета, по которым Байрон нелицеприятно прошелся в разгромленном сборнике. Он решил уехать в Лондон.

Здесь он сразу ринулся в омут столичной жизни, прожив в столице до осени 1808 года. До отъезда в Ньюстед Байрон еще раз заехал в Кембридж для получения ученой степени, на которую имел право по своим знаниям.

В январе 1809 года, отметив совершеннолетие, Байрон получил наследственное место в палате лордов. Первый раз он появился там 13 марта и занял свое место на скамьях либеральной оппозиции.

Все это время, несмотря на веселую жизнь и прочие развлечения, он не переставал заниматься литературой. И весной того же года вышла его новая книга. Сатирические произведения, вошедшие в нее, произвели фурор, и книга анонимного автора (Байрон не поставил своей фамилии) разошлась меньше чем за месяц. Второе издание этого сборника, увеличенного на сотню стихов, вышло уже под его именем. Сдав рукопись в издательство, Байрон стал готовиться к путешествию, о котором мечтал с самого детства.

В июле 1809 года, простившись с матерью и друзьями, Байрон отправляется в путешествие. Он посетил Португалию, Испанию, Албанию, Грецию и Турцию. Лорд к удивлению своих спутников проявлял мало интереса к историческим местам и древним памятникам. Сам он говорил: «Я не люблю собирать коллекции древностей и не могу удивляться им». Байрон был хорошим пловцом, и при посещении Турции он переплыл пролив Дарданеллы, о чем написал матери и всем друзьям. Он очень гордился этим подвигом и много раз рассказывал об этом событии. Находясь в Турции, Байрон вместе с английским посланником посетил турецкого султана, удовлетворив тем самым свое тщеславие. За время путешествия Грецию он посетил дважды. В Греции он в октябре 1810 года заболел болотной лихорадкой – болезнью, от которой через много лет он скончается преждевременной смертью. Спасло Байрона усердие и забота слуг, благодаря этому он выздоровел.

В июле 1811 года на английском фрегате он возвратился в Англию, где отсутствовал более двух лет.

Сразу же по приезде на родину он получил известие о смерти своего друга по Кембриджу, а несколько дней спустя ему сообщили о тяжелой болезни матери. На следующий день она умерла. За первую неделю жизни в Англии он потерял сразу мать и троих друзей, а в течение недели он получил еще два печальных известия о кончине близких друзей, школьного товарища Вингфильда и самого уважаемого им друга Матьюса. Смерть матери особенно тяжело отразилась на его состоянии. Их отношения оставляли желать лучшего и часто при ее жизни переходили чуть ли не в открытую вражду. Но ее смерть потрясла Байрона. Приехав в Ньюстед, он всю ночь просидел у ее изголовья и горько плакал.

В октябре 1811 года Байрон оставил родовое поместье и переселился в Лондон. В столице жизнь била ключом, и это дало возможность ему после трехмесячного затворничества окунуться в многолюдное общество. Он стал членом нескольких клубов и познакомился со многими известными литераторами.

В феврале 1812 года Байрон произнесет свою первую речь в палате лордов перед собравшейся английской аристократией, проявляющей интерес к молодому человеку, к тому времени известному своими поэтическими произведениями, а также как путешественник, вернувшийся с Востока. Речь Байрона произвела благоприятное впечатление, и по ее окончании на него посыпались поздравления и комплименты. Сам Байрон сиял от успеха, который продолжался недолго – уже две следующие его речи были встречены крайне холодно.

Литературным результатом путешествия стала поэма Байрона «Чайльд Гарольд». Когда один из друзей поэта спросил его, что тот написал за два года странствий, Байрон показал ему рукопись «Подражаний Горацию», несколько коротких поэм и отдельные строфы из «Чайльд Гарольда». Друг забрал их с собой, а уже вечером Байрон получил от него послание: «Вы написали одну из самых прелестных поэм, какие мне когда-либо приходилось читать; я был так очарован «Чайльд Гарольдом», что не в силах был отложить его в сторону».

Байрон еще долго не решался издать «Чайльд Гарольда», потом никак не мог найти того, кто взялся бы за издание поэмы. После долгих поисков эту роль взял на себя Муррей, ставший впоследствии знаменитым издателем и другом поэта. При подготовке к печати Байрон каждый день вносил в текст поэмы изменения и добавлял новые строфы, поэтому, когда книга вышла, те, кто читал ее в рукописи, совершенно не узнали текста, претерпевшего большие изменения и значительно улучшенного.

Успех книги был настолько огромен, что Байрон с полным правом мог записать в дневнике: «В одно прекрасное утро я проснулся и увидел себя знаменитым». Первый тираж книги был распродан в несколько дней, и в течение месяца поэма переиздавалась семь раз.

Для Байрона началась пора светских успехов. Многие знаменитости приходили к поэту для того, чтобы лично выразить свое удивление и восторг. Он получал множество писем с самыми лестными отзывами, как от государственных деятелей, так и от незнакомок. Окруженный поклонением светских красавиц Лондона, Байрон не остался равнодушен к чарам некоторых из них. Но эти мимолетные романы быстро надоели ему. Он искал женщину, которая могла бы стать ему женой, другом и единомышленником.

Со своей будущей женой – Аннабелой Мильбенк – Байрон познакомился еще в 1812 году, в период апогея славы и популярности. Она отличалась от всех женщин, окружавших тогда поэта, в ее взгляде он прочел и удивление, и жалость, когда другие превозносили его красоту и открыто поклонялись ему. Байрон сделал мисс Аннабель предложение, но получил отказ, правда, в очаровательной форме. Отказ не помешал им остаться друзьями и вести между собой переписку. Осенью 1814 года Байрон снова написал ей письмо с предложением руки и сердца, и на этот раз он получил согласие.

Свадьба состоялась 2 января 1815 года. Первое время молодые жили счастливо, и Байрон надеялся, что серьезность и спокойный темперамент жены смогут уравновесить его бурный и

неукротимый нрав. Но семейное счастье продолжалось недолго. Даже рождение дочери не смогло остановить приближающегося кризиса. Через год леди Байрон поехала вместе с дочерью погостить к отцу. Здесь она решила, что больше не вернется к мужу, и просила отца взять на себя миссию о расторжении брачных уз. Письмо с сообщением о разрыве отношений Байрон получил от тестя 2 февраля 1816 года. Это известие поразило Байрона, но в случившемся он обвинял только себя.

Развод дал врагам Байрона повод начать преследование поэта за безнравственность. Против него была поднята злобная кампания клеветы, он был подвергнут бойкоту, и двери многих домов, куда его раньше наперебой приглашали, оказались для него закрыты. Подкупленные хулиганы бросали камни в окна его квартиры, и пребывание на улице стало для него небезопасным.

Байрон принял решение вторично покинуть родину, но теперь уже навсегда. Единственным человеком, с которым ему было жаль расставаться, была его сестра Августа. Она стала его посредницей в общении с бывшей женой, и через нее он узнавал о своей дочери Аде.

В апреле 1816 года он покидает Англию – по существу, он был изгнан из своей страны. Путь его лежал в Бельгию, а затем в Швейцарию. Здесь поэт много работал: он написал 3-ю песню «Чайльд Гарольда», «Шильонского узника» и начал создавать «Манфреда». В Швейцарии его посещали друзья, приехавшие из Англии, которые привозили самые свежие новости с родины.

В 1817 году Байрон переехал в Италию, жил в Венеции, Равенне, Пизе и Генуе. В Венеции он вел такую жизнь, что венецианцы были шокированы его поведением. Он каждый день менял любовниц, которых находил среди низших слоев общества, отказался от диеты, что привело его к быстрому прибавлению в весе. Но он не переставал писать, и количество написанных им в этот период произведений поистине поражает воображение. К 1818 году им были созданы последняя песнь «Чайльд Гарольда», посвященная Италии, «Манфред», первые песни «Дон Жуана» и многое другое.

Став посетителем аристократических салонов Италии, Байрон познакомился с 17-летней графиней Терезой Гвиччиоли, любовь которой оказала на поэта благотворное влияние. Графиня была замужем за человеком, старше ее более чем втрое. Старый граф равнодушно смотрел на связь жены с Байроном. Поводом для вражды стали политические взгляды мужчин – граф был сторонником правительства, а симпатии Байрона принадлежали карбонариям, среди которых он пользовался значительным влиянием. В конце концов граф потребовал от жены разорвать

отношения с Байроном. Тереза отказалась и подала на развод, который был ею получен в июле 1820 года.

В Равенне Байрон прожил чуть менее двух лет, принимая деятельное участие в политической жизни города. Местным властям не нравилось его вмешательство, но трогать знатного англичанина власти боялись. Для того чтобы избавиться от Байрона, был издан приказ об изгнании семейства Гамба, к которому принадлежала Тереза, из Равенны. Семья Терезы переехала в Пизу, куда за своей возлюбленной уехал и Байрон.

Как в Равенне, так и в Пизе Байрон был в центре политической борьбы. Тесно связанный с тайной организацией карбонариев, готовившей восстание против австрийского владычества, Байрон очень переживал неудачу восстания и разгром карбонариев в 1821 году. В сентябре 1822 года после нескольких неприятных столкновений с местной полицией Байрон был вынужден покинуть Пизу. Вместе с семьей Терезы он перебрался в Геную. Здесь был издан первый номер журнала «Либерал», который был задуман им еще в Равенне. С изданием собственного журнала Байрон связывал большие надежды – это избавило бы его от издателей и поправило материальное положение. Но мечтам так и не суждено было сбыться. Журнал прекратил свое существование после выхода второго номера.

В начале апреля 1823 года Байрон получает из Лондона письмо от английского комитета помощи грекам в их борьбе за освобождение от турецкого владычества. В письме сообщалось, что он заочно выбран членом комитета, и выражалась надежда, что он не откажется участвовать в деле борьбы. Байрон ответил согласием. Он мечтал об открытой борьбе с силами реакции, и после крушения своих надежд увидеть Италию свободной. Поэт с радостью принимает приглашение помогать делу освобождения Греции. После переговоров с лондонским комитетом он отправляется в эту страну. Шесть лет Байрон пробыл в Италии, и 14 июля 1823 года он навсегда покидает ее и отправляется на собственном корабле «Геркулес» в Грецию. Вместе с ним уезжает несколько его итальянских друзей. Корабль был нагружен оружием, запасом медикаментов и вооружен двумя пушками.

По прибытии в Грецию к Байрону сразу же стали приходить члены различных греческих группировок с просьбой поддержать именно их. Но Байрон всем им отвечал одно: «Прекратите ваши раздоры и боритесь за всю страну, а не за часть ее только. Я явился сюда не с тем, чтобы помогать кому-нибудь из вас в отдельности как партизан, а для того, чтобы помочь вам всем, как общий ваш друг». На деньги, данные Байроном греческому временному правительству, оно смогло нанять флот, который

занял порт Миссолонги, вынудив турецкие корабли уйти в Лепанто. Вслед за флотом в Миссолонги прибыл и Байрон, куда его пригласил губернатор Западной Греции, принц Маврокордатос. Здесь Байрону устроили королевский прием: корабли салютовали ему, войска и население приветствовали его громкими криками «ура!».

Байрон принял под свое командование трехтысячный отряд, который должен был отправиться воевать с турками в Лепанто. Кроме того, он имел «личную гвардию» в количестве 500 человек, которую содержал на свой счет. Он энергично принялся за обучение солдат и с нетерпением ждал момента, когда сможет выступить в поход. В период подготовки Байрон отпраздновал в последний раз день своего рождения. Ему исполнилось 36 лет.

Город, где жил Байрон, располагался в болотистой местности, и болотная лихорадка была здесь обычным явлением. Первые признаки, заболевания Байрон почувствовал в феврале. С каждым днем он чувствовал себя все слабее, а ненормальная диета и неправильное лечение еще быстрее приближали его к концу. Состояние поэта заметно ухудшалось: он стал впадать в забытье, часто бредить, речь перестала быть связной до такой степени, что друзья понимали с трудом, о чем он говорит.

19 апреля 1824 года Байрон скончался. В Греции был объявлен национальный траур, продолжавшийся 21 день. На три дня были закрыты все торговые и промышленные учреждения, увеселения были запрещены, во всех районах Греции совершались службы за упокой его души.

Останки поэта были переправлены в Англию, а его сердце захоронено в Греции.

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ ТРУБЕЦКОЙ (1790—1860)
Князь, декабрист.

Дворяне Трубецкие принадлежали к одним из древнейших родов. Родословную свою они вели от Гедимина, внук которого, Дмитрий Ольгердович, и стал основателем сего рода. Сам Дмитрий Ольгердович был князем брянским, черниговским и трубчевским и принимал участие в Куликовской битве.

Погиб он в сражении на реке Ворскле в 1399 году. Потомки его называли себя Трубчевскими, или Трубецкими, и до XVI века были подданными литовских князей.

В XVI веке Трубецкие перешли на службу к московскому князю и с того времени тесно стали связаны с историей России, дав ей немало известных деятелей – военных, дипломатов, государственных мужей, ученых.

В XVI веке выдающимся военным деятелем был Андрей Васильевич Трубецкой, начавший службу командующим войсками под Серпуховом. Воевал он и со Стефаном Баторием, освобождая Псков, и со шведами в 1590 году. Андрей Васильевич стоял во главе таких городов, как Тула, Новгород-Северский, Смоленск и Новгород Великий. Он верно служил Ивану Грозному, его сыну Федору, а у Бориса Годунова пользовался особым расположением. Годунов доверил Андрею Трубецкому ведение переговоров о брачном союзе Ксении Годуновой с датским принцем. Не меньшим расположением он пользовался и у Василия Шуйского.

Род Трубецких распался на несколько самостоятельных ветвей. И вот уже представитель другой линии рода, Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, в начале XVII века выступает ярым противником Шуйского. В 1608 году он переходит на службу к Лжедмитрию II, а после его гибели становится активным участником борьбы с захватчиками. Дмитрий Тимофеевич возглавил первое ополчение, а после его распада остался под Москвой вместе с казаками. Отношения с князем Пожарским у него сначала были напряженными – древность рода не позволяла князю Трубецкому войти в подчинение человека менее знатного происхождения. Поняв, что самостоятельные действия к победе не приведут, Трубецкой все-таки объединился с Пожарским, что привело к успеху – Кремль был освобожден, временное правительство организовано. Естественно, Трубецкой вошел в его состав и даже возглавил вместе с князем Пожарским. На Земском

соборе его кандидатура называлась в качестве претендента на престол. До конца дней своих Дмитрий Тимофеевич оставался на военной службе. Он участвовал в войне со шведами, а затем стал воеводой в Тобольске, где и скончался.

В Тобольске начал карьеру Алексей Никитич Трубецкой. Дипломатическая деятельность его совпала с периодом царствования Алексея Михайловича. Основным вопросом того времени стал вопрос о воссоединении Украины с Россией, успешное разрешение которого состоялось не без активного участия Алексея Никитича. Наградой ему стало пожалование во владение города Трубчевска, который он затем отказал Петру I, не желая отдавать город родне.

XVIII столетие выдвинуло ряд видных военных деятелей из рода Трубецких. Среди них князь Никита Юрьевич Трубецкой – генерал-фельдмаршал. По отзывам современников, он был человеком одаренным и весьма образованным, свободно говорил по-немецки, хорошо знал литературу, был деятелен и трудолюбив. Выдвинулся он в годы правления Анны Иоанновны, став противником проекта ограничения самодержавной власти императрицы, чем заслужил ее доверие и благосклонность. Анна Иоанновна сделала Трубецкого генерал-прокурором Сената. Никита Юрьевич участвовал в русско-польской войне, исполняя обязанности генерал-кригс-комиссара. Этот же пост он сохранил и в период русско-турецкой войны 1735—1739 годов.

Никита Юрьевич занимал высокое место и при недолгом регентстве Бирона, показав себя верным приверженцем регента. И при Елизавете Петровне он также нашел достойное себя место. Во время ее коронации он исполнял обязанности верховного маршала и был пожалован орденом Св. Апостола Андрея Первозванного.

Трубецкому удалось сохранить расположение и Петра III, и Екатерины II. Он получил звание полковника Преображенского полка – это звание до того носили лишь императоры. На коронации Екатерины II Трубецкой был главным маршалом, и как императрица позже писала «трудами кн. Трубецкого вся церемония изрядно отправлялась». В отставку князь Трубецкой вышел «по изнуренном своем здоровье» в 1763 году. Ему был назначен полный пенсион, вознаграждение в 50 тысяч рублей серебром и почетный караул при пребывании князя в столицах.

Среди князей Трубецких были и те, кто не столь верно и преданно служил российским монархам. Сын Никиты Юрьевича стал близким другом Новикова и активным членом общества мартинистов. Он был сослан императором Павлом I в Воронежскую губернию за свои политические взгляды, но вскоре

возвращен из ссылки и назначен московским сенатором.

Самым знаменитым представителем рода Трубецких, чьи политические взгляды шли вразрез с официальной государственной политикой, был князь Сергей Петрович Трубецкой.

Родился он 9 сентября 1790 года в семье предводителя дворянства Нижегородской губернии, князя Петра Сергеевича Трубецкого и княгини Грузинской Дарьи Александровны. Древность рода, положение при дворе родителей, заслуги предков открывали перед Сергеем Трубецким широкие возможности для карьеры. Образованные люди высоко ценились при дворе, и отец Сергея не жалел денег на образование сына. До 16 лет он обучался дома, а затем в 1806 году начал слушать лекции в Московском университете. Сергей Петрович знал несколько иностранных языков – английский, французский, немецкий. Круг его интересов был обширен – история, математика, экономика, естествознание. Но, следуя семейной традиции, он выбрал для себя карьеру военного.

В 1808 году Сергей Петрович начинает службу в лейб-гвардии Семеновском полку в чине подпрапорщика. Грозный 1812 год он встречает поручиком. Храбрый воин, мужественный командир, достойный продолжатель воинской славы рода Трубецких, Сергей Петрович отлично зарекомендовал себя на полях сражений Отечественной войны. Он был под Бородином, Тарутином, Малоярославцем, с войсками он переправлялся через Неман, Вислу, Одер и Эльбу. В кампании 1813 года Сергей Петрович получил тяжелое ранение под Лейпцигом и был отправлен на излечение в Россию. Его героизм вызывал восхищение у сослуживцев и был отмечен рядом орденов.

Дальнейшее продвижение по службе шло быстро. В 1816 году он был произведен в штабс-капитаны, в 1819 году стал капитаном и перешел на должность старшего адъютанта Генерального штаба. К 1821 году Сергей Петрович был уже полковником.

В феврале 1816 года в Петербурге возникло первое тайное общество («Союз спасения»), одним из его учредителей стал Трубецкой. Он некоторое время жил за границей, а по возвращении на родину вступил в масонскую ложу «Трех добродетелей». Сергей Петрович хотел соединить деятельность тайного общества с ложей, где он был избран секретарем, но такой союз не удался, и Трубецкой порывает с масонами.

«Союз спасения» был распущен в 1818 году, и на его месте возникла новая тайная организация – «Союз благоденствия». Трубецкой стал одним из самых активных и деятельных его членов. Политические взгляды его уже сформировались к тому

времени, отстаивать их он умел, а организаторские способности сделали его руководителем, который мог вести и контролировать практически всю внутреннюю жизнь общества.

Пока Сергей Петрович жил во Франции (1819—1821), в «Союзе благоденствия» произошли большие перемены. Члены тайного общества собрались в Москве на съезд, где и было принято решение о создании двух обществ – Северного и Южного. Во главе Северного общества встали Н. Муравьев, Е. Оболенский и вернувшийся из-за границы Трубецкой, Южным обществом руководил П. Пестель. Он предложил изменить государственный строй России, сделав ее республикой, а достичь этой цели можно было посредством цареубийства. Трубецкой и Муравьев категорически возражали: конституционная монархия – вот их идеал. Сергей Петрович возражал против многих положений «Русской правды», предложенной Пестелем, подозревая того в желании стать диктатором и получить неограниченную власть. Попытка объединения обществ в 1823 году не удалась, но необходимость объединения была очевидна для всех. Трубецкой начинает разрабатывать приемлемый план объединения Севера и Юга, но времени ему не хватило – события развивались очень стремительно.

Декабрь 1825 года. Смерть императора Александра I давала шанс реализовать идеи, и в Петербурге решили действовать. Сергей Петрович Трубецкой был идейным вдохновителем выступления и избран «диктатором» по предложению К. Рылеева. К 10 декабря был составлен план действий и написан Манифест к народу.

Трубецкой был убежден в необходимости проведения реформ в России, но в проектах стремился к умеренности. Он был противником кровопролития, надеялся, что будут возможны переговоры с правительством. К 13 декабря он убеждается, что вся «затея» обречена на провал, что сил мало, и… 14 декабря Трубецкой на Сенатскую площадь не выходит. (В дальнейшем некоторые декабристы утверждали, что поражение восстания случилось именно по причине отсутствия на площади Трубецкого.)

15 декабря Сергей Петрович был арестован и сразу же доставлен на допрос к Николаю I. Осужден он был по 1-му разряду. Суд вынес Трубецкому приговор – смертная казнь. Казнь заменили вечной каторгой, которую через месяц сократили до 20 лет. Отправлен Сергей Петрович был на Нерчинские рудники.

Судьбу Сергея Петровича разделила Екатерина Ивановна Трубецкая, старшая дочь графа Лаваля, ставшая женой князя в 1821 году. Ей удалось получить разрешение у императора и

отправиться за мужем в Сибирь.

13 лет каторги, затем поселение – село Оек недалеко от Иркутска. Приходилось самостоятельно зарабатывать на жизнь, и Трубецкой начинает заниматься хозяйством – выращивать скот, разводить овощи. На поселении он продолжает занятия языками (греческий), наукой (медицина, метеорология), пишет мемуары. Воспоминания о своей деятельности в тайных обществах он начал писать еще на каторге, но после ареста С. Лунина в 1841 году Трубецкой большую их часть уничтожает.

В 1856 году Сергей Петрович получает свободу. Он был восстановлен в правах дворянина, но без княжеского титула. В Москве ему постоянно проживать не разрешили, и он уезжает в Киев к дочери.

До конца дней Трубецкой вел активный образ жизни. Он встречался и переписывался с друзьями, восстанавливал уничтоженные на поселении записи, бывал в различных городах.

Скончался он 4 декабря 1860 года в Москве и был похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря.

ЗИНАИДА АЛЕКСАНДРОВНА ВОЛКОНСКАЯ (1792—1862)

Княгиня, русская писательница.

Для романа «Война и мир» Л.Н. Толстой взял прототипом главного героя Андрея Болконского сразу нескольких представителей князей Волконских. Все они были героями войн с Наполеоном, и военная карьера издавна была отличительной чертой этого древнего знатного рода. Род Волконских ведет свое начало с времен стародавних, от князей черниговских (по другим сведениям – рязанских). Представители рода всегда стояли на защите родной земли. Память о многих из них сохранилась в преданиях.

Еще в XIII веке трое сыновей Федора Юрьевича Волконского положили начало трем основным ветвям рода, который быстро разросся. Воеводство стало наследственным делом князей Волконских, но, кроме того, в XVI–XVII веках Волконские служили стольниками и окольничими, многие из них за особые заслуги получали боярство. В XVIII веке представители рода занимали высокие государственные должности, а в XIX веке князь Петр Михайлович Волконский – представитель первой линии князей – получил титул светлейшего князя.

Род Волконских славен не только воинами. Особое место среди его представителей занимают женщины, ставшие образцом верности и долга. Мария Николаевна Волконская, урожденная Раевская, стала женой Сергея Григорьевича Волконского – кадрового военного, героя войны с Наполеоном. Он начал службу поручиком кавалергардского полка в 1805 году. Сергей Григорьевич участвовал в 58 сражениях. Во время Отечественной войны 1812 года он находился в одном из «летучих отрядов», созданных для связи, разведки и партизанских операций. Затем он получил под командование партизанский отряд, с которым успешно действовал в тылу неприятельских войск. В сентябре 1813 года он был произведен в чин генерал-майора. После войны Сергей Григорьевич стал активным участником тайного общества декабристов, получив после провала восстания 15 лет каторги как осужденный «по первому разряду». Уважение императора лично к князю и его прославленному роду могло бы смягчить наказание, но он предпочел отвечать наравне с другими участниками мятежа. Мария Николаевна, несмотря на возражения родных,

отправилась вслед за мужем в Сибирь. Ни тяжелый путь, ни лишения, ни расставание с малолетним сыном не смогли поколебать ее решение. Мария Николаевна оставалась с мужем весь период каторги и в дальнейшем жила с ним на поселении. Ее преданность помогла не только Сергею Григорьевичу перенести те страшные дни, но и многим другим ссыльным, для которых она была верным товарищем.

В историю Москвы первой половины XIX столетия вошел музыкально-литературный салон княгини Зинаиды Волконской. Он был далеко не единственным салоном Москвы, который открывали у себя представители знатных дворянских фамилий. Но салон Зинаиды Волконской оставил особый след в истории русской культуры.

Зинаида Волконская родилась 14 декабря 1792 года в Турине. Она происходила из рода князей Белосельских-Белозерских. Отец ее, А.М. Белосельский-Белозерский, был членом Петербургской академии наук и Академии художеств, Российской академии словесности, состоял членом иностранных научных обществ. Под его непосредственным руководством княгиня Зинаида Волконская получила домашнее образование и воспитание в лучших европейских традициях.

В 1810 году княгиня Зинаида вышла замуж за князя Н.Г. Волконского, приближенного императора Александра I, егермейстера двора Его Императорского Величества. Она стала истинным украшением императорского двора – играла в спектаклях, пела, писала музыку. Ей принадлежит романс «Дубрава шумит» на слова В.А. Жуковского, романсы и кантаты на собственные стихи. Но великосветская жизнь не удовлетворяла княгиню, и она, все более удаляясь от двора, путешествовала по Европе.

Семейная жизнь ее также не ладилась, с мужем они жили «в разъезде». В 1824 году княгиня Волконская поселилась в Москве на Тверской улице, в доме, где ныне находится «Елисеевский» гастроном. Некогда этот дом достался князю А.М. Белосельскому-Белозерскому в приданое за женой и после его смерти в 1809 году перешел к его дочери. В дом на Тверской княгиня перевезла свои богатые коллекции оригиналов и копий произведений знаменитых европейских живописцев. Комнаты в ее доме были раскрашены фресками в стиле различных эпох. Среди других «открытых» домов салон Зинаиды Волконской выделялся своим особым колоритом. «Тут соединялись представители большого света, сановники и красавицы, молодежь и возраст зрелый, люди умственного труда, профессора, писатели, журналисты, поэты, художники. Все в этом доме носило отпечаток служения

искусству и мысли. Бывали в нем пения, концерты, дилетантами и любительницами представления итальянских опер. Посреди артистов и во главе их стояла сама хозяйка дома. Слышавшим ее нельзя было забыть впечатление, которое производила она своим полным и звучным контральто», – писал князь П.А. Вяземский.

Одними из главных посетителей салона княгини Зинаиды Волконской были члены «Общества любомудрие» – люди, окончившие Московский университет и теперь служившие или в Архиве иностранных дел или преподававшие в университете. В кружок «любомудров» входили В.Ф. Одоевский, Д.В. Веневитинов, И.В. Киреевский, А.И. Кошелев, М.П. Погодин, С.П. Шевырев, А.С. Хомяков, В.П. Титов и другие. Несмотря на связь с пушкинским кругом, это было уже иное поколение литераторов. И если литераторы пушкинского круга были в основном поэтами, то любомудры в основном были прозаиками.

Одним из самых крупных литераторов «любомудров» был князь В.Ф. Одоевский. Идеи его произведений во многом отразили философию кружка философских романтиков, стремившихся к «идеальному». В творчестве В.Ф. Одоевского большое место занимали вопросы музыки. Он не раз выступал как музыкальный критик, а одним из главных героев его прозаических произведений был музыкант.

Особую роль в жизни «Общества любомудров» играло творчество Д.В. Веневитинова. Он писал стихи и прозу, философские эссе и литературную критику. Статью Веневитинова о «Евгении Онегине» Пушкин оценил как «единственную статью», которую он «прочел с любовью и вниманием». «Собрание сочинений» молодого поэта было собрано друзьями и издано уже после смерти Веневитинова.

Сохранились легенды о любви Веневитинова к княгине Волконской (последнее время оспариваемые некоторыми авторами), о перстне из Геркуланума, подаренном Веневитинову княгиней. Веневитинов умер 22 лет от роду, и множество русских поэтов от Пушкина до Кольцова посвятили стихи его памяти.

Любомудры были связаны как родственными, так и идейными узами с некоторыми из декабристов, и, несмотря на чисто философское направление своего кружка, они готовились принять участие в восстании. При известии о восстании, происшедшем 14 декабря 1825 года в Петербурге, они в ожидании ареста уничтожили архив своего общества. Салон Волконской теперь стал своеобразным московским центром, куда стекались все сведения о декабристах, в салоне не скрывали своих оппозиционных взглядов на политику Николая I.

8 сентября 1826 года в Москву был доставлен Пушкин. После

своего знаменитого разговора в Кремле с Николаем I он поселился в Москве, где прожил некоторое время, навещая своих ближайших друзей. В Москве Пушкин познакомился с кружком любомудров и высоко оценил талант молодого Веневитинова.

В салоне княгиня Зинаида Волконская встретила его элегией, положенной на музыку композитором Геништой:

Погасло дневное светило,
На море синее вечерний пал туман.

В конце декабря того же года в Москву приехала княгиня Мария Волконская, направлявшаяся за своим мужем в Сибирь. Она остановилась в доме своей невестки на Тверской. 26 декабря в салоне Волконской состоялся прощальный вечер с отъезжающей. В числе провожавших Марию Волконскую был и Пушкин.

Приезд Пушкина в Москву пробудил творческие способности многих будущих литераторов. «В Москве наступило самое жаркое литературное время, – вспоминал М.П. Погодин. – Всякий день слышалось о чем-нибудь новом. Языков присылал из Дерпта свои вдохновенные стихи, славившие любовь, поэзию, молодость, вино, Денис Давыдов – с Кавказа; Баратынский издавал свои поэмы; «Горе от ума» Грибоедова только что начало распространяться. Пушкин прочел «Пророка», который после «Бориса» произвел наибольшее действие, и познакомил нас со следующими главами «Онегина», которого до сих пор была напечатана только первая глава. Между тем на сцене представлялись водевили Писарева с острыми куплетами; Шаховской ставил свои комедии с Кокошкиным, Щепкин работал над Мольером, и Аксаков, тогда еще не старик, переводил ему «Скупого»; Загоскин писал «Юрия Милославского»; М. Дмитриев выступил на поприще со своими переводами из Шиллера и Гете. Последние составляли особый от нашего приход, который, однако, вскоре соединился с нами, или вернее, к которому мы с Шевыревым присоединились, потому что все наши товарищи, оставшиеся в постоянных, впрочем, сношениях, отправились в Петербург. Оппозиция Полевого в «Телеграфе», союз его с «Северной пчелой» Булгарина и желчные выходки Каченовского, к которому вскоре явился на помощь Надоумко (Н.И. Надеждин), давали новую пищу. А там Дельвиг с «Северными цветами», Жуковский с новыми балладами, Крылов с баснями, которые выходили еще по одной, по две в год, Гнедич с «Илиадой», Раич с Тассом, Павлов с лекциями о натуральной философии в университете».

Но кроме этих литераторов, прямо или косвенно связанных с домом на Тверской, Волконскую посещали В.А. Жуковский и Н.В. Гоголь. Ссыльный польский поэт Адам Мицкевич встретил в салоне Волконской самый сердечный прием, и мимо его стен не прошла ни любовь польского поэта к поэтессе Каролине Павловой, ни дружба Мицкевича с Пушкиным.

Но и сама княгиня Зинаида Волконская не была чужда литературных исканий. В 1819 году в Москве вышла ее книга на французском языке «Четыре новеллы» и среди них новелла «Лаура» – о молодой женщине, покинувшей высший свет из-за его пустоты и занявшейся литературой и искусством. Нетрудно догадаться, что той героине княгиня Волконская пыталась придать черты собственной жизни. Волконская написала и либретто для оперы «Жанна д'Арк» (1821), которое не было поставлено.

Поселившись в Москве, Волконская занялась русским языком и литературой, начала записывать народные песни и обряды и работать над своим главным произведением «Сказание об Ольге», так и оставшимся незавершенным.

Несмотря на то что в печати княгиня Волконская выступала очень мало (несколько стихотворений, отрывков и путевых очерков), ее литературный талант был оценен современниками и таким строгим, придирчивым критиком, как Белинский.

После восстания декабристов салон Волконской попал под строгий полицейский надзор, и хотя агенты доложили А.Х. Бенкендорфу, что гости Волконской говорят исключительно о литературе, она тяжело пережила наступившие трудные времена. В это же время многие из постоянных гостей ее салона или умерли, как Веневитинов, или просто покинули Москву и даже Россию, как Мицкевич. Княгиня пережила и внутреннюю, и религиозную драму, перейдя в католичество. В 1829 году она уехала за границу. Большую часть своей оставшейся жизни она прожила в Италии и только изредка наезжала в Россию, но всегда с особой теплотой вспоминала Москву.

Зинаида Волконская умерла в Италии в 1862 году, где и была похоронена. Современники навсегда сохранили память об этой замечательной женщине: «Всегда приветливая и ровная со всеми, она очаровывала своих многочисленных поклонников простотой обращения, сердечным участием к чужому горю, добрым, незлобивым отношением к людям и нередко, приписывая другим свои душевные качества, оказывала им незаслуженное расположение». «Княгиня Волконская была женщина умная и образованная: ее недаром называли Северная Коринна».

ФЕРДИНАНД ПЕТРОВИЧ ВРАНГЕЛЬ (1797—1870)
Барон, русский мореплаватель, адмирал.

Сведения о старинном роде Врангелей доходят до рубежа XII–XIII веков. Родоначальник этого рода служил королю Вальдемиру II и за верную службу получил земли в Эстляндии. Звался он Доминус Тукл, а фамилия Врангель была получена по названию поселения Варанга, вошедшего в его владения. Службу он продолжил в гарнизоне крепости Ревель, годом основания которой был 1219-й. В дальнейшем Врангели за службу были жалованы землями в Лифляндии и Эстляндии, получив их от магистров Ливонского рыцарского ордена, а наследственный титул баронов роду был дан в 1653 году.

Род этот был довольно-таки многочисленным и к концу XVI века распался на 20 самостоятельных ветвей. Большинство его представителей выдвинулись на военном поприще, а первым, кто достиг высшего военного звания фельдмаршала, был Карл Густав Врангель.

За боевые заслуги Врангели получили графский титул. Служили они не только государям Дании и Швеции, но и Германии, Испании и других государств. В период Северной войны под знаменами шведского короля Карла XII сражались 79 представителей этого рода, из которых в Полтавской баталии 1709 года на поле боя остались 13 человек и еще 7 погибли в русском плену. С середины XVIII столетия Врангели начинают служить российским монархам. Но не только 18 генералов и 2 адмирала составили славу роду, на гражданских службах они тоже достигают высших званий и должностей. Среди них 7 посланников, 11 членов государственного совета, министры, сенаторы, губернаторы. Род Врангелей внес вклад и в развитие науки и искусства. В этой связи стоит упомянуть профессора русского права, барона Егора Васильевича Врангеля. Он работал в законодательной комиссии М.М. Сперанского, преподавал в казанском и петербургском университетах, читал лекции в Царскосельском лицее и был преподавателем наследника государя. Когда было открыто училище правоведения, Егор Васильевич стал его инспектором.

А Николай Николаевич Врангель посвятил свою жизнь изучению истории искусства, став одним из лучших специалистов

в этой области. Его усилиями в 1901 году была открыта выставка русского портрета и издан ее каталог. В дальнейшем многие художественно-исторические выставки были устроены при его деятельном участии. Его перу принадлежит много исследовательских работ по искусствоведению, главная из которых – «История русской скульптуры» – стала частью коллективного труда «История русского искусства» под редакцией И.Э. Грабаря.

Среди представителей рода Врангелей-ученых особое место занимает Фердинанд Петрович Врангель, чье имя осталось на географических картах мира. Родители его были людьми небогатыми, так как его дед за отказ присягнуть новой императрице Екатерине II после переворота 1762 года лишился всего состояния и бежал за границу. Фердинанд Петрович родился в Пскове 9 января 1797 года. В возрасте 11 лет, потеряв родителей, он был определен в Морской кадетский корпус. Успешно закончив обучение в 1815 году, Фердинанд Врангель был произведен в мичманы, и уже через два года он отправился в первое плавание в должности младшего офицера на шлюпе «Камчатка» под командованием капитана В.М. Головнина. За два года плавания на шлюпе Врангель показал себя с наилучшей стороны, и по возвращении в Петербург Головнин дал ему прекрасную аттестацию, что позволило Фердинанду Врангелю стать лейтенантом.

Освоение северных берегов России началось с XVII века – казаки и промышленники частично описали их и нанесли на карты. Правда, эти карты не были достаточно точными и, кроме того, большая часть земель была еще не описана. Для проведения тщательной описи земель и уточнения карт правительством России было решено провести новую экспедицию в этот край. В состав экспедиции вошли два отряда – Колымский и Янской. По рекомендации Головнина Врангелю предложили возглавить Колымский отряд.

Фердинанд Петрович тщательно готовил экспедицию. Зимой 1819/20 года он сам занимался математикой, астрономией, физикой и минералогией. Для участия в экспедиции он пригласил мичмана Ф.Ф. Матюшкина, штурмана П.Т. Козьмина – людей, которых хорошо знал и был в них уверен. Большую помощь Врангелю оказал Иркутский генерал-губернатор М.М. Сперанский, взяв экспедицию под свое покровительство.

На Крайнем Севере Врангель пробыл четыре года. То время, когда позволяли погодные условия (весна – лето), он занимался исследованиями побережья, а зимой на базе в Нижнеколымске шла обработка полученных материалов. Результаты экспедиции

были высоко оценены учеными-географами. Врангелю удалось сделать ценные ледовые, геомагнитные и климатические наблюдения, собрать сведения о природных богатствах края и о населяющих его народах. Участники смогли удалиться от берега на 260 километров в попытках найти новые земли, используя рассказы местных жителей об их существовании. Новые земли найдены не были, но Фердинанд Петрович был уверен, что такие земли есть. Он писал в дневнике: «Если же на Севере существует земля, то для открытия ее должно быть предпринято путешествие после безбурной, морозной зимы, от мыса Якана, где, по показаниям жителей, неизвестная страна наиболее сближается с берегом Азиатского материка». Он даже нанес на карту место, где находится новая земля, снабдив отметку надписью: «Горы видятся с мыса Якан в летнее время». (В 1867 году рядом с отмеченным Врангелем местом на карте американец Лонг действительно нашел новую землю – остров стал носить имя Врангеля.)

В 1824 году, получив предписание о прекращении работ, Врангель вернулся в Петербург. Его деятельность на Севере была высоко оценена и императором Александром I, который наградил Фердинанда Петровича орденом Св. Владимира 4-й степени. Осенью того же года Врангель назначается командиром военного транспорта «Кроткий». Он должен был доставить на Камчатку оружие, продовольствие и снаряжение для русских поселенцев. С августа 1825-го и до сентября 1827 года длилось это плавание. Вернувшись в Петербург, Врангель представил в Морское министерство подробный отчет об этом путешествии, но он так и не был напечатан. Только в 1882 году были опубликованы метеорологические, гидрологические и океанологические наблюдения Врангеля во время этого путешествия, которые частично сохранились в министерском архиве.

В 1829 году Врангель был произведен в звание капитана 1-го ранга и принял должность главного правителя североамериканских русских колоний. В ноябре 1830 года он вместе с семьей прибыл в Ситху, где и оставался пять лет, управляя колониями. По окончании службы Фердинанд Петрович посетил Калифорнию, побывал в Мексике, и оттуда летом 1836 года он прибыл в Кронштадт.

В августе он был произведен в контр-адмиралы и назначен директором департамента корабельных лесов. Через два года к этой должности прибавилась еще одна – Фердинанд Петрович избирается заведующим делами русских колоний в Америке, а с 1840 года и главным директором Российской североамериканской кампании.

Врангелю принадлежит выдающаяся роль в создании

Русского географического общества. Вопрос о его организации начал обсуждаться в 1844 году. Им и его сподвижниками, Литке и Бэром, были разработаны проект и устав общества. И 7 октября 1845 года состоялось первое собрание членов общества. Врангель был избран председателем отделения общей географии. При обществе им был создан особый комитет, занимающийся вопросом о снаряжении научной экспедиции в Русскую Америку.

В 1849 году из-за разногласий с начальником Морского штаба Меншиковым Фердинанд Петрович подает в отставку и уезжает в свое имение Руиль в Эстляндской губернии. Но его опыт и знания вскоре снова были востребованы правительством – 58-летний контр-адмирал стал директором департамента гидрографии, затем председателем комиссии по пересмотру морских уголовных законов. В 1855 году он выбирается председателем ученого комитета и инспектором штурманов.

Чин адмирала Врангель получил в 1856 году, и в том же году он стал управляющим морским министерством. Его кипучая деятельность, огромная энергия и воля и также колоссальная работоспособность позволяли ему успевать делать множество дел. По его инициативе был создан Технический комитет, ведавший вопросами технического перевооружения флота. Он уделяет много внимания и недавно созданному журналу «Морской сборник». Врангель ставит вопрос о необходимости развития на Черном и Каспийском морях купеческого транспортного флота, назначает морских офицеров городовыми начальниками в портах на Черном и Азовском морях. Непомерное напряжение сил подорвали его здоровье, и в 1864 году Врангель окончательно выходит в отставку.

Узнав о продаже русским правительством Аляски в 1867 году, Фердинанд Петрович весьма отрицательно отнесся к этому. Последние шесть лет жизни он провел в уединении, но не переставал заниматься научной деятельностью. Ежедневно, пока мог выходить из дома и снимать показания приборов, он вел метеорологические наблюдения и запись в дневнике.

Весной 1870 года он решил посетить места, где прошло его детство. На обратном пути в Руиль он заехал к брату в Дерпт. Здесь он и скончался 6 июня 1870 года. Его последними записями стали воспоминания о создании Русского географического общества, начатые им по просьбе К.М. Бэра и законченные за несколько часов до смерти.

Именем Врангеля названы остров в Северном Ледовитом океане, гора и мыс на Аляске.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ГОРЧАКОВ (1798—1883) *Князь, государственный канцлер, дипломат.*

Княжеский род Горчаковых является ветвью князей Черниговских, ведущих начало от Рюрика. Основу роду положил князь Роман Иванович Козельский, по прозванию Горчак. Фамилию Горчаковы, полученную от прозвания, стали носить уже его сыновья – Андрей и Григорий. Вплоть до середины XV века о представителях рода Горчаковых нет точных сведений, хотя поколенная роспись рода представлена в Бархатной книге. В ней же имеются данные о делении рода на три самостоятельные линии по сыновьям Андрея Романовича – Владимиру, Мокею и Евстафию.

В XVI и XVII веках Горчаковы служили стольниками и воеводами, до чина окольничего дослужился лишь Борис Васильевич Горчаков. Начав службу жильцом, он в 1653 году был пожалован в стряпчие, а через пять лет стал стольником. В том же звании он служил царевичу Федору Алексеевичу, который, став царем, послал Бориса Васильевича воеводствовать сначала в Нижний Новгород, а потом во Владимир. Звание окольничего было дано ему в 1682 году, тогда же он был назначен вторым воеводой в Киев. Борис Васильевич участвовал в Соборе, принявшем решение об отмене местничества. Последние годы жизни он провел в Астрахани на воеводской должности.

В XVIII и XIX веках род Горчаковых дал России целую плеяду военных деятелей, среди которых наиболее известным был князь Андрей Иванович Горчаков. Был он племянником А.В. Суворова и с детства мечтал стать военным, наверное, не без влияния дяди. Под его началом он участвовал в Итальянском и Швейцарском походах. В этих походах он отличился храбростью: в сражении на реке Тидоне князь несколько раз водил в атаку два казачьих полка, что во многом и привело к победе. Теперь на него стали смотреть не как на племянника Суворова, а как на генерал-майора Горчакова.

В следующую войну с Наполеоном он дрался под Гейльсбергом и Фридландом. В последнем бою, командуя четырьмя пехотными дивизиями и большей частью конницы,

удерживал позицию, даже когда все уже отступали.

В Отечественной войне 1812 года и в заграничных походах русской армии Горчаков принимал участие во всех боевых действиях, о чем свидетельствовали награды. Он одним из первых был ранен в Бородинском сражении. Наградой за мужество и воинскую доблесть, проявленную в этой битве, стал Св. Георгий 3-й степени.

Следующую (2-ю) степень этого почетного воинского ордена он получил за взятие Парижа. Корпус Горчакова был в составе частей генерала Раевского, и именно ему надлежало атаковать центр неприятельской позиции – пространство между Пантеном и Венсеном, где находились части французского маршала Мармона.

В точно назначенное диспозицией время Горчаков начал атаку. Его поступательное движение совпало с наступательными действиями французов, вознамерившихся вернуть потерянные накануне Пантен и Роменвиль. Пехота корпуса Горчакова атаковала левое крыло французов и заняла Монтрель и Баньоле. Тут же кавалерия корпуса ринулась вперед – через Монтрель к Шарону. Их совокупные усилия парализовали решимость французов. Остановив противника, Горчаков при содействии Паскевича начал теснить их и вынудил откатиться до Мениль-Монтана и Бельвиля. Русские генералы понимали, что, взяв Бельвиль, они могут добиться от французов капитуляции, так как этот район был последним рубежом обороны Парижа с восточной стороны, и его падение не оставляло французам уже никаких надежд. Они поставят французов перед выбором – капитуляция или уличные бои и, зная противника, не сомневались в выборе.

Русские войска, воодушевленные скорым победоносным окончанием долголетней кровавой брани, неудержимо шли вперед. Их не смущала ни жестокая артиллерийская канонада, ни выгодность позиции для их противника и невыгодность ее для них самих; их не могло уже сдержать и самое сильное препятствие – мужество противника, хотя тот и дрался с одержимой храбростью отчаяния.

Горчаков взял Шарон, и русские батареи, поставленные здесь, начали осыпать ядрами уже сам Париж. И город пал. Всеобщее ликование охватило войска. Орденский дождь пролился на счастливых победителей, в числе которых по праву значился и генерал князь Горчаков…

Начав с карьеры военного, многие в дальнейшем меняли ее на гражданскую службу. Причины тому были разные, и не всегда хорошие военные становились такими же хорошими чиновниками. Примером тому может служить деятельность Алексея Ивановича Горчакова. Родился он в 1769 году и, получив

прекрасное домашнее образование, в возрасте 12 лет был зачислен в лейб-гвардии Преображенский полк. В 17 лет он был переведен в армию с присвоением ему звания капитана. Боевое крещение он принял в сражениях русско-турецкой войны 1787—1791 годов. На второй год войны он командовал канонерской лодкой в сражении с турецким флотом под Очаковом, а во время штурма крепости, уже в чине подполковника, – авангардом. За храбрость Алексей Иванович Горчаков был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. В 1789 году он участвует в осаде турецких крепостей Аккерман и Бендеры. Эту войну он закончил в звании полковника и командиром Азовского пехотного полка.

Затем была война с Польшей (1792—1794). Находясь под командованием А.В. Суворова, Горчаков отличился в ряде сражений, что было отмечено наградами. Потом Павел I отправляет его в отставку, а Александр I вновь возвращает на службу.

В 1804 году Алексей Иванович назначается сенатором, что ознаменовало его переход на гражданскую службу с сохранением воинских званий. В августе 1812 года он становится военным министром, правда, этот пост он получил не за особое доверие к нему императора, а как самый старший среди всех других генералов министерства. Под его руководством завершается начавшаяся реорганизация военного министерства, но основной его обязанностью было снабжение армии. С поставленной задачей он не справился, и в 1815 году императором была назначена специальная комиссия для проверки. Комиссия выявила причастность Горчакова к злоупотреблениям и хищениям в провиантском ведомстве, что и стало причиной его увольнения с занимаемого поста. В 1816 году Алексей Иванович уезжает за границу, где в следующем году и умирает в возрасте 47 лет.

Но среди Горчаковых были и выдающиеся государственные деятели, занимавшие высокие посты на гражданской службе. В историю российской дипломатии «золотыми буквами» вписано имя Александра Михайловича Горчакова, чья жизнь и деятельность были связаны с XIX столетием.

Родился Александр Михайлович 15 июня 1798 года в Гапсале в военной семье. Отец его – генерал-майор Михаил Алексеевич Горчаков – по долгу службы часто получал назначения в разные города, и семья жила то в Гапсале, то в Ревеле, то в Петербурге. Воспитанием детей, а их было в семье пятеро – четыре дочери и сын, занималась мать, Елена Васильевна Ферзен. Начальное образование Александр получил дома, а затем окончил гимназию в Петербурге.

В 1811 году он «выдержал блистательно» приемные экзамены

и поступил в Царскосельский лицей. Здесь он учился в одном классе с А.С. Пушкиным, который посвятил ему одно стихотворение, предсказав блестящее будущее:

Тебе рукой Фортуны своенравной
Указан путь и счастливый и славный.

В лицее Горчаков получает прозвище «Франт» и принимается в братство 30 мальчишек. Проведя в лицее шесть лет, он оканчивает его с золотой медалью за «примерное благонравие, прилежание и отличные успехи по всем частям наук».

В возрасте 19 лет молодой князь начал дипломатическую карьеру в МИДе в чине титулярного советника. Его первым учителем и наставником стал статс-секретарь по восточным и греческим вопросам граф И.А. Каподистрия, с которым Александр Горчаков в составе русской делегации участвовал в работе конгрессов Священного союза в Троппау, Лайбахе и Вероне. И если с наставником отношения молодого дипломата были прекрасными, то у графа К.В. Нессельроде, статс-секретаря по западноевропейским делам, Горчаков расположением не пользовался. Граф Нессельроде всячески тормозил его продвижение по службе. В конце 1819 года Горчаков получает звание камер-юнкера, а вскоре и должность секретаря российского посольства в Лондоне, о чем он давно мечтал.

С началом службы в МИДе Горчаков хорошо усвоил тонкости дипломатического искусства и не вмешивался в борьбу ведомственных группировок министерства, а занимался совершенствованием своих профессиональных навыков. Получив назначение в Лондон, он начал быстро делать карьеру: 1820 год – секретарь посольства, 1822 год – первый секретарь, 1824 год – чин надворного советника, что свидетельствовало о признании императором способностей и талантов молодого дипломата.

В Лондоне Горчаков оставался до 1827 года. Его отношения с послом России Ливеном оставляли желать лучшего, и Александр Михайлович покидает Лондон «по причине ухудшения здоровья». Он переводится на должность первого секретаря в Рим – место менее престижное, чем Лондон. Здесь Горчаков заводит полезные знакомства, среди которых дочь Жозефины Богарне, Гортензия, мать будущего французского императора Луи Наполеона, изучает греческий язык и вникает в состояние дел на Балканах. Через год он переводится в Берлин советником посольства, но вскоре снова возвращается в Италию в качестве поверенного в делах.

До своей отставки Горчаков служил во Флоренции и Лукке, был посланником в Тоскане, советником посольства в Вене. В

отставку он вышел в 1838 году в чине статского советника. Уход со службы был вызван не только женитьбой на Марии Александровне Урусовой, брак с которой укрепил позиции Горчакова при дворе, так как семья жены была богата и влиятельна, но и отношениями с графом Нессельроде, которые были далеки от дружественных. Александр Михайлович в тайне надеялся, что отставка не будет принята, но ее приняли, чем сильно задели честолюбивого дипломата.

Шло время, жизнь в столице и развлечения при дворе сгладили горечь ухода со службы. Александр Михайлович все ждал, что его снова пригласят занять должность в МИДе, но приглашения не поступало. Видя беспокойство зятя, граф Урусов начинает содействовать его возвращению на службу.

Вернувшись в МИД, в 1841 году Горчаков был направлен чрезвычайным посланником и полномочным министром в Вюртемберг. Назначение казалось второстепенным, но на самом деле германский вопрос был одним из центральных в европейской политике России. В Петербурге внимательно следили за внутренними процессами в германских государствах, за борьбой между Австрией и Пруссией, желавших играть руководящую роль в объединении Германии. Задача Горчакова сводилась к поддержанию авторитета России как покровительнице германских стран и умелому использованию противоречий, так как создание на границах империи сильной единой Германии для России было небезопасно. Связи дипломата при дворе вюртембергских князей помогали Горчакову передавать в Петербург уникальный материал о тайных планах правительств стран Германского союза. Деятельность Александра Михайловича была оценена высоко. Король Вюртемберга наградил его орденом Большого креста, а император Николай I представил его к орденам Св. Анны и Св. Владимира. В 1850 году Горчаков получает назначение на должность чрезвычайного посланника и полномочного министра при Германском союзе.

В 1853 году Александр Михайлович перенес личную трагедию – смерть жены, с которой они счастливо прожили 15 лет. На его плечи легла забота о своих сыновьях и о детях от первого брака Марии Александровны. Забота об их воспитании не помешала ему продолжать активную дипломатическую деятельность, которая приобрела особый вес накануне Крымской войны. В эти трудные для России годы Горчаков еще раз заявил о себе, как о дипломате высшего класса.

В 1854 году он получает назначение на должность посла в Вену. На стороне Турции уже выступили Англия и Франция. Австрия все еще колебалась, и задача Горчакова сводилась к

устранению Австрии как возможной союзницы Турции в борьбе с Россией. Задача была весьма сложной, и Николай I, провожая Горчакова в Вену, сказал ему: «Я доверяю Вам. Но я совсем не надеюсь, что Ваши усилия увенчаются успехом». Прибыв в Вену, Александр Михайлович лично убедился в ненапрасных опасениях императора. Он сразу сообщил в Петербург о стягивании австрийских войск к Трансильвании, что угрожало русской армии на Дунае, о требовании вывода русских войск с территории Дунайских княжеств, о попытках австрийского правительства вовлечь в войну с Россией и Пруссию. Имея большой авторитет в дипломатических кругах и приложив огромные усилия, Горчакову удалось предотвратить вступление Австрии в Крымскую войну.

На Парижском конгрессе, начавшем работу в феврале 1856 года, интересы России представляли дипломаты А.Ф. Орлов и Ф.И. Бруннов. Героическая оборона Севастополя, взятие русскими войсками Карса и успешная работа Горчакова по ослаблению антирусской коалиции сыграли важную роль в уважительном отношении участников конгресса к российской делегации. В Париже самого Горчакова не было, а когда работа конгресса была завершена, он уже находился в Петербурге. Его успешная деятельность по защите интересов России была высоко оценена новым императором Александром II.

Проигранная война и крах дипломатической политики графа Нессельроде заставили Александра II изменить направление внешней политики России и начать преобразовывать внутреннее управление. Нужен был новый министр иностранных дел, и главой МИДа становится Александр Михайлович Горчаков. Император надеялся, что князь сумеет восстановить престиж страны, подорванный поражением в Крымской войне.

Новое направление внешней политики министр Горчаков изложил в циркуляре от 21 августа 1856 года и в личном докладе императору. В нем подчеркивалось желание правительства посвятить «преимущественную заботливость» внутренним делам, распространяя деятельность за пределы империи, «лишь когда того безусловно потребуют положительные пользы России». Отказ от активной внешнеполитической деятельности носил временный характер, что подтверждается фразой Горчакова: «Говорят, Россия сердится. Нет, Россия не сердится, а сосредотачивается». Это означало, что Россия временно не станет активно вмешиваться в европейские дела и не будет жертвовать своими интересами ради поддержки принципов Священного союза, она будет собираться с силами.

Одну из основных своих задач новый министр видел в отмене унизительных статей Парижского договора о нейтрализации

Черного моря. Следовало также восстановить утраченное влияние на Балканах. Решение этих задач требовало поиска новых путей и дипломатических комбинаций.

Для решения этих задач нужны были новые люди. Формируя аппарат министерства, Александр Михайлович руководствовался профессиональной подготовкой сотрудников и их политической ориентацией. Он сократил аппарат МИДа, усилил ответственность руководителей отделов за принимаемые решения, ликвидировал мелочную опеку старших над младшими. Авторитет нового министра, его разумная требовательность к подчиненным, доверительные отношения с государем и реорганизованный аппарат позволили Горчакову уже в 1856 году приступить к реализации новой внешнеполитической программы.

Для ее решения Горчаков сделал ставку на Францию как на наиболее реального союзника. Он считал, что Восток для Наполеона III «является только мелочью», для французского императора важна территория до Рейна. В сентябре 1857 года была достигнута договоренность с Наполеоном III, который в обмен за поддержку Россией своих планов обещал действовать в пользу России в ближневосточных делах. Положительным результатом сближения с Францией было установление сотрудничества на Балканах. Начав с согласованных действий в поддержку Черногории, Россия и Франция вместе выступили в вопросе об объединении Дунайских княжеств и расширении их автономии. Горчаков понимал, что объединение княжеств, ослабляя Турцию, наносит удар и по Парижскому договору, где фиксировалось их обособление. Когда же Турция стала готовить интервенцию против молодого румынского княжества, Горчаков предупредил ее о недопустимости таких действий. Александр Михайлович неоднократно поднимал вопрос о необходимости созыва международной конференции для обсуждения положения христиан, подданных Османской империи. Но предложение российского министра наталкивалось на отказ Англии и пассивность Франции в этом вопросе.

К разрыву союзных отношений между Россией и Францией привели события в Польше в 1861—1863 годах. Как отмечал Горчаков, польский вопрос касался не только России – «он был камнем преткновения для всех держав». В начале 60-х годов французский император стал активно поддерживать польскую эмиграцию во Франции, а еще ранее им поднимался вопрос о статусе Польши, что вызывало явное неудовольствие Александра II. После польского восстания 1863 года времени согласованных действий Франции и России пришел конец.

Это было время, когда Горчаков находился на вершине

карьеры. Выполняя обязанности министра, он в 1862 году становится вице-канцлером и входит в состав высших государственных учреждений России. Теперь ему снова приходилось искать нового союзника во внешнеполитических вопросах России. Таким союзником становится Пруссия. Бисмарк, давно желавший объединить Германию «железом и кровью», первым начал предпринимать шаги для сближения двух стран. Поддержка России была ему необходима.

В начале 1863 года в Петербурге была подписана секретная русско-прусская конвенция о взаимной помощи «для восстановления порядка и спокойствия, с предоставлением отрядам как русским, так и прусским права перехода через государственную границу в тех случаях, когда это оказалось бы нужным для преследования повстанцев». У Горчакова, а также у военного министра Милютина эта конвенция вызвала негативную реакцию. Они посчитали ее «ненужной и опасной». И не ошиблись. Узнав о ней, Франция, Англия и Австрия выступили с протестом по поводу ее заключения и стали настаивать на восстановлении в Польше конституции 1815 года. Стремясь смягчить конфликт, Горчаков напомнил представителям этих стран о единстве интересов в борьбе с революциями, но в то же время заявил, что польский вопрос – это внутреннее дело России. Русским послам за границей было предписано прекратить все переговоры по польским делам.

Восстание в Польше было подавлено, а расхождения России с Англией, Австрией и Францией, выявленные в последние годы, были успешно использованы Бисмарком для сближения с Россией. В результате политики Горчакова Россия сохраняла нейтралитет в войне Пруссии с Данией (1864), Австрией (1866) и Францией (1870—1871). Поражение Франции дало возможность Горчакову, ставшему канцлером в 1867 году, объявить об отказе России от 2-й статьи Парижского договора о нейтрализации Черного моря и добиться признания этого державами на международной конференции в Лондоне в 1871 году. Заметим, что ликвидация 2-й статьи стоила Горчакову больших усилий. В заявлении России говорилось, что Парижский договор 1856 года неоднократно нарушался державами, подписавшими его. Договор этот ставит Россию в несправедливое и опасное положение, так как Турция, Англия и Франция имеют военные эскадры в Средиземном море. При согласии Турции появление иностранных судов в военное время в Черном море «могло явиться посягательством против присвоенного этим водам полного нейтралитета» и делало Причерноморское побережье открытым для нападения. Поэтому Россия «не может долее считать себя

связанной» с положением 2-й статьи договора, представляющей угрозу ее безопасности, но остальные статьи обязуется соблюдать. Такое заявление было подобно взрыву бомбы, но Горчаков рассчитал все правильно. При сложившейся ситуации Англия и Австро-Венгрия ограничились лишь словесными протестами, Франция была занята собственными делами, а Бисмарку, хотя он был сильно раздражен заявлением России, пришлось выполнять свои обещания в ее поддержку. Неожиданная поддержка России была оказана со стороны Соединенных Штатов, которые заявили, что никогда не признавали ограничения России на Черном море.

Теперь Россия могла иметь на Черном море флот и строить на побережье военно-морские базы. Отмена унизительных статей Парижского договора явилась крупным успехом российской дипломатии, и этот успех общественное мнение справедливо приписывало Александру Михайловичу Горчакову. Сам он считал решение этой важной задачи главным делом своей внешнеполитической деятельности. В марте 1871 года он был пожалован титулом Светлости, начав именоваться (с нисходящим потомством) светлейшим князем.

Горчаков сыграл ключевую роль в создании «Союза трех императоров» (1873), пытаясь использовать его для подготовки будущей войны с Турцией.

Русско-турецкая война 1877—1878 годов велась под флагом освобождения балканских народов от власти Турции. При ее успешном завершении Россия рассчитывала утвердить свое влияние на Балканах. Во время войны Горчаков направил большие усилия для обеспечения нейтралитета европейских государств. В марте 1878 года был подписан мирный договор с Турцией в Сан-Стефано, согласно которому России возвращалась Южная Бессарабия, отторгнутая по Парижскому договору 1856 года. Успех русской армии в войне с Турцией и выгодный для России мирный договор были сведены к нулю на Берлинском конгрессе. Россию на конгрессе представлял Горчаков, и как он писал Александру II: «Берлинский трактат есть самая черная страница в моей служебной карьере». Из-за противодействия Англии и Австро-Венгрии Россия лишилась плодов победы. На конгрессе произошел разрыв Горчакова и Бисмарка.

Еще три года после Берлинского конгресса Горчаков стоял во главе министерства иностранных дел. Он по-прежнему прилагал усилия для сохранения стабильности в стране и «равновесия сил» в Европе. Но годы брали свое, и в 1880 году он уезжает за границу для лечения, сохранив за собой пост министра. Уже без его участия в 1881 году прошли переговоры в Берлине, приведшие к заключению русско-германско-австрийского союза. В марте 1882

года Горчаков уходит в отставку с поста министра иностранных дел, сохранив за собой чин государственного канцлера и должность члена Государственного совета. Отойдя от активной политической жизни, он часто проводит время с друзьями, много читает, диктует воспоминания о своей жизни и дипломатической деятельности – прекрасную память он сохранил до последних дней.

Александр Михайлович Горчаков прожил долгую и интересную жизнь и скончался в Баден-Бадене 11 марта 1883 года. Похоронен он был в Петербурге, в фамильном склепе рядом с женой и старшим сыном.

ГЕЛЬМУТ КАРЛ БЕРНГАРД ФОН МОЛЬТКЕ (1800—1891) *Граф, генерал-фельдмаршал (1871).*

Мольтке – старинный дворянский род, происходивший из Мекленбурга, был известен еще в XIII веке. Представители рода с давних времен посвящали себя военному делу. В XIII веке под предводительством Генриха Льва они сражались со славянскими племенами, жившими на берегах Эльбы. В дальнейшем они расселились по Германии, Дании, Норвегии и Швеции. В Швеции они породнились с королевским домом Ваза. Затем род разделился на две ветви – мекленбургскую и датскую. Датская ветвь дала двух министров – Адама-Вильгельма Мольтке, ставшего первым министром в Дании в 1848—1852 годах, и Карла Мольтке, занимавшего несколько раз министерский пост, а в 1849 году получившего назначение посланником в Россию. Стоит упомянуть и Адама Мольтке, который в начале XIX века был настолько увлечен революционными идеями, что даже отказался от графского титула.

Гельмут Мольтке принадлежал к мекленбургской вести рода, хотя он и его предки были тесно связаны с Данией. Дед будущего фельдмаршала был женат на француженке – дочери бежавшего из Франции протестанта, а отец женился на дочери богатого купца из Любека, тем самым породнив аристократию с купеческим сословием. После разорения французами Любека, он купил имение в Голштинии, которая принадлежала в то время Дании, и стал датским поданным. Вскоре на семью обрушились новые несчастья – тесть-купец разорился, а приобретенное имение сгорело при пожаре. Чтобы избежать бедности, отец Гельмута поступил на службу в датскую армию. Его сын Гельмут появился на свет 26 октября 1800 года в городе Пархиме и при крещении был наречен Гельмутом Карлом Бернгардом. В своей семье мальчик прожил недолго. В возрасте девяти лет он был отдан на воспитание в дом одного священника, а в 11 лет поступил в кадетский корпус, расположенный в Копенгагене. Молчаливый и застенчивый по характеру, Гельмут упорно и много занимался и из класса в класс всегда переходил с наградой за отличную успеваемость. В 1818 году он блестяще сдал экзамен на офицерский чин. Так как в кадетском корпусе он обучался за казенный счет, то после его окончания он должен был отслужить

год при датском королевском дворе. Через год он был зачислен в пехотный полк в Рендсбурге, решив связать свою жизнь с армией.

Как и его отец, Гельмут служил в датской армии, но в 1822 году он перешел на прусскую военную службу, а через год поступил в Военную академию в Берлине, начальником которой был в это время К. Клаузевиц.

В 1826 году после окончания с отличием академии Мольтке вернулся в свой полк. В начале 1827 года он был назначен начальником дивизионной школы, в которой вел подготовку фенрихов (прапорщиков) с таким знанием дела, что его уже в 1828 году причислили к генеральному штабу, а в 1833 году перевели работать в него.

В 1835 году Мольтке в звании капитана совершил большое путешествие на Восток. В Константинополе он был представлен султану Махмуду II и по его просьбе остался в качестве инструктора в турецкой армии. Здесь он принял участие в реорганизации турецкой армии, руководил работами по укреплению Рущука, Силистрии, Варны и Шумлы и в 1839 году участвовал в походах на курдов и египтян в Сирию.

После смерти Махмуда II в 1839 году Мольтке вернулся в Пруссию, где получил назначение в штаб 4-го армейского корпуса.

В 1848 году Мольтке был назначен начальником отделения большого генерального штаба, а в августе того же года – начальником штаба корпуса, командиром которого был принц Вильгельм Прусский (будущий император Вильгельм I).

Принц быстро оценил знания и жажду деятельности своего начальника штаба, их обоих сблизили мечты о войне для обновления и расширения Пруссии. По инициативе Мольтке в Магдебургском офицерском собрании была организована военная игра, которая смогла проявить всю эрудицию Мольтке и его удивительную способность к разрешению любых стратегических и организационных вопросов.

В 1850 году Мольтке был произведен в подполковники, в 1851-м – в полковники, а четыре года спустя – в генерал-майоры с назначением сопровождать сына наследного принца Вильгельма принца Фридриха (впоследствии императора Фридриха III) в Санкт-Петербург, Москву, Париж и Лондон. Это путешествие дало Мольтке возможность изучить быт, нравы и обычаи важнейших дворов Европы, увидеть и оценить их армии и командный состав.

В 1857 году Мольтке был назначен на пост начальника генерального штаба и получил полную возможность воплотить в жизнь свои идеи. Старую систему прусской армии Мольтке усовершенствовал, поставив целью создать такую армию, которая

была бы всегда готова к полному напряжению своих сил. Он достиг этого созданием однообразных по силе и устройству высших войсковых единиц и подготовкой резерва, чтобы с момента объявления войны иметь большую готовность, превосходство в силах, а следовательно, и инициативу в действиях.

Мольтке основывал всю мирную подготовку на строгом расчете, доходившем до мелочей предусмотрительности, на устранении возможных случайностей. Среди своих подчиненных Мольтке неустанно проводил идею, что первое же столкновение с противником есть экзамен всех соображений и расчетов. И не выдержать этот экзамен – значит доказать несостоятельность высшего командного состава армии.

При Мольтке было дано истинное назначение прусско-германскому генеральному штабу, который должен был тщательно изучать не только военные, но и политические, технические, промышленные условия, учитывать их влияние на ведение войны и стараться использовать их наилучшим образом в военное время.

Его точно рассчитанная тактика требовала точного и строгого исполнения и не допускала ни малейших отклонений. Мольтке не был противником инициативы своих подчиненных, но лишь постольку, поскольку эта инициатива служила осуществлению его идей, его планов в желаемом им смысле и направлении. Малейшая ошибка в исполнении могла тем более вредить его комбинациям, чем точнее они были рассчитаны. С этой целью ему были везде нужны непосредственные представители, которые могли бы руководить исполнителями задуманного им дела, наблюдать за ними и направлять их. Все это делало германский генеральный штаб как бы отражением личности самого Мольтке. Офицеры генерального штаба стали не только его воспитанниками, но и его доверенными агентами, через которых армия усваивала его взгляды, виды и цели. Старшие начальники признавали авторитет Мольтке, зная о его особых отношениях с императором, и понимали, что не подчиниться Мольтке равносильно немедленному оставлению службы. Он давал о себе знать везде, и в этом у него было много общего с Наполеоном.

Система ведения войны, примененная Мольтке, была основана прежде всего на подготовке орудия войны к действию во всех отношениях. Стратегия Мольтке основывалась на действиях, почти без применения военной хитрости, с расчетом исключительно на сокрушительную мощь превосходящих сил.

Вступив в роль стратега 64 лет от роду, не командовав до этого времени какой бы то ни было крупной войсковой массой,

Мольтке, тем не менее, сразу показал себя человеком вполне привычным к командованию войсками и управлял ими твердо и без колебаний. Успешно разрешив сложную задачу управления полумиллионной армией путем разделения ее на несколько отдельных армий, Мольтке оставил за собой лишь постановку общих целей, детали же управления предоставил командующим армиями. Он вмешивался в детали исполнения в случае крайней необходимости.

Прусская армия была готова броситься на врага, точно зная, что и как нужно делать. Первый опыт войны с Данией 1864 года, которая велась в союзе с Австрией, нужен был Мольтке для того, чтобы увидеть на деле все плюсы и минусы австрийской армии. Как только Дания была раздавлена, Мольтке сразу же принялся за составление плана войны с Австрией, принимая во внимание медлительность австрийцев, нерешительность их генералов и поставив залогом успеха быстрое наступление с целью захватить противника врасплох.

Перед началом войны 1866 года был созван военный совет, на котором Мольтке доложил свой план действий против Австрии. Против этого плана высказался начальник штаба 1-й армии генерал Фохтс-Рец, но военный совет принял план Мольтке, который воспроизвел план Фридриха Великого 1757 года – наступление на Богемию по горным проходам.

В целях выигрыша времени Мольтке использовал все имевшиеся в его распоряжении железные дороги для переброски прусских войск на фронт протяженностью свыше 400 километров. Его замысел состоял в том, чтобы быстрым концентрическим наступлением через пограничный горный пояс сосредоточить свои армии в центральной части северной Богемии. Первоначально план Мольтке предусматривал два варианта действий. Если бы выяснилось, что предполагаемая позиция австрийцев в район Йожефштадта за Эльбой окажется неустойчивой, то армия кронпринца маневром в восточном направлении должна была нанести удар во фланг, в то время как две другие армии должны были сковать австрийцев с фронта. Если бы проводить наступление оказалось нецелесообразным, то все три армии должны были двинуться в западном направлении, переправиться через Эльбу в районе Пардубице (42 километра восточнее Колина), а затем, повернув на восток, создать угрозу коммуникациям противника, идущим в южном направлении.

Однако потеря времени, вызванная нежеланием короля Вильгельма I оказаться в роли агрессора, вынудила Мольтке применить действия, не входившие в его расчет. К тому же прусский кронпринц Фридрих, считая, что Силезия может

оказаться в опасности, добился согласия Мольтке на переброску своей армии для охраны этой провинции на юго-восток.

Австрийская армия Бенедека, опасаясь, что прусские войска опередят ее в развертывании и открытии боевых действий, сумела сосредоточиться первой, лишив Мольтке возможности выйти в намеченный район первоначального сосредоточения. Австрийцы оказались на левом берегу Эльбы, сосредоточив свои войска еще ближе, чем предполагал начальник генерального штаба.

Эти обстоятельства сыграли на руку Мольтке, который еще более оторвался с армией кронпринца от остальных прусских армий и теперь занял еще более выгодную позицию и мог угрожать одновременно флангу и тылу противника. Рассредоточением сил на достаточно широком фронте Мольтке обеспечил себе большую свободу действий, чем Бенедек, войска которого были сосредоточены на фронте протяженностью 65 километров.

Диспозиция войск Мольтке настолько обеспокоила Бенедека и спутала все его планы, что прусские войска, несмотря на большое количество допущенных ошибок, сначала сумели прорваться через горы, а затем нанести решающее поражение австрийским войскам под Кенигрецем (Садовой). Фактически Бенедек потерпел поражение еще до сражения, послав телеграмму Францу-Иосифу, в которой настаивал на немедленном заключении мира ввиду охвата его фланга войсками кронпринца.

Война 1866 года внушила прусской армии безграничную веру в свои силы и в военные таланты руководителя генерального штаба.

Считая выгодным использовать сложившийся успех, Мольтке полагал необходимым уже весной 1867 году начать наступательную войну против Франции. Еще в 1855 году, побывав в Париже и познакомившись с французским генералитетом, Мольтке не мог не заметить признаки близкого падения блестящей французской монархии с ее блестящей по внешности армией. От него не ускользнули либерализм дешевого сорта, нелюбовь французского общества к офицерам, отсутствие военных знаний и застой военной мысли у большей части офицерского состава французских войск. Редактируя историю Итальянской войны 1859 года, Мольтке понял, что хотя французская армия и одержала победу, однако при этом давно утратила былые наполеоновские традиции. Никаких улучшений сделано не было, и во французской армии господствовала полная беспечность: отсутствовали серьезные резервы, материальная часть была недостаточно полной.

Ситуация, однако, не благоприятствовала немедленному началу военных действий, и потому нападение было временно отложено. Зимой 1868/69 года Мольтке составил новый план войны и уже весной представил его на рассмотрение Вильгельму I. Составленный Мольтке план действий против Франции был принят Вильгельмом I без обсуждения его на военном совете.

Свою идею войны с Францией Мольтке почти целиком заимствовал у Клаузевица. Она заключалась в том, чтобы вторгнуться во Францию тремя параллельными колоннами, проходя между Мецем и Страсбургом, и, отбросив все французские войска к северу, изолировать их там от остальной Франции и от Парижа. Мольтке основывал свой успех на более быстрой мобилизации, на превосходстве в силах, на уверенности застать французов врасплох, в минуту их приготовления к войне, и на вероятности встретить у противника крайнюю нерешительность в предположениях и планах действий, а следовательно, на возможности сразу же нанести ряд сильных ударов. Мольтке принял во внимание и невыгодные для себя условия, учитывая возможные случайности и способы противодействия противника.

В соответствии с доктриной Клаузевица Мольтке искал тактического успеха простейшим путем и, отказываясь от обходов, которые в это время были уже легко обнаруживаемы противником, довольствовался охватами, представляющими меньший риск.

Все это блестяще проявилось в франко-германской войне 1870—1871 годов, руководство в которой боевыми действиями всех германских вооруженных сил осуществлял непосредственно Мольтке.

В 1870 году Мольтке собирался дать сражение французским войскам на реке Саар, где должны были сосредоточиться все три его армии. План Мольтке не был осуществлен в результате того, что французские войска оказались парализованными значительно раньше, чем Мольтке приступил к реализации своего замысла. Все объяснялось тем, что 3-я немецкая армия (которой командовал кронпринц Фридрих-Вильгельм), действовавшая на левом фланге, пересекла границу далеко к востоку и разбила французский отряд у Вейсенбурга. Затем, продолжая наступление, она окружила и разгромила под Вертом (50 километров южнее Мангейма) правофланговый корпус французов раньше, чем успели подойти другие французские войска. Влияние этих случайных, разрозненных боев оказалось важнее спланированного крупного сражения. Теперь вместо соединения с главными силами армии кронпринца была предоставлена

возможность двигаться самостоятельно на большом удалении от основной группировки противника. Поэтому она не принимала участия в плохо организованных сражениях под Вьонвилем и Гравелотом, тем более что расположение там французских войск было таковым, что она едва ли смогла действовать там с пользой, даже если бы находилась ближе. В результате 3-я армия невольно сыграла важную роль на завершающем этапе сражения.

Когда главные силы французской армии, выстоявшие в сражении под Гравелотом, отошли в сторону одного из своих флангов и к Мецу, они легко могли оторваться от выдохшихся 1-й и 2-й немецких армий. Однако, опасаясь перехвата его войск 3-й немецкой армией, Базен решил закрепиться в Меце. Это дало возможность немцам восстановить взаимодействие, а французы, напротив, утратили его в период бездеятельности, который наступил после того, как они покинули открытое поле. В результате Мак-Магон вынужден был начать свои плохо продуманные и еще хуже осуществленные действия по оказанию помощи Мецу.

3-я армия по-прежнему беспрепятственно двигалась к Парижу и теперь круто изменила направление своего движения с западного на северное, обошла с фланга армию Мак-Магона и вышла ей в тыл. Все это привело к окружению французской армии, и она была вынуждена капитулировать в Седане.

При всей своей необыкновенной способности к хладнокровию, или, вернее, холодно-расчетливой работе в кабинете, Мольтке во время боевых действий иногда терял спокойствие духа и часто портил то, что великолепно обдумывал, сидя у себя в кабинете. Так, 17 августа после сражения при Вьонвиле-Марс-ла-Туре он не принял мер к разведке направления отступления Базена, на следующий день остался на правом фланге, когда решительные события произошли на левом, и продолжал усиливать войска правого флага. Накануне Седана он не объединил действия 3-й и Майнской армий. Все это показывает, что Мольтке можно считать образцом начальника генерального штаба, но никак не новым Наполеоном.

Сходство кампаний 1866 и 1870 годов заключается в том, что как в той, так и в другой обе воюющие стороны были формально готовы к войне, и в том, что верховное командование обеих сторон допустило массу ошибок, но, несмотря на ошибки, допущенные Мольтке, исход обеих войн был быстро решен. Прямолинейность решений Мольтке кажется такой лишь на первый взгляд. В действительности они отличались большой гибкостью.

Мольтке первый учел влияние современных факторов на

ведение военных операций, положил основание современной стратегии и создал целую плеяду блестящих представителей военной науки (А. Шлиффен, Э. Людендорф и др.). В последние годы жизни Мольтке работал над составлением планов нападения на Францию, Австрию и Россию. Затем, уже после заключения союза с Австрией, он планировал нападения на Францию и Россию силами Германии, Австро-Венгрии и Италии.

Около 30 лет Мольтке оставался во главе генерального штаба и за этот долгий срок воспитал несколько поколений офицеров генерального штаба, дал его организации и деятельности устойчивость и органическую целостность.

В 1888 году он по собственной просьбе был уволен со своего поста и занял пост председателя комиссии народной обороны. На своих выступлениях в рейхстаге Мольтке впервые отказался от роли «великого молчальника», как его называли раньше. Депутатов рейхстага выступления Мольтке поражали логикой и убежденностью.

У Мольтке не было врагов – все видели за его холодной внешностью, суровой сдержанностью и непоколебимым самообладанием редкую чистоту характера и искренность убеждений.

Уже при жизни в Кельне и в родном городе Пархиме Мольтке были воздвигнуты памятники. В его похоронах принимали участие даже социал-демократы. Деятельность Мольтке как полководца получила признание и в России. В 1870 году он был награжден орденом Св. Георгия 2-й степени, в 1876 году был избран почетным членом Николаевской академии генерального штаба. Кроме того, в 1872 году Мольтке был назначен шефом 65-го пехотного Рязанского полка.

МИХАИЛ АНДРЕЕВИЧ ОБОЛЕНСКИЙ (1805—1873)
Князь, историк-архивист.

«Род князей Оболенских представляет одну из самых замечательных отраслей потомства Рюрика. В XV и XVI столетиях ни один род не выставил, сравнительно с ним, столько замечательных деятелей как на административном, так и, в особенности, на военном поприще» – так в начале XX века писал об этом древнейшем роде историк Власьев.

Князья Оболенские являются потомками князей черниговских, а фамилия их пошла от названия города Оболенск, который получил в удел князь Константин Юрьевич – родоначальник рода. Сам он был внуком Михаила Всеволодовича Черниговского, и герб Черниговского княжества – черный коронованный орел с распростертыми крыльями и золотыми лапами, держащий в левой лапе золотой крест – вошел составной частью в герб рода Оболенских.

В 1368 году на Оболенск напал литовский князь Ольгерд. Город был захвачен и отошел к Литве, а князь Константин Оболенский погиб в битве на реке Холхне, защищая свои земли. Сыновья его, не желая подчиниться Литве, перешли на службу в Москву и были приняты там с почетом. Они участвовали в походе 1375 года, предпринятого Дмитрием Донским против Твери, и в 1380 году сражались вместе с ним на Куликовом поле.

Князья Оболенские не раз отличались на поле брани, помогая великим московским князьям в борьбе с недругами. Следующее поколение Оболенских активно поддерживало великого князя Василия Васильевича Темного в долголетней борьбе с князем Дмитрием Шемякой. В этот период особенно прославился Василий Иванович Оболенский-Косой. В 1443 году под Переяславлем-Рязанским он разбил войска золотоордынского царевича Мустафы и возвратился в Москву с большим числом пленных. Через два года, будучи наместником Мурома, Василий Иванович пленил мурзу Бегича, который поддерживал Дмитрия Шемяку. А самого Шемяку он разбил под Галичем в 1450 году, когда командовал войсками великого князя. Василий Иванович Оболенский-Косой окончил жизнь в монастыре, приняв постриг под именем Варсонофия.

Сын его, Иван Васильевич, прозванный Стрига, участвовал в освобождении великого князя Василия II, взятого в плен Шемякой

в 1446 году. Спустя три года он в качестве воеводы защищал город Кострому от войск Шемяки. После смерти Василия II он верой и правдой служил его сыну – Ивану Васильевичу. По его приказу он ликвидирует отряды казанцев, разбойничавших в районе Костромы. Псковичи несколько раз просили великого князя Ивана III дать им Ивана Стригу-Оболенского в наместники. «У себя надоб», – отвечал великий князь, отказывая просителям.

В 1471 году Иван Стрига участвовал в походе великого князя Ивана III на Новгород, возглавляя татарскую конницу. Потом воевал с царевичем Ахматом, отражая его набеги на русские земли. В период нового похода на Новгород в 1478 году Иван Стрига был назначен одним из главных воевод, а, подчинив новгородцев, он был оставлен великим князем наместником города.

Старший из сыновей Ивана Стриги, Василий Большой, посвятил себя монастырскому служению, приняв имя Вассиана (Иосифа). Был он архимандритом Симонова монастыря, а в 1506 году он избирается архиепископом Ростовским.

В конце XV века род распался на значительное число самостоятельных линий, дав начало новым княжеским родам. Князья Оболенские стали родоначальниками Долгоруковых, Репниных, Щербатовых и многих других знаменитых фамилий, которые приняли в качестве основной фамилии прозвания князей-родоначальников.

Наибольшей славы князья Оболенские достигают в период правления великого князя Василия III и в малолетство Ивана IV в лице представителей линии Оболенских-Телепневых. Родоначальниками этой линии стали князья Василий и Федор, получившие прозвание Телепень. И хотя эта родовая ветвь просуществовала очень недолго, но за короткий срок дала несколько видных военных деятелей, а один из ее представителей даже стоял во главе правления. Речь идет о князе Иване Федоровиче Овчине, отец которого имел два прозвания – Телепень и Овчина, а сын уже стал именоваться тройной фамилией – Иван Федорович Овчина-Телепнев-Оболенский. В годы правления Ивана III он занимал высокие должности и оказывал влияние на государственные дела. А в 1533 году, когда великая княгиня Елена Глинская стала регентшей при малолетнем сыне Иване IV, Иван Федорович Овчина стал самым близким ей человеком и возглавил ее правительство. В этот период при его руководстве были проведены мероприятия по централизации государственного управления, в том числе и монетная реформа, был подавлен мятеж удельного князя Андрея Старицкого. Овчина-Телепнев принимал участие в

дипломатических переговорах и в военных походах. Со смертью Елены Глинской (1538) он был заключен в тюрьму своими политическими противниками, которых имел множество за проведенные им ранее репрессии. В тюрьме он скончался, или, что вероятнее, был убит.

Оболенские сильно пострадали в годы правления Ивана Грозного. Казни царя заметно ослабили род, значительно уменьшив число его представителей. Теперь они должны были уступить место новым родам, выдвинувшимся в конце правления Ивана Грозного.

При первых Романовых Оболенские все еще оставались в тени – ни в государственном аппарате, ни в войсках или на воеводстве их нет. В XVIII веке некоторые представители рода Оболенских стали выдвигаться на государственной службе. При Петре I князь Андрей Никифорович Оболенский стал губернатором Новгорода, а князь Михаил Матвеевич Оболенский – воеводой Арзамасской провинции.

В XIX веке род Оболенских достигает нового витка славы. В этом столетии Оболенских можно найти среди сенаторов и губернаторов, членов Государственного совета, военных деятелей и генерал-прокуроров, а также и среди врачей и писателей. В роду Оболенских были и ученые. Один из них – Василий Иванович Оболенский – писатель-переводчик, знаток древних языков и педагог. Воспитанники лицея, где преподавал Василий Иванович, обожали своего учителя и всегда отзывались о нем, как об интересном, знающем и очень эрудированном человеке. Он был всегда доброжелателен, вел интересные беседы с молодежью, предоставлял для занятий свою личную библиотеку. Все это позволило ему снискать искреннюю любовь и уважение у студентов.

А другой Оболенский, князь Михаил Андреевич, снискал известность как прекрасный археограф, знаток исторических памятников и документов.

Родился он 2 января 1805 года в Тульчине, в семье генерал-майора Андрея Михайловича Оболенского и Прасковьи Николаевны, урожденной графини Морковой, став вторым из четверых сыновей. Согласно принятым в то время традициям, в возрасте 13 лет Михаил был определен в пажи, начав, таким образом, карьеру. В 1823 году он становится камер-пажом и через два года поступает на военную службу с зачислением в лейб-гвардии Финляндский полк в чине прапорщика. Вместе с полком он участвует в русско-турецкой войне 1828—1829 годов. Во время осады Варны Михаил Андреевич получил ранение в ногу и вместе с другими ранеными был отправлен в госпиталь, в Одессу. За

военную кампанию князь был награжден золотым оружием и произведен в чин поручика. Следующий чин – капитана – ему присвоен в 1830 году. Рана, полученная под Варной, не позволила Михаилу Андреевичу остаться на действительной военной службе, да и особого желания посвятить себя военной карьере у князя не было. В сентябре 1831 года он выходит в отставку. На гражданской службе Оболенский получает должность при председателе временного правления в Польше. Но очень скоро ему пришлось снова взять в руки оружие и принять участие в ликвидации польского мятежа. За отличие, проявленное в ходе польской кампании 1831 года, Михаил Андреевич был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом.

В 1832 году князь Оболенский, в чине коллежского асессора, назначается на должность заведующего секретной частью канцелярии наместника Царства Польского. Проработав год, он переводится на службу в министерство иностранных дел, в Московский главный архив, с которым его связала 40-летняя деятельность. Начав службу в должности переводчика, Михаил Андреевич очень скоро становится главным смотрителем в комиссии печатания государственных грамот и договоров, что позволило ему заниматься наукой, которая давно его привлекала. Михаил Андреевич с первых же шагов службы в архиве взялся за изучение исторических памятников и документов.

В 1834 году Оболенский становится членом Московского общества истории и древностей России. Изданная им в 1837 году «Супрасльская летопись» привлекла к нему внимание как к ученому, и в 1839 году князь Оболенский избирается членом Археографической комиссии.

В декабре 1840 года Михаил Андреевич назначается исполняющим должность управляющего Московского главного архива МИДа, и через три года он получает чин статского советника. В апреле 1845 года он был пожалован в камергеры высочайшего двора, а в 1848 году Оболенский утверждается в должности управляющего архивом, которая в дальнейшем была переименована в должность директора архива.

Князь собрал и издал множество письменных и вещественных источников по истории России XIV–XVI веков. Благодаря его деятельности и огромной работоспособности увидели свет «Летописец Переяславля Суздальского», «Иностранные сочинения и акты, относящиеся к России», «Книга об избрании на царство Михаила Романова», «Письма русских государей и других особ царского семейства» и многие другие источники. Начиная с 1838 года в течение 20 лет он издавал «Сборник князя Оболенского», 12 выпусков которого содержали исторические акты, хранящиеся

в Московском главном архиве. Михаил Андреевич неоднократно публиковал статьи в различных периодических изданиях. Признавая его огромный вклад в развитие науки, в декабре 1846 года историко-филологическое отделение Петербургской Академии наук избрало князя Оболенского членом-корреспондентом по разряду исторических и политических наук. В дальнейшем он был избран почетным членом Московского, Казанского и ряда других университетов.

Кроме работы в архиве на Михаила Андреевича возлагались и другие назначения. В 1853 году ему было поручено непосредственное заведование Государственным древлехранилищем хартий, рукописей и печатей, учрежденным при Московской Оружейной палате.

В 1856 году по случаю коронации императора Александра II князь Оболенский издал «Венчание на царство Михаила Федоровича». Издание вышло очень маленьким тиражом, как подарочная книга, и было снабжено прекрасными рисунками. В том же 1856 году князь Оболенский по высочайшему повелению был назначен председателем ученой комиссии, учрежденной по поводу возобновления палат бояр Романовых.

Древний наследственный двор Романовых в Москве, на Варварке, в начале XVII столетия был передан Знаменскому монастырю. Он не раз подвергался пожарам и отстраивался снова, что привело к значительному изменению первоначального облика. Особенно двор Романовых пострадал от перестройки в то время, когда был сдан в аренду на 26 лет и после пребывания французов в Москве в 1812 году. Указом императора Александра II началось восстановление палат бояр Романовых, по возможности, в первозданный вид. Идея эта принадлежала главным образом князю Михаилу Андреевичу Оболенскому, и под его руководством был претворен в жизнь план создания наглядного образца старинного русского домашнего быта начала XVII века. Своды дома были расписаны узорами, орнаменты которых были взяты из грамот царя Михаила Федоровича, старинная утварь, одежда, обувь и другие предметы домашнего быта частично поставлены из Оружейной палаты, собраны по монастырям и храмам, пожертвованы разными частными лицами, в том числе и самим князем.

Отдавая все силы работе, Михаил Андреевич Оболенский все время жил в Москве и только летом выезжал в родовое имение Глухово. Жил он в собственном доме, очень уединено, предпочитая занятие наукой светскому обществу, от которого он совершенно отошел после смерти единственного сына. По воспоминаниям современников, князь имел в характере много

черт, которые не привлекали к нему симпатий. Он отличался суровостью, необщительностью и даже грубостью и некоторой жестокостью, а его раздражительность и недоступность не вызывали к нему любви среди сослуживцев. Князь Оболенский предпочитал общение с учеными, много читал, мог проводить целые ночи за старыми рукописями. У него были огромные планы – Оболенский мечтал издать собрание старинных печатей государей и частных лиц, а также собрание портретов государственных канцлеров и управляющих Посольским приказом. Но осуществить эти планы ему суждено не было.

Здоровье князя было сильно подорвано, и в начале 1873 года он решил отправиться на лечение за границу. По пути Михаил Андреевич остановился в Петербурге, в помещении Археографической комиссии, где 12 января 1873 года, в возрасте 67 лет, скончался. Похоронен он был в родовом имении Глухово, которое принадлежало роду Оболенских более 300 лет.

ОТТО ЭДУАРД ЛЕОПОЛЬД ФОН БИСМАРК-ШЁНХАУЗЕН (1815—1898) *Германский государственный деятель.*

Род, к которому принадлежит Отто фон Бисмарк, получил имя от названия города в старой Бранденбургской области, в Стендальском округе. Первым из известных Бисмарков был Герберт фон Бисмарк. Он, будучи старшиной купеческой гильдии суконщиков в Стендале (сведения относятся к 1270 году), и положил начало роду Бисмарков. При его внуке Клаусе, входившем в состав городского совета города Стендаля, гильдия вела активную борьбу с цехами, и когда последние одержали победу, Клаус фон Бисмарк вместе со своими соратниками был изгнан из города. В 1345 году за особые финансовые услуги Клаус фон Бисмарк получил от бранденбургского маркграфа замок Бургшталль и обширные охотничьи владения, прилегающие к нему. Затем он стал советником маркграфа и главою управления Бранденбурга. Проводимая им политика в качестве главы города была далека от образца, что и вынудило Клауса удалиться в Стендаль. Но и здесь ему не жилось спокойно – он начал борьбу против влияния местного епископа на дела городского училища, чем навлек на себя гнев местного духовенства и был отлучен от церкви.

При потомках Клауса фон Бисмарка Бургшталль был принудительно обменен на разрозненные земельные наделы по обоим берегам Эльбы. Замок и прилегающие владения перешли в собственность курфюрста Иоахима Бранденбургского, а Бисмарки получили Шёнгаузен, Фишбек и Кревезе. Это произошло в 1563 году. Старшим в роду в то время был Фридрих фон Бисмарк, сыновья которого дали начало двум ветвям рода – Шёнгаузенской и Кревезской.

Совершив сей неравноценный и принудительный обмен, Фридрих фон Бисмарк и его потомки старались держаться от двора на расстоянии. Но, несмотря на это, представители рода Бисмарков выдвинулись на военной и государственной службе в XVIII и XIX веках. Среди них стоит упомянуть прусского генерала Кристофа фон Бисмарка, коменданта Кюстрина, а на государственной службе заметную роль играл Левин Фридрих

фон Бисмарк – министр и первый камеральный президент при Фридрихе Великом. Первым графом Бисмарком стал представитель Шёнгаузенской ветви Фридрих-Вильгельм, возведенный в графское достоинство в 1816 году в Вюртемберге.

В XVIII веке Людвиг-Август Бисмарк перешел на службу в Россию, где во времена Анны Иоанновны стал родственником могущественного временщика Бирона, а после его падения сопровождал последнего в сибирской ссылке. Вернувшись из Сибири, Людвиг-Август был произведен в генералы и в дальнейшем выполнял ряд дипломатических поручений в Англии.

Род Бисмарков всегда отличался независимостью, часто занимая оппозиционную сторону к правящей династии. Поэтому фамилия Бисмарков вошла в инструкцию Фридриха-Вильгельма I своему преемнику в небольшом списке фамилий (всего четыре) «непослушных вассалов», которых следовало остерегаться и «не давать хода этим непокорным людям». Бисмарки всегда помнили, что их род жил в Бранденбурге задолго до появления там Гогенцоллернов – династии, основавшей Пруссию и правившей в ней. Но, несмотря на это, Бисмарки исправно служили Гогенцоллернам как на военном, так и на гражданском поприще.

В первой половине XIX века Германия оставалась раздробленной на множество государств, в каждом из которых была своя политическая власть, свои законы и армия. Самыми сильными из них были Австрия и Пруссия, претендовавшие на роль объединителей германских земель. В Пруссии значительную силу представляли юнкеры (землевладельцы), к которым принадлежали и Бисмарки. Они, конечно, не могли сравниться с аристократией Западной Европы по социальному статусу, и также они не были земельными магнатами, но сумели перестроить свое хозяйство применительно к требованиям рынка. Юнкеров и буржуазию объединяли общие интересы, которые нашли выражение в идее сильной единой Германии. Воплощение этой идеи в жизнь связано с именем Отто фон Бисмарка – человека необыкновенной воли и энергии.

Отто фон Бисмарк родился 1 апреля 1815 года в родовом поместье Шёнгаузене, расположенном к северо-западу от Берлина. Он был сыном Фердинанда фон Бисмарка и Вильгельмины Менкен. При рождении он получил имя Отто Эдуард Леопольд. В Шёнгаузенской ветви Бисмарков было много военных, и эта служба считалась в семье потомственной. Сам Фердинанд фон Бисмарк и его братья отличились в период наполеоновских войн. В 1806 году поместье Шёнгаузен было разорено французами, а его обитатели были вынуждены покинуть

владения. Но позднее здесь стали формироваться добровольческие отряды и люцовские стрелки при деятельном участии Фердинанда и его братьев. В дальнейшем в освободительном походе 1813 года сражалось семь представителей рода Бисмарков, трое из которых пали в боях.

Фердинанд фон Бисмарк рано оставил военную службу и занялся хозяйством в унаследованном от предков поместье. Мать Отто фон Бисмарка была недворянского происхождения. Вильгельмина Менкен принадлежала к среднему классу и происходила из семьи государственного служащего. Ее отец занимал пост кабинет-секретаря при двух прусских монархах, так что ее семья была тесно связана с придворными кругами. Подобных браков в XIX столетии становилось все больше – старая аристократия и средние классы соединялись в новую элиту.

По традиции, Отто фон Бисмарк должен был избрать военную карьеру, но мать хотела видеть сына на дипломатическом поприще. По ее настоянию Отто и его брат Бернгард были отправлены на учебу в Берлин, в школу Пламана. Проучившись в школе с 1822 по 1827 год, Отто перешел в гимназию имени Фридриха-Вильгельма, но и здесь он оставался только три года и закончил обучение в гимназии «У Серого монастыря». В гимназиях Отто учился хорошо, хотя ни древняя история, ни математика его не привлекали. Он с большим удовольствием изучал военную историю и интересовался политикой. Окончив курс гимназии, Отто фон Бисмарк поступил в Геттингенский университет на юридический факультет. Был 1832 год, и молодому студенту исполнилось 17 лет. Учебой он себя не очень утруждал, а проводил жизнь за картами и в пивных. В студенческие годы Бисмарк заработал репутацию драчуна и гуляки. Он прекрасно фехтовал и хвастался шрамами, «заработанными» им на 27 дуэлях в Геттингене. Юридическое образование он завершал в Берлинском университете, куда перебрался в 1833 году. Правда, в Новом столичном университете Бисмарк только числился – лекций он почти не посещал, а перед экзаменами пользовался услугами репетиторов. Но, как бы там ни было, в 1835 году он получил диплом и был зачислен на работу в Берлинский муниципальный суд. Через два года он получает должность податного чиновника в Ахене. После инцидента, связанного с его несостоявшимся обручением с англичанкой, из-за чего он самовольно продлил себе отпуск на несколько месяцев, он был «переведен по собственному желанию» на ту же должность в Потсдам.

В 1838 году его работа была прервана призывом на военную службу, которую Бисмарк проходил в егерском полку. Пройдя

положенный воинский курс, Отто фон Бисмарк был готов вернуться к прежним обязанностям, когда получил известие о смерти матери. Она умерла от рака 1 января 1839 года. Отец хотел, чтобы Отто вместе с братом вернулись домой и занялись ведением хозяйства в родовом поместье. Поручив детям померанские поместья, отец оставил за собой Шёнгаузен.

Старший брат Бернгард практически не уделял внимания управлению поместьями, и Отто пришлось все сосредоточить в своих руках. Его устраивало такое положение дел, так как, по его воспоминаниям, его «гордость требовала повелевать, а не исполнять чужих приказаний». Он был сам себе начальник, и, возможно, это дало ему шанс проявить деловые качества и хватку. Бисмарк изучил вопросы сельского хозяйства, бухгалтерию, химию и оказался сметливым и практичным землевладельцем. Приняв поместье, находившееся в упадке и отягощенное долгами, он сумел поднять его ценность более чем на треть. Управляя поместьем на протяжении девяти лет, он поражал соседей как своими теоретическими знаниями в области сельского хозяйства, так и практическими успехами, цена которых возрастает, если учесть, что в течение трех лет из девяти в стране был сельскохозяйственный кризис. Но Бисмарк поражал соседей не только этим. Позднее он напишет о том времени: «Я не чурался никакого греха, водя дружбу с дурной компанией любого рода». За буйный нрав соседи прозвали его «бешеный Бисмарк». И было за что. Так, например, он любил скакать верхом по территориям соседских поместий, не обращая внимания на то, что это могли быть луга или пашни. О своем приезде в гости он любил сообщать выстрелом в потолок, а однажды он приехал к соседям с дикой лисицей на поводке, которую отпустил под громкие охотничьи выкрики. Бисмарк не забросил и карточную игру и мог за вечер проиграть все, что накопил за несколько месяцев.

Деревенская жизнь Бисмарка изредка прерывалась стажировками в воинских частях. Он числился лейтенантом запаса второй очереди и должен был время от времени проходить воинскую службу. Кстати, тогда он получил свою первую воинскую награду за то, что спас двух тонувших улан и их лошадей. Кроме несения службы Бисмарк иногда покидал поместье для поездок за границу и на курорты. Он много читал, решив «продолжить образование», знакомясь с трудами Канта, Гегеля, Спинозы и других философов, увлекался историей и литературой Англии, так как эта страна занимала его больше, чем какая-либо другая. К 1841 году относится его (еще одна) неудачная попытка женитьбы. Он предложил руку и сердце дочери богатого юнкера Оттолине фон Путкамер, но получил

решительный отказ от ее матери. Чтобы как-то сгладить боль отказа, Бисмарк отправляется в путешествие, во время которого посещает Францию и Англию. Этот «отпуск» помогает ему развеять скуку деревенской жизни и приобрести новые знакомства. С того момента началась его тесная дружба с сестрой Мальвиной, которая была моложе Отто на 12 лет. Она поселилась в поместье у брата, помогала ему вести хозяйство и обнаружила сходство с ним во вкусах и симпатиях. Когда же она вышла замуж и покинула поместье, Бисмарк стал жаловаться на охватившее его чувство одиночества. Но одиноким он не был. У него появились новые друзья, которые способствовали изменению и его образа жизни. Речь идет о семьях Бланкенбургов и Тадденов, благодаря которым Бисмарк приобщился к пиетизму – одному из направлений немецкого протестантизма. Но попытки друзей сделать из Бисмарка глубоко религиозного человека потерпели неудачу. Вскоре в круг общения молодых людей вошла Иоганна фон Путкамер – дальняя родственница несостоявшейся невесты Бисмарка. Она приглянулась Отто, который решил еще раз попробовать посвататься. Зная о своей дурной репутации, Бисмарк отправляет письмо отцу Иоганны – человеку глубоко религиозному. В письме он пространно излагает свое измененное отношение к религии, описывает свою прежнюю жизнь без прикрас и выражает надежду, что с божьей помощью ему удастся стать лучше в качестве мужа Иоганны. Можно сказать, что это был первый опыт дипломатической переписки Бисмарка, который принес ему успех. В 1847 году Отто фон Бисмарк женился на Иоганне фон Путкамер, приобретя в ее лице не только любящую жену, но и верного друга.

Жизнь в поместьях способствовала и формированию у Отто фон Бисмарка политических взглядов и пристрастий – он стал ярым монархистом. Знакомые характеризовали его как человека необычайно волевого, физически выносливого, презирающего человеческие слабости. Деревенская жизнь стала тяготить Бисмарка, и в 1844 году он делает попытку вернуться к прежней работе чиновника в Потсдаме, но его решительности хватило только на две недели.

За два года до женитьбы сына умирает Фердинанд фон Бисмарк. Наследство было поделено между братьями, и Отто фон Бисмарку достались поместья Книпгоф в Померании и Шёнгаузен. Он быстро привел в порядок новое хозяйство и стал более активно участвовать в общественной жизни. Не без удовольствия он заменял своего брата при исполнении обязанностей ландрата, а позднее сам стал заседать в крейстаге (уездном собрании).

В феврале 1847 года король Фридрих-Вильгельм IV объявил о

созыве Соединенного ландтага, депутатами которого стали представители восьми провинциальных ландтагов. Они были разделены по сословному признаку на представителей дворянства, городов, сельских общин и членов «курии господ». Основным вопросом, который следовало решить, стал вопрос о займах, требуемых для пополнения королевской казны. В остальном избранные представители имели право лишь обращаться с петициями к королю. Ни о каком настоящем народном представительстве или конституционном управлении не могло быть и речи, а после заявления, озвученного в апреле того же года королем, стало понятно всем, что перемен ждать не приходится.

В работу Соединенного ландтага Бисмарк включился в мае 1847 года, заменив заболевшего депутата провинции Саксония. Он стал выразителем консервативной позиции в ходе конституционной борьбы. А в дни революции 1848 года он явился в Берлин во главе вооруженного (из своих крестьян) отряда для подавления бунтовщиков, что дало повод сказать Фридриху-Вильгельму о нем: «От этого юнкера пахнет кровью», и поначалу избегать отношений с Бисмарком.

Речи Бисмарка в ландтаге отличались реакционностью. Противодействуя либералам, он способствовал созданию различных политических организаций и газет (включая «Новую прусскую газету»), поддерживающих монархию. Он был депутатом в 1849 и 1850 годах, и к этому времени относятся встречи Бисмарка с королем, причем по настоянию последнего. В беседах с монархом Бисмарк доказывал необходимость и возможность подавления революционных выступлений с помощью армии. Колебания короля в этом вопросе он приписывал тому, что Фридрих-Вильгельм имеет свои планы для укрепления позиций монархии в Пруссии. В 1850 году Бисмарк выступая против федерации германских государств, считая, что объединение укрепит в стране революционное движение. В глазах короля Бисмарк был ярым твердолобым реакционером, и когда встал вопрос о его кандидатуре на министерский пост, Фридрих-Вильгельм ее отвел, сказав, что Бисмарк «может быть использован только при неограниченном господстве штыка».

Но к этому времени относится и сближение Бисмарка с человеком, ближайшим сотрудником которого ему суждено будет стать через несколько лет. Речь идет о наследном принце Вильгельме, прозванным в народе «картечным принцем» за призыв перестрелять бунтовщиков картечью. Понятно, что Бисмарку и принцу было легко найти общий язык, а выступления Бисмарка в ландтаге вызывали у Вильгельма бурное одобрение. В

дни революционных событий толпы народа собрались у дворца принца, имея желание разрушить его. Король срочно отправил сына в Англию «с секретным поручением». Вернувшись из Лондона, принц сказал Бисмарку: «Я знаю, что вы действовали в мою пользу, и никогда этого не забуду».

После того как войска были выведены из Берлина, Бисмарк примкнул к кружку крупных военных и гражданских чинов, составивших крайне правую придворную группировку. Во главе кружка стояли братья фон Герлахи, отличавшиеся безграничной преданностью идее сословной монархии. С Людвигом фон Герлахом Бисмарк был знаком ранее, когда находился на посту председателя апелляционного суда. Вокруг кружка начали сплачиваться все реакционные силы, а летом 1848 года членами кружка был создан печатный орган. Он получил название «Крестовая газета» – под заголовком был изображен крест. С первых номеров Бисмарк стал сотрудничать с этой газетой, проявив незаурядные литературные таланты. Вскоре в его доме стали собираться люди, придерживающиеся консервативных взглядов. Здесь возникла идея о созыве собрания консерваторов всех территориальных частей Пруссии, которая была быстро воплощена в жизнь. Так была создана организация юнкеров, положившая начало будущей консервативной партии. На проведенном в Берлине съезде организации Бисмарк выступал по всем вопросам. В то время он еще был не готов стать лидером, но своими выступлениями заставил обратить на себя самое пристальное внимание.

В мае 1851 года король назначил Бисмарка представителем Пруссии в союзном сейме во Франкфурте-на-Майне. Работа в сейме стала для него прекрасной дипломатической школой. Там он изучил все хитросплетения австрийской политики, уяснив для себя стремление Австрии любой ценой играть главную роль на политической арене за счет ослабления влияния Пруссии. И если до начала работы на этом посту Бисмарк был сторонником идеи сближения с Австрией, то очень скоро он понял, что для Пруссии крайне невыгодно стремиться к конфедерации германских государств при господствующем положении Австрии. А если господствующие позиции в объединенной Германии займет Пруссия, то война с Австрией неизбежна. Чем больше Бисмарк изучал вопросы дипломатии и государственного управления, тем дальше отходил от позиций короля и его окружения. Он четко уяснил, что в политике нужно прежде всего руководствоваться государственными интересами, а для Пруссии сейчас требовались военная сила и союз с сильными государствами.

Освобожденный от должности представителя в союзном

сейме в 1859 году, Отто фон Бисмарк был направлен посланником в Россию, где сблизился с российским министром иностранных дел князем А.М. Горчаковым. Ум, воля, работоспособность и монархические убеждения прусского посла поразили российского монарха, который предложил Бисмарку перейти на русскую службу. Но от этого предложения Бисмарк отказался, видя свое будущее только в Пруссии. В 1862 году Бисмарк стал посланником во Франции. Эти две страны – Россия и Франция – были выделены им как самые реальные союзники в борьбе с Австрией.

При дворе Наполеона III Бисмарк пребывал недолго и в том же году был отозван Вильгельмом I на родину. В тот момент в Пруссии шла упорная борьба между королем и ландтагом по вопросу проведения военной реформы. Ландтаг выступал против ее проведения, и король очень нуждался в таком сильном и решительном человеке, как Бисмарк. По возвращении в Пруссию Отто фон Бисмарк был назначен главой правительства, а затем министром-президентом и министром иностранных дел. В выборе король не ошибся, и после вступления в должность Бисмарк сразу же заявил либеральному большинству ландтага, что правительство продолжит сбор налогов в соответствии с прежним бюджетом, ибо из-за внутренних противоречий ландтаг не может принять новый бюджет. Он часто и в дальнейшем использовал противоречия между нижней и верхней палатами, неспособными выработать единую стратегию, заставляя принимать ландтаг предложения правительства. Он говорил: «Великие вопросы времени будут решаться не речами и резолюциями большинства – это была грубая ошибка 1848 и 1849 годов, – но железом и кровью». Такая политика позволила Бисмарку провести военную реформу в течение трех лет и предпринять серьезные меры для подавления оппозиции.

Реформа значительно укрепила и усилила прусскую армию, и уже в 1864 году Пруссия в союзе с Австрией начала военные действия против Дании. Результат удовлетворил Бисмарка: к Пруссии были присоединены Шлезвиг, Гольштейн и Лауэнбург. И в 1866 году Пруссия начинает военные действия против своей бывшей союзницы – Австрии. Потерпев поражение, Австрия признала право Пруссии на создание Северогерманского союза, в котором объединилось 21 германское государство. Бисмарк умел рассчитывать «игру» на несколько ходов вперед. Так он настоял на почетном мире с Австрией, не позволив Вильгельму I «поставить Австрию на колени». Он также заставил отказаться короля и генералов от требования крупных территориальных приобретений. Почему? Ведь после сокрушительного поражения

Пруссия как победительница могла диктовать проигравшей стороне более суровые требования. Но Бисмарк уже планировал в дальнейшем разгром Франции, поэтому он хотел обеспечить со стороны Австрии нейтралитет в будущем военном конфликте.

Образование германского союза было уже большой победой. Все государства, согласно конституции, принятой в 1867 году, образовывали единую территорию с общими для всех законами и учреждениями. Внешняя и военная политика союза была фактически передана в руки прусского короля, который объявлялся его президентом. Но для полного объединения Германии требовалось включить в состав союза и южногерманские государства – Баварию, Вюртемберг и Баден. Препятствием к такому объединению служила Франция – Наполеон III не желал видеть на своих восточных границах сильную объединенную Германию. Бисмарк понимал, что без войны эту проблему решить не удастся. В победе над Францией он не сомневался, так как прусская армия превосходила французскую. Но Вильгельм I не хотел открытого конфликта, и следовало найти повод к войне.

В последующие три года секретная дипломатия Бисмарка активно работала против Франции, и интересы этих стран постоянно сталкивались по различным вопросам. Во Франции в то время стали господствовать антигерманские настроения. Поводом для начала войны послужило желание племянника Вильгельма I – Леопольда Гогенцоллерна занять испанский престол. Со своей стороны Бисмарк всячески подталкивал Вильгельма I поддержать кандидатуру племянника, хотя Европу он уверял, что правительство Германии не имеет к этому никакого отношения и что это личное «семейное» дело Гогенцоллернов. Понимая, что Франция никогда не согласится на подобный вариант и начнет военные действия, Бисмарк, поддержанный военным министром Рооном и начальником генштаба Мольтке, делал все, чтобы это быстрее случилось. И если Франция сама развяжет войну против Германии, то нейтралитет многих европейских государств будет обеспечен. Но Леопольд, без совета Вильгельма и Бисмарка, неожиданно снимает свою кандидатуру, разрушив все планы. В воспоминаниях о том времени Бисмарк писал, что, получив известие об этом, его «первой мыслью было уйти в отставку». Но вскоре французы сами дали прекрасный повод для начала войны. Вильгельм I, находясь на отдыхе в Эмсе, получил от французского посланника требование: ему предлагалось собственноручно написать, что он – король Вильгельм – никогда не даст согласия на переход испанского престола к Леопольду, в чем он и заверяет

Францию. Возмущенный таким требованием, Вильгельм ответил отказом, но вскоре получил новое подобное заявление от французской стороны. Сообщение об этом Бисмарк получил во время обеда со своими сторонниками. Он вычеркнул из текста несколько слов, что придало «эмсской депеше» оскорбительный для Франции характер, и велел опубликовать этот вариант во всех газетах и разослать во все европейские миссии.

Франция сочла себя оскорбленной и объявила войну. Ровно через месяц после начала военных действий значительная часть французской армии была окружена германскими войсками и капитулировала. В этой войне Пруссия одержала полную победу. Франция потеряла Эльзас и Лотарингию и была вынуждена уплатить контрибуцию в размере пяти миллиардов франков.

В ноябре 1870 года южногерманские государства вступили в Единый Германский союз, а в следующем месяце баварский король предложил восстановить уничтоженную Наполеоном Германскую империю и императорское достоинство. Рейхстаг обратился к Вильгельму I с просьбой принять императорскую корону. Германская империя была провозглашена в зеркальном зале Версаля 18 января 1871 года. Первым канцлером империи стал Отто фон Бисмарк.

Оценивая свою роль в объединении страны, Бисмарк говорил, что он всегда радовался, когда ему хоть на шаг удавалось приблизиться к единству Германии каким бы то ни было путем. Победоносные войны и образование единой империи примирило Вильгельма и Бисмарка с большей частью оппозиции, которая с того момента стала восторженно приветствовать завоевательную политику первого канцлера.

«Железный канцлер» – так стали называть Бисмарка. Он стал управлять империей при полной поддержке рейхстага. На этом посту он провел ряд реформ – правовую, финансовую и системы управления. Трудности вызвал конфликт с католической церковью. В объединенной Германии католики составляли треть населения, тогда как Пруссия придерживалась протестантской ориентации. При проведении реформы образования появились серьезные религиозные противоречия, а решительная деятельность католической партии «Центр» в рейхстаге вынудила Бисмарка принять ряд мер. Борьба против засилья католиков получила название борьбы за культуру – «культуркампфа». По приказу правительства многие католические священнослужители были арестованы и сотни епархий остались без духовных руководителей. На их место назначались новые епископы, но только с согласия правительства. Служителям церкви было запрещено находиться на государственной службе, школа

отделилась от церкви, в стране был введен гражданский брак, а иезуиты изгнаны из Германии.

Вопросы внешней политики в деятельности Бисмарка были приоритетными. Он строил отношения с другими государствами исходя из ситуации, возникшей после поражения Франции в ходе франко-прусской войны 1870 – 1871 годов. Немалая роль Бисмарком была отведена России, которая благосклонно относилась ко всем усилиям Бисмарка за его призыв к нейтралитету Пруссии в ходе Крымской войны и активное противостояние идеям западных государств по разделу России. В ходе войны Пруссии и Франции Россия придерживалась вооруженного нейтралитета, удерживая Австрию от выступления на стороне Франции.

Внешнеполитический талант Бисмарка проявился в умении строить политику на использовании противоречий между европейскими государствами. Он пытался столкнуть Англию, Австро-Венгрию и Россию, имеющих интересы на Балканах с помощью сложной системы союзов, примыкая к той стороне, которая в тот момент имела меньшие преимущества в этом регионе. Та же система обеспечивала Германии изоляцию Франции и препятствовала созданию любой антигерманской коалиции. Так, например, после победы России в русско-турецкой войне, что значительно укрепило ее положение на Балканском полуострове, Бисмарк немедленно пошел на сближение с Австро-Венгрией, в то же время оставаясь с Россией в хороших отношениях. При возникновении англо-французских противоречий на Ближнем Востоке он обещал Англии помощь в случае войны в Египте, тем самым подрывая позиции Франции.

К Франции Бисмарк относился особо, и некоторые исследователи связывали эту «нелюбовь» канцлера с гибелью трех родственников Бисмарка в период наполеоновских войн. Эта страна была постоянной мишенью агрессивной политики «железного канцлера». Союзнические коалиции, создаваемые им, поддерживали Германию в противостоянии Франции. Бисмарку удалось заключить так называемый «Союз трех императоров» между Германией, Россией и Австрией, способствовавший поддержанию мира в Европе. Но из-за противоречий на Балканах между Россией и Австро-Венгрией союз распался. Вся внешнеполитическая деятельность Бисмарка привела к тому, что Германия при нем стала одним из лидеров международной политики. По мере усиления ее военной и экономической мощи интересы Германии стали распространяться и на Африку, где она захватила ряд колоний. Но здесь Бисмарку пришлось войти в противоречия с Англией, и для обеспечения безопасности страны

в 1887 году был заключен «перестраховочный договор» между Россией и Германией. Согласно договору, обе страны обязались поддерживать взаимный нейтралитет в случае нападения третьей державы. Этим договором Бисмарк обеспечил также и безопасность восточных границ Германии, если вдруг Франция пожелает взять реванш за потерю Эльзаса и Лотарингии.

Изменения внешнеполитического курса приводили к смене «партийной ориентации» Бисмарка. До начала колониальной политики Германии он опирался на либералов, у которых экспансионистские планы Бисмарка вызвали протест. Разрыв с либералами относится в 1879 году, и в дальнейшем канцлер делал ставку на коалицию крупных землевладельцев, промышленников, высших военных и государственных чинов. Вскоре либералы были вытеснены из большой политики, а новый экономический курс страны был направлен на поддержку крупных промышленников и аграриев.

Бисмарк выступал против любого законодательства, регулирующего условия труда рабочих, и вел активную борьбу против социалистов. Он провел через рейхстаг «исключительный закон», запрещавший любую деятельность социал-демократических организаций. Но в то же время при нем была введена система государственного страхования по болезни (1883), в случае увечья (1884) и пенсионное обеспечение по старости (1889).

В годы правления Вильгельма I и Фридриха III, находившегося у власти всего полгода, позиции Бисмарка были более чем прочными, и ни одной оппозиционной группировке не удавалось поколебать их. Со вступлением на престол Вильгельма II в 1888 году Бисмарк потерял контроль над правительством. Новый император желал самостоятельно управлять своей страной, а самоуверенный и честолюбивый канцлер не желал играть вторую роль. Между ними отношения натягивались и возникало все больше и больше расхождений по вопросам как внутренней, так и внешней политики. Но если Бисмарк ратовал за добрососедские отношения с Россией, понимая, что лучше жить в мире с этой сильной державой, то Вильгельм II призывал к войне с ней под предлогом угрозы с востока. Не сошлись они в вопросе о внесении изменений в «Исключительный закон против социалистов» и в вопросе о праве министров, подчиненных канцлеру. Все это привело к тому, что во время аудиенции у императора 18 марта 1890 года Бисмарк получил от Вильгельма II намек о желательной его отставке. Через два дня отставка Бисмарка была принята императором. Вильгельм II наградил бывшего канцлера титулом графа Лауэнбургского и присвоил ему

звание генерал-полковника кавалерии. Он покинул Берлин, шумно приветствуемый толпой, которая воздавала ему почести за деятельность на благо Германии.

Переехав во Фридрихсруэ, Отто фон Бисмарк не сошел с политической сцены. В 1891 году он был избран в рейхстаг от Ганновера и подвергал резкой критике деятельность нового рейхсканцлера графа Лео фон Каприви.

В 1895 году в Германии было широко отпраздновано 80-летие «железного канцлера», а на следующий год он участвовал в коронации российского императора Николая II.

Отто фон Бисмарк скончался 30 июля 1898 года и был похоронен в имении Фридрихсруэ, согласно собственному желанию. На его надгробии была выбита надпись: «Преданный слуга немецкого кайзера Вильгельма I». При всей неоднозначности своей деятельности Отто фон Бисмарк остается одной из самых ярких фигур немецкой истории.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ БАРЯТИНСКИЙ (1815—1879)

Генерал-фельдмаршал (1859), генерал-адъютант (1853), князь.

Княжеский род Барятинских был одним из древнейших российских родов, ведущих свое начало от Рюрика и являющихся потомками князя Михаила Черниговского, погибшего в Орде. Внук Михаила Черниговского, Всеволод Юрьевич, имел двух сыновей – Андрея и Дмитрия, которые были князьями Мезецкими. Андрей Всеволодович получил в удел волость Барятино, что на реке Клетоме, и его сын Александр стал первым, кто носил прозвание Барятинский. В свою очередь, он сам имел троих сыновей – Григория, Федора и Льва. Они-то и стали родоначальниками трех ветвей фамилии Барятинских.

Род этот был настолько многочисленным, что простое перечисление всех его представителей заняло бы немало времени. Поэтому остановимся только на старшей ветви, ведущей начало от Григория Александровича, на самых известных деятелях этого славного рода.

Большинство из них посвятили себя военному делу. В XVI веке наибольшую известность приобрел Петр Иванович Барятинский. Он был вторым воеводой Большого полка в походе против Литвы в 1569 году. Затем он возглавил царский полк, а в 1575 году стал наместником Пронским. Петр Иванович был вторым лицом при мирных переговорах со шведами, а в 1580 году русские войска под его командованием защищали Псковскую землю от войск Стефана Батория. Во время битвы при Холме он был взят в плен, но вскоре выкуплен. В дальнейшем он стал стольником, возглавлял Передовой полк, участвовал в походе на Новгород. В 1598 году Петр Иванович Барятинский поставил свою подпись на грамоте об избрании на царство Бориса Годунова.

На той же грамоте стояла и подпись его сына, Федора Петровича, по прозванию Борец. Вместе с отцом он строил крепости в Сургуте и Березове, где и остался воеводствовать. В 1601 году он участвовал в установлении границы между Россией и Норвегией, а через два года был направлен в Крым в качестве посла. Деятельность Федора Петровича в Крыму вызвала недовольство хана, который прислал в Москву жалобу, что

привело к опале Барятинского. Во время Смуты при Лжедмитрии I он был назначен первым воеводой в Ивангород, а при Василии Шуйском – в Ярославль. Здесь он перешел на службу к Лжедмитрию II, который сделал его воеводой Новгород-Северского. После избрания на царство Михаила Романова, Федор Барятинский оставался воеводой в Переяславле-Рязанском, Рязани и Таре, где он и скончался.

Период Смутного времени для Барятинских стал периодом выдвижения. Так и брат Федора Петровича, Яков, был соратником известного военачальника Скопина-Шуйского и участвовал в военных действиях против отрядов Лжедмитрия. Будучи воеводой в Дорогобуже, он в 1609 году разбил под городом литовский отряд, в затем взял Вязьму и Белую. О последних годах его жизни сведения противоречивые. По одним источникам, он погиб в Клушинской битве 24 июня 1610 года, по другим – в 1613 году он входил в состав посольства Филарета к польскому королю Сигизмунду и был задержан поляками.

В период царствования Алексея Михайловича род Барятинских прославил Юрий Никитич. Службу он начал стольником в 1635 году, затем стал окольничим, а в 1671 году – боярином. Он назначался воеводою в разные города, а в 1653 году был направлен с посольством в Литву. Участвовал в сражениях против литовцев и поляков, и особенно отличился при командовании войсками в Малороссии, показав себя храбрым и деятельным военачальником. В 1660 году он был назначен воеводой в Киев, участвовал в сражениях под Васильковом, Ригой и Смоленском. В 1664 году очистил от поляков Брянск, а в 1670 году одержал победу над отрядами мятежного атамана Степана Разина под Симбирском. За «спасение русского престола» Юрий Никитич был пожалован боярином и с этого времени находился при царском дворе.

Его внук, Иван Федорович Барятинский, стал сподвижником Петра I. Он принял участие в Северной войне и к 1719 году достиг чина полковника, став командиром 2-го Гренадерского полка его имени. Под его командованием полк одержал победу над шведскими войсками под Стокгольмом, за что Иван Барятинский был произведен в бригадиры. В дальнейшем он участвовал в Персидском походе Петра в качестве начальника отдельного отряда, который овладел Сальянской областью.

В начале правления Анны Иоанновны Иван Федорович был противником партии верховников, выступал против ограничения самодержавной власти и участвовал в подготовке обращения к императрице. За заслуги он был пожалован Анной Иоанновной в сенаторы и в 1735 году стал московским генерал-губернатором.

Последние годы жизни Иван Федорович провел правителем Малороссии, обеспечивая в своем лице высшее военное и гражданское управление. Он много сделал для укомплектования воинских частей и обеспечения боеспособности находящихся в его подчинении войск. За верную службу в 1737 году он был произведен в генерал-аншефы.

Род Барятинских можно назвать родом потомственных военных. Многие из них отличились на полях сражений и достигли высоких чинов. Но самым знаменитым военным деятелем в роду стал Александр Иванович Барятинский, достигший чина генерал-фельдмаршала.

Александр Иванович родился 14 мая 1815 года. Его отец, англоман, дал сыну очень хорошее домашнее образование. Сделав блестящую карьеру, старший Барятинский оставил для сына оригинальное завещание, в котором просил «как милость, не делать из сына ни военного, ни дипломата, ни придворного». Однако, вопреки воле отца, младший Барятинский стал и военным, и придворным, и дипломатом. В 16 лет у него появилось стремление к военной карьере. При содействии императрицы Александры Федоровны в 1831 году Барятинский добился зачисления в Кавалергардский полк. В полку он был одним из заводил, подбивая друзей на всевозможные шалости и проказы. Однажды во время гуляний петербургской знати на Черной речке, он с товарищами пустил по реке «пиратский экипаж с гробом», который, проплывая мимо дам, вызывал у них испуг и панику. Если раньше на шалости молодых кавалергардов смотрели сквозь пальцы, то за срыв праздника вся компания отправилась на Кавказ «для приобретения опытности».

Князь Барятинский принимал участие в экспедиции генерала Вельяминова осенью 1835 года против горцев. В ней он командовал сотней казаков. 21 сентября он был тяжело ранен и едва не попал в плен. Ружейная пуля, пущенная в упор, попала Барятинскому в бок и осталась там до конца его жизни. Рана была очень тяжелой, и для лечения Барятинскому пришлось уехать сначала в Петербург, а потом за границу. За участие в экспедиции он был произведен в чин поручика и награжден саблей с надписью «За храбрость».

С 1835 по 1838 год он провел за пределами России. В это время он много читает, слушает лекции в университетах, собирает большую библиотеку.

Возвратившись из-за границы, князь Барятинский жил в Петербурге, состоял на службе в лейб-гвардии гусарском полку, очень увлекался скачками, для которых специально держал дорогих лошадей.

В 1845 году Барятинский, тяготясь светской жизнью и имея чин полковника, вновь попросился на Кавказ. Командуя 3-м батальоном Кабардинского полка, он участвовал в Даргинской экспедиции князя Воронцова против Шамиля и при занятии Андийских высот выбил со своим батальоном горцев с их укреплений. За этот подвиг Александр Иванович получил орден Св. Георгия 4-й степени.

В 1847 году он назначается на должность флигель-адъютанта и командира Кабардинского полка. Как командир Барятинский был весьма требователен к подчиненным, в то же время уделяя большое внимание быту и различным хозяйственным нуждам солдат. Ему удалось превратить свой дом в центр полковой жизни, то есть офицеры могли свободно к нему заходить. Вместе с полком он участвовал во многих операциях против горцев, и за короткое время полк заслужил репутацию храбрейшего.

Одновременно князь Барятинский постоянно следил за общим ходом дел на Кавказе; он также старался вникнуть в установленную князем Воронцовым систему военных действий, находил ее достаточно разумной, но внес в нее существенные поправки.

За определенное время князь Барятинский совершил несколько боевых подвигов. Из них особенно следует упомянуть о сражении при ауле Зандак, где князь отвлек неприятеля от наших главных сил и к тому же сумел воздержаться от тщеславного желания ценой множества жизней своих подчиненных завладеть неприятельскими орудиями. В ноябре и декабре 1847 года Барятинский предпринял ряд удачных набегов на кавказские аулы, за что был награжден орденом Св. Владимира 3-й степени. Летом 1848 года, действуя со своими кабардинцами в отряде князя Аргутинского-Долгорукого, князь Барятинский при взятии аула Гергебиля своей стойкостью и распорядительностью содействовал успешному окончанию дела, за что получил чин генерал-майора.

В 1848 году Барятинскому снова предоставили небольшой отпуск, который он провел в Туле, ибо не любил придворную жизнь. По окончании отпуска он поспешил на Кавказ, а посланному за ним курьеру сообщил о своих болезнях и усталости, из-за чего он вынужден продлить свое пребывание в полку еще на год. Но все-таки ему пришлось явиться в Петербург для восстановления своего прежнего положения. Находясь в столице, Александр Иванович попал в немилость к Николаю I, решительно отвергнув попытки императора устроить его личную жизнь. Он был отчислен от командования полком и некоторое время оставался вне армейской службы. Однако он сразу дал

понять, что ко двору больше не вернется; он также перестал пребывать в свите и предпочитал проводить время в кругу близких людей.

В третий раз Барятинский попал на Кавказ в 1850 году. С 23 мая Барятинский состоял при Кавказской армии и на него также возложили обязанность сопровождать цесаревича в поездке по Кавказу. В конце того же года он получил назначение на должность командира Кавказской гренадерской бригады с правами начальника дивизии.

Всю зиму 1851 года русские войска уничтожали устроенный Шамилем в Чечне Шалинский окоп. Кроме того, Барятинскому удалось нанести горцам сильное поражение в бою при реке Бас, захватить много лошадей и оружия. Удачным стал и разгром Шамиля возле Чуртугаевской переправы, при минимальных потерях в русских войсках. Дело в том, что у Барятинского была отлично поставлена разведка. Его лазутчики добывали ему точные сведения о планах Шамиля, что давало возможность рассчитывать все свои действия.

Барятинский был хорошим воином, но он еще являлся и прекрасным администратором. При нем в Чечне появились новые аулы, а в старых население значительно увеличилось, ибо чеченцам в конце концов самим надоедало воевать. Барятинский устроил для чеченцев в крепости Грозной суд, который почти сразу завоевал репутацию уважаемого учреждения.

В январе 1853 года князь Барятинский был назначен генерал-адъютантом, а осенью был утвержден в должности начальника штаба Кавказской армии. Он был произведен в генерал-лейтенанты и получил возможность разработать и осуществить свой план по полному разгрому Шамиля. Но новая война приостановила активные действия против горцев на Кавказе.

С началом Крымской войны Барятинскому еще раз удалось проявить свой талант стратега в сражении с 60-тысячной турецкой армией Мушир-Зариф-Мустафы-паши при Курюп-Даре. За него Барятинскому был пожалован орден Св. Георгия 3-й степени.

Вскоре князя Воронцова сменил Н.Н. Муравьев, и Барятинский отпросился в отпуск и уехал в Санкт-Петербург. По возвращении на Кавказ его назначили командиром резервного гвардейского корпуса, которым он командовал так хорошо, что ему вручили орден Белого Орла, хотя недоброжелатели Барятинского считали князя неспособным командовать корпусом.

Свои соображения по покорению Кавказа Барятинский изложил письменно. Он настаивал на удержании на Кавказе двух пехотных дивизий, переведенных туда во время Крымской войны.

Князь полагал, что такое усиление Кавказской армии даст возможность приступить к решительным действиям. Император одобрил мнение Александра Ивановича и распорядился оставить дивизии на Кавказе, а Барятинского назначил командующим отдельным Кавказским корпусом и кавказским наместником.

Барятинскому предстояло решить много проблем, но самой главной из них была окончание войны, которая истощила силы местного населения и не давала им возможность спокойно заниматься хозяйством.

Будучи главнокомандующим, Барятинский разделил войска на пять отделов. Первым отделом стало правое крыло Кавказской линии, подчиненное начальнику 19-й пехотной дивизии; вторым – левое крыло, подчиненное начальнику 20-й пехотной дивизии, третьим – Прикаспийский край и Дербентская губерния под управлением начальника 21-й пехотной дивизии, Лезгинская кордонная линия с Джаро-Белоканским округом, подчиненная начальнику Кавказской гренадерской дивизии, составила четвертый отдел; пятый – Кутаисское генерал-губернаторство.

Одновременно с этим Барятинский проводил на Кавказе ряд мероприятий, которые должны были бы поднять благосостояние этого края и навести в нем порядок. Была введена должность начальника главного управления, который должен был заведовать департаментами общих дел, судебных дел и финансовых дел.

В 1858—1859 годах русские войска продолжали наступать. Утвердившись на Черных горах, левое крыло получило возможность перейти в безлесную полосу, откуда открывался доступ к коренным народам Дагестана. Местные жители так устали от войны, что аулы один за другим сдавались на милость победителей.

Барятинского очень заботила обстановка в округе. Он лично объехал весь Северный Кавказ, чтобы подбодрить солдат и проверить, насколько тщательно выполняется намеченный план действий. Поездки Барятинского вызывали одобрение не только в войсках, но и среди горцев, которые даже получали подарки.

Князь был уверен, что скоро независимость Шамиля закончится. В июле он стянул к месту его пребывания войско в 40 тысяч человек при 48-ми орудиях, и сам стал командовать ими.

Позиция Шамиля находилась у середины течения реки Койсубу. Искусными стратегическими движениями Барятинский стеснил войска Шамиля и разъединил их с массой населения. Из-за этого по всему Кавказу поднялось восстание против Шамиля, и горские племена один за другим стали сдаваться в плен. Сам Шамиль заперся в Гунибе; это место было совершенно недоступно для нападения. Через две с лишним недели гора Гуниб-Даг была

плотно окружена русскими войсками, а жившие неподалеку горские племена покорились России. За блестяще проведенную операцию Барятинский получил орден Св. Георгия 2-й степени.

10 августа началась блокада убежища Шамиля, а глава мюридов начал переговоры, всячески затягивая их и надеясь протянуть время до осени, намекая на то, что в это время года все военные действия здесь должны быть прекращены. Князь Барятинский разгадал цели противника, прекратил с ним переговоры и 25 августа занял северо-западный склон Гуниб-Дага охотниками апшеронского полка. Когда же неприятель попытался обрушиться на наше войско, с тыла его настигли Грузинский и Самурский полки. Горцы разделились на две части: одна погибла, бросившись на штыки русских солдат, а вторая вместе с Шамилем засела по скалам Гуниба. Барятинский не хотел проливать лишнюю кровь, поэтому он предложил Шамилю сдаться. Последний долго колебался, но потом все же решил сдаться. Об этом событии Барятинский очень лаконично объявил приказом по армии: «Гуниб взят. Шамиль в плену. Поздравляю Кавказскую армию». Таким образом закончилась война на Северном Кавказе.

В 1859 году Барятинский был произведен в генерал-фельдмаршалы. Известие об этом было встречено в войсках с большим ликованием, посчитав это назначение «наградой всему Кавказу».

В следующем году военная и государственная карьера Барятинского была завершена. В мае 1860 года он отбыл с Кавказа для поправки сильно расстроенного здоровья. Больше на Кавказ он не вернулся и вскоре уволился с должности наместника.

Когда началась русско-турецкая война 1877—1878 годов, многие надеялись, что Барятинский сможет стать во главе русского войска, но эти надежды не оправдались. По состоянию здоровья князь опять был вынужден уехать за границу, откуда он уже не вернулся. С февраля 1879 года Барятинский почти не вставал с постели, а 9 марта он умер.

ПЕТР АНДРЕЕВИЧ ШУВАЛОВ (1827—1889)
Граф, государственный деятель, дипломат.

Дворянский род Шуваловых прослеживается по разрядным книгам и другим документам со второй половины XVI века. Начало он ведет от помещика Костромского уезда Дмитрия Шувалова. Внук его, Андрей Семенович, в 1616 году стал воеводой, а другой родственник, Данило, был московским стрелецким сотником и впоследствии пожалован в бояре. Род не отличался ни знатностью происхождения, ни выдающимися военными или государственными деятелями, ни богатством вплоть до XVIII века, когда фамилия Шуваловых стала известна всей России.

В годы правления Петра Великого Иван Максимович Шувалов был назначен комендантом города Выборга. Он занимался составлением карт морских и речных берегов, а в годы Северной войны определял границу между Россией и Швецией, чем активно содействовал заключению Ништадтского мира. К концу жизни Иван Максимович занимал должность губернатора Архангельска.

Сыновья его, Александр и Петр, стараниями отца состояли в числе молодых дворян в свите цесаревны Елизаветы Петровны и были самыми преданными ее сторонниками. Их деятельное участие в дворцовом перевороте 1741 года способствовало быстрой карьере братьев. Став императрицей, в сентябре 1746 года она возвела Петра Шувалова в графское достоинство. Петр Иванович женился на ближайшей подруге императрицы Мавре Егоровне Шепелевой, чем еще более укрепил свое положение при дворе. Брат его, Александр Иванович, также став графом, достиг чина генерал-фельдмаршала и в течение многих лет стоял во главе Тайной канцелярии, то есть занимал должность, приводившую в трепет его современников. Как никто другой он соответствовал этой должности. Это в дальнейшем позволило Екатерине II сказать, что он «наводил ужас и страх на всю Россию».

Братья оказались неплохими предпринимателями, и очень скоро стали владельцами заводов и торговых компаний, а имея огромное влияние на государственные дела, они не забывали и о собственной выгоде, создавая благоприятные условия для своей коммерческой деятельности.

Наивысшее положение в период царствование Елизаветы Петровны занимал Иван Иванович Шувалов – двоюродный брат Петра и Александра. Умный и красивый, хорошо воспитанный юноша, знавший иностранные языки, он с 1749 года стал играть важную роль при дворе, являясь фаворитом императрицы. Иван Шувалов не занимал официальных постов при дворе, но умел оказывать влияние на внутреннюю и особенно на внешнюю политику. В дальнейшем он получает чин генерал-адъютанта и становится членом Конференции – Государственного совета при императрице, заменявшего ее во время тяжелой болезни. По воспоминаниям современников, Иван Иванович Шувалов «действовал всегда бескорыстно, мягко и со всеми ровно и добродушно». Поэтому неудивительно, что многие предпочитали обращаться к нему в затруднительных ситуациях и через него подавать прошения на имя императрицы. Пользуясь покровительством Елизаветы, он много радел на благо просвещения и стал первым куратором Московского университета, добившись для него автономии от светских и церковных властей. Много внимания Шувалов уделял искусству. При нем в 1757 году была открыта Академия художеств, президентом которой он являлся до 1763 года. После смерти императрицы Иван Иванович долгое время жил в Западной Европе. В Италии он закупал и присылал для Академии произведения искусства, заказывал копии скульптур.

С воцарением Екатерины II Шуваловы потеряли влияние при дворе. Петр Иванович скончался за несколько месяцев до дворцового переворота 1762 года, что, возможно, спасло его от монаршей опалы – Екатерина ненавидела Петра и Александра Шуваловых, считая, что они обостряют отношения между, ней и мужем, Петром III, и отрицательно на него влияют. Александр сумел вымолить прощение у новой императрицы, он был отправлен в отставку и даже награжден. Иван Иванович не пользовался любовью Екатерины, но и не стал ее врагом. За границей он не раз успешно выполнял ее поручения и просьбы, пользуясь связями, а вернувшись в столицу, стал бывать при дворе. Он не занимал никаких постов, ни на что не мог влиять, но был для Екатерины прекрасным собеседником.

Но не все Шуваловы были в немилости у Екатерины Великой. Представители последующего поколения смогли воспользоваться достижениями предков и в сочетании с дипломатическим умом добились расположения новой императрицы, сделав довольно-таки успешную карьеру. Сын Петра Ивановича, Андрей, находился в близком окружении как Петра III, так и Екатерины, а с ее воцарением еще больше укрепил свое положение при дворе.

Он стал членом Комиссии по вопросам коммерции, часто бывал во Франции, где близко сошелся с Вольтером, чем заслужил внимание и благосклонность Екатерины, работал в Законодательной комиссии, стал сенатором и до кончины государыни выполнял ее особые поручения.

Его сын, Павел Андреевич, посвятил себя военному делу. Храбрый и мужественный воин он был участником суворовских походов и в 25 лет стал генералом. Болезнь не дала ему возможности проявить себя в 1812 году, но он принял участие в заграничных походах русской армии. О его достоинствах говорит тот факт, что он стал представителем российской стороны в миссии союзников по удалению Наполеона за пределы Франции с предоставлением ему полной безопасности по условиям мирного договора, подписанного в Фонтенбло. Деятельность графа Павла Андреевича неоднократно отмечалась высшими российскими орденами.

В XIX столетии представители рода Шуваловых занимали высокие государственные посты и были хорошо известны при дворе.

На российском престоле было три императора, носивших имя Петр. А вот один из Шуваловых был награжден современниками прозванием «Петр IV».

Над Россией распростертой
Встал внезапною грозой
Петр по прозвищу Четвертый,
Аракчеев же второй, —

такие строки посвятил генерал-адъютанту Петру Андреевичу Шувалову поэт Ф.И. Тютчев. Граф Шувалов у современников вызывал совершенно противоположные чувства, мнения и оценки своей деятельности. Одни считали его лидером «партии порядка», одаренным государственным деятелем, тонким политиком, другие – главой «всероссийской помойки», надменным временщиком, бездарным дипломатом, мстительной, честолюбивой и скандальной личностью. Такое обилие характеристик, пожалуй, соответствует количеству постов, которые занимал граф Шувалов на протяжении жизни. Родился Петр Андреевич Шувалов 27 июня 1827 года в Санкт-Петербурге, в семье обер-гофмаршала двора Андрея Петровича Шувалова – человека искушенного в интригах двора, хорошо знающего расклад и все хитросплетения политической жизни придворной элиты. Матерью Петра Андреевича была Фекла Игнатьевна Валентинович – женщина незнатного рода, но отличавшаяся

красотой и страстным желанием добиться положения в обществе. Это был ее второй брак, а первым мужем Феклы Игнатьевны был последний фаворит Екатерины II Платон Зубов. Петр – самый старший ребенок в семье – получил образование в Пажеском корпусе, который окончил в 1845 году с произведением в чин корнета. Карьера юного офицера началась в лейб-гвардии Конном полку.

Происхождение и положение родителей при дворе были гарантией быстрой успешной карьеры молодого офицера. В следующем году он становится поручиком, затем штаб-ротмистром, ротмистром. Родители добивались для него должности флигель-адъютанта, но их усилия были сведены на нет взаимным «увлечением» сына и великой княгини Марии Николаевны. Ее отец, император Николай I, очень недолюбливал молодых людей, снискавших благосклонность дочери. Поняв ситуацию, Петр Андреевич «отдалился» от княгини, чем вызвал ее неудовольствие, но благосклонность монарха все равно не получил.

Крымскую войну Шувалов встретил командиром эскадрона Конного полка, охранявшего южное побережье Балтийского моря. Летом 1854 года он поступает в адъютанты к военному министру князю Долгорукову и по его поручению посещает различные города, где курирует отправку на фронт резервных воинских частей. В его обязанность также входило следить за отправкой в Севастополь транспортов с порохом. Сам Петр Андреевич также принимал участие в обороне этого города, правда недолго, но за храбрость и мужество успел заслужить награду – орден Св. Владимира 4-й степени с мечами. В 1855 году он наконец-то становится флигель-адъютантом и на следующий год сопровождает графа А.Ф. Орлова в Париж для заключения мирного договора. Вернувшись в Россию, Шувалов производится в полковники.

1857 год – год начала успешного карьерного роста графа Шувалова. Он назначается исполняющим должность столичного обер-полицмейстера и производится в чин генерал-майора. К концу года он утверждается в должности и на этом посту прилагает массу усилий для укрепления репутации столичной полиции. В этом ему помогло знакомство с опытом деятельности парижской полиции в бытность Шувалова во Франции.

В 1860 году Петр Андреевич становится директором департамента общих дел МВД. Человек консервативных взглядов, Шувалов был ярым противником реформ, но именно в годы их проведения он достигает высших государственных постов. В год отмены крепостного права он назначается начальником штаба

Корпуса жандармов и управляющим III отделением. Наверное, это была не лучшая должность, но она давала власть. Жандармско-полицейская служба в сознании русского человека всегда вызывала чувство настороженности, опасения и брезгливости, а III отделение получило эпитет «государственной помойной ямы». Один из тех, кто достаточно близко знал Шувалова, писал, что граф «по семейным преданиям своим и по расчету личных выгод предпочитает самодержавие как самую выгодную форму правления для людей», но «готов служить всякому, кто облечет его властью». На этом посту самыми «громкими» его делами были ликвидация студенческих беспорядков в столице и первый политический процесс – дело М.Л. Михайлова. Шувалов никогда не забывал напоминать государю, что своей безопасностью он обязан усилиям III отделения.

Еще три года, и мы видим Шувалова на должности генерал-губернатора Остзейского края (Лифляндия, Эстляндия, Курляндия) и командующего войсками Рижского военного округа. Работа здесь требовала не только опыта, но и дипломатических способностей, так как любой генерал-губернатор этого края сталкивается с большим количеством проблем. Вот некоторые из них: окончательное и прочное объединение Остзейского края с Россией; готовность и принятие мер в случае политических столкновений на западной границе; предотвращение волнений в среде немецкого населения края и другие. Никаких особых нововведений Шувалов не привнес. Ему удавалось сохранять не только спокойствие в крае, но и продемонстрировать особую энергию и активность. Все свои распоряжения он сопровождал массой подробных предписаний. Он строго пресекал любое проявление сепаратизма, не допускал расширения прав местного дворянства, поддерживал деятельность православной церкви в крае. Все конкретные дела глава краевой администрации старался решать мягко, используя тактику компромисса, и местные жители были довольны разумностью губернаторских решений. Конечно, были и трудности, но главной из них стала боязнь Шувалова сделать что-нибудь такое, что могло не понравиться монарху и двору, так как из этой должности граф решил извлечь максимальный политический капитал для дальнейшего пути вверх по ступеням власти.

Энергия генерал-губернатора была достойно оценена императором, а политические противники графа почувствовали беспокойство от усиления его позиций.

Наступает 1866 год. Граф Шувалов отмечает свое 39-летие и достигает зенита «славы». После неудачного покушения Дмитрия Каракозова на императора Шувалов назначается на пост шефа

жандармов и главного начальника III отделения. Пребывание на этой должности явилось временем наиболее сильного его влияния на внутреннюю политику. Почти восемь лет он являлся ближайшим советником императора и был наделен широкими, почти диктаторскими полномочиями. Постоянный противник графа Шувалова бывший военный министр Д.А. Милютин писал, объясняя причины такого влияния: «Все делается под исключительным влиянием гр. Шувалова, который запугал государя ежедневными своими докладами о страшных опасностях, которым будто бы подвергается и государство, и лично сам государь. Вся сила Шувалова опирается на это пугало. Под предлогом сохранения личности государя и монархии гр. Шувалов вмешивается во все дела, и по его наушничеству решаются все вопросы».

Петр Андреевич рекомендовал на посты министров внутренних дел и юстиции своих сторонников, таких же противников реформ, каким был и сам. Он стремился проникать в различные сферы государственной деятельности, сплотить вокруг себя «партию» единомышленников, придерживающихся жесткого консервативного курса. И это ему удалось.

Либералы не уставали критиковать деятельность графа Шувалова. Много говорилось о политике репрессий, проводимой шефом жандармов. Но обратимся к статистике: за последние четыре года деятельности Шувалова на этом посту было проведено 10 политических процессов, а за последующие четыре года – 46.

С началом 70-х годов влияние Шувалова на императора начало заметно уменьшаться, и в 1874 году он получил отставку. Поводом для нее стало «желание» Шувалова занять какой-либо видный дипломатический пост. Сказано это было несерьезно, но государь воспользовался моментом и назначил графа чрезвычайным и полномочным послом в Лондон. Выбор для Шувалова именно Англии был не случайным. Еще в 1873 году благодаря усилиям графа была решена весьма деликатная проблема улаживания дипломатических трудностей в связи с продвижением России в Среднюю Азию, и Петр Андреевич удачно проявил себя во взаимоотношении с английским двором. Император, вероятно, надеялся, что на этом посту граф сумеет активно и плодотворно действовать в интересах России. Но в целом дипломатическая деятельность Шувалова, по оценкам современников, была неудачной. Говорили, что он преувеличивал опасность вооруженного конфликта с Англией и возможность успешного соглашения с ней, чем способствовал затягиванию русско-турецкой войны 1877—1878 годов. В марте 1877 года он

подписал Лондонский протокол великих держав с требованиями к Турции, а в 1879 году Шувалов фактически возглавил русскую делегацию на Берлинском конгрессе. Уступки, сделанные на ней русской дипломатией, были приписаны неудачным действиям лично Шувалова. Император оценил работу Петра Андреевича словами «печальные результаты», а пресса наградила графа весьма нелестными эпитетами. Справедливости ради отметим, что его коллеги по конгрессу и иностранные дипломаты оценили деятельность Шувалова совершенно иначе. Они единодушно отмечали высокий профессионализм, дипломатические способности и работоспособность графа. Но большинство российских политиков не понимали, что в данной ситуации уступки со стороны русской дипломатии были неизбежны; Шувалову же удалось отстоять и сохранить то, что возможно было отстоять и сохранить, проявив мужество, выдержку и упорство. В 1879 году он покидает пост в Лондоне и возвращается в столицу. В дальнейшем он не занимал никаких высоких должностей.

Несправедливая критика соотечественников заставила графа летом 1880 года составить записку, в которой он объяснял свои действия на Берлинском конгрессе. Ее текст отличается немногословностью, четкостью изложения, аргументированностью, доказательностью, с приведением документальных свидетельств.

В Петербурге Петр Андреевич присутствует на заседаниях Государственного совета, участвует в работе департамента законов, но от предложенного ему поста председателя департамента он отказывается. В 1884 году он назначается членом Особой комиссии для составления проекта местного управления. К концу 80-х годов его участие в заседаниях все более приобретает символический характер. Основное время Шувалов проводит в своем поместье, где часто охотится.

Скончался граф 22 марта 1889 года. Причиной смерти стал нарыв в ухе, приведший к заражению крови и быстрой кончине.

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ (1828—1910)
Великий русский писатель, граф.

Родоначальником рода Толстых был Андрей Харитонович Толстой – черниговский боярин, переселившийся в Москву во второй половине XV века и поступивший на службу к великому князю Василию Васильевичу. «Толстой» было его прозванием, данным ему, вероятно, по причине тучности. По преданию, род Андрея Харитоновича вел свое начало от Индроса, выехавшего из Литвы в 1353 году. При крещении Индрос получил имя Леонтий и в Чернигове стал боярином. Боярами были и два его сына – Константин (Литвинос) и Федор (Зимонтен).

В XVII веке виднейшими представителями рода Толстых стали Василий Иванович Толстой и его сын Андрей Васильевич, а первым графом в роду стал сын Андрея Васильевича – Петр, получивший этот титул в 1724 году. Судьба первого графа и его сына сложилась трагически. Петр Андреевич был сподвижником Петра Великого, который отозвался о нем как об «очень способном человеке, но ведя с ним дело, надо держать за пазухой камень, чтобы выбить ему зубы, если он вздумает укусить». Петр Андреевич был ловким дипломатом – первым постоянным послом в Турции. Также он был президентом Коммерц-коллегии и членом Верховного тайного совета. Он был и главным следователем по делу царевича Алексея. Он достиг высот служебной карьеры благодаря уму и поразительной работоспособности, а вовсе не хитростью и коварством, кои приписывались ему многими современниками.

Когда скончался Петр I, граф Толстой активно содействовал избранию на царство Екатерины I. В следующем, 1726 году он стал инициатором создания Верховного тайного совета и вступил в борьбу против чрезмерного возвышения А.Д. Меншикова. Но потерпел поражение. Он и его единомышленники были арестованы. Процесс по делу длился всего три дня – Меншиков очень торопился, так как Екатерина была смертельно больна. Указ от ее имени вышел в день ее смерти – 6 мая 1727 года. Согласно указу, Толстой был лишен чести, чина и имущества и сослан на Соловки. Туда же был отправлен и его сын Иван. Условия жизни в тюрьме Соловецкого монастыря были ужасными. Камеры были настолько сырыми, что одежда на узниках через год сгнивала. В тюрьме Петр Андреевич провел полтора года и только

на несколько месяцев пережил своего сына. Петр Андреевич скончался в январе 1729 года в возрасте 84 лет. Он был погребен в монастыре, внутри ограды перед Преображенским собором.

Его старший сын Иван, погибший вместе с отцом на Соловках, был женат на княжне Прасковье Ивановне Троекуровой. В 1742 году ей были возвращены имения тестя, отписанные в казну. Она воспитывала пятерых сыновей – Василия, Андрея, Бориса, Федора и Петра, которым по указу от 26 мая 1760 года был возвращен и графский титул.

Андрей Иванович Толстой, родившийся в 1721 году, стал суздальским воеводой и от провинциального дворянства был избран депутатом в Екатерининскую комиссию по составлению уложения. Его сын Илья Андреевич был одним из богатейших помещиков, но, живя широко, быстро растратил состояние. В 1815 году он был назначен губернатором Казани, и на этом посту совершил крупные злоупотребления, что и было раскрыто сенаторской ревизией. Он был отстранен от должности в 1820 году и в тот же год скончался. От брака с Пелагеей Николаевной Горчаковой имел двоих сыновей (Николая и Илью) и двух дочерей.

Николай Ильич Толстой начал военную службу в годы Отечественной войны 1812 года. В 15 лет (в июне 1812 года) он был зачислен корнетом в Иркутский гусарский полк. За отличия в боях он награждался чинами и орденами. В годы войны попал в плен и был освобожден при взятии русскими войсками Парижа. Службу он закончил в 1815 году, выйдя в отставку в звании подполковника. Женившись на Марии Николаевне Волконской, Николай Ильич до конца своих дней проживал в Ясной Поляне – в родовом имении жены. Брак дал супругам троих сыновей и дочь. Младшим сыном был Лев Николаевич Толстой – знаменитый писатель, достигший еще небывалой в истории литературы славы.

Он родился 9 сентября 1828 года в Ясной Поляне, которая располагалась в Крапивенском уезде Тульской губернии (в 15 верстах от Тулы). Льву Николаевичу не было и двух лет, когда умерла его мать. Воспитанием осиротевших детей занялась дальняя родственница Т.А. Ергольская. О матери он знал в основном по рассказам других людей, и память о ней оставил в автобиографическом «Детстве», где она стала прототипом матери Иртеньева.

В 1837 году семья переехала в Москву, потому что старшему сыну надо было готовиться к поступлению в университет. Но вскоре внезапно умирает и отец, оставив дела в довольно расстроенном состоянии, и трое младших детей снова поселились в Ясной Поляне, под наблюдением Т.А. Ергольской и тетки по

отцу, графини А.М. Остен-Сакен.

В Ясной Поляне дети оставались до 1840 года, а затем переехали в Казань к новой опекунше – сестре отца П.И. Юшковой. Дом Юшковых был типично светским, хотя и провинциальным, и принадлежал к числу самых веселых в Казани. Здесь у Льва Николаевича поистине стали складываться те черты характера, которые отличали его всю остальную жизнь. Он хотел блистать в обществе, но природная застенчивость и внешние данные не позволяли ему добиться этого. Его натуру отличали огромное самолюбие и желание достигнуть чего-то настоящего. Вместе с тем в нем шла напряженная внутренняя борьба и выработка строгого нравственного идеала. Вся дальнейшая жизнь Толстого представляет собой мучительную борьбу с противоречиями жизни.

Пройдя курс домашнего обучения, Лев Николаевич в возрасте 15 лет стал студентом Казанского университета сначала восточного, а затем юридического факультета, по два года на каждом. В университете он только числился, продолжая вести светский образ жизни. И все-таки в 1847 году он оставил университет и вернулся в Ясную Поляну, бросив учебу еще до наступления переходных экзаменов на 3-й курс юридического факультета.

Живя в деревне, Толстой пытался стать «добрым помещиком» для крестьян. Его забота о них выражалась в строительстве для крестьян домов и школы для их детей. Но вскоре он понимает, что примирение помещика и мужика невозможно – крестьяне просто не верят барину и его заботе о них. Чувствуя духовную опустошенность, Лев Николаевич начинает вести дневник, положивший начало его литературной деятельности. В творчестве он увидел способ «оторваться от всего прошедшего, переделаться, начать жить по-новому». Он начинает писать автобиографическую повесть «Детство». Повесть он заканчивает уже на Кавказе, куда перебрался в 1851 году к брату Николаю, который проходил там службу. Вскоре он и сам решил поступить на военную службу, но явились препятствия в виде отсутствия нужных бумаг, которые трудно было добыть, и Толстой прожил около пяти месяцев в полном уединении в Пятигорске. Осенью 1851 года Толстой, сдав в Тифлисе экзамен, поступил юнкером в 4-ю батарею 20-й артиллерийской бригады, стоявшей в казацкой станице Старогладковской, на берегу Терека, под Кизляром. Позднее жизнь казацкой станицы и свои чувства и переживания тех времен Толстой изобразил в «Казаках». В глухой станице Толстой обрел «лучшую часть самого себя»: он продолжал писать, а в 1852 году отослал в редакцию «Современника» первую часть

автобиографической трилогии – «Детство», и вскоре получил от Некрасова ответ, что повесть будет напечатана, написав также, что у Толстого есть определенный литературный талант. «Детство» было высоко оценено и Тургеневым, который, прочитав повесть, сказал, что ее автор «далеко пойдет». В 1854 году в том же «Современнике» появилась и вторая часть трилогии – «Отрочество», и в это время Лев Николаевич продолжал работать над последней повестью трилогии – «Юность», которую закончил в 1857 году.

В 1853 году, когда началась война с Турцией, Толстой стал ходатайствовать о переводе его в действующую армию. Он добился отправки в Румынию, где находился полгода. Об этом времени Толстой говорит, что «и воевать не воевал, и писать не писал». А с началом Крымской войны он подает рапорт с просьбой о переводе в Севастополь. В ноябре 1854 года он прибывает в город и до самого конца войны участвует в его обороне в качестве офицера артиллерии. Все ужасы, лишения и страдания, выпавшие на долю защитников Севастополя, перенес и Толстой. Он долго жил на страшном 4-м бастионе, командовал батареей в сражении при Черной, был при адской бомбардировке во время штурма Малахова кургана. Участие в обороне города дало Толстому богатые наблюдения, которые затем были им использованы при написании «Севастопольских рассказах», появившихся в «Современнике» в 1855—1856 годах. Рассказы пользовались огромным успехом, а давая оценку творчеству Толстого, Писемский в восхищении сказал: «Этот офицеришка нас всех заклюет, хоть бросай перо». Правда, цензурный комитет во главе с Мусиным-Пушкиным нашел в ряде рассказов «насмешки над нашими храбрыми офицерами», и Льву Николаевичу пришлось второй и третий рассказы несколько переделать, чтобы их опубликовать.

В конце осени 1855 года Толстой приехал в Петербург. Шумной и веселой жизнью зажил Толстой в столице, где его встретили с распростертыми объятиями и в великосветских салонах, и в литературных кружках. Особенно близко сошелся он с Тургеневым, с которым некоторое время жил на одной квартире. Тургенев ввел Толстого в кружок «Современника» и других литературных корифеев: у него сложились приятельские отношения с Некрасовым, Гончаровым, Панаевым, Григоровичем, Дружининым, Сологубом. В столице его стали приглашать печататься в разные журналы, но он отдавал свои рукописи только в «Современник».

«Севастопольские рассказы», окончательно укрепившие известность Толстого, как одной из главных «надежд» нового

литературного поколения, до известной степени являются первым эскизом того огромного полотна, которое 10–12 лет спустя Толстой с таким гениальным мастерством развернул в «Войне и мире». Первый в русской, да и едва ли не во всемирной литературе, Толстой занялся трезвым анализом боевой жизни, первый отнесся к ней без всякой экзальтации. Он низвел воинскую доблесть с пьедестала сплошного «геройства», но вместе с тем возвеличил ее как никто.

По воспоминаниям Левенфельда, после Севастополя столичная жизнь «имела двойную прелесть для богатого, жизнерадостного, впечатлительного и общительного молодого человека. На попойки и карты, кутежи с цыганами у Толстого уходили целые дни и даже ночи». Веселая жизнь не замедлила оставить горький осадок в душе Толстого, тем более что у него начался сильный разлад с близким ему кружком писателей. Он никак не хотел удовлетвориться тем, что он, «чудесный художник», не мог признать литературную деятельность чем-то особенно возвышенным, чем-то таким, что освобождает человека от необходимости стремиться к самоусовершенствованию. На этой почве возникали ожесточенные споры. В начале 1857 года Толстой пишет: «Люди мне опротивели, и сам я себе опротивел». Он без всякого сожаления оставил Петербург и отправился за границу. Неожиданное впечатление произвела на него Западная Европа. Он побывал в Германии, Франции, Англии, Швейцарии и Италии, проведя за границей в общей сложности около полутора лет. Впечатление от поездки было резко отрицательным, и в дальнейшем Толстой не обмолвился каким-нибудь добрым словом о тех или других сторонах заграничной жизни, нигде не поставил культурное превосходство Запада в пример России. Разочарование европейской жизнью он высказал в рассказе «Люцерн». За границей Толстого интересовали вопросы народного образования, которые он пристально изучал в Германии и теоретически, и практически, беседуя со специалистами. Во время пребывания в Брюсселе Толстой познакомился с Прудоном и Лелевелем.

Во время второго путешествия за границу в Южной Франции на руках у Льва Николаевича скончался от чахотки его любимый брат Николай. Смерть брата произвела на Толстого сильное впечатление, и он решил вернуться в Россию.

Еще в 1859 году во время пребывания в России между первым и вторым путешествиями за границу, Толстой вышел из журнала «Современник» вместе с Тургеневым, Гончаровым и Григоровичем. Он не принимал идеи о революционном пути решения крестьянского вопроса и крайне отрицательно относился

к революционной демократии. Вернувшись в Россию в 1861 году, в год освобождения крестьян, Толстой становится мировым посредником, приняв участие в проведении крестьянской реформы, но, защищая крестьянские интересы, вызвал к себе неприязнь помещиков и вскоре был отстранен от должности. В своем уезде Лев Николаевич открыл ряд школ, центром которых стала первая в России экспериментальная Яснополянская школа. Эта школа стала для Толстого «поэтическим, прелестным делом, от которого нельзя оторваться». Толстой сам создал оригинальную методику и учил детей без принуждения, считая их такими же свободными людьми, как и он сам. Он решительно восстал против всякой регламентации и дисциплины в школе, считал, что все в преподавании должно быть индивидуально – и учитель, и ученик, и их взаимные отношения. В Яснополянской школе дети сидели кто где хотел, кто сколько хотел и кто как хотел. Никакой определенной программы преподавания не было. Единственная задача учителя заключалась в том, чтобы заинтересовать класс. Несмотря на этот крайний педагогический анархизм, занятия шли прекрасно. Их вел сам Толстой, при помощи нескольких постоянных учителей и нескольких случайных, из ближайших знакомых и приезжих.

В 1862 году Толстой стал издавать педагогический журнал «Ясная Поляна», где главным сотрудником являлся опять-таки он сам. Сверх статей теоретических Толстой написал также ряд рассказов, басен и переложений.

В том же году произошли изменения и в его личной жизни – Лев Николаевич женился на Софье Андреевне Берс. Ему пошел уже четвертый десяток, Софье Андреевне было всего 17 лет. Но, несмотря на разницу в возрасте, в лице жены он нашел не только верного и преданного друга, но и незаменимую помощницу во всех делах, практических и литературных. Она многократно переписывала без конца переделываемые мужем произведения, причем часто «недоговоренная» мысль писателя, недописанные слова и обороты под ее рукой получали ясное и определенное выражение. Для Толстого наступает самый светлый период его жизни – период упоения личным счастьем и расцвета его творческого гения.

В первые годы после женитьбы Толстой работал над романом «Война и мир», создав одно из лучших своих произведений, ставшим одним из признанных шедевров мировой литературы. От романа исторического он затем переходит к роману современному. «Анна Каренина» стала не просто семейным романом, а произведением, охватившим социально-психологические проблемы современной Толстому

действительности.

Затем в жизни Льва Николаевича Толстого наступает период, названный исследователями его жизни и творчества периодом перехода писателя на позиции патриархального крестьянства. Он наметился во время работы Толстого над «Исповедью». В дневниках, статях и литературных произведениях того времени Толстой выражает свое отрицательное отношения к самодержавию, буржуазии и остаткам крепостничества. Отрицательное отношение писателя достигает такой остроты, что в 1884 году он решается уйти из Ясной Поляны и порвать с «барскими» условиями жизни. Он переезжает в Москву и ведет разностороннюю общественную деятельность. Он принимает участие в переписи населения и изучает условия жизни московской бедноты; во время голода в России в 1891 году Толстой помогает сбору средств для голодающих и устройству столовых; организовывает вместе с Чертковым издательство «Посредник», специализирующееся на выпуске дешевых книг для простого народа.

Социально-религиозные и философские искания писателя привели его к созданию собственной философско-религиозной системы, изложенной им в статьях «Критика догматического богословия», «В чем моя вера» и других.

Пытаясь разобраться в вопросах веры, Толстой ведет беседы со священниками и монахами, со старцами в Оптиной пустыни, читает богословские трактаты, и, чтобы в подлиннике прочитать первоисточник христианского учения, он изучает древнегреческий и древнееврейский языки. Вместе с тем он присматривался к раскольникам и различным сектантам. В это время Толстой начинает стремиться к жизни, близкой к природе. Постепенно отказывается он от прихотей и удобств богатой жизни, много занимается физическим трудом, одевается в простейшую одежду, становится вегетарианцем, отдает семье все свое крупное состояние, отказывается от прав на литературную собственность. В произведениях этого периода он проповедует принцип непротивления злу насилием, неучастие в революционной борьбе. Он отрицает все установившиеся формы государственной, общественной и религиозной жизни. Толстой подвергается нападкам, с одной стороны, революционно-демократических деятелей, с другой – государственных чиновников и церкви. Специальным решением Синода он был от церкви отлучен. Определение Святейшего Синода от 20–22 февраля 1901 года гласило: «Известный всему миру писатель, русский по рождению, православный по крещению и воспитанию своему, граф Толстой, в прельщении гордого ума своего, дерзко

восстал на Господа и на Христа Его и на святое Его достояние, явно перед всеми отрекшись от вскормившей и воспитавшей его матери, церкви православной, и посвятил свою литературную деятельность и данный ему от Бога талант на распространение в народе учений противных Христу и церкви, и на истребление в умах и сердцах людей веры отеческой, веры православной, которая утвердила вселенную, которой жили и спасались наши предки и которой доселе держалась и крепка была Русь святая. В своих сочинениях и письмах, во множестве рассеваемых им и его учениками по всему свету, в особенности же в пределах дорогого отечества нашего, он проповедует, с ревностью фанатика, ниспровержение всех догматов православной церкви и самой сущности веры христианской: отвергает личного живого Бога, в святой Троице славимого, Создателя и Промыслителя вселенной, отрицает Господа Иисуса Христа – Богочеловека, Искупителя и Спасителя мира, пострадавшего нас ради человеков и нашего ради спасения и воскресшего из мертвых; отрицает бессменное зачатие по человечеству Христа Господа и девство до рождества и по рождестве Пречистой Богородицы Приснодевы Марии, не признает загробной жизни и мздовоздаяния, отвергает все таинства церкви и благодатное в них действие Святого Духа и, ругаясь над самыми священными предметами веры православного народа, не содрогнулся подвергнуть глумлению величайшее из таинств, святую Евхаристию». Поэтому «церковь не считает его своим членом и не может считать, доколе он не раскается и не восстановит своего общения с ней».

Несмотря на отрицание Толстым революционной борьбы, он сочувствовал борцам против произвола и угнетения. Толстой предчувствовал революционные события 1905 года, а когда революция началась, он сказал, что «она будет иметь для человечества более значительные и благотворные последствия, чем Великая французская революция». После поражения революции Лев Николаевич выступал с гневными статьями, в которых обличал жестокость правительства, а в письме, посланном Толстым Николаю II, он обвинил царя в деспотизме и заявил, что тому не удастся удержаться у власти. Толстой также требовал прекращения преследования и казней участников революции и передачи земли крестьянам.

Толстой мучился своей принадлежностью к высшему обществу. Проживая в Ясной Поляне, в окружении домашних и слуг, он в 1906 году записал в своем дневнике: «Все больше и больше болею свои довольством и окружающей нуждою… все нарядные, едят, пьют, требуют. Слуги бегают, исполняют. И мне все мучительнее и мучительнее, труднее и труднее участвовать и

не осуждать».

Решив окончательно порвать с «барскими условиями жизни», Лев Николаевич тайно покидает Ясную Поляну осенью 1910 года. Сопровождал его врач Д.П. Маковицкий. В пути Толстой простудился и заболел воспалением легких. Он был снят с поезда Рязанско-Уральской железной дороги и помещен в доме начальника станции, которая теперь носит имя Толстого. И 20 ноября 1910 года Лев Николаевич Толстой скончался, но даже на пороге смерти отказавшись примириться с властью и церковью.

Он был похоронен без церковного обряда в Ясной Поляне. Согласно его завещанию, на его могиле не было поставлено ни креста, ни памятника.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ КРОПОТКИН (1842—1921)
Князь, ученый, теоретик анархизма.

Род князей Кропоткиных ведет происхождение от князей смоленских, потомков Рюрика. Родоначальником его был племянник последнего великого князя Смоленского Юрия Святославича Дмитрий Васильевич по прозванию Кропотка. Трое его сыновей стали основателями трех ветвей князей Кропоткиных. Старший сын Дмитрий остался в Литве, а двое других, Александр и Иван Дмитриевичи, в конце XV века переехали в Москву, на службу к великому князю Ивану Васильевичу. Вплоть до XVIII века две ветви Кропоткиных служили российским государям, но затем старшая из них угасла. Последние из ее представителей были близки ко двору царя Ивана Алексеевича, а один из них, Михаил Васильевич, в годы правления царевны Софьи был отправлен по ее приказу в качестве посла к Петру I, бежавшему в Троице-Сергиеву лавру. О судьбе сыновей Михаила Васильевича практически сведений нет, известно лишь, что один из них, Иван, входил в Великое посольство царя Петра, работал вместе с ним на верфи в Амстердаме и был в числе первых волонтеров, отправленных за границу для изучения морского дела.

Другая ветвь Кропоткиных, ведущая начало от Ивана Дмитриевича, сохранилась до настоящего времени. Род сильно разросся и постоянно делился на многочисленные ветви. Еще в XVI веке потомки Михаила Ивановича Кропоткина, прозванного «Большой», дали две большие линии рода – рязанскую и калужскую. Из известных представителей рязанской линии стоит отметить Кузьму-Воина Михайловича, который не только воеводствовал во многих городах (Шуе, Коломне, Торжке и других), но и составлял писцовые книги по Тульскому, Крапивенскому и Владимирскому уездам. В XIX веке ряд представителей рязанской линии уже не могли доказать своего происхождения от древних смоленских князей и утвердить в департаменте герольдии княжеское достоинство по причине большой путаницы в генеалогии Кропоткиных, возникшей еще в предыдущие столетия.

Но представители калужской линии рода, большинство из которых посвятили жизнь воинской службе, отстаивали свое происхождение с должным упорством. Так, Николай Алексеевич

Кропоткин в 1787 году возбудил дело о гербе рода князей Кропоткиных и о признании их в княжеском достоинстве. Ему, отставному секунд-майору, удалось добиться указа департамента герольдии о внесении его и потомства в V часть родословной книги Калужской губернии. Герб Кропоткиных (серебристый щит с гербом княжества Смоленского – черная пушка на золотом лафете, стоящем на зеленом поле, и с райской птицей на стволе – покрытый княжеской мантией и увенчанный княжеской шапкою) был внесен в «Общий гербовник» Российской империи.

Внук Николая Алексеевича, Алексей Николаевич Кропоткин, традиционно выбрал для себя военную службу. Образование получил в школе гвардейских подпрапорщиков, и по ее окончании был направлен служить в лейб-гвардии Семеновский полк. Он участвовал в русско-турецкой войне 1828—1829 годов, в Польской кампании 1830—1831 годов, стал георгиевским кавалером и вышел в отставку в чине генерал-майора. Для своих трех сыновей – Николая, Александра и Петра – он выбрал военную службу. Младший из сыновей, Петр, внес имя Кропоткиных в мировую историю, но далеко не военными подвигами на полях сражений. Петр Алексеевич Кропоткин стал не только выдающимся революционером, писателем, гуманистом, публицистом, он был также ученым-энциклопедистом. Им написаны специальные исследования по географии и геологии, биологии, по социологии и политической экономии, по педагогике и истории, по этике и литературоведению.

Родился он в Москве 9 декабря 1842 года. Петр рано потерял мать – Екатерина Николаевна, дочь героя Отечественной войны 1812 года генерала Сулимы, умерла, когда младшему сыну не исполнилось и четырех лет. На воспитание Петра оказывали большое влияние как учителя, так и старший брат Александр, с которым его связывала большая дружба. В 1853 году Петр Кропоткин был зачислен в Первую московскую гимназию, а по ее окончании он поступил в одно из самых привилегированных военных учебных заведений – Пажеский корпус. В течение пяти лет обучения в корпусе Кропоткин проявил прекрасные способности, осваивая физику, географию, химию, биологию, историю и другие науки. Здесь же он познакомился с трудами Герцена, Чернышевского, Добролюбова, которые оказали влияние на формирование у него критического взгляда к окружающей действительности. Выпускной класс Петр Кропоткин окончил первым по списку, обратив на себя внимание Александра II, и став личным камер-пажом императора. Перед юношей открывалась блестящая карьера, но вопреки желанию отца видеть сына гвардейским офицером, Петр решил стать ученым.

Выпущенный из Пажеского корпуса в 1862 году и имея возможность остаться служить в столице, он по собственному желанию выбрал местом службы далекую Сибирь – Амурское конное казачье войско.

Крепкий, красивый молодой офицер – Кропоткин – смог сразу расположить к себе окружающих добротой, веселостью, умом и необыкновенной работоспособностью. Его радовала возможность заняться полезным общественным делом. Он был не чужд развлечениям – участвовал в любительских спектаклях и танцевальных вечерах, но большую часть времени уделял работе двух комиссий. Одна готовила проект реформы тюрем и системы ссылок, другая – проект городского самоуправления. Кропоткин участвовал в заседаниях комиссий, в расследованиях должностных злоупотреблениях властью, часто совершал поездки на места для изучения материалов дела, много читал специальной литературы. Но вскоре работа комиссий была прекращена, а вместе с этим и угасли надежды Петра Кропоткина на возможность решения насущных общественных проблем с помощью реформаторской деятельности.

Он не мог оставаться без дела и искал применения своим знаниям и возможностям. И здесь, в Сибири, состоялось становление Кропоткина как исследователя и путешественника. В этот период он совершил несколько путешествий по Восточной Сибири и Маньчжурии. В 1864 году Кропоткин произвел рекогносцировку пути из Юго-Восточного Забайкалья на реку Амур. При этом он пересек горный хребет Большой Хинган, открыл в горном хребте Ильхури-Алинь и на северном склоне горной системы Саяны несколько потухших третичных вулканов. В 1866 году он совместно с И.С. Поляковым осуществил Олекминско-Витимскую экспедицию, исследовал Патомское и Витимское нагорья. В ходе этой экспедиции Кропоткиным были завершены 3-летние геологические наблюдения, обнаружены следы ледников на Патомском нагорье, получены данные о том, что Сибирь от Урала до Тихого океана – не равнина, как изображали на карте, а громадное плоскогорье. Опираясь на огромный фактический материал, Кропоткин разработал схему орографии Восточной Сибири, и его научная деятельность была отмечена золотой медалью Русского географического общества.

В 1867 году Петр Алексеевич оставляет службу и поступает на физико-математический факультет Петербургского университета. Он ведет жизнь простого студента, зарабатывая литературной деятельностью. В следующем году Кропоткин поступает на службу в Статистический комитет МВД. Продолжая активно заниматься наукой, Петр Алексеевич много трудится в

Русском географическом обществе, где знакомится с крупнейшими русскими путешественниками и географами того времени – Миклухо-Маклаем, Пржевальским и другими. Он занимался вопросами, связанными с планами Географического общества по исследованию Арктики и вынашивал грандиозный замысел – создать полное географическое описание России, связав природные условия с хозяйственной деятельностью человека. В 1871 на основании изучения морских течений в Баренцевом море Кропоткин теоретически доказал существование суши севернее Новой Земли, что подтвердила австрийская экспедиция (1873), которая открыла эту сушу, назвав ее Землей Франца-Иосифа. В том же году он получает предложение стать секретарем общества, что помогло бы ему анализировать и обрабатывать материалы, поступающие в общество, но он от него отказался.

В начале 1872 года Кропоткин получает разрешение на поездку за границу, и в феврале уезжает в Швейцарию. Здесь он изучает деятельность 1-го Интернационала и в Цюрихе вступает в его местную секцию. Знакомится он и с «федералистами», пропагандирующими идеи М.А. Бакунина, теоретические положения которого склонили Кропоткина на сторону анархизма.

За границей Кропоткин пробыл до мая и, вернувшись в Россию, вошел в общество «чайковцев» – наиболее значительной из ранних народнических организаций. Два года работы в кружке «чайковцев» окончательно определили судьбу Кропоткина. Он вел активную пропаганду среди петербургских рабочих, овладел навыками конспирации и составил два документа: «Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя?» и «Программа революционной пропаганды», в которых впервые в общих чертах сформулировал свою анархистскую программу.

Продолжая заниматься научной работой, он изучал ледниковые отложения и формы рельефа Финляндии и Швеции. Эти исследования привели его к выводу о широком распространении в антропогеновое время материкового оледенения в Северном полушарии, о чем Кропоткин в марте 1874 года сделал сенсационный доклад в Географическом обществе. В дальнейшем свои аргументы в пользу ледниковой теории он изложил в работе «Исследования о ледниковом периоде», первый том которой был издан в 1876 году.

В 1874 году за народническую пропаганду Петр Алексеевич был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Вклад Кропоткина в науку к тому времени был настолько значим, что по личному распоряжению императора ему были созданы условия (бумага, чернила, книги) для продолжения занятий научной

деятельностью в тюрьме. Два года заключения сильно подорвали здоровье Петра Алексеевича, и в 1876 году он был переведен из-за болезни в Николаевский военный госпиталь, откуда 30 июня с помощью друзей он сумел бежать.

Оставаться в России было невозможно, и началась эмиграционная жизнь князя Кропоткина, продолжавшаяся 40 лет.

Живя за границей, Кропоткин продолжал свою научную, общественную и публицистическую деятельность, выступал с лекциями и речами, писал статьи и обзоры для научных изданий, издавал анархические газеты: «Революте» (в Женеве), «Револют» и «Тан Нуво» (в Париже), «Хлеб и Воля» (в Лондоне) и другие. Он близко познакомился со многими деятелями русского и международного революционного движения, особенно анархистского. С ним общались, переписывались многие известные деятели культуры и социальных движений.

После смерти Бакунина (1876) он становится наиболее авторитетным теоретиком анархизма, участвует в международных социалистических конгрессах и конгрессах анархистов. В годы изгнания он неоднократно высылался властями из страны в страну, подвергался арестам, провел три года во французской тюрьме. Царское правительство вело слежку за Кропоткиным как опасным политическим преступником. На него готовила покушение русская монархическая организация «Священная дружина», ошибочно видевшая в Кропоткине организатора убийства Александра II.

Все тяготы жизни ученого и революционера-изгнанника мужественно разделяла с ним в течение долгих лет Софья Григорьевна Кропоткина, ставшая в 1878 году его женой.

Активно участвуя в европейском социалистическом движении, он продолжал исследования в области биологии, географии, геологии, этики, социологии, истории. В конце 1870-х – начале 1890-х годов Кропоткин разработал и постоянно совершенствовал собственную теорию, которую назвал анархо-коммунизмом. В борьбе с противниками дарвинизма он развил положение теории Дарвина о взаимопомощи в живой природе, пытался перенести эти взгляды в сферу социальных отношений людей, сформулировал закон взаимной помощи и солидарности.

С конца 1890-х годов он участвовал в деятельности революционной российской эмиграции, сотрудничал в «Фонде вольной русской прессы», в 1904 создал Лондонскую группу русских рабочих-анархистов с целью издания пропагандистской литературы для России. В годы революции 1905—1907 годов он выступал против карательной политики царизма. Кропоткин стал одним из организаторов съезда российских анархистов (декабрь

1904 года), собрания российских анархистов-эмигрантов (сентябрь 1905 года), съезда российских анархистов (сентябрь 1906 года), конференции анархистов-эмигрантов (январь 1907 года), разработавших стратегию и тактику анархистов в революции.

С началом Первой мировой войны Кропоткин выступил в поддержку Франции, Англии и России против германского империализма, так как считал Францию центром мирового революционного движения, а Германию – оплотом реакции и милитаризма. Но эта позиция не нашла отклика у большинства анархистов мира, осуждавших войну вообще.

За границей Петр Алексеевич Кропоткин написал свои основные произведения: «Речи бунтовщика» (1885), «В русских и французских тюрьмах» (1887), «Хлеб и воля» (1892), «Взаимная помощь как фактор эволюции» (1902), «Записки революционера» (1902), «Идеалы и действительность в русской литературе» (1905), «Великая французская революция 1789—1793» (1909), «Современная наука и анархия» (1913) и другие.

Петр Алексеевич смог вернуться в Россию только после Февральской революции. На вокзале в Петрограде, несмотря на поздний час, его встречали тысячи людей, члены Временного правительства во главе с А.Ф. Керенским, почетный караул, корреспонденты. Временное правительство надеялось использовать в своих целях всемирно известного ученого и революционера. В июне–июле Керенский тщетно пытался уговорить Кропоткина войти в состав правительства, предлагая занять любой министерский пост. Верный анархическому мировоззрению, князь отказался, сказав: «Я считаю ремесло чистильщика сапог более честным и полезным». Отказался он и от предложенной Временным правительством ежегодной пенсии в 10 тысяч рублей. До октября 1917 года Кропоткин участвовал в работе Государственного совещания, и 15 августа выступил на нем с речью, начав ее с призыва «стать дружною стеной на защиту Родины и нашей революции». Тяжелое впечатление произвела на него встреча с питерскими анархистами. При посещении их штаба он увидел грубых, бряцавших оружием людей, которые понимали свободу как вседозволенность. «И для этого я всю жизнь работал над теорией анархизма!» – с горечью воскликнул Кропоткин при встрече с Г.В. Плехановым, также вернувшимся из эмиграции.

В августе 1917 года Кропоткин переезжает в Москву. К Октябрьской революции Кропоткин отнесся неоднозначно, видя в ней как начало социально-экономических преобразований, так и узурпацию власти, ведшую к перерождению и гибели революции. Он стал председателем Лиги федералистов, участвовал в

пропаганде идей федерализма, содействовал развитию кооперативного движения. В подготовленном им обращении Московской Лиги федералистов о задачах Лиги говорилось, что восстановить прежнюю форму единства страны, распавшейся в результате свержения царизма, нельзя, ибо это единство держалось на насилии. Единственным спасением России называлось «превращение ее в тесный союз (федерацию) свободных областей и народов…». При этом особо подчеркивалось, что «в основе общественного устройства России должен лежать не государственный централизм, а местная самостоятельность (автономия) и федеративное (союзное) добровольное объединение».

Опираясь на свой огромный авторитет среди революционеров, Петр Алексеевич вызволил немало людей из застенков ЧК. Он протестовал против подчинения советов большевистским партийным комитетам, против разгрома новой властью кооперативного движения, против всесилия политической полиции и эскалации красного террора, против ликвидации свободной печати и уничтожения негосударственных издательств.

Из-за нехватки продовольствия и топлива в Москве Кропоткин вместе с семьей переехал в подмосковный город Дмитров, где продолжал много работать. В черновых набросках и письмах он давал суровую оценку происходившему в стране. В 1918—1920 годах он трижды встречался в В.И. Лениным. В их беседах поднимался широкий круг вопросов. Кропоткин высказывал свое видение происходившего в стране, говорил о непорядках на местах, защищал интересы кооператоров, страстно отстаивал идеалы «безгосударственного» коммунизма. Кроме бесед он обращался к Ленину посредством писем, выступая в них с резкой критикой политики, проводимой новой властью. «Если бы даже диктатура партии была подходящим средством, чтобы нанести удар капиталистическому строю (в чем я сильно сомневаюсь), то для сохранения нового социалистического строя она безусловно вредна. Нужно, необходимо местное строительство, местными силами, а его нет… совершаются самые грубые ошибки, за которые приходится расплачиваться тысячами жизней и разорением целых округов», – писал Кропоткин.

К тому времени Петр Алексеевич фактически отошел от практического участия в русском анархическом движении. В Москве его навещали видные анархисты, предлагали сотрудничать в анархистской газете. Подобные предложения он получал и в Дмитрове, но отказывался их принять. Жизнь была трудной – продукты, топливо, условия для нормальной научной

работы – все было проблемой. Здоровье оставляло желать лучшего, да и возраст был уже почтенный. На предложение от своих почитателей о переезде в Швейцарию Петр Алексеевич ответил отказом, считая, что в это трудное время его место здесь, в России. Несмотря на частые болезни, он подготавливал к новым изданиям свои произведения, участвовал в общественной жизни. В конце декабря 1920 года направил последнее открытое письмо в адрес VIII Всероссийского съезда Советов, в котором отстаивал возможность существования вольных издательств.

Последние годы Кропоткин упорно работал над завершением одной из лучших своих книг – «Этика». В этом труде он утверждал идеалы добра, веру в величие человека, мудрость народа.

Завершить работу не удалось. В 1921 году, 8 февраля, Петр Алексеевич Кропоткин скончался. Похороны «дедушки русской революции» (как его часто называли) собрали десятки тысяч человек. Похоронен он был в Москве на Новодевичьем кладбище.

Современники на редкость единодушно отзывались о Кропоткине как о необычайно светлой, цельной и гармоничной личности. Бернард Шоу называл Кропоткина «одним из святых столетия», а Оскар Уайльд считал его жизнь «совершенной».

Петр Алексеевич Кропоткин – поистине явление не только отечественной, но и мировой культуры. В его честь названы хребет на Патомском плоскогорье, хребет и вулкан в Восточном Саяне, гора в Олекминском Становике, острова, вулканы, населенные пункты и улицы ряда городов.

КАРЛ ВИЛЬГЕЛЬМ ПАУЛЬ ФОН БЮЛОВ (1846—1921) *Немецкий генерал-фельдмаршал.*

Старинный дворянский род Бюловых, корни которого уходят к XII столетию, имя получил от названия села в Мекленбурге. Род был довольно разветвленный и дал Германии немало известных имен. В средние века представители рода были в основном католическими священнослужителями, а в XIX столетии Бюловы внесли заметный вклад в духовную жизнь Германии. Эту фамилию носили деятели немецкой культуры, среди которых наиболее прославился выдающийся пианист и дирижер Ганс Гвидо Бюлов. Немало Бюловых служили в качестве высших чиновников и дипломатов монархам Германии. Таким был и Бернхард Генрих Мартин фон Бюлов – рейхсканцлер и самый известный государственный деятель послебисмарковской Германии.

Род Бюловых послужил и военной славе Германии. Среди его представителей были и военные теоретики и служаки-практики, достигшие генеральских чинов. Вспомним Адама Генриха Дитриха фон Бюлова. Его военный опыт (хотя и небольшой) позволил ему развить военную теорию и создать новую стратегическую систему. В 1798 году во Франции он выпустил свой лучший труд «Дух новой военной системы», где были изложены основные теоретические выкладки. Их Бюлов выводил из основного понятия о необходимости базиса и о важности сообщений. Для достижения целей войны Бюлов считал необходимым полное обеспечение коммуникаций при наступательных действиях, а при оборонительных действиях, не ограничиваясь пассивной обороной, действовать на коммуникации противника. Адам фон Бюлов утверждал, что можно достигнуть победы, уклоняясь от решительного сражения и довольствуясь малыми стычками на изматывание противника.

Несмотря на то что его мысли остались лишь одной теорией, некоторые из них были приняты другими авторами и послужили дальнейшему развитию науки стратегии.

Адам фон Бюлов некоторое время (до 1790 года) служил и в русской армии. В 1806 году он выпустил военно-политический памфлет «Поход 1805 года», содержащий критические взгляды на стратегию русского командования, что конечно же не привело в

восторг российскую сторону. По требованию русского правительства он был посажен в крепость Кольберг, а затем окончательно выдан в Россию и отправлен морем в Ригу. Дальнейшая его судьба осталась неизвестной. По одним сведениям, он умер от болезни во время переезда в Ригу, по другим – скончался от ран, нанесенных в драке, по третьим – Бюлов был сослан в Сибирь и по пути пропал без вести.

Самым знаменитым в плеяде военных деятелей конца XVIII – начала XIX веков был Фридрих Вильгельм фон Бюлов. Службу он начал в 1768 году, став юнкером. Пройдя путь от командира отдельного батальона до генерала от инфантерии, Фридрих фон Бюлов принял участие во многих сражениях в период наполеоновских войн, а первым военным отличием как командира стало для него сражение при Вальтерсдорфе 5 февраля 1807 года, где он даже был ранен.

В 1812 году Бюлов заместил Йорка в качестве губернатора Восточной и Западной Пруссии. Здесь он сформировал резервный корпус, которым ему было поручено командовать. С этим корпусом Бюлов в 1813 году прикрывал Берлин. Он разбил французов под Мекерном, брал штурмом город Галле и в боях 4 июня у Гойерсворда и Лукау остановил наступление маршала Удино на Берлин.

После заключенного перемирия корпус Бюлова находился в Северной армии Бернадота, где своими настойчивыми действиями и влиянием на командующего армией он смог в сражениях при Гросберене 23 августа и Денневице в сентябре остановить натиск французов на Берлин. За сражение при Денневице Бюлов был возведен в графское достоинство и награжден императором Александром I орденом Св. Георгия 2-й степени.

В октябре 1813 года корпус Бюлова принял самое деятельное участие в сражении при Лейпциге, а затем вытеснил французов из Голландии.

В кампании 1814 года корпус Бюлова 8 февраля занял Брюссель, а в марте в бою при Лаоне неоднократно отразил атаки наполеоновских войск на город. В следующем году как командир корпуса Бюлов в сражении при Ватерлоо решительной атакой на фланг Наполеона у Планшенуа содействовал выигрышу сражения.

Его воинскую славу продолжил Карл фон Бюлов, который за годы службы сумел достичь высшего военного чина, став генерал-фельдмаршалом.

Он родился 24 апреля 1846 года в Берлине. Выбор карьеры военного стал для него традиционным, и в возрасте 18 лет он поступил на службу в армию, начав путь к славе во 2-м

гвардейском пехотном полку. Через два года, в 1866-м, он был произведен в звание лейтенанта. Вместе с полком Бюлов принимал участие в австро-прусской (1866) и франко-прусской (1870—1871) войнах. Он проявил качества хорошего и исполнительного офицера и обратил на себя внимание командования.

На следующий год после окончания войны Бюлов стал адъютантом инспектора пехотных школ. В 1877 году он был переведен на работу в генеральный штаб, а в 1884 году получил под свое командование роту 96-го пехотного полка. Через год он снова возвращается в генеральный штаб и служит там до 1890 года.

Начиная с этого года Карл Бюлов стал стремительно продвигаться по служебной лестнице. В 1890 году он получает назначение на должность начальника штаба гвардейского корпуса, в 1894 году становится командиром 4-го гвардейского пехотного полка, через три года он возглавил центральный департамент военного министерства. В 1901 году получил назначение на должность начальника 2-й гвардейской пехотной дивизии.

С 1903 по 1912 год Бюлов был командиром 3-го армейского корпуса, а в 1913 году вместе со званием генерал-полковника он получает должность генерал-инспектора 3-й армейской инспекции.

Перед Первой мировой войной Карл Бюлов возглавил 2-ю германскую армию. В состав 2-й армии вошли 7-й и 9-й гвардейские корпуса, 10-й резервный корпус и две бригады – всего 260 тысяч человек личного состава и 850 орудий.

4 августа 1914 года армия Бюлова перешла бельгийскую границу и двинулась к крепости Льеж, охранявшей переправы через реку Маас. В конце августа армия Бюлова нанесла крупное поражение в приграничном бою у Шарлеруа 5-й французской армии под командованием французского генерала Ланрезака. Затем из состава 2-й армии были переброшены в армию фон Клука (1-я германская армия) два корпуса, что привело к ослаблению позиций Бюлова на правом фланге в ходе Марнского сражения. Перед ослабленным правым флангом 2-й армии сосредоточились части английского экспедиционного корпуса и 5-й французской армии. В этих условиях и при отсутствии резервов Бюлов был вынужден отвести оставшиеся на правом фланге части северо-западнее к Монмираю. Между 1-й и 2-й немецкими армиями образовался разрыв в 15 километров. 9 сентября части союзников вклинились в этот разрыв, и на следующий день прибывший на фронт представитель ставки

санкционировал отвод немецких армий с занимаемых позиций. Отвод армии Бюлова послужил причиной общего отступления, несмотря на тактический успех немецких частей на всей линии фронта. Армия Бюлова через несколько дней закрепилась юго-восточнее Реймса. Бюлову удалось отразить новое наступление союзных войск в ходе сражения на реке Эна, а затем его войска приняли участие в битве при Аррасе.

В январе 1915 года Карл Бюлов был произведен в звание генерал-фельдмаршала. Через три месяца он был отстранен от командования армией в связи с болезнью. После выздоровления он был переведен в резерв главного командования.

Карл Бюлов скончался в Берлине 31 августа 1921 года. За год до его кончины им были опубликованы мемуары «Мои записки о наступлении на Марне».

ПАУЛЬ ФОН ГИНДЕНБУРГ (1847—1934)

Германский военный и политический деятель, генерал-фельдмаршал (1914).

За три года до начала Первой мировой войны в Германии было 470 генералов, но тех, чьи имена были широко известны общественности, едва ли набралось десяток. Генерал Гинденбург к их числу не принадлежал. Слава и известность к нему пришли позже, а пока в 1911 году в возрасте 64 лет он вышел в отставку, посвятив военной службе более 40 лет.

Гинденбург принадлежал к известному роду Бенеккендорфов-Гинденбургов, ведущему свое начало с XIII века. Его предки отличились в военных походах против славян, продвигаясь с Запада на Восток, пока в 1260 году не обосновались на берегах реки Одер. Став владельцами поместий, Бенеккендорфы выполняли функции по охране земель и нещадно эксплуатировали местное население. Служили они люксембургским герцогам, а затем Гогенцоллернам. Бенеккендорфы, как правило, имели многодетные семьи, и многие их потомки, оставшиеся без наследственных земель, нанимались на военную службу в различные иностранные армии, принося клятву верности венгерским, французским королям, а также князьям. Одна из ветвей династии обосновалась и в России.

В начале XVIII века Ганс Генрих фон Бенеккендорф взял в жены представительницу рода Гинденбург-Фалькенбергов. Детей этот брак не дал, и род Гинденбургов мог угаснуть. Ганс Генрих, дабы избежать этого, оставил свои земли племяннику Иоганну фон Бенеккендорфу с условием, что его потомки будут носить фамилию фон Бенеккендорф унд фон Гинденбург. Официально изменение фамилии из-за бюрократических проволочек было оформлено лишь в 1789 году.

Один из сыновей Иоганна, Отто Людвиг, занимал должность председателя помещичьего кредитного общества, благодаря чему смог не только построить огромный дом в родовом поместье, но и приобрести еще два поместья. Правда, во время аграрного кризиса 20–30-х годов XIX века ему пришлось расстаться с приобретенными землями, но он сумел сохранить Нойдек – родовое поместье Бенеккендорфов-Гинденбургов. Он имел

шестерых сыновей, пятеро из которых поступили на военную службу, отказавшись от своих долей наследства в пользу одного из братьев.

Самый младший из братьев – Роберт – выбрал военную службу. В 1845 году он получил офицерский патент и стал лейтенантом. В том же году он женился на Луизе Швиккарт – дочери военного врача. Их первенец, родившийся 2 октября 1847 года, получил при крещении имя Пауль Людвиг Ганс Антон.

Паулю фон Гинденбургу от рождения было назначено стать военным. Начальное военное образование он получил в кадетском корпусе, по окончании которого в 1866 году он поступил на службу в 3-й гвардейский пехотный полк в чине лейтенанта. Он участвовал в австро-прусской войне 1866 года и за боевые заслуги был награжден орденом Красного Орла. Затем вместе с полком он принимал участие во франко-прусской войне 1870—1871 годов и, отличившись в сражении под Сен-Прива, был представлен к Железному кресту.

В 1873 году Гинденбург решил продолжить военное образование и поступил в академию, которую окончил в 1876 году. Его последующая военная карьера была обычной для офицера прусской армии. В следующие несколько лет он занимался в основном штабной работой: в 1877 году он служил офицером в Генеральном штабе, в 1878-м – в штабе 2-го армейского корпуса, в 1881-м – в штабе 1-й дивизии начальником оперативного отдела. В 1884 году Гинденбург ненадолго получил назначение в действующую армию, став командиром роты 58-го пехотного полка, но уже на следующий год он снова возвращается офицером в генеральный штаб. В 1888 году его переводят в штаб армейского корпуса, а через год он назначается начальником отдела А-2 пехотных войск общего департамента военного министерства. Сменив еще несколько должностей, в 1900 году Гинденбург становится командиром 28-й дивизии, а в 1903-м – командиром 4-го армейского корпуса.

Пауль фон Гинденбург был уравновешенным и терпеливым человеком, но он не имел достаточных денежных средств или влиятельного покровителя при дворе и ему приходилось всего добиваться самому. Однажды в 1909 году во время военных учебных маневров он допустил ошибку, которая привела к победе войск предполагаемого противника, и в 1911 году он вышел в отставку по собственному желанию, не видя больше шанса продвигаться по службе. К этому времени он был в чине генерала пехоты.

Когда началась Первая мировая война, немецкому командованию понадобились высшие офицерские кадры, и

Гинденбург был снова призван в армию. В августе 1914 года он был назначен командующим 8-й армией, действующей на Восточном фронте. Против его 8-й армии действовала 2-я русская армия генерала Самсонова, которая более чем в два раза превышала по численности армию Гинденбурга. Используя тактические ошибки русского командования, Гинденбургу не только удалось вытеснить русскую армию за пределы Восточной Пруссии, но и почти полностью разгромить ее в сражении под Танненбергом.

В сентябре 1914 года Гинденбург был назначен командующим 9-й армией с подчинением ему также и 8-й, во главе которой стал генерал фон Шуберт. К этому времени положение на Восточном фронте было для Германии критическим – основные силы русской армии (около 20 корпусов) вплотную приблизились к границам Восточной Германии. В ноябре Гинденбург был назначен главнокомандующим на Востоке и по собственной инициативе стал проводить военные операции. Располагая по сравнению с русской армией весьма слабыми силами, Гинденбург просил подкреплений, но получил их слишком поздно и не смог добиться полного успеха в разгроме русской армии. Он разработал план действий, по которому оставил «тонкую линию» фронта для создания видимости присутствия немецких войск по всей линии фронта. Основные же силы он направил кружными путями в тыл русской армии. Немцы одновременным ударом в тыл и по флангам русских частей смяли их и заставили перейти от наступления к обороне.

После неудачного наступления во Франции немецкое верховное командование обратило внимание на положение дел на Восточном фронте. В феврале 1915 года на Восточный фронт были переведены 4 корпуса, с помощью которых Гинденбург одержал победу над 10-й русской армией под командованием генерала Ф.В. Сиверса.

В течение 1915 года Гинденбург прямо или косвенно проводил операции по спасению союзных австрийских войск, которые терпели поражения от русской армии. Он выиграл зимнюю битву в Мазурии, а в мае–июне с помощью Макензена добился успешного прорыва обороны русских на линии Горлица – Тарное, благодаря чему к концу года линия фронта оказалась отодвинутой на восток на 400 километров. Но следующий прорыв немецких войск был менее удачен из-за искусного контрнаступления Брусилова.

В сентябре 1916 года Гинденбург был переведен с Восточного фронта на запад, чтобы занять пост начальника полевого генерального штаба и возглавить общее командование. Его

заместителем был назначен Людендорф, с которым они вместе воевали на Восточном фронте. Их назначение воодушевило войска, пребывавшие в растерянности после бойни под Верденом. Гинденбург выработал для Западного фронта рациональную стратегию обороны. Во Франции была построена новая линия укреплений, так называемая «линия Гинденбурга», для отражения наступления англичан. Но шансы на полный разгром войск Антанты были давно упущены и на востоке, и на западе, а введение широкомасштабных военных действий немецких подводных лодок привело к тому, что в войну вступили и Соединенные Штаты.

В 1918 году удалось подписать Брестский мир с Советской Россией, и высвободившиеся с Восточного фронта дивизии были переброшены на Западный фронт. Активизировавшиеся военные действия на Западном фронте первоначально привели к успеху и едва не закончились поражением Англии и Франции в этой войне. Но этот успех оказался временным для немецких войск. В ноябре 1918 года было заключено перемирие на тяжелых для Германии условиях, а Вильгельм II вынужден был отречься от престола. На Гинденбурга была возложена эвакуация немецких войск, а затем он был назначен главнокомандующим на восточной границе Германии.

В июне 1919 года он вышел в отставку и поселился в Ганновере.

Гинденбург пользовался необыкновенной популярностью, считался национальным героем. Этим он обязан в значительной степени своим успехам на президентских выборах. В 1925 году блок правых партий добился избрания Гинденбурга президентом Веймарской республики. Официально заявив, что он намерен строго придерживаться Веймарской конституции и Версальского договора, Гинденбург вскоре стал поощрять военно-монархические и нацистские организации. Политика Гинденбурга способствовала возрождению германского военного потенциала и восстановлению военной мощи Германии. В 1932 году Гинденбург вновь был избран президентом. Но возраст и ухудшающееся здоровье брали свое, и его политическая власть пошла на убыль. 30 января 1933 года Гинденбург поручил Гитлеру формирование правительства, тем самым передав власть в руки фашистов. Пауль фон Гинденбург умер 2 августа 1934 года в своем родовом поместье Нойдеке.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ БРУСИЛОВ (1853—1926)

Русский военный деятель, генерал от кавалерии (1912).

Алексей Алексеевич Брусилов происходил из рода потомственных военных. Дальние предки его были выходцами их Речи Посполитой и вели свою родословную от известного польско-украинского дипломата Адама Киселя, потомки которого, перейдя на русскую службу, связали свою жизнь с русской армией.

Брусиловы были потомственными дворянами Орловской губернии. Больших военных чинов ни прадед Алексея Брусилова, Иван Иевлевич, ни его дед Николай Иванович не достигли, но верой и правдой служили Отечеству. Но уже его отец стал генералом. Алексей Николаевич Брусилов родился в 1789 году и начал службу в коллегии иностранных дел (1802). Чин штабс-ротмистра Лубенского гусарского полка он получил через пять лет, а к началу Отечественной войны 1812 года достиг чина майора. Войну он встретил в составе Кирасирского Военного Ордена полка, с которым участвовал в Бородинском сражении, где и был ранен. Вернувшись в строй, он участвовал в заграничных походах и в 1813 году был произведен в подполковники с переводом в Литовский уланский полк. С 1821 года Алексей Николаевич Брусилов начал служить в Ямбургском уланском полку в чине полковника. Через три года он оставил военную службу почти на 10 лет. За это время он занимал различные гражданские должности, в том числе и пост московского вице-губернатора. На военную службу Алексей Николаевич вернулся в 1839 году и спустя шесть лет был произведен в генерал-майоры. Женился он поздно на Марии-Луизе Нестоемской, которая была значительно моложе супруга. К моменту рождения их первенца – Алексея – ей исполнилось 28 лет, а Алексею Николаевичу было уже 64. Семья проживала в Тифлисе, где служил Алексей Николаевич в должности председателя полевого аудиториата Отдельного Кавказского корпуса. В 1856 году он был произведен в чин генерал-лейтенанта. Кроме Алексея в семье было еще три брата – Борис, Александр (скончался в младенчестве) и Лев. Сыновья пошли по стопам отца, выбрав военную карьеру. В дальнейшем Борис Алексеевич оставил военную службу и стал крупным московским

землевладельцем, женившись на баронессе Нине Николаевне Рено. В 1907 году он имел чин действительного статского советника. Арестованный ВЧК в 1918 году, Борис Алексеевич скончался в заключении.

Младший брат, Лев Алексеевич, выбрал путь морского офицера. Образование он получил на юнкерских курсах, а затем на курсах военно-морских наук при Морской академии. Он участвовал в русско-турецкой войне, в экспедиции в Китай в 1900 году, а во время русско-японской войны командовал крейсером «Громобой». После окончания войны он был назначен начальником Морского генерального штаба, а затем стал младшим флагманом Балтийского флота. Лев Алексеевич достиг чина контр-адмирала. В 1908 году он вышел в отставку по болезни, а через год скончался.

Старший из братьев, Алексей Алексеевич Брусилов, родился в Тифлисе 31 августа 1853 года. Его крестным отцом был наместник Кавказа фельдмаршал князь Барятинский. Алексею не исполнилось еще и четырех лет, когда он стал пажом высочайшего двора. Эта «должность» и открыла послужной список будущего верховного главнокомандующего русской армии.

Рано лишившись родителей – отец умер, когда Алексею было шесть лет, а вскоре скончалась и мать, дети были взяты на воспитание в семью Гагемейстеров, с которыми состояли в родстве. Братья получили прекрасное домашнее образование, что позволило Алексею в 1867 году успешно сдать экзамены в четвертый класс привилегированного учебного заведения – Пажеского корпуса. Окончив Пажеский корпус, Алексей Брусилов в чине корнета был зачислен в армейский драгунский полк, начав службу в Закавказье. Служба шла не совсем гладко, и он даже находился под арестом в течение двух месяцев за участие в дуэли в качестве секунданта. Тем не менее в 1872 году он – прапорщик 15-го Тверского драгунского полка. Здесь же, на Кавказе, Брусилов принял первое боевое крещение, участвуя в русско-турецкой войне 1877—1878 годов. Он отличился при штурме крепостей Ардагана и Карса и «за дела с турками» был удостоен трех орденов. На Кавказе Брусилов оставался до 1881 года, а затем после командировки в учебный эскадрон кавалерийской школы в Петербург он остался служить в столице. Новый век Брусилов встретил уже генералом…

В 1908 году Алексей Алексеевич по семейным обстоятельствам просит о переводе на другое место службы и получает назначение в Люблин командиром 14-го армейского корпуса. В мае 1912 года он назначается помощником

командующего войсками Варшавского военного округа, а в декабре того же года производится в чин генерала от кавалерии. На протяжении двух лет он замещал командующего округом во время его отсутствия.

Летом 1913 года Брусилов получил приказ военного министра принять 12-й армейский корпус в Киевском округе. Численность корпуса, расквартированного по всей Подольской губернии, равнялась 50 тысячам человек. За месяц до начала Первой мировой войны корпус Брусилова был переформирован в 8-ю армию.

1 августа Германия объявила войну России, а через два дня напала на Бельгию и Францию. На следующий день в войну вступила Англия. Войска брусиловской армии выступили к австрийской границе, войдя в состав Юго-Западного фронта, действовавшего в Галиции. Перейдя границу, Брусилов издал приказ, в котором говорилось о необходимости высоко нести честь и достоинство русского солдата и не причинять обид мирному населению. «С мирным населением, – писал Брусилов, – каждый из нас должен обращаться так же, как это было в родной России».

Армия Брусилова принимала участие в Галицийском сражении. Взаимодействуя с 3-й армией под командованием генерала Рузского, за 8 дней наступления войска 8-й армии продвинулись на 130—150 километров и подошли к Галичу. По мере продвижения русских войск сопротивление австрийцев усиливалось, но, несмотря на сопротивление, их войска были разбиты. Противник потерял 5 тысяч солдат и офицеров. Было захвачено множество пленных, три знамени и более 70 орудий. После сражения при Гнилой Липе отступление австрийцев перешло практически в бегство. Они отступали, бросая обозы и артиллерийские орудия.

Преследуя их, войска 8-й армии обходили с юга Львов, и 3 сентября в 11 часов утра передовые кавалерийские отряды вступили во Львов. В этот же день в город вошли и главные силы 3-й армии. Однако в официальном приказе были отмечены лишь войска генерала Рузского, а о войсках Брусилова не было сказано ни слова. Это не могло не вызвать в его армии недовольства. «История разберет вскоре после войны, как действительно было дело, – писал Брусилов жене, – а теперь главное – победить. Охотно уступаю лавры Рузскому, но обидно за войска армии».

На следующий день 4 сентября войска 34-го корпуса овладели Галичем, сильные форты которого противник оставил без боя. В качестве трофеев русским досталось до 40 орудий. В ночь с 5 на 6 сентября был взят Миколаев. Галич-Львовская

операция была завершена. Брусилов был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. К концу года успешные действия его войск принесли ему еще одну награду – орден Св. Георгия 3-й степени.

Во время зимней кампании 1915 года Брусилов руководил 8-й армией в ходе Карпатской операции. В условиях зимней стужи армия Брусилова вела упорные встречные бои с противником. Она обеспечила сохранение блокады стратегически важной крепости Перемышль. Посетив Перемышль, Николай II пожаловал Брусилову звание генерал-адъютанта.

Австрийцы, и особенно венгры, хорошо знакомые с окружающей местностью, сопротивлялись как никогда упорно. Русские войска несли ощутимые потери, которые увеличивались в связи с отсутствием зимнего обмундирования в суровых горных условиях. Брусилов распорядился закупать теплые вещи и посылать их в свои войска. За 10 дней его войска отбросили противника за Карпаты и начали помогать 3-й армии, ликвидируя угрозу ей со стороны Кракова.

В середине лета 1915 года в результате Горлицкого прорыва немецких войск русские армии были вынуждены оставить Галицию. До конца года войска вели позиционные бои, не приносившие ни одной из сторон успеха. Лишь к декабрю сражения на Юго-Западном фронте затихли, а в Ставке стали разрабатывать планы будущей кампании.

Поражение в кампании 1915 года привело к реорганизации во всем управлении армии. Великий князь Николай Николаевич был отстранен от обязанностей верховного главнокомандующего и назначен наместником на Кавказ. Император решил сам возглавить свою армию. Потом началась реорганизация фронтов. Алексей Алексеевич пользовался в армии заслуженным уважением как боевой, опытный и инициативный командующий армии. В войсках его называли «генерал наступления». Поэтому, когда встал вопрос о замене командующего Юго-Западным фронтом, бездеятельного и осторожного генерала Иванова, была предложена кандидатура Брусилова. В марте 1916 года он приступил к новым обязанностям.

В армию поступило пополнение, и теперь в каждой дивизии насчитывалось 18–20 тысяч человек. В достаточном количестве поступали также патроны и снаряды. При встрече с Николаем II Брусилов доложил о том, что войска фронта достаточно хорошо отдохнули и теперь готовы перейти в наступление.

По просьбе союзников русские войска предприняли Нарочскую операцию, не давшую особых военных результатов. Но это наступление вынудило немцев перебросить на восточный фронт дивизии, так необходимые им под Верденом, и временно

прекратить наступление на Западном фронте.

На военном совещании в Ставке 14 апреля большая часть командующих объявила о невозможности перехода в наступление из-за недостатка войск и боеприпасов. Лишь Брусилов высказывался за наступление войсками всех фронтов, что, по его мнению, должно было заставить противника распылить свои силы и лишить их свободы маневра. После выступления Брусилова и другие командующие фронтами также сообщили о своей готовности наступать, но объявили при этом, что не ручаются за успех. Поскольку союзники не могли выступить ранее начала июня, Ставка решила отложить наступление до конца мая.

В плане общего наступления главный удар предполагалось нанести Западным фронтом. Но успеха, да еще какого, добился лишь Юго-Западный фронт. Этот успех стал вершиной полководческого таланта Брусилова.

На военном совете штаба фронта Брусилов изложил собравшимся генералам свой замысел: решающий удар наносят войска 8-й армии в направлении на Луцк. В случае неудачи прорыва на участке 8-й армии, Брусилов предложил перенести главный удар на участок 11-й армии либо какой-нибудь иной, куда будут направлены все имеющиеся резервы. В 8-ю армию уже были переданы армейский корпус, кавалерийская дивизия и части тяжелой артиллерии.

Брусилов считал необходимым закончить подготовку наступления к 28 апреля и приказывал командующим армиям представить свои соображения по операции к этому числу. В то же время он предоставлял им полную инициативу действий, но требовал, чтобы они наступали по всему фронту армии. Особая роль отводилась взаимодействию пехоты и артиллерии. Орудия предлагалось разместить в максимальной близости от передовой полосы и подчинить их управление командирам пехотных атак. В первый период атаки легкая артиллерия должна была разрушить проволочные заграждения противника, состоящие из трех полос, или проделать в них проходы. Потом в дело включалась и тяжелая артиллерия, которая разрушала первую и вторую линии обороны прежде всего пулеметные гнезда. После перехода пехоты в атаку тяжелая и мортирная артиллерии наносили огонь по скоплению резервов противника и по третьей линии его обороны, если таковая имеется. Брусилов предвидел и действия артиллерии в случае начала контратак противника: одна часть артиллерии образовывала для пехоты огневую завесу, другая начинала подавление артиллерийских батарей противника.

Командующий фронтом подчеркивал, что между первым и вторым периодами атаки не должно быть большого промежутка,

который мог дать противнику время для создания нового рубежа обороны. После артиллерийской подготовки должна была начаться атака пехоты, идущей цепями на расстоянии в 150—200 шагов. Передовая волна, ворвавшись в первую линию обороны противника, должна была не останавливаться, а пытаться захватить вторую линию обороны и закрепиться в ней. Брусилов знал, что основная линия обороны противника – вторая, которая в случае задержки может подвергнуть передовую волну истребительному огню. Поэтому он и придавал такое особое значение овладению именно этой линией. Закрепление же в первой полосе должно быть возложено на резервы. При удаче прорыва дальнейшее преследование возлагалось на кавалерию.

Фронт предстоящей атаки был разбит на особые участки. С самолетов велась аэрофотосъемка. Схемы с нанесенными на них позициями австрийцев отличались достаточной точностью. Их получил весь командный состав фронта вплоть до командиров рот. План и день начала наступления держался в строжайшем секрете.

Незадолго до начала наступления русские войска стали подбираться на ближнюю дистанцию к вражеским позициям. К началу наступления расстояние между противниками не превышало 400 шагов, а в некоторых местах удалось приблизиться на 150—200 шагов.

Наступление фронта началось 4 июня сильнейшей артиллерийской подготовкой. К 10 часам огонь был перенесен вглубь позиций противника. Артиллерийская подготовка продолжалась на протяжении двух суток. Вражеские батареи были подавлены, а в системах укреплений проделаны проходы для наступления пехоты. За первые три дня наступления войска 8-й армии достигли значительных результатов – фронт был прорван на протяжении 70–80 верст и на глубину до 25–30 верст, в плену оказались 900 офицеров и 40 тысяч солдат противника, захвачено 77 орудий и 134 пулемета. Луцк был взят на третий день наступления.

Вскоре Брусилов получил новую директиву от Алексеева, согласно которой войскам Юго-Западного фронта ставилась задача сковать противника на Стрыне демонстративными боями, а главные силы сосредоточить на своем правом фланге с целью разгрома левого крыла австро-венгерских войск. Алексеев даже конкретизировал поставленную задачу: действовать правым флангом к северу от Луцка и, прикрывшись кавалерией с северо-запада, наступать в направлении Луцк – Рава-Русская. Удар Брусилова по-прежнему рассматривался как вспомогательный, и в то же время Западный фронт получал разрешение отложить

начало своего наступления.

Это могло привести к самым неблагоприятным последствиям для всего Юго-Западного фронта, ведь из полосы Западного фронта перед войсками Брусилова уже стали появляться германские войска. Брусилов требовал начать наступление на других фронтах и получил в этом заверения. Не дожидаясь начала наступления Западного фронта, он решил продолжать развивать наступление 8-й армии и отдал директиву о продолжении наступления до окончательного разгрома австро-венгерских войск.

Несмотря на личные обращения Брусилова, Ставка санкционировала отсрочку, а затем и совсем отменила наступление Западного фронта с Виленского направления, перенеся его на Барановичи. Брусилову перебросили два корпуса и два тяжелых артиллерийских дивизиона. Кроме наступления на Ковель его войска должны были достигнуть рек Сан и Днестр. Угроза захвата русскими войсками ковельского железнодорожного узла встревожила противника, и он стал принимать меры для отражения удара. Германские войска из Франции перебрасывались на Юго-Западный фронт.

Уже 16 июня противник нанес контрудар на Луцк, но войска 8-й и 11-й армий в течение трех дней отразили все попытки наступления противника. На левом фланге 9-я армия, преодолевая сопротивление противника, форсировала Прут и к утру 18 июня захватила Черновцы. Преследуя противника, уже на следующий день русские войска вышли к реке Серет. Однако дальнейшее наступление было затруднено непрекращающимися дождями и размокшими дорогами. К 23 июня в ходе наступления войска Брусилова взяли в плен более 4 тысяч офицеров и около 200 тысяч солдат, захватили 219 орудий и 674 пулемета.

Постепенно Ставка стала понимать необходимость перенесения главных действий на Юго-Западный фронт. Она отдала директиву о передаче 3-й армии из состава Западного фронта на Юго-Западный фронт. Были переправлены войска с Северного фронта.

В этих условиях Брусилов приказал всем армиям быть готовыми перейти в общее наступление. Главной силой фронта по-прежнему оставалась 8-я армия, нацеленная на Ковель.

4 июля войска Юго-Западного фронта возобновили наступление. Проведя артиллерийскую подготовку, они прорвали фронт и, сломив сопротивление противника, за несколько дней вышли на реку Стоход, но форсировать ее так и не смогли. Понимая, что австро-венгерские войска не удержатся на Стоходе, германское командование перебросило сюда свои дивизии.

Брусилов приказал прекратить наступление на этом направлении, и возобновить здесь наступление лишь после подвоза артиллерии и получения резервов. Лишь 9-я армия успешно двигалась вперед и 8 июля взяла Делетин.

Ставка любой ценой хотела форсировать Стоход и взять Ковель. В район Луцка был переброшен стратегический резерв верховного главнокомандующего – Особая армия, составленная из двух гвардейских корпусов пехоты и гвардейскою кавалерийского корпуса. Особая армия должна была атаковать Ковель с юга, а 3-я – с севера и востока. 8-я армия по-прежнему наступала на Владимир-Волынский, 11-я армия – на Броды, Львов, а 7-я и 9-я – на Галич и Станислав.

28 июля войска Брусилова снова начали наступление, но здесь их уже встретили крупные германские силы. Особая армия сумела продвинуться за три дня лишь на 10 верст, а до Ковеля дойти так и не смогла, застряв в полесских болотах. Войска, действующие на правом фланге, понесли громадные потери, но так и не смогли выполнить поставленных задач. На других направлениях войска Юго-Западного фронта достигли больших результатов. 11-я армия заняла Броды, 7-я – Монастержиску. Под натиском 19-й армии австро-венгерские войска были вынуждены оставить Буковину и Станислав. В конце августа Брусилов предпринял атаку четырьмя армиями фронта, но лишь 7-я и 9-я смогли немного продвинуться вперед. Скоро и они были вынуждены остановиться и перейти к обороне.

В ходе летнего наступления 1916 года войска Юго-Западного фронта захватили в плен 8924 офицера и 408 тысяч солдат противника. В качестве трофеев было взято 581 орудие и 1795 пулеметов. Австро-Венгрия была фактически выведена из войны, и в серьезных операциях ее войска больше не участвовали. Наступление Юго-Западного фронта было первым успешным наступлением, проведенным в условиях позиционной войны. Это одна из немногих наступательных операций, названная в честь своего, командующего – Брусиловский прорыв. За победы в летнем наступлении 1916 года Брусилов был награжден Георгиевским оружием, украшенным бриллиантами.

С вступлением в войну Румынии Брусилов обратился к Николаю II с предложением: или подчинить румынский фронт Юго-Западному, или создать новый фронт. Император пошел по второму пути и создал новый румынский фронт во главе с генералом В.Н. Сахаровым. Но это не могло поправить дела, и скоро румынская армия была окончательно разбита, территория Румынии оккупирована, а русские войска продолжали перебрасываться на Румынский фронт. Лишь в декабре на новом

направлении положение стабилизировалось.

В Ставке уже вырабатывались планы новой кампании. Брусилов считал, что коренной перелом может произойти лишь при совместном наступлении на всех фронтах, что позволило бы связать силы противника. Для этого он предлагал избрать форму летнего наступления Юго-Западного фронта, но теперь особое внимание обратить на ведение боевых действий на Балканах.

В конце декабря в Ставке вновь собралось руководство русской армии для определения задач кампании 1917 года. Идеи Брусилова не встретили поддержки у командующих других фронтов. Николай II, не интересуясь мнениями собравшихся, уехал в Петербург, получив из столицы известие об убийстве Григория Распутина.

Лишь в январе был составлен план кампании 1917 года. Главный удар должен был наносить Юго-Западный фронт в направлении на Львов. Северо-Западный и Западный фронты наносили вспомогательные удары. Общее наступление должно было начаться не позднее 1 мая.

По замыслу Брусилова главный удар наносила 7-я армия, наступая на северо-запад, в направлении на Львов; с востока на Львов наступала 11-я армия. Особая и 3-я армии вновь наступали на Владимир-Волынский и Ковель. 8-я армия выполняла вспомогательные задачи.

Тем временем революционное брожение в стране нарастало. В Петрограде начались волнения рабочих, известие о которых с запозданием дошло до Ставки. Начальник штаба верховного главнокомандующего Алексеев почти ежедневно вызывал Брусилова к прямому проводу, выясняя его настроение. Сам он уже давно поддерживал контакты с председателем Государственной думы Родзянко и стал оказывать ему содействие в устранении о престола Николая II. В целях получения поддержки у российского генералитета Родзянко провел опрос командующих фронтами по создавшемуся в стране положению и предложил передать власть лицу, пользующемуся доверием населения.

Все командующие фронтами поддержали председателя Государственной думы. В Ставку была направлена телеграмма Родзянко с припиской Брусилова: «Считаю себя обязанным доложить, что при наступившем грозном часе другого выхода не вижу. Смутное время совершенно необходимо закончить, чтобы не сыграть на руку внешним врагам. Это столь же необходимо и для сохранения армии в полном порядке и боеспособности. Не забудьте, что проигрыш войны повлечет за собой гибель России, а проигрыш неминуем, если не будет водворен быстро полный

порядок и усиленная плодотворная работа в государстве».

Брусилов обратился к Николаю II с призывом отречься от престола. Попытка похода на Петроград отряда генерала Иванова – бывшего командующего Юго-Западным фронтом – также успеха не имела.

Потеряв последнюю опору, Николай II отрекся от престола в пользу своего брата Михаила. Но спасти монархию не удалось. В России была провозглашена республика.

11 марта 1917 года войска Брусилова присягнули на верность Временному правительству. Выступая на митинге, командующий фронтом призвал солдат поддерживать в армии порядок и сохранять боевой дух, чтобы она могла защитить свободную Россию. Выступление Брусилова было восторженно встречено солдатами и собравшейся толпой.

Командующий Юго-Западным фронтом попытался навести порядок в своих войсках и препятствовал ведению в них революционной пропаганды. Но в войсках действующей армии уже давно шел процесс разложения, солдаты требовали окончания войны, заключения мира с немцами и возвращения домой. На всех фронтах, на которых побывал Брусилов, войска отказывались идти в наступление.

И все же наступление началось. Перед его началом было достигнуто трехкратное численное превосходство. По числу артиллерии русские войска имели двукратное превосходство над противником (1114 орудий). Недостатка в боеприпасах войска также не испытывали.

29 июня с рубежей, на которых остановилась русская армия во время знаменитого «Брусиловского прорыва», была проведена артиллерийская подготовка по австро-венгерским позициям. Войска Юго-Западного фронта перешли в наступление. Главный удар наносили 11-я и 7-я армии. Впереди действовала 8-я армия, которую теперь возглавил Л.Г. Корнилов. В ходе наступления были захвачены передовые позиции противника, но дальше солдаты отказались идти, и Брусилов уже не имел возможности повлиять на них.

На помощь австро-венгерским войскам стали прибывать германские части, и утром 19 июля противник перешел в контрнаступление. Без всякого приказа русские полки стали оставлять позиции и уходить с фронта. Массовым явлением стало обсуждение боевых приказов в полковых комитетах. Через неделю немцы взяли Тернополь. Войска 7-й и 8-й армий отступали, увлекая за собой и остальные войска фронта.

На помощь войскам Юго-Западного фронта пришли части Западного фронта. После трехдневной артиллерийской

подготовки, уничтожившей почти все укрепления противника, они перешли в наступление, взяли окопы противника и их артиллерийские батареи и вернулись на свои позиции. Больше военные действия не возобновлялись. В ходе июньского наступления русская армия потеряла убитыми, ранеными и пленными 1968 офицеров и более 36 тысяч солдат.

В целях поднятия дисциплины в действующей армии были введены военно-полевые суды и смертная казнь. Сам Брусилов высказался за применение оружия за неисполнение боевых приказов и агитацию в войсках. После провала наступления он запретил солдатам собираться на митинги, а полковым комитетам вмешиваться в оперативные дела.

Но сам Брусилов уже не устраивал ни Керенского, ни большинство офицеров, которым была нужна сильная рука диктатора. Приехав на фронт, Керенский переговорил с генералами, которые требовали принятия самых жестких мер в отношении тех, кто разлагает армию. 19 июля Брусилов получил приказ сдать командование генералу Корнилову и, не дожидаясь его прибытия в штаб, выехать в Петроград.

В столицу Брусилов не поехал, а заявил, что уезжает в Москву, где у него была квартира.

В 1920 году он предложил свои услуги большевикам, которые привлекали к службе в Красной армии бывших генералов и офицеров русской армии. Брусилов был включен в состав особого совещания при главнокомандующем всеми вооруженными силами республики и вскоре стал его председателем. Осенью 1920 года Брусилов был назначен членом Военно-законодательного совещания при Реввоенсовете республики.

В 1923 году он был назначен инспектором кавалерии РККА. В его обязанности входила организация кавалерийских соединений, подготовка командных кадров и руководство Высшей кавалерийской школой. Но долго существовать управлению Брусилова было не суждено. Его расформировали, а самого Брусилова перевели в Реввоенсовет для исполнения особо важных поручений, по сути, уволив в отставку.

Простудившись, Брусилов заболел воспалением легких и скончался 17 марта 1926 года.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ МЛАДШИЙ (1856—1929)
Великий князь, верховный главнокомандующий (1914—1915).

В начале января 1598 года со смертью царя Федора Иоанновича прекратилась династия Рюриковичей, потомков Ивана Калиты. Ей на смену пришла династия Романовых, утвердившаяся на российском престоле с 1613 года. Царей Романовых сменили императоры Романовы, а со вступлением на престол в декабре 1761 года императора Петра III в России утвердилась Гольштейн-Готторпская ветвь династии. Сын Петра III, Павел I, унаследовав трон после матери – Екатерины Великой, короновал прах Петра III. Вероятно, этим действом он желал прекратить разговоры о том, чей же он сын «по крови» – Петра III или Сергея Салтыкова, и официально узаконить свое родство с Гольштейн-Готторпами. Дабы впредь не возникало путаницы в престолонаследии, Павел I в 1797 году утверждает «Акт о порядке престолонаследия» и «Учреждение об императорской фамилии». В основу нового законодательства была положена германо-голландская система престолонаследия, но с учетом традиции наследования трона в России. Эти документы регламентировали иерархию внутри императорской фамилии и кроме порядка престолонаследия определяли права, обязанности, привилегии и материальное обеспечение членов семьи правящей династии. Законодательство ввело и новые титулы для представителей императорского дома. В частности, был отменен титул «царевич», и теперь русские «принцы» стали именоваться великими князьями.

Современные представители династии Романовых ведут линии от Николая I, третьего сына императора Павла I. Его брат Александр, занявший престол после отца, не оставил после смерти потомков, а второй брат – Константин – и его потомки были лишены права на российский трон вследствие второго брака Константина Павловича с женщиной не княжеской крови. Таким образом, престол перешел к третьему сыну Павла I Николаю Павловичу. Николай I имел четверых сыновей, каждый из которых дал самостоятельные ветви династии Романовых. Старший сын Александр стал основателем царствующей линии Романовых. От третьего сына императора Николая I, названного так же, как и отец, Николай, и ведут свое начало великие князья «линии

Николаевичей».

Великий князь Николай Николаевич (Старший) родился в 1831 году. Традиционно он выбрал карьеру военного и дослужился до чина генерал-фельдмаршала. Особенно он отличился во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов в качестве главнокомандующего Дунайской армии. Современники отмечали его «русско-рыцарское» обаяние. Многие военные считали его сердечным, внимательным и энергичным человеком, не лишенным чувства юмора, ценили его присутствие духа в сложных ситуациях. Отмечали, что он мог разговаривать на равных как со старшими офицерами (генералами), так и с младшим командным составом. С другой стороны, отмечалось, что как стратег и тактик он не пользовался авторитетом, а больше действовал как расторопный администратор.

От брака с великой княгиней Александрой Петровной он имел двух сыновей – Николая и Петра, которые традиционно пошли по «военному делу».

Надо сказать, что Петр Николаевич не отличался крепким здоровьем и, долго живя за границей, не сделал успешной военной карьеры. После событий октября 1917 года ему удалось уехать за границу и спастись от большевистской расправы в отличие от многих других представителей династии Романовых. Он скончался во Франции в 1931 году.

Совершенно иную карьеру военного сделал его старший брат. Первый русский верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич, в отличие от своего отца и тезки в придворных кругах прозванный «Младшим», был достаточно яркой фигурой в российской военной истории начала XX века.

Родился он 18 ноября 1856 года в Петербурге. О том, что он станет военным, было решено сразу, поэтому, будучи еще младенцем, он стал шефом двух полков – лейб-гвардии Литовского и 56-го пехотного Житомирского.

Получив хорошее домашнее образование, в возрасте 15 лет Николай поступил юнкером в Николаевское инженерное училище. Из стен училища он вышел в чине прапорщика и был оставлен в столице в учебном пехотном батальоне. Затем великий князь поступает в Николаевскую академию Генерального штаба, которую оканчивает в 1876 году с серебряной медалью. Его имя было занесено на мраморную доску.

В период русско-турецкой войны 1877—1878 годов он был определен офицером для особых поручений при главнокомандующем Дунайской армии – своем отце. На него было возложено ответственное задание по проведению рекогносцировки берегов Дуная с целью выбора места для

переправы войск. Во время войны Николай Николаевич принимал участие в штурме Систовских высот и в захвате Шипкинского перевала. За проявленную храбрость в боях он был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и золотым оружием с надписью «За храбрость».

По окончании войны Николай Николаевич был направлен в лейб-гвардии гусарский полк. В нем он прослужил в течение 12 лет – командовал эскадроном, полком, кавалерийским дивизионом.

В 1885 году он был произведен в генерал-майоры, а став в 1890 году генерал-лейтенантом, великий князь получил в командование гвардейскую кавалерийскую дивизию. Начиная с 1895 и до 1905 года он служил генерал-инспектором кавалерии, одного из самых многочисленных и почитаемых родов войск в русской армии. Под его руководством в кавалерийских войсках произошли значительные изменения. Великий князь выступил инициатором и разработчиком нового кавалерийского устава, в котором был обобщен опыт применения кавалерии во второй половине XIX века. Благодаря его трудам кавалерийские войска стали подвижными, маневренными и выносливыми. За службу он был награжден орденом Св. Владимира 1-й степени, а в 1901 году получил чин генерала от кавалерии.

В начале русско-японской войны 1904—1905 годов он отказался принять в ней участие, так как не ладил с наместником России на Дальнем Востоке адмиралом Е.И. Алексеевым, а в год окончания войны князь возглавил Совет государственной обороны и оставался на этом посту до 1908 года, став затем командующим Петербургским военным округом и начальником войск гвардии.

К началу Первой мировой войны Николаю Николаевичу исполнилось 58 лет. Война, к которой Россия была не готова, поставила перед страной множество проблем, требующих быстрого разрешения. Одной из них стало создание высшего органа управления действующей армией и флотом – Ставки – во главе с верховным главнокомандующим. На этот высокий и ответственный пост было выдвинуто несколько кандидатур, и среди них царь Николай II, пожелавший лично возглавить войска. Против этого высказались все министры, и 20 июля вышел высочайший указ, гласивший следующее: «Не признавая возможным, по причинам общегосударственного характера, стать теперь же во главе наших сухопутных и морских сил, предназначенных для военных действий, признали мы за благо всемилостивейше повелевать нашему генерал-адъютанту, командующему войсками гвардии и Петербургского военного

округа, генералу от кавалерии его императорскому высочеству великому князю Николаю Николаевичу быть верховным главнокомандующим. Николай».

Ставка развернулась в Барановичах. При верховном главнокомандующем состоял штаб, который включал ряд управлений. В них летом 1914 года насчитывалось 9 генералов, 36 офицеров, 12 чиновников, около 150 солдат. В последующие годы состав Ставки возрос до 2 тысяч человек.

По мнению современников, новый главнокомандующий был вполне подготовленным крупным военачальником, истинно военным человеком, имевшим большой авторитет среди офицерства и войск армии, но легко поддавался влиянию близких к нему лиц. Верховный главнокомандующий был наделен неограниченными полномочиями и подчинялся непосредственно только императору. Никто более не имел права давать ему какие-либо указания. Но и Николай Николаевич не мог, в свою очередь, влиять на военного министра, которому подчинялись войска, находящиеся в тылу, и все боевое снабжение и интендантское обеспечение также было в не компетенции главнокомандующего.

Для ведения войны на сухопутном театре военных действий были созданы Северо-Западный, Юго-Западный, а несколько позже Кавказский фронты. Все командующие фронтами были военачальниками с большим стажем, однако не имели опыта управления крупными соединениями во время войны. Они и составляли высшее командование вооруженными силами, во главе которых Николаю Николаевичу предстояло решать сложные вопросы военного времени.

Первым опытом великого князя на высоком командном посту стала операция в Восточной Пруссии. По замыслу русского командования германские войска в ходе операции должны были попасть под двойной удар: 1-я русская армия (командующий П.К. Ренненкампф) обходила немцев с севера в обход Мазурских озер и отрезала неприятеля от Кенигсберга, а 2-я армия (командующий А.В. Самсонов) вела наступление с юго-запада, не давая противнику отвести войска за Вислу.

Наступление началось в августе 1914 года. Несмотря на то что русские войска обладали некоторым превосходством над противником, к началу сентября Восточно-Прусская операция завершилась полным поражением армий Северо-Западного фронта. Русские войска понесли огромные потери – было убито и взято в плен до 250 тысяч человек.

Восточно-Прусская операция ярко выявила неподготовленность верховного главнокомандующего и его штаба к управлению войсками и решению стратегических задач. После

поражения Николай Николаевич посылает императору следующую телеграмму: «Я совершенно сознаю, что не сумел настоять на исполнении моих требований, посему слагаю перед Вашим Величеством мою повинную голову». Император не стал привлекать к ответу виновников гибели и пленения четверти миллиона русских солдат в Восточной Пруссии, а чтобы поддержать главнокомандующего, он награждает его орденом Св. Георгия 3-й степени.

На Юго-Западном фронте дела обстояли более успешно. Там предусматривалось наступление 5-й и 3-й армий на Львов с целью окружения и уничтожения основных сил Австро-Венгрии. Командование противника решило остановить продвижение русских войск, но шестидневная битва вынудила австрийцев отступить за реку Сан и Дунаец, понеся огромные потери.

Эти победы явились своеобразным подарком для верховного командования русской армии. В сочетании с действиями войск на Люблинском направлении создавались условия для разгрома австро-венгерских армий. Галицийская битва, продолжавшаяся на фронте в 400 километров почти 40 суток, принесла русским новую победу. В этом сражении австрийские войска потеряли около 400 тысяч человек убитыми, ранеными и плененными. Русские войска потеряли почти 230 тысяч солдат и офицеров. Верховный главнокомандующий немедленно доложил об этом императору и представил ходатайство о награждении орденами всех командующих армиями Юго-Западного фронта и многих командиров корпусов и дивизий орденом Св. Георгия 4-й степени. Несколько военачальников были представлены к ордену Св. Георгия 3-й степени.

Победы в Галиции подтолкнули Ставку на очередную стратегическую операцию. Верховный главнокомандующий и его ближайшие помощники стремились узнать мнение командующих фронтами, на переписку с которыми уходило драгоценное время.

Поражение в Галиции поставило Австро-Венгрию на грань катастрофы, и она обратилась за помощью к своему союзнику – Германии. Русское командование приготовилось парировать готовившийся удар на Варшавско-Краковском направлении. Как показали дальнейшие события, направление удара войск союзников было определенно Ставкой правильно.

В планы русского командования входило отражение удара на Варшавском направлении с последующим переходом в контрнаступление. Николай Николаевич приказал перегруппировать в район Средней Вислы главные силы Юго-Западного и часть сил Северо-Западного фронтов. На этот раз верховный главнокомандующий не пошел на поводу у своих

советников. Он сам постепенно, но настойчиво овладевал полководческой наукой. В его руках была сосредоточена большая власть, и он был призван решать вопросы не только связанные с оперативным использованием вооруженных сил, но и многие другие, от которых зависел успех военных операций. На этот раз он решил объединить руководство войсками, сосредоточенными на Средней Висле, в руках опытного генерала Иванова. Согласно директиве Ставки, с 19 сентября в его подчинение переходили на время предстоящей операции 2-я армия, а также Варшавский отряд с крепостью Новогеоргиевск. Благодаря этому на участке фронта от Варшавы до Ивангорода под единым командованием были сосредоточены три армии и несколько отдельных корпусов.

На первом этапе операция развивалась не совсем удачно из-за того, что войска не успели полностью завершить перегруппировку, но героическая оборона частей, принявших на себя первый удар противника, помогла русскому командованию выиграть время для сосредоточения всех войск. Вскоре верховный главнокомандующий лично прибыл в войска, чтобы ознакомиться на месте со сложившейся обстановкой. Тщательно все изучив и выслушав мнения командующих армиями, Николай Николаевич решил разделить управление войсками. При этом оборона Варшавы и южных подступов к ней была поручена генералу Рузскому, которому предписывалось в короткие сроки закончить развертывание сил, предназначенных для наступательных действий и закрепления широких плацдармов на левом берегу Вислы.

5 октября без оперативной паузы русские войска перешли в наступление, и в течение двух дней им удалось сломить противника и вынудить его отступать на юг. Варшавско-Ивангородская операция стала крупнейшей стратегической операцией Первой мировой войны. В ходе ее проведения германская армия потеряла до 50 процентов задействованных в ней сил.

Стремясь взять реванш, немцы, собрав все силы, перешли в наступление в районе Лодзи. Им удалось расчленить надвое русскую группировку, но посланный верховным главнокомандующим на помощь сводный отряд – два армейских корпуса и две кавалерийские дивизии – сумел окружить неприятеля и снова одержать победу. Здесь немцы потеряли свыше 40 тысяч убитыми и пленными. Лишь ошибки в управлении русскими войсками, действовавшими разобщенно отдельными отрядами, позволили части сил германцев пробиться на север и выйти из окружения. Лодзинская операция была последней в кампании 1914 года.

С каждой новой операцией великий князь приобретал все больше опыта. По утверждению его окружения, «популярность его росла с каждым днем» и «его имя стало достоянием не только армии, но и всего русского общества». В целом можно констатировать, что под руководством великого князя кампания 1914 года на Восточном фронте была выиграна русскими. Кроме ордена Св. Георгия 3-й степени Николай Николаевич был награжден за кампанию 1914 года и иностранными знаками отличия – Большим крестом английского ордена Бани и французской медалью «За военные отличия».

Приближался 1915 год. Становилось очевидным, что война затягивалась, так как ни одной из сторон не удалось добиться в вооруженной борьбе решающих результатов. В планах кампании 1915 года, разработанных штабом главнокомандующего, намечалось два направления нанесения удара. Основной удар был направлен на Берлин через Восточную Пруссию, другой, второстепенный, удар – через Карпаты на Венгрию. Разработка планов русского верховного командования велась с учетом планов союзников, и сроки наступательной операции устанавливались к 23–25 января.

При перегруппировках войск не было соблюдено никаких мер скрытности, что позволило противнику точно узнать о намерениях командования русской армии и нанести упреждающие удары. В планы австро-германского командования входило нанесение основного удара на восточном направлении, а на западе в 1915 году планировалась активная оборона. Командование противника не оставляло надежд на победоносное окончание войны.

В начале 1915 года войска Северо-Западного фронта провели несколько наступательных операций, которые не достигли желаемых результатов. На Юго-Западном фронте год начался тоже с наступательных операций, но преодолеть оборону противника в Карпатах и прорваться на Венгерскую равнину русские войска не смогли. Единственной удачей стала капитуляция австро-венгерской крепости Перемышль. Крепость сдалась 9 марта и весь ее 120-тысячный гарнизон (в том числе 9 генералов и более 2, 5 тысяч офицеров) был полностью взят в плен. Это стало последней победой русских войск в этой кампании.

На помощь австрийцам поспешила германская армия, и вскоре Перемышль снова был оставлен русскими войсками. Немцы продолжали наступать, и уже летом 1915 года русские были вынуждены оставить сначала Львов, а затем и Галицию. Русские войска несли огромные потери. Не помогли даже

введенные в бой резервы.

Неудачи в кампании 1915 года усилили интриги двора против Николая Николаевича. Пошли разговоры о том, что в обществе его воспринимают как второго императора, величая Николаем III. Дело дошло даже до обвинений великого князя в государственной измене. Тогда император Николай II принимает решение лично возглавить войска. Великого князя он направляет на Кавказ, поручив военному министру Поливанову сообщить об этом Николаю Николаевичу.

Вечером 9 августа Поливанов прибыл в Могилев, куда перемещалась Ставка из Барановичей. Выслушав военного министра, Николай Николаевич поинтересовался, может ли он взять с собой на Кавказ Янушкевича и, получив утвердительный ответ, внешне совсем успокоился. Затем были обсуждены подробности передачи поста верховного главнокомандующего.

22 августа в Ставку прибыл император, и на следующий день бывший главнокомандующий великий князь Николай Николаевич, подписав акт о сдаче командования, покинул Могилев.

Кавказский фронт, куда Николай Николаевич прибыл в сентябре 1915 года, представлял собой отдельный театр военных действий, где велась напряженная вооруженная борьба между Россией и Турцией. Здесь Николаю Николаевичу пришлось заниматься не только военными, но и дипломатическими вопросами. Успехи русских войск в этом регионе заставили очень беспокоиться правящие круги Англии, которые стремились утвердить единоличное господство в нефтеносных районах. Без согласования с русским командованием они в ноябре 1915 года высадили десант в Персидском заливе и начали наступление на Багдад. Эта операция провалилась – турки сумели окружить англичан и предложили им капитулировать. Оказавшись в трудном положении, английское командование «вспомнило» о союзниках и обратилось за помощью к главнокомандующему русскими войсками на Кавказе – великому князю Николаю Николаевичу. Тот дал согласие, но выдвинул определенные условия, которые английское командование не приняло. В свою очередь, Николай Николаевич отказался от активных наступательных действий, несмотря на то что этого требовала от него Ставка. В апреле 1916 года, не получив помощи, английские окруженные войска (около 10 тысяч человек) были вынуждены капитулировать – престижу Англии в Азии был нанесен серьезный ущерб.

Осенью 1915 года резко ухудшилась обстановка в Персии, страна оказалась на грани гражданской войны. Чтобы не

допустить втягивания Персии в войну, Николай Николаевич добился от Ставки разрешения на проведение Хамаданской операции силами экспедиционного кавалерийского корпуса под командованием генерала Н.Н. Баратова. В течение месяца корпус совершил ряд экспедиций в глубь Персии, разгромив несколько вооруженных формирований противника. В декабре частью сил корпуса был занят Хамадан, а также ряд других населенных пунктов, расположенных на подступах к Тегерану. Успешное завершение Хамаданской операции, имевшей не столько военное, сколько политическое значение, положило конец попыткам Германии и Турции втянуть в войну против России государства Средней Азии.

В 1916 году Кавказская армия провела три последовательные наступательные операции. Все они осуществлялись под непосредственным руководством Николая Николаевича и командующего Кавказской армией генерала от инфантерии Н.Н. Юденича. Русской армии противостояла 3-я турецкая армия, на усиление которой двигались части с Балкан.

Великий князь решил разбить 3-ю турецкую армию до подхода подкреплений, которые могли появиться на Кавказском фронте, по расчетам штаба, не ранее марта 1916 года. С этой целью и проводилась с 28 декабря 1915 года Эрзурумская операция. Успешный штурм Эрзурума стал крупной политической победой России, в результате которой правительства Англии и Франции поспешили подписать с Россией выгодное для нее соглашение о разграничении сфер влияния в этом регионе.

Весьма значительными были и итоги кампании 1916 года на Кавказском фронте. В ходе трех последовательных операций 3-я турецкая армия была трижды разгромлена. Русские войска сумели продвинуться на территорию Турции более чем на 250 километров. Были захвачены важные пункты, в том числе крепость Эрзурум, порт Трапезунд и город Эрзинджан.

Небывало снежная и суровая зима 1917 года приостановила боевые действия на Кавказском фронте. Из-за бездорожья подвоз продовольствия и фуража был сильно затруднен. Солдаты голодали, начались эпидемии. К этому периоду общие потери Кавказской армии с начала войны убитыми и умершими от ран достигли 100 тысяч человек. Не хватало боеприпасов, особенно патронов. В таком положении армия была не способна вести наступательные операции и по приказу великого князя перешла к активной обороне.

События февраля 1917 года и отречение Николая II потребовали срочного возвращение Николая Николаевича в Ставку. Император пожелал перед отречением вернуть его на пост

верховного главнокомандующего. Однако Временное правительство не устраивало пребывание представителя рода Романовых на этом посту. Такая позиция Временного правительства глубоко обидела великого князя, находящегося в то время в Ставке. В ответ на письмо Львова, в котором тот просил Николая Николаевича отказаться от поста главнокомандующего, чтобы доказать свою любовь к Отечеству, он посылает в Петроград ответ следующего содержания: «Рад вновь доказать мою любовь к Родине, в чем Россия до сих пор не сомневалась». Сдав командование генералу Алексееву, Николай Николаевич покинул Могилев. Он прослужил в российской армии 46 лет и теперь навсегда оставил ее. Вскоре он с семьей перебрался в Крым, откуда был эвакуирован союзниками.

В марте 1919 года Николай Николаевич эмигрировал в Италию. Потом он переехал во Францию, в которой и оставался до конца жизни. Находясь в эмиграции, он не принимал участия в активной политической деятельности, хотя среди белоэмигрантов считался претендентом на российский престол. В декабре 1924 года он принял от генерала Врангеля командование объединенными в Русском общевоинском союзе (РОВС) русскими зарубежными организациями.

Николай Николаевич скончался 5 января 1929 года в местечке Антиб и был похоронен в Каннах. На могиле соотечественники установили большую доску из зеленого мрамора со словами: «Верховному главнокомандующему русской армией, его императорскому высочеству великому князю Николаю Николаевичу от российского зарубежного воинства».

КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ (1858—1915)
Великий князь, военный и государственный деятель.

Триста четыре года на российском престоле находилась династия Романовых, одна из самых древних и знатных московских династий. Первым царем, провозглашенным на царствие в марте 1613 года, стал Михаил Федорович Романов, последним – Николай II, отрекшийся от престола в марте 1917-го.

Годы правления Романовых условно можно разделить на три периода. К первому относятся те Романовы, которые и по фамилии, и по крови были чисто русскими. Он заканчивается на правлении Петра II, умершего в 1730 году, который был внуком Петра I и сыном царевича Алексея – наследника, убитого по приказу отца. Петр II стал последним прямым потомком по мужской линии боярина Романова, который и положил начало династии Романовых в XVI веке.

Следующий период правления начали представительницы женской линии династии, а затем их сменили немцы – российский престол занял Петр III (Карл Петер Ульрих), внук Петра I, сын Анны Петровны и герцога Гольштейн-Готторпского. И если чисто романовской крови в нем была еще какая-то часть – все-таки матерью его была дочь Петра Великого, то его сын – Павел I по крови к Романовым не имел никакого отношения. При дворе ходили упорные слухи о том, что его отцом был Сергей Салтыков, принадлежащий к древней русской дворянской фамилии. Версия о бесплодности Петра III подтверждается еще и тем фактом, что кроме Павла, официальным отцом которого он считался, детей у него больше не было, и не только от законной супруги Екатерины II, но также и от многочисленных любовниц.

Но оставим хитросплетения XVIII века и обратим взор на век XIX, который начинает третий период истории династии. На российском престоле Павла I сменил его старший сын Александр I. Кроме Александра Павел I имел еще трех сыновей – Константина, Николая и Михаила. Александр внезапно скончался в 1825 году, не оставив после себя наследника. Второй сын – Константин – от престола отказался и вскоре развелся со своей первой женой и женился на представительнице не княжеской крови, польке по происхождению. Тем самым он лишил своих детей права наследования престола. Императором был

провозглашен третий сын Павла I – Николай I, от которого и началась ныне существующая линия Романовых. Младший из четырех братьев, Михаил, умер бездетным.

В XIX веке династия Романовых сильно разрослась, и недостатка в наследниках мужского пола не наблюдалось. Еще Павел I отменил титул царевичей, заменив его титулом великих князей, который вплоть до 1885 года носили члены императорской фамилии, начиная с сыновей и заканчивая праправнуками императора.

Император Николай I, как и его отец, имел четверых сыновей – великих князей Александра, Константина, Николая и Михаила. Как видим, и имена детей совпадают. Но все дети Николая I смогли дать начало собственной ветви рода, разделив его на четыре линии: Александровичей (царствующая линия), Константиновичей, Николаевичей и Михайловичей.

Великий князь Константин Николаевич (1827—1892) был генерал-адмиралом русского флота. В период царствования Александра II он возглавлял морское министерство, являлся наместником Царства Польского в 1862—1863 годах, а с 1865 по 1881 год был председателем Государственного совета. В 1848 году он женился на принцессе Саксен-Альтенбургской, принявшей в России имя великой княгини Александры Иосифовны. Супруга подарила Константину Николаевичу четверых сыновей – Николая, Константина, Дмитрия и Вячеслава. Самый младший из них, Вячеслав, умер молодым. Судьбы Николая и Дмитрия после октября 1917 года сложились трагически. Николай был расстрелян в Ташкенте в июле 1918 года, а Дмитрий – арестован и приговорен к высшей мере годом позже. Его расстреляли в январе 1919 года.

Совершенно иначе сложилась жизнь великого князя Константина Константиновича. Он не дожил до трагических дней Романовых, связанных с приходом к власти большевиков. Но имя его, широко известное читающей публике конца XIX – начала XX веков, было надолго забыто после октября 1917 года. Талант этого человека проявился во многих областях. Трудно сказать, кем он был больше – моряком, гвардейским офицером, педагогом, ученым, организатором науки, августейшим поэтом, актером или композитором. Несомненно одно: великий князь Константин Константинович был разносторонне развитым и очень одаренным человеком. Будучи представителем царской фамилии, по сложившейся традиции того времени, он публиковался не под своей фамилией, а подписывал произведения монограммой «К.Р.».

Константин Константинович родился 23 августа 1858 года

под Санкт-Петербургом, в Стрельне. Он получил характерное для его положения, то есть широкое, образование. Среди его преподавателей были историк С.М. Соловьев, К.И. Бестужев-Рюмин, известный музыкант Г.А. Ларош и Р.В. Кюндингер.

С раннего детства отец готовил Константина к военной службе и при рождении определил его шефом 15-го Тифлисского гренадерского полка. Но сам Константин Николаевич, имея звание генерал-адмирала и будучи по должности управителем флота, был страстно влюбленным в море человеком. Поэтому он решил, что и сын должен пойти по его стопам.

С 12 лет маленький Константин совершает учебные плавания с другими воспитанниками морского кадетского корпуса. В 1876 году он производится в первый морской офицерский чин – мичмана.

С началом русско-турецкой войны в 1877 году 19-летний офицер (как и многие представители царской семьи) принимает участие в боевых действиях против турецких войск. Боевое крещение Константин Константинович принимает под Силистрией, на Дунае. Первое задание для молодого офицера, не имеющего опыта боевых действий, было весьма трудным и ответственным, но оно было им блестяще выполнено.

Боевые действия на море велись при помощи артиллерии и абордажа, который к началу XX века стал далеким прошлым. Кроме этого в ходе морского сражения применялось брандерство как одно из самых действенных средств против неприятельского флота. Суть его заключалась в том, что на более крупный и значимый корабль противника пускалось специально изготовленное судно, начиненное взрывчаткой, горючими смесями, готовое вспыхнуть в один миг. Этот маленький кораблик мог полностью вывести из строя вражеский флагман, а если повезет, то и несколько судов.

На брандер, как правило, назначали только добровольцев, ибо мера опасности была очень уж велика: нужно было управлять кораблем, подвести его вплотную к неприятелю, по возможности сцепить их в единое целое и только после этого покинуть корабль. Естественно, как принято на любом корабле, командир покидал судно последним, ибо именно он ставил окончательную точку в этом деле, поджигая фитили, после чего следовал скорый взрыв. Не стоит и упоминать, что за брандерами велась постоянная охота, и многим корабликам так и не удавалось подойти к неприятельским судам. За брандерство и офицерам, и матросам полагалась высшая военная награда – Георгиевские ордена и кресты.

Такую награду и заслужил Константин Романов, мичман и

командир брандера. По приказу своего непосредственного начальника лейтенанта Дубасова, чье имя прогремело по всей русской армии после геройского взрыва турецкого броненосца «Хивзи Рахман», в ночь на 3 октября 1877 года великий князь лично спустил брандер на стоящий у острова Гоппо турецкий пароход, лишив противника средств переправы через Дунай. В донесении об этом деле Дубасов написал: «Оценивая поведение каждого из офицеров, большинство которых было в первый раз под неприятельским огнем, я считаю долгом прежде всего упомянуть о Его Императорском Высочестве Великом Князе Константине Константиновиче, хладнокровие и распорядительность которого, несомненно, гораздо выше его лет и опытности. Выполненное им поручение лучше всего, впрочем, говорит само за себя».

А 17 октября, «в награду отличной храбрости и распорядительности, оказанных при воспрепятствовании турецким войскам переправиться через Дунай у Силистрии», великий князь Константин Константинович был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

После Силистрии были и другие сражения – Константин Константинович оставался на театре военных действий до самого конца войны.

Война завершилась подписанием Сан-Стефанского мирного договора. Мичман Романов уезжает в столицу и вскоре получает чин лейтенанта флота. Он несколько лет провел почти в беспрерывных морских походах.

В 1882 году он был переведен в гвардейскую пехоту в чине штабс-капитана и начал служить в Измайловском полку. Через несколько лет он будет переведен в Преображенский полк, а в 1894 году в чине генерал-майора Константин Константинович станет полковым командиром.

В 1882 году в печати появились первые стихотворения, подписанные буквами «К.Р.». Писать великий князь начал раньше – в 1879 году им было написано стихотворение «Задремали волны». Но только в августовском номере «Вестника Европы» за 1882 год он первый раз предоставил на суд читающей публики свои произведения, опубликовав стихотворение «Псалмопевец Давид». Его поэтический дар сразу привлек внимание, но еще некоторое время подпись «К.Р.» оставалась не разгаданной.

1883 год был отмечен помолвкой великого князя с принцессой Елизаветой Саксен-Альтенбургской, дочерью герцога Морица Саксонского. Константин Константинович познакомился с будущей женой во время посещения ее родного города Альтенбурга. Они сразу понравились друг другу, но родители

Елизаветы не хотели, чтобы дочь уезжала в Россию, где политическая обстановка была нестабильной. Но дочь заявила, что жизнь в России ее не страшит, и после долгих переговоров разрешение на брак было получено. Примечательно, что сообщение об этом Константин Константинович получил телеграммой, содержащей два слова: «Пианино куплено». Это был условный текст, и великий князь сразу же отправился к герцогу Саксонскому делать официальное предложение. Свадьба состоялась в 1884 году, и принцесса Саксен-Альтенбургская приняла в России титул и имя великой княгини Елизаветы Маврикиевны. Семья великого князя была большой – шестеро сыновей и трое дочерей, из которых одна (Наталья) умерла в младенчестве. Жили они очень дружно, и, как говорил Константин Константинович, счастливая и полная жизнь его, то есть «семья, военная служба и поэзия», началась после свадьбы. Он очень любил свою семью и уделял ей много внимания. Но не меньше внимания он уделял службе и благотворительной деятельности. И, конечно, творчеству. Он вел переписку со многими известными писателями и поэтами, самым любимым из которых был А.А. Фет. И когда в 1886 году вышел в свет первый сборник «Стихотворения К.Р.», первым, кто получил его в подарок и чье мнение Константин Константинович хотел бы услышать, был Фет.

Через два года великий князь напишет в своем дневнике: «В среду минуло мне 30 лет. Жизнь моя и деятельность вполне определились. Для других я военный, ротный командир, в ближайшем будущем полковник, а так лет через 5–6 – командир полка. Для себя же – я поэт. Вот мое истинное призвание».

В 1889 году Константин Константинович был назначен Александром III президентом Императорской Академии наук, что дало ему возможность лично познакомиться со многими выдающими деятелями науки и культуры России того времени. Беседы, а в дальнейшем и советы знатоков и исследователей литературы Ф.Е. Корша, А.А. Шахматова, А.Н. Веселовского и других побудили великого князя начать работу над переводом трагедии В. Шекспира «Гамлет». Законченный в 1900 году и посвященный Александру III труд, был признан классическим образцом перевода.

Будучи президентом академии, Константин Константинович не оставил военную службу. Он стал командиром Измайловского полка, а с 1891 года – Преображенского. Но «измайловцев» он не забывал, и именно у них на литературном полковом собрании в январе 1899 года состоялось первое представление сцен из «Гамлета», где роль принца Датского играл сам великий князь.

Дебют оказался настолько удачным, а сама трагедия так сильно захватила зрителей, что уже на следующий год постановка была осуществлена на сцене Эрмитажного театра, а главную роль играл переводчик трагедии. В то время Константин Константинович писал в дневнике: «Только роль «Гамлета» может меня расшевелить хотя бы среди глубокой ночи Даже стыдно признаться: во глубине души я считаю исполнение этой роли своим любимым и главным делом». За великолепный перевод Шекспира он получил орден от датского королевского дома.

Особое место в творчестве К.Р. занимает драма «Царь Иудейский», повествующая о последних днях пребывания на земле Иисуса Христа. Духовная цензура вначале не разрешила постановку драмы на сцене. И только после написания подробного примечания автора с указанием тех мест, где он отступал от существовавших канонов и почему, «Царь Иудейский» был поставлен на сцене Эрмитажного театра в январе 1914 года. Роль Иосифа Аримафейского исполнял сам автор, кроме того, в постановке участвовали и три его сына. Николай II, присутствовавший на спектакле в тот день, записал в дневнике: «…поехал прямо в Эрмитаж. Шла драма Кости «Царь Иудейский». Впечатление она производит потрясающее. Постановка редкая по красоте».

Преображенским полком великий князь командовал шесть лет, а в 1900 году он получил назначение на должность главного начальника, а затем генерал-инспектора военно-учебных заведений. Эта должность стала для него началом новой деятельности, а о его человеческих качествах воспитанники будут вспоминать долгие годы. Константин Константинович за годы службы в этой должности побывал во всех кадетских корпусах и училищах, разбросанных по всей стране. Он знал если не всех, то очень многих кадетов и юнкеров по фамилии, относясь к воспитанникам училищ без лишней строгости, благожелательно, по-отечески.

С началом Первой мировой войны все старшие сыновья Константина Константиновича ушли на фронт. Возраст и состояние здоровья не позволили К.Р. принять участие в военных действиях. Стремясь принести пользу стране в это трудное время, он вместе с супругой решил приобрести у Красного Креста оборудованный передвижной лазарет и передать его 1-й армии. В самом начале войны пришло первое трагическое известие – 27 сентября 1914 года во время наступления был тяжело ранен сын, Олег Константинович. Через два дня он скончался. В мае 1915 года новое горе – под Львовом пал смертью храбрых муж старшей дочери Татьяны Константиновны, князь Багратион-Мухранский.

Все это крайне плохо отразилось на здоровье великого князя. Он глубже ушел в себя, не желая перекладывать горечь утрат на других. До последних дней он оставался на службе в должности генерал-инспектора военно-учебных заведений.

Великий князь Константин Константинович скончался 15 июня 1915 года и был похоронен в усыпальнице Петропавловского собора.

Недалеко от Парижа есть русское кладбище, на котором захоронены многие деятели российской эмиграции. Здесь есть также и несколько мемориальных памятников. На одном из камней надпись: «Отцу всех кадетов». Так своеобразно почтили кадеты-эмигранты своего главного наставника, много сделавшего для их воспитания.

КАРЛ ГУСТАВ ЭМИЛЬ ФОН МАННЕРГЕЙМ (1867—1951)

Барон, русский генерал, финский маршал, президент Финляндии.

Родоначальником рода Маннергеймов был купец Хенрик Мархейм, который еще в XVI веке перебрался из Голландии в Швецию. Он занимался горным промыслом, стал членом городского совета города Евле и даже служил в бюргерской гвардии в качестве командира роты. Затем он перебрался в Стокгольм, где получил должность бухгалтера в первом банке Швеции. Его младший сын Аугустин устроился на должность управляющего в Эстонии, в имении графа Уксеншерны, а во время секвестрования земель с целью возвращения их короне стал членом исполнительного комитета, составленного из лиц недворянского происхождения. Это позволило ему взять в аренду земли своих бывших работодателей, графов Уксеншернов, а в 1693 году получить и дворянское звание. Он стал и именоваться по-другому, изменив фамилию Мархейм на более длинную и звучную – Маннергейм. Все его четверо сыновей начали службу офицерами-артиллеристами. Старший из них, Карл Эрик, служил в Финляндии в городе Турку в губернском пехотном полку. В 23 года он был уже в звании майора, возможно, купив чин, что в то время было принято. Его брат, получивший юридическое образование, примкнул к королевской оппозиции и в 1809 году был назначен уполномоченным по вопросам юстиции.

Сам Карл Эрик занимал видное место в Союзе «Аньяла» и был обвинен в измене родине и приговорен к смертной казне. Он подал прошение о помиловании и получил его. Несмотря на то что его взгляды разделяли многие офицеры, выступавшие против начатой королем войны с Россией, продолжать военную службу в Финляндии Карл Эрик Маннергейм уже не мог. Сначала он решил вступить в какую-нибудь иностранную армию, но затем, женившись на дочери губернатора Турку, он решил расстаться с военной карьерой. Купив поместье на деньги жены, он стал вести тихую мирную жизнь. Но ему не удалось окончательно расстаться с политикой. Во время русско-финляндской войны 1808—1809 годов он был назначен председателем депутации к русскому императору для решения вопроса относительно статуса

Финляндии. Переговоры прошли успешно, и по просьбе депутации был созван сейм, в котором Маннергейм занимал видное место. Он был избран губернатором, а в начале 20-х годов XIX века стал заместителем председателя сенатского департамента экономики. В год смерти императора Александра I Маннергейму был пожалован графский титул. Он был спокойным, сдержанным и деловым человеком, требовательным и суровым. Любовью у финнов он не пользовался, и в дальнейшем ему было поставлено в вину попустительство и уступчивость русским, что вынудило Маннергейма подать в отставку и вернуться к частной жизни. Маннергейма сменил Ларс Габриель фон Хаартман, который был женат на дочери Карла Эрика, а после ее смерти женился на ее сестре.

Сын Карла Эрика Август не стремился к политической карьере, понимая враждебное отношение к семейству финского общества. Август Маннергейм стал специалистом в области женской моды, интерьера и церемониала. Он хорошо рисовал, но не мог стать профессиональным художником, так как в его время это считалось занятием не достойным дворянина.

Совершенно другим был его брат, Карл Густав, который стал первым в семействе Маннергеймов, кто родился в Финляндии. Он был холодным, чопорным и негибким человеком, очень медленно, но упорно продвигался по карьерной лестнице. К 36 годам он стал губернатором Васы, а затем был переведен в Выборгскую губернию. В 1839 году он стал президентом верховного суда Выборга. Карл Густав активно поддерживал все финское, предложил вести судопроизводство на финском языке, учредить должность профессора финского языка в университете Гельсингфорса. Его большим увлечением было собирание насекомых, и он имел впечатляющую коллекцию, в которой насчитывалось более 100 тысяч видов. Он написал ряд книг о жуках (в коллекции их было более 20 тысяч видов) и был членом многих иностранных естественнонаучных обществ.

В браке с дочерью подполковника фон Шанца Карл Густав имел трех дочерей и сына. По завещанию сын Карл Роберт получил в наследство поместье Вилльнес. Когда ему было всего 10 лет, его отец скончался. По характеру сын совершенно не был похож на отца – он стал радикалом и атеистом. Карл Роберт обладал многими художественными талантами. Он прекрасно пел и даже исполнил главную партию на премьере первой финской оперы «Охота короля Карла», заменив заболевшего солиста. Учился он в университете Гельсингфорса, а по окончании много времени проводил в Париже, где проникся радикальными идеями. Он писал стихи и переводил на шведский произведения

Бернса, де Мюссе и Гейне. Он был прекрасным кулинаром и знатоком вин. Женился он на деньгах, взяв в жены дочь крупного финансового магната Юхана Якоба фон Юлина – Хелен. Карл Роберт прожил с женой 18 лет, а затем бросил ее и семерых детей, промотав предварительно и свое состояние, и состояние своей жены. Хелен Маннергейм воспитывала детей в английском духе – строго и жестко. Она уделяла больше внимания их закаливанию, чем духовному развитию, делая акцент на самодисциплине, сдержанности, деловитости и выполнении долга. Теплым человеческим чувствам особого значения не придавалось. Единственным ребенком в семье, кто не подчинялся никакой дисциплине и для которого принципы матери не имели значения, был будущий маршал Карл Густав Маннергейм.

Он родился 16 июня 1867 года в имении Лоухисаари, в юго-западной части Финляндии. В возрасте 14 лет Карл Маннергейм поступил в кадетское училище в Фридрихсгаме, недалеко от Выборга, а затем перешел в Николаевское кавалерийское училище в Петербурге, что в то время было большой удачей. Карл Маннергейм вскоре сделал блестящую карьеру в русской армии. В 1887 году он был зачислен в кавалерию. За годы учебы в столице он завел множество полезных знакомств и близко сошелся с великим князем Николаем Александровичем, ставшим впоследствии последним русским императором. Эти связи очень пригодились Маннергейму после окончания Николаевского училища. Первым местом службы Маннергейма стал придворный полк «черных драгун», но он мечтал попасть в знаменитый полк кавалергардов, куда и был переведен в 1891 году. В гвардии он приобрел много друзей, и у него появилась возможность приобщиться к светской жизни столицы.

Когда разразилась русско-японская война, Маннергейм отправился на фронт в Маньчжурию, где участвовал в боевых действиях. Получив несколько орденов, честно заслуженных в сражениях, Карл Густав Эмиль фон Маннергейм вернулся в столицу.

После поражения в войне русский Генеральный штаб искал человека, который смог бы заняться сбором военно-топографических сведений в Средней и Центральной Азии. И подполковник фон Маннергейм вызвался добровольцем. В течение двух лет он в сопровождении нескольких казаков на лошадях пересек Туркестан, пустыню Гоби и через Тибет добрался до Пекина. Он прилежно фотографировал, делал измерения, знакомился с жизнью местного населения. Это путешествие, длиной в 10 тысяч километров, позволило Маннергейму стать почетным членом Русского географического

общества.

Вернувшись в Петербург и получив очередное честно заслуженное звание, полковник фон Маннергейм был зачислен в гвардейский Кавалергардский полк. В 1911 году фон Маннергейм получил чин генерал-майора, стал командиром Кавалергардского полка и был включен в свиту Николая II.

К началу Первой мировой войны он был на должности командующего 12-й кавалерийской бригадой, которая была отправлена в Галицию и участвовала в боях с австро-венгерской армией. Довелось генералу повоевать и в Румынии, возглавляя кавалерийский корпус. За три года войны Маннергейм был награжден почти всеми российскими орденами и получил звание генерал-лейтенанта.

В марте 1917 года во время Февральской революции он находился в Петрограде в отпуске, а после мятежа Корнилова решил вернуться на фронт. В сентябре 1917 года верховный главнокомандующий Духонин перевел его в резерв. Узнав об Октябрьском перевороте и падении Временного правительства, фон Маннергейм решил вернуться на родину, в Финляндию.

В начале января 1918 года генерал Маннергейм был приглашен в состав военного комитета, ставившего перед собой задачу сформировать финские вооруженные силы. 14 января фон Маннергейм стал руководителем этого комитета, а 16 января глава государства Пер Эвинд Свинхувуд назначил его главнокомандующим. В стране шла гражданская война. Под руководством генерала Маннергейма помимо шюцкоровских отрядов – военизированных формирований для защиты законности и порядка – были части германского экспедиционного корпуса и части Белой армии, которым противостояли части Красной гвардии. Весной 1918 года Красная гвардия потерпела поражение по всей стране, и в начале мая Маннергейм торжественно вошел в столицу. Однако на финский престол был возведен зять кайзера Вильгельма II принц Фридрих Карл Гессенский, и в начале октября 1918 года Маннергейм, который не питал любви к немцам, вынужден был эмигрировать.

Вспыхнувшая в Германии революция уничтожила кайзеровский трон. И уже в декабре 1918 года Густав фон Маннергейм вернулся в Хельсинки, где в качестве регента управлял страной с декабря 1918-го по июль 1919 года. Он укрепил государственный строй Финляндии как республики, усилил роль вооруженных сил в стране и пытался наладить связи со странами Северной Европы. В июле 1919 года, будучи еще регентом, он ратифицировал конституцию республики Финляндия. После выборов президентом страны стал Стольберг, а

Маннергейм оставил за собой пост главнокомандующего вооруженными силами Финляндии. В 1920 году правительство приняло решение реформировать финскую армию по германскому образцу. Фон Маннергейм подал в отставку.

В начале 1930-х годов он вернулся в политику и на государственную службу. В марте 1931 года он был назначен председателем Совета обороны. В 1937 году Маннергейм добился принятия семилетнего плана перевооружения армии, и под его руководством на Карельском перешейке стали возводиться оборонительные укрепления, получившие название «линии Маннергейма». Он сделал очень много для вооружения и укрепления финской армии, и не его вина, что к моменту нападения Советского Союза на Финляндию осенью 1939 года она была недостаточно вооружена и подготовлена, а техническое оснащение финской армии также оставляло желать лучшего. Карл Густав фон Маннергейм знал все это лучше, чем кто-либо другой, поэтому, когда в конце 1938 года Рюти рассказал ему о предложениях Москвы, генерал посоветовал премьеру согласиться не только на советские базы, но и на незначительные территориальные уступки.

Еще в начале 1938 года СССР по закрытым каналам обращался к Финляндии с предложением начать переговоры по пограничным вопросам, чтобы обеспечить безопасность Ленинграда на случай войны. Для этого СССР хотел получить некоторые финские территории. Но правительство Финляндии ответило отказом. Сам Маннергейм стоял на более гибких позициях и высказался за уступки.

5 октября 1939 года Молотов пригласил делегацию финского правительства на переговоры в Москву. На следующий день Маннергейм тайно начал всеобщую мобилизацию. Одновременно с Карельского перешейка и из Хельсинки эвакуировались местные жители. Маннергейм понимал, что СССР просто так не отступится от своих требований по решению вопроса о новых границах, поэтому он советовал Паасикиви: «Вы должны обязательно достичь договоренности. Армия не способна сражаться».

Финляндия, поддержанная международным сообществом, отказалась идти на уступки. Советский Союз начал усиленно готовиться к войне со своим северным соседом. В самой Финляндии ни правительство, ни население не верили в возможность войны. Карл Густав фон Маннергейм, по-прежнему считавший, что нужно было согласиться с требованиями Советского Союза, подал в отставку, которая, однако, не была принята. В то время Маннергейму было уже 70 лет, и он полагал, что не обязан руководить вооруженными силами страны,

поскольку его советы не были приняты во внимание.

27 ноября 1939 года Молотов заявил, что СССР не считает себя больше связанным пактом о ненападении. На следующий день Советский Союз объявил о разрыве дипломатических отношений с Финляндией, а 30 ноября 1939 года напал на страну.

В первый же день войны генерал фон Маннергейм забрал прошение об отставке. Тем временем финская армия мужественно обороняла предполье, отбивая все попытки советских войск прорваться к первой линии укреплений. 2 декабря в первом захваченном ценой больших жертв финском городе Териоки (ныне Зеленогорск) было объявлено о создании «правительства» Финляндской Демократической Республики во главе с О.В. Куусиненом.

Красная армия, неся огромные потери, безуспешно штурмовала первый рубеж финской обороны на Карельском перешейке. В декабре 1939 года все попытки советских войск захватить укрепрайоны успеха не имели. Однако после провала рождественского контрнаступления положение финнов на перешейке осложнилось. Командующему фронтом Тимошенко удалось наладить взаимодействие между родами войск, и теперь засевшие в укреплениях финские корпуса изматывались непрерывным огнем. Тимошенко знал, что у Маннергейма нет резервов. Положение спасли прибывавшие в Финляндию добровольцы – шведы и норвежцы. В январе в бой вступили первые 3 тысячи человек. Вскоре их число возросло до 11500 человек. Швеция предоставила Маннергейму 80 тысяч винтовок, 500 автоматов, 200 орудий и 25 самолетов Италия также поставила в Финляндию 30 самолетов и большое количество зенитных пушек. Американский финский легион поспел на фронт только к 13 марта, когда боевые действия уже закончились. Помощь финнам оказывали и Франция, и Венгрия, и даже Польша. Лондон же решил попробовать уладить дело миром и заявил, что если СССР не прекратит войну, то британские стратегические бомбардировщики, базирующиеся в Ираке, уничтожат нефтяные разработки в Баку и Грозном. Москва вынуждена была пойти на переговоры с Хельсинки, и 12 марта было подписано перемирие. Хотя условия мира были очень суровые, Финляндия избежала оккупации.

Сразу после советско-финляндской войны Финляндия начала искать союзников в Северной Европе на случай возникновения новой войны. Идея оборонительного союза не нашла поддержки у Швеции, и тогда финское правительство переориентировалось на Германию, которая уже готовила нападение на Советский Союз.

Со второй половины 1940 года вермахт стал помогать генералу Маннергейму реформировать финскую армию. Кроме того, правительство Финляндии согласилось на транзит немецких войск в Норвегию через свою территорию. Несмотря на все уговоры Гитлера и Кейтеля, в мае 1941 года президент Рюти официально заявил, что Финляндия не будет принимать участия в агрессии против СССР. Но в начале июня у финской границы начали скапливаться советские войска, и 17 числа того же месяца Маннергейм провел всеобщую мобилизацию.

Утром 22 июня Германия напала на СССР. Маннергейм старался избегать военных обязательств, фюрер же хотел поставить финнов перед свершившимся фактом и втянуть их в войну. Советские части периодически обстреливали территорию Финляндии и нападали на финских пограничников. Налет на Хельсинки истощил терпение, и Финляндия объявила СССР войну. Боевые действия вооруженных сил Финляндии в основном свелись к возврату территорий, отторгнутых в 1940 году. 31 августа 1941 года части финской армии вышли на старую границу.

В конце ноября 1941 года Черчилль обратился к своему старому другу фон Маннергейму с предложением выступить посредником в улаживании отношений с Советским Союзом. Но кампания в Восточной Карелии развивалась столь удачно, что главнокомандующий промедлил с ответом, а тем временем Англия под давлением Москвы объявила Финляндии войну. Генерала фон Маннергейма уговаривали предоставить свои войска для захвата Мурманска и железной дороги, по которой помощь союзников поступала во внутренние районы СССР. Но он отказывался. К середине 1942 года Гитлеру так и не удалось уговорить Маннергейма помочь вермахту перерезать железную дорогу из Мурманска. Кроме того, Маннергейм также отказался выдать евреев, скрывающихся в Финляндии от преследования гестапо.

4 июня 1942 года барону Маннергейму исполнилось 75 лет В этот день ему было присвоено звание маршала.

Начиная с зимы 1943 года маршал Маннергейм упорно стал советовать парламенту как можно скорее выйти из войны. Летом и Советский Союз выступил с мирными предложениями, которые привели к началу переговоров. Но успеха они не имели. Москва потребовала интернирования немецких войск в Лапландии, восстановления границ 1940 года и выплаты контрибуции. Финляндия не соглашалась на эти предложения, хотя лично Маннергейм считал, что в некоторых вопросах можно пойти на уступки.

9 июня 1944 года Красная армия перешла в наступление на Карельском перешейке. Маннергейм бросил в бой все имевшиеся у него резервы, но через 10 дней советские части взяли Выборг и начали крупномасштабные военные действия в Восточной Карелии. В Хельсинки снова попросили помощи у Германии. Немцы смогли предоставить фон Маннергейму лишь артиллерийскую бригаду, несколько эскадрилий и боеприпасы. К 20 июля наступление Красной армии было остановлено западнее Выборга, и советское командование, отказавшись от намерения захватить Южную Финляндию, стало перебрасывать войска в Прибалтику.

4 августа 1944 года парламент избрал Карла Густава фон Маннергейма новым президентом Финляндии. Сразу после вступления в должность маршал при посредничестве Швеции вступил в переговоры с Москвой. 2 сентября Финляндия разорвала дипломатические отношения с Третьим рейхом и потребовала немедленно вывести немецкие войска из Лапландии. Через три дня на советско-финляндском фронте был прекращен огонь.

По итогам Второй мировой войны Финляндия потеряла 12 процентов своей территории и более 89 тысяч человек убитыми.

Сильное напряжение последних лет сказалось на здоровье маршала Маннергейма. Уже во время войны ему приходилось лечиться в Швейцарии. К весне 1945 года его здоровье резко ухудшилось, и ему пришлось надолго покидать страну для лечения за границей. В начале 1946 года он хотел отказаться от поста президента страны, но решил подать в отставку после окончания суда над военными преступниками. Все-таки уже в марте 1946 года Маннергейм объявил о невозможности дальнейшего исполнения им президентских обязанностей, и его преемником был избран Паасикиви.

Последние годы своей жизни Маннергейм провел в Швейцарии. Там он не только лечился, но и работал над мемуарами, в которых подводил итог своей жизни. Умер Маннергейм в Лозанне 28 января 1951 года. В последний путь его провожали десятки тысяч финнов.

ЮЗЕФ ПИЛСУДСКИЙ (1867—1935)

Польский политический и государственный деятель, маршал Польши.

Род Пилсудского относится к древней полонизированной литовской шляхте, корни которого уходят вглубь веков. Свое начало род вел от легендарной великокняжеской династии, основателем которой был Довспрунг, правивший Литвой еще до Гедимина. В документах XV века упоминается Гинет – литовский боярин, получивший польский герб. Этот предок Пилсудских был сторонником прогерманской партии бояр, выступавших против польского короля. В дальнейшем Гинет и его сторонники были вынуждены переселиться в Пруссию, где были встречены «с радостью и осыпаны дарами».

Княжеское происхождение Пилсудского явилось предметом острых споров, возникших в период достижения его высоких постов в Польше. Этот же документ позволил сторонникам Пилсудского обосновать его право на получение польской короны, и дважды (в 1919 и 1926 годах) ему предлагалось принять титул короля Польши. Но противники Пилсудского доказывали, что упоминаемый в документе Гинет не являлся потомком великокняжеского рода, так как именовался Гинетом Концевичем, то есть сыном Коньчи, и не был Гинвилтовичем, то есть потомком князя Гинвилта, ведущего родословную от Довспрунга.

Сам же Юзеф Пилсудский называл себя «литвином», реже «поляком», а принадлежность его семьи к дворянскому сословию его противниками не оспаривалась, хотя почти каждый факт его биографии интерпретировался по-разному.

Юзеф Пилсудский родился 5 декабря 1867 года в городе Зулове в Литве. Он был четвертым ребенком в семье Юзефа-Винценты-Петра и Марии Пилсудских. При крещении он получил имя Юзефа-Клеменса, а в детские годы родные и друзья звали его ласково Зюком. Будучи «подданным русского царя», он с детства воспринял националистические идеи. Учился на медицинском факультете Харьковского университета, из которого был исключен за участие в студенческих волнениях.

В 1887 году был арестован по обвинению в подготовке

покушения на Александра III и в 1888—1892 годах находился в ссылке.

В 1892 году примкнул к Польской социалистической партии (ППС), возглавив ее националистическое крыло.

В 1904 году Пилсудский после начала русско-японской войны 1904—1905 годов посетил Токио с целью установления сотрудничества с японской разведкой, заинтересованной в ослаблении русского тыла. Но ему не удалось заручиться поддержкой японского правительства в случае освободительного восстания в Польше.

Во время революции 1905—1907 годов Пилсудский создавал террористические и «боевые группы». Тогда же, вступив в конфликт с руководством ППС, вышел из партии и явился инициатором создания революционной фракции.

Рассчитывая на восстановление независимости Польши в результате военной победы Австро-Венгрии и Германии над Россией, Пилсудский установил связь с австро-венгерским генеральным штабом, при поддержке которого он организовал разведывательную работу и создал в Галиции диверсионно-террористическую организацию «Стрелец» – армию в изгнании.

Во время Первой мировой войны Пилсудский командовал 1-й бригадой польских легионов в составе австро-венгерской армии. В конце 1916 года он был назначен начальником военного департамента в правительстве «независимого польского государства», созданного австро-венгерскими оккупантами. Пилсудский отказался действовать вне польской территории и уже в июле следующего года за конфликт с оккупационными властями был арестован.

После ноябрьской революции в Германии Пилсудский был освобожден и прибыл в Варшаву. Здесь Регентский совет передал Пилсудскому 11 ноября военную, а 14 ноября 1918 года и гражданскую власть. При поддержке правых руководителей ППС, созданной сторонниками Пилсудского, Польской военной организации (ПОВ), легионеров и единомышленников в других партиях Пилсудский в 1918 году был провозглашен «начальником государства» и оставался им до 1922 года.

Из различных патриотических вооруженных формирований Пилсудский создает национальную армию, которую начиная с 1919 года стало вооружать и поддерживать французское правительство. Первые бои этой армии были проведены с чехами, украинцами и немцами из-за приграничных споров.

Пилсудский, отвергая все предложения советского правительства об установлении дипломатических отношений, начал в феврале 1919 года захват белорусских, литовских и

украинских земель. Вместе с тем, опасаясь великодержавных замыслов русских белогвардейцев, прежде всего Деникина, Пилсудский был вынужден пойти на заключение в марте 1919 года советско-польских соглашений. Итогом их стало прекращение боевых действий, которые Красная армия вела против петлюровцев.

Однако боевые действия между Красной армией и польскими войсками были прекращены лишь на короткое время. С мая 1919 года Пилсудский установил отношения с Петлюрой.

В январе 1920 года Пилсудский пригласил в Польшу Б.В. Савинкова, финансировал деятельность его организаций, содействовал формированию в составе польских войск отрядов С.Н. Булак-Балаховича и других.

21 апреля 1920 года Пилсудский заключил с Петлюрой Варшавское соглашение, которое поставило украинскую Директорию в полную зависимость от Польши. По планам Пилсудского Варшавское соглашение закладывало фундамент в создание восточно-европейской федерации государств под эгидой Польши, а также позволяло на «законном основании» оккупировать западноукраинские земли.

Решив восстановить польские границы до линии 1772 года, Пилсудский начал готовиться к войне с Советской Россией. К концу апреля 1920 года был разработан план нападения, которое должно было вестись силами Северо-Восточного фронта под командованием генерала С. Шептыцкого и Юго-Восточного фронта под командованием маршала Пилсудского, одновременно осуществлявшего главное командование.

Используя пятикратное превосходство, полякам удалось оттеснить войска Красной армии и 6 мая захватить Киев. Однако разбить находившуюся здесь советскую 12-ю армию полякам не удалось, и фронт стабилизировался южнее на линии Киев – Ямполь.

Проведенное майское наступление в Белоруссии вынудило поляков перебросить туда значительное количество войск с Украины, что привело к оголению Юго-Восточного фронта. Это, в свою очередь, позволило командованию Красной армии провести успешную Киевскую операцию, в ходе которой был освобожден Киев.

На Украине потерпели серьезное поражение войска польского Юго-Восточного, а в Белоруссии, в июне, и войска Северо-Восточного фронтов.

В конце июля Красная армия, освободив Украину и Белоруссию, вступила в пределы Польши. Переоценив свои возможности, командование Красной армии издало директиву о

походе на Варшаву.

В этих условиях Пилсудскому удалось произвести дополнительную мобилизацию и пополнить свою армию добровольцами, усилив ее до 170 тысяч человек. Пилсудскому удалось путем перегруппировки войск из района Львова на Варшаву создать ударную группу, которую он использовал в августовском сражении под Варшавой.

18–19 августа войска Западного фронта были отброшены от Варшавы почти на 100 километров, попытка овладеть Львовом также окончилась неудачей.

В октябре фронт стабилизировался. 12 октября в Риге были заключены предварительные условия мирного договора, а 18 октября – прекращены военные действия.

Советско-польская граница теперь устанавливалась значительно восточнее «линии Керзона», ранее предлагавшейся западными державами. К Польше отходили западнобелорусские и западноукраинские земли.

Несмотря на то что стороны отказывались от требования возмещения расходов и убытков, связанных с войной, РСФСР и УССР согласились возвратить Польше трофеи, научные и культурные ценности, вывезенные с территории Польши начиная с 1 января 1772 года. Признавая роль польских земель в хозяйственной жизни бывшей Российской империи, советская страна уплачивала ей в годичный срок 30 миллионов золотых рублей. Польша освобождалась от ответственности за долги и иные обязательства бывшей Российской империи.

В октябре 1920 года Пилсудский организовал захват генералом Л. Желтовским Вильнюса и Виленского края, провозгласив здесь марионеточное государство Срединная Литва. (Затем Виленский край был полностью аннексирован Польшей и находился в ее составе до 1939 года.)

Пилсудский сложил с себя полномочия главы правительства в 1923 году. Однако в мае 1926 года, раздраженный действиями различных фракций и партий, Пилсудский совершил военный переворот, установив в Польше диктатуру режима «санации» (оздоровления) и став вплоть до своей кончины в 1935 году фактическим диктатором Польши, совмещая в своем лице должности военного министра и генерального инспектора вооруженных сил, а также премьер-министра.

УИНСТОН ЛЕОНАРД СПЕНСЕР ЧЕРЧИЛЛЬ (1874—1965) *Премьер-министр Великобритании.*

Этот человек был «долгожителем» на английской и мировой политической арене. Он был потомком знаменитых английских родов Черчиллей и Мальборо, внуком герцога, являлся бессменным членом палаты общин, премьер-министром, почетным гражданином Соединенных Штатов Америки и состоял в отдаленном родстве с президентом США Ф.Д. Рузвельтом. Внешностью он походил на своих предков из рода Мальборо. Его отец – лорд Рандольф Черчилль – был третьим сыном седьмого герцога Мальборо Джона Уинстона Спенсера Черчилля и герцогини Фрэнсис, урожденной маркизы Лондондерри.

Самым известным предком Уинстона Черчилля был Джон Черчилль, достигший в военной карьере чина генерал-фельдцейхмейстера. Он уверенно продвигался от чина к чину, и в 22 года стал капитаном кавалерии, в 24 года – полковником драгунского полка. К 35 годам Джон Черчилль получает титул барона. За успешные действия и верность короне Джон Черчилль был произведен в чин генерал-майора и через некоторое время получил титул графа. Именно он и положил начало династии Мальборо и принес ей немалый материальный доход. Не без помощи жены он был возведен в герцогское достоинство, а германский император даровал герцогу Мальборо титул князя Римской империи, который и по настоящий день принадлежит его потомкам. Джон Черчилль скончался в 1722 году от апоплексического удара и не оставил после себя потомков по мужской линии. Поэтому специальным указом титул и владения были переданы его дочери Генриетте, а от нее перешли к племяннику Чарльзу Спенсеру. И с этого времени фамильным именем герцогов Мальборо становится имя Спенсер Черчилль.

Огромное состояние, которое осталось после Джона Черчилля и его жены, позволило еще нескольким поколениям потомков первого герцога Мальборо вести безбедное существование. Когда же финансовое положение стало затруднительным, молодые герцоги нашли выход из положения путем женитьбы на богатых американках. Именно так и поступил отец Уинстона Черчилля – Рандольф Черчилль (1849—1895). Рандольф не был старшим сыном в семье и по закону не имел права на титул и владения. Он

успешно окончил университет и решил заниматься политической карьерой. В возрасте 24 лет, путешествуя по Европе, он познакомился с семьей американского миллионера Леонарда Джерома и решил жениться на его дочери Дженни. Отец Дженни был весьма энергичным человеком. Его страстью были скаковые лошади и оперные певицы. Некоторое время он служил на дипломатическом поприще, но вскоре бросил службу и стал совладельцем газеты «Нью-Йорк таймс».

Знакомство Рандольфа и Дженни произошло в 1873 году. О своем решении жениться на Дженни Рандольф сообщил отцу письмом. Тот весьма сдержанно отнесся к этому желанию сына и потребовал отложить женитьбу до окончания выборов в парламент, куда Рандольф баллотировался от избирательного округа Вудсток. Выборы Рандольф выиграл без труда, и в апреле 1874 года состоялась его свадьба с Дженни. Они поселились в доме в Лондоне, который дал им отец Рандольфа, а на годовой доход, получаемый от суммы, взятой в приданое за женой, они могли вести светскую жизнь.

Их сын Уинстон появился на свет в родовом замке Бленхейм 30 ноября 1874 года. Он родился раньше положенного срока на несколько недель во время бала, который давал герцог Мальборо. Почувствовав приближение родов, леди Черчилль смогла добраться только до комнаты, которая на период бала была превращена в дамскую раздевалку. Там на пальто, шляпах и мехах и родился Уинстон. Хозяева замка были весьма огорчены, что потомок герцогов Мальборо появился на свет в таком неподходящем для этого месте, а газета «Таймс» по этому поводу дала небольшую информацию в разделе светской хроники. Ребенок был назван традиционными фамильными именами – Уинстон Леонард Спенсер Черчилль, в котором имя Леонард он получил в честь американского дедушки Леонарда Джерома.

Никто из знавших Уинстона в детские и юношеские годы не мог предположить, какое место займет он в истории Великобритании. С детских лет он проявлял необыкновенное упрямство и самоуверенность. В школе Уинстон учился плохо, изучая только те предметы, которые были ему интересны. Да и в автобиографии Черчилль признавался, что был до крайности плохим учеником. В результате своих более чем скромных успехов в учебе он не получил разностороннего систематического образования, свойственного детям его круга. Отец Уинстона хотел, чтобы сын стал юристом, но вынужден был признать, что для такой карьеры у сына нет никаких шансов. Тогда родители решили определить сына в военное училище, куда молодой Черчилль поступил с огромным трудом только с третьей попытки

в 1893 году. Он начал военную учебу в кавалерийском училище Сэндхерст и всю жизнь испытывал тягу к военному поприщу и ратным подвигам. Он читал много книг по военному делу, но нельзя сказать, что он получил солидную теоретическую военную подготовку. Через 18 месяцев Уинстон Черчилль оканчивает училище 20-м по списку – всего на курсе обучалось 130 учащихся. Такой результат был превосходным для ученика, заслужившего раньше репутацию последнего учащегося в школе.

Уинстон Черчилль был произведен в лейтенанты, а местом будущей службы он выбрал 4-й гусарский полк. Начало военной службы Черчилля совпало с активизацией внешней политики Великобритании, которая старалась расширить и укрепить свою колониальную монополию, ведя многочисленные малые войны. Для молодого офицера это была реальная возможность проявить свои способности и удачно начать карьеру.

В ноябре 1895 года Уинстон Черчилль изъявил желание направиться на Кубу, где в то время шла борьба местного населения против испанского владычества. Благодаря связям родителей он и его товарищ лейтенант Барнс смогли получить разрешение на въезд на территорию Кубы. Направляясь туда, Черчилль предложил свои услуги в качестве корреспондента газете «Дейли грэфик», и это предложение было принято. В активных боевых действиях оба лейтенанта участия не принимали, но все-таки три дня провели с испанской колонной в джунглях и даже попали под небольшой обстрел. Вскоре оба друга вернулись в Англию с испанскими орденами Красного Креста. За время похода Черчилль направил в газету пять статей, которые были опубликованы. Кроме ордена и статей Куба осталась для Черчилля памятной тем, что там он пристрастился к сигарам, ставшим неотъемлемой частью его жизни в дальнейшем.

В конце 90-х годов Черчилль принимает участие в экспедициях в Индию и Судан. В Индию 4-й гусарский полк прибыл осенью 1896 года. При высадке на берег Черчилль получил небольшую травму – вывих плеча, но впоследствии эта травма отразилась на его способности владеть шашкой, традиционным оружием кавалеристов, и мешала ему проявить себя в полной мере в спортивных состязаниях. Жизнь в Индии для английских офицеров была не тяжелой службой, а прекрасным отдыхом. Их обслуживали дворецкий, прачки, мальчик для услуг, водоносы и сторож – целый штат прислуги. Основным занятием была игра в поло, которая ненадолго прерывалась для несения службы. В Индии Черчилль занимается самообразованием, сотрудничает с местной газетой «Пионер» и лондонской «Дейли телеграф». Как военный корреспондент Уинстон Черчилль

участвовал в экспедиции против восставшего племени патанов на северо-восточной границе страны. Ему пришлось не только освещать события, но и сражаться, проявив себя умелым и храбрым воином. Очерки о событиях, подписанные именем «Молодой офицер», читатели обеих газет встретили с интересом. Это натолкнуло Черчилля на мысль о написании книги. Рукопись первой книги он отсылает матери в Лондон, и там в марте 1898 года она издает «Повесть о малакандской полевой армии, 1897 год. Эпизод пограничной войны». Книга имела успех, и в следующем году вышло ее второе издание, переработанное и дополненное автором. Для молодого человека, имеющего ограниченное образование, это было большим достижением.

Получив длительный отпуск в 1898 году, Черчилль проводит его в Лондоне. В это время англо-египетская армия ведет активные действия в Судане, приблизившись к его столице Омдурману. Было ясно, что очень скоро произойдет решающее сражение, и Черчилль, изъявив желание принять участие в сей победоносной кампании, был зачислен в 21-й уланский полк. В Каир Черчилль прибыл 2 августа и уже к концу месяца соединился с полком, стоявшим под Омдурманом. В те дни он писал: «Я полон решимости повесить на грудь новое отличие». Он действительно храбро сражался, а затем вместе с полком был отправлен в Англию. Как и в других кампаниях, он выступал и как корреспондент газеты, представляя в этот раз «Морнинг пост».

В декабре того же года Черчилль вернулся в Индию в свой 4-й гусарский полк. Этот приезд в страну стал для него последним, так как он уже твердо решил оставить армию. Надо сказать, что еще с первых дней службы молодой офицер понял, что армейская рутина и постепенное прохождение по всем ступеням карьеры военного – малопривлекательное занятие. Кроме того, жизнь в армии требовала значительных денежных средств, а как младший офицер армии Ее Величества Черчилль получал куда меньше, чем зарабатывал как журналист.

В 1899 году из-под его пера вышла книга о завоевании Судана. Кроме описания событий, участником которых был он сам, Черчилль привлек для ее написания и ряд документов и материалов, полученных им в Египте. «Речная война» – так называлась эта книга – быстро нашла своего читателя, и уже через три года потребовалось ее переиздание. Литературные занятия являлись одной из главных статей его доходов, а Черчилль любил и умел делать деньги. Со временем он стал очень популярным автором многочисленных исторических исследований, а его великолепный литературный стиль и

использование в работах документов, недоступных многим другим авторам, делали работы Черчилля интересными и простому читателю, и историку-профессионалу.

1899 год стал для Уинстона Черчилля годом начала его карьеры как политического деятеля. Его отец в свое время сделал быструю, хотя и недолгую, карьеру в рядах консервативной партии. Сын решил использовать опыт отца для восхождения на политический Олимп. По сложившейся в Великобритании политической системе главными политическими партиями были консервативная и либеральная. По своим воззрениям Черчилль всегда был ближе к консерваторам. Летом он предпринял первую попытку стать депутатом от консервативной партии (тори), баллотируясь на дополнительных выборах в небольшом городе Олдэме. Но первый опыт был неудачным, и, несмотря на многочисленные речи и выступления перед избирателями, Черчиллю удалось финишировать только третьим из четырех кандидатов. Провалившийся претендент и сам понимал, что для серьезной политической борьбы ему все еще не хватает опыта и финансовой базы, необходимой для проведения избирательной кампании.

Начавшаяся англо-бурская война снова увлекла Уинстона Черчилля на «поиски приключений» в Африку в качестве военного корреспондента газета «Морнинг пост». После прибытия на фронт он принял участие в разведке, которую проводило на бронепоезде одно из войсковых подразделений. В этой операции бронепоезд попал под обстрел буров, и англичане попали в плен. Из плена Черчиллю удалось бежать. Буры предприняли розыск, но, по счастью, Черчилль случайно наткнулся на дом, где проживал англичанин, оставленный бурами для поддержания в порядке угольных шахт, который и спрятал Уинстона в одной из них, а через несколько дней сумел переправить его на товарном поезде в португальскую колонию.

Оказавшись на свободе, Черчилль сразу же отправил в газету очерк о своем побеге, который вскоре был опубликован и читался как приключенческий роман. Английское командование, которое несло постоянные неудачи в сражениях с бурами, встретило Черчилля как героя, а его побег стал светлым пятном в мрачных военных сводках тех дней. Уинстон Черчилль попросил о зачислении его на действительную военную службу, и его просьба была удовлетворена, несмотря на приказ, запрещающий военным сотрудничать в прессе. В Африке он побывал еще раз, принимая участие в нескольких сражениях, и вернулся в Англию летом 1900 года.

Англо-бурская война принесла Черчиллю славу героя, что

позволило ему, правда не без труда, победить на парламентских выборах 1900 года. Он баллотировался по тому же округу, и даже Чемберлен приехал в Олдэм, чтобы выступить в его поддержку. Попав в палату общин как депутат консервативной партии, Черчилль начинает сразу же вести активную политическую деятельность. С первых же шагов в парламенте он стремится к завоеванию наибольшего авторитета в партии. Для этого он широко использует тактику своего отца, построенную на критике партийного руководства. Уинстон Черчилль хотел как можно быстрее преодолеть путь от «заднескамеечника» – рядового депутата парламента – к руководящим постам в партии, что давало возможность в случае победы на всеобщих парламентских выборах войти в правительство страны. Он был хорошим оратором, что привлекало на его сторону большое количество депутатов. Создав себе имидж возмутителя спокойствия, он считал, что лидеры партии перед угрозой раскола обязательно включат его в состав правительства. Но просчитался, и премьер-министр Бальфур не ввел его в состав кабинета.

Тогда Черчилль совершает то, что на долгие годы испортило его отношения с партией тори. Поняв, что с консерваторами сделать быструю политическую карьеру не удастся, он переходит к либералам, чтобы выдвинуться в рядах этой партии. Расчет оказался верным, так как следующие 17 лет именно либералы возглавляли правительство. Теперь лучшим другом Черчилля стал очень популярный в то время Генри Ллойд-Джордж, а противниками являлись социалисты. В 33 года он вошел в кабинет министров, заняв пост министра торговли. На этом посту Черчилль приобрел репутацию политика широкого профиля. Пользуясь поддержкой Ллойд-Джорджа, который занимал пост министра финансов, он активно занимается социальными реформами, а созданные по его инициативе биржи труда сыграли большую роль в борьбе с безработицей.

В возрасте 35 лет Уинстон Черчилль становится министром внутренних дел. Одной из его обязанностей было составление доклада о ходе дебатов в палате общин для короля. Это поручение он выполнял с особым удовольствием. Черчилль был полон всевозможных проектов и новых идей, которые часто выходили за рамки его компетенции. Но все больше в нем прослеживался консерватор, и вскоре Ллойд-Джордж скажет о нем: «Правда состоит в том, что он не либерал. Он не понимает либеральных взглядов».

Начало XX века ознаменовалось обострением отношений между ведущими промышленными странами, в первую очередь между Англией и Германией. Черчилля все больше занимают

вопросы внешней политики, и он говорит о том, что война с Германией неизбежна, хотя еще совсем недавно выступал против расходов на вооружение. В 1911 году он получает пост военно-морского министра. Он предполагал, что главной военной силой в новой войне станет флот, и приложил огромные усилия на его укрепление и развитие. До начала Первой мировой войны его стараниями английский флот был переведен с угля на нефть, что значительно повысило быстроходность английских кораблей. Сами корабли были оснащены крупнокалиберными орудиями. Черчилль делал ставку на быструю войну и скорый разгром противника и совсем не уделял внимания сухопутным силам. Он даже вынашивал планы овладения черноморскими проливами только флотом без поддержки с суши. В дальнейшем его план был принят при военных действиях с целью выведения из войны Турции, но эта операция провалилась. Черчилль был отстранен от руководства военными действиями и удален из адмиралтейства. По его политическому престижу был нанесен мощный удар – он был назначен на символическую должность министра без портфеля.

В конце 1915 года Уинстон Черчилль отправляется на фронт, имея чин майора. Он получил под свое командование батальон, хотя рассчитывал минимум на бригаду. Почти полгода он провел в окопах, демонстрируя храбрость, но его честолюбивым замыслам не хватало оперативного простора.

Он вновь решил вернуться в большую политику и в чине подполковника возвращается в Лондон.

Возвращение в политику стало для Черчилля очень сложным делом. В прежние годы он сумел нажить себе большое количество врагов, поэтому при формировании Ллойд-Джорджем нового коалиционного правительства в декабре 1916 года Черчилль не вошел в его состав. Министром он стал в следующем, 1917 году. На посту министра военного снаряжения Черчилль полностью оправдал доверие премьера. Он много сделал для оснащения армии мощной артиллерией и воплотил свою идею о создании «сухопутных линкоров» – танков.

11 ноября 1918 года Германия капитулировала, и главной заботой Черчилля стала борьба с Советской Россией. В это время он занимал пост военного министра и министра вооружения, направляя помощь белым армиям. Провал интервенции в Россию сильно подорвал доверие избирателей к Черчиллю – на выборах 1922 года он оказался вне парламента.

Уйдя на время из политики, Черчилль занялся живописью и литературой. Он стал участником нескольких выставок в Париже (и не без успеха) и закончил пятитомный труд «Мировой кризис».

Многие его знакомые считали, что политическая карьера Черчилля закончилась, но он опять сумел всех удивить. На выборах 1924 года он уже выступал как политический лидер и вошел в правительство на пост министра финансов (канцлер казначейства). «Превратности политики неисчерпаемы» – так комментировал Черчилль свое возвращение в большую политику.

Затем в его министерской деятельности произошел большой перерыв. При создании коалиционного правительства он не вошел в него. Причиной этому стал его выход из «теневого кабинета» – в Англии так называют кабинет министров, формируемый оппозиционной партией, – из-за разногласий по вопросам колониальной политики с лидером партии Болдуином.

Вне большой политики Черчилль снова занялся журналистикой, написал исследование «История народов, говорящих на английском языке», составил жизнеописание своего знаменитого предка – первого герцога Мальборо, выступал с лекциями в Америке. Предвидя новую угрозу Англии со стороны Германии, Черчилль начинает активно выступать по этому вопросу. Нужно отдать ему должное: он проявил тонкую политическую интуицию и прозорливость. В своих выступлениях он делал акцент на укрепление английской авиации, поскольку Англия отделена от континентальной Европы проливом Ла-Манш – внушительной водной преградой. Следовательно, Германия для основного удара будет использовать авиацию, которую успешно развивает, и для укрепления обороноспособности страны Англии нужно начать скорейшее перевооружение своего воздушного флота.

В 1937 году с поста премьера по состоянию здоровья уходит Болдуин. Его место занимает Невиль Чемберлен. К этому времени, благодаря своим выступлениям, Черчиллю удается восстановить политическую репутацию. Между ним и Чемберленом начинается борьба по вопросам внешней политики. Курс Чемберлена, его политика соглашения с Германией и ее умиротворение за счет других стран дала возможность Гитлеру к лету 1940 года захватить Центральную и Западную Европу. Для Чемберлена это означало провал, и единственным лидером, способным возглавить страну в это крайне тяжелое время, стал Уинстон Черчилль. Последующие годы Второй мировой войны были его звездным часом в политике. Он стал премьер-министром, получив наконец-то высшую власть.

Первыми его шагами в новой должности были решительное отклонение каких-либо идей о мире с Германией и установление связей с США и СССР как возможными союзниками в войне против фашизма. Он хотел добиться разрыва договора о

ненападении между Германией и СССР, ведя с этой целью тайную переписку со Сталиным. Черчилль предупреждал Сталина о готовящемся ударе со стороны Германии, а начало Великой Отечественной войны дало Черчиллю мощного союзника в лице России. Когда же Черчилля спросили, как он, ярый борец с большевизмом, может изменить своим принципам и ратовать за оказание поддержки Советскому Союзу, тот ответил, что принципов он не менял и главное для него теперь уничтожение Гитлера. Никто другой в Англии не был таким упорным и последовательным врагом Советского Союза, как Уинстон Черчилль, но он решился на этот поворот, потому что другого выхода из того положения, в котором оказалась его страна весной 1941 года, не было. В мае 1942 года был подписан союзнический договор между Англией и СССР. Черчилль торжествовал: теперь было ясно, что, получив в качестве союзников СССР и США, Англия имеет реальные шансы на победу в этой войне. Правительство Черчилля взяло курс на преимущественное использование английских вооруженных сил в районе Ближнего Востока и Средиземного моря. Там оно вело войну за свои интересы. Задача разгрома войск вермахта на территории Европы была возложена на Советский Союз. Вопрос об открытии второго фронта в Европе неоднократно ставился советским руководством начиная с 1941 года, но Черчилль упорно отказывался удовлетворить это требование. Когда же ему стало ясно, что Россия выйдет из этой войны не обессиленной, а даже укрепленной в военном и политическом отношениях, он начал предпринимать шаги по предотвращению опасности распространения коммунистического влияния на европейские страны, и теперь второй фронт оказался как раз к месту.

Летом 1943 года после битвы на Курской дуге Красная армия начала стремительно продвигаться на запад. Такой поворот событий поставил вопрос об открытии второго фронта в иную плоскость, и на конференции в Тегеране в конце ноября 1943 года было принято окончательное решение о вторжении англо-американских войск в Западную Европу в мае 1944 года.

В годы войны Черчилля нередко упрекали в том, что он быстро стал «диктатором», сводя заседания кабинета министров к принятию и одобрению своих собственных решений. Он сосредоточил в своих руках три ключевые должности – премьера, министра обороны и лидера палаты общин, а также вникал в большинство внешнеполитических проблем. За годы войны он вел обширную переписку с главами иностранных государств, послав более 900 телеграмм только президенту Рузвельту. Он перевел работу правительства на военный режим, и сам работал до

поздней ночи. Черчилль понимал временность военного союза с Россией, поэтому еще в меморандуме 1942 года он подробно дал схему будущего военного союза (НАТО) и назвал цели этой организации. Правда, честь создания НАТО отдают Эрнесту Бевину. Черчилля же бесспорно признают отцом «холодной войны».

Потсдамская конференция началась с участием в ней Уинстона Черчилля, но среди лидеров «Большой тройки» он к тому времени утратил ведущую роль. Соотношение сил изменилось, и теперь лидировали США, а второе место занял Советский Союз, который, вопреки прогнозам союзников, вышел из войны не обескровленным, а набравшим небывалую военную мощь и авторитет. В ходе конференции был сделан перерыв, чтобы Черчилль мог присутствовать в Лондоне 26 июля, в момент оглашения результатов голосования избирательной кампании, проходившей в Англии. В своей победе Черчилль не сомневался, но на новых выборах консерваторы потерпели сокрушительное поражение. Главой делегации на конференцию вернулся новый премьер Эттли, а вместо Идена – новый министр иностранных дел Эрнст Бевин.

После окончания Второй мировой войны мир раскололся на две политические системы. В своей знаменитой речи в Фултоне 5 марта 1946 года Черчилль первым сказал о необходимости объединения всего западного мира в борьбе против коммунистического Востока. Он же первым увидел опасность ядерной войны после создания в СССР ядерной бомбы и стал высказываться за перенесение противостояния в сферу экономики, идеологии и культуры. До конца дней он оставался ярым противником социализма и коммунизма. «Наступит день, – говорил Черчилль в 1953 году, – когда во всем цивилизованном мире с несомненностью будет признано, что удушение большевизма при его рождении явилось бы величайшим благодеянием для человечества».

В 1951 году Черчилль снова, в третий и последний раз, стал премьер-министром Великобритании. Основное внимание он сосредоточил на внешней политике, уделяя много сил ядерной программе, надеясь с ее помощью вернуть стране былое военное могущество.

От активной политической деятельности он отошел в 1955 году. В последние годы он постоянно болел и ушел с поста премьера со всеми полагающимися ему почестями. Королева предложила ему титул герцога, но Черчилль не согласился, так как это означало его переход в палату лордов, а он считал своей палату общин, которой руководил много лет.

В жизни Уинстона Черчилля было две главные страсти – политика и литература, и в обеих областях он сумел добиться впечатляющих результатов. Политическая карьера Уинстона Черчилля знала многочисленные взлеты и падения. Удивительная дальновидность и мудрость принимаемых им решений сочетались в этом человеке с не менее удивительными неуживчивостью и упрямством. Но он всегда упорно шел к цели, опровергая всей своей деятельностью родовой девиз «Верный, но неудачливый». Его литературная деятельность увенчалась получением Нобелевской премии в 1953 году.

Последние 10 лет своей жизни Уинстон Черчилль провел в своем имении Чартвелл. Он скончался 24 января 1965 года от кровоизлияния в мозг в возрасте 90 лет.

В 1973 году Уинстону Черчиллю у здания парламента Великобритании был открыт памятник.

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ КОЛЧАК (1874—1920)
Русский военный деятель, адмирал.

История знает немало примеров того, что сыновья выбирают профессию своих отцов. Из поколения в поколение создавались потомственные династии врачей, ювелиров, актеров, а многие представители дворянства были потомственными военными. Род Колчаков и принадлежал к династии «служилых людей».

По семейному преданию, род Колчаков появился в России в XVIII веке. По одной из версий, Колчаки возводили свой род к хану Кончаку, вероятно по созвучности фамилии. Но тюркские слова «кончак» и «колчак» абсолютно разные по значению: «кончак» переводится как «штаны», а «колчак» – как боевая рукавица. Хотя все может быть…

Совершенно достоверно то, что предки Колчаков имели сербские или хорватские корни. Первый представитель этого рода, о котором есть документальные сведения, был сербом, исповедовавшим христианскую религию. Попав под турецкое владычество, он перешел на службу к султану и принял мусульманство, что, впрочем, было обычным делом для представителей сербского дворянства. Зваться он стал Илиас-паша Колчак. У турок он стал болюбашем, что равно чину полковника. Он отличился в 1711 году в сражении с войсками Петра I во время Прутского похода русского царя. За мужество султан возвел Илиас-пашу в трехбунчужные паши. После мира с Россией он остался в Молдавии, в крепости Хотин, и был назначен начальником левого крыла бессарабской армии. К 1717 году Илиас-паша достигает должности Хотинского генерал-губернатора. Оставаясь в Хотине более 20 лет, он не только проявил себя хорошим военным командиром и администратором, но и отличным дипломатом, став проводником политики Стамбула в отношениях с Польшей.

В годы русско-турецкой войны 1735—1739 годов Илиас-паша Колчак руководил обороной Хотина и был взят в плен вместе со всем гарнизоном крепости. Вместе с сыном он был отправлен в Петербург. Императрица Анна Иоанновна встретила их приветливо. После подписания мира с Турцией Илиас-паша решил вернуться на родину, и получил на это милостивое разрешение. Уже по дороге домой он узнал, что на родине его ожидает смертная казнь, и решил не искушать судьбу. Он поехал

в Польшу к своему старому другу гетману Потоцкому, где и провел последние годы жизни, скончавшись в 1743 году.

Сын его остался в России и перешел на русскую службу. От императрицы Елизаветы Петровны он получил русское подданство, был возведен в дворянское достоинство с дарованием ему герба. Колчаки стали служить новой родине верой и правдой. В дальнейшем представители рода писали о себе, как о выходцах из Бугского и Донского казачьих войск.

В войнах с турками за доблесть и мужество был награжден землями сотник Бугского казачьего войска Лукьян Колчак, а его сын, Федор, закончил военную службу уже в чине полковника. Дети Федора Колчака – Василий, Александр и Петр – выбрали для себя флот.

Младший из них, Петр, дослужился до чина капитана 1-го ранга, а средний – Александр – достиг чина контр-адмирала. Он был прекрасным специалистом по корабельной артиллерии, служил на Балтике, совершал дальние плавания по Амуру и крейсировал у берегов США. Сын его, Александр Александрович Колчак, пошел по стопам отца. После окончания морского корпуса он попал на фронт и принял участие в русско-японской войне, защищая Порт-Артур. Он погиб в мае 1915 года на минном заградителе «Енисей», торпедированном немецкой подводной лодкой.

Старший из братьев, Василий, начал службу юнкером в морской артиллерии в 1854 году, после окончания Ришельевской гимназии. В 1855 году, во время Крымской войны, он был отправлен с транспортом пороха в Севастополь, а прибыв туда, остался в рядах защитников города. Получив назначение на должность помощника командира батареи, он защищал Малахов курган. За проявленные мужество и героизм Василий Иванович Колчак был награжден Знаком отличия Военного ордена. В бою на Малаховом кургане 2 августа он получил контузию и ранение в руку и был захвачен французами в плен. Вернувшись в Россию, Василий Колчак окончил курсы в Институте корпуса горных инженеров и для прохождения практики отправился на уральские горные заводы. По возвращении в Петербург Колчак был назначен членом комиссии приемщиков морских артиллерийских орудий и снарядов на Обуховском оружейном заводе. Даже после выхода в отставку в 1893 году в чине генерал-майора он продолжал работать на Обуховском заводе заведующим сталепусканговой мастерской. Василий Иванович Колчак оставил после себя немало работ, посвященных истории металлургии в России и металлургическому производству. Кроме того, им были опубликованы воспоминания о Севастопольской обороне 1853—

1855 годов.

Василий Иванович Колчак был женат на Ольге Ильиничне Посоховой, происходящей из дворян Херсонской губернии. У них было трое детей – две дочери, Екатерина и Любовь (умерла в детстве), и сын Александр, будущий русский адмирал флота.

Александр Васильевич Колчак родился 16 ноября 1874 года в Петербурге. Будущий «верховный правитель России» рос, как он впоследствии писал сам, «в чисто военной семье». Родственники по линии как отца, так и матери были военными, посему даже среда, окружавшая Александра Колчака в детстве, была исключительно военной.

В 1888 году он уже числился в списках кадетов Морского корпуса. Его фамилия всегда была в списке первых воспитанников корпуса по успеваемости, и в 1893 году он был назначен фельдфебелем младшей роты. Еще в ходе учебы Александр вместе с отцом часто посещал Обуховский завод, что дало ему возможность на практике усваивать теоретические знания по артиллерийскому и минному делу.

Морской корпус Александр окончил весной 1894 года вторым в списке и осенью того же года был произведен в мичманы. Первую офицерскую практику он прошел на должности вахтенного начальника броненосца «Рюрик». На следующий год Колчак перевелся на Тихий океан вахтенным начальником «Крейсера». Плавание на «Крейсере» стало первым серьезным походом Колчака. В свободное время он занимался научными работами по океанографии и гидрологии. В 20-м выпуске «Записок по гидрографии», вышедших в Санкт-Петербурге в 1899 году, им были опубликованы «Наблюдения над поверхностными температурами и удельными весами морской воды…», где описывались холодные течения у берегов Кореи.

По возвращении в 1899 году в Петербург лейтенант Колчак узнал о готовящейся Русской полярной экспедиции под руководством барона Э.В. Толля и добился своего включения в состав ее участников. В ходе экспедиции он проводил гидрологические и ряд других исследований, результаты которых систематически сообщал в Академию наук. В 1901 году он вместе с Толлем совершил экспедицию на полуостров Челюскин. За 41 день в сильную пургу экспедиция прошла 500 верст. Колчак вел маршрутную съемку и магнитные наблюдения.

В следующем году Колчаку пришлось принять участие уже в другой экспедиции. Стало известно, что санная экспедиция под руководством Толля отправилась к острову Беннетта и пропала. Александр Васильевич получил официальное приглашение возглавить спасательную экспедицию, и он дал согласие. Колчак

отправился в Мезень, где нанял матросов, а затем на вельботе отплыл на спасение Толля и его товарищей. В течение 42 дней продолжались поиски. На спасательной шлюпке люди пробивались через прибрежные арктические льды. Колчаку удалось найти то, что осталось от экспедиции – документы и гидрологические коллекции. Сам Толль и другие участники экспедиции погибли. За свое полярное путешествие Колчак был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени. Русское гидрографическое общество наградило его большой Константиновской золотой медалью – исключительной наградой, которую до него имели лишь Н.А. Норденшельд и Ф. Нансен. В 1906 году Русское географическое общество избрало Колчака своим действительным членом.

С началом русско-японской войны Александр Васильевич отправляется на тихоокеанскую эскадру в штабе адмирала С.О. Макарова в Порт-Артуре. Здесь он получил назначение на должность вахтенного начальника на крейсер «Аскольд», в апреле был переведен на минный транспорт «Амур», а затем стал командиром эсминца «Сердитый». Под командованием лейтенанта Колчака эсминец осуществлял нападения на корабли японской эскадры, а поставленная им минная банка стала причиной гибели японского крейсера «Такасого». Вместе с Макаровым Колчак участвовал в подготовке прорыва блокады Порт-Артура и в разработке планов нападения на транспортные суда японцев в Желтом море и на Тихом океане.

В ноябре 1904 года Колчак был назначен командиром двух артиллерийских батарей на северо-восточном крыле крепости. Незадолго до падения Порт-Артура он получил ранение и попал в плен к японцам. В апреле 1905 года он через США вернулся в Петербург. За участие в русско-японской войне Колчак был награжден орденом Св. Анны 4-й степени, орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами и золотой саблей с надписью «За храбрость».

После войны Колчак последовательно занимал должности начальника статистического отдела и отдела по разработке стратегических идей защиты Балтики во вновь созданном Управлении Морского Генерального штаба. Он также читал лекции в Морской академии, а в январе 1912 года представил записку о реорганизации Морского генштаба, рекомендуя упразднить лишние звенья его управления и ввести на флоте единоначалие с подчинением всех эскадр единому главнокомандующему.

В том же году Колчак вновь вернулся на военно-морскую службу и был назначен командиром эсминца «Уссуриец». Через

год он был переведен на миноносец «Пограничник» на должность флаг-капитана оперативной части штаба командующего.

Первая мировая война выявила выдающиеся способности Колчака как военно-морского деятеля. Сразу же после начала боевых действий на Балтике он стал заниматься составлением диспозиций для боевых кораблей в целях защиты Балтийского побережья. Но действия флота, которым фактически руководил Колчак, носили не только оборонительный характер. В феврале 1915 года четыре миноносца под личным командованием капитана расставили в районе Данцига около 200 мин, на которых нашли свою гибель многие немецкие военные корабли. Летом того же года по инициативе Колчака были поставлены мины и в Рижском заливе. Осенью Колчак был назначен командиром минной дивизии и в боях за побережье Рижского залива применил на практике высадку морского десанта. За умелые и решительные действия против германского флота наградой Колчаку был орден Св. Георгия 4-й степени.

В июне 1916 года Колчак был произведен в контр-адмиралы и получил приказ отправиться в Севастополь и принять под свое командование Черноморский флот. Незадолго до своего отъезда с Балтики Колчак был произведен в вице-адмиралы. Черноморский флот не вел активных наступательных действий и ограничивался лишь обороной побережья. Колчак же решил изменить существующее положение. Корабли под личным командованием вице-адмирала начали выходить в открытое море и завязывать бои с кораблями противника. Новым для Черноморского флота стала постановка минных заграждений в Босфоре. Около шести вражеских подлодок подорвались на минах, установленных в проливе под руководством Колчака.

В Севастополе его застала телеграмма Морского министерства о Февральской революции и о переходе всей власти к Временному правительству. Колчак не был по своим взглядам монархистом, более того, он считал, что революция поможет довести войну до победного конца и завоевать черноморские проливы. В первые дни в Севастополе сохранялось спокойствие. Личный состав флота и население города полностью доверяли вице-адмиралу, который пользовался большой популярностью, и это помогало ему сохранять уверенность в проводимой им политике. Даже после получения приказа № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов Колчак, выступая в морском Собрании, призвал офицеров «сплотиться с командой» и сделать все возможное для успешного завершения войны. Он резко критиковал идеи о дисциплине, основанной на «классовом сознании», подчеркивая, что это может привести к гибели армии

и флота.

В июне по Севастополю распространились слухи о тайных собраниях морских офицеров. В городе начались матросские митинги, на которых собравшиеся требовали арестовать некоторых офицеров, а у остальных изъять личное оружие. Александр Васильевич также сдал свой кортик, который смущенные матросы поспешили ему вернуть. Однако Колчак бросил кортик в море, объявив, что в нынешних условиях им может владеть лишь море. В нем все более крепло желание отказаться от командования Черноморским флотом, и в середине июня он передал свои полномочия контр-адмиралу В.К. Лукину, известив обо всем Временное правительство. В ответной телеграмме ему предписывалось срочно прибыть в Петроград и объяснить, с чем связана его несанкционированная отставка.

В августе Колчак принял приглашение американской военной миссии на участие в боевых действиях американского флота. Это приглашение носило скорее почетный характер, нежели желание делового сотрудничества. Пребывание в Америке показало Колчаку и тщетность надежд на активную роль армии и флота США в войне. Находясь в Сан-Франциско, Колчак узнал о происшедшем перевороте 25 октября 1917 года в Петрограде. Известие о намерениях новой власти выйти из войны и подписать мир с Германией настолько потрясло его, что Александр Васильевич принял решение не возвращаться в Россию и перейти на британскую военную службу.

В декабре Колчак был послан на Месопотамский фронт, но уже весной 1918 года получил распоряжение британского правительства выехать в Китай. В Пекине вице-адмирал был избран членом правления КВЖД, которая стала его своеобразной операционной базой для создания армии, предназначенной для освобождения России от большевизма.

С апреля по сентябрь 1918 года Колчак занимается формированием вооруженных отрядов для борьбы с большевиками. Восстание чехословацкого корпуса привело к свержению власти Советов в Сибири. Колчак выехал в Омск. В новом Всероссийском правительстве Уфимской директории он занял пост военного и морского министра. Он сумел заручиться поддержкой большинства офицеров армии и казачества, которые требовали от членов Директории принятия более жестких и целенаправленных мер по созданию армии для освобождения России от большевизма.

При поддержке англичан и единомышленников Колчак 18 ноября отстранил Директорию от власти и сформировал новый совет министров, который объявил его Верховным правителем

России. В своем первом официальном выступлении он заявил: «Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевиками и установление законного правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру».

Возложив на себя чрезвычайные полномочия, верховный правитель занялся созданием армии и принимал самые жесткие меры по укреплению своего тыла. Командующим военных округов были предоставлены самые широкие полномочия.

К весне 1919 года численность Белой армии в Сибири была доведена до 400 тысяч человек, и уже в марте Колчак, начав активное продвижение на запад, прорывает Восточный фронт Красной армии. Прорыв Восточного фронта положительно сказался на всем ходе борьбы Белого движения. Наступление Красной армии на юге было прекращено, и все главные силы Красной армии были брошены против Колчака.

15 апреля колчаковские войска взяли Бугуруслан и вышли к реке Большой Кинель. К концу месяца они уже были в районе Самары и Казани. Правитель Финляндии барон Маннергейм предложил Колчаку организовать наступление финнов на Петроград в обмен на признание независимости Финляндии. Колчак отверг это предложение и сам назначил генерала Юденича командующим армией, наступавшей на Петроград, упустив возможность заставить Красную армию сражаться против двух противников одновременно и разъединить свои силы. В определенной степени это дало возможность Красной армии собраться и начать летнее контрнаступление. В мае–июне 1919 года главная группировка колчаковских войск (Западная и Сибирская армии) была разбита и отброшена до предгорий Урала. В белом тылу разворачивалось партизанское движение населения, недовольного мобилизациями и многочисленными поборами местных властей. Ухудшалось снабжение армии продовольствием, что, в свою очередь, вело к дезертирству рядового состава. Отношения верховного правителя с союзниками также осложнились. Чехи, считавшие себя спасителями Белой России, теперь старались занимать независимую, зачастую враждебную колчаковской власти позицию, а разоружить 5-тысячный корпус в своем тылу Колчак не смог.

Красная армия продолжала наращивать наступление. В июле ее части взяли Екатеринбург, в августе – Челябинск, в ноябре они уже были в районе столицы Белой России – Омске. Верховный правитель покинул столицу 12 ноября, предварительно вывезя из нее золотой запас. А уже 15 ноября в город вступили красные

отряды.

Эвакуация из Омска началась еще в октябре. На железнодорожных путях создавались пробки, в одну из которых на станции Татарской попали поезда и самого верховного правителя. Один из поездов его канцелярии столкнулся с «золотым эшелоном», что привело к пожару в последнем. В огне было уничтожено восемь вагонов с золотом, несколько ящиков было просто украдено. Лишь после перегрузки золотого запаса в другие вагоны поезд смог двинуться дальше. В конце ноября Колчак вместе со своим штабом прибыл в Новониколаевск (Новосибирск), а через месяц ему удалось достичь Нижне-Удинска.

6 января 1920 года Колчак подписал приказ о сложении с себя звания верховного правителя и передачи его генералу Деникину. Главнокомандующим войсками Дальнего Востока и Иркутского военного округа был назначен атаман Забайкальского казачества Семенов. Союзники не смогли (или не пожелали) обеспечить проезд бывшего верховного правителя дальше на восток, а Иркутский эсеро-меньшевистский Политический центр предпочел арестовать и выдать Колчака Иркутскому Военно-Революционному Комитету большевиков.

21 января 1920 года образованная чрезвычайная следственная комиссия приступила к допросам высокопоставленного арестованного. Его участь была определена телеграммой из Москвы: «Не распространяйте никаких вестей о Колчаке, не печатайте ровно ничего, а после занятия нами Иркутска пришлите строго официальную телеграмму с разъяснениями, что местные власти поступили так под влиянием угрозы и опасности белогвардейских заговоров в Иркутске. Ленин. Подпись тоже шифром. Беретесь ли сделать архинадежно?» Вскоре в Кремле был получен ответ: «Сегодня ночью дал по радио приказ Иркутскому Штабу коммунистов (с курьером подтвердил его), чтобы Колчака в случае опасности вывезли на север от Иркутска, если не удастся спасти его от чехов, то расстрелять в тюрьме».

Александр Васильевич догадывался об участи, которая его ожидает. Он выслушал приговор спокойно и спросил, почему его расстреливают без суда, но вразумительного ответа на свой вопрос не получил.

7 февраля 1920 года в 4 часа утра на берегу притока Ангары реки Ушаковки приговор был приведен в исполнение. Труп полярного исследователя, героя трех войн адмирала Александра Васильевича Колчака был спущен в прорубь. Ледяная вода приняла того, кто был связан с нею большую часть своей жизни, в

которой ему удалось сделать так много как для русской науки, так и для всего российского флота.

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ ВРАНГЕЛЬ (1878—1928)
Барон, генерал-лейтенант.

Род Врангелей, ведущий свою родословную с XIII века, был датского происхождения. Многие его представители служили под знаменами Дании, Швеции, Германии, Австрии, Голландии и Испании, а когда Лифляндия и Эстляндия окончательно укрепились за Россией, Врангели стали верой и правдой служить российской короне. В роду Врангелей было 7 фельдмаршалов, 18 генералов и 2 адмирала (именем одного из них Ф. Врангеля названы острова в Северном Ледовитом и Тихом океанах).

Многие представители рода Врангелей в России посвятили свою жизнь военной карьере. Но были и такие, которые от нее отказывались. Одним из них был Николай Георгиевич Врангель. Отказавшись от карьеры военного, он стал директором страхового общества «Эквитэбль», находившегося в Ростове-на-Дону. Николай Георгиевич имел титул барона, но не имел ни поместий, ни состояния. Титул он по наследству передал сыну – Петру Николаевичу Врангелю, ставшему одним из самых известных военных деятелей начала XX века.

Петр Николаевич Врангель родился в Новоалександровске 27 августа 1878 года. Начальное образование он получил дома, а затем поступил в Ростовское реальное училище. Окончив училище, Петр Врангель уезжает в Петербург, где в 1896 году успешно сдает экзамены в горный институт.

Титул барона и родственные связи позволили молодому Петру Врангелю быть принятым в высшем свете, а высшее образование позволяло ему отбывать воинскую повинность, обязательную для российских подданных, всего один год и выбрать самому место прохождения службы.

Институт Петр Николаевич заканчивает в 1901 году и в том же году он вступает вольноопределяющимся в лейб-гвардии Конный полк. На следующий год он был произведен в корнеты, сдав экзамен на офицерский чин при Николаевском кавалерийском училище. Затем, уволившись в запас, он едет в Иркутск на должность чиновника для особых поручений при генерал-губернаторе. Начавшаяся русско-японская война 1904—1905 годов застает его в Сибири, и Петр Николаевич, вновь поступив на действительную военную службу, отправляется на Дальний Восток. Там Врангель был зачислен в состав 2-го

Аргунского полка Забайкальского казачьего войска.

В декабре 1904 года был он произведен в сотники – «за отличие в делах против японцев». Во время войны за отвагу и храбрость он получил свои первые боевые ордена – Св. Анны 4-й степени и Св. Станислава. В 1905 году он служил в отдельном дивизионе разведчиков 1-й Маньчжурской армии и к концу войны досрочно получил звание подъесаула. Во время войны Петр Николаевич укрепился в желании стать кадровым военным.

Первая русская революция 1905—1907 годов прошлась и по Сибири, и Врангель в составе отряда генерала А. Орлова принимал участие в усмирении бунтов и ликвидации погромов, сопровождавших революцию.

В 1906 году он в чине штаб-ротмистра был переведен в 55-й драгунский Финляндский полк, а на следующий год – он поручик лейб-гвардии Конного полка.

В том же 1907 году Петр Николаевич поступает в Николаевскую военную академию Генерального штаба, которую окончил в 1910 году в числе лучших – седьмым по списку. Кстати сказать, на одном курсе с Врангелем учился будущий маршал Советского Союза Б. Шапошников.

В 1911 году он проходит курс в офицерской кавалерийской школе, получает под свое командование эскадрон и становится членом полкового суда в лейб-гвардии Конном полку.

Начавшаяся Первая мировая война привела Врангеля на фронт. Вместе с полком в чине ротмистра гвардии он вошел в состав 1-й армии Северо-Западного фронта. Уже в первые дни войны он сумел отличиться. Так, 6 августа 1914 года его эскадрон атаковал и захватил немецкую батарею. Наградой ему стал орден Св. Георгия 4-й степени. После неудачной Восточно-Прусской операции русские войска отступили, но, несмотря на то что практически не велось активных боевых действий, Петр Николаевич неоднократно награждался за храбрость и героизм. Он был произведен в полковники и награжден Георгиевским золотым оружием. Для него звание офицера имело большой смысл, и он говорил, что обязан личной храбростью подавать пример подчиненным.

В октябре 1915 года Врангель был переведен на Юго-Западный фронт и принял под свое командование 1-й Нерчинский полк Забайкальского казачьего войска. При переводе ему была дана следующая характеристика его бывшим командиром: «Выдающейся храбрости. Разбирается в обстановке прекрасно и быстро, очень находчив в тяжелой обстановке».

Под его командованием полк сражался в Галиции и участвовал в знаменитом «Брусиловском прорыве». В 1916 году

Врангель был произведен в генерал-майоры и стал командиром 2-й бригады Уссурийской конной дивизии. К концу войны он уже возглавлял дивизию.

Петр Николаевич по своим убеждениям был монархистом, но часто критиковал в разговорах как высший командный состав, так и лично императора Николая II. Неудачи в войне он связывал со слабостью командования. Он считал себя истинным офицером и предъявлял высокие требования как к себе, так и к любому, кто носил офицерские погоны. Врангель повторял, что если офицер допускает то, что его приказ может быть не выполнен, то «он уже не офицер, на нем офицерских погон нет». Он пользовался большим уважением среди сослуживцев-офицеров и простых солдат. Главным в военном деле он считал воинскую доблесть, ум и честь командира и строгую дисциплину.

Февральскую революцию Петр Николаевич принял сразу и присягнул на верность Временному правительству. Но начавшийся вскоре развал армии очень тяжело отразился на ее душевном состоянии. Не желая и дальше принимать в этом участия, Врангель, сославшись на болезнь, отправляется в отпуск и уезжает в Крым. Почти год он ведет очень замкнутый образ жизни, ни с кем практически не общаясь.

Но летом 1918 года Петр Николаевич решает действовать. Он приезжает в Киев к бывшему командиру лейб-гвардии Конного полка генералу, а ныне гетману Скоропадскому и встает под его знамена. Но гетмана мало заботило возрождение России, он вел борьбу за «самостийность» Украины. Из-за этого между ним и Врангелем стали возникать конфликты, и вскоре Петр Николаевич решается уехать в Екатеринодар к Деникину.

Вступив в Добровольческую армию, Врангель получает под свое командование кавалерийскую бригаду, с которой принял участие во 2-м Кубанском походе. Имея за плечами большой боевой опыт, не растеряв отвагу, решительность и смелость, Врангель очень скоро получил признание как отличный командир, и его командованию была доверена сначала 1-я кавалерийская дивизия, а через два месяца и весь 1-й кавалерийский корпус. В армии он пользовался большим авторитетом и часто обращался к войскам с яркими патриотическими речами. Его приказы всегда отличались ясностью и четкостью. В декабре 1918 года он был произведен в генерал-лейтенанты. Следует отметить, что Петр Николаевич ни при каких обстоятельствах не допускал ослабления или нарушения дисциплины. Например, во время успешных операций на Украине в Добровольческой армии участились случаи мародерства. Многие командиры закрывали на это глаза,

оправдывая действия подчиненных плохим снабжением армии. Но Врангель не желал мириться с этим и даже применял во вверенных ему частях публичные казни мародеров в назидание другим.

Успешные действия на юге значительно увеличили фронт наступления. В конце мая 1919 года было принято решение о создании новой Кавказской армии для действий на Нижней Волге. Командующим армией был назначен Врангель. Наступление Кавказской армии началось успешно – были взяты Царицын и Камышин и предпринят поход на Саратов. Но уже к осени 1919 года против Кавказской армии были стянуты крупные силы Красной армии, и ее победоносное наступление было остановлено. Кроме того, от Врангеля в Добровольческую армию, которая наступала к Туле и Москве, были переведены все резервы, что значительно ослабило Кавказскую армию.

Потерпев сокрушительное поражение под контрударами Южного фронта, Добровольческая армия отступила. Остатки белых армий были сведены в один корпус под командованием Кутепова, а Врангелю было поручено отправиться на Кубань для формирования новый полков. К этому времени разногласия между ним и Деникиным, начавшиеся еще летом 1919 года, достигли наивысшей точки. Петр Николаевич критиковал Деникина и за методы военного руководства, и по вопросам стратегии, и за проводимую им гражданскую политику. Он выступал против предпринятого похода на Москву и настаивал на соединении с Колчаком. Результатом разногласий стало то, что Врангель был вынужден оставить армию и уехать в Константинополь.

В марте 1920 года Деникин подает в отставку и просит Военный совет найти ему замену. Новым главнокомандующим Вооруженных сил Юга был избран (единогласно) Петр Николаевич Врангель.

Вступив в должность, Врангель начал первым делом приводить армию в порядок и занялся ее переформированием. Генералы, чьи войска отличались недисциплинированностью, – Покровский и Шкуро, – были уволены. Врангель изменил и название армии – теперь она стала называться Русской армией, что, по его мнению, должно было бы привлечь в ее ряды больше сторонников. Он сам и созданное им «Правительство Юга России» пытались создать на территории Крыма новое государство, которое могло бы вести борьбу с Советами примером лучшего государственного устройства. Проведенные правительством реформы не возымели успеха, и поддержка народа не была получена.

В начале лета 1920 года Русская армия насчитывала в своих рядах 25 тысяч человек. Врангель провел успешную военную операцию по захвату Северной Таврии, воспользовавшись тем, что основные силы Красной армии находились в Польше В августе он отправляет на Кубань морской десант, который, не встретив там поддержки казаков, вернулся в Крым. Осенью 1920 года Русская армия пыталась вести активные действия по захвату Донбасса и прорыву на Правобережную Украину. Численность армии Врангеля к этому времени достигла 60 тысяч человек.

Но вскоре военные действия в Польше были прекращены, и против Русской армии были обрушены пять армий, в том числе и две конные армии под командованием М.В. Фрунзе, численностью более 130 тысяч человек. Всего одна неделя понадобилась Красной армии, чтобы освободить Северную Таврию, прорвать перекопские укрепления и ворваться в Крым. Русская армия, не имея возможности противостоять численно превосходящему противнику, стала отступать. Генералу Врангелю все-таки удалось сделать это отступление не беспорядочным бегством, а организованным отходом частей. Из Крыма на русских и французских кораблях десятки тысяч бойцов Русской армии и беженцы были отправлены в Турцию.

В Турции барон Врангель провел около года, оставаясь вместе с армией, поддерживая в ней порядок и дисциплину. За этот год бойцы Русской армии постепенно разъезжались по свету, а многие уехали обратно в Россию. В конце 1921 года остатки Русской армии были переведены в Болгарию и Югославию.

Вместо распавшейся Русской армии в Париже был основан Русский общевоинский союз (РОВС), который имел отделы в странах, где нашли приют бывшие офицеры и участники Белого движения. Целью РОВСа было сохранение офицерских кадров для будущей борьбы.

До самой смерти барон Врангель оставался руководителем РОВСа и не прекращал борьбу с большевиками. РОВС проводил большую разведывательную работу и имел боевой отдел, разрабатывающий планы проведения вооруженных акций на территории СССР.

Умер Петр Николаевич Врангель в Брюсселе 25 апреля 1928 года, не дожив до своего 50-летия несколько месяцев. Его тело было перевезено в Югославию и торжественно захоронено в Белграде в русском храме Св. Троицы.

ДУГЛАС МАКАРТУР (1880—1964)

Американский военный деятель, генерал армии.

«Американец на все сто процентов, наш «американский кесарь»» – так назвал Дугласа Макартура один из его друзей. В США очень часто кесарями, королями, властителями называют людей, преуспевающих в бизнесе, даже если они по своему происхождению не имеют никакого отношения к высшей знати. Но о Дугласе Макартуре этого сказать нельзя, так как Макартуры были представителями древнего рода и гордились тем, что их предки входили в окружение короля Артура и принадлежали к Рыцарям Круглого Стола. Фамильная шотландка (ткань) Макартуров состояла из трех цветов – зеленого, черного и золотистого, что символизировало цвета местности, где располагалось раньше их родовое владение. Зеленый цвет обозначал сосны, черный – суровость узкой долины, а золотистый – отблеск дрока, росшего в тех краях кустарника. Девизом рода были слова «верой и трудом».

На американский континент Макартуры прибыли в 1825 году. Артур Макартур-старший стал преуспевающим юристом, членом Верховного суда столичного округа Колумбия.

Его сын, Артур Макартур-младший, выбрал карьеру военного. Это и неудивительно, так как его молодость совпала со временем гражданской войны в США. Он рвался на фронт добровольцем, но отец настоял на том, чтобы сын сначала окончил военное училище.

В августе 1862 года Макартур-младший вступил в 24-й Висконсинский пехотный полк. Успешные военные действия северян и знания военного дела самим Макартуром сделали его полковником уже в 19 лет Он храбро сражался и несколько раз был ранен. Последнее для него сражение в гражданской войне произошло 30 ноября 1864 года, когда он получил тяжелое ранение и был вынужден находиться на длительном лечении. До возвращения в действующую армию Артур Макартур-младший служил еще в военном суде Нового Орлеана. В строй он вернулся уже после окончания гражданской войны, в феврале 1866 года в чине второго лейтенанта. (После войны звания, полученные на полях сражений, пересматривались, поэтому полковник Макартур и стал лейтенантом.) Очень скоро он получил звание капитана, а

до звания майора шел 23 года. В дальнейшем он защитил докторскую диссертацию в Национальной школе прав, получил звание генерала и возглавил головной отряд экспедиционного корпуса на Филиппины. Позже он стал военным генерал-губернатором этой колонии.

Будучи северянином, Артур Макартур-младший женился на южанке, Мэри Пинки Харди. Она происходила из аристократической семьи и была дочерью бывшего плантатора-рабовладельца. Этот брак оказался счастливым, супруги прожили вместе во взаимной любви и уважении.

Их сын, Дуглас Макартур, родился 26 января 1880 года в городе Литл-Рок, столице штата Арканзас. Его желание стать военным ни у кого не вызвало удивления, так как перед ним был пример военной карьеры отца. Его мать, сыгравшая немаловажную роль в военной карьере сына, помогла ему поступить в самое престижное военное заведение в Соединенных Штатах – академию Вест-Пойнт, которую он закончил в 1903 году с такими высокими баллами, что был признан лучшим выпускником за всю историю училища.

По окончании академии Дуглас Макартур в звании младшего лейтенанта был зачислен в Инженерный корпус. Свою службу он начал на Филиппинах, затем перевелся в Японию к отцу, который в то время служил военным атташе в этой стране и имел чин генерал-майора. Во время русско-японской войны Макартур сопровождал отца в качестве наблюдателя.

Многие люди делают себе карьеру либо благодаря протекции, либо пробираясь наверх по чужим костям. Дуглас Макартур обладал настолько выдающимися способностями, что помощь отца лишь немного ускоряла его продвижение, не играя решающей роли. Когда человек талантлив по-настоящему, он рано или поздно все равно займет полагающееся ему место.

В 1906 году Макартур вернулся в США и некоторое время служил военным советником при президенте Т. Рузвельте. Вскоре он был произведен в капитаны. В 1914 году он принимал участие в военной экспедиции в Мексику. В 1916 году он начал службу в военном министерстве в должности главы бюро информации. Им был составлен план по активизации Национальной гвардии на случай, если США будут участвовать в Первой мировой войне. В апреле 1917 года после объявления войны Германии Макартур принял участие в формировании пехотной дивизии «Радуга» и в чине полковника стал начальником штаба этой дивизии.

Осенью 1917 года Макартур был направлен на фронт во Францию. На полях сражений Первой мировой войны его дивизия покрыла себя заслуженной славой. Войну Макартур закончил

бригадным генералом.

После войны Макартур некоторое время оставался в Европе в составе оккупационных сил, а в июне 1919 года он получил назначение на должность начальника Вест-Пойнта, став самым молодым начальником академии.

Учитывая прекрасное знание генералом Востока, в 1922 году его назначают командующим войсками США на Филиппинах. Этот архипелаг был захвачен США у Испании еще в 1898 году. Он являлся единственным американским владением, расположенным недалеко от побережья Азии. Обладая большими природными богатствами и великолепным стратегическим положением, эти острова представляли большую потенциальную ценность и играли не последнюю роль в американских планах проникновения в Азию.

В 1930 году генерал Макартур был назначен начальником штаба армии США, но после того как американский конгресс предоставил независимость Филиппинам в 1935 году вернулся на острова в качестве военного советника. Вместе с ним работал майор Дуайт Эйзенхауэр, которого Макартур считал самым талантливым штабным офицером в американской армии. В 1936 году по согласованию с американским правительством филиппинский президент Кесон назначил Дугласа Макартура фельдмаршалом филиппинской армии. Макартур был временно уволен из американских вооруженных сил. Военное министерство США поручило Макартуру создание на Филиппинах войск из местного населения, которые смогли бы сыграть роль вспомогательных сил для американской армии и флота.

В июле 1941 года в связи с японской агрессией Макартур снова был вызван на действительную службу в американскую армию, получив назначение на пост командующего силами США на Дальнем Востоке. Исходя из предположения, что японские войска первый удар нанесут по островам, он получил инструкции по оказанию помощи Филиппинам в случае агрессии. Макартур не верил ни в возможность, ни в желание японцев напасть на Филиппины, поэтому даже после нападения японцев на Пёрл-Харбор он не привел войска в боевую готовность. Правда, утром 8 декабря он поднял по тревоге авиацию, но вместо того, чтобы нанести удар по японским авиабазам на Формозе (Тайване), бомбардировщики покружили над своими аэродромами и приземлились. Как только американские самолеты сели на свои авиабазы, с неба на них посыпались японские бомбы. Более половины машин было уничтожено прямо на летном поле. Так еще до начала вторжения на Филиппины японские ВВС обеспечили себе полное господство в воздухе.

В тот же день на северной оконечности острова Лусон японцы высадили несколько десантных групп, которые через несколько дней овладели расположенными там американскими базами и стали продвигаться на юг, где сосредоточились основные силы Макартура. В течение последующих двух недель японская армия высадила в различных частях острова еще несколько соединений, которые также начали двигаться к столице Филиппин Маниле.

Учитывая тяжесть положения, Дуглас Макартур решил вывести свои войска из неукрепленной столицы. 2 января 1942 года под натиском противника американская армия оставила Манилу и сосредоточилась на полуострове Батаан и в островной крепости Коррегидор, которые прочно запечатывали вход в Манильскую бухту. Макартур решил закрепиться на этом плацдарме и удерживать его до последнего. Для японского командования такой поворот событий был полной неожиданностью. При планировании захвата Филиппин Ставка исходила из того, что основные части армии США окажутся разбитыми в генеральном сражении за столицу, и абсолютно не была готова к затяжной осаде Батаана. Японское командование даже не имело разведданных о состоянии оборонительных сооружений в этом районе. Попытка с ходу выбить Макартура с Батаана захлебнулась. Ему даже удалось окружить и почти полностью уничтожить одну японскую дивизию.

Начальник штаба японской армии, атаковавшей генерала Макартура, писал в Ставку о том, что продвижение частей японской армии очень затруднено, возникли трудности со снабжением и армия понесла большие потери. Несмотря на это, положение войск Макартура было практически безнадежным. Войска было невозможно снабжать ни воздушным, ни морским путем. Только подводные лодки, прорывая блокаду, доставляли особо ценные предметы снабжения. Поэтому запасы продовольствия и боеприпасов постепенно сокращались. 11 марта 1942 года по приказу командования Макартур покинул Коррегидор. Его обязанности принял генерал-лейтенант Уэйнрайт. 3 апреля японская армия перешла в наступление и к 10 апреля полностью захватила Батаан. 36 тысяч американских и филиппинских солдат и офицеров попали в плен. Тем не менее в руках армии США оставался остров Коррегидор. Гарнизон крепости держался до 6 мая, когда после кровопролитнейших боев с японскими десантами генерал Уэйнрайт, понимая бесполезность дальнейшей борьбы, капитулировал.

7 мая 1942 года японская императорская Ставка объявила завоевание Филиппин законченным. Это поражение Дуглас Макартур расценил как личное оскорбление. После захвата

Филиппин японцами Макартур прибыл в Австралию. Там он был награжден медалью Чести и произнес ставшую знаменитой фразу: «Я сделал что мог, но я еще вернусь».

Вскоре Макартур был назначен командующим войсками в юго-западной зоне Тихого океана, включавшей Австралию, Новую Гвинею и Голландскую Ост-Индию. Его новый штаб находился в Брисбене, на восточном побережье Австралийского континента. Генерал сразу включился в спор о путях ведения Америкой войны. Макартур поддержал адмирала Кинга, считая, что нельзя допускать распыления войск на других фронтах, в том числе и в Европе, когда японцы могут перейти в наступление на любом участке фронта, и предлагал открыть второй фронт на Тихом океане. По его мнению, сковав как можно больше японских сил, американцы позволили бы советскому командованию использовать свои сибирские армии на германском фронте. Рассуждая как военный, Дуглас Макартур полагал, что полномасштабные военные действия союзников еще не могли проводиться ни в Европе, ни в Северной Африке. Но, как неоднократно случалось в ходе Второй мировой войны, политические соображения взяли верх над выкладками военных.

Несмотря на недостаток войск, Макартуру удалось остановить продвижение японцев к Австралии и даже одержать ряд побед у Порт-Морсби и на Гуадалканале. Стало ясно, что Япония прошла кульминационную точку своих успехов. Японские армия и флот выдохлись и перешли к обороне. Теперь крупномасштабное наступление союзников было только вопросом времени.

Макартур решил нанести удар по огромному предполью, которое японцы создали на юге и юго-востоке вокруг своего стратегического пространства. Оборона этого региона опиралась на Новую Гвинею и базу Рабаул, расположенную на Новой Британии. Из-за соперничества между армией и флотом США Макартур делил командование с адмиралом Нимицем, но они сумели договориться и работали слаженно. Макартур в сотрудничестве с командованием флота разработал тактику, прозванную в его штабе «прыжками лягушки». Суть ее заключалась в том, чтобы тщательно подготовленными скачками последовательно, одну за другой захватывать островные базы японцев. Умение Макартура координировать воздушные, морские и наземные операции и его способность правильно выбирать время и место для нанесения удара обеспечили успех этой тактики.

22 апреля 1944 года Макартур высадил десант в той части Новой Гвинеи, где его никто не ждал. Японские войска оказались

в тылу наступающей американской армии, и к концу июля американцы прочно удерживали северное побережье острова, создав плацдарм для захвата Филиппин. А 20 октября 1944 года Макартур, высадившись с десантом на Лейте, произнес: «Я вернулся». Он выполнил свое обещание, и американские войска вернулись на Филиппины. Высадка на главный остров архипелага – Лусон была осуществлена 9 января 1945 года вскоре после восхода солнца. После месяца ожесточенных боев войска Макартура овладели крепостью Коррегидор, последним оплотом японцев на Лусоне. В битве за Филиппины японцы потеряли 192 тысячи человек, потери американской армии составили 8 тысяч.

В апреле 1945 года Дуглас Макартур был назначен главнокомандующим всеми вооруженными силами США на Тихом океане. Перед его войсками лежали Японские острова, путь к которым теперь был открыт.

6 и 9 августа 1945 года на японские города Хиросиму и Нагасаки были сброшены атомные бомбы. Такого ужасного зрелища история человечества еще не знала. Те, кто находился вблизи эпицентра взрыва, погибли на месте, оставшиеся в живых получили сильные ожоги. Более 100 тысяч жителей этих городов были убиты.

10 августа император Хирохито объявил о прекращении боевых действий, а на следующий день началась повсеместная капитуляция японских войск.

2 сентября 1945 года на борту корабля «Миссури» в Токийской бухте 65-летний генерал Макартур принял капитуляцию Японии. Вместе с ним в состав военной делегации вошли генерал Персиваль, капитулировавший в Сингапуре, и генерал Уэйнрайт, до последнего сражавшийся в Коррегидоре.

Период американской оккупации Японии продолжался почти семь лет, с сентября 1945-го по апрель 1952 года. Большая часть этого времени верховная власть в стране была сосредоточена в руках генерала Макартура. В истории Японии наступил уникальный период, когда все бразды правления взяла в свои руки американская администрация. Вопреки ожиданиям генерал Макартур стал проводить демократичную и гуманную политику. Ему удалось сохранить старую политическую элиту и одновременно дать стране новую конституцию, уничтожившую остатки феодализма. Многие японцы обращались с просьбами к генералу, который заслужил уважение своих недавних врагов и получил прозвище «некоронованный император».

Макартур оставался в Японии до начала войны в Корее. С началом войны он 8 июля 1950 года был назначен командующим войсками ООН. 15 сентября он провел десантную атаку на

Иньчон, которая вынудила северокорейские войска отступить. После поддержки китайскими добровольцами северокорейской армии Макартур стал выступать за блокаду китайского побережья, а также за бомбардировку ряда объектов Китая. Эти предложения не были приняты правительством Трумэна, и в апреле 1951 года Макартур был освобожден от должности командующего.

На родине, где он не был с 1937 года, его встретили как героя. Макартура пригласили выступить на совместной сессии палат конгресса. Свою речь он закончил словами: «Старые солдаты не умирают, они уходят».

Последние годы жизни Макартур жил очень уединенно и редко участвовал в публичных мероприятиях. Он умер в госпитале «Уолтер Рид» в Вашингтоне 5 апреля 1964 года в возрасте 84 лет.

ПАУЛЬ ЭВАЛЬД ЛЮДВИГ ФОН КЛЕЙСТ (1881—1954) *Генерал-фельдмаршал немецкой армии.*

Фон Клейсты были выходцами из Померании. Род был довольно многочисленный и к началу XVII века разделился на несколько ветвей, которые положили начало новым линиям дворян в Польше, России и Пруссии.

Одна из четырех прусских линий фон Клейстов в дальнейшем была возведена в графское достоинство. Представители мужской линии рода часто выбирали для себя военную карьеру, и более 30 из них были награждены военным орденом «Pour le Merite» («За заслуги»). Высшего воинского чина – фельдмаршала – достигли трое из фон Клейстов. Первым в этом списке стал Фридрих-Генрих-Фердинанд-Эмиль, граф Ноллендорф. Родился он в 1762 году и в возрасте 12 лет стал пажом принца Генриха. С 15 лет он принимал участие в военных действиях, а по окончании военного училища он стал служить при штабе главнокомандующего, князя Гогенлоэ. К 1803 году Фридрих фон Клейст достиг звания генерал-адъютанта и был на хорошем счету у императора. После тяжелого для Пруссии поражения при Ауэрштадте в 1806 году фон Клейст был направлен к Наполеону для переговоров о мире, а затем, уже после Тильзита, он вышел в отставку.

Вернувшись на военную службу, фон Клейст участвовал в походе на Россию в 1812 году в составе войск Наполеона и за заслуги был награжден французским императором орденом Почетного легиона. В кампаниях 1813—1814 годов он отличился в сражениях при Бауцене и Дрездене. Но служба на благо Франции была для фон Клейста, как и многих других прусских офицеров, тяжелой в моральном отношении. И при первой же возможности, а такая была ему дана летом 1813 года, он покинул ряды французской армии. И не просто покинул. Во время сражения при Кульме он вывел свою часть в тыл войскам французского командующего Вандама, чем обеспечил победу в сражении войскам союзников. Потом было сражение под Лейпцигом и осада Эрфурта. Апогеем военной славы фон Клейста стала битва при Лаоне (1814), в которой он нанес сокрушительное поражение маршалу Мармону и захватил 36

орудий.

Его военные заслуги были отмечены титулом графа Ноллендорф, и его имя было присвоено прусскому гренадерскому полку (1889).

Последним, кто носил звание фельдмаршала в роду фон Клейстов, был Пауль Эвальд фон Клейст – один из самых талантливых полководцев Адольфа Гитлера. Он был образцом прусского офицера старой немецкой армии, для которого присяга являлась нерушимой пожизненной обязанностью. Он никогда не шел на компромисс с нацистами, но и не примкнул к заговору против фюрера, хотя тот никогда не питал к фон Клейсту добрых чувств и не скрывал это.

Пауль Эвальд фон Клейст родился 8 августа 1881 года в городке Браунфельс в самом центре Германии. Отцом его был Кристоп Альбрехт Август Гуго фон Клейст – доктор философии, преподававший математику в частной школе. Сын же, следуя традициям рода, выбрал для себя военную карьеру и поступил в военное училище, по окончании которого был зачислен на службу в артиллерийские войска. Но спокойная жизнь в артиллерии мало соответствовала его темпераменту, и в 1912 году молодой офицер перевелся в кавалерию. К началу Первой мировой войны Клейст успел закончить военную академию и получить должность в германском генеральном штабе.

В 1919 году Клейст был зачислен в рейхсвер. Через два года он получил чин майора, а в 1932 году уже был генерал-майором. В отличие от остальных офицеров Клейст встретил 1933 год довольно сдержанно. Несмотря на то что Гитлер почти сразу присвоил ему звание генерал-лейтенанта, аристократ Пауль Эвальд фон Клейст презрительно относился к нацистам и их социальной демагогии, что не замедлило сказаться на его карьере. Хотя в 1936 году он стал генералом кавалерии, Гитлер, проводя чистку армии после «дела Фрича», уволил Клейста из армии.

Но генерал недолго оставался вне военной службы. Приближалась война, и Пауль Эвальд фон Клейст вернулся в строй. Фюрер назначил его командующим танковой группой, которой вместе с 12-й армией фон Листа предстояло прорваться через Люксембург в Южную Бельгию, затем форсировать Маас около Седана и зайти в тыл французским частям у «линии Мажино».

Чтобы ускорить разгром французской армии, германское командование объединило танковые группы Клейста и Гудериана. Танки Клейста были оттянуты на юго-восток и вклинились в разорванный французский фронт, повернув его острием на юг.

Его танковая группа прорвалась через Арденнский фронт и направила «танковый коридор» через оборонительные линии союзников к морю. Перевес сил у немецкой армии оказался настолько велик, что противник у «линии Мажино» был быстро окружен и разгромлен. За войну во Франции фон Клейст получил Рыцарский крест. Опала закончилась.

3 декабря 1940 года Гитлер подписал директиву об оккупации Греции. Захват предполагалось осуществить войсками, пропущенными через территории Болгарии и Румынии. В марте Болгария и Югославия присоединилось к Тройственному пакту. Но через пять дней после подписания договора в Белграде произошел государственный переворот, и к власти пришло правительство, ориентировавшееся на западных союзников и Москву. 27 марта Гитлер срочно собрал совещание, и судьба Югославии была решена.

В ночь на 6 апреля 1941 года Югославия подписала с СССР договор о дружбе и взаимопомощи, а утром того же дня над Белградом появились германские бомбардировщики. Когда в городе запылали первые пожары, танковая группа Клейста, дислоцированная в Болгарии в составе 12-й армии, перешла югославскую границу. Уже в первый день оборона противника была прорвана. Отбросив 5-ю югославскую армию, Клейст взял направление на север. 11 апреля его танки вошли в пригороды разрушенного немецкой авиацией Белграда. Через шесть дней Югославия капитулировала.

6 мая войска 12-й армии двумя клиньями, из Болгарии и покоренной Югославии, вторглись на территорию Греции. Уже 27 мая над Акрополем развивался немецкий флаг, а танковая группа фон Клейста находилась в Афинах.

22 июня 1941 года немецкие войска вторглись на территорию Советского Союза. Группа армий «Юг» фон Рундштедта в составе трех армий и одной танковой группы наносила главный удар в направлении на Киев. В задачу группы армий «Юг» входило уничтожение частей противника в Галиции и на Западной Украине, овладение переправами через Днепр в районе Киева и дальнейшее наступление после переправы через Днепр в глубь территории СССР. Фон Клейст был назначен командующим 1-й танковой армией, которая должна была стать главной ударной силой вермахта на южном направлении.

На Украине были сосредоточены основные силы РККА. В отличие от частей фон Клюге танковая группа Клейста с первых же дней встретила ожесточенное сопротивление. Командующий фронтом маршал Буденный подтянул свежие танковые части, которые контратаковали немцев и сдерживали их продвижение.

До 3 июля продолжались упорные бои. Советские войска отходили очень медленно, часто только после ожесточенных контратак вырвавшихся вперед танковых групп фон Клейста.

4 июля 1-я танковая группа достигла района западнее реки Случь, но обе армии группы «Юг» отставали, преследуя медленно отходящие части Красной армии. В итоге после 12-дневных боев группе армий Рундштедта не удалось вырваться на оперативный простор. Ее армии фронтальным наступлением теснили советские войска, которые, собрав все свои силы, снова контратаковал немецкие части и избежали широкого охвата. Красная армия, неся тяжелые потери, смогла отвести основные части за реки Случь, Западный Буг, Днестр и в район южнее Могилева. Командование и войска РККА оказались на высоте требований, которые предъявил к ним значительно более трудный, чем все предыдущие, театр военных действий. Клейста поражало количество русских танков, участвовавших в контратаках.

5 июля Клейст начал наступление на «линию Сталина» – оборонительные сооружения на старой советской границе. Прорвав укрепленные оборонительные позиции, немецкие танки через несколько дней достигли Бердичева и Житомира. Рундштедт отдал Клейсту приказ захватить Умань, но сильные дожди на несколько дней сделали дороги непроходимыми. Воспользовавшись этим, русские нанесли удары по растянутым флангам 1-й танковой группы. Прошло больше недели, пока Клейст с помощью 6-й армии смог продвинуться к Белой Церкви. Когда после этого он захотел развернуть свои танки на юго-восток, подошедшие части РККА неожиданно ударили по левому флангу, и Клейсту пришлось использовать часть сил для обороны. Только к началу августа войскам группы армий «Юг», постоянно отбивая контратаки, удалось окружить Уманскую группировку Красной армии. В котле оказались 6-я и 12-я армии.

Теперь танковая группа Клейста быстро продвигалась в сторону Кременчуга, но командование Красной армии отвело свои части из Бессарабии. К 24 августа Днепр до самого устья оказался в руках немцев.

6-я армия фельдмаршала фон Рейхенау не смогла с ходу взять Киев, натолкнувшись на мощную группировку советских войск. 22 августа Гитлер отдал приказ об уничтожении Киевской группировки противника. 2-я танковая группа, переброшенная из Белоруссии, начала наступление на юг. Через две недели танки фон Клейста вместе с 17-й армией стремительным броском из района Кременчуга вышли на соединение с Гудерианом. 19 сентября Киев был обойден и взят, и русские, находившиеся в треугольнике Киев – Черкассы – Лохвица, оказались зажаты со

всех сторон. Танковые группы в ожесточенных боях отбивали все попытки противника деблокировать свои войска с востока и расчленили внутри котла окруженные армии. К 26 сентября сражение закончилось. В сводке германского главнокомандования сообщалось о пленении 665 тысяч человек, захвате 3718 орудий и 884 танков.

После окончания битвы за Киев танковая группа Клейста была сосредоточена на восточном берегу Днепра и 24 сентября начала наступление в юго-восточном направлении. Она прорвалась к Запорожью и вместе с 11-й армией генерал-полковника Риттера фон Шоберта в ходе «сражения у Азовского моря» взяла в плен более 100 тысяч человек. Пока переименованная в армию 1-я танковая группа продвигалась дальше на восток, 11-я армия захватила Крым и окружила Севастополь.

20 октября армия фон Клейста подошла к Таганрогу. Там ее застала осенняя распутица, которая совершенно парализовала снабжение войск. Танки буквально тонули на размытых дорогах. В результате Клейст подошел к Ростову-на-Дону только к середине ноября. Дожди сменились морозами, и машины стали вмерзать в грязь. С большим трудом танки буквально вырубали из промерзшей почвы. Когда наконец Клейст был готов продолжить наступление, по его правому флангу ударили три армии РККА, подтянутые с Кавказа. По приказу Рундштедта, несмотря на приказ Гитлера, требовавшего стоять до последнего солдата, Клейст оставил Ростов и отошел обратно к Таганрогу на правый берег реки Миус. Упорная оборона частями РККА Севастополя помешала командованию вермахта бросить 11-ю армию через Керченский пролив и тем самым усилить 1-ю танковую армию, понесшую большие потери. Первая попытка прорваться на Кавказ к вожделенным источникам нефти провалилась.

Германское командование перед началом летнего наступления хотело ликвидировать выступ, образовавшийся в ходе зимнего контрнаступления Красной армии в районе города Изюм юго-восточнее Харькова. Одновременно командующий советскими частями Тимошенко по приказу Сталина готовился отбить Харьков.

Тимошенко опередил немцев на неделю. Впервые используя тактику танковых клиньев, войска РККА двинулись в наступление. Первые несколько дней успех сопутствовал советским войскам, но затем Клейст перешел в контрнаступление. Его танковая группа в течение пяти дней окружила 6-ю и 57-ю советские армии. По немецким официальным данным, в плен попали около 240 тысяч человек.

В конце июня 1942 года на фронте от Таганрога до Курска стояло пять армий вермахта. Группа армий «Юг» была разделена на две части: южную группу «А» под командованием фельдмаршала фон Листа и северную группу «В» под командованием фельдмаршала фон Бока. 28 июня в соответствии с оперативным планом почти миллион солдат вермахта перешли в наступление на южном направлении. Танки Клейста форсировали Северский Донец. Поскольку советское командование ждало наступления на московском направлении, а основная часть сил на юге была уничтожена в ходе последней неудачной операции Тимошенко, Клейст практически не встречал сопротивления. Значительный перевес в живой силе и недостаток в танках не позволяли РККА провести даже местные контрудары.

Форсировав Дон, танки Клейста разделились на две колонны. Одна двинулась на Краснодар, а вторая – в сторону Ставрополя. 8 августа немецкие танки вошли в Майкоп – первый нефтяной район, который, однако, был полностью разрушен отступавшими частями Красной армии. Впоследствии немцы так и не смогли наладить здесь добычу нефти. Одновременно два танковых корпуса, продвигавшихся севернее среднего течения Кубани, повернули на Грозный. Но постепенно начала сказываться оторванность передовых частей фон Клейста от баз снабжения. Коммуникации настолько удлинились, что автоколонны, подвозившие горючее, тратили в пути большую часть груза. Топливо приходилось доставлять на самолетах. 9 августа танки Клейста заняли Пятигорск, но им пришлось несколько недель ждать горючего. 25 числа наступление продолжилось, но вскоре окончательно застопорилось в Моздоке и южнее Нальчика.

В ноябре 1942 года фон Клейст был назначен командующим вновь созданной группы армий «А».

Советское командование планировало встречными ударами Южного фронта и Черноморской группы войск окружить 1-ю танковую армию, прорвав оборону противника на линии Тихорецк – Ростов-на-Дону. В январе 1943 года Красная армия начала наступление и без особых усилий прорвала оборону союзников Германии по фашистской «оси». Положение стало катастрофическим. Клейст засыпал ставку требованиями разрешить отвод войск. Наконец Гитлер буквально в последний момент разрешил отход частей вермахта с Кавказа. 1 февраля 1943 года в разгар сражения Клейсту было присвоено звание генерал-фельдмаршала.

Развивая наступление после победы на Курской дуге, 3-й и 4-й Украинские фронты форсировали Днепр. 1 ноября русские вышли к Перекопу и высадили десант в Керчи. После тяжелых

боев десанту удалось закрепиться, но как Перекопский перешеек, так и Керченский полуостров успешно оборонялись 17-й армией. Однако в апреле 1944 года немецкие войска пришлось эвакуировать.

За неделю до начала Крымской операции 4-го Украинского фронта – 3 марта 1944 года – Гитлер отправил Клейста в отставку. Чтобы смягчить удар, фюрер наградил фельдмаршала мечами к Рыцарскому кресту.

В конце войны Эвальд фон Клейст попал в плен к американцам. По требованию Сталина он в 1946 году был выдан и осужден в Югославии как военный преступник. В марте 1949 года передан СССР. Содержался во внутренней тюрьме МГБ, Бутырской и Лефортовской тюрьмах, а затем во Владимирской тюрьме. 21 февраля 1952 года Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к 25 годам заключения в лагерях. По официальной версии умер во Владимирском централе в октябре или ноябре 1954 года от недостаточности митрального клапана.

ФРАНЦ ЮЛИУС ГАЛЬДЕР (1884—1972)
Германский военный деятель, генерал-полковник.

Франц Гальдер был одним из самых убежденных противников нацистского режима. Он всегда примыкал к группе заговорщиков и пытался устраивать акции против Гитлера. По своей должности он готовил военные операции вермахта, втайне надеясь на их провал, чтобы потом обвинить в неудачах главного врага немецкой нации – Гитлера. Но благодаря профессионализму самого Гальдера, разработанные им военные операции приводили к успеху немецкой армии, и судить победителя было уже невозможно.

Франц Юлиус Гальдер принадлежал к старейшей офицерской семье в Баварии. Его прадед, Антон риттер фон Гальдер получил личное дворянство королевства Баварии в награду за военные заслуги. Его сын, Карл Антон Гальдер, дослужился до чина капитана королевской баварской армии. Его удачная военная карьера была прервана ранней смертью – он скончался в возрасте 45 лет в 1856 году, оставив после себя сына Максимилиана, которому к тому времени исполнилось лишь три года. Максимилиан Гальдер продолжил традиции семьи и выбрал военное поприще. Военную карьеру он закончил в чине генерал-майора на должности коменданта крепости Гермерсхайм. Он был женат на Матильде Штейнхейль, отец которой был гражданином США, а сама она родилась в Лионе и до конца жизни говорила по-немецки с французским акцентом.

Когда 30 июня 1884 года в городе Вюрцбурге у них родился сын Франц, а именно Максимилиан и Матильда были родителями будущего генерал-полковника и начальника генштаба сухопутных войск, его отец служил во 2-м полку полевой артиллерии. Несмотря на то что все мужчины семьи Гальдеров были католиками, мальчика крестили в лютеранской вере, следуя религии матери.

Первые четыре года жизни Франц провел с родителями во Франции, а затем семья переехала в Мюнхен, где Максимилиан Гальдер получил должность адъютанта штаба бригады. Позднее он стал преподавателем инженерно-артиллерийской школы. Франц получил прекрасное начальное домашнее образование и в возрасте шести лет был зачислен сразу во второй класс

протестантской народной школы. Осенью 1893 года он перешел в королевскую гимназию короля Людвига, а через три года он продолжил обучение в классической гимназии Св. Терезы. Во всех учебных заведениях Франц показывал хорошие достижения, хотя учителя всегда отмечали его невнимательность. Но как бы то ни было, в 1902 году он получил отличный выпускной аттестат.

Карьера военного как представителя старинного баварского рода потомственных военных была определена для него самим рождением. Франц не стал нарушать традиции семьи, и отец записал его в 3-й полк полевой артиллерии, в котором сам служил с 1893 по 1895 год командиром батареи, а с 1901 года стал командиром полка.

Начальное военное образование Франц получил в кадетском корпусе, который окончил с высшим баллом. Среди офицеров он выделялся блестящими аналитическими способностями и, прослужив некоторое время в полку, был направлен для продолжения учебы в Баварскую военную академию, которую успешно окончил в 1914 году.

Во время Первой мировой войны он служил в штабах различного уровня. Первое место службы Гальдер получил в штабе дивизии, а в конце войны он работал в штабе группы армий.

Его способности не остались незамеченными, и после окончания войны он остался в рейхсвере – армии, созданной по условиям Версальского договора. Он получил назначение в военное министерство, в отдел боевой подготовки.

В 1920 году он был переведен в Мюнхен в штаб 7-го военного округа на должность преподавателя тактики. В 1923 году Франц Гальдер снова вернулся в войска, где оставался до 1929 года. Затем его снова перевели на работу в военное министерство и в том же году присвоили звание полковника.

Начиная с 1933 года, с момента прихода Гитлера к власти, военная карьера Гальдера стала быстро идти в гору. В 1934 году в звании генерал-майора он получает назначение в штаб 6-го военного округа в Мюнстере на должность начальника штаба. Через год он стал командиром 7-й Баварской дивизии. Затем его производят в звание генерал-лейтенанта и назначают на должность обер-квартирмейстера генерального штаба (в его обязанности входило оперативное руководство войсками). В 1935 году генеральный штаб возглавил генерал Людвиг фон Бек.

Бек был профессиональным военным и прекрасно понимал, что немецкая армия еще не готова к войне. Кроме того, Бек считал, что для Германии необходим прочный военный союз с Англией. Он начал самостоятельно предпринимать определенные

шаги в этой области, за что, впал в немилость. Он был категорически не согласен с Гитлером, который требовал решительных военных действий. Бек пытался уговорить высший генералитет выступить против фюрера и тем самым отложить начало военных действий в Европе. Но после заявления Гитлера, что, несмотря ни на что, он в ближайшее время введет войска в Чехословакию, поняв, что переубеждать фюрера бесполезно, он подал в отставку.

На место фон Бека был назначен Франц Гальдер. 27 августа 1938 года генерал артиллерии Франц Гальдер вступил в новую должность. Он стал начальником штаба главного командования сухопутными войсками (ОКХ). Уже к этому времени у него сложилось определенное мнение о Гитлере, и он решил устранить фюрера при помощи переворота.

Для этой цели Гальдер встретился с председателем рейхсбанка Ялмаром Шахтом и предложил ему сформировать новое правительство. Одновременно он вступил в контакт с командующим 3-м берлинским военным округом генерал-лейтенантом Эрвином фон Вицлебеном, который взял на себя военную часть заговора. Переворот должен был произойти после официального объявления Англией войны Германии. К заговору были привлечены воинские подразделения, в задачу которых входили захват правительственных зданий и арест верхушки НСДАП во главе с Гитлером. Все было готово к свержению нацистов, но переговоры в Мюнхене сорвали заговор. Сам фюрер не подозревал, что он и вся его система были так близки к гибели. В 1969 году, когда английский журналист в интервью с Гальдером коснулся темы Мюнхенского договора, старый генерал вскочил со стула и, показывая на корреспондента пальцем, закричал: «Ведь это ваш, ВАШ премьер-министр не дал нам расправиться с Гитлером еще в 1938 году!!!»

После неудачи Гальдер не отказался от намерения любым способом устранить Гитлера. Вместе с фон Вицлебеном он разрабатывал план нового переворота, по которому к 1940 году в каждом военном округе должны были быть созданы тайные ударные группы, которые по сигналу из Берлина арестуют партийных руководителей и захватят власть в стране. Но пока долг военного призывал Гальдера исправно выполнять свои служебные обязанности. Он продолжал заниматься разработкой оперативных планов вторжения вермахта в соседние страны. После оккупации всей территории Чехословакии Гитлер вынес Гальдеру личную благодарность за великолепно спланированную операцию.

После удачного проведения польской кампании осенью 1939

года Гитлер пригласил в рейхсканцелярию всех командующих группами армий и руководство вермахта. Он объявил, что намеревается напасть на Францию. Это заявление шокировало германский генералитет. Браухич и Гальдер продемонстрировали схемы и выкладки о состоянии войск, снаряжения и боеприпасов, которых хватило бы только недели на две. Но фюрер не желал ничего слушать и назначил дату вторжения во Францию через территории Бельгии и Голландии на 12 ноября.

Гальдер стал разрабатывать новый оперативный план и готовить очередной заговор. Центром действий заговорщиков стала штаб-квартира Генерального штаба в Цоссене. Гальдер планировал после убийства фюрера и отстранения НСДАП от власти сразу же подписать мирный договор с Англией. Германия вновь превращалась в государство с федеративным устройством в границах 1937 года. Покушение на Гитлера состоялось 8 ноября 1939 года. Взрыв в мюнхенской пивной, где было установлено взрывное устройство, оборвал жизнь нескольких старейших членов партии. Гитлер же спасся. Стоял ли за этим взрывом Гальдер или кто-то еще, до настоящего времени неизвестно.

Тем не менее после этого фюрер перестал кричать на своих генералов, и дата вторжения была перенесена на более поздний срок. (Затем дата вторжения во Францию переносилась еще 14 раз.)

Франц Гальдер снова подчинился приказу фюрера и принялся за разработку детального плана вторжения. Понимая, что для прорыва через укрепленную «линию Мажино» вермахт не располагает достаточными силами, он предложил измененный план Шлиффена 1914 года. Во время предварительного обсуждения плана на встрече с Гитлером фюрер высказал предложение об отвлекающем ударе в Голландии, чтобы оттянуть силы англичан в этот район. Не поддержав план Гальдера и Браухича, Гитлер велел им пересмотреть его. Но в результате за основу был взят план фон Манштейна, который в конце октября 1939 года был представлен им на рассмотрение ОКХ. Его план предусматривал заманивание противника на территорию Бельгии и Голландии отвлекающим ударом по этим странам, а затем нанесение главного удара в обход армий противника через Арденны с последующим их окружением. План, получивший название «Гельб», был переработан, а сам его создатель (Манштейн) был отправлен в войска.

В дальнейшем Гальдер и Браухич были отстранены от планирования операций по оккупации Дании и Норвегии. Гитлер, видимо, решил таким образом наказать строптивых штабистов. Но эти операции едва не окончились поражением вермахта, и

управление войсками снова вернулось в ОКХ.

После поражения и капитуляции Франции Франц Гальдер был произведен в чин генерал-полковника. К этому времени он уже отошел от участия в заговорах против фюрера.

В июле 1940 года Гитлер объявил о намерении нанести удар по СССР. Он потребовал тщательной подготовки этой операции, намереваясь провести ее за пять месяцев. Он заявил на совещании с высшим генералитетом: «Чем скорее мы разобьем Россию, тем лучше. Операция только тогда будет иметь смысл, если мы одним ударом разгромим государство. Одного захвата известной территории недостаточно. Остановка зимой опасна. Поэтому лучше подождать, но потом, подготовившись, принять твердое решение уничтожить Россию».

5 декабря 1940 года Гальдер предоставил фюреру доклад, посвященный исключительно тому, как разгромить части РККА (Красной армии), развернутые в западной части СССР. Гальдер предложил разделить силы вермахта на две группы армий, которые наступали бы в северном и южном направлениях. Северная группа армий наступает по линии Варшава – Москва, на которой имелись хорошие шоссейные и железные дороги. Ее задача – захват Москвы и Ленинграда. Южная группа армий наступает на Киев и Ростов. Фронт РККА должен был быть прорван танковыми клиньями, которые бы расчленили и окружили основные силы противника, не дав им уйти на восток, вглубь страны. Конечной целью операции был выход германских войск на линию Астрахань – Архангельск.

После недели раздумий Адольф Гитлер согласился с планом начальника штаба ОКХ и 18 декабря 1940 года подписал директиву «Барбаросса». С небольшими изменениями план Гальдера был принят. Вермахт стал готовить наступление на Советский Союз.

Восточная кампания с самого начала стала развиваться совсем не так, как спланировал ее Франц Гальдер. Если на севере и в центре вермахт достиг значительных успехов, то на юге наступление было сорвано. В этой обстановке Гитлер меняет первоначальный план и приказывает группе армий «Центр» после разгрома противника в Белоруссии передать все свои танковые соединения группам армий «Юг» и «Север». Гальдер, понимая, что это может погубить всю операцию, оспаривал это решение фюрера. Но Гитлер настоял на своем и подписал директиву. После этого Гальдер предложил Браухичу вместе подать в отставку. Браухич с большим трудом смог отговорить своего начальника штаба от столь резкого решения. Вскоре Гальдер добился продолжения наступления на Москву, но было уже

слишком поздно.

После провала операции «Тайфун» фон Браухич вместе с другими генералами и фельдмаршалами был отправлен в отставку. Франц Гальдер, которого Гитлер недолюбливал и к которому с каждым днем относился все хуже, остался на своем посту начальника Генерального штаба.

Окончательный разрыв Гальдера и Гитлера произошел весной 1942 года. Гальдер открыто выступал против одновременного наступления немецких армий сразу в двух направлениях – на Волгу и Кавказ. Он позволил себе кричать на Гитлера в присутствии всего штаба Ставки, обвиняя его в неумении руководить военными действиями и планировать наступательные операции. А когда Гитлер стал рассуждать о полном разгроме Советского Союза, Гальдер не выдержал и сказал фюреру, что его полководческие решения не имеют ничего общего с реальностью, так как военный потенциал СССР гораздо мощнее немецкого и русские выпускают по 1200 танков в месяц, что Германии не под силу. В ответ Гитлер приказал Гальдеру замолчать и через месяц снял его в должности начальника штаба ОКХ.

После покушения на Гитлера 20 июля 1944 года Гальдер был арестован и отправлен в концентрационный лагерь Флессенбург, а затем переведен в Дахау. Из лагеря он был освобожден американскими войсками в апреле 1945 года. Против него не были выдвинуты обвинения в военных преступлениях. В дальнейшем он и ряд других немецких генералов работали над подробным отчетом о проведении Германией военных операций в годы Второй мировой войны по просьбе исторического отдела управления армии США.

В 1950 году он работал в ФРГ, где ему было поручено разработать план создания бундесвера. Для этой цели правительство страны создало специальный «рабочий кабинет Гальдера».

Затем Франц Гальдер в течение 14 лет проработал в историческом отделе управления армии США. В 1961 году он был удостоен американской Почетной медали за службу обществу, которая является высшей гражданской наградой в США.

Гальдер скончался 2 апреля 1972 года.

ВАЛЬТЕР ФОН ЗЕЙДЛИТЦ-КУРЦБАХ (1888—1976)
Немецкий генерал.

Сталинградская битва была для командования вермахта одним из крупнейших поражений во Второй мировой войне. В ходе битвы 6-я немецкая армия фельдмаршала Паулюса попала в окружение и 2 февраля 1943 года капитулировала. В плен была взята 91 тысяча немецких солдат и офицеров, в том числе 24 генерала. Одним из них был Вальтер фон Зейдлитц-Курцбах.

Вальтер фон Зейдлитц-Курцбах был представителем немецкой аристократии, чей род уже не одно столетие служил монархам Пруссии (Германии). Самым знаменитым предком Вальтера был генерал-лейтенант Вильгельм Фридрих фон Зейдлитц-Курцбах, сподвижник Фридриха Великого.

Другой представитель этого рода, генерал-майор Флориан фон Зейдлитц-Курцбах, взял на себя смелость провести несанкционированные переговоры с Россией в период наполеоновских войн. Это привело к заключению мира между Россией и Пруссией, что фактически означало отмежевание Пруссии от союза с Францией.

Рисковать головой и проявлять самостоятельность в решениях, вероятно, было наследственной чертой мужчин этого рода. Вальтер фон Зейдлитц-Курцбах также относился к числу тех военных, которые не считали себя обязанными бездумно повиноваться приказам. Он умел и считал для себя возможным принимать самостоятельные решения, если того требовали обстоятельства. Во время Сталинградской битвы он не раз предлагал начать не санкционированные фюрером действия и был, пожалуй, одним из немногих офицеров вермахта, которые могли решительно действовать (и действовали) вопреки приказам Гитлера.

Вальтер Зейдлитц родился в Гамбурге-Эппендорфе 22 августа 1888 года в семье военного. Его отец Александр вступил в брак в возрасте 34 лет, однако имел 10 детей. Вальтер был в семье третьим ребенком. Сначала он прошел полугодовой курс базового военного обучения в Данциге, а затем поступил на курсы подготовки офицеров в Ганновере. В 1910 году он был произведен в младший офицерский чин и зачислен в 36-й артиллерийский полк.

Первую мировую войну он встретил в Восточной Пруссии и

все четыре года провел на фронте. За первый год войны на Восточном фронте он был трижды ранен, но снова возвращался в строй.

В январе 1915 года Зейдлитц был произведен в обер-лейтенанты. Летом того же года он получил четвертое ранение, а после возвращения из госпиталя вместе с полком был переброшен на Западный фронт. Он принимал участие в битве на Сомме (1916), в сражениях под Ипром и во Фландрии (1917) и наступлении Людендорфа (1918).

В 1917 году Зейдлитц получил звание гауптмана и назначение на должность адъютанта батальона. Через некоторое время он был переведен в штаб 36-й пехотной дивизии.

За участие в военных действиях Зейдлитц был награжден Железными крестами 1-го и 2-го классов, орденом Дома Гогенцоллернов, Ганзейским крестом и серебряным знаком за ранения. В годы войны погибли два его брата. После войны он вместе с полком вернулся в Данциг. В 1919 году он стал командиром батареи, а в 1920 году часть, в которой он служил, была переименована во 2-й артиллерийский полк и переведена в Шверин, так как Данциг по условиям Версальского договора перестал принадлежать Германии. Во 2-м артиллерийском полку Зейдлитц прослужил в течение девяти лет под командованием Вернера фон Фрича.

В 1929 году Зейдлитца перевели в Берлин и назначили на должность адъютанта в управлении вооружений. На следующий год он был произведен в майоры. В министерстве Зейдлитц прослужил до 1933 года.

В 1934 году он вернулся на действительную службу в войска в качестве командира 4-го горно-стрелкового батальона 6-го артиллерийского полка. В том же году он получил звание оберст-лейтенанта. Через два года Зейдлитц становится командиром полка, который был переименован в 22-й артиллерийский.

Начало Второй мировой войны Зейдлитц встретил на голландской границе, где ему поручили командование 102-й артиллерийской частью. В 1940 году он получает под свое командование 12-ю Мекленбургскую пехотную дивизию и производится в чин генерал-майора. Вместе с дивизией он участвует во Французской кампании, во время которой награжден Рыцарским крестом за успешные действия вверенной ему части. Во Франции он находился и после капитуляции в составе оккупационных сил. Затем его дивизия была переброшена в Нидерланды и далее в Польшу.

22 июня дивизия Зейдлитца вторглась на территорию Советского Союза в составе армии вермахта. В первые месяцы

войны с СССР его дивизия отличилась во многих сражениях, и в декабре 1941 года Зейдлитц был произведен в генерал-лейтенанты. Затем он был вызван в Берлин, где Гитлер лично наградил его дубовыми листьями к Рыцарскому кресту. Зейдлитц был оставлен в резерве фюрера и стал выполнять обязанности офицера Ставки.

В начале 1942 года он снова был отправлен на Восточный фронт. Под его командованием были 5-я стрелковая, 122-я и 129-я пехотные дивизии. В их задачу входила помощь 2-му корпусу по выходу из окружения под Демянском. С этой задачей Зейдлитц справился прекрасно. Но положение немецких частей в этом районе было очень уязвимым, и единственным выходом в такой ситуации было отступление. Благоразумность такого решения понимали все – и Кюхлер, командующий группой армий «Север», и Гальдер, начальник штаба сухопутных войск, но Гитлер своей санкции на отступление не дал. Он хотел использовать выступ под Демянском для будущего контрнаступления, и никакие аргументы о том, что эта болотистая, поросшая лесом местность непригодна для танковой атаки, не могли переубедить его. Почти год объединенные со 2-м корпусом дивизии Зейдлитца удерживали этот выступ, отражая многочисленные атаки советских частей. Предполагаемое наступление так и не было предпринято, а выступ был ликвидирован после поражения немецких войск под Сталинградом.

В мае 1942 года Зейдлитц был назначен командиром корпуса, входившего в состав 6-й армии Паулюса. Летом того же года он был произведен в генералы артиллерии. Его корпус участвовал во втором сражении за Харьков, где ему вместе с 17-м корпусом Холлидта удалось удержать превосходящие в несколько раз по численности части Красной армии до подхода 1-й танковой армии фон Клейста. Сражение закончилось окружением советских войск: в плен были взяты более 200 тысяч солдат, уничтожено 1250 танков и более 2 тысяч орудий.

Во время наступления на Сталинград удача изменила корпусу Зейдлитца. Начав штурм города 7 сентября, его войска продвигались крайне медленно, так как им приходилось отражать постоянные контратаки частей Красной армии и, кроме того, продвижение было затруднено преградами и завалами, которые приходилось расчищать. К 13 сентября Зейдлитц взял Мамаев курган, но это только усилило сопротивление частей РККА. Когда же возможность окружения 6-й армии Паулюса стала реальной, Зейдлитц, несмотря на приказ Гитлера стоять до последнего, стал настаивать на немедленном прорыве и отступлении. Но Паулюс отверг несанкционированный план прорыва, сказав: «Я не могу

идти против воли Гитлера и не могу двинуться без его разрешения».

Зейдлитц не подчинился приказу и решил отвести большую часть своих войск из-под удара, сохранив ее для будущего прорыва. Но сделать этого ему не удалось, так как, заметив перемещение, советские войска атаковали отходившие части, нанеся им серьезный урон.

За неподчинение приказу Зейдлитца хотели привлечь к суду, но Паулюс не стал заводить дело.

Решение не уходить из Сталинграда означало конец для 6-й армии. Спасти ее мог только командующий, который отважился не подчиниться приказу фюрера. Зейдлитц, и не только он, рекомендовали Паулюсу идти на прорыв. В корпусе Зейдлитца было уже уничтожено все лишнее снаряжение, которое мешало бы на марше. Но Паулюс остался непреклонен.

В начале января 1943 года советское командование предложило Паулюсу сдаться, но он даже не ответил на ультиматум. После очередного наступления частей Красной армии Зейдлитц сам предложил Паулюсу сдать город, но Паулюс снова ответил отказом. Тогда Зейдлитц отдал приказ по своему корпусу, разрешающий сдаваться в плен, если станет ясно, что сопротивление бесполезно. Сам Зейдлитц попал в плен 30 января.

Вальтер фон Зейдлитц был отправлен в лагерь для военнопленных, где был подвергнут идеологической обработке. Еще до плена он был убежден, что любое действие, которое ускорит падение Гитлера, станет благом для Германии. А Сталинград и плен окончательно убедили его в этом.

Согласившись на сотрудничество, Зейдлитц был переведен в Лунево, где он и еще около ста немецких офицеров образовали Лигу германских офицеров, председателем которой стал Вальтер фон Зейдлитц. В задачу Лиги входила пропагандистская работа по деморализации немцев, попавших в окружение, с целью убедить их сдаться. В распоряжение Лиги были предоставлены радиоустановки, громкоговорители и агитационные грузовики. Но первый же опыт не принес положительного результата, и стало ясно, что затея с Лигой была неудачной.

26 апреля 1944 года военный трибунал в Дрездене приговорил Зейдлитца заочно к смертной казни как виновного в государственной измене. От его жены потребовали начать бракоразводный процесс. Но, несмотря на развод, жена Зейдлитца была арестована и заключена в тюрьму. То же произошло с его дочерьми и зятем. Младшие дети были отправлены в детский концентрационный лагерь.

Судьба Зейдлитца также оказалась нелегкой. После провала

Лиги он был отправлен в Ростов и содержался в довольно жестких условиях. В Ростове он находился до 1954 года, не имея никаких сведений о семье. Затем он был переведен в Москву в Бутырскую тюрьму.

Только после посещения СССР канцлером ФРГ Аденауэром, который потребовал освободить из советских тюрем всех заключенных немцев, большинство их были выпущены на свободу.

Вальтер фон Зейдлитц вышел из тюрьмы в октябре 1955 года. Он воссоединился с семьей и жил в уединении в Бремене. Он скончался 28 апреля 1976 года.

ШАРЛЬ ДЕ ГОЛЛЬ (1890—1970) *Президент Франции.*

Шарль де Голль родился в городе Лилль 22 ноября 1890 года в аристократической семье. Еще в детстве он узнал от отца, любившего рассказывать своим детям об их знаменитых предках, историю рода де Голлей, который на протяжении веков «помогал королям создавать Францию». В семейных преданиях говорилось, что первое упоминание о роде де Голлей относится к 1210 году, когда король Филипп-Август пожаловал Ришару де Голлю ленное владение в Эльбеже. Самым знаменитым предком был шевалье мессир Жеан де Голль – участник Столетней войны, правитель Орлеана. В 1406 году он с отрядом арбалетчиков штурмовал Шарантон. В 1413 году он по приказу короля защищал ворота Сен-Дени, которые осаждал герцог Бургундский. Через два года он храбро сражался при Азенкуре, но сражение окончилось поражением французов. Англичане, захватившие Нормандию, предложили Жеану де Голлю перейти на службу к английскому королю, но он отказался, хотя и утратил все свои владения в Бургундии. За доблестную службу король Франции вознаградил верного рыцаря владением в Кьюзери. Жеан де Голль был одним из шести рыцарей, сопровождавших Жанну д'Арк во время ее визита к дофину – будущему королю Франции Карлу VII.

В дальнейшем генеалогическое дерево де Голлей дало новые ветви, но в последующие века представители рода не играли сколько-нибудь заметной роли в истории Франции. В XVIII веке среди них встречаются не только воины, но и наместники, советники парламентов, адвокаты и прокуроры. Во время Великой французской революции, как и многие дворяне, де Голли попадают под карающую десницу народного гнева. Одним из них был Жан-Батист-Филипп де Голль – разоренный и посаженный в тюрьму. Но благодаря перевороту 9 термидора он получил свободу, а затем постепенно приспособился к новым порядкам. При Наполеоне он дослужился до поста директора военной почты Великой армии. Его сын, Жюльен-Филипп, женился на дочери владельца табачной фабрики Жозефине Майо, соединив тем самым аристократию и буржуазию. В этом браке было трое сыновей. Старшие – Шарль и Жюль – посвятили свои жизни науке: Шарль стал историком, а Жюль – энтомологом. Как ученый Жюль де Голль приобрел известность, составив «Каталог

перепончатокрылых Франции», в котором описал пять тысяч видов ос и пчел. Младший сын, Анри, начал с карьеры военного и принял участие во франко-прусской войне. Стать офицером он не пожелал и решил быть чиновником, получив должность сотрудника префектуры департамента Сены. На этом месте Анри де Голль задержался не долго – он подал в отставку в знак протеста против увольнения одного из сотрудников департамента. Не имея большого состояния, он стал преподавателем философии и литературы в парижском католическом коллеже Непорочного зачатия. Он был человеком правых взглядов и называл себя «тоскующим монархистом». В 1886 году он женился на своей кузине Жанне Майо-Делоней и еще раз породнил аристократию с промышленной буржуазией. Мать де Голля была женщиной глубоко религиозной и своих детей, а их было пятеро, воспитывала в духе католицизма. По линии матери Шарль де Голль не имел выдающихся предков, хотя есть сведения, что один из рода Майо в XVIII веке строил по приказу знаменитого Вобана укрепления города Лилля. Жозефина Майо – бабушка Шарля, была ревностной католичкой. Ее перу принадлежит несколько книг, в том числе биография Шатобриана, и, кроме того, она издавала журнал «Семейная переписка». Две ее дочери, родные сестры матери Шарля, посвятили себя церкви, став монахинями.

Выше всего в семье де Голлей ставили два понятия – нация и родина. Анри де Голль, раненный под Парижем во время войны, сильно переживал поражение Франции. Он часто водил детей на бывшее поле битвы и показывал им памятник погибшим воинам с изображением сломанного меча и эпитафией: «Меч Франции, разбитый в доблестных руках павших, будет снова выкован их потомками». Гуляя по Парижу и его окрестностям, отец рассказывал детям о самых славных страницах истории их родины. Юный Шарль с детства впитал восторженный патриотизм и оказался наиболее восприимчивым к понятию национальной гордости.

Образование Шарль получил в коллеже иезуитов, а затем поступил в высшее военное училище Сен-Сир. Окончив училище в 1912 году, он был зачислен в пехотный полк. К этому времени он уже задумывается о собственном назначении в жизни и считает, что ее смысл «состоит в том, чтобы совершить во имя Франции выдающийся подвиг».

С началом Первой мировой войны де Голль отправился на фронт. Он храбро сражался и был произведен в капитаны. За время войны де Голль был трижды ранен, а в 1916 году в бою под Верденом его сочли убитым и оставили на поле боя, в результате

чего он попал в плен. Пять раз он пытался бежать, но безуспешно.

После окончания войны де Голль вернулся на родину и продолжил службу в армии. В 1924 году он окончил Высшую военную школу в Париже (французский эквивалент Академии Генерального штаба). Свои размышления о проблемах французской армии и ее реформировании он воплотил в двух книгах – «На острие шпаги» и «За профессиональную армию», изданных в 1932 и 1934 годах. Одна из них была посвящена общим вопросам военного строительства, а другая – переходу французской армии на профессиональный принцип комплектования. Книги сделали его известным среди политиков и военных.

В 1937 году де Голль стал полковником и был направлен в город Мец в качестве командира танкового корпуса.

Вторая мировая война буквально перевернула жизнь Шарля де Голля. В сентябре 1939 года он уже командовал танковыми частями одной из французских общевойсковых армий. После того как в марте 1940 года премьер-министром Франции стал его старый знакомый и в некотором смысле поклонник его военных теорий Рейно, продвижение де Голля по службе пошло еще быстрее. Очень скоро он был назначен командиром дивизии и участвовал в боях при Лаоне 17–20 мая 1940 года, умело сдерживая напор вермахта. В июне 1940 года де Голлю присвоили звание бригадного генерала.

Вскоре Рейно ввел его в реформированный кабинет министров Франции, где генерал отвечал за вопросы национальной безопасности.

В качестве представителя правительства де Голль вел переговоры с Черчиллем, но они были прерваны стремительным наступлением на Францию сил вермахта. Часть французских военных лидеров, прежде всего маршал Петен, считали, что наилучшим выходом для страны была бы капитуляция. Точка зрения этих людей возобладала – Франция капитулировала. Кабинет Рейно ушел в отставку, а лидером страны стал маршал Петен. Подавляющее большинство французов приняли происходящее как должное.

Де Голль не поддерживал сторонников Петена, и 17 июня генерал вылетел в Англию, чтобы продолжить борьбу. 18 июня 1940 года он обратился по английскому радио ко всем французам: «Я, Шарль де Голль, ныне находящийся в Лондоне, приглашаю французских офицеров и солдат, которые находятся на британской территории или смогут там оказаться, установить со мною связь. Что бы ни случилось, пламя французского сопротивления не должно погаснуть и не погаснет». Английское

правительство стало активно поддерживать его инициативы. В августе 1940 года де Голль объявил о создании движения «Свободная Франция», членами которого должны были стать французские солдаты и офицеры, находившиеся в этот период вне оккупированной территории. Девизом движения стали слова «Честь и родина».

Первой военной акцией движения стала высадка десанта в Дакаре с целью подчинения силам «Свободной Франции» западного берега Африки. И 23 сентября 1940 года корабли де Голля в сопровождении британских крейсеров подошли к Дакару. В гавани их поджидала французская эскадра. Десант высадить не удалось – гарнизон крепости не сдавался, несмотря на усиленную бомбардировку авиацией «Свободной Франции» порта и доков Дакара. Через два дня английское командование дало приказ отступить.

В сентябре 1941 года де Голль выступил с заявлением о создании в рамках движения Французского национального комитета, временно осуществляющего функции государственной власти. Англия и США считали претензии генерала необоснованными. Действительно, в то время де Голль еще не мог стать объединяющим звеном, да и его французские колониальные части не очень стремились помогать союзникам в борьбе с немцами.

В 1941 году части де Голля принимали вместе с англичанами участие в операциях против верных правительству Петена французских частей в Сирии. В течение 1942 года его люди установили связь с действовавшими во Франции группами сопротивления и подчинили их своему руководству. При помощи генерала де Голля эти группы стали получать из Лондона оружие, деньги, радиостанции. При этом де Голль не оказывал поддержки ведущим активную борьбу с оккупантами группам сопротивления коммунистической и социалистической ориентации. Только к концу года де Голль встретился с представителями французских коммунистов. Тогда же было принято решение объединить усилия в борьбе с немцами. В январе 1943 года при штабе генерала де Голля в Лондоне действовало представительство ФКП. На территории оккупированной Франции был создан Национальный совет сопротивления (НСС), который возглавил представитель де Голля Жан Муллен.

В годы Второй мировой войны де Голлем проводилась огромная работа по развитию движения Сопротивления. Неутомимый генерал учреждает Французский комитет национального освобождения (ФКНО), формирует Временное правительство, которые были признаны странами-союзницами по

антигитлеровской коалиции.

Открытие второго фронта и высадка союзных войск в Европе послужили сигналом для начала восстания – 6 июня 1944 года. Центральный комитет ФКП приказал начать боевые действия против немцев на всей территории Франции. В тот же день де Голль, выступая по радио из Лондона, призвал всех своих сторонников начать решительное сражение с немцами. В результате восстания охватили 40 из 90 департаментов Франции, а 28 из них были освобождены исключительно силами Сопротивления. Столица Франции получили свободу 25 августа 1944 года. В тот же день в Париж вступили части де Голля. Тот факт, что генерал фактически возглавлял Временное правительство Франции, и дал ему право возглавить страну после освобождения от немцев.

21 октября 1945 года во Франции состоялись всеобщие выборы и референдум об Учредительном собрании. И хотя большинство населения поддержало проект де Голля об Учредительном собрании, он не победил. На всеобщих выборах в парламент победу одержали коммунисты, завоевавшие 152 мандата. Однако, несмотря на это, формирование нового правительства было поручено не коммунистам, а де Голлю, который сумел договориться с представителями других партий.

В начале 1946 года де Голль добровольно покинул свой пост, разойдясь в политических взглядах с представителями основных партий Франции – коммунистами и социалистами. Уйдя в отставку, он в течение последующих 12 лет не принимал активного участия в политической жизни Франции, но внимательно следил за происходящим в стране и, как только в результате проводимых социалистами и коммунистами реформ экономическое положение страны стало ухудшаться, вновь появился на политической арене. В апреле 1947 года он создал движение Объединение французского народа (РПФ). Члены этого движения – бывшие сослуживцы де Голля – требовали установления в стране жесткой президентской власти, которая положила бы конец правительственной чехарде и улучшила бы реальные условия жизни трудящихся. Однако деятельность движения не соответствовала произносимым словам, и по этой причине с начала 50-х годов оно начало катастрофически терять избирателей. В 1953 году де Голль распустил РПФ.

Де Голль не переставал надеяться, что еще сможет встать во главе государства. Мечтам его суждено было сбыться – причиной тому стала алжирская война. Алжир занимал совершенно особое место в системе французской колониальной империи. Коренное население Алжира – арабы и берберы – давно уже боролось за

свою независимость. Во второй половине 50-х годов это движение достигло такого размаха, что на его подавление пришлось отправить значительный военный контингент. Военные, переброшенные в Алжир, были сторонниками де Голля.

Генерал де Голль, хорошо осведомленный о происходившем, начал переговоры с военными в Алжире. В итоге в мае 1958 года там вспыхнул мятеж во главе с генералом Жаком Массю, и военные потребовали возвращения де Голля к власти. Правительство Франции, вступив в тайные переговоры с де Голлем, фактически сдало ему власть. Президент и кабинет министров ушли в отставку, де Голля попросили вернуться в политику, на что он, естественно, согласился.

1 июня 1958 года генерал де Голль представил Национальному собранию программу своего правительства, и оно 329 голосами против 224 выразило ему доверие. Началась следующая эра правления де Голля. Генерал выступал за принятие новой конституции, которая увеличивала бы права президента страны и уменьшила права парламента. На референдуме по проекту новой конституции за нее проголосовали 79 процентов избирателей, и 4 октября 1958 года новая конституция была официально утверждена. Так во Франции была установлена Пятая республика. В декабре 1958 года 68-летнего де Голля избрали президентом Франции. На пост премьер-министра он назначил своего давнего соратника Мишеля Дебре, а в Национальном собрании теперь заседали 188 депутатов-голлистов, объединившихся в партию «Союз за новую республику» (ЮНР). Вместе с представителями правой партии «независимых» они составили в парламенте президентское и правительственное большинство. Во Франции установился режим личной власти.

Первоочередной задачей де Голля стало урегулирование «алжирской проблемы». Он вернулся к власти с твердым намерением вернуть Алжиру независимость. И 16 сентября 1959 года он впервые заявил о праве Алжира на самоопределение. В 1961 году в Алжире вспыхнул мятеж группы военных, которые требовали сохранить колониальный режим. Но мятеж быстро подавили. Сторонники «французского Алжира» провели ряд террористических акций в стране и предприняли даже несколько покушений на жизнь президента де Голля. Окончательно Алжир получил независимость в 1962 году.

В 1965 году де Голль был переизбран президентом республики на новый 7-летний срок. Тем не менее ушел он с политической арены намного раньше. В начале 1969 года кабинет де Голля задумал провести ряд социально-экономических

реформ, к которым его подтолкнули выступления студентов весной 1968 года и всеобщая забастовка. И хотя к лету того же года положение в стране нормализовалось, эти события явно свидетельствовали о серьезном кризисе, постигшем французское общество. Первым шагом на пути реформ стал законодательный проект о новом административном делении Франции и обновлении верхней палаты парламента – Сената. Проект был явно неудачным, но де Голль вынес его на всеобщий референдум. При этом он заявил, что если проект не будет поддержан, то он подаст в отставку. В результате референдума 52 процента французов сказали «нет» новым реформам де Голля.

В апреле 1969 года Шарль де Голль сложил с себя полномочия президента. Он удалился в любимое загородное имение в небольшой деревушке в Бургундии. 9 ноября 1970 года, не дожив 13 дней до своего 80-летия, генерал скончался. В соответствии с волей покойного, не желавшего никаких торжественных церемоний, он был похоронен на скромном сельском кладбище. Проводить его в последний путь приехали представители 84 государств. В память о нем состоялось специальное заседание Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций.